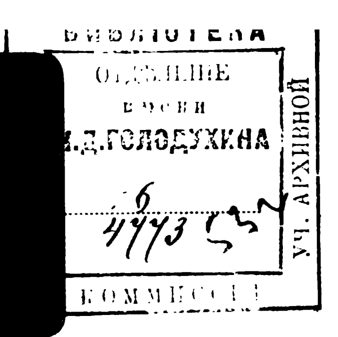

БИБЛИОТЕКА
И.Д.ГОЛОДУХИНА
УЧ. АРХИВНОЙ

VE RI
TAS

26/V

2311

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

и

КРЕСТЬЯНСТВО.

Критическій анализъ Трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ о нуждахъ Сельскохозяйственной промышленности.

П. Д.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковскій переулокъ, домъ Т—ва, № 9.
1904.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
3	7 сверху	свойхъ	своихъ
»	16 »	Комитетовъ,	Комитетовъ
»	9 снизу	существующемь	сущестзующемъ
20	подъ стр.	Teoretische Social-ekonomik	«Theoretische Social-oekonomik»
29	6 сверху	развили	развели
40	2 »	козаков-	козаковъ
44	15 »	собственностъ	собственность
47	4 »	о избѣжаніе	во избѣжаніе
60	9 снизу	№	N
73	16 »	возногражденія	вознагражденіе
»	17 »	отказа	отказѣ
»	» »	срока	срокѣ
82	8 сверху	экономичеекая	экономическая
»	8 снизу	обширнымы	обширными
87	11 »	«по природовѣдѣнію»	«по природовѣдѣнію»,
113	1 и 2 сверху	другихъ законодательныхъ актовъ	другими законодательными актами
143	4 сверху	погашеніе	погашеніи
160	8 »	оказаться	отказаться
161	4 снизу	очевидно	очевидно,
165	10 »	гласный:	гласный,
177	3—4 »	покровительствомъ, тамъ	покровительствомъ тамъ,
197	7 »	насилая	насилія
199	16 »	по пушкинскомъ юбилѣе	на пушкинскомъ юбилеѣ
200	3 »	возбуждать	возбуждая
218	12 сверху	Крестьяне	Крестьяне
220	15 снизу	узаконенія	узаконеніе
224	10 »	отношеній	отношеніяхъ
230	10—11 »	разверстаніе	разверстаніе,
234	9 и 10 »	цыфры	цифры

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
240	8 снизу	обрѣзяя	обрѣзая
241	3 ›	Креестьянскихъ	Крестьянскихъ
243	12 сверху	онѣ	они
›	7 снизу	онѣ	они
248	12 ›	до	то
297	13 ›	вліянія	вліяніе
313	› ›	нельза	нельзя
318	2 подъ стр.	несомнѣнно	несомнѣнно,
349	1 снизу	поземельно	поземельной
351	5 ›	учичтоженію	уничтоженію
359	9 ›	въ силу этого	въ силу этого,
362	2 ›	схода	схода,
371	7 ›	разумѣетсяа	разумѣется,
379	4 подъ стр.	за то только	за то,
383	15 снизу	онѣ	они
384	14 сверху	правительствомъ	правительствомъ,
387	5—6 ›	составленныхъ обществомъ, а не домохозяйствомъ	составленнымъ обществамъ, а не домохозяйствамъ
393	2 ›	слушаетъ	смущаетъ
415	16 ›	не имѣнія	неимѣнія
418	8 подъ стр.	онѣ	они
›	3 ›	который	которое
420	11 сверху	но	и
466	1—2 ›	тысячалѣтней	тысячилѣтней

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе . . . 1
I. Крестьянское землепользованіе . . . 7
II. Вопросъ о народномъ просвѣщеніи . . . 82
III. Крестьянское малоземелье . . . 98
IV. Тяжесть податей и повинностей . . . 125
V. Крестьянская анархія . . . 184
VI. Вопросъ объ организаціи крестьянства . . . 226
VII. Аренда . . . 261
VIII. Природныя препятствія сельскому хозяйству . . . 296
IX. Крестьянское хозяйство и община . . . 322
X. Сибирское крестьянство . . . 349
XI. Переселенческій вопросъ . . . 367
XII. Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ . . . 397
XIII. Земство и общественное самоуправленіе . . . 422
Послѣсловіе . . . 456

Передъ нами 58 томовъ „Трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности". Подвергнуть подробному критическому анализу трудъ каждаго изъ Комитетовъ, даже губернскихъ, было-бы претензіей, неоправдываемой нашими силами; еще менѣе мы считаемъ возможнымъ подвергать подробному и обстоятельному обсужденію особыя мнѣнія отдѣльныхъ членовъ Комитетовъ. Уже потому только, что Комитеты, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ, вошли, при обсужденіи правительственной программы, въ область государственныхъ, научно-экономическихъ, финансовыхъ и внѣшне-политическихъ вопросовъ и задачъ, нашъ трудъ не имѣлъ бы никакого практическаго значенія. Мы не обладаемъ свѣдѣніями и опытностью государственнаго сановника и политика; научныя наши познанія и знакомство съ мѣстными экономическими и иными условіями обширной Россіи тоже не настолько значительны, чтобы мы могли входить въ подробное обсужденіе всей той массы предложеній и требованій, которыя были выставлены „свѣдущими" членами Комитетовъ и которыми Комитеты думаютъ спасти нашу обездоленную деревню отъ экономическаго упадка, нынѣ уже никѣмъ не отрицаемаго.

Впрочемъ позволимъ себѣ замѣтить, что едва ли въ подобномъ подробномъ анализѣ трудовъ Комитетовъ предстоитъ надобность. Мы признаемъ себя не настолько „несвѣдущими", чтобы считать почтенныхъ членовъ Комитетовъ экспертами при рѣшеніи вопросовъ высшей финансовой или внѣшней

международной политики нашего государства; но и въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ области народной экономики можно было признать членовъ Комитета „свѣдущими“ людьми лишь отчасти, и то обстоятельство, что Комитеты сразу встали на почву широкихъ обобщеній вообще и мѣропріятій для хозяйственнаго подъема нашей деревни въ особенности, служить лучшимъ доказательствомъ правильности нашей оцѣнки научныхъ и иныхъ познаній „свѣдущихъ“ людей русской земли, призванныхъ правительствомъ высказаться о нуждахъ нашей деревни и мѣрахъ къ уврачеванію всѣми признаннаго зла ея упадка.

Самая цѣль учрежденія мѣстныхъ Комитетовъ требуетъ разъясненія. Наша печать, какъ выразительница воззрѣній русскаго интеллигентнаго общества, отнеслась къ этому мѣропріятію высшаго Правительства различно. Большинство органовъ печати требовало вмѣсто Комитетовъ созванія земскихъ собраній; но нѣкоторые органы печати отнеслись къ учрежденію Комитетовъ сочувственно, вспоминая плодотворную дѣятельность мѣстныхъ Комитетовъ въ славную эпоху освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Не знаемъ, такъ ли смотрѣло на это высшее Правительство, но позволимъ себѣ утверждать, что подобная точка зрѣнія на современные Комитеты совершенно ошибочна. Губернскіе и уѣздные Комитеты освободительной эпохи состояли изъ дворянъ—помѣщиковъ—того класса, который былъ прямо заинтересованъ въ предстоящей реформѣ соціально и, въ лицѣ своихъ членовъ, лично и имущественно. Простая справедливость требовала, чтобы правительство сообразовалось, при реформѣ, съ желаніями и мнѣніями тѣхъ лицъ, имущественные и соціальные интересы которыхъ были непосредственно затронуты реформой. Кромѣ того русское дворянство само единодушно отозвалось на призывъ Монарха и Верховнаго вотчинника Россіи. Лицемѣрно или нелицемѣрно поступило при этомъ дворян-

ство—для насъ безразлично. Фактъ былъ на лицо.—Учреждая нынѣ мѣстные Комитеты, высшее Правительство, конечно, имѣло въ виду ближе познакомиться съ мѣстными нуждами населенія. Къ сожалѣнію тутъ должно было встрѣтиться слѣдующее затрудненіе. Дворяне-помѣщики въ эпоху крѣпостного права прекрасно знали вотчинно-крѣпостные порядки своихъ хозяйствъ; дворяне-помѣщики нашего времени въ громадномъ большинствѣ никакого хозяйства не ведутъ, а сдаютъ свои земли въ аренду крестьянамъ въ той или другой формѣ. Хозяйствъ съ батраками у насъ ничтожное количество, да и тѣ ведутся не лично дворянами-помѣщиками, а ихъ управляющими. Если прежде дворянинъ былъ сельскимъ хозяиномъ, то въ настоящее время такихъ дворянъ и другихъ частныхъ владѣльцевъ-хозяевъ такъ мало, что они неизвѣстны ни земству, ни правительству. Еще менѣе могли принимать участіе въ работахъ Комитетовъ, крестьяне, хотя были сдѣланы попытки во многихъ Комитетахъ привлечь этихъ главныхъ и многочисленныхъ производителей русской земли къ обсужденію мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ нуждъ. Эти попытки не могли дать должнаго результата и чаще всего вели къ мистификаціи; въ нѣкоторыхъ Комитетахъ подавались крестьянами даже особыя мнѣнія по тѣмъ или другимъ вопросамъ экономической и аграрной политики, но эти крестьяне были „ряженые“.

При существующемъ соціально-правовомъ положеніи крестьянъ въ нашей Имперіи, плодотворнаго участія въ трудахъ Комитетовъ со стороны крестьянъ не могло быть; исключеніе въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ, представляютъ лишь наши прибалтійскія губерніи. Такимъ образомъ въ трудахъ Комитетовъ принимала участіе исключительно наша бюрократическая и земская интеллигенція; производители были прямо устранены отъ участія въ обсужденіи своихъ собственныхъ нуждъ. И тѣмъ не менѣе во многихъ Комитетахъ въ

первомъ же засѣданіи произошло событіе, которое мы не иначе можемъ назвать какъ курьезомъ. Приглашенная въ Комитеты земская интеллигенція предъявила „протестъ" на то, что правительство учредило для обсужденія сельскохозяйственныхъ нуждъ Комитеты, а не обратилось къ земствамъ. Полная солидарность между земствомъ и нашей печатью, другимъ органомъ русской интеллигенціи, выразилась вполнѣ. Чтобы оцѣнить по достоинству этотъ протестъ, мы изложимъ его словами самихъ протестантовъ.

„Образуемые въ губерніяхъ и уѣздахъ Комитеты не могутъ служить выраженіемъ „мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны проектируемыя мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны". Включеніе въ составъ Комитетовъ представителей земскихъ управъ и выслушаніе ихъ мнѣній не можетъ служить замѣной отзывовъ земскихъ собраній. „Мы считаемъ своимъ долгомъ принимать участіе въ занятіяхъ Комитетовъ какъ должностныя лица земскаго управленія, но не считаемъ себя въ правѣ говорить отъ лица избравшихъ насъ земскихъ собраній, такъ какъ не имѣемъ отъ нихъ соотвѣтствующихъ полномочій и руководящихъ указаній". (Моск. XXIII т. Губ. Ком. стр. 17).

„Приступая къ участію въ работахъ губернскаго Комитета, мы считаемъ своимъ долгомъ въ первомъ же засѣданіи Комитета установить точно наше отношеніе къ работамъ въ названномъ Комитетѣ. Если Особое Совѣщаніе признало, что „едва ли цѣлесообразно предпринимать какія либо мѣры, не спросясь мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворять должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія", то отсюда само-собою слѣдуютъ необходимость и неизбѣжность получить мнѣніе земскихъ собраній, ибо только земскія учрежденія являются представителями всего населенія. По серьез-

ному вопросу, затрогивающему интересы всего населенія, мы не считаемъ себя въ правѣ говорить съ достаточной авторитетностью отъ лица земствъ безъ спеціальныхъ на то полномочій отъ своихъ собраній".—(XXVIII Орлов. г. стр. 4) [1]).

Такимъ образомъ земскіе дѣятели убѣждены, что земскія собранія состоятъ изъ сельскихъ хозяевъ, и потому только *эти* собранія могутъ быть судьями въ вопросахъ о сельскохозяйственныхъ нуждахъ. На чемъ основано подобное убѣжденіе? Въ силу закона земства—организованныя мѣстныя самоуправленія, слѣдовательно вѣдаютъ мѣстныя соціальныя нужды, а вовсе не сельскохозяйственныя. Въ дѣйствительности же наши земства являются представителями мѣстной и вообще русской интеллигенціи, а вовсе не производителей и тѣмъ менѣе сельскихъ хозяевъ. Еще курьезнѣе ссылка на то, что члены управъ не могутъ считать себя представителями земскихъ собраній, такъ какъ не имѣютъ на то полномочій. По закону такое представительство лежитъ именно на органахъ мѣстныхъ самоуправленій земствъ, т. е. на управахъ, и если члены управъ считаютъ себя неспособными представлять интересы земствъ, то они должны подать въ отставку. Но главное недоразумѣніе „протестантовъ" заключается не въ приведенныхъ нами соображеніяхъ. Высшее Правительство, въ видахъ аграрной и вообще экономической государственной политики, пожелало узнать мнѣніе „свѣдущихъ" по сельскому хозяйству лицъ и съ этой цѣлью учредило Комитеты. Полагаемъ, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ отрицать у высшаго Правительства права приглашать нужныхъ ему „свѣдущихъ" людей по своему усмотрѣнію. И земскія учрежденія приглашаютъ въ свои „совѣты", по своему усмотрѣнію, „свѣдующихъ" лицъ; почему же земскіе дѣятели

[1]) Высказанные въ другихъ Комитетахъ „протесты" земскихъ дѣятелей повторяютъ изложенныя нами соображенія, а потому мы ихъ не приводимъ.

отрицаютъ право или цѣлесообразность въ дѣйствіи высшаго Правительства, установившаго тотъ составъ членовъ Комитетовъ, который оно признавало съ своей точки зрѣнія наиболѣе компетентнымъ для разъясненія сельскохозяйственныхъ нуждъ?

Мы не отрицаемъ, что высшее Правительство, учреждая мѣстные Комитеты, впало въ ошибку, но эта ошибка ничего общаго не имѣетъ съ „протестомъ" земскихъ представителей. Строго говоря, учрежденіе Комитетовъ нельзя даже назвать ошибкой. У высшаго Правительства не было иного выбора. Частныхъ землевладѣльцевъ—хозяевъ, этихъ скромныхъ тружениковъ русской земли, въ виду ничтожнаго ихъ числа, оно не могло знать; другихъ же „свѣдующихъ" лицъ въ наличности не оказывается. Такимъ образомъ правительству оставалось довольствоваться тѣмъ, что есть. Комитеты составились изъ бюрократической и земской интеллигенціи, въ числѣ которой было не мало лицъ близко знакомыхъ съ бытомъ нашей деревни и отчасти съ хозяйствомъ крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ. Свѣдѣнія и мнѣнія этихъ лицъ, какъ увидимъ ниже, дали не мало цѣннаго матеріала.

Критическій анализъ трудовъ Комитетовъ требуетъ извѣстной системы изложенія. Мы сгруппировали его по отдѣльнымъ вопросамъ, наиболѣе важнымъ для хозяйства сельскихъ производителей, а равно по вопросамъ, которые обратили на себя особое вниманіе Комитетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сочли необходимымъ распредѣлить труды Комитетовъ на отдѣльныя территоріальныя группы: губерніи великороссійскія, малороссійскія, сѣверо и юго-западныя, прибалтійскія и сибирскія области.

I.

Крестьянское землепользованіе.

По вопросу о крестьянскомъ землепользованіи высказалось большинство Комитетовъ, хотя въ правительственной программѣ, предложенной къ обсужденію мѣстныхъ Комитетовъ, онъ вовсе не значится [1]).

Послѣднее обстоятельство дѣйствительно очень странно. Не можетъ быть, чтобы высшее Правительство не сознавало тѣснѣйшей связи между землепользованіемъ крестьянъ и ихъ хозяйствомъ, ибо отношенія человѣка къ землѣ опредѣляютъ прежде всего дѣятельность земледѣльца. Мы думаемъ, что Особое Совѣщаніе потому не коснулось землепользованія крестьянъ, что желало предоставить Комитетамъ полную свободу при обсужденіи этого вопроса и не желало давать малѣйшаго основанія къ тѣмъ нареканіямъ, которымъ подверглось правительство со стороны печати по поводу программы вопросовъ, составленной для губернскихъ Совѣщаній.

---

[1]) Составитель свода трудовъ Комит. дѣлаетъ замѣчаніе (въ введеніи къ своду о крестьян. землепольз.), что правительственная программа совершенно не касалось зависимости сельскохозяйственнаго промысла отъ условій крестьянскаго землепользованія. Это замѣчаніе несправедливо: въ программѣ имѣется п. ч, въ которомъ говорится о разселеніи крестьянъ въ предѣлахъ надѣльной территоріи и уничтоженіи черезполосности. Думаемъ, что составитель свода (авторъ превосходной книги „Зависимость крестьянъ отъ общины и міра“) въ указанныхъ мѣропріятіяхъ не можетъ не видѣть перехода *общиннаго землепользованія къ подворному*.

Большинство Комитетовъ великороссійскихъ губерній отнеслось отрицательно къ общинному уравнительному землепользованію, но въ высшей степени страннымъ является то обстоятельство, что горячими защитниками крѣпостнаго института явились тѣ земскіе дѣятели, которые во главу угла всѣхъ улучшеній хозяйства крестьянъ ставили необходимость коренныхъ измѣненій въ правовомъ строѣ крестьянскаго хозяйства. Это явное противорѣчіе земскіе дѣятели не потрудились разъяснить. Въ дѣйствительности же оно объясняется тѣмъ, что земская интеллигенція подъ „кореннымъ измѣненіемъ въ правовомъ строѣ" крестьянъ разумѣетъ дарованіе имъ общественныхъ и политическихъ правъ, а не гражданскихъ, т.-е. личныхъ и имущественныхъ, не подозрѣвая, что общественныя и политическія права прежде всего имѣютъ цѣлью охрану личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ. Такимъ образомъ, какъ мы сказали, воззрѣнія защитниковъ общиннаго землепользованія находятся въ прямомъ противорѣчіи съ основными началами права и теоріей соціальныхъ наукъ.

Какова аргументація защитниковъ общиннаго землепользованія, читатель можетъ судить изъ нижеслѣдующаго (мы постараемся сохранить выраженія членовъ Комитета съ буквальной точностью). „Когда сорокъ лѣтъ тому назадъ было признано необходимымъ положить конецъ существованію крѣпостного права, то вмѣстѣ съ тѣмъ было провозглашено, что крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, должны быть предоставлены права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу (ст. 2 Полож. 19 февр. 1861 г.)," т.-е. крестьяне, какъ свободные, должны пользоваться одинаковыми правами передъ закономъ со всѣми прочими гражданами государства. „Понятію равенства правъ, *конечно* (!), *отнюдь* (!) не могло противорѣчить сохраненіе за крестьянами тѣхъ формъ пользованія *движимою* (!!) и недвижимою собственностью, которыя выра-

ботались многолѣтнимъ укладомъ крестьянской жизни, каковы общинное землевладѣніе и обычное право“. Эти формы соотвѣтствовали взглядамъ на этотъ предметъ народа и, *„очевидно* (!), не можетъ быть рѣчи (!!) о томъ, что ихъ примѣненіе вноситъ какое-либо умаленіе правъ въ народную жизнь“. Къ сожалѣнію законодательство допустило рядъ отступленій отъ принципа равенства всѣхъ обывателей передъ закономъ, каковыми являются круговая отвѣтственность сельскихъ обществъ по отношенію къ налогамъ, подчиненіе ихъ особымъ судамъ, учрежденіе земскихъ начальниковъ, правила о семейныхъ раздѣлахъ, правила о порядкѣ передѣловъ общинной земли и запрещеніе обществомъ скидки и накидки тяголъ.

Итакъ вся сила аргументаціи защитниковъ общиннаго землепользованія сводится къ выраженіямъ „очевидно“, „конечно“, „отнюдь“, „не можетъ быть рѣчи“! Круговую поруку защитники общиннаго землепользованія признаютъ отступленіемъ отъ принципа „равенства всѣхъ обывателей передъ закономъ“, но при этомъ даже не задаются вопросомъ, возможно ли сохранить уравнительное землепользованіе безъ круговой отвѣтственности домохозяевъ общины? А между тѣмъ жизнь доказала обратное, почему однимъ изъ главныхъ и существенныхъ доводовъ въ пользу отмѣны 165 ст. Полож. о выкупѣ служило то соображеніе защитниковъ общины, что выкупившій по этой статьѣ свой надѣлъ крестьянинъ освобождался отъ обязанности платить выкупные за другихъ членовъ общества, т.-е. освобождался отъ круговой отвѣтственности. Сама по себѣ круговая порука, т.-е. солидарная отвѣтственность субъектовъ права, вполнѣ согласуется съ началами права, но у нашихъ крестьянъ она является неправомѣрнымъ институтомъ потому, что она *принудительная*, а иной, при общинномъ землепользованіи, не можетъ быть.

Крестьяне, говорятъ защитники общиннаго землепользованія, лишены правосудія, они подчинены дѣйствію особыхъ

судовъ [1]); при этомъ, однако, умалчивается, что подобное вопіющее противорѣчіе основнымъ Положеніямъ 19 февраля 1861 г.—прямо результатъ общиннаго землепользованія. Если форма пользованія движимымъ и недвижимымъ имуществомъ имѣетъ значеніе прекарныхъ отношеній, то подобныя отношенія не могутъ защищаться судомъ, ибо они находятся по ту сторону права. О какомъ равенствѣ передъ закономъ можетъ быть тутъ рѣчь? Земскіе дѣятели, защищая крѣпостной институтъ, въ этомъ случаѣ просто лицемѣрятъ [2]).

Умаленіе личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ защитники общиннаго землепользованія видятъ въ особенности въ томъ, что мірскіе приговоры обществъ поставлены подъ контроль государственной власти. И здѣсь мы встрѣчаемся съ полнымъ непониманіемъ юридическихъ отношеній, опредѣляющихъ правомѣрный порядокъ въ государственномъ союзѣ. Общественныя права даруются гражданамъ въ интересахъ государственныхъ, объемъ ихъ и пр. опредѣляется цѣлесообразностью — общимъ благомъ, судьею котораго въ этомъ смыслѣ является Верховная власть. Гражданскія права (личныя, имущественныя, обязательственныя) принадлежатъ субъекту правъ какъ таковому. Государство установляетъ лишь общія нормы этихъ правъ. Тѣмъ менѣе допустима власть общинъ умалять или даровать подобныя права; но разъ по-

---

[1]) Въ дѣйствительности же всѣ вопросы объ имущественныхъ правахъ крестьянъ рѣшаются административнымъ порядкомъ. Высшей инстанціей признается по этимъ вопросамъ административный департаментъ Правительствующаго Сената.

[2]) Должную отповѣдь они получили въ Моск. губ. Комитетѣ отъ Ѳ. Д. Самарина (стр. 53). Поданная имъ записка противъ мнѣнія 19 членовъ Комитета составлена замѣчательно умно, дѣльно и отличается неопровержимою логикою. А между тѣмъ Ѳ. Д. Самаринъ, какъ и всѣ члены славной семьи Самариныхъ, горячій защитникъ общиннаго уравнительнаго землепользованія и несомнѣнный другъ русскаго крестьянства; но лицемѣрить Самарины не способны.

добная аномалія допущена, государство обязано поставить общины подъ свой контроль, иначе возникнутъ вопіющія злоупотребленія, что и оказалось въ дѣйствительности въ нашихъ сельскихъ общинахъ, а потому защита общиннаго произвола со стороны нашей земской интеллигенціи есть новое и прямое доказательство ея лицемѣрія. Вообще замѣтимъ, что какъ только защитники общиннаго землепользованія становятся на почву права, получается рядъ самыхъ возмутительныхъ противорѣчій и софизмовъ, а потому мы посовѣтовали бы имъ оставить право въ покоѣ; съ общиннымъ землепользованіемъ оно ничего общаго не имѣетъ.

Гораздо серьезнѣе доводы защитниковъ общиннаго землепользованія съ точки зрѣнія соціальной экономки. Извѣстно, что съ этой точки зрѣнія защитниками общиннаго землепользованія въ литературѣ являются весьма уважаемыя лица: высокіе сановники Имперіи и ученые писатели (К. П. Побѣдоносцевъ, гг. Тернеръ, Н. П. Семеновъ и мн. др.; Кавелинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и вообще славянофилы), уже не говоря о соціалистахъ каѳедры [1]). Въ комитетахъ были высказаны доводы по этому предмету, прямо заимствованные изъ трудовъ этихъ уважаемыхъ лицъ. Эти доводы сводятся къ нижеслѣдующему.

Уровень земледѣльческой культуры, говорятъ защитники общиннаго землепользованія, зависитъ отъ сложной совокупности экономическихъ условій, опредѣляющихъ выгодность той или иной системы хозяйства для даннаго времени и мѣстности. При отсутствіи, напримѣръ, доходности продуктовъ скотоводства, многопольныя культуры дѣлаются прямо убыточными, ибо скотъ не оправдываетъ расходы по своему

---

[1]) Впрочемъ соціалисты каѳедры защищаютъ общинное землевладѣніе условно—изъ-за принципа, такъ какъ видятъ въ немъ примѣненіе возлюбленнаго ими принципа Zwangwirtschaft.

содержанію. Та же убыточность получается и отъ спеціальныхъ культуръ, если спросъ на ихъ продукты незначителенъ. Вообще при невысокой цѣнѣ на произведенія земледѣльческаго промысла, при отдаленности рынковъ сбыта и несовершенства путей сообщенія, введеніе интенсивныхъ системъ немыслимо. Это и приводитъ къ необходимости широко пользоваться „естественными" силами природы, не производя особыхъ затратъ на ихъ улучшеніе. Условія общиннаго землепользованія именно таковы, что удовлетворяютъ этимъ требованіямъ низкой сельско-хозяйственной культуры. Благодаря черезполосности полей и принудительнаго сѣвооборота, крестьяне имѣютъ обширную площадь для выпаса своего скота. Такой кормъ скуденъ, но полученіе его не требуетъ никакихъ спеціальныхъ затратъ; расходъ на пастьбу скота ничтоженъ. Общность водопоя, свобода прогона и проѣзда тоже сокращаютъ расходы отдѣльныхъ хозяйствъ. При необходимости понизить издержки производства естественныя свойства земли имѣютъ первостепенное значеніе; поэтому крестьянину выгоднѣе получить при разверсткѣ надѣла нѣсколько десятковъ пахотныхъ полосъ, чѣмъ въ одномъ кускѣ. Хозяйство крестьянъ не можетъ выдержать расходовъ, связанныхъ съ хуторскимъ распредѣленіемъ земли, которые могутъ окупиться лишь въ отдаленномъ будущемъ, уже не говоря о дороговизнѣ стойловаго содержанія скота. Наконецъ, разбросанныя нивки застраховываютъ крестьянина отъ неурожаевъ, засухъ, градобитей и пр.

Между тѣмъ подворное землепользованіе, какъ показываетъ опытъ, не свободно отъ черезполосности, принудительнаго сѣвооборота и общей пастьбы скота на паровомъ полѣ. Черезполосность даже усиливается при каждомъ наслѣдственномъ раздѣлѣ, вмѣстѣ съ невѣроятнымъ дробленіемъ земли, тогда какъ въ общинѣ, при передѣлахъ, „отдаляется въ невидимую даль процессъ раздробленія земельныхъ уча-

стковъ въ пыль". „Разверстаніе черезполосности, какъ и переходъ къ высшимъ культурамъ гораздо легче могутъ быть произведены при общинномъ владѣніи, ибо для этого достаточно желанія $^2/_3$ голосовъ, а не согласія каждаго владѣльца какъ при подворномъ. Массовые переходы крестьянъ-общинниковъ отъ залежной системы къ толочной и трехполью, распространеніе унавоживанья полей, введеніе минеральныхъ удобреній и травосѣянія, улучшеніе орудій обработки и др.—служатъ нагляднымъ свидѣтельствомъ того, что передѣлы земли, присущіе уравнительному землепользованію, *отнюдь* не служатъ препятствіемъ развитія сельскохозяйственной техники. При общинномъ землепользованіи улучшенія въ системѣ полеводства происходятъ даже быстрѣе, чѣмъ при подворномъ, ибо община какъ бы подгоняетъ лѣнивыхъ и нерадивыхъ членовъ своихъ". При подворномъ владѣніи иногда даже замѣчается регрессъ культуры. Такъ въ Полтавской губерніи уничтоженіе парового поля привело къ ухудшенію пріемовъ обработки земли подъ озимый посѣвъ. Безтолочная система полеводства привела къ засоренію полей травами, понизила ихъ плодородіе, и это побудило нѣкоторыя селенія къ возстановленію общественной толоки и принудительнаго сѣвооборота. Такимъ образомъ „принципъ принудительнаго регулированія частнаго землепользованія ведетъ не къ пониженію, а, наооборотъ, къ повышенію сельскохозяйственной техники".

Впрочемъ большинство защитниковъ общиннаго землепользованія видятъ въ этомъ институтѣ лишь средство къ переходу къ высшей формѣ производства—кооперации. Обобществленіе земли, по ихъ мнѣнію, приведетъ къ обобществленію труда и прочихъ факторовъ производства. Такимъ образомъ соціализмъ является конечнымъ результатомъ мнѣній и вожделѣній защитниковъ общиннаго землепользованія.

Въ народно-хозяйственномъ отношеніи общинное земле-

пользованіе является великимъ благомъ для государства, ибо земля, этотъ главный факторъ земледѣлія, признается владѣніемъ общины, а не отдѣльныхъ лицъ съ правомъ каждаго члена общины, къ ней принадлежащаго и въ ней рождающагося, на равномѣрное съ другими земельное надѣленіе. Право же личной собственности обращаетъ землю въ товаръ, доступный, при конкуренціи, только богатымъ, почему громадное большинство населенія превращается въ бездомныхъ батраковъ и пролетаріевъ, что подверждается исторіей всѣхъ странъ западной Европы. А такъ какъ фабрично-заводская и торговая дѣятельность въ Россіи мало развита, то уничтоженіе общиннаго землепользованія приводитъ къ народному бѣдствію. Громадная масса народонаселенія будетъ оторвана отъ земли и явится опаснымъ для государственнаго общежитія класомъ пролетаріата. Въ видѣ примѣра приводятся такіе случаи: одинъ помѣщикъ подарилъ въ собственность 20 селеній землю надѣловъ, внеся около милліона рублей выкупной суммы. Всѣ эти селенія „пропились, разорились и дошли до совершенной нищеты только вслѣдствіе того, что міръ, какъ верховный распорядитель общинной земли, пересталъ существовать“. Другой примѣръ относится къ четвертнымъ владѣльцамъ Раненбургскаго и Сапожковскаго уѣздовъ, имѣвшихъ надѣлы размѣромъ до 50 десятинъ; распоряжаясь свободно своими надѣлами, эти крестьяне надавали векселей и лишились своей земли“. То же будетъ и съ прочими крестьянскими землями съ уничтоженіемъ общины.—

Подробную критику всего изложеннаго мы дадимъ при разсмотрѣніи доводовъ „противниковъ общины“ въ Комитетахъ. Въ настоящемъ мѣстѣ ограничимся разсмотрѣніемъ общихъ, принципіальныхъ сторонъ вопроса.

Главный доводъ защитниковъ общиннаго землепользованія заключается въ томъ, что крестьянское хозяйство у насъ

очень плохо, а при такомъ плохомъ хозяйствѣ общинное землепользованіе выгодно. Но почему защитники крѣпостного института не допускаютъ обратнаго заключенія: хозяйство крестьянъ потому такъ плохо, что пріурочено къ общинному землепользованію? Подобное заключеніе имѣетъ весьма серьезное основаніе потому, что общинному землепользованію присущъ характеръ принудительный: оно требуетъ принудительной организаціи, съ чѣмъ согласны и его защитники. Если меня поставятъ въ условія, при которыхъ я могу вести только плохое хозяйство, то связь между моимъ плохимъ хозяйствомъ и этими условіями несомнѣнна, и не мое хозяйство создаетъ эти условія, а, напротивъ, послѣднія являются очевидными причинами моего плохого хозяйства. Г. Тернеръ въ своемъ трудѣ „Государство и землевладѣніе" высказалъ мысль: „не культура слѣдуетъ за формой владѣнія, а форма владѣнія слѣдуетъ за культурой." [1]) Эта мысль ошибочна. О какой „культурѣ" говоритъ ученый писатель? Онъ приводитъ въ примѣръ бытъ охотника и бытъ скотовода. Но охотникъ и скотоводъ—номады, не нуждаются во владѣніи земли, потому что послѣдняя не служитъ объектомъ ихъ хозяйственной дѣятельности. Вотъ почему земля разсматривается номадами какъ res extra commercium или какъ res communis omnium—она стоитъ внѣ оборота. При первыхъ же признакахъ осѣдлости, основныя начала собственности выступаютъ въ отношеніяхъ кочующихъ племенъ настолько ярко, что даже защитники общины принуждены ихъ признать. Захватъ, т. е. оккупація—служитъ основнымъ титуломъ „землепользованія" охотника и скотовода, а оккупація признается юристами естественнымъ и первымъ основаніемъ права собственности. Когда же появляется общинное землепользованіе? И на этотъ вопросъ исторія права нынѣ

---

[1]) Т. I. стр. 178.

можетъ дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Вотчинно-крѣпостной порядокъ составляетъ необходимое условіе для образованія и развитія общиннаго землепользованія, и всѣ народы, болѣе или менѣе, проходили этотъ періодъ своего соціальнаго развитія. Главная ошибка историковъ хозяйства и права заключается въ томъ, что они смѣшиваютъ территоріальныя отношенія съ вещными. Но территоріальное право общественный институтъ, а не гражданскій, и имѣетъ свою исторію. На низкихъ ступеняхъ своего развитія территоріальное право, какъ и другія правовыя (юридическія) отношенія, смѣшивается съ вещнымъ (гражданскимъ), но съ появленіемъ высшаго общественнаго союза—державнаго государства, общественныя отношенія и права переходятъ къ обществу и государству, а вещныя составляютъ основу правопорядка частныхъ лицъ. Вотъ почему даже въ бытѣ охотника и скотовода мы видимъ признаки началъ собственности. Охотникъ начинаетъ смотрѣть на отдѣльные участки лѣса, какъ на свою собственность, скотоводъ начинаетъ огораживать телятники, ставитъ столбъ для коновязи и проч., и участки, такимъ образомъ отмѣченные, признаются его собственностью. Съ появленіемъ идеи права, возникаетъ и репрессія за нарушеніе этого права, притомъ въ самой рѣзкой и суровой формѣ. Такъ у насъ на сѣверѣ каждый домохозяинъ имѣетъ свои ловища и охотничьи участки. Если другой домохозяинъ или посторонній поймаетъ или убьетъ дичь на этихъ участкахъ, онъ обязанъ тутъ же ее пришпилить или привязать съ своимъ знакомъ; если-же онъ унесетъ дичь, то подобный поступокъ признается воровствомъ; рано или поздно, трупъ подобнаго охотника свидѣтельствуетъ о постигшей его карѣ.

Не слѣдуетъ забывать, что при общинномъ землепользованіи владѣльцемъ земли является вотчинникъ, а крестьяне, какъ рабы и холопы, играютъ роль орудія производства;

они не субъекты права, а потому общинное землепользованіе не землевладѣніе и не право: оно относится къ сферѣ прекарныхъ отношеній.

Фразу г. Тернера слѣдуетъ разъяснить въ такомъ смыслѣ, что культура человѣка опредѣляется его экономическими и юридическими отношеніями вообще и, между прочимъ, къ землѣ; но на низкихъ ступеняхъ развитія земля не служитъ объектомъ владѣнія, а лишь играетъ роль конъюнктуры. Но какъ только земля получаетъ значеніе хозяйственнаго объекта, возникаетъ институтъ собственности, ибо другихъ *правомѣрныхъ* отношеній въ сферѣ гражданскаго права не можетъ быть. Конечно, право собственности расщепляется, ибо представляетъ собою полное господство человѣка надъ вещью, но нельзя имѣть представленіе о части, не имѣя представленія о цѣломъ; право же пользованія есть только часть права собственности, прекарнымъ отношеніемъ оно не можетъ быть.—

Всѣ эти положенія для юриста совершенно ясны и не могутъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и вопросъ заключается лишь въ томъ, какъ вліяютъ правомѣрныя отношенія на хозяйственныя дѣйствія и отношенія человѣка. Право—благопріятная или вредная конъюнктура въ народной экономикѣ? Этотъ вопросъ можно разсматривать съ двухъ сторонъ: или отрицаніе права ведетъ къ полному порабощенію личности хозяйственному строю, и человѣкъ обращается въ орудіе производства—таковы рабство и холопство; или, напротивъ, отрицаніе права ведетъ къ полному произволу; потребности удовлетворяются, какъ удовлетворяютъ ихъ животныя. Но животныя только потребляютъ, а ничего не производятъ; хозяйства животныя не ведутъ [1]).

Ученые соціалисты каѳедры останавливаются на первой

[1]) Дѣятельность муравьевъ, пчелъ и пр.—физіологическій актъ, но не хозяйственный.

альтернативѣ и требуютъ введенія Zwang-Wirtschaft, хотя сами признаютъ, что подобное „хозяйствованіе“ не согласуется съ современными этическими воззрѣніями человѣка и иными [1]). Во всякомъ случаѣ такая Zwang-Wirtschaft существовала въ Россіи у государственныхъ крестьянъ, хотя въ очень мягкихъ формахъ; толку отъ нея вышло мало. Ученые соціалисты признаютъ великое значеніе собственности съ точки зрѣнія производства и въ конечномъ своемъ результатѣ оправдываютъ ее; только въ далекомъ будущемъ, когда человѣчество, благодаря собственникамъ, накопитъ такъ много цѣнностей, что ихъ хватитъ на всѣхъ съ избыткомъ, они допускаютъ „возможность“ иного порядка вещей. Наши же защитники общиннаго землепользованія требуютъ сохраненія этого института для крестьянъ по причинѣ ихъ бѣдности и нищенскаго состоянія крестьянскаго хозяйства.

Впрочемъ они допускаютъ возможность прогресса хозяйства и при общинномъ землепользованіи. Этотъ прогрессъ, по ихъ мнѣнію, въ общинѣ идетъ даже быстрѣе, чѣмъ при подворномъ владѣніи. Стоитъ только $^2/_3$ хозяевъ согласиться на подобный прогрессъ—и дѣло въ шляпѣ. Но откуда явится у $^2/_3$ побужденіе къ прогрессу, какъ скоро они связаны принудительнымъ сѣвооборотомъ? Очевидно, подобное побужденіе должно явиться извнѣ, со стороны „начальства“. Къ этому въ сущности и сводятся надежды нашихъ „уравнителей“—къ господству интеллигенціи надъ нашимъ крестьянствомъ. Земская интеллигенція желаетъ прибрать крестьянъ въ свои руки; государственная бюрократія, разумѣется, желаетъ оставить вотчинный органъ управленія крестьянами въ своемъ распоряженіи.—

Никакой прогрессъ въ хозяйствѣ крестьянъ при общинномъ землепользованіи не возможенъ. Ссылки на мнимый

---

[1]) Мы не можемъ здѣсь входить въ подробное опроверженіе этой нелѣпости ученыхъ соціалистовъ каѳедры.

прогрессъ при общинномъ землепользованіи совершенно не корректны. Заимочное землепользованіе сибирскихъ крестьянъ создало прочныя, цвѣтущія крестьянскія хозяйства; искусственно и насильственно введенное у нихъ уравнительное землепользованіе погубило эти хозяйства [1]).

Трехполье у нашихъ крестьянъ вводилось помѣщиками; со времени освобожденія, крестьяне не улучшили своихъ хозяйствъ, а ухудшили ихъ; земское травосѣяніе введено извнѣ на земскія деньги, а не по почину самихъ крестьянъ; оно организовано плохо и дало плохіе результаты, что нынѣ признается самимъ Московскимъ земствомъ, какъ увидимъ ниже. Относительно толоки и мнимаго ухудшенія при переходѣ крестьянъ къ подворному землепользованію, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Съ невѣроятной развязностью защитники общиннаго землепользованія ссылаются на недостатки подворнаго владѣнія нашихъ крестьянъ, умалчивая о томъ, что всѣ эти недостатки созданы вотчинной властью, что мнимые подворники—тѣ же общинники, что четвертные, сѣверо- и юго-западные крестьяне владѣютъ землей на правахъ общей собственности, а не индивидуально-подворной, что они были тоже связаны круговой порукой принудительно, что мобилизація земли и личная свобода такъ же отстутствуетъ у этихъ подворниковъ, какъ у нашихъ общинниковъ. На западѣ же Европы подворная форма землевладѣнія создала и высокую культуру земли и крѣпкое цвѣтущее крестьянство.

Пролетаріатъ въ государствѣ создается не частной собственностью, а общиннымъ землепользованіемъ. На западѣ Европы, гдѣ господствуютъ подворныя владѣнія, сельскаго пролетаріата не существуетъ. Наши уравнители смѣшиваютъ городской пролетаріатъ съ сельскимъ, но вопросъ о го-

---

[1]) См. нашу книгу «Уравнит. землепользован. и крест. хозяйство въ Забайкальск. области»..

родскомъ пролетаріатѣ особый; мы не считаемъ возможнымъ обсуждать здѣсь причины его возникновенія. Каждый общинникъ, говорятъ намъ, имѣетъ право на земельный надѣлъ; каждый свободный человѣкъ, при режимѣ частной собственности и мобилизаціи земли, отвѣчаемъ мы, имѣетъ право купить себѣ землю и сдѣлаться собственникомъ. — „Но бѣднякъ не имѣетъ денегъ, а потому лишенъ возможности пріобрѣсти землю въ собственность.“ Бѣднякъ-общинникъ тоже не можетъ владѣть надѣломъ, ибо не имѣетъ средствъ вести хозяйство. — „Но онъ получаетъ землю даромъ!„ Это-то и дурно, ибо то, что дается даромъ, не имѣетъ цѣнности, потому-то наши крестьяне и убѣгали отъ земли и мѣстами, какъ увидимъ ниже, убѣгаютъ до сихъ поръ. Вообще всѣ эти разсужденія свидѣтельствуютъ о неправильной концепціи экономическихъ факторовъ и незнакомствѣ съ исторіей хозяйства и права.

Экономисты относятъ землю къ тому фактору, который носитъ названіе природы. Природа, по ихъ мнѣнію, великая сокровищница благъ, но двери ея закрыты; онѣ открываются при помощи другихъ факторовъ (капитала [1]) и труда). Въ дѣйствительности природа даже не факторъ, а условіе жизни организмовъ, но жить еще не значитъ хозяйничать. Для хозяйства необходимо самоопредѣленіе разумнаго существа, которое по отношенію къ природѣ выражается овладѣніемъ, иначе говоря господствомъ, т. е. юридическимъ отношеніемъ, именуемымъ правомъ. Поэтому дѣятельность владѣльца и есть то, что экономистъ называетъ природой въ смыслѣ хозяйственнаго фактора. Если двери „сокровищницы“ благъ закрыты, то ихъ открываетъ воля владѣльца-собственника. Но одного овладѣнія для созданія хозяйственныхъ цѣнностей недостаточно, нуженъ еще процессъ производства, въ которомъ при-

---

1) См. H. Dietzel, Teoretische Socialekonomik стр. 163.

нимаютъ участіе еще три фактора: трудъ, капиталъ и предприниматель, организующій производство. Такимъ образомъ всякій хозяйственный процессъ начинается съ присвоенія хозяиномъ силъ природы (вещей), а такое присвоеніе въ гражданскомъ обществѣ носитъ названіе собственности или права собственности. Оно право потому, что служитъ общей нормой для людей. На чемъ же основано это право: людей-хозяевъ много; на одну и ту же вещь можетъ явиться много претендентовъ? Юриспруденція отвѣчаетъ: для права собственности необходимъ титулъ; только тотъ правомѣрный собственникъ, кто имѣетъ этотъ титулъ, оправдывающій его владѣніе [1]).

Экономисты всегда придавали громадное значеніе праву собственности въ производствѣ. Мы не приводимъ здѣсь извѣстныхъ афоризмовъ, такъ какъ они знакомы всѣмъ и каждому. Ученые соціалисты каѳедры выставляютъ такое возраженіе противъ института собственности: для производства нѣтъ надобности владѣть вещью на правѣ собственности; достаточно имѣть право ею распоряжаться (Verfügungsbefugniss).

Но право распоряженія прежде всего характеризуетъ право собственности; для хозяина важно не только то, что онъ можетъ употребить вещь въ производствѣ по своему усмотрѣнію, для него важно также право отчуждать ее. Кредитъ, вещный и личный, необходимъ производителю, а безъ права отчужденія собственникомъ вещей, кредитъ не мыслимъ. Наконецъ я нахожу необходимымъ примѣнить свою хозяйственную энергію въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ производствѣ, но безъ средствъ я не въ состояніи этого сдѣлать. Я продаю свою землю, свою вещь и переселяюсь или начинаю другое производство.

---

[1]) Эти титулы: захватъ, заимка (оккупація), трудъ (спецификація), давность, наслѣдованіе, договоры и т. д.—однимъ словомъ все то, что носитъ названіе правомѣрнаго гражданскаго порядка, согласнаго съ природою человѣка, какъ разумнаго существа, и справедливостью.

Экономисты нашего времени называютъ собственность монополіей. Интересно, что это возраженіе выставляется тѣми самыми лицами, которыя возстаютъ противъ свободной мобилизаціи земли, не подозрѣвая, что свободная мобилизація— лучшее средство противъ монопольнаго характера земельной собственности. Земельную собственность можно назвать монополіей лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ монополіей является всякій факторъ производства, напримѣръ трудъ. Въ этомъ смыслѣ всякій человѣкъ—ходячая монополія. Мнѣ нуженъ одинъ рабочій, а мнѣ предлагаютъ свои услуги десять рабочихъ; разумѣется, я беру наиболѣе способнаго. Дѣятельность труда зависитъ отъ здоровья, силы, таланта, знанія и ума рабочаго. Тотъ рабочій, который обладаетъ этими преимуществами, несомнѣнно будетъ монополистомъ на рабочемъ рынкѣ, будетъ строить цѣны на рабочій трудъ. Русскіе дворяне— помѣщики горькимъ опытомъ испытали на себѣ „монополію“ рабочаго труда; за невозможностью вести батрацкое хозяйство, они ликвидировали его, а значительная часть нашихъ дворянъ ликвидировало и свое землевладѣніе. Монополія труда взяла верхъ надъ монополіей землевладѣнія!

Для крестьянства право земельной собственности составляетъ главную основу этой экономической категоріи; безъ права земельной собственности крестьянство не мыслимо. Соединяя въ себѣ всѣ факторы производства, крестьянство нуждается въ землѣ, какъ человѣкъ въ воздухѣ. Пусть эта земля будетъ ничтожный клочекъ, одна усадьба, огородъ и пр. — владѣлецъ-собственникъ этого клочка, какъ скоро онъ ведетъ хозяйство семейнаго очага—крестьянинъ. Но превратите эту собственность въ прекарныя отношенія и крестьянина нѣтъ: его замѣнилъ семейный рабочій.—

Исторія хозяйства и права культурныхъ народовъ показываютъ намъ, что крестьянство погибало тамъ, гдѣ возникали прекарныя отношенія къ землѣ. Марксъ въ своей

злобной критикѣ капитала приписалъ гибель крестьянства капиталистамъ; но лорды не были капиталистами, не были и собственниками въ смыслѣ гражданскомъ, а феодальными владѣльцами земли. Въ дѣйствительности погубилъ крестьянство въ Англіи именно институтъ общиннаго землепользованія. Прекарныя отношенія крестьянъ давали вотчинникамъ право присвоить себѣ землю посредствомъ огораживаній. Ссылаются на то, что на континентѣ Европы этому процессу воспрепятствовала королевская власть и спасла крестьянство. Это справедливо только отчасти. Крестьянство континента было спасено не институтомъ мірской земли, а государственной властью, которая ликвидировала крѣпостной институтъ, установивъ выкупъ крестьянами мірской земли въ личную собственность крѣпостного класса [1]).

Защитники общиннаго землепользованія часто приводятъ примѣры печальныхъ послѣдствій перехода крестьянъ къ подворному владѣнію. Такіе примѣры, какъ мы видѣли, приводились и членами Комитетовъ. Не слѣдовало этого дѣлать, такъ какъ эти примѣры ясно свидѣтельствуютъ некорректность защитниковъ общины. Помѣщикъ внесъ милліонъ выкупной ссуды за 20 селеній, но крестьяне отъ пьянства и пр. разорились. При чемъ тутъ подворное владѣніе? Крестьяне и послѣ выкупа оставались при общинномъ землепользованіи, не разверстались въ подворныя владѣнія, и пресловутый міръ не былъ упраздненъ, какъ ложно утверждалъ членъ Комитета. Крестьяне получили, по выкупѣ, свободу отъ земли, но не получили *свободной* земли. Еще менѣе корректно поступилъ г. Родзевичъ (предсѣдатель Рязанскаго Окружнаго суда), приведя примѣръ изъ своей практики относительно четвертныхъ крестьянъ. Четвертные крестьяне всегда пользовались правомъ отчуждать свои „надѣлы“. При осво-

---

[1]) Говорить подробно объ этомъ здѣсь мы не можемъ.

божденіи, правительство неправомѣрно заставило ихъ выкупать свои земли и, сверхъ того, возложило на нихъ путы неотчуждаемости ихъ надѣловъ. Чтобы обойти эти путы, четвертные стали выдавать на себя векселя. Но земля четвертныхъ и сейчасъ находится въ ихъ рукахъ, для государства-же рѣшительно все равно, кто владѣетъ четвертной землей: крестьянинъ Иванъ или крестьянинъ Пахомъ.

Г. Тернеръ въ своемъ трудѣ предлагаетъ постепенно улучшать общинное землепользованіе, приводя его къ семейно-подворному владѣнію съ сохраненіемъ общины какъ собственника земли селенія. Но община является прямымъ противорѣчіемъ семейнаго начала—она разлагаетъ семью. Мы недоумѣваемъ, какъ могъ уважаемый ученый писатель впасть въ подобное противорѣчіе. Если община будетъ состоять изъ домохозяевъ-собственниковъ (какъ этого требуютъ Положенія 19-го февраля 1861 г.), то она обратится въ общество крестьянъ собственниковъ. Мы получимъ общее владѣніе домохозяевъ собственниковъ, а не общинное. Если же община сохранитъ за собою право распоряжаться по своему усмотрѣнію надѣлами крестьянъ, то домохозяева—тягольщики общины, а не субъекты правъ: семейной собственности, семейнаго хозяйства тутъ нѣтъ. Вотъ почему и сейчасъ тамъ, гдѣ міръ не считаетъ себя въ правѣ распоряжаться надѣлами и передѣлы прекратились, возстановился авторитетъ семейнаго очага; фактически крестьяне перешли къ подворно-наслѣдственной формѣ владѣнія (общей собственности). И если бы правительственная власть не нарушала постоянно этого естественнаго хода вещей, то общинное землепользованіе уже въ наше время перестало бы существовать и сдѣлалось бы вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ достояніемъ исторіи.

Значительное большинство Комитетовъ великорусскихъ губерній отнеслось отрицательно къ общинному уравнительному землепользованію. И нельзя не замѣтить, что возраже-

нія „противниковъ“ общины противъ крѣпостного института отличаются отъ доводовъ защитниковъ общины замѣчательной обстоятельностью. Можно даже сказать, что Комитеты исчерпали этотъ вопросъ вполнѣ, коснувшись всѣхъ отрицательныхъ сторонъ уравнительнаго землепользованія.

Уравнительное землепользованіе привело крестьянъ къ хищническому хозяйству. Особенно губительно подобное хозяйство отражается на кормовой площади надѣловъ, благодаря тому, что луга и сѣнокосы передѣляются ежегодно. Заболоченные луга не очищаются, покрываются кочками, заносятся пескомъ и иломъ; сухіе покосы дичаютъ, покрываются мхомъ, портятся пастьбой скота ранней весной до заказа. Истощенные и испорченные сѣнокосы обращаются въ пастбище, забрасываются, и крестьяне принуждены арендовать покосы на сторонѣ. Лѣсъ сводится и обращается въ пастбище, при чемъ обнажаются пески; распахиваются склоны балокъ и даютъ начало ряду овраговъ, уменьшается хищнической культурою кормовая площадь, ухудшается скотоводство, сокращается удобреніе посѣвной площади и ухудшается ея обработка. Но и унаваживаніе полей дѣлается невозможнымъ при частыхъ передѣлахъ; навозъ валится въ рѣки, балки или даже продается. Въ лучшемъ случаѣ крестьяне хранятъ навозъ на усадьбѣ, ожидая передѣла. Въ Ардатовскомъ Комитетѣ было заявлено, что крестьяне за 4—5 лѣтъ до передѣла продавали навозъ сосѣднимъ крестьянамъ, имѣющимъ купчія земли. Хозяйство на выпаханной землѣ становится невыгоднымъ; крестьяне начинаютъ забрасывать свои надѣлы, обращаютъ ихъ въ пустыри и въ широкой мѣрѣ прибѣгаютъ къ внѣнадѣльной арендѣ, цѣна которой постоянно растетъ, вслѣдствіе чего крестьянинъ съ трудомъ выручаетъ съ арендуемаго участка плату за свой трудъ, не получая никакого чистаго дохода, а между тѣмъ „каждая весна отводитъ въ число неудобныхъ и заброшенныхъ все

большее и большее количество надѣльныхъ земель". „Ужасно думать, что изъ года въ годъ милліоны людей въ потѣ лица своего трудятся для разоренія своего и своего отечества; не мудрено, что они почти достигли этого".

Заставляя крестьянъ вести хищническое хозяйство, общинное землепользованіе служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ непреоборимымъ тормазомъ всякому хозяйственному прогрессу. Въ Новородской губерніи, при ея климатѣ и высотѣ почвенныхъ водъ, на поляхъ необходимы частыя канавы, и тамъ, гдѣ онѣ есть, видъ хлѣба рѣзко выдѣляется; у канавы, выкопанной передъ посѣвами, хлѣбъ стоитъ стѣной, а безъ проведенія канавы посѣвъ вымокнетъ и осенью и весною. Но въ большинствѣ деревень канавы, прокопанныя въ крѣпостное время по требованію помѣщика, уничтожены, напримѣръ въ Косицкой и Самокражской волостяхъ; въ с. Самокражѣ канавы до того заплыли, что вода съ одного поля вовсе не сходила, и крестьяне одинъ годъ не пахали (!); канавы возстановлены по требованію земскаго начальника (!!). Если иногда крестьяне проводятъ всѣмъ міромъ канавы, то въ большинствѣ случаевъ подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ [1]). Въ той же губерніи нѣкоторые крестьяне совершенно истребили лѣсъ на своихъ надѣлахъ. Пришло время передѣлять лѣсъ, и сберегшіе свой лѣсъ получили по жребію въ пользованіе на 25 лѣтъ обнаженные отъ лѣса участки. На вопросъ, повторится-ли эта исторія черезъ 25 лѣтъ, крестьяне отвѣчали: „нѣтъ, не повторится; не найдется среди насъ такого простака, который къ новому раздѣлу не очиститъ отъ лѣса свой участокъ". Хорошо обработавшій свою полосу и удобрившій ее получаетъ при передѣлѣ тощую,

---

[1]) Припомнимъ, что г. В. В. и др. проведеніе канавъ крестьянами зачислено въ счетъ „прогрессивныхъ" явленій общиннаго землепользованія. Защитники общины въ Комитетахъ (въ другихъ губерніяхъ) тоже указывали на этотъ фактъ со словъ литературныхъ источниковъ.

бывшую въ пользованіи слабаго, по несчастію или лѣности, однообщественника [1]).

Въ Курской губерніи крестьянинъ не можетъ на доставшемся ему по передѣлу на 12 лѣтъ участкѣ сдѣлать огорожу и насадить садъ, ибо ему огорожу поломаютъ, а садъ затравятъ скотомъ; онъ не можетъ засѣять его чѣмъ хочетъ— травами, корнеплодами, овощами, ибо ихъ тоже затравятъ и вытопчутъ. Онъ долженъ по волѣ „міра" въ указанномъ мѣстѣ сѣять озимое, въ другомъ—яровое, въ третьемъ, при всемъ желаніи что-либо сдѣлать, ничего не дѣлать. Часть луга онъ не можетъ улучшить потому, что она ему неизвѣстна. Часть своего лѣса онъ долженъ срубить, когда прикажетъ сходъ.... Но жизнь, нужда и необыкновенная энергія (!!) отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянъ дѣлаютъ свое дѣло. При подкупахъ (!) и подмогарычиваніяхъ вліятельныхъ въ обществѣ лицъ и даже цѣлыхъ сельскихъ сходовъ, такіе отдѣльные крестьяне, съ неимовѣрными усиліями, терпя постоянныя самоуправства (sic) надъ ними со стороны всякаго члена общества, все-таки ухитряются сначала окопать или огородить подходящій, облюбованный участокъ, затѣмъ обсадить, чѣмъ попало, потомъ насадить садъ, или поставить пасѣку, или завести огородное хозяйство, и, наконецъ, поселиться дворомъ. Итакъ, вѣчно откупаясь и подмогарычивая, упорные въ достиженіи лучшей для себя участи, отдѣльные члены обществъ достигли того, что при общинномъ владѣніи землею сдѣлались чѣмъ то въ родѣ частныхъ владѣльцевъ захваченными (?!) ими участками общественной (?!) земли. На такихъ участкахъ крестьяне живутъ иначе: здѣсь они принимаютъ уже всѣ мѣры къ улучшенію и развитію сельскохозяйственнаго дѣла и, благодаря особому

---

[1]) Литературные защитники общины восхищаются этими фактами, видя въ нихъ проявленіе „альтруизма" общины, т.-е. альтруизмъ опредѣляется ими какъ принудительная нравственность.

свойству крестьянскаго хозяйства, достигаютъ результатовъ, превышающихъ результаты частныхъ владѣльцевъ: на участкѣ въ 1 десятину они нерѣдко получаютъ до ста и даже до двухсотъ рублей дохода въ лѣто [1]). Вообще крестьянинъ, становясь собственникомъ небольшого надѣльнаго земельнаго участка, благодаря личному своему труду и простотѣ образа жизни, ведетъ хозяйство лучше многихъ изъ своихъ сосѣдей—частныхъ владѣльцевъ другихъ сословій, ограничивающихся лишь полученіемъ арендной платы. И сами сельскіе сходы стали приходить къ заключенію, что достигнутые трудомъ результаты не должны быть уничтожаемы и приговорами стали узаконять, что „захваченные“ участки передѣлу не должны подлежать, а должны оставаться въ исключительномъ пользованіи ихъ хозяевъ. Но за труды и заботы этихъ хозяевъ „объ улучшеніи и развитіи сельскохозяйственнаго дѣла“ налагаютъ на нихъ слѣдующія „наказанія“: за всякую обработанную сажень при передѣлахъ отбираютъ двѣ сажени въ полѣ, сверхъ обычныхъ могарычей и подкуповъ; „при оказаніи-же какого-либо неуваженія или невниманія къ обществу“, эти улучшенные участки подвергаются полному разгрому и уничтоженію: канавы зарываются, огорожа ломается, садовыя и лѣсныя деревья вырубаются, и участокъ снова обращается въ „пустошь дикаго поля“. Въ концѣ-концовъ сельскіе сходы изъ зависти или подъ вліяніемъ побывавшихъ въ тюрьмѣ лицъ, обнищавшихъ переселенцевъ, пьяницъ и др. передѣлять все то, что составляетъ благосостояніе деревни, а такъ какъ раздѣлить малаго между всѣми нельзя, то просто уничтожать, ибо имѣютъ на это

---

[1]) Пусть читатель сопоставитъ подобный доходъ съ „тяжестью податей и повинностей“, о которой плачутъ наши уравнители. Нигдѣ крестьянская десятина не обременена свыше 4—5 руб. съ десятины. Средняя цифра всѣхъ платежей крестьянъ равняется 2 р. 50 к. съ десятины (съ выкупными).

право (sic !?). Въ Самарской губерніи, въ Новоузинскомъ уѣздѣ особенно важное значеніе имѣетъ садоводство. Развитіе послѣдняго сильно задерживается, въ виду постоянно возникающихъ недоразумѣній между садовладѣльцами и обществомъ изъ за земель, занятыхъ подъ садами. Въ Таврической губерніи, Днѣпровскомъ уѣздѣ, крестьяне развили на своихъ участкахъ виноградники, затратили массу труда, времени и денегъ. При передѣлѣ эти участки перешли въ другія руки и такимъ образомъ прежніе владѣльцы потеряли и свои деньги и свой трудъ.—

Такова печальная картина вліянія общиннаго землепользованія на хозяйство крестьянъ. Отмѣтимъ здѣсь одну характерную черту, при обсужденіи въ Комитетахъ вопроса объ уравнительномъ землепользованіи. Въ то время, какъ „защитники“ общины довольствовались въ своихъ докладахъ и мнѣніяхъ общими фразами и соображеніями, почерпнутыми изъ литературныхъ источниковъ, „противники“ общины приводили въ своихъ возраженіяхъ реальные факты дѣйствительной жизни. Тотъ же самый характеръ носятъ и ссылки защитниковъ общины на „прогрессивныя явленія“ уравнительнаго землепользованія. Съ особеннымъ апломбомъ о травосѣяніи на общинныхъ поляхъ говорятъ члены Комитетовъ губерній и уѣздовъ, въ которыхъ не было даже малѣйшихъ попытокъ крестьянъ къ травосѣянію, причемъ ссылаются на Волоколамскій уѣздъ Московской губерніи, Кашинскій Тверской и другіе уѣзды губерній, гдѣ крестьянское травосѣяніе было введено земствомъ. Но земскіе представители указанныхъ уѣздовъ и губерній въ Комитетахъ дали болѣе скромныя и сдержанныя заключенія о крестьянскомъ травосѣяніи.—

Вообще въ средѣ Комитетовъ этихъ губерній отмѣчается малоуспѣшность распространенія травосѣянія, что объясняется защитниками общины „малокультурностью и косностью“ населенія. Члены Комитета Волоколамскаго уѣзда указываютъ,

что вопросъ о травосѣяніи въ настоящее время вслѣдствіе увеличившагося запаса кормовыхъ средствъ имѣетъ громадное значеніе въ особенности для крестьянскаго хозяйства. За послѣднее время изъ уѣзда начинаютъ вывозить много кормовыхъ средствъ: сѣна, клеверовъ, картофеля, льняного сѣмени и пр.; все это, несомнѣнно, пагубно отзовется на производительности полей уѣзда, а въ особенности на крестьянскихъ поляхъ. Введеніе полевого травосѣянія у крестьянъ земствомъ въ силахъ лишь поддержать крестьянъ, но не улучшить ихъ матеріальнаго благосостоянія, какъ это выяснилось изъ сравнительнаго описанія многихъ селеній Волоколамскаго уѣзда послѣ пятилѣтняго существованія у нихъ травопольнаго сѣвооборота, а нерѣдкіе случаи возвращенія къ прежнему трехполью, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ удачнаго примѣненія травопольнаго сѣвооборота, показываютъ, „что безъ поднятія общаго развитія въ массѣ крестьянскаго населенія ни о какихъ прочныхъ успѣхахъ въ сельскохозяйственной техникѣ нельзя и думать". Ниже мы коснемся приведеннаго довода; здѣсь же отмѣтимъ, что несостоятельность травосѣянія, заведеннаго земствами, признана самими земскими дѣятелями, между которыми были земскіе агрономы, принимавшіе непосредственное участіе въ устройствѣ крестьянскаго травосѣянія [1]). Въ виду изложеннаго, противники уравнительныхъ порядковъ въ Комитетахъ совершенно правы, утверждая, что травопольное хозяйство, введенное въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на общинныхъ земляхъ, не имѣетъ значенія ни съ точки зрѣнія обще-экономической, ни съ частно-хозяйственной. Являясь результатомъ несоразмѣрныхъ затратъ земскихъ суммъ, взятыхъ съ того же населенія, общинное травосѣяніе не способствовало усиленію производительныхъ силъ земли. Мы только отмѣтимъ одну

[1]) Въ нашихъ трудахъ о крестьянской деревнѣ мы предсказывали этотъ результатъ 5 лѣтъ тому назадъ.

неточность въ этомъ отзывѣ. Организація земскаго травосѣянія была произведена на земскія суммы всего населенія уѣзда и губерніи, слѣдовательно, тѣхъ лицъ, которыя были совершенно чужды вводимому травосѣянію.

Черезполосность крестьянскихъ полей, дробность и отдаленность ихъ отъ усадьбъ обращали особое на себя вниманіе Комитетовъ, высказывавшихся противъ общиннаго землепользованія. Вывозка навоза на отдаленныя полосы невозможна, но и самая обработка отдаленныхъ полосъ убыточна, почему эти полосы забрасываются въ пустошь, и крестьяне принуждены прибѣгать къ арендѣ земли у частныхъ лицъ. Для маломочныхъ крестьянъ такая разбросанность и отдаленность нивъ особенно тяжелы, и они предпочитаютъ сдавать эти нивы болѣе богатымъ. Узость полосъ не допускаетъ плужной обработки; многочисленные межники засоряютъ посѣвы или безцѣльно дренируютъ почвы (борозды); весенняя вода размываетъ ихъ, превращая постепенно въ овраги. При черезполосномъ расположеніи крестьянскихъ нивъ, господствуетъ принудительная обработка и никакой прогрессъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ отдѣльныхъ дворовъ невозможенъ. Общій выгонъ, всегда скудный, ухудшаетъ скотъ, который преждевременно спаривается, мельчаетъ, вырождается.

Составитель свода замѣчаетъ, что указанные Комитетами недостатки общиннаго землепользованія присущи и подворному владѣнію, но, по мнѣнію противниковъ общины, усиливаются при уравнительномъ землепользованіи. Ниже мы увидимъ, насколько справедливо это замѣчаніе.

Противники общины въ Комитетахъ рѣшительно отрицаютъ возможность развитія общины въ кооперативный союзъ. Основаніемъ земледѣльческихъ кооперацій на Западѣ Европы являются твердое право собственности, опредѣленная доля участія въ доходахъ соотвѣтственно размѣрамъ владѣнія и вложеннаго капитала, свобода вступленія и выхода изъ союза

и сознательное чувство общности экономическихъ интересовъ, возможное лишь при условіи самодѣятельности и правовой гарантіи имущественныхъ интересовъ. Всѣ эти условія совершенно отсутствуютъ при уравнительномъ землепользованіи.— Крестьянинъ живетъ въ общинѣ. Ему предоставляется возможность воспользоваться всѣми благами коопераціи, между тѣмъ на дѣлѣ наблюдается полное отсутствіе кооперативнаго начала въ деревнѣ. Предметъ общаго владѣнія въ крестьянской средѣ является источникомъ споровъ, розни и экономической неурядицы. То, что у крестьянина нѣтъ своей неотъемлемой недвижимой собственности, что все принадлежитъ обществу, коего онъ является небольшой частицею, что онъ никогда не можетъ распорядиться, какъ полный хозяинъ, и всегда зависитъ отъ часто необузданной толпы,—угнетающе дѣйствуетъ на него; отъ этого возникаютъ раздоры и ссоры между крестьянами, которые переносятся въ концѣ-концовъ и въ семьи; вообще ненависть другъ къ другу растетъ какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ. „Какъ ни парадоксально (?), а приходится сказать, что общинное землевладѣніе менѣе всего воспитываетъ общественныя чувства; напротивъ, порождаетъ скорѣй эгоизмъ и, что еще хуже, то индеферентное, почти апатичное отношеніе къ дѣлу, какимъ можно охарактеризовать у насъ крестьянина—общинника". Положеніе, вытекающее изъ формы общиннаго владѣнія землей, это—homo homini lupus. „Общинное пользованіе не соотвѣтствуетъ формамъ свободнаго труда и свободныхъ рабочихъ кооперацій", „оно есть врагъ всякой свободной ассоціаціи". Всѣ вышеозначенныя мнѣнія членовъ Комитетовъ представляютъ собою сужденія и умозаключенія, выведенныя изъ наблюденій надъ жизнью нашей общинной деревни, но они согласуются съ природою вещей и психологіей человѣка. Какъ разумное существо, человѣкъ не можетъ развивать свою энергію тамъ, гдѣ не видитъ хозяйственнаго толку и справедливости. Въ книгѣ

г. Риттиха „Зависимость крестьянъ отъ общины и міра“ приведены подлинныя безхитростныя слова крестьянъ о своемъ „мірѣ“; они еще характернѣе изложенныхъ нами сужденій почтенныхъ членовъ Комитетовъ.

Общинный строй не является свободнымъ союзомъ, на началахъ артельныхъ, а носитъ рѣзко выраженный характеръ принудительности. Вынужденная связь съ землей и мнимое право каждаго возрастнаго рабочаго требовать надѣла, имѣютъ послѣдствіемъ такое раздробленіе общиннаго земельнаго фонда, которое въ точности отвѣчаетъ росту прикрѣпленнаго къ землѣ населенія, а между тѣмъ урожайность надѣловъ не повышается, а понижается. Въ результатѣ надѣлы общинниковъ оказываются недостаточными ни для прокормленія, ни для полнаго использованія наличной рабочей силы. Трудовая энергія крестьянина остается безъ приложенія, что опять-таки воспитываетъ въ народѣ наклонность къ праздности. Предпріимчивые и способные крестьяне бѣгутъ изъ деревни на дальніе заработки и въ города, гдѣ міръ не можетъ посягнуть на результаты труда и гдѣ они обезпечены общимъ правопорядкомъ и судомъ. Съ другой стороны, частно-владѣльческія хозяйства остаются безъ рабочихъ рукъ. Но обработывающая промышленность не въ силахъ дать занятія всему свободному населенію, такъ какъ самое ея положеніе зависитъ отъ уровня благосостоянія главной массы населенія, которое, благодаря общинному землепользованію, не имѣетъ ни потребности, ни возможности пользоваться произведеніями этой промышленности. Кромѣ того рабочая сила, случайно и временно оторванная отъ своего земледѣльческаго занятія, не имѣетъ не только необходимой спеціализаціи, но даже простого навыка, почему фабрики и частно-владѣльческія хозяйства жалуются на неумѣніе пришлыхъ рабочихъ обращаться съ машинами и постоянную порчу ихъ. Непроизводительность русскихъ рабочихъ крайне повышаетъ издержки производства,

не смотря на низкую заработанную плату. Не подлежитъ сомнѣнію, что полуобезпеченное существованіе земледѣльцевъ въ значительной степени задерживаетъ развитіе нашей фабричной и заводской промышленности. Для экономическаго развитія страны и въ интересахъ благосостоянія народа было бы несравненно выгоднѣе, если бы избытокъ земледѣльческаго населенія вмѣсто безплоднаго скитанія по Россіи для отхожихъ промысловъ обратился къ фабричнымъ занятіямъ, оставивъ въ распоряженіи остальной части населенія земельный надѣлъ, который тогда въ значительной степени обезпечилъ бы его бытъ.

„Если мы будемъ задерживать процессъ диференціаціи крестьянской среды, ставя наиболѣе хозяйственную и производительную группу въ безвыходное положеніе для болѣе производительнаго и разумнаго приложенія своего труда, то тѣмъ самымъ убьемъ въ ней задатки гражданской жизни и самихъ себя скоро послѣ этого отдадимъ въ политическое рабство болѣе сильнымъ насъ иноплеменнымъ“.

Прямое послѣдствіе общиннаго строя нашей деревни—непроизводительное распредѣленіе трудовой энергіи, ведущее къ постепенной массовой пролетаризаціи населенія, что вполнѣ подтверждается голодовками, постояннымъ увеличеніемъ числа безземельныхъ, безлошадныхъ и пр. У насъ уже встрѣчаются общинныя деревни, сходы которыхъ производятъ впечатлѣніе сборища голодныхъ нищихъ, и деревни, гдѣ нищенствомъ занимается большая часть населенія, какъ отхожимъ промысломъ. Диференціація крестьянскихъ хозяйствъ въ общинной деревнѣ происходитъ несмотря на уравнительный процессъ, но принимаетъ тяжелыя анормальныя формы кулачества, такъ что общинный строй въ сущности выгоденъ только кулакамъ.

Такимъ образомъ, общинное уравнительное землепользованіе является основнымъ препятствіемъ къ развитію крестьянскаго хозяйства и коренной причиною неудовлетворительнаго

положенія сельскохозяйственной промышленности въ Россіи. Съ прекращеніемъ неустойчивости владѣнія, крестьянское хозяйство само собою и притомъ быстро улучшится, иначе никакія инструкторы, опытныя поля, фермы и пр. не помогутъ, и все это окажется непроизводительной тратою народныхъ средствъ.

Защитники общиннаго землепользованія въ литературѣ постоянно ссылаются на тотъ фактъ, что многіе недостатки общиннаго землепользованія присущи подворному владѣнію на правѣ личной собственности, господствующему въ нѣкоторыхъ мѣстносяхъ Россіи. Эти возраженія, какъ мы видѣли, повторяютъ и члены Комитетовъ, защищающіе вотчинно-крѣпостной институтъ нашего великорусскаго крестьянства. Поэтому въ высшей степени интереснымъ представляются отзывы Комитетовъ губерній подворнаго крестьянскаго владѣнія о землепользованіи крестьянъ и его недостаткахъ.

Для характеристики крестьянскаго землевладѣнія малороссійскихъ губерній мы приведемъ справку изъ докладной записки предсѣдателя и членовъ Полтавской губернской управы.

„Въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ сохранилось въ большихъ плотныхъ массахъ сельское сословіе земледѣльцевъ, не бывшихъ никогда въ крѣпостной зависимости; это— казаки. Казачье сословіе является наиболѣе зажиточнымъ и хозяйственнымъ элементомъ въ сельской средѣ. Среди казаковъ появились люди весьма состоятельные и вообще казачьи хозяйства и землевладѣніе постоянно прогрессировали и значительно оставили за собою крестьянскія; во время статистическаго описанія губерніи они составляли 46,3% всего сельскаго населенія (не считая привилегированныхъ классовъ) и владѣли къ 1 января 1849 г. 1275,650 дес. земли. Такимъ образомъ почти половина земледѣльческаго населенія Полтавской губерніи устраивала свою хозяйственную жизнь и вырабатывала свои поземельныя отношенія, независимо отъ изда-

нія тѣхъ законовъ и правительственныхъ распоряженій, которые являлись обязательными для крестьянъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ. Обстоятельство это имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ при наличности такой относительной независимости можно говорить о формахъ землевладѣнія и поземельныхъ отношеніяхъ, самостоятельно выработанныхъ земледѣльческимъ населеніемъ [1]) У подчиненныхъ же государству или помѣщику крестьянъ правовой поземельный порядокъ не могъ свободно выражаться и складывался въ силу отсутствія у нихъ хозяйственной и личной свободы (!). Итакъ мы видимъ, что почти милліонное казацкое населеніе Полтавской губерніи выработало свои поземельно-правовыя нормы при условіи свободнаго (въ предѣлахъ законовъ) распоряженія своимъ собственнымъ лицомъ и имуществомъ. Фактъ этотъ оказалъ громадное, рѣшающее вліяніе на установившіяся въ Полтавской губерніи формы землепользованія.“

По прежнимъ малорусскимъ законамъ глава семейства свободно распоряжался своимъ недвижимымъ и движимымъ имуществомъ: продавалъ, закладывалъ, дарилъ и т. п. Земля, наравнѣ съ прочимъ имуществомъ, составляла полную собственность казака-владѣльца, и при жизни отъ его воли зависѣло, вести ли хозяйство совмѣстно со своими взрослыми сыновьями, или выдѣлить ихъ, снабдивъ ихъ извѣстнымъ количествомъ земли, или вовсе не дать имъ земли. Таковъ былъ имущественный порядокъ у свободныхъ малороссіянъ“.

При причисленіи малорусскихъ казаковъ къ разряду податныхъ сельскихъ обывателей съ составленіемъ изъ нихъ особыхъ сельскихъ обществъ, права собственности землею ка-

---

[1]) Просимъ читателя обратить особое вниманіе на это соображеніе почтенныхъ членовъ управы, совершенно вѣрное: въ средневѣковой Руси „казакомъ“ вообще назывался свободный человѣкъ въ отличіе отъ подтягольнаго, находившагося въ „подданствѣ“ въ той или другой формѣ.

заковъ опредѣлились ст. 763—766 тома IX Св. Зак. о сост., права же личныя опредѣлились по общему положенію о крестьянахъ, такъ какъ казаки были приравнены въ своихъ личныхъ правахъ къ крестьянамъ. Приведенныя уравненія стѣснили казаковъ въ правѣ свободной продажи ихъ земель лицамъ другихъ сословій и даже крестьянамъ, а также поставили ихъ въ отношеніе землепользованія въ зависимость отъ общества (!), права же личности были приравнены къ крестьянскимъ правамъ, т. е. на нихъ были возложены: натуральная повинность, зависимость отъ общества (!) при полученіи паспортовъ, смѣшанная подсудность общимъ судебнымъ мѣстамъ и крестьянскимъ учрежденіямъ, что повело къ значительной путаницѣ и неудобствамъ при укрѣпленіи правъ на имущество, при наслѣдованіи, продажѣ, залогѣ земель и др. юридически-хозяйственныхъ актахъ".

Несмотря на установленныя закономъ ограниченія, прежній, исторически установившійся взглядъ казаковъ на право полной собственности во владѣніи землей ведетъ къ тому, что на практикѣ ограничительный законъ постоянно обходится. Самымъ употребительнымъ способомъ обхода закона является передача земли по векселямъ, при чемъ продавецъ пишетъ вексель на сумму въ нѣсколько разъ большую дѣйствительно полученной за землю. Вексель протестуется, покупщикъ получаетъ исполнительный листъ, земля описывается, назначается въ торги и остается за покупщикомъ—кредиторомъ [1]). Обходъ закона совершается и при помощи фиктивныхъ арендныхъ договоровъ и залоговыхъ сдѣлокъ, при чемъ земля переходитъ къ новому пріобрѣтателю—покупщику въ силу давно-

---

[1]) То же самое практикуется и нашими юго-западными крестьянами и по той же причинѣ, т. е. казаки и крестьяне установили тотъ пріемъ переукрѣпленія недвижимаго имущества, который извѣстенъ въ пандектномъ правѣ подъ именемъ in jure cessio: никто ихъ не училъ, сами выдумали.

сти [1]. „Такъ какъ малорусскіе казаки и малорусскіе крестьяне составляютъ одинъ и тотъ же народъ, который лишь въ концѣ 18-го вѣка былъ искусственно раздѣленъ на двѣ половины въ отношеніи своихъ имущественныхъ и личныхъ правъ, то является совершенно понятнымъ, что нашъ малорусскій крестьянинъ имѣетъ одинаковые взгляды съ казакомъ на свои личныя и имущественныя права“. Крестьяне повсемѣстно считаютъ себя въ полномъ правѣ распоряжаться своими надѣлами. Съ изданіемъ закона о неотчуждаемости надѣла—существо дѣла не измѣнилось. Законъ этотъ лишь сдѣлалъ самую куплю—продажу менѣе обезпеченной (!), что отражается на продажныхъ цѣнахъ значительнымъ пониженіемъ стоимости земли, и вынуждаетъ населеніе еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, прибѣгать къ окольнымъ путямъ. Вредъ подобнаго порядка (вѣрнѣе—непорядка) совершенно ясенъ: такъ какъ переходъ земель совершается безъ законныхъ основаній, то возникаетъ масса тяжебныхъ дѣлъ, которыми завалены всѣ наши общія и крестьянскія судебныя и административныя учрежденія, что, разумѣется, отражается на хозяйствѣ и имущественномъ положеніи сельскихъ обывателей въ высшей степени вредно. „Можно смѣло сказать, что милліоны крестьянскихъ трудовыхъ денегъ, вмѣсто того, чтобы идти на улучшеніе ихъ хозяйственнаго быта, тратятся на судебныя тяжбы и безконечную судебную волокиту, которая также не мало обходится и общему государственному бюджету“. Съ своей стороны, выразимъ желаніе, чтобы защитники общиннаго землепользованія въ Россіи и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые упорно вели агитацію въ пользу неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и провели законъ, нарушившій основныя начала права и освободительной крестьянской реформы, приняли приведенныя слова членовъ Полтавской губернской

[1] Тоже характерно: мы гонимъ природу въ дверь, а она возвращается къ намъ въ окно!

управы къ свѣдѣнію и положили на свою совѣсть. Рано или поздно придетъ время, когда русская интеллигенція принуждена будетъ дать отчетъ передъ исторіей своего народа за все то, что она творила въ теченіе 40 лѣтъ со дня великой реформы. Но зло искусственнаго внесенія общинныхъ порядковъ въ Малороссійскихъ губерніяхъ не ограничивается изложеннымъ нами выше. Крѣпостное право, введенное Екатериною II въ Малороссіи, создало не только общину, но и ту внѣшнюю форму землепользованія, которая создала черезполосицу и дробность полей. Въ результатѣ появились „смѣны" съ принудительнымъ сѣвооборотомъ, толокой и пр. прелестями общиннаго обихода. Къ сожалѣнію, передъ самымъ освобожденіемъ эти принудительные порядки закрѣплены Положеніемъ о размежеваніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ 27-го октября 1859 года. Всѣ имѣнія менѣе 50 десятинъ были вымежеваны въ участки *общаго владѣнія* и законодательнымъ порядкомъ установленъ принудительный сѣвооборотъ (Flurzwang).

„Перемѣна сѣвооборота и введеніе посѣва кормовыхъ травъ, а также корнеплодовъ, дѣлается совершенно не достижимымъ, такъ какъ толочное право всѣхъ не можетъ быть нарушено однимъ. При отдаленности полосъ, нарѣзанныхъ въ трехъ смѣнахъ, отъ селенія, въ которомъ живетъ хозяинъ, вывозка удобренія на истощенныя земли бываетъ весьма затруднительною, а тщательная обработка ихъ ведетъ за собою большую потерю времени на переѣзды. Устройство своего хутора среди своей земли дѣлается невозможнымъ, и всѣ явныя выгоды такого хозяйственнаго устройства для отдѣльнаго хозяина являются лишь въ области мечтаній. Энергичный, разумный и трезвый хозяинъ не можетъ использовать своихъ природныхъ качествъ, такъ какъ онъ не имѣетъ своей воли, *и личность его подавляется массою, т. е. обществомъ*".

Сравнимъ эти прекрасныя слова членовъ Полтавской гу-

бернской управы, такъ живо изображающія дѣйствительное положеніе мнимо-подворной формы землепользованія казаков-и крестьянъ Малороссіи, съ нижеслѣдующими словами уче наго писателя [1]): „черезполосность и измельчаніе земли не составляютъ исключительной принадлежности общиннаго владѣнія. Въ области подворнаго пользованія землей чрезвычайно распространена не только черезполосность, но и дробленіе земли“. „Въ Полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ господствуетъ почти исключительно подворно-наслѣдственная форма владѣнія землею, дробленіе усадебныхъ участковъ дошло до предѣловъ возможнаго“.

„Но еще замѣчательнѣе то, что въ районѣ давнишняго подворнаго владѣнія эта форма владѣнія часто включаетъ разные общинные порядки, какъ, напр., передѣлы, зависимость отъ общаго сѣвооборота, власть міра—громады на распредѣленіе земли. Въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ лица, владѣющія участками менѣе 50 десятинъ, обязательно получили надѣлы въ общихъ смѣнахъ (клиньяхъ) и должны подчиняться принятому въ данной мѣстности сѣвообороту“. „Власть міра или громады надъ отдѣльными членами сельской общины здѣсь почти такъ же велика, какъ и при общинныхъ порядкахъ. Случаи отобранія земли у ихъ владѣльцевъ, насильственнаго обмѣна одного участка на другой и подчиненія хозяйственной дѣятельности отдѣльнаго лица рѣшенію большинства на сходѣ случаются весьма часто“. [2]) „Если общинные порядки проявляются даже въ районѣ подворнаго владѣнія, то можно ли сомнѣваться въ ихъ самобытной силѣ въ районѣ великороссійскаго общиннаго владѣнія“. Такимъ образомъ г. Тернеръ крѣпостное право причисляетъ къ самобытной силѣ русскаго народа. Конечно, отчасти это справедливо, но не одни русскіе, а всѣ народы проходили этотъ періодъ своего

---

[1]) Ѳ. Тернеръ „Государство и землевладѣніе“ т. I, стр. 185.

[2]) Ibid. 212—213.

соціальнаго развитія; въ настоящее время эта „самобытная сила“ потеряла все свое значеніе и порядки землепользованія, ею установленные, приносятъ величайшій вредъ крестьянской деревнѣ, да и не одной ей. Отмѣчаютъ члены Комитетовъ Малороссійскихъ губ. и вредъ крупныхъ селеній въ пожарномъ, санитарномъ и экономическомъ отношеніяхъ; но крупныя селенія—продуктъ вотчинно-крѣпостного права и общинныхъ порядковъ.

Вопросъ объ общихъ смѣнахъ подвергался въ Комитетахъ горячимъ дебатамъ. Явились и защитники этого наслѣдія общинно-крѣпостного порядка, преимущественно между интеллигентными членами. Особенный интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи дебаты въ Лохвицкомъ уѣздномъ Комитетѣ, въ которомъ принималъ участіе цвѣтъ нашей интеллигенціи съ г. Туганъ-Барановскимъ во главѣ. Здѣсь полноправными членами (какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ малороссійскихъ комитетахъ) явились казаки и крестьяне, при чемъ отмѣтимъ, что между обоими разрядами земледѣльцевъ нѣтъ ни малѣйшей разницы: казакъ—ничто иное какъ свободный крестьянинъ. Одинъ изъ этихъ членовъ (казакъ Чайка) указалъ на неудобство общихъ смѣнъ.

„На общей толокѣ никогда нѣтъ хорошаго подножнаго корма“. „Въ общихъ смѣнахъ всегда дѣлаетъ одинъ другому потраву хлѣба, и нельзя усмотрѣть, такъ какъ участки находятся далеко одинъ отъ другого“. Желательно, чтобы были уничтожены общія смѣны и земля выдѣлена въ отрубные участки. Другой членъ отъ крестьянства (Пархоменко—крестьянинъ не казакъ) заявляетъ, что „нѣтъ хуже, какъ общія смѣны; при общихъ смѣнахъ одинъ другому травитъ хлѣбъ скотомъ и изъ-за этого только судъ и судъ. Надо размежеваться“.

Но въ защиту общихъ смѣнъ выступила интеллигенція съ такими доводами: „и теперь, при обязательномъ трех-

польѣ, земля съ каждымъ годомъ все больше и больше истощается, а что будетъ, если предоставить крестьянамъ полную свободу эксплоатаціи земли? Они толоку упразднять, земля будетъ засѣваться ежегодно и до того истощится, что кромѣ сорныхъ травъ не будетъ родить".—„Въ размежеваніи нѣтъ никакой надобности; оно не привело-бы къ улучшенію сельскаго хозяйства. Мы видимъ изъ примѣровъ Западной Европы (!), что въ земельныхъ союзахъ только и сила сельскихъ хозяевъ (мнѣніе г. П. М. Ломоносова-Гейеръ). Нельзя предоставить каждому выдѣлять свой участокъ, такъ какъ богатые крестьяне потребуютъ выдѣла своей земли, что стѣснитъ бѣдныхъ. *Это было-бы большимъ правонарушеніемъ* (мнѣніе г. Туганъ-Барановскаго). Необходимо допустить „свободный" переходъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ къ общинному землепользованію (его-же мнѣніе). Крестьянское общество въ правѣ и при общихъ смѣнахъ перейти къ другому сѣвообороту (мнѣніе В. С. Барсукова). Требованіе принудительнаго размежеванія по большинству $^2/_3$ голосовъ колеблетъ собственность (его же мнѣніе). У народа, еще при генеральномъ межеваніи, составилось убѣжденіе, что обязательныя смѣны и толока самая лучшая форма землепользованія. Статья 106 Малорос. Полож. говоритъ: „безъ согласія общества ни одинъ крестьянинъ за чертою своего усадебнаго участка, на мірской землѣ не можетъ ставить никакихъ строеній". „Это указаніе закона ясно говоритъ о правѣ общества разрѣшать своимъ односельчанамъ селиться на общихъ смѣнахъ", но этого нѣтъ. „Слѣдовательно народъ не сознаяъ еще въ этомъ потребности". [1]).

---

[1]) Эта ссылка члена Комитета фактически не вѣрна. Общества дѣйствительно не даютъ разрѣшенія селиться на смѣнахъ, потому что по закону не имѣютъ на это право; но крестьяне постоянно занимаютъ дворами смѣны, такъ какъ негдѣ иначе селиться. Этотъ фактъ удостовѣренъ и мѣстными Комитетами.

Съ своей стороны крестьяне возражали такъ: „каждый на своемъ отрубномъ участкѣ можетъ завести и толоку, и травосѣяніе, какъ захочетъ. Теперь-же, когда толока въ общемъ пользованіи, ничего нельзя сдѣлать. Нельзя удобрять землю, потому что участки далеко одинъ отъ другого. Какъ удобрять, когда земля за 15 верстъ (!). Я буду тогда хорошимъ хозяиномъ, когда буду владѣть отрубнымъ участкомъ. Нѣтъ лучшаго способа, какъ уничтожить общія смѣны и выдѣлить землю каждому въ отрубной кусокъ. Надо предоставить каждому владѣльцу полное распоряженіе своей землей, а не обществу". „Говорятъ о какой-то помощи бѣднымъ, но теперь идетъ рѣчь о томъ, желательно-ли размежеваніе или общія смѣны". Небогатымъ крестьянамъ, хотя-бы съ надѣломъ въ 3 десятины, будетъ лучше жить, если земля будетъ въ одномъ кускѣ. Многіе пожелали-бы хоть на $^1/_2$ десятины посѣять траву, а теперь этого нельзя. *Тѣ крестьяне, которые не боятся Бога и не стыдятся людей, выпасываютъ хлѣбъ, а тѣ, которые помнятъ, что Богъ есть и есть совѣсть, страдаютъ отъ своихъ односельчанъ.* Есть много небѣдныхъ, земельныхъ крестьянъ и казаковъ, которые умышленно выпасываютъ чужой хлѣбъ, и усмотрѣть теперь нѣтъ никакой возможности. Если допустить для рѣшенія этого вопроса $^2/_3$ голосовъ членовъ общины, „то въ такомъ случаѣ нельзя было-бы и добиться уничтоженія общихъ смѣнъ". „Всѣ труды хорошаго хозяина были-бы напрасны".

Несмотря на подобные доводы, интеллигентный Комитетъ принялъ предложеніе о предоставленіи права рѣшать вопросъ о выдѣлѣ (уничтоженіи смѣнъ и толоки) по большинству $^2/_3$ владѣльцевъ (?). Рѣшеніе это принято большинствомъ 24 голосовъ противъ 16; если не ошибаемся, казаковъ и крестьянъ въ этомъ засѣданіи присутствовало не болѣе 10 лицъ. Двое, участвующихъ въ засѣданіи, крестьянъ высказались тоже за сохраненіе общихъ смѣнъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

для зажиточныхъ крестьянъ уничтоженіе смѣнъ выгодно, бѣднымъ не выгодно; иной выпасываетъ хлѣбъ изъ роскоши, а другой изъ нужды. Нужно помочь бѣднѣйшимъ или изъ средствъ правительства, или земства; можетъ быть, переселить ихъ за счетъ правительства. Теперь проходитъ года 2, пока получится разрѣшеніе на переселеніе. На эти соображенія другой крестьянинъ (Пархоменко) сдѣлалъ такое возраженіе: „если помогать бѣдному, то онъ совсѣмъ не пойдетъ работать".

Интересны возраженія интеллигентныхъ противниковъ отмѣны крѣпостного порядка общихъ смѣнъ. Принудительное размежеваніе, даже при условіи $^2/_3$ голосовъ, колеблетъ, по ихъ мнѣнію, собственность и несогласно съ дѣйствующимъ закономъ. Совершенно напротивъ: принудительное общее владѣніе въ смѣнахъ противорѣчитъ идеѣ собственность и началамъ права, противорѣчитъ и дѣйствующему у насъ законодательству, въ силу котораго никто не можетъ быть принуждаемъ оставаться въ общемъ владѣніи (ст. 550 X т. зак. гражд).

Но въ данномъ вопросѣ незачѣмъ было и ссылаться на право собственности, такъ какъ толокой и вообще выпасомъ пользуются бѣднѣйшіе крестьяне, не получившіе надѣловъ и, слѣдовательно, не имѣющіе никакихъ правъ на территорію смѣнъ.

Межеваніе 1859 года было совершено съ явнымъ нарушеніемъ правъ собственности казаковъ и другихъ владѣльцевъ. Малорос. Полож. 19 февраля 1861 года право распоряженія надѣлами крестьянъ не предоставлено обществамъ, а потому не слѣдовало ссылаться на 106 ст. этого Положенія, которая относится къ общимъ выгонамъ и др. угодіямъ, а не къ смѣнамъ. При томъ эта статья создала великое зло: въ селеніяхъ рѣшительно негдѣ крестьянамъ строиться, а потому постройки скучены невѣроятно, и подворныя угодія скоро будутъ измѣряться вершками.

Смѣны, толока и пр. общинно-крѣпостные порядки въ Малороссіи величайшее зло, отъ котораго крестьянство терпитъ не менѣе, чѣмъ отъ общиннаго землепользованія въ великой Россіи. Къ сожалѣнію интеллигенція и по этому вопросу пошла противъ самыхъ насущныхъ интересовъ крестьянства. Уже не говоря о Лохвицкомъ Комитетѣ, даже губернскій Комитетъ постановилъ свое заключеніе по этому вопросу въ такомъ смыслѣ: „чтобы собственникамъ, земли коихъ находятся въ общихъ смѣнахъ, было предоставлено право измѣнять по приговору $^2/_3$ голосовъ господствующую систему полеводства“ и „чтобы только владѣльцамъ не менѣе 25 десятинъ было предоставлено право требовать обязательнаго выдѣленія изъ общей смѣны въ концѣ дачи“. Подобное заключеніе не разрѣшаетъ вопроса, а губитъ его окончательно. И почему сдѣлано исключеніе для владѣльцевъ не менѣе 25 десятинъ; мелкіе владѣльцы, можетъ быть, болѣе нуждаются въ разселеніи, чѣмъ крупные (особенно въ большихъ селеніяхъ)? Заботы о бѣднѣйшихъ крестьянахъ не могутъ оправдывать нашу интеллигенцію. Эти заботы за счетъ трудолюбиваго класса крестьянъ и казаковъ прямо не корректны; интеллигенціи, конечно, легко и удобно благодушничать за чужой счетъ, но подобнымъ благодушіемъ она своего долга передъ народомъ не исполнитъ. Намъ было въ высшей степени пріятно отмѣтить и изложить превосходный докладъ по этому вопросу Полтавской губернской земской управы: въ первый разъ представители земской интеллигенціи оказались на высотѣ положенія [1]).

Защищать систему землепользованія, при которой постоянно травится хлѣбъ, значитъ совершенно не понимать ни хозяйства, ни психологіи хозяина. При сохраненіи подобной системы, говорить о какихъ-либо улучшеніяхъ въ крестьян-

---

[1]) Отмѣтимъ, что докладъ прямо превосходно изложенъ; мы были пріятно удивлены.

скомъ хозяйствѣ не имѣетъ смысла, не имѣетъ смысла говорить и о правопорядкѣ въ нашей деревнѣ. При подобныхъ условіяхъ, земледѣліе не хозяйство, а безпутство, и у энергичнаго, добросовѣстнаго пахаря можетъ возбудить къ себѣ только отвращеніе. Поэтому отмѣна подобной системы землепользованія, даже принудительная, составляетъ прямую обязанность государства, тѣмъ болѣе, что самая эта система навязана правительствомъ народонаселенію съ введеніемъ общинно-крѣпостныхъ порядковъ.

Относительно Лохвицкаго Комитета замѣтимъ, что избранная имъ комиссія безусловно признаетъ вредъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи общихъ смѣнъ. „При этой формѣ землевладѣнія“, говоритъ комиссія, трехполье, можно сказать, закрѣплено на вѣки вѣковъ. „Рѣшительно нельзя себѣ представить, какимъ законнымъ образомъ хозяева, принадлежащіе къ разнымъ обществамъ и сословіямъ, если ихъ земли находятся въ разныхъ смѣнахъ, могутъ перейти отъ трехполья къ какой-либо высшей системѣ полеводства. Общія смѣны составляютъ желѣзную стѣну, о которую разобьются всѣ попытки земства поднять уровень крестьянскаго хозяйства“.

Приведенныя разсужденія совершенно не вяжутся съ конечными предложеніями комиссіи и не даютъ ключа къ разъясненію, почему комиссія отвергла право каждаго совладѣльца выйти изъ подобной тяжелой формы землепользованія. Но ларчикъ просто открывался. Всѣ эти неудобства общихъ смѣнъ излагаются съ цѣлью опороченія подворно-наслѣдственной формы землевладѣнія, господствующей въ Малороссіи, и имѣли цѣль возбудить вопросъ о введеніи у казаковъ и крестьянъ общиннаго великорусскаго землепользованія. Попытка эта не имѣла ни малѣйшаго успѣха даже въ Лохвицкомъ Комитетѣ.

Для характеристики отмѣтимъ въ заключеніе замѣчаніе одного члена комитета (В. С. Барсукова): „если-бы ему ска-

зали, что имѣется въ виду только уничтоженіе принудительнаго сѣвооборота, то согласился-бы. Но опытъ показываетъ, что было-бы опасно указывать правительству на это зло (!), о избѣжаніе слишкомъ крутой ломки существующихъ земельныхъ отношеній". Какой „крутой ломки" боится почтенный членъ Комитета? Мы думаемъ, что онъ очень и очень ошибается[1]).—Въ юго-западныхъ губерніяхъ общинно-крѣпостные порядки создали явленія, одинаково гнетущія какъ крестьянскія, такъ и частновладѣльческія хозяйства. Объясняется этотъ фактъ политическими причинами, которыя не потеряли своего значенія отчасти и въ настоящее время. Панскій мятежъ, разразившійся въ эпоху освобожденія крестьянъ, заставилъ правительство обратить особое вниманіе на положеніе крестьянства, которое не только осталось вѣрнымъ Престолу и отечеству, но мѣстами оказало правительству дѣятельное содѣйствіе къ подавленію мятежа. Понятно, что правительство поспѣшило развязать крѣпостныя узы между крестья-

[1]) Другой запиской была сдѣлана попытка пропаганды коопeрацій на соціалистическомъ основаніи. Авторъ записки (г. П. М. Ломоносовъ-Гейеръ) приводитъ примѣръ г. Люксембурга, гдѣ будто-бы полевые участки поступаютъ въ общую обработку. Товарищество распредѣляетъ между членами продукты полеводства деньгами и натурою сообразно доли участія каждаго владѣльца. Но затѣмъ оказывается, что „въ большинствѣ случаевъ" обработка дѣлается наемнымъ трудомъ, а хозяева играютъ при этомъ роль надсмотрщиковъ. И это называется коопeраціей? Во всякомъ случаѣ это не трудовая кооперація, слѣдовательно не крестьянская, а предпринимательская, но о подобныхъ коопeраціяхъ едва-ли обществу и государству слѣдуетъ заботиться. Очень жаль, что авторъ не обозначилъ источника, откуда онъ заимствовалъ свое свѣдѣніе. Мы подозрѣваемъ мистификацію. Однако Комитетъ постановилъ резолюцію: „чтобы устранены были всѣ препятствія для устройства земледѣльческимъ населеніемъ земледѣльческихъ союзовъ".

Прежде всего нужно устранить для указанной цѣли общія смѣны и другія стѣсненія личныхъ и имущественныхъ правъ земледѣльцевъ Малороссіи.

нами и помѣщиками въ самомъ благопріятномъ смыслѣ въ пользу первыхъ, причемъ имѣлись въ виду преимущественно насущные интересы крестьянъ данной минуты, что совершенно естественно и понятно. Отсюда произошли слѣдующія последствія: то, что составляло выгоду и отчасти необходимое условіе дворянскаго вотчиннаго хозяйства, обратилось ему въ тягость и во вредъ. Реальныя тяготы крестьянства въ пользу помѣщиковъ сдѣлались реальными тяготами дворянъ въ пользу крестьянъ. Трехпольная система полеводства, соединенная съ выпасомъ скота, толокою, общими угодіями и прочими средневѣковыми сервитутами, закрѣплена была освободительными актами въ интересахъ крестьянъ.—При такихъ условіяхъ, ликвидація общинныхъ порядковъ нынѣ представляетъ особыя трудности, и это обстоятельство отразилось въ работахъ Комитетовъ по данному вопросу.

Въ Кіевскомъ Губернскомъ Комитетѣ мнѣнія раздѣлились. Меньшинство, указывая на то, что общее обязательное разверстаніе и ликвидація всѣхъ сервитутныхъ правъ имѣютъ громадное общегосударственное значеніе, ибо этимъ устанавливаются правильныя и законныя границы собственности каждаго землевладѣльца и сопряженныхъ съ такой собственностью правъ и обязанностей, опредѣляется правильная площадь для денежнаго обложенія, устраняется главная причина всевозможныхъ аграрныхъ недоразумѣній, уменьшается возможность частыхъ земельныхъ исковъ и тяжбъ, укрѣпляются въ сознаніи обѣихъ сторонъ понятія собственности и уваженія къ закону,—въ виду всѣхъ изложенныхъ соображеній требовало опредѣленнаго, не свыше 3-хъ лѣтняго срока для добровольнаго обмѣна угодій заинтересованными сторонами. Для радикальнаго уничтоженія всѣми признаннаго зла необходимо обязательное, послѣ трехлѣтняго срока, разверстаніе, условія коего, порядокъ и организація должны быть установлены закономъ и заранѣе опубликованы во всеобщее

свѣдѣніе, что также составитъ лишній импульсъ для добровольныхъ сдѣлокъ. Въ этомъ смыслѣ высказалось и большинство уѣздныхъ Комитетовъ. Замѣтимъ, что меньшинство губернскаго Комитета, какъ и уѣздные Комитеты, смотритъ нынѣ на сервитуты какъ на *право* крестьянъ, и потому требуетъ ликвидаціи ихъ за вознагражденіе въ пользу крестьянъ, выставляя въ основаніе всѣхъ мѣръ по упраздненію сервитутовъ и регулированію землевладѣнія правомѣрное требованіе „воздать каждому должное“ („Suum cuique tribuere“).

Но большинство членовъ губернскаго Комитета отвергло обязательность разверстанія и упраздненія сервитутовъ и выставило слѣдующія положенія въ оправданіе своего мнѣнія: 1) Черезполосность и сервитутъ пастьбы скота отяготительны лишь для имѣній, состоящихъ изъ мелкихъ участковъ, перемѣшанныхъ съ крестьянскими, но для остальныхъ имѣній тягость черезполосности не такъ ужъ велика, чтобы препятствовать вообще интенсивной культурѣ; помѣщики страдаютъ отъ пастьбы скота и толоки; уничтоженіе этого стѣсненія ослабитъ вредныя послѣдствія черезполосности. 2) Большинство членовъ находитъ, что разверстаніе не имѣетъ юридическаго основанія, ибо крестьяне получили право собственности, а не временное право на свои надѣлы. Принудительное разверстаніе, слѣдовательно, будетъ равносильно экспропріаціи, неоправдываемой, по своимъ размѣрамъ, справедливостью. 3) Разверстаніе безполезно, если не будетъ сопровождаться устройствомъ хуторскихъ крестьянскихъ хозяйствъ и, при установленіи вознагражденія, тягостно для самихъ владѣльцевъ. 4) Обязательное разверстаніе опасно съ политической точки зрѣнія, ибо возбудитъ вражду между двумя сословіями и возбудитъ у крестьянъ массовое неудовольствіе противъ правительства. 5) Уничтоженіе выпаса толоки и вообще пастьбы скота невыгодно для крестьянъ, а вознагражденіе за отмѣну сервитута тяжело для владѣльцевъ. 6) Добро-

вольное разверстаніе и установленіе свободнаго пользованія землей посредствомъ свободнаго сѣвооборота вполнѣ достаточны для цѣли дать возможность хозяевамъ перейти къ интенсивному хозяйству.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ большинства Кіевскаго губернскаго Комитета. Несостоятельность приведенныхъ доводовъ бросается въ глаза. Какъ и слѣдовало ожидать, самая слабая сторона этихъ доводовъ—юридическая. Уже не говоря о томъ, что къ крѣпостнымъ институтамъ не примѣнимы начала гражданскаго права, сами члены большинства Кіевскаго губернскаго Комитета признаютъ, что отсутствіе регулированія вотчиннаго землепользованія при освобожденіи крестьянъ было ошибкой: за что-же частные владѣльцы должны нести тяжелыя послѣдствія ошибки правительства? Крѣпостные институты обязательной толоки и другихъ сервитутовъ вотчиннаго средневѣковаго порядка противорѣчатъ началамъ права и благоустроенному правильному порядку государственной жизни и съ этой точки зрѣнія являются неправомѣрными и подлежатъ обязательно отмѣнѣ. Иначе придется допустить, что крѣпостное право тоже не подлежало обязательной отмѣнѣ—силою государственной власти, ибо нарушало право собственности помѣщиковъ. Всякая отмѣна подобныхъ отжившихъ институтовъ необходимо требуетъ вознагражденія тѣхъ, которые несутъ матеріальный ущербъ. Хотя крестьянскій сервитутъ не могъ быть оправданъ этимъ соображеніемъ, но большинство справедливо указываетъ на давность (послѣ освобожденія) какъ правомѣрный титулъ подобнаго сервитута.

Нельзя согласиться и съ экономическими соображеніями большинства. Конечно хозяинъ приспособляется ко всякимъ конъюнктурамъ, даже неблагопріятнымъ; но конъюнктура крѣпостного сервитута настолько тяжела, что юго-западные землевладѣльцы до сихъ поръ не могли къ ней приспосо-

биться. Свобода-же сѣвооборота совершенно невозможна при существующихъ условіяхъ. Легко сказать—пусть землевладѣлецъ воспользуется своимъ правомъ и заводитъ многополье и пр.; но крестьяне смотрятъ на эту свободу какъ на нарушеніе своихъ вещныхъ правъ на землю владѣльца; въ результатѣ получатся тѣ именно враждебныя отношенія, которыхъ желаютъ избѣгнуть члены большинства губернскаго Комитета. Здѣсь возможны и умѣстны только радикальныя средства, какъ справедливо указало меньшинство Комитета.

Единственное и отчасти рѣшающее вопросъ основаніе—политическое. Нельзя колебать довѣріе и преданность юго-западнаго крестьянства Престолу и Отечеству и, слѣдовательно, правительству какъ органу Державной Власти.

Подольскій губернскій Комитетъ высказался за обязательную отмѣну крѣпостныхъ институтовъ, толоки и черезполосицы, признавъ, что свободный выборъ сѣвооборота, при наличности этихъ крѣпостныхъ узъ, немыслимъ, и хозяйство вынуждено подчиняться трехпольному сѣвообороту. Свое опредѣленіе онъ выразилъ въ нижеслѣдующихъ пунктахъ: 1) Какъ земледѣльцамъ, такъ и обществамъ крестьянъ предоставляется право требовать разверстанія съ сохраненіемъ толоки или прекращеніемъ обоюднаго права на нее, но въ послѣднемъ случаѣ на условіяхъ, которыя въ каждомъ данномъ дѣлѣ устанавливаются особой уѣздной комиссіей. 2) Въ имѣніяхъ неразверстанныхъ, какъ владѣлецъ, такъ и крестьяне имѣютъ право устанавливать въ своихъ земляхъ сѣвообороты по своему усмотрѣнію, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы обѣ стороны не лишали другъ друга свободнаго прогона къ своимъ угодіямъ и къ общимъ толокамъ. 3) Если владѣлецъ на опредѣленныя комиссіей за отмѣну права выпаса по толокамъ и стернямъ условія не согласится, то онъ имѣетъ право отъ разверстанія отказаться или же ограничиться упраздненіемъ одной черезполосицы въ имѣніи съ сохраненіемъ обо-

юднаго права выпаса. 4) Обязательное разверстаніе допускается по требованію какъ владѣльца, такъ и крестьянскаго общества, но въ послѣднемъ случаѣ вознагражденія за уничтоженіе общей толоки крестьяне требовать не въ правѣ. 5) Требованіе о производствѣ обязательнаго разверстанія должно быть заявлено въ теченіе 6 лѣтъ со дня обнародованія закона; по истеченіи сего срока допускается только добровольное разверстаніе. 6) При разверстаніи, каждый отдѣльный крестьянинъ имѣетъ право требовать выдѣла ему всего надѣла въ одной окружной межѣ. 7) Такъ какъ разверстаніе и обмѣнъ черезполосныхъ угодій сопряжены съ значительными расходами и предпринимаются въ видахъ улучшенія сельскохозяйственной культуры, то желательно распространеніе меліоративнаго кредита на операціи такого рода. 8) Разверстаніе должно быть произведено согласно министерскому проекту съ исправленіями, вызванными мѣстными условіями Подольской губерніи и изложенными въ прилагаемомъ проектѣ губернскаго Комитета (проектъ состоитъ изъ 70 статей).

Въ Волынскомъ губернскомъ Комитетѣ, при обсужденіи каждаго пункта правительственной программы, высказывалось убѣжденіе, что одной изъ главныхъ нуждъ губерніи является полное уничтоженіе сервитутовъ и черезполосицы, такъ какъ при существованіи ихъ для большинства хозяевъ прямо невозможно правильное веденіе хозяйства и улучшеніе сельскохозяйственной культуры. Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ принудительнымъ порядкомъ, для чего должны быть учреждены особыя комиссіи изъ юристовъ и сельскихъ хозяевъ, расходы отнесены на средства казначейства съ возвратомъ ихъ заинтересованными сторонами по истеченіи извѣстнаго срока. Дѣла этого рода рѣшаются не одновременно по всей губерніи, а въ теченіе 2—3 лѣтъ по отдѣльнымъ районамъ и уѣздамъ по особой очереди.

Изложенныя нами сужденія югозападныхъ губернскихъ Комитетовъ показываютъ, насколько нынѣ назрѣлъ вопросъ о полной ликвидаціи общинно-крѣпостныхъ порядковъ отжившей эпохи. Замѣтимъ, что сужденія уѣздныхъ Комитетовъ этихъ губерній отличаются еще большей рѣзкостью и категоричностью по данному вопросу. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ, такъ какъ то, что въ великой Россіи связываетъ одно крестьянство, въ югозападныхъ губерніяхъ связываетъ и крупныя частновладѣльческія хозяйства, сохранившіяся, благодаря наличности рабочаго элемента и отсутствію общиннаго уравнительнаго землепользованія въ большинствѣ селеній края.

Вполнѣ соглашаясь съ членами Комитетовъ въ неотложности рѣшенія по ликвидаціи крѣпостныхъ сервитутовъ и черезполосности владѣній, мы, однако, думаемъ, что центръ тяжести долженъ быть перенесенъ на крестьянскую деревню. Когда югозападные крестьяне получатъ полную личную и имущественную свободу и приступятъ къ разверстанію своихъ угодій, т. е. къ консолидаціи дворовъ, частно-владѣльческіе сервитуты и черезполосица уничтожатся сами собою, ибо потеряютъ весь свой смыслъ. Необходимость же консолидаціи крестьянскихъ дворовъ лучше всего выяснилась въ Комитетахъ сѣверо-западныхъ губерній.

Витебскій Губернскій Комитетъ прямо поставилъ вопросъ объ уничтоженіи сервитутовъ и черезполосности въ связь съ консолидаціей крестьянскихъ дворовъ и категорически постановилъ „упразднить общину“. Подобное категорическое опредѣленіе отмѣчено, между прочимъ, составителемъ свода трудовъ Комитетовъ, но объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣйствительности общинное уравнительное землепользованіе въ Витебской губерніи не практикуется, хотя установлено Положеніями 19 февраля 1861 г. Навязанное насильственно закономъ, оно не привилось, благодаря отсутствію

недоимокъ у крестьянъ. Крестьяне остались при „ревизскихъ“ душахъ, т.-е. владѣютъ своими надѣлами наслѣдственно, *называя ихъ „батьковщиной“*. Такимъ образомъ Комитетъ въ сущности постановилъ упразднить бумажную общину, но вовсе не посягалъ на существующую общину, предоставляя ликвидацію общинно-крѣпостныхъ отношеній естественному ходу вещей, посредствомъ возстановленія прежней редакціи 165 ст. выкупного Положенія. Затѣмъ Комитетъ постановилъ допустить мобилизацію крестьянской земли, предоставивъ крестьянамъ право пріобрѣтать, отчуждать надѣльныя земли и отдавать ихъ въ залогъ, при чемъ въ интересахъ уничтоженія черезполосицы и консолидаціи дворовъ предложилъ установить преимущественное право членовъ общины пріобрѣтать отчуждаемые надѣлы селенія.

Могилевскій губернскій Комитетъ признаетъ, что общинное землепользованіе не можетъ считаться главнѣйшимъ тормозомъ къ развитію сельскохозяйственной промышленности и простой переходъ къ подворному владѣнію, безъ разселенія крестьянъ и безъ устройства хуторского хозяйства, не можетъ быть признанъ мѣрою полезною; поощреніе же къ хуторскому разселенію можетъ оказать Крестьянскій Банкъ, повысивъ размѣръ ссуды до 100% оцѣнки и освободивъ покупателя отъ взноса платежей въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, съ разсрочкою этихъ платежей на весь остальной ссудный періодъ. Затѣмъ Комитетъ указываетъ на необходимость предоставить выселяющимся права продавать свои участки, по добровольному соглашенію съ покупщикомъ, и выражаетъ желаніе, чтобы Крестьянскій Банкъ оказывалъ содѣйствіе крестьянамъ по выкупу надѣльныхъ участковъ для перехода на хуторское хозяйство.

Гродненскій, Минскій и Виленскій губернскіе какъ и уѣздные Комитеты Бѣлорусско-литовскихъ губерній, энергично настаиваютъ на необходимости содѣйствія всѣми мѣрами къ

переходу шнурового крестьянскаго землепользованія къ подворному (отрубному). Мы приведемъ здѣсь обстоятельное заключеніе Виленскаго губернскаго Комитета по этому вопросу, такъ какъ мнѣнія прочихъ Комитетовъ приблизительно основаны на подобныхъ же доводахъ.

„Изыскивая мѣры къ улучшенію и подъему крестьянскаго сельскаго хозяйства, нельзя не притти къ убѣжденію, что никакое поступательное движеніе въ данномъ случаѣ немыслимо при существующихъ у крестьянъ порядкахъ землепользованія. Тотъ фактъ, что порядки эти страдаютъ массой недостатковъ, представляется совершенно безспорнымъ и согласно подчеркивается всѣми изслѣдователями этого вопроса. Невозможно опровергнуть вреднаго вліянія на сельское хозяйство излишней раздробленности крестьянскихъ надѣльныхъ участковъ, черезполосности и установившейся подъ вліяніемъ этихъ причинъ зависимости отъ сосѣдей каждаго отдѣльнаго домохозяина въ порядкахъ веденія его хозяйства.

Послѣдствія, проистекающія изъ нынѣшней „шнуровой“ системы крестьянскаго хозяйства, тяжелымъ бременемъ ложатся на все сельское населеніе. Крестьяне прежде всего лишены возможности перейти отъ трехпольной, отжившей свой вѣкъ системы, къ многопольной, а, слѣдовательно, ни травосѣяніе, ни закладка искусственныхъ пастбищъ для нихъ недоступны, откуда проистекаетъ плохое состояніе скотоводства, недостатокъ навоза и, вслѣдъ за тѣмъ, общее истощеніе почвы, при чемъ, благодаря трехполью, площадь крестьянскихъ посѣвовъ уменьшается въ Россіи непроизводительно на цѣлую треть, тогда какъ въ другихъ государствахъ паръ занимаетъ отъ 5 (Англія) до 10,5% (Германія)“. Растянувшіяся длинными, узкими полосами крестьянскія земли не поддаются хорошей обработкѣ, такъ какъ ихъ можно воздѣлывать лишь вдоль, за узкостью, препятствующей

повороту орудія; нельзя руководствоваться при обработкѣ почвы и направленіемъ ея естественнаго уклона, а потому поля крестьянскія не пользуются равномѣрнымъ распространеніемъ влаги. Дробленіе участковъ влечетъ за собою затруднительность употребленія даже нѣкоторыхъ орудій, какъ напр. бороны, огромную потерю времени при обработкѣ и уборкѣ полей, недоборъ въ урожаѣ, смѣшиваніе сѣмянъ на сосѣднихъ поляхъ, потерю удобренія, затаптываніе полосъ съ хлѣбомъ ранѣе управившимися сосѣдями, иногда потраву скотомъ. Удобреніе и даже обработка мелкихъ отдаленныхъ участковъ не окупается, ибо вывозъ навоза слишкомъ дорого обходится, а присмотръ за потравами на нихъ невозможенъ. Наконецъ безчисленное множество межъ, дорогъ и прогоновъ отнимаетъ изъ-подъ пахотей около 15% земли, служа разсадникомъ сорныхъ травъ, характерныхъ для крестьянскихъ хлѣбовъ. По устарѣлымъ нѣсколько исчисленіямъ, въ десяти губерніяхъ царства Польскаго около 400,000 десятинъ земли стоило 75,000,000 руб., непроизводительно оставаясь подъ межами [1]). Не меньшее количество земли пропадаетъ, по всей вѣроятности, и у насъ (въ Виленской губерніи.) Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей является меньшая производительность крестьянскихъ земель въ сравненіи съ помѣщиками, обѣднѣніе и податная неспособность населенія". Затѣмъ Комитетъ приводитъ цифровыя данныя центральнаго статистическаго Комитета для урожаевъ ржи, яровой пшеницы и овса за время съ 1883 по 1900 г., изъ которыхъ видно, что урожаи крестьянскихъ полей 14—21% ниже, чѣмъ у помѣщиковъ, такъ что, напр., въ 1901 году крестьяне собрали на 423 милліона пудовъ менѣе, чѣмъ

---

[1]) Если въ царствѣ Польскомъ пропадало 400,000 десятинъ земли подъ межами, то сколько же земли пропадаетъ такимъ же образомъ въ общинной Россіи?

могли бы собрать, если бы культура крестьянскихъ земель была доведена до уровня культуры частновладѣльческихъ.

„Въ виду изложеннаго, нельзя не притти къ заключенію, что улучшеніе крестьянскаго землепользованія составляетъ краеугольный камень въ дѣлѣ поднятія сельскохозяйственнаго промысла". „Улучшеніе же это можетъ быть достигнуто у насъ, прежде всего, устраненіемъ черезполосности, камассаціей земель и разселеніемъ крестьянъ". „Весьма важнымъ моментомъ въ этомъ дѣлѣ была бы отмѣна всѣхъ узаконеній препятствующихъ или замедляющихъ каммассацію крестьянскихъ надѣловъ, а равно всяческія поощрительныя мѣры къ разселенію крестьянъ какъ на надѣльной землѣ, такъ и на пріобрѣтенной ими при посредствѣ Крестьянскаго и земельныхъ банковъ".

„Кромѣ того, существующія законоположенія не опредѣляютъ съ достаточной точностью правъ собственности крестьянъ-хозяевъ на ихъ надѣльныя земли; является тоже не вполнѣ выясненнымъ право домохозяина и семьи на надѣльный участокъ. Существуютъ, наконецъ, правовыя нормы, стѣсняющія крестьянъ при обмѣнахъ, раздѣлахъ, залогѣ и куплѣ-продажѣ надѣльныхъ земель." Болѣе всего облегчитъ процессъ перехода крестьянъ къ культурной системѣ хозяйства желательное во всѣхъ отношеніяхъ постепенное введеніе для крестьянъ общаго съ остальнымъ населеніемъ правопорядка. Отсутствіе нынѣ прочнаго и яснаго законнаго порядка для разрѣшенія постоянно возникающихъ насущныхъ вопросовъ въ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ между собою является существеннымъ тормозомъ для прогресса сельскаго хозяйства и оказываетъ въ то же время вредное воспитательное вліяніе на крестьянское населеніе, не доставляя ему прочно установленнаго понятія о правѣ собственности", что въ свою очередь отражается на отношеніяхъ крестьянъ къ частнымъ земледѣльцамъ,

къ ихъ имуществу, рабочимъ, договорамъ и т. п.; „съ достаточною, слѣдовательно, очевидностью выступаетъ необходимость въ строго опредѣленныхъ и для всѣхъ равно обязательныхъ законоположеніяхъ“.

Затѣмъ Комитетъ для поощренія каммассаціи рекомендуетъ долгосрочныя ссуды и содѣйствіе Крестьянскаго Банка, учрежденіе парцеляціонныхъ банковъ и правительственныхъ органовъ для содѣйствія къ разверстанію крестьянскихъ участковъ.

Мы привели подробно заключеніе Виленскаго губернскаго Комитета не только потому, что оно представляетъ собою сводъ заключеній уѣздныхъ Комитетовъ и съ замѣчательной полнотой высказываетъ то, что было выражено Комитетами другихъ Бѣлорусско-литовскихъ губерній, но также потому, что въ общихъ чертахъ прекрасно излагаетъ нашъ взглядъ на данный вопросъ. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изложенію нашего взгляда, докончимъ нашъ обзоръ трудовъ Комитетовъ Европейской Россіи по вопросу о крестьянскомъ землепользованіи.

Ковенская губернія является въ своемъ родѣ межеумкомъ. Хотя общинно крѣпостные порядки здѣсь еще господствуютъ, но новый порядокъ свободнаго крестьянскаго землевладѣнія уже пустилъ свои корни. Въ громадномъ большинствѣ шнуровое общинное владѣніе въ Ковенской губерніи приводитъ крестьянскія хозяйства къ тѣмъ же печальнымъ результатамъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ мнимо-подворнаго владѣнія. Черезполосность въ Ковенской губерніи представляетъ черезполосность разныхъ видовъ: помѣщичьихъ земель съ крестьянскими и др. разрядами сельскихъ обывателей, черезполосность общинной земли и черезполосность „околицъ“ Послѣдняя черезполосность самая пагубная и нелѣпая и представляетъ собою остатокъ крѣпостныхъ порядковъ, ничѣмъ рѣшительно не регулированный. „Околицы“—въ сущ-

ности фикціи въ полномъ смыслѣ этого слова, ибо не имѣютъ никакой общественной организаціи, при чемъ даже невозможно опредѣлить, въ составъ какой околицы входитъ участокъ. Юридическій смыслъ околицъ заключается въ томъ, что они составляютъ участки мелко-помѣстныхъ дворянъ. Разбросанные безъ всякаго порядка, эти остатки вотчинныхъ земель потеряли нынѣ всякій экономическій и соціальный смыслъ и приносятъ только вредъ, такъ какъ экономическое положеніе околицъ даже хуже, чѣмъ положеніе крестьянскихъ селеній съ шнуровымъ пользованіемъ, а потому мы не можемъ въ данномъ случаѣ согласиться съ мнѣніемъ Ковенскаго губернскаго Комитета о добровольномъ размежеваніи околицъ; здѣсь необходимо примѣнить принудительное регулированіе.

Затѣмъ относительно разселенія крестьянъ въ предѣлахъ ихъ надѣла Комитетъ принялъ слѣдующія рѣшенія: 1) Признавая разселенія крестьянъ въ высшей степени необходимымъ для поднятія крестьянскаго благосостоянія, Комитетъ полагалъ бы предоставить селенному сходу постановлять приговоры о разселеніи: а) большинствомъ голосовъ и б) владѣющихъ при этомъ $^{3}/_{4}$ всей надѣльной земли; имѣющимъ право голоса на селенномъ сходѣ считать дворохозяевъ, признанныхъ таковыми по приговорамъ схода и волостными правленіями; 2) ходатайствовать о предоставленіи разселившимся крестьянамъ кредита изъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка и о выдачѣ ссуды подъ покупаемыя крестьянами земли не иначе, какъ при условіи разселенія колоніями; 3) пониженіе страховыхъ премій для разселившихся крестьянъ, сравнительно съ деревнями; 4) отпускъ разселяющимся казеннаго лѣсного матеріала по пониженной таксѣ, какъ это практикуется въ отношеніи потерпѣвшихъ отъ пожаровъ. Кромѣ того Комитетъ ходатайствуетъ о поощреніи частныхъ землемѣровъ учрежденіемъ пенсій на томъ основаніи, что

крестьяне предпочитаютъ, при разселеніяхъ на колоніи, пользоваться услугами землемѣра, ими самими оплачиваемаго и вслѣдствіе этого болѣе отъ нихъ зависимаго.

Заключеніе Ковенскаго губернскаго Комитета имѣетъ особое значеніе потому, что въ Ковенской губерніи разселеніе крестьянъ и ликвидація шнурового землепользованія начались, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, въ Россіенскомъ уѣздѣ и въ настоящее время эти разселенія распространились и въ другихъ уѣздахъ (Вилькомірскомъ, Поневѣжскомъ и др.) По свидѣтельству уѣздныхъ Комитетовъ, эти „фермерскія хозяйства процвѣтаютъ“. Чтобы дать понятіе читателю о пріемахъ крестьянъ при ликвидаціи шнурового землепользованія, приведемъ выдержки изъ подлинныхъ приговоровъ мірскихъ сходовъ.

„1889 года, декабря 2 дня. Мы нижеподписавшіеся крестьяне-домохозяева, предварительно приступленія къ торгамъ на пріобрѣтеніе разверстанныхъ изъ надѣловъ нашихъ колоній мѣрою свыше 11 десятинъ каждая, заключили настоящій договоръ съ круговою другъ за друга порукою въ аккуратномъ исполненіи таковаго, заключающагося въ нижеслѣдующихъ пунктахъ: 1) согласно добровольному желанію всѣхъ насъ, торги должны быть произведены 9-го числа сего декабря мѣсяца; торговаться на пріобрѣтеніе колоній имѣютъ право только тѣ крестьяне, которые владѣли до сихъ поръ землями въ деревнѣ № какъ по надѣлу, такъ равно кому таковые достались по наслѣдству или по степени родства на законномъ основаніи; прочія лица, не владѣвшія землями ранѣе, хотя бы даже по довѣренностямъ владѣльцевъ, къ торгамъ не допускаются; 2) тѣ изъ домохозяевъ, которые до сего времени владѣли цѣлыми участками, имѣютъ право торговать двѣ колоніи въ смежности, а смежники его, какъ полные хозяева, такъ и компанія половинщиковъ могутъ только надбавлять на цѣлый участокъ, и торговаться на по-

ловину участка, явно портя полный колоніальный участокъ, не имѣютъ права; 3) всѣ ставшіе торговаться на лучшія колоніи, т. е. такія, къ которымъ будетъ слѣдовать денежная доплата, должны положить 100 руб. залога и какъ только доплата превыситъ сумму 100 руб., то отъ каждой сотни прибавочной платы класть по 10 руб. залога; замѣна заторгованныхъ колоній можетъ быть впослѣдствіи сдѣлана только по соглашенію отдѣльныхъ договорившихся хозяевъ и не должна нарушать общаго порядка цѣлой деревни; залоговыя деньги въ такомъ же порядкѣ должны быть выданы въ задатокъ тѣмъ, которые къ худшимъ колоніямъ будутъ получать прибавки; 4) слѣдуемая въ прибавку сумма денегъ, предложенная на торгахъ ко всякой колоніи, за исключеніемъ залоговъ, должна быть разсрочена на три года: первая третья часть платы должна быть внесена нами 15 будущаго 1890 г., а остальныя двѣ трети 1-го ноября 1891 и 1892 г.г., которыя въ соотвѣтственные выше сроки будутъ выплачиваться получающимъ денежныя прибавки; если бы кто не уплатилъ слѣдуемыхъ денегъ въ положенные сроки, то получающіе прибавки въ видѣ % въ правѣ владѣть 1 десятиною земли неплательщика впредь до уплаты денегъ и во всякомъ случаѣ не раньше уборки посѣянныхъ продуктовъ; 5) выходъ на колоніи долженъ совершиться слѣдующимъ порядкомъ, а именно: осенью будущаго года обсѣменять озимыя поля обязанъ каждый хозяинъ на пріобрѣтенной съ торговъ колоніи, а весною 1891 г. сѣять также и яровые хлѣба на оныхъ; для вывоза навоза всѣ обязаны предоставлять дороги, гдѣ бы таковыя не пришлось прокладывать за исключеніемъ садовъ; переносъ строеній долженъ быть оконченъ всѣми хозяевами до 1-го марта 1893 года, а пользованіе садами и огородами будетъ продолжаться до 1-го ноября 1892 г.; 6) если бы кому нужно было бы для осушки земли провести черезъ свои колоніи канавы, и проходящая по онымъ вода

заливала бы низменныя колоніи, то владѣлецъ оной не въ правѣ препятствовать, а обязанъ также самъ отводить воду канавами въ ту сторону, гдѣ окажется удобнѣе черезъ свой надѣлъ, но копать канавы обязанъ помогать тотъ хозяинъ, который спустилъ воду; 7) Возведеніе заборовъ около колоній должно быть по самой граничной линіи отнюдь безъ всякихъ захватовъ; 8) уплачивать выкупные платежи всѣ поровну, т.-е. полные хозяева по 26 р. 85 к., а половинщики по 13 руб. $42^1/_2$ к.; прибавка или сбавка этихъ платежей во всякомъ случаѣ должна быть равная для всѣхъ и 9) за неисполненіе въ точности условій сего договора виновные обязываются уплачивать штрафъ въ пользу цѣлой деревни 300 руб. за каждый разъ, изъ котораго должны быть вознаграждены понесшіе отъ этого убытки.

Въ чемъ и подписуемся".

Изъ приговора того же общества 1889 года декабря 30 дня видно, что торги состоялись, колоніи были распредѣлены (въ приговорѣ обозначены участки, платежи и задатки каждаго владѣльца). Затѣмъ въ приговорѣ говорится: „Принятыя по сему договору съ торговъ колоніи напередъ никакимъ передѣламъ или измѣненіямъ не подлежатъ и остаются въ вѣчное потомственное владѣніе разъ навсегда ихъ пріобрѣтателей". Далѣе указываются сроки уплаты остальныхъ суммъ, и въ слѣд. 4 п. постановлено: „пастьба скота весною будущаго года вплоть до 1 августа должна быть производима всею деревнею на общемъ пастбищѣ, парномъ и на поляхъ изъ-подъ клевера, а послѣ этого срока, т. е. съ 1-го августа, должна производиться на скошенныхъ озимыхъ поляхъ, а съ 8-го сентября, кромѣ того, и на поляхъ изъ-подъ яровыхъ посѣвовъ, но только съ 1 августа каждый хозяинъ въ правѣ пасти свой скотъ только на собственной колоніи".

Такъ разрѣшилъ вопросъ о консолидаціи дворовъ сель-

скій міръ подворниковъ; впрочемъ многія условія не вошли въ приговоръ, но были приняты крестьянами на словахъ. Въ другихъ уѣздахъ Ковенской, Волынской, Подольской, Гродненской, Витебской и др. губерніяхъ съ подворнымъ владѣніемъ приговоры сходовъ нѣсколько отличаются отъ приведеннаго и еще болѣе обстоятельны, въ виду иного положенія членовъ общины; бѣднымъ членамъ даются особыя преимущества.

Пусть же защитники уравнительнаго землепользованія приведутъ намъ примѣръ подобнаго же разверстанія черезполосныхъ полей въ великорусской общинѣ съ прекарнымъ уравнительнымъ владѣніемъ! Ихъ не было и никогда не будетъ безъ посторонняго извнѣ давленія. Только у крестьянъ великоруссовъ, перешедшихъ фактически къ подворно-наслѣдственному пользованію или сохранившихъ эту форму землепользованія со дня освобожденія, переходъ на хуторское хозяйство отмѣченъ изслѣдователями. Такимъ образомъ не характеръ великоросса, бѣлорусса, литовца и пр. опредѣляетъ форму землепользованія, а тотъ правовой порядокъ, которому онъ подчиненъ. А между тѣмъ мы читаемъ у ученаго писателя: „*Въ дѣйствительности* разселеніе великороссійской деревни на отдѣльные хуторные поселки было бы до такой степени противно всѣмъ обычаямъ народа, что оно немыслимо“ [1]). Тогда какъ средневѣковая великороссійская Русь до прикрѣпленія крестьянъ была сплошь заселена отдѣльными подворными владѣніями крестьянъ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ всѣ памятники и, между прочимъ, писцовыя книги; самое слово „деревня“ означало одинъ дворъ или вообще подворный участокъ. То же явленіе можемъ наблюдать и нынѣ на заимкахъ Сибири.

Тотъ же писатель утверждаетъ: „затрудненія и неудобства

---

[1]) Тернеръ стр. 211.

(черезполосицы) увеличатся въ тысячу кратъ, когда общинныя деревни станутъ переходить къ хуторному порядку". „Переходъ отъ общиннаго владѣнія къ хуторному породилъ бы еще болѣе ужасающую черезполосность, какъ это доказываетъ примѣръ подворнаго владѣнія" (!). Такъ плохо былъ освѣдомленъ ученый писатель съ дѣйствительностью и такъ легковѣренъ къ тенденціознымъ свидѣтельствамъ литературныхъ уравнителей. Конечно, въ настоящее время требуется особая, выдающаяся энергія со стороны нашихъ подворниковъ для ликвидаціи крѣпостной формы землепользованія, тѣмъ знаменательнѣе, что эта энергія оказалась въ наличности. Лучшимъ же моментомъ для регулированія общиннаго землепользованія слѣдуетъ признать моментъ перехода крестьянъ отъ крѣпостного состоянія къ свободному, какъ это осуществилось въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Разъяснимъ прежде всего сущность землепользованія крестьянъ въ этихъ губерніяхъ. Какъ въ Западной Европѣ и у насъ въ великой Россіи, такъ и въ этихъ губерніяхъ крѣпостное право было не только частнымъ, но и общественнымъ институтомъ. Вотчиникъ былъ господиномъ всей территоріи своего имѣнія, но одна часть его была въ непосредственпомъ хозяйственномъ распоряженіи вотчинника, а другая въ пользованіи крестьянъ—кормила ихъ. Первая часть составила господскую мызную землю, вторая—крестьянскую мірскую (Bauerland). Верховный вотчинникъ, а затѣмъ государство старались охранить крестьянскую землю отъ поглощенія мызной и большей частью это удалось имъ на континентѣ Европы. У насъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ мірская крестьянская земля нашла властную защиту со стороны государства и сохранилась до сего дня въ цѣлости. Вотчинникъ могъ согнать крестьянина съ земли, но не имѣлъ права присоединить эту землю къ мызной. При освобожденіи крестьянъ (Государемъ Александромъ I), мірская земля вся въ цѣ-

лости перешла въ постоянное пользованіе крестьянъ и имъ было предоставлено право выкупать ее у вотчинниковъ по добровольнымъ соглашеніямъ. Изъ изложеннаго читатель можетъ убѣдиться, какъ ложны увѣренія нашей печати, будто крестьяне прибалтійскихъ губерній были освобождены *безъ земли*. Оказывается, что мірская крестьянская земля была установлена законоположеніями прибалтійскихъ губерній на томъ же основаніи, какъ и нашими Положеніями 19 февраля 1861 года; разница только въ томъ, что въ прибалтійскихъ законоположеніяхъ нѣтъ положенія о выкупѣ, и все было предоставлено добровольнымъ соглашеніямъ господъ и крестьянъ. Поэтому была сохранена и вотчинная власть господъ, но въ извѣстныхъ предѣлахъ. При Государѣ же Александрѣ II эта вотчинная власть почти всецѣло перешла къ міру (волости) и государственной власти. Таково дѣйствительное положеніе крестьянъ прибалтійскихъ губерній. Громадное же ихъ преимущество передъ русскими, литовскими и польскими крестьянами заключается въ томъ, что надѣлы крестьянъ почти всюду регулированы, т. е. крестьянскіе дворы консолидированы. Нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьянство прибалтійскихъ губерній находится въ цвѣтущемъ состояніи и на очень высокомъ культурномъ уровнѣ. Стоитъ только сравнить пограничныя поля крестьянъ Псковской губерніи и Лифляндской, чтобы убѣдиться въ этомъ. Поэтому комитеты нашей прибалтійской окраины почти вовсе не обсуждали самаго жгучаго и важнаго вопроса остальной Россіи: черезполосицы, разверстки угодій и вообще „коммассаціи“.

Мы особенно выставляемъ этотъ фактъ въ опроверженіе постоянныхъ голословныхъ утвержденій нашихъ защитниковъ общиннаго владѣнія, будто при подворномъ владѣніи черезполосица возникаетъ еще легче, чѣмъ при общинномъ. Почему же въ прибалтійскихъ губерніяхъ она до сихъ поръ

не возникла, несмотря на почтенный возрастъ подворнаго владѣнія? Отвѣта на этотъ вопросъ мы, конечно, не получимъ.

Институтъ мірской земли сохранился до сихъ поръ въ Лифляндской губерніи, благодаря отсутствію выкупного положенія. Нынѣ этотъ вопросъ сдѣлался критическимъ для „господъ“ этой губерніи, такъ какъ они не безъ основанія полагаютъ, что правительство назначитъ обязательный выкупъ. Но можно надѣяться, что дѣло обойдется и безъ „принужденія“, такъ какъ въ послѣднее время дворянство довольно энергично приступило къ соглашеніямъ и выкупнымъ сдѣлкамъ. Для крестьянства Лифляндіи въ сущности добровольныя соглашенія выгоднѣе принудительнаго выкупа, а потому, можетъ быть, мірская земля будетъ ликвидирована миролюбиво, если только будутъ устранены тѣ препятствія, на которыя указали Комитеты. Отмѣтимъ здѣсь одинъ важный фактъ. Въ Комитетахъ прибалтійскихъ губерній принимали участіе представители отъ крестьянства и въ лицѣ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ латышей и эстовъ встрѣчали весьма энергическую поддержку своихъ интересовъ. Такъ и по вопросу „о продажѣ“ крестьянской земли интеллигентные представители крестьянскихъ интересовъ требовали, чтобы „обязательная“ продажа этой земли была признана желательной и необходимой, но Лифляндскій губернскій Комитетъ отклонилъ это предложеніе въ виду того, что изъ 1.200.000 дес. крестьянской земли осталось не проданною лишь 167.780 дес., т. е. 11% и это число постоянно уменьшается. Мы думаемъ, что Комитетъ поступилъ благоразумно. Впрочемъ въ этомъ вопросѣ энергическое участіе приняла и высшая административная власть въ губерніи. Такъ въ запискѣ г. Лифляндскаго губернатора (г. Пашкова) предлагается произвести „давленіе“ на „господъ“ для скорѣйшей распродажи оставшейся непроданной крестьянской земли и въ особенности по отношенію къ острову Эзель, гдѣ оказывается не проданными

90% крестьянской земли. „Давленіе“, конечно, въ данномъ случаѣ желательно, что, кажется, не отрицали и уважаемые члены Комитета, приглашенные отъ „господъ“.

Гораздо важнѣе вопросъ объ „общинѣ“, возбужденный господами, но поддержанный отчасти и крестьянами. Волостная община въ Лифляндіи переобразована по русскому образцу; на сходѣ принимаютъ участіе земельные крестьяне и безземельные, и послѣдніе тормозятъ соглашенія помѣщика съ крестьянами, не имѣя въ соглашеніи ни малѣйшаго интереса; очень часто сходъ поддерживаетъ худшіе элементы деревни во вредъ лучшимъ. Однимъ словомъ, волостной міръ требуетъ преобразованія, съ чѣмъ нельзя не согласиться, и въ настоящее время, когда ликвидація мірской земли приходитъ къ своему окончанію, слѣдовало бы правительству приняться за серьезную реформу мелкой земской единицы, о чемъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Серьезными вопросами для Лифляндской губерніи представляются нѣкоторыя реальныя привилегіи дворянства (господъ) и въ особенности положеніе безземельныхъ. Безземельные—это тотъ классъ бывшихъ крѣпостныхъ, который работалъ на мызной землѣ и не былъ прикрѣпленъ къ ней; этотъ классъ существовалъ и въ средневѣковой Руси (бобыли). Значительная его часть въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ получила усадьбы, но не мало лицъ этого класса не получили и клочка земли. Въ Лифляндской губерніи правительство приняло къ сердцу положеніе обездоленныхъ и приступило къ надѣленію ихъ землями казенныхъ имѣній на правѣ аренды и выкупа. Къ сожалѣнію крестьяне казенныхъ имѣній еще не получили выкупныхъ актовъ, а потому находятся въ трудномъ положеніи, не имѣя возможности пользоваться кредитомъ. Съ классомъ безземельныхъ сельскихъ обывателей мы еще встрѣтимся въ другихъ губерніяхъ прибалтійскаго края (Эстляндской и Курляндской). Лифляндскій губернскій

Комитетъ призналъ желательнымъ, чтобы правительство дало свое согласіе на продажу безземельнымъ крестьянамъ, по частямъ, нѣкоторыхъ казенныхъ имѣній и, въ особенности, существующихъ въ большомъ количествѣ отдѣльныхъ мелкихъ арендныхъ частей, при чемъ желательно расширеніе права, предоставленнаго г. министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ закономъ 1896 г., на продажу подобныхъ мелкихъ частей, приносящихъ дохода до 150 рублей, и болѣе крупныхъ участковъ съ большимъ доходомъ. Затѣмъ Лифляндскій Комитетъ пришелъ къ заключенію, что пересмотръ дѣйствующаго закона о минимумѣ величины новообразуемыхъ участковъ представляется весьма желательнымъ, при чемъ единственнымъ мѣриломъ для величины участковъ должно служить требованіе, чтобы участокъ былъ достаточно великимъ для содержанія крестьянской семьи безъ постояннаго заработка. Намъ кажется, что это требованіе едва ли исполнимо; впрочемъ мы объ этомъ будемъ говорить впослѣдствіи.

Относительно переселеній крестьянъ, Лифляндскій губернскій Комитетъ и уѣздные комитеты высказались отрицательно, признавая переселенія вредными для сельскихъ хозяевъ и совершенно ненужными въ виду того, что приростъ населенія Лифляндіи невеликъ. Съ этимъ опредѣленіемъ согласился и губернаторъ края.

Въ заключеніе приведемъ выписку изъ записки Императорскаго Лифляндскаго Общеполезнаго Экономическаго Общества по вопросу о черезполосности и консолидаціи крестьянскихъ дворовъ. „Доказательствомъ того, насколько полезно въ смыслѣ народнаго хозяйства разселеніе крестьянскихъ поселковъ по полевой землѣ, а потому, какъ важна каждая мѣра, направленная къ этому, можетъ служить Лифляндская губернія. И здѣсь, какъ еще во многихъ губерніяхъ Россійской Имперіи, черезполосность земельныхъ участковъ, при-

надлежащихъ къ различнымъ крестьянскимъ усадьбамъ, во время крѣпостного права мѣшала лифляндскому крестьянину вести раціональное хозяйство—многопольный сѣвооборотъ и разведеніе клевера, которое стало для него возможнымъ, лишь благодаря раздѣленію усадьбъ и отчасти разселенію ихъ, такъ какъ иначе всякое самостоятельное хозяйство было вообще немыслимо. Не пользуясь средствами отъ государства, какъ это было вездѣ въ Западной Европѣ, эта важная сельскохозяйственная реформа въ Лифляндіи совершилась на основаніи добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянскими обществами съ большими съ обѣихъ сторонъ сторонъ жертвами (!), но и съ большою пользою и при этомъ относительно, т. е. въ сравненіи съ другими странами, легко, потому что она производилась въ то время, когда помѣщичьи и крестьянскія отношенія еще не были прерваны. Удобными условіями, способствующими рѣшенію этого важнаго дѣла, слѣдуетъ считать сравнительное постоянство въ личномъ составѣ на обѣихъ сторонахъ, непосредственное участіе помѣщиковъ, которые только въ очень рѣдкихъ случаяхъ предоставляли это дѣло вполнѣ своимъ повѣреннымъ, и возможность привлечь для неизбѣжнаго обмѣна не только крестьянскіе участки подлежащаго имѣнія, но и угодья остального помѣщичьяго владѣнія, прежде всего существовавшіе тогда еще въ большомъ количествѣ залежи, но и поля подмызковъ, лѣсные участки и проч.“

„Если лифляндскій крестьянинъ съ тѣхъ поръ относительно счастливо преодолѣлъ осложненія всемірнаго рынка, которыя въ другихъ странахъ, напр., въ восточной Германіи, оказывая одинаковое вліяніе, подѣйствовали прямо разрушительно на сельскохозяйственное сословіе, то онъ обязанъ этимъ счастьемъ, главнымъ образомъ, послѣдствіямъ раціонально проведеннаго разселенія и обмѣна земельныхъ участковъ, благодаря чему, онъ имѣлъ возможность въ теченіе

этого времени ввести у себя многопольное хозяйство съ разведеніемъ клевера и картофеля или со льноводствомъ“.

Отдавая должное справедливости приведенныхъ словъ, а равно усиліямъ благороднаго лифляндскаго сословія, мы позволимъ себѣ замѣтить, что не меньшую роль сыгралъ въ этомъ счастливомъ исходѣ средневѣковой институтъ мірской земли (Bauerland), ибо благодаря только этому институту рыцари-господа не обезземелили своихъ крестьянъ, при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, какъ это случилось въ Англіи. Не меньшую роль сыграла и Государственная Имперская Власть, которая никогда не допустила бы обезземеленія многочисленнаго крестьянскаго сословія. Являясь нынѣ рѣшительнымъ „врагомъ“ общины, авторъ всегда готовъ воздать должное историческому значенію этого института. Крѣпостная община закрѣпила землю за крестьянствомъ; въ этомъ и заключался ея историческій смыслъ. Теперь, при свободѣ, она является величайшимъ зломъ; не имѣя уже возможности прикрѣпить крестьянина къ землѣ, она обезземелитъ его и погубитъ. Свободное крестьянство можетъ сохраниться и окрѣпнуть только при полной мобилизаціи земли.

Въ Эстляндской губерніи изъ всего количества мірской земли въ размѣрѣ 377.595 десятинъ къ концу 1899 года поступило во владѣніе крестьянъ 361.620 дес. и принадлежитъ крестьянскимъ обществамъ 1.262 дес., всего слѣдовательно 98,71%, изъ коихъ 11.300 участковъ, т. е. 50% пріобрѣтено крестьянами въ собственность. Очевидно и въ этой губерніи не можетъ быть рѣчи объ „обезземеленіи“ крестьянъ, но и въ Эстляндской губерніи классъ безземельныхъ сельскихъ обывателей значительный. Слѣдуетъ замѣтить, что перепродажа крестьянскихъ надѣловъ въ Эстляндской губерніи явленіе сравнительно рѣдкое, и что изъ 25.000.000 руб., выданныхъ въ ссуду за крестьянскую землю, уже уплачено около 11.000.000 руб. Значительный классъ безземельнымъ, разу-

мѣется, стремится сѣсть на землю, но институтъ мірской земли служитъ нынѣ, при свободѣ, препятствіемъ для прочнаго осѣданія именно наиболѣе обездоленнаго класса. Такъ во многихъ мѣстахъ губерніи „на крестьянскихъ участкахъ образовались поселки, и съ давнихъ поръ поселились отдѣльные крестьяне, которые не ведутъ хозяйства, но занимаются какими-либо промыслами или ремеслами. Положеніе этихъ крестьянъ крайне неопредѣленное, ибо они не могутъ пріобрѣсти въ собственность тѣхъ небольшихъ участковъ, на которыхъ они живутъ съ давняго времени и на которыхъ они построились, между тѣмъ пріобрѣтеніе это не оказало бы рѣшительно никакого вліянія ни на сокращеніе числа существующихъ отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, ни на ихъ уменьшеніе“. Комитетъ постановилъ единогласно резолюцію: „ходатайствовать объ измѣненіи 58 и 208 ст. Полож. о крестьянахъ Эстляндской губерніи въ смыслѣ допущенія образованія на крестьянской землѣ отдѣльныхъ маломѣрныхъ участковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это признается необходимымъ по мѣстнымъ условіямъ, и если послѣдствіемъ сего не будетъ упраздненіе или уменьшеніе существующихъ уже крестьянскихъ хозяйствъ“ [1]).

На основаніи 9 ст. Полож. о крест. Эстл. губ. 1856 г., вся площадь крестьянской земли въ границахъ 9 іюня 1846 г., за исключеніемъ шестой доли ея, отдѣленной съ спеціальнымъ назначеніемъ въ распоряженіе помѣщика, предоставлена въ неотъемлемое пользованіе крестьянскаго сословія,

---

[1]) По этому вопросу было подано Эстляндскому губернатору характерное прошеніе крестьянъ Саркферской волости Вейсенштейскаго уѣзда, въ которомъ они указываютъ на свое „роковое бѣдственное положеніе“ вслѣдствіе того, что „со старинныхъ лѣтъ имъ были предоставлены бобыльные участки, между тѣмъ владѣльцы имѣнія Саркферъ стали пользоваться этой крестьянской землей; отобраніе же этой земли у просителей „имѣетъ довольно гибельное послѣдствіе на счастіе ихъ семейнаго очага“.

въ видахъ его обезпеченія. Между тѣмъ статьями 57 и 201 того же Положенія помѣщикамъ разрѣшена отдача въ аренду и продажа крестьянской земли не только крестьянамъ, но и лицамъ другихъ сословій, вступившимъ въ волостной союзъ (въ общество), для чего достаточно самаго факта аренды или покупки крестьянскаго участка (примѣч. къ 1 ст. Волостн. Полож. 19 февраля 1866 г.). Руководствуясь соображеніемъ, что по закону крестьянская земля, отдѣленная отъ помѣщичьей, предназначается для надѣленія крестьянъ Эстляндской губерніи, Комитетъ постановилъ ходатайствовать о дополненіи Полож. о крестьянахъ постановленіемъ о томъ, что участки крестьянской земли могутъ быть продаваемы или сдаваемы *помѣщикомъ* только лицамъ крестьянскаго сословія (т. е. Эстляндскимъ крестьянамъ).

Процессъ консолидаціи крестьянскихъ дворовъ еще не закончился въ Эстляндской губерніи и несомнѣнно, что препятствіемъ въ данномъ случаѣ служитъ община (волость). По существующему въ настоящее время порядку обмѣна крестьянской земли на мызную (ст. 49 Полож. о крестьян. 1856 г. и ст. 33—36 дополнит. правилъ 1859 г.), владѣлецъ имѣнія составляетъ проектъ обмѣна и сообщаетъ его съ указанными въ законѣ документами сходу выборныхъ той волости, въ предѣлахъ которой лежитъ крестьянская земля даннаго имѣнія. Сходъ выборныхъ, разсмотрѣвъ проектъ, составляетъ приговоръ о своемъ согласіи или несогласіи на обмѣнъ, при чемъ только въ случаѣ согласія проектъ обмѣна поступаетъ на утвержденіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое разсматриваетъ его лишь съ формальной стороны. Такимъ образомъ крестьяне наиболѣе заинтересованные въ обмѣнѣ, т. е. крестьяне тѣхъ деревень, въ предѣлахъ которыхъ обмѣнъ происходитъ, устранены отъ непосредственнаго участія въ разрѣшеніи дѣла. Между тѣмъ волостной сходъ, состоя изъ представителей разныхъ деревень

и разныхъ имѣній, часто совсѣмъ не знаетъ обмѣниваемыхъ земель, тогда какъ крестьяне дворохозяева деревень, въ предѣлахъ которыхъ обмѣнъ происходитъ, близко знакомы съ обмѣниваемыми землями. На практикѣ часто случается предвзятое отношеніе схода выборныхъ—къ обмѣну, въ явный ущербъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ. Комитетъ единогласно постановилъ объ измѣненіи дѣйствующаго порядка обмѣна крестьянской земли на мызную въ томъ смыслѣ, чтобы проектъ обмѣна, предварительно внесенія его на обсужденія схода выборныхъ, предлагался на заключеніе непосредственно заинтересованныхъ крестьянъ—домохозяевъ и въ случаѣ разногласія между ними и сходомъ выборныхъ представлялся съ заключеніемъ комиссара по крестьянскимъ дѣламъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе для постановленія опредѣленія по существу.

Горячія дебаты въ Эстляндскомъ губернскомъ Комитетѣ возбудилъ вопросъ объ условіяхъ аренды крестьянами мірской земли (формѣ договора, вознагражденія за улучшенія, отказа со стороны помѣщика и срока аренды). Мы считаемъ излишнимъ останавливаться на этомъ вопросѣ потому, что институтъ аренды временной и нужно надѣяться, что дворяне-вотчинники Эстляндской губерніи поспѣшатъ кончить съ нимъ, заключивъ съ „арендаторами“ выкупные договоры. Вѣроятно правительство произведетъ надлежащее „давленіе“ на „господъ“ въ этомъ направленіи. Впрочемъ съ распространеніемъ дѣйствій Крестьянскаго Банка на Эстляндскую губернію можно обойтись и безъ этого давленія, и хотя въ Комитетѣ горячо возражали противъ этой мѣры, но она была принята большинствомъ 30 голосовъ противъ 28.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ заключить, что положеніе крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія въ Эстляндской губерніи далеко не достигло того „блестящаго“ положенія, какъ въ Лифляндской. Будемъ надѣяться, что благородный

классъ Эстляндской губерніи приметъ этотъ фактъ къ свѣдѣнію и къ сердцу и что труды Комитетовъ Эстляндской губерніи принесутъ много пользы и облегченій крестьянству этой губерніи.

Курляндская губернія представляетъ послѣднее звено въ развитіи крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія прибалтійскихъ губерній. Строго говоря, въ этой губерніи крестьянскаго вопроса не существуетъ. Консолидація подворнаго владѣнія повидимому закончена, такъ что губернскій Комитетъ даже не обсуждалъ относящихся къ этому предмету пунктовъ правительственной программы. Но въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ Комитетахъ было выражено желаніе отмѣны пошлинъ при обмѣнѣ земельныхъ участковъ для устраненія черезполосности. Изъ постановленій Виндавскаго уѣзднаго Комитета и нѣкоторыхъ другихъ слѣдуетъ заключить, что подобная черезполосность господствуетъ лишь въ *казенныхъ* крестьянскихъ усадьбахъ (подворныхъ участкахъ), которыя были проданы въ своихъ старыхъ границахъ и образуютъ, по словамъ Комитетовъ „до невозможности пестрое смѣшеніе другъ съ другомъ земельныхъ участковъ, что дѣлаетъ почти невозможнымъ успѣшное веденіе сельскаго хозяйства". Однако, нѣкоторыя изъ этихъ *казенныхъ* крестьянскихъ подворныхъ владѣній частію консолидированы, какъ это можно судить изъ прошенія крестьянъ-землевладѣльцевъ, „приписанныхъ къ волости, расположенной въ Курляндской губерніи, Гробинскаго уѣзда, казеннаго имѣнія Нидербортау„ въ которомъ просители излагаютъ„ что 15 лѣтъ тому назадъ имъ были проданы участки навѣкъ", но пастьбы, принадлежащія къ этимъ участкамъ, не были регулированы. Когда же владѣльцы убѣдились, что совмѣстное пользованіе пастьбой „не приноситъ никакой пользы" и обратились съ просьбой въ прибалтійское управленіе Государственными Имуществами о разверстаніи по дворамъ пастьбищной площади, то получили

отвѣтъ, что разверстаніе общей пастьбищной земли можетъ быть допущено лишь при единогласіи всѣхъ владѣльцевъ, котораго достигнуть, по мнѣнію просителей, совершенно невозможно, ибо пастбище принадлежитъ болѣе ста пользователямъ. Между тѣмъ подобное совмѣстное пользованіе не только не приноситъ пользы владѣльцамъ, но создаетъ слѣдующія печальныя послѣдствія: 1) весною, когда земля пропитана влагою, нѣкоторые „пользователи" пускаютъ свой скотъ на пастьбу и портятъ пастбище такъ, что „трава болѣе не растетъ"; 2) нѣкоторые „совмѣстные пользователи" пускаютъ на пастбище свиней, которыя разрываютъ почву и обращаютъ лугъ „въ дурно вспаханное поле"; пасутъ большія стада гусей, которые обращаютъ лугъ въ толоку, гдѣ коровамъ и лошадямъ и ѣсть нечего; 3) на нѣкоторыхъ пастбищахъ необходимо выкопать канавы и мокрыя мѣста высушить; въ другихъ устроить дамбы отъ наводненій, но „пользователи" не могутъ между собою согласиться, и работы по улучшенію пастбищъ не исполняются; 4) на пастбищахъ растутъ можжевельникъ и кустарники и разраслись дурныя травы, но при совмѣстномъ пользованіи нельзя вырубить кустарника и улучшить луга; 5) при такомъ невыгодномъ пользованіи нѣкоторое „пользователи" не въ состояніи своевременно выплачивать выкупные".

Нужно надѣяться, что государство снизойдетъ къ просьбѣ „совмѣстныхъ пользователей"; иначе придется допустить, что вотчинники—дворяне Курляндской губерніи исполнили свою соціальную обязанность по отношенію къ своимъ крестьянамъ, а казна-вотчинникъ — уклонилась отъ этой обязанности.

Послѣдняя всеобщая перепись 1897 года обнаружила, что сельское населеніе въ Курляндской губерніи за послѣдніе 40 лѣтъ численно не увеличилось, а нѣсколько даже умень-

шилось[1]) съ 498.000 въ 1863 г. на 491.000 чел. въ 1897 г. Такъ какъ рождаемость и смертность не выходили изъ нормальныхъ предѣловъ, то указанный фактъ объясняется выселеніемъ сельчанъ въ городъ и другія губерніи. Между тѣмъ развитіе сельскаго хозяйства въ Курляндской губерніи потребовало больше рабочихъ рукъ и вызвало небывалый подъемъ наемной платы сельскихъ рабочихъ. Крестьянское хозяйство въ Курляндской губерніи должно быть отнесено къ крупнымъ (крестьянскимъ), ибо большая часть дворовъ владѣетъ надѣлами 30—100 дес. Такихъ дворовъ въ губерніи 30.000 съ 200.000 семейныхъ членовъ, все же крестьянское населеніе достигаетъ 450.000 чел., при чемъ изъ 250.000 только часть владѣетъ небольшими участками; во всякомъ случаѣ большая часть этого населенія должна жить наемнымъ трудомъ. Хотя заработанная плата выше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ Россіи и потребности мѣстнаго рабочаго тоже выше, при чемъ населеніе расчетливо и бережливо, что видно изъ количества вкладовъ въ сельскихъ и городскихъ кассахъ, но это обстоятельство тѣмъ болѣе свидѣтельствуетъ о недостаткѣ земли для сельскаго люда въ губерніи. Находясь въ прочныхъ рукахъ крестьянства и отчасти крупнаго землевладѣнія, земля не мобилизуется, а завѣтная мечта безземельнаго люда сѣсть на землю. Поэтому Курляндскимъ губернаторомъ былъ возбужденъ вопросъ о надѣленіи безземельныхъ батраковъ небольшими участками земли (казенной). Это предложеніе было принято въ уѣздныхъ Комитетахъ очень сочувственно крестьянствомъ и очень несочувственно—дворянствомъ. Губернскій Комитетъ рѣшилъ вопросъ въ интересахъ безземельныхъ крестьянъ и постановилъ слѣдующую резолюцію: 1) создать постепенно на казенныхъ земляхъ мелкія хозяйства 10—15

[1]) Впрочемъ цифры 1863 г. не точны и преувеличиваютъ число сельскихъ обывателей вслѣдствіе условности термина.

десятинъ на правѣ выкупа или наслѣдственной аренды; 2) предоставить эти хозяйства *исключительно* въ пользу безземельныхъ, если они занимались сельскимъ хозяйствомъ [сельскіе рабочіе, арендаторы, половинщики и т. п.]; 3) открывать эти хозяйства прежде всего на невоздѣланныхъ земляхъ, черезполосныхъ участкахъ, потомъ на оброчныхъ статьяхъ разнаго наименованія, подмызкахъ и „нежизнеспособныхъ" казенныхъ имѣніяхъ.

Заканчивая нашъ критическій обзоръ трудовъ Комитетовъ прибалтійской окраины по землепользованію, мы не можемъ не высказать общаго заключенія, что нигдѣ, какъ увидимъ ниже, крестьянскій вопросъ не получилъ въ Россіи такого правильнаго направленія, какъ именно въ этихъ губерніяхъ Имперіи, и нигдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ликвидація крѣпостныхъ отношеній не приблизилась къ своему разрѣшенію, какъ именно въ этихъ же губерніяхъ.

Губерніи Царства Польскаго слѣдовало бы помѣстить въ одну группу съ юго-западными, но нѣкоторыя особенности въ условіяхъ гражданскихъ правоотношеній Царства побудили насъ составить изъ нихъ особую группу.

Съ 1872 г. въ теченіе 25 лѣтъ населеніе губерній Царства Польскаго возрасло съ 6.528.017 до 9.455.943 жителей, при чемъ на долю деревни, независимо отъ переселенія въ города, приходится 1.930.000 человѣкъ; все это показываетъ, что польская деревня перенаселена. Общее количество крестьянскаго землевладѣнія видно изъ таблицы Варшавскаго Губернскаго Комитета (по статистическ. свѣд. за 1889 годъ): крестьяне владѣютъ 8.856.648 морг. земли, при общемъ числѣ подворныхъ владѣній въ 592.817; посадское населеніе (мелкое) владѣетъ 550.017 морг. въ 53.438 подворныхъ владѣній. Всего же мелкихъ владѣній (сельскихъ) 651.255 дворовъ на 9.406.665 морг. Подошло подъ указы 1864 г. надѣльныхъ усадьбъ и земли: 694.784 двор. съ 8.698.134 морг., т. е. ко-

личество дворовъ мелкаго владѣнія уменьшилось, а количество земли увеличилось. Но эти офиціальныя свѣдѣнія о количествѣ дворовъ не имѣютъ значенія, такъ какъ число дворовъ въ 1889 г. показано по ликвидаціоннымъ табелямъ, польскіе же крестьяне дробятъ свои подворные участки, вопреки закона, и дробленіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дошло до невѣроятныхъ размѣровъ. Въ 1873 году въ Царствѣ Польскомъ значилось всего: пахотныхъ полей 10.429.000 (59% крестьянскихъ), луговъ 1.764.000 (57% крестьянскихъ), лѣсовъ 3.411.000 морг. (6% крестьянскихъ).

Иначе говоря, въ Царствѣ Польскомъ крестьянство владѣетъ большей территоріей земли, чѣмъ въ Великой Россіи, юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ и прибалтійской окраинѣ.

Во всякомъ случаѣ ламентаціи защитниковъ общины въ нашей печати объ „обезземеленіи" польскихъ крестьянъ лишены всякаго основанія.

Черезполосность и сервитуты въ Ц. Польскомъ угнетаютъ крестьянское и землевладѣльческое хозяйство такъ же, какъ и въ другихъ губерніяхъ Имперіи. Въ послѣднее время камассація крестьянскихъ угодій получила значительное развитіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Царства, но, встрѣчая неопредолимыя препятствія, вѣроятно затянется на неопредѣленное время.

Варшавскій губернскій Комитетъ нашелъ, что „разверстаніе черезполосныхъ угодій—дѣло первостепенной общественной и государственной важности, такъ какъ оно составляетъ основное условіе правильнаго веденія крестьянскаго хозяйства, сбереженіе и болѣе цѣлесообразное примѣненіе труда и времени для сельскаго населенія и первый шагъ къ обезпеченію его быта и благоустройства. Но, по мнѣнію Комитета, разверстаніе угодій, а тѣмъ болѣе колоніальное устройство не можетъ быть примѣняемо помимо воли населенія, и

потому все здѣсь зависитъ отъ распространенія среди населенія сельскохозяйственныхъ и агрономическихъ знаній. Въ такомъ же смыслѣ высказались и другіе Комитеты Царства.

Въ одной запискѣ весьма виднаго въ Царствѣ Польскомъ лица (польской національности) была высказана мысль, что разверстаніе угодій, камассацію и ликвидацію сервитутовъ слѣдовало произвести при устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ на основаніи Высочайшаго указа 19 февраля 1864 г. Совершенно вѣрно, но авторъ записки долженъ былъ принять въ соображеніе грустныя политическія условія Царства того времени, которыя послужили непреодолимымъ препятствіемъ къ правильной и справедливой ликвидаціи вотчинно-крѣпостныхъ отношеній между крестьянами и бывшими господами.

Крестьянское населеніе Царства Польскаго заслуживаетъ особаго къ себѣ вниманія со стороны государственной власти. Оно до сихъ поръ представляетъ твердый оплотъ Престола и Отечества, а потому слѣдуетъ всѣми силами стремиться увеличить его землевладѣніе и упрочить его экономическое положеніе. Перваго легко достигнуть, въ виду ликвидацій крупныхъ частновладѣльческихъ имѣній, при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, а второго—дарованіемъ крестьянству полной экономической и гражданской свободы.

Что же касается крупныхъ владѣній аристократическихъ родовъ, представители которыхъ приняли къ сердцу истинные интересы своего народа и великое значеніе той охраны польской культуры, которую даетъ польской націи принадлежность Царства Польскаго Имперіи, то лучшимъ средствомъ поднять производительность крупныхъ имѣній слѣдуетъ признать ликвидацію сервитутовъ. Съ разверстаніемъ крестьянскихъ угодій и консолидаціей дворовъ, уничтоженіе сервитутовъ не нанесетъ крестьянству ни малѣйшаго ущерба.

Едва-ли можно отрицать тѣсную связь между общиннымъ

землепользованіемъ и хозяйствомъ крестьянъ. Земледѣлецъ настолько связанъ съ землею, какъ объектомъ своего хозяйства, что форма землепользованія непосредственно опредѣляетъ всѣ его хозяйственныя дѣйствія, а потому отказываться отъ обсужденія вліянія общиннаго землепользованія на хозяйство крестьянъ значитъ отказаться вообще отъ обсужденія причинъ и условій упадка крестьянскаго хозяйства. Каковы-бы ни были прочія неблагопріятныя условія, вліяющія на хозяйство крестьянъ, изслѣдователь обязанъ разъяснить себѣ ихъ отношеніе къ общинному землепользованію; если-же эти условія тѣсно связаны съ формой землепользованія, то устраненіе ихъ, при сохраненіи этой формы, невозможно. Такимъ образомъ изслѣдователь, обсуждая желательныя конъюнктуры, долженъ опредѣлить и ихъ отношенія къ формѣ крестьянскаго землепользованія и разъяснить, въ какой мѣрѣ онѣ возможны и каковы могутъ быть ихъ послѣдствія для крестьянскаго хозяйства, иначе всѣ предположенныя конъюнктуры или не окажутъ никакого вліянія на хозяйство крестьянъ, или принесутъ не пользу, а вредъ. А между тѣмъ защитники общиннаго уравнительнаго землепользованія, указывая на причины упадка сельскаго хозяйства и на мѣры къ его улучшенію, даже не задавались мыслью, въ какомъ отношеніи эти причины и предполагаемыя мѣры находятся къ общинному крестьянскому землепользованію, и возможны-ли устраненіе первыхъ и принятіе вторыхъ, не касаясь отношеній крестьянъ къ землѣ. Наивныя ссылки членовъ Комитета на литературные источники, доказывающіе возможность того и другого, тѣмъ менѣе доказательны, что фактъ бѣдственнаго положенія крестьянскаго хозяйства признается самими защитниками общинно-крѣпостного института, а потому остается совершенно необъяснимымъ, почему, напримѣръ, принятыя земствомъ (и государствомъ) мѣры къ подъему крестьянскаго хозяйства не оказали ни малѣйшаго дѣйствія, по крайней

мѣрѣ настолько, насколько вообще можетъ быть рѣчь о массовомъ хозяйственномъ подъемѣ крестьянскаго населенія. Причинами упадка крестьянскаго хозяйства русская интеллигенція признаетъ: темноту и невѣжество крестьянъ, малоземелье, тяжесть податей и повинностей, ложную финансовую политику, юридическую приниженность крестьянскаго сословія и отсутствіе вообще въ Россійскомъ государствѣ политической свободы.

II.

Вопросъ о народномъ просвѣщеніи.

Ни одному вопросу въ Комитетахъ не посчастливилось такъ, какъ вопросу о народномъ образованіи. Его почти всюду ставили во главу угла мѣръ къ поднятію крестьянскаго хозяйства; ему посвятили массу записокъ, рефератовъ и дебатовъ въ засѣданіяхъ Комитетовъ. Все это понятно: русская интеллигенція Комитетовъ стояла тутъ на своей почвѣ и говорила „pro domo sua“. Въ Комитетахъ доказывалось, что экономичеекая сторона жизни народа находится въ прямой зависимости отъ его умственнаго развитія, что между степенью „культурности“ народа и его экономическимъ благосостояніемъ есть неразрывная связь и между упадкомъ промышленности и хозяйства, съ одной стороны, и отсталостью населенія въ „интеллектуальномъ“ отношеніи, съ другой,—существуетъ несомнѣнное взаимодѣйствіе, и въ подтвержденіе приводились слова Адама Смита о томъ, какими обширнымы знаніями долженъ владѣть земледѣлецъ; что грамотное населеніе будетъ довѣрчиво относиться къ наукѣ и изъ чтенія книгъ черпать необходимыя свѣдѣнія для своего хозяйства, что вслѣдствіе своей „некультурности“ земледѣльческое населеніе въ Россіи плохо питается и вырождается и что всякое мѣропріятіе, направленное къ повышенію производительности почвы, къ измѣненію сѣвооборотовъ, къ урегулированію земельныхъ отношеній членовъ

сельскаго общества, къ развитію народнаго кредита, улучшенію животноводства, распространенію спеціальныхъ культуръ, развитію кустарныхъ промысловъ, къ нормировкѣ отхожихъ заработковъ и переселенческаго движенія, къ упорядоченію сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, къ охранѣ собственности, къ борьбѣ съ оврагами, песками и пр.—зависитъ отъ просвѣщенія народа. Однимъ словомъ, стоитъ только распространить въ населеніи образованіе, и оно будетъ превосходно вести свои хозяйства.

Прежде всего отмѣтимъ одно недоразумѣніе русской интеллигенціи; она смѣшиваетъ понятіе „культуры“ съ образованіемъ, „просвѣщенія“—съ знаніемъ. Приведенныя однимъ референтомъ слова Адама Смита служатъ подтвержденіемъ нашего указанія. Адамъ Смитъ утверждалъ, что землѐдѣлецъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ хозяйство, долженъ обладать и обладаетъ массою знанія, но *ни одинъ здравомыслящій человѣкъ* не припишетъ этихъ знаній школьному образованію. Всякій хозяинъ-земледѣлецъ подтвердитъ правильность замѣчанія знаменитаго англійскаго экономиста. Вести хозяйство по книгамъ нельзя. Никто съ такимъ сарказмомъ и презрѣніемъ не отмѣчаетъ этого факта, какъ покойный А. Н. Энгельгардтъ—самъ ученый профессоръ химіи, прекрасно знавшій великое значеніе агрономической химіи для земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства.

Вся исторія культуры подтверждаетъ высказанное нами. Конечно охотничьи народы переходили къ скотоводству, скотоводы къ земледѣлію, земледѣльцы къ паровому сѣвообороту и пр. не потому, что выучили необходимость этихъ переходныхъ ступеней культурнаго человѣческаго развитія по книжкамъ или въ школахъ. Всѣ эти ступени хозяйственнаго развитія человѣка пройдены имъ подъ давленіемъ многообразныхъ условій прогрессирующей жизни, совокупность которыхъ и носитъ названіе „культуры“. Никто никогда не от-

рицалъ значенія въ культурной жизни человѣчества грамотности, школы, просвѣщенія, но еще вопросъ: что предшествуетъ,—культура грамотности и пр., или грамотность и школа культурѣ. Мы думаемъ, что первое положеніе болѣе справедливо, чѣмъ второе. Во всякомъ случаѣ грамотность, школа—роскошь, доступная только сравнительно богатому населенію, а бѣдному не по силамъ. Ниже мы убѣдимся въ этомъ съ полной очевидностью.

Просвѣщеніе культурныхъ европейскихъ народовъ произошло чрезъ христіанство. Этимъ объясняется громадная роль церкви въ дѣлѣ просвѣщенія. Эту роль не отрицаетъ и большинство членовъ Комитетовъ, но ссылается на невѣжество русскаго православнаго духовенства, а потому приходитъ къ заключенію, что просвѣщеніе должно распространяться свѣтской школой, преимущественно земской. На западѣ, благодаря вліянію церкви, свѣтская школа совпадала съ церковною; священникъ, проповѣдникъ, учитель школы—были солидарны и въ своихъ воззрѣніяхъ, и въ своихъ педагогическихъ пріемахъ. Въ Россіи церковная школа не играла никакой роли въ просвѣщеніи народа, благодаря крѣпостному праву; послѣ-же освобожденія, благодаря вліянію интеллигенціи, правительство стало неудержимо стремиться къ централизаціи и объединенію школы—къ той системѣ, которая нынѣ горячо рекомендуется и Комитетами. Правда, интеллигенція имѣетъ при этомъ въ виду свои земскія школы и под чиняетъ ихъ центральному правительству чрезъ совѣты и инспекцію только въ виду необходимости, такъ какъ прекрасно знаетъ, что иной школы правительство не допуститъ; но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Съ своей стороны, мы видимъ въ этой централизаціи великое зло, которое уже отразилось на нашей средней женской школѣ. Если у насъ, благодаря крѣпостному праву, самодѣятельность общества была ничтожна, то при новыхъ условіяхъ жизни она непре-

мѣнно возникла-бы и очень жаль, что правительство въ этомъ важномъ вопросѣ пошло ложнымъ путемъ. Впрочемъ для крестьянской деревни иного пути и не было, въ виду господства общинно-крѣпостныхъ порядковъ.

Наша средняя школа—многострадальная школа. Ни въ чемъ наше правительство такъ не грѣшило, какъ именно въ своихъ отношеніяхъ къ этой школѣ. Можно подумать, что періодическая ломка этой школы составляетъ присущую ей особенность въ Россійской Имперіи (за исключеніемъ, впрочемъ, счастливыхъ прибалтійскихъ губерній). Въ 20—30 г.г. прошлаго столѣтія у насъ организовалась прекрасная средняя школа подъ именемъ гимназій, но уже въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ 50-хъ годовъ она была сломана подъ тѣмъ предлогомъ, что изученіе классиковъ не соотвѣтствуетъ господствующему въ Россіи политическому порядку и внушаетъ юношеству (?!) вольнодумство, и, сверхъ того, скучно школьникамъ, почему они примутъ реформу съ большимъ удовольствіемъ. Вначалѣ 60-хъ годовъ наши гимназіи настолько оказались плохи и дезорганизованы, что правительство поспѣшило возстановить „классическую“ систему преподаванія, при чемъ были исключены многіе предметы, преподававшіеся въ гимназіяхъ 30—40 годовъ. Новая реформа была осуществлена въ 70—80 г.г., но уже въ 90-хъ произведены были многіе существенныя отступленія, преимущественно педагогическаго свойства, а въ наше время гимназіи вновь подверглись капитальной ломкѣ и вѣроятно подобное da capo повторится нѣсколько разъ. Съ своей стороны мы думаемъ, что именно въ періодической ломкѣ и заключаются главный недостатокъ нашей средней школы и причина неудовлетворительныхъ ея результатовъ. Въ средней школѣ важно не то, чему учить а то, *какъ* учить. Въ мнимо-классической школѣ преподаются два древніе языка, въ мнимо-реальной одинъ и притомъ неудовлетворительно (къ чему-же его препо-

давать?); математика всегда преподавалась въ гимназіяхъ прекрасно, какъ въ классическихъ, такъ и въ реальныхъ, препода ваніе механической части физики тоже вполнѣ удовлетворяло тѣмъ требованіямъ, которыя можно ставить средней школѣ. Преподаваніе естественныхъ наукъ было одинаково плохо, какъ въ старой гимназіи 20—40 годовъ, такъ и въ реальной 50-хъ годовъ и иначе быть не можетъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ, двухъ или трехъ, возможно лишь настолько, чтобы ученики свободно читали и понимали прочитанное на этихъ языкахъ, что легко дистигается и въ мнимо-классической школѣ; большаго-же наши гимназіи дать не могутъ. Остальные предметы преподавались одинаково плохо или хорошо и въ реальныхъ и классическихъ гимназіяхъ. Все нами изложенное извѣстно и педагогамъ и намъ всѣмъ, учившимся въ гимназіяхъ. Но намъ и педагогамъ также извѣстно, что въ нашихъ гимназіяхъ, благодаря постояннымъ ломкамъ и другимъ причинамъ, ученики перестали вовсе учиться и въ этомъ-то и заключается главный недостатокъ нашей средней школы. Причинъ этого печальнаго явленія много, но главныхъ причинъ двѣ: переполненіе гимназій и демократизаціи ихъ. Подъ „демократизаціей“ мы, конечно, разумѣемъ не сословную, а интеллигентную; масса дѣтей, совершенно неспособныхъ продолжать школу, тянется за прочими и понижаетъ уровень образованія всѣхъ прочихъ. Причина этого явленія своеобразный мандаринатъ, фактически образовавшійся въ нашемъ отечествѣ въ лицѣ интеллигенціи. Корень-же зла лежитъ въ неудовлетворительномъ состояніи нашихъ храмовъ наукъ—университетовъ.

Университеты въ Россіи—иноземное растеніе, но оно пустило глубокіе корни въ нашемъ научномъ самосознаніи. Россія можетъ съ гордостью указать на цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей науки во всѣхъ научныхъ дисциплинахъ. Но ложный взглядъ общества и правительства на университеты какъ

на высшія школы, поставляющія чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, оказался фатальнымъ для нашихъ храмовъ наукъ. Мнимая реформа, имѣвшая цѣль измѣнить подобное анормальное положеніе нашихъ университетовъ, усугубила его, такъ какъ была предпринята съ задней мыслью обратить храмы науки въ какіе-то департаменты министерства народнаго просвѣщенія. Впрочемъ относительно университетовъ Комитеты воздержались отъ сужденій. Мы встрѣтили въ трудахъ Комитетовъ только указаніе на желательность образовать при университетахъ агрономическіе факультеты, въ программу которыхъ могли-бы войти, кромѣ агрономіи—„въ широкомъ смыслѣ слова“ (?), естественныя науки, юридическія, экономическія и финансовыя. Эти пожеланія очень характерны для нашей интеллигенціи, особенно какъ показатель ея образовательнаго уровня.

Относительно программы народныхъ (начальныхъ) школъ, мнѣнія въ трудахъ Комитетовъ не отличаются однообразіемъ. Нѣкоторые Комитеты желали-бы сельскохозяйственныхъ школъ простѣйшаго типа, которыя учили-бы по книжкѣ пахать, сѣять, удобрять и убирать хлѣбъ и пр., другіе справедливо возражаютъ противъ подобной системы „рецептурныхъ указаній“ и высказываютъ, что начальная школа, благодаря расширенію въ ней программы „по природовѣдѣнію“ даетъ извѣстный навыкъ къ умственной работѣ, чѣмъ задача ея исчерпывается. „Природовѣдѣніе“ вновь испеченная нашей интеллигенціей наука, при послѣдней ломкѣ нашихъ гимназій. Въ трудахъ Комитетовъ вмѣсто этого выраженія употребляется иногда „міровѣдѣніе“. Трудно понять, что разумѣли члены Комитетовъ подъ этими мнимыми дисциплинами. Можно думать, что эти выраженія переведены съ нѣмецкаго языка и означаютъ естественныя науки, но изъ программы школы „повышеннаго типа“, предложенной нѣкоторыми Комитетами, слѣдуетъ предположить нѣчто иное. Въ этой программѣ осо-

бымъ пунктомъ значится „Естествовѣдѣніе“ (зоологія, ботаника, минералогія); особымъ-же пунктомъ: „географія русская и всеобщая“ и особымъ-же пунктомъ: „Важнѣйшія свѣдѣнія (?!) по *міровѣдѣнію*, физикѣ и химіи съ ихъ практическими приложеніями“. Мы не признаемъ себя настолько компетентными, чтобы предложить подробную программу для начальныхъ школъ вообще, но думаемъ, что и члены Комитетовъ не могутъ считать себя спеціалистами по вопросамъ педагогіи.

Русскій земледѣлецъ нуждается въ грамотѣ, т.-е., онъ долженъ умѣть читать и писать; крестьянскихъ дѣтей, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ учить и ариѳметикѣ—первымъ ея правиламъ, исторіи своего отечества, особенно біографіямъ ея великихъ Государей и знаменитыхъ государственныхъ мужей и другихъ общественныхъ дѣятелей, географіи въ общихъ чертахъ. Этого достаточно, если мы не хотимъ переутомить дѣтей, не привыкшихъ къ усидчивому труду. Сверхъ того учитель долженъ знакомить дѣтей съ окружающей его природою и прежде всего съ птицами—особенно насѣкомоядными—этими истинными друзьями земледѣльца, съ вредными насѣкомыми, насколько они ему знакомы. Учитель можетъ въ свободное время вмѣстѣ съ учениками посѣять сѣмена хлѣбовъ и другихъ злаковъ, огородныя и др., разсказать дѣтямъ объ условіяхъ проростанія, питанія и пр. растеній. Многое тутъ зависитъ отъ такта, знаній и вообще способностей учителя. Но главнымъ условіемъ „просвѣщенія“ народа должна быть религія, а забота объ этомъ просвѣщеніи лежитъ на церкви, а не государствѣ и обществѣ (въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова). Несомнѣнно государству принадлежитъ контроль и надъ просвѣтительной дѣятельностью „духовныхъ пастырей“, но въ извѣстныхъ предѣлахъ. Вредныхъ соціальному порядку публичныхъ ученій и проповѣдей государство не обязано терпѣть; еще менѣе допустима подоб-

ная публичная дѣятельность въ *христіанскомъ* государствѣ со стороны именующихъ себя христіанами, ибо христіанинъ, проповѣдующій неповиновеніе Кесарю—лжецъ и волкъ, а не добрый пастырь.

Въ нѣкоторыхъ Комитетахъ выражены сѣтованія на неудовлетворительность нашихъ сельскохозяйственныхъ училищъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ и мы присоединяемъ нашъ голосъ къ этимъ нареканіямъ. Низшія школы не даютъ ни работниковъ для экономій, ни хозяевъ для крестьянства; среднія выпускаютъ молодыхъ людей, совершенно почти не знакомыхъ съ техникой сельскихъ работъ; высшія даютъ въ лучшемъ случаѣ только чиновниковъ по вѣдомству министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и, сверхъ того, представляютъ гнѣздо того зла, отъ котораго и такъ страдаетъ наша интеллигенція. Лучшей сельскохозяйственной школою будетъ всегда сама жизнь—хозяйство частныхъ экономій и крестьянъ. На западѣ Европы частныя экономіи до сихъ поръ признаются лучшими школами для практикантовъ, въ чемъ мы имѣли случай лично убѣдиться.

Нѣкоторые Комитеты сами высказываются въ томъ смыслѣ, что у учениковъ сельскохозяйственныхъ низшихъ школъ обыкновенно замѣчается склонность заучить, запомнить, но не понять и усвоить. При этой склонности удовлетворить школьнымъ требованіямъ, конечно, возможно, но, при выпускѣ изъ школы, ея питомцы оказываются плохими не только практиками, но и теоретиками. Тѣмъ не менѣе Комитеты высказываютъ пожеланія, чтобы къ участію въ основаніи и преуспѣяніи этихъ школъ были привлечены мѣстныя общественныя учрежденія, т.-е. высказываютъ обычныя и крайне наивныя домогательства нашей интеллигенціи: ну что понимаютъ наши „общественныя учрежденія“ въ сельскомъ хозяйствѣ? Привлеченіе къ дѣятельности этихъ школъ болѣе широкихъ слоевъ общества, по мнѣнію Комитетовъ, помогло-бы

выработать для школъ „по всей вѣроятности“, наиболѣе прочныя и опредѣленныя формы, которыхъ до сихъ поръ не имѣется, несмотря на 20-лѣтній опытъ существованія низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ. Несмотря на подобный опытъ и сужденіе о немъ самихъ Комитетовъ, нѣкоторые изъ нихъ все-таки рекомендуютъ распространеніе чисто теоретическихъ, такъ называемыхъ зимнихъ школъ, которыя будутъ сообщать крестьянскимъ безграмотнымъ дѣтямъ твердыя и ясныя понятія (!) о минеральномъ и растительномъ мірахъ, о законности и правильности физико-химическихъ процессовъ и знакомить дѣтей съ техническими пріемами (въ наглядной демонстраціи по словамъ Комитетовъ!!) раціональныхъ полеводства, луговодства и скотоводства. Члены Комитетовъ ссылаются, проектируя подобныя школы, на нѣмецкія Winterschulen, но мы можемъ ихъ увѣрить, что подобныхъ курьезныхъ школъ нѣтъ въ Германіи. Да простятъ намъ почтенные члены Комитетовъ, если мы причислимъ изложенный проектъ зимнихъ сельскохозяйственныхъ школъ для крестьянъ къ той пустой болтовнѣ, на которую такъ падка наша интеллигенція въ своихъ съѣздахъ, собраніяхъ и комитетахъ. Зимняя школа, говорятъ члены Комитета, должна включать въ себѣ „возможное наглядное и демонстративное“ преподаваніе физико-химическихъ, естественно-историческихъ и сельскохозяйственныхъ наукъ въ теченіе двухъ зимнихъ періодовъ. Скажите пожалуйста! Но вездѣ у насъ зимою лежитъ снѣгъ, свирѣпствуютъ метели, морозы: какія-же тутъ возможны „демонстраціи“? Притомъ „физико-химическія демонстраціи“ производятъ въ лабораторіяхъ, а у насъ въ деревняхъ нѣтъ даже приличныхъ помѣщеній для обыкновенныхъ школъ, что не мѣшаетъ членамъ Комитета утверждать, будто эти зимнія школы, при весьма (!) хорошей обстановкѣ и обезпеченіи ихъ учительскимъ персоналомъ, будутъ требовать на организацію и свое содержаніе средствъ въ 3—4 раза менѣе,

чѣмъ существующія низшія сельскохозяйственныя школы съ обязательными лѣтними практическими занятіями. Разумѣется, утверждать голословно можно все, что угодно.

Относительно среднихъ сельскохозяйственныхъ школъ, мѣстные Комитеты высказываютъ, что постановка въ нихъ учебнаго дѣла страдаетъ излишнею теоретичностью въ ущербъ практики, что воспитанники земледѣльческихъ училищъ пріобрѣтаютъ массу мелкихъ спеціальныхъ знаній только въ теоріи и потому большею частью на практикѣ оказываются совершенно неспособными дать какое-либо реальное указаніе, и принуждены бываютъ сами учиться, приспособливаясь къ той обстановкѣ, въ которую поставитъ ихъ жизнь. Эта малопригодность учениковъ среднихъ училищъ къ практической дѣятельности сознается ими самими, вслѣдствіе чего большинство ихъ предпочитаетъ или искать занятія, ничего общаго съ ихъ спеціальной подготовкой не имѣющаго, или стремиться въ высшія учебныя заведенія и такимъ образомъ весь смыслъ средней спеціальной школы какъ-бы утрачивается. Ученики этимъ школъ не могутъ разсчитывать и на мѣста управляющихъ большихъ экономій, для исполненія обязанностей которыхъ прежде всего требуются даже не агрономическія познанія, а *извѣстный хозяйственный расчетъ*, соображеніе, какъ и въ какое время произвести какую работу, на какихъ условіяхъ нанять людей на ея производство, по какой цѣнѣ и какимъ условіямъ продать хлѣбъ и т. п., умѣнье ладить съ народомъ—какъ съ рабочими, такъ съ и сосѣдями. Хорошій управляющій долженъ знать все: понимать толкъ и въ кузнечной, и въ плотничьей и въ слесарной работѣ, имѣть понятіе о кровельномъ, колодезномъ и землекопномъ дѣлѣ, умѣть оцѣнивать и лошадь, и корову, и свинью, быть немного маслодѣломъ, немного садовникомъ, немного каменьщикомъ, немного ветеринаромъ и, наконецъ, умѣть написать прошеніе и заключить условіе. Для всѣхъ этихъ знаній нужны

извѣстный складъ ума и характера, извѣстный опытъ и навыкъ. Иначе говоря, нужно быть хозяиномъ, чтобы вести сельское хозяйство.

Вышеизложенныя превосходныя сужденія членовъ Комитетовъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ мнѣнія тѣхъ изъ нихъ, которые не видятъ прямой связи между безграмотностью нашего мужика и упадкомъ его хозяйства, хотя признаютъ потребность въ грамотѣ „азбучной истиной“. Что эта истина далеко не азбучная, подтверждается извѣстнымъ воззрѣніемъ помѣщиковъ въ эпоху господства крѣпостного права, по которому грамотный мужикъ обыкновенно дѣлался бездѣльникомъ, воромъ и мошенникомъ, хотя русская-же поговорка утверждаетъ, что одинъ грамотный работникъ стоитъ двухъ неграмотныхъ. При нормальныхъ условіяхъ грамотность, образованіе—сила, пренебрегать которой не будетъ ни одинъ сельскій хозяинъ; при анормальныхъ-же условіяхъ грамотность и образованіе могутъ принести вредъ нашей деревнѣ, оказаться зломъ, что подтверждается свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ Комитетовъ. Крестьянскія дѣти, покидая школы, или быстро позабываютъ свою грамоту и то, чему ихъ учили, или, не вынося окружающей ихъ обстановки, бѣгутъ изъ деревни, т.-е. грамотность и образованіе отнимаютъ у нашего крестьянства лучшія его силы[1]). Такимъ образомъ

---

[1]) Въ трудахъ Старорусскаго Комитета имѣется слѣдующее свидѣтельство члена Комитета: „Новгородское земство въ заботахъ о нуждахъ населенія учредило сельскохозяйственную школу, затративъ на нее *громадныя* средства единовременно и ассигновывая ежегодно соотвѣтствующія суммы, но въ концѣ-концовъ результаты получились настолько плачевные, что уже раздаются голоса о необходимости ея закрытія. какъ дорогого и *безполезнаго* учрежденія. Констатировано, что изъ окончившихъ школу нѣсколько человѣкъ, въ лучшемъ случаѣ, пошли въ управляющіе имѣніями, *а большая часть занялась профессіями, ничего общаго съ сельскими хозяйствами не имѣющими*, но не было примѣра, чтобы крестьянскій сынъ изъ

просвѣщеніе народа, которое защитники общинно-крѣпостного быта нашей деревни ставятъ во главу угла, не можетъ поднять экомомическія силы крестьянства и, слѣдовательно, отсутствіе грамотности и просвѣщенія не могутъ считаться, сами по себѣ, причиной экономическаго упадка пореформенной деревни. Едва-ли, впрочемъ, въ этомъ можетъ быть сомнѣніе. Если-бы просвѣщеніе давало-бы обществу хорошихъ хозяевъ, то наша итнеллигенція стояла-бы во главѣ всѣхъ промышленныхъ силъ Россіи, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. И въ торговопромышленныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ играютъ особую видную роль научно-техническія знанія, видными дѣятелями и хорошими производителями являются сплошь и рядомъ лица, не получившія высшаго образованія, интеллигентнѣйшіе-же дѣятели часто оказываются очень плохими хозяевами; въ простомъ несложномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, значеніе образованія играетъ еще меньшую роль.

этой школы возвратился къ отцу на надѣлъ и повелъ хозяйство, или хотя воздѣйствовалъ-бы на него тѣми свѣдѣніями, какія дала ему школа".

„Я имѣлъ возможность наблюдать вліяніе образцоваго двухкласснаго училища у насъ уже тридцать лѣтъ (!) и поставленнаго дѣйствительно образцово, результатъ-же получился тотъ-же, что и отъ обыкновенной школы. Все выдающееся и лучшее двинулось далеко за предѣлы крестьянской жизни, все это ушло изъ деревни, и весь средній элементъ, возвратившійся въ деревню, не даетъ утѣшительныхъ указаній: то-же участіе въ пьянствѣ, въ дракахъ и насиліяхъ" и т. д. Таковъ голосъ объективнаго наблюдателя; онъ же свидѣтельствуетъ, что „пока существуетъ община, никакія знанія къ ней не привьются". Крестьяне именуются свободными земледѣльцами, „положительно безъ ироніи эпитетъ „свободные" едва-ли можетъ быть произносимъ".

Комитеты требуютъ широкаго участія общественныхъ учрежденій въ устройствѣ школъ. Приведенный примѣръ можетъ служить примѣромъ того, какъ плодотворно это участіе общественныхъ учрежденій для мѣстной экономіи: громадныя суммы, собранныя съ населенія, брошены на вѣтеръ.

Говорятъ, нѣмецкій школьный учитель побѣдилъ Францію въ ея кровавой борьбѣ съ Германіей, но никто не скажетъ, что Франція въ это время была бѣднѣе Германіи въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Говорятъ, международная конкурренція учитываетъ не въ нашу пользу темноту и неграмотность нашего крестьянина, но эта конкурренція имѣетъ ничтожное значеніе для хозяйства нашего крестьянина и во всякомъ случаѣ дешевый хлѣбъ нашего безграмотнаго мужика побиваетъ на международномъ рынкѣ дорогой хлѣбъ образованнаго или грамотнаго германскаго земледѣльца. Дешевизна производства хлѣба Америки зависитъ отъ техническихъ торговопромышленныхъ приспособленій, которыя находятся въ вѣдѣніи не безграмотнаго мужика, а грамотныхъ и образованныхъ лицъ, предпринимателей и правительства; желѣзныя дороги и новаго типа пароходы, о которыхъ упоминаютъ члены Комитета, строятъ не мужики—сельскіе хозяева, а потому подобные доводы лишены смысла.

Кромѣ школьнаго образованія, Комитеты проектируютъ массу мѣропріятій для распространенія знаній и просвѣщенія въ народѣ. Необходимо организовать народныя библіотеки, которыя удовлетворяли-бы читателей всѣхъ возрастовъ и самаго разнаго развитія. Существующія правила для народныхъ библіотекъ неудовлетворительны вслѣдствіе формализма при изданіи каталога для изданій, разрѣшенныхъ особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Литературный отдѣлъ этого каталога отличается случайностью подбора книгъ и отсталостью. Такъ въ немъ отсутствуютъ произведенія г. Чехова и „другихъ современныхъ писателей“ и встрѣчаются полныя изданія Державина, Богдановича и др., имѣющихъ лишь историческое значеніе въ литературѣ. Поэтому Комитеты выражаютъ желаніе, чтобы въ народныя библіотеки были допущены всѣ книги, разрѣшенныя обыкновенной цензурой, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ

„для пробужденія энергіи въ частныхъ лицахъ" вернуть училищнымъ совѣтамъ ихъ прежнее значеніе по управленію дѣломъ народныхъ читаленъ.

Прежде всего замѣтимъ, что заботы нашей русской интеллигенціи о распространеніи сочиненій г.г. Чехова, Горькаго, Андреева и другихъ „современныхъ писателей" неумѣстны и излишни. Еще недавно на всѣхъ посѣщаемыхъ публикой мѣстахъ нашихъ торгово-промышленныхъ центровъ проходящимъ выкрикивались и предлагались дешевыя изданія „современныхъ русскихъ писателей". Конечно совершенно естественно и понятно, что интеллигенція даже въ Комитетахъ рекламируетъ свой „цвѣтъ" и желаетъ имъ засыпать нашъ крестьянскій народъ; но можно посмотрѣть на эти желанія и домогательства съ другой точки зрѣнія—народной пользы. Интеллигенція въ Комитетахъ признала сочиненія Державина и Богдановича устарѣвшими и потому никуда негодными; однако ими зачитывались наши дѣды и прадѣды. Конечно наша интеллигенція ушла далеко отъ этихъ наивныхъ произведеній русской литературы, хотя великолѣпныя строфы музы Державина могутъ нравиться и многимъ современнымъ интеллигентнымъ читателямъ. Но нашъ крестьянскій народъ еще не вышелъ изъ состоянія безграмотности. Почему-же интеллигенція полагаетъ, что даже наивная „Душенька" Богдановича не придется ему по вкусу, если она нравилась нашимъ грамотнымъ дѣдамъ? И основательно-ли пичкать здоровый еще желудокъ нашего крестьянства изысканными и пряными произведеніями современной беллетристики? Мы какъ разъ обратнаго мнѣнія; въ лучшемъ случаѣ эти произведенія „современныхъ рускихъ писателей" могутъ вызвать недоумѣніе въ народѣ, что тоже не желательно. Затѣмъ Комитеты требуютъ организаціи народныхъ чтеній и распространеніе сельскохозяйственныхъ брошюръ.

По отношенію къ народнымъ чтеніямъ и брошюрамъ выражает-

ся желаніе, чтобы было дано общее разрѣшеніе общественнымъ учрежденіямъ устраивать ихъ „при посредствѣ спеціальныхъ агентовъ"; въ частности полезно было-бы установить, чтобы земскіе агрономы имѣли право собирать сходы крестьянъ для собесѣдованія. Отмѣтимъ, что всѣ эти „мѣры къ просвѣщенія" русскаго народа уже давно практикуются въ нашей деревнѣ и привели къ тѣмъ возмутительно-печальнымъ явленіямъ, которыя недавно удостовѣрены высшей административной властью (въ Тверскомъ земствѣ). О собесѣдованіи земскихъ агрономовъ съ крестьянами свидѣтельствуетъ г. Зубрилинъ въ своей книгѣ объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, и мы знаемъ, что и въ другихъ „прогрессивныхъ" земствахъ эти собесѣдованія практикуются невозбранно. Однако особаго хозяйственнаго толку изъ этихъ „бесѣдъ" не вышло для нашего крестьянства; случайно-же обнаружились весьма опасныя и вредныя въ соціальномъ отношеніи явленія отъ организованныхъ народныхъ чтеній въ нашей деревнѣ; объ этомъ мѣстные Комитеты умалчиваютъ.

Проектируютъ мѣстные Комитеты устройство выставокъ, премированіе хозяйствъ, опытныя станціи, опытныя поля, „показательныя" поля, учрежденіе цѣлыхъ опытныхъ или „образцовыхъ" хозяйствъ, опытные и образцовые огороды, сады, пасѣки и пр., особыхъ инструкторовъ по сельскому хозяйству и мн. др. воспособленія для упавшей россійской деревни. Чтобы все это создать, предполагается особая „организація"—преимущественно земская на счетъ правительства, но и особая въ видѣ комитетовъ, въ видѣ должностныхъ правительственныхъ лицъ и выборныхъ отъ земства. Конечно всѣ изложенные проекты легко организовать на бумагѣ, но мы не видимъ ни малѣйшей пользы отъ подобныхъ бумажныхъ организацій. Многое, о чемъ мечтаютъ Комитеты, осуществимо, но при условіи наличности сельскихъ хозяевъ и сельскихъ хозяйствъ въ Россіи. Къ сожалѣнію въ громадной

области земскихъ губерній и смежныхъ имъ нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, а въ деревняхъ живутъ земскіе начальники и другой начальствующій людъ и тяглецы общинно-крѣпостного строя—крестьяне. При подобныхъ условіяхъ, кромѣ бумажной организаціи, никакой иной не будетъ и не можетъ быть.

III.

Крестьянское малоземелье.

О крестьянскомъ малоземельѣ печать стала говорить чуть ли не съ первыхъ дней освобожденія. Профессоръ Янсонъ написалъ цѣлую книгу о крестьянскомъ малоземельѣ, въ которой доказывалъ, что малоземелье явилось результатомъ недостаточнаго надѣленія крестьянъ землей при освобожденіи вслѣдствіе агитаціи помѣщиковъ-крѣпостниковъ. Благодаря этой агитаціи, крестьянъ „обрѣзали", надѣлы оказались недостаточными для прокормленія мужика и платежа повинностей, которыми крестьяне обременены такъ, что земля не окупаетъ нынѣ даже выкупныхъ платежей. Эта легенда о „недостаточности" крестьянскихъ надѣловъ, тяжести выкупныхъ птатежей и пресловутыхъ „отрѣзкахъ" повторялась на всѣ лады нашей печатью и имѣла, какъ и другія легенды, созданныя нашей интеллигенціей, чтобы оправдать свои отношенія къ „мужику", вліяніе и на правительственныя мѣропріятія: выкупные платежи были понижены и разсрочены, учрежденъ Государственный Крестьянскій Банкъ для увеличенія надѣловъ крестьянъ и скупки „отрѣзковъ", и, въ заключеніе спектакля, организованы въ широкомъ масштабѣ переселенія. Ни одна изъ всѣхъ этихъ мѣръ не достигла цѣли—не подняла хозяйства крестьянъ, не уменьшила недоимокъ и не предотвратила появленія пролетаріата въ общинной деревнѣ. Подобная безрезультатность

правительственныхъ мѣръ отчасти пробила брешь въ пресловутой легендѣ о малоземельѣ крестьянъ, а потому неудивительно, если въ трудахъ Комитетовъ слышатся уже отголоски иныхъ воззрѣній.—

Приводимыя въ трудахъ Комитетовъ свѣдѣнія о размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ свидѣтельствуютъ, что размѣры эти не одинаковы, и это различіе происходитъ прежде всего отъ разнообразія нормъ, примѣнявшихся при надѣленіи различныхъ группъ крестьянскаго населенія. Число безземельныхъ въ общинной деревнѣ оказывается значительнымъ и достигаетъ въ Псковской губерніи 20%. Впрочемъ замѣтимъ, что показанія о числѣ безземельныхъ въ трудахъ Комитетовъ не отличаются точностью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо не вѣрны, вслѣдствіе тенденціозности и некорректности авторовъ записокъ. Таковы, напримѣръ, свѣдѣнія, сообщаемыя въ запискѣ комиссіи Лохвицкаго Комитета. Желая бросить тѣнь на подворно-наслѣдственное владѣніе, господствующее у крестьянъ Полтавской губерніи, авторы записки опредѣляютъ число безземельныхъ хозяйствъ въ 34,5%, при чемъ умалчивается, что въ числѣ безземельныхъ значатся мѣщане, крестьяне и казаки, не получившіе надѣловъ при освобожденіи. Напротивъ, переписью 1899 года обнаружено значительное увеличеніе числа сѣющихъ хозяйствъ, при чемъ численный составъ семей возросъ, общее же количество домохозяйствъ уменьшилось—фактъ знаменательный и въ высшей степени отрадный, но не понравившійся составителямъ записки въ Лохвицкомъ Комитетѣ [1]).

---

[1]) Составители записки также умалчиваютъ о томъ, что въ Лохвицкомъ уѣздѣ государственные крестьяне были надѣлены въ общинное землепользованіе и что именно у нихъ-то и развивается пролетаріатъ. Изъ данныхъ Комитета той же Полтавской губерніи видно, что въ этой губерніи 161.000 дворовъ крестьянъ и казаковъ съ населеніемъ въ 903.000 душъ. Относительно земельной собственности населеніе распредѣляется такъ:

На малоземелье, какъ на причину упадка крестьянскихъ хозяйствъ, указываютъ и въ губерніяхъ многоземельныхъ, напримѣръ, въ Уфимской губерніи, гдѣ средній надѣлъ равняется 4,6—7,3 десятинъ на душу. Одинъ фактъ, свойственный въ особенности малоземельнымъ губерніямъ центральной Россіи, даетъ своеобразное освѣщеніе вопросу о малоземельѣ крестьянъ—запущенность пашенъ крестьянскихъ надѣловъ, которые такимъ образомъ обращаются въ пустыри. Въ Нижегородской губерніи, несмотря на жалобы на малоземелье, громадныя пространства луговъ заболочены, одичали и не даютъ почти никакихъ укосовъ. Жалуются на малоземелье и въ Сибири даже изъ тѣхъ мѣстностей, куда ежегодно направляется переселенческая волна.

Въ запискѣ членовъ Московскаго губернскаго Комитета, о которой мы уже говорили, дается слѣдующее разъясненіе по вопросу о крестьянскомъ малоземельѣ. „По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ населеніе и уменьшается размѣръ надѣла на душу, увеличивается уходъ населенія отъ земли, что, благодаря порядкамъ общиннаго владѣнія, и даетъ возможность семьямъ, остающимся при землѣ, пользоваться не уменьшающейся долей надѣла, а иногда даже и увеличивать ее“. „При этомъ, однако, можно подумать, что населеніе, выдѣляя изъ себя болѣе 20% и образуя этимъ путемъ 3 десятины съ долями на душу, считаетъ само такой раз-

---

3,4% безземельныхъ; 16,3% владѣютъ усадьбами; 4,2% владѣютъ сверхъ того пахотной землей до 1 дес.; 22%—до 3 дес., остальные крестьянскіе дворы губерніи владѣютъ пашней свыше 3 десятинъ. Подобное распредѣленіе крестьянской собственности, по нашему мнѣнію, вполнѣ благопріятно съ соціальной точки зрѣнія и во всякомъ случаѣ благопріятнѣе распредѣленія прекарныхъ владѣній нашихъ общинниковъ. Между тѣмъ приведенное распредѣленіе крестьянской земли между дворами приводится *какъ яркій образецъ* малоземелья! Очевидно, члены Комитета имѣютъ довольно смутное представленіе о значеніи крестьянскаго хозяйства и размѣрахъ земельнаго фонда крестьянскихъ дворовъ.

мѣръ надѣла достаточнымъ для устраненія той степени малоземелья, которая является препятствіемъ для веденія сельскаго хозяйства. Однако это не такъ". „Анализъ нѣкоторыхъ данныхъ свидѣтельствуетъ, что при 3-хъ мужскихъ душахъ и соотвѣтствующемъ тому надѣлѣ работаетъ на немъ одно лицо мужского пола". Но отведенный на долю 3-хъ лицъ надѣлъ даетъ возможность использовать силу одного лица мужского пола и не позволяетъ прокормиться на немъ тому составу семьи, для котораго предназначенъ, а потому семьѣ необходимо отпускать одного работника на сторонніе заработки. Между тѣмъ оплата труда на заработкахъ настолько мала, что не превышаетъ необходимаго на прокормленіе, и для пополненія дефицита населеніе распродаетъ свой скотъ.

Приведенное разъясненіе настолько не согласуется съ дѣйствительными фактами, что рѣшительно недоумѣваешь, какъ могли его дать члены Комитета, мало-мальски знакомые съ условіями хозяйства московскихъ крестьянъ и притомъ члены земскихъ управъ Московской губерніи и гласные.

Уже не говоря о томъ, что громадное большинство домозяйства Московской губ. состоитъ изъ одного взрослаго рабочаго, который уходитъ въ Москву, но и семьи съ двумя рабочими отпускаютъ ихъ на заработки, а хозяйство ведутъ старики, бабы и дѣти; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ все рабочее населеніе уходитъ, и хозяйство ведется однѣми бабами: главная неточность „разъясненія" членовъ Комитета заключается въ томъ, что они уходъ изъ деревни крестьянъ объясняютъ бѣдностью и нуждой, при чемъ даже трудъ отхожаго заработка будто бы не оплачиваетъ прокормленіе трудящагося (!). Между тѣмъ нигдѣ вы не найдете въ Московской губерніи работника, который заставился бы за одно прокормленіе; такихъ рабочихъ никогда не бывало. Населеніе Московской губерніи идетъ на фабрики вообще и въ Москву въ особенности потому, что трудъ его оплачивается такъ

высоко, что нигдѣ въ Россіи болѣе высокой заработной платы не существуетъ.

Населеніе Московской губерніи сравнительно интеллигентное и энергичное, способное на квалифицированный трудъ, который оплачивается очень высоко. Вотъ почему въ мѣстныхъ, довольно рѣдкихъ экономіяхъ частныхъ владѣльцевъ нѣтъ московскихъ рабочихъ и приходится нанимать рязанскихъ, тульскихъ и др. крестьянъ. Много московскихъ крестьянъ служитъ въ артеляхъ и получаетъ громадные оклады, въ приказчикахъ, мастерами на фабрикакъ и пр., проч.; заработки тутъ получаются громадные. А члены Комитета утверждаютъ, что московскіе крестьяне предлагаютъ свой трудъ за одно прокормленіе! Въ Москвѣ въ настоящее время всякій простой трудъ оплачивается очень высоко; простая кухарка въ бѣдной семьѣ получаетъ 8 руб., разумѣется, на хозяйскихъ харчахъ. Плата въ экономіяхъ частныхъ владѣльцевъ годовому рабочему, на хозяйскихъ харчахъ, не менѣе 96 рублей. Мы платили годовому рабочему на нашихъ харчахъ 106 рублей, а вѣнцу (мужъ и жена) 160 рублей. Какъ ни считайте, но подобная плата окупитъ всѣ расходы двора при надѣлѣ на 3 души съ избыткомъ, но и подобная плата не привлекаетъ московскихъ крестьянъ къ экономіи владѣльцевъ, потому что ихъ заработки въ Москвѣ и на фабрикахъ значительно выше. Не знаемъ, для кого московскіе земскіе дѣятели писали въ своей запискѣ небылицы, но не можемъ не подивиться ихъ смѣлости. Или, можетъ быть, земскіе члены Комитета подъ московскими крестьянствами разумѣли тотъ отбросъ, который носитъ названіе „золотой роты“?

Сельское хозяйство московскихъ крестьянъ плохо потому, что въ этой губерніи, благодаря близости такого громаднаго центра, какъ Москва, только интенсивныя формы крестьянскаго хозяйства могутъ приносить значительный доходъ.

Здѣсь именно примѣнимы разнообразныя культуры: огородничество, садоводство, элеважъ скота, птицеводство, маслодѣліе и проч.; но подобныя интенсивныя хозяйства совершенно невозможны при общинномъ землепользованіи, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если московскіе крестьяне забрасываютъ свои надѣлы, обращаютъ ихъ въ безплодные пустыри. Потому то земское травосѣяніе и не принесло пользы волоколамскимъ крестьянамъ и не привело ихъ къ новой, высшей формѣ сельскаго хозяйства. Въ Московской губерніи мы встрѣчаемся съ яркимъ противорѣчіемъ основныхъ началъ экономики: земля цѣнится очень высоко и должна давать громадную ренту; но крестьянская земля цѣнится очень низко и обращается въ пустыри, т.-е. въ то первобытное состояніе, въ которомъ она находилась прежде, чѣмъ человѣкъ опредѣлилъ себя къ ней, какъ хозяйственному объекту—овладѣлъ ею. И причина подобнаго невѣроятнаго противорѣчія—общинное землевладѣніе, искусственно обезцѣнившее землю и изъявшее ее изъ гражданскаго оборота, лишившее землю значенія хозяйственнаго объекта и обратившее всю площадь крестьянскаго „надѣла“ въ балластъ, никому ненужный и даже вредный крестьянскому домохозяйству. Подобныя отношенія къ землѣ слѣдуетъ признать бѣдствіемъ въ государственномъ и вообще соціальномъ отношеніи. Между тѣмъ представители московскаго земства защищаютъ этотъ невозможный нынѣ порядокъ крестьянскаго землепользованія и защищаютъ не только на словахъ, но поддерживая его тратой громадныхъ суммъ, собранныхъ съ богатаго индустріальнаго населенія г. Москвы и губерніи.

Въ сущности жалобы на малоземелье авторовъ записки въ трудахъ Московскаго Комитета сводятся къ желанію, чтобы московскіе крестьяне продолжали вести на своихъ надѣлахъ то безпутное экстенсивное хозяйство, которое они практикуютъ нынѣ, продолжали безъ толку „болтать“ землю, ибо

какъ бы ни увеличивали надѣлы московскихъ крестьянъ, все останется по старому. Допустимъ, что земля упадетъ къ московскимъ крестьянамъ съ неба и окажется возможнымъ ихъ надѣлить такъ, что каждый дворъ получитъ 50 десятинъ въ надѣлъ. При подобномъ надѣлѣ въ нашихъ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ необходимъ составъ семьи по крайней мѣрѣ изъ трехъ взрослыхъ рабочихъ, но при условіи посѣва „наволокомъ" и соотвѣтствующихъ пріемовъ самой экстенсивной формы земледѣлія. Примѣнимы ли подобные пріемы въ Московской губерніи съ ея почвой, требующей удобренія и проч.? Полагаемъ, что и несвѣдущій въ сельскомъ хозяйствѣ читатель отвѣтитъ на этотъ вопросъ отрицательно. Но и при 50-ти дес. размѣрѣ надѣла земледѣліе, основанное на сѣрыхъ хлѣбахъ въ Московской губерніи, не окупитъ расходовъ семьи, состоящей изъ трехъ взрослыхъ рабочихъ, при существующей формѣ общиннаго землепользованія. Какую бы конфигурацію мы ни придумали для селенія, надѣлы крестьянъ въ 50 десятинъ на дворъ должны растянуться на десятки верстъ съ полосами, разбросанными по всей территоріи общинной земли, т.-е. создать условія, при которыхъ невозможны ни удобреніе, ни самая обработка земли, ни сборъ урожая. Все это совершенно очевидно, а потому записку членовъ Московскаго Комитета слѣдуетъ характеризовать такъ: „слова, слова, слова"!

Экономистъ Рау первый отмѣтилъ, что земельная площадь крестьянскаго домохозяйства, необходимая для использованія труда рабочаго (Arbeitsminimum), не совпадаетъ съ площадью, необходимою для прокормленія рабочей семьи (Unterhaltsminimum) и превышаетъ ее. Но Рау не далъ научно-логическаго разъясненія этому факту. Сущность же этого явленія заключается въ томъ, что трудъ въ хозяйствѣ, какъ экономическій факторъ, долженъ дать избытокъ—долженъ, какъ и прочіе экономическіе факторы, создавать цѣн-

ность. Но кормиться не значитъ создавать цѣнности—кормятся и животныя, которыя никакихъ цѣнностей не создаютъ и причисляются не къ факторамъ, а къ орудіямъ производства, не къ хозяйственнымъ субъектамъ, а къ хозяйственнымъ объектамъ. Крестьянство заключаетъ въ себѣ всѣ факторы производства, слѣдовательно, крестьянинъ долженъ получать ренту съ своей земли, процентъ съ затраченнаго капитала, предпринимательскую прибыль и заработную плату. При нормальныхъ условіяхъ онъ все это и получаетъ, но при анормальныхъ онъ можетъ впасть въ положеніе животныхъ—его дѣятельность перестаетъ быть хозяйственной дѣятельностью и онъ даже съ трудомъ себя прокармливаетъ или, точнѣе сказать, его кормятъ. Такъ было въ эпоху рабства, когда людей считали за вещей—за орудія производства; такъ отчасти бывало и въ эпоху крѣпостного права, и остатокъ подобнаго ложнаго воззрѣнія на крестьянина, благодаря общинному крѣпостному институту, существуетъ и теперь. Но и рабочій можетъ и долженъ сберегать; факты дѣйствительной жизни безусловно подтверждаютъ это положеніе. Какъ только рабочій перестаетъ „наживать", онъ ищетъ иного примѣненія своей хозяйственной дѣятельности—переселяется. Тѣмъ скорѣе броситъ свое хозяйство крестьянинъ, если оно не будетъ въ состояніи даже прокормить его семью; но крестьянинъ, несомнѣнно, останется при землѣ, если не будетъ лишенъ ренты владѣльца и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ дать кровъ своей семьѣ въ деревнѣ. Этимъ только мы объясняемъ тотъ фактъ, что наши крестьяне, при уравнительныхъ процессахъ, еще держатся земли; какъ только крестьянинъ переселяется въ городъ съ семьей, онъ прерываетъ всякую связь съ землей и только числится крестьяниномъ на бумагѣ; такихъ крестьянъ уже не мало на Руси [1]). Но доходность домохозяйства прямо и непосред-

[1]) Существуютъ даже цѣлыя „бумажныя" общины и деревни, о чемъ мы еще скажемъ ниже.

ственно зависитъ отъ индивидуальныхъ свойствъ даннаго домохозяйства, а потому и вопросъ о достаточности земельнаго „надѣла" совершенно относительный. Громадное большинство Комитетовъ высказалось именно въ этомъ смыслѣ. Многія селенія, имѣющія большое количество земли, нерѣдко бываютъ беднѣе своихъ малоземельныхъ сосѣдей, при полной однородности почвенныхъ, климатическихъ и бытовыхъ условій. Въ Комитетахъ Витебской губерніи приводятся примѣры безбѣднаго существованія въ малоземельныхъ районахъ, при надѣлахъ 1—$^1/_2$ дес. на душу, крестьянскихъ домохозяйствъ, выкупившихъ свои надѣлы и выдѣлившихся изъ общиннаго землепользованія.

Впрочемъ въ трудахъ Комитетовъ мы встрѣтились съ невѣроятнымъ, съ точки зрѣнія защитниковъ крѣпостной общины, фактомъ—упадка крестьянскаго хозяйства вслѣдствіе *многоземелья*. Въ Вятской губерніи, въ уѣздахъ Глазовскомъ Нолинскомъ, Вятскомъ и Слободскомъ еще не такъ давно господствовало подворное заимочное землепользованіе, разрушенное межеваніемъ и причисленіемъ подворныхъ владѣльцевъ къ селеніямъ и общинамъ. Это насильственно-принудительное дѣйствіе правительства привело къ тому, что подворные владѣльцы—заимщики стали отказываться отъ принятія надѣловъ и заявленія эти вносились въ протоколы поземельно-устроительныхъ комиссій. Отказавшись отъ надѣловъ, заимщики постепенно стали выселяться въ Пермскую губернію и западную Сибирь, гдѣ еще общинные порядки не были введены, и отчисляться отъ обществъ, къ которымъ были причислены ихъ заимки. Но подобная „свобода" заимщиковъ не входила въ разсчеты общества, на которое стали падать оклады заимщиковъ, тѣмъ болѣе, что земли заимщиковъ общество обращало въ пустыри, потерявшіе всякую цѣнность. Общество начинаетъ зорко слѣдить за „подозрительными" крестьянами и не выдавать имъ паспортовъ. Это

мало помогало, а потому общество учредило „надзоръ“ за „бѣгунами“. Но „бѣгуны“ пустились на хитрости. Въ дер. Питимской, Лешской волости, одинъ крестьянинъ, служившій предметомъ особливаго „надзора“, какъ заподозрѣнный въ намѣреніи ликвидировать свое хозяйство и уйти на сторону, тѣмъ не менѣе, успѣлъ продать по частямъ свое имущество и въ одну *ночь* во время озимаго сѣва самъ „исчезъ“ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Крестьяне были поражены подобнымъ исчезновеніемъ, такъ какъ еще наканунѣ исчезнувшій спокойно занимался посѣвомъ ржи. Пошли общинники посмотрѣть на полосы бѣглеца, и оказалось, что нѣсколько горстей разбросано вдоль дороги, а полосы не засѣяны. Не правда-ли, любезный читатель, какая характерная картинка общиннаго строя нашей великорусской деревни? Лучшіе русскіе мужики—пахари, какъ тати, удираютъ ночью изъ селеній, чтобы избавиться отъ когтей общиннаго крѣпостного гнета.

Но въ той-же Вятской губерніи бываютъ случаи исчезновенія цѣлыхъ деревень. Такимъ образомъ оказывается, что вятскіе крестьяне спасаются бѣгствомъ отъ многоземелья. „Земля, долженствующая служить созидающимъ благополучіе крестьянамъ элементомъ, оказывается разрушающимъ это благополучіе, когда размѣры землевладѣнія превышаютъ нѣкоторые предѣлы“. Въ одномъ изъ Комитетовъ Вятской губерніи удостовѣрено, что домохозяинъ, имѣющій 9 десятинъ на работника, по мѣстнымъ условіямъ, считается правильно обезпеченнымъ землей и это количество достаточно на прокормленіе семьи и уплату податей и повинностей; всякое увеличеніе этой нормы разстраиваетъ хозяйство крестьянина, а потому часто крестьяне приносятъ жалобы на то, что общество „прибавляетъ“ имъ земли, хотя они и безъ того обременены многочисленной семьей и затрудняются ея прокормленіемъ. Такимъ образомъ въ общинной деревнѣ совершенно

извращаются основные признаки крестьянства. Въ нормальномъ крестьянскомъ домохозяйствѣ—чѣмъ больше составъ семьи, тѣмъ обширнѣе хозяйство и богаче, въ общинной деревнѣ наоборотъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые Комитеты Вятской губерніи возбуждаютъ ходатайство о снятіи съ населенія излишнихъ надѣловъ и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе казны. Куда-же убѣгаютъ крестьяне Вятской губерніи?—Оказывается, что большинство бѣжитъ въ Пермскую губернію и Сибирь, гдѣ вновь устраиваютъ подворныя владѣнія—починки. Къ сожалѣнію, рано или поздно, русскаго мужика не оставятъ въ покоѣ ни въ Пермской губерніи, ни въ Сибири, и онъ опять начнетъ „кочевать". Такова видно его судьба въ Россійской Имперіи. Мы посовѣтовали бы земскимъ дѣятелямъ, подавшимъ записку въ Московскій губернскій Комитетъ, нѣсколько вдуматься въ сообщенные факты и убѣдиться, что не малоземелье—причина разстройства крестьянскаго хозяйства въ Россіи какъ въ Московской губерніи, такъ и въ другихъ губерніяхъ и областяхъ нашего великаго государства. Въ трудахъ вятскихъ Комитетовъ мы встрѣтили сообщенія и о томъ, что во многихъ селеніяхъ лучшіе пахари дѣлали попытки выселиться на отдаленныя окраины общинныхъ полей, съ цѣлью образовать подворныя владѣнія, но должны были отказаться отъ этихъ попытокъ вслѣдствіе препятствій со стороны общины и земскихъ начальниковъ; встрѣтили и указанія на благосостояніе Кулигинскихъ раскольниковъ—однодворцевъ: „всѣ живутъ прекрасно и не было примѣра, чтобы хоть одинъ изъ нихъ поступился своимъ участкомъ"; не было, разумѣется, и примѣровъ, чтобы эти подворные владѣльцы, какъ тати, убѣгали ночью отъ своей земельной собственности. Въ Глазовскомъ уѣздѣ, село Медлинское, Глинской волости, когда-то большое село, 15 лѣтъ тому назадъ на половину выселилось по окраинамъ своей надѣльной земли, образовавъ много от-

дѣльныхъ подворныхъ владѣній; всѣ эти подворные владѣльцы живутъ прекрасно, *даже богато*, тогда какъ оставшіеся въ селѣ при общинномъ владѣніи на удобренной чужими трудами землѣ влачатъ жалкое существованіе. И этотъ фактъ кладемъ на совѣсть защитниковъ „общины", хотя увѣрены, что успѣха не достигнемъ.—

Какъ относятся къ вопросу о малоземельѣ крестьянъ иные члены Комитетовъ, мы пояснимъ, приведя содержаніе записки члена Комитета Белебеевскаго уѣзднаго Комитета. „По статистическимъ свѣдѣніямъ Уфимской губерніи за 1896 годъ, надѣльной земли числилось 1280.338.40 дес." и зарегистровано надѣльнаго населенія 352.192 чел. обоего пола, что составитъ 7,26 дес. на наличную душу и 3,63 дес. на всѣ „рты". Членъ докладчикъ находитъ подобный размѣръ надѣловъ недостаточнымъ потому, что большая часть крестьянскаго населенія пользуется меньшими надѣлами не свыше 4,60 дес. на наличную и 2,30 дес. на „рты". Главную группу крестьянъ въ Уфимской губерніи по количеству населенія составляютъ „припущенники", которые были надѣлены по особымъ правиламъ въ виду своеобразныхъ отношеній этой группы къ землѣ, и членъ Комитета умалчиваетъ о томъ, что эти отношенія не могутъ быть измѣнены и нынѣ безъ нарушенія правъ другихъ сельскихъ обывателей—крестьянъ, владѣющихъ, сверхъ того, на правѣ собственности (башкиръ-вотчинниковъ.) И вотъ авторъ рекомендуетъ аграрную политику грабежа въ пользу „надѣльнаго" населенія. Эта система грабежа башкиръ практиковалась въ эпоху крѣпостного права частными вотчинниками и удѣльнымъ вѣдомствомъ, практиковалась бѣглыми крестьянами и иными, но, по крайней мѣрѣ, она чаще всего облекалась въ форму добровольныхъ сдѣлокъ между грабителями и ограбленными. Членъ же докладчикъ предлагаетъ всю землю башкиръ, за надѣломъ, какъ государственную, сдавать въ аренду крестья-

намъ. Или, можетъ быть, мы ошибаемся и членъ докладчикъ полагаетъ скупить земли башкиръ? Но эти земли и безъ того постепенно скупаются крестьянами (или даже просто „захватываются“). Ускорить темпъ этой „скупки“ опасно, такъ какъ такимъ путемъ легко обездолить скотоводное хозяйство башкиръ. Да еще вопросъ: что выгоднѣе въ Уфимской губерніи на башкирскихъ земляхъ—скотоводное или исключительно земледѣльческое зерновое хозяйство? Нельзя здѣсь не замѣтить, что наша интеллигенція усиленно стремится ликвидировать скотоводное хозяйство казаковъ, крестьянъ и инородцевъ въ пользу зернового хозяйства и такъ же усиленно настаиваетъ на поддержаніи экстенсивныхъ формъ зернового хозяйства съ цѣлью воспрепятствовать переходу этихъ формъ къ интенсивной семейно-подворной разнообразныхъ культуръ—и кричитъ о малоземельѣ крестьянъ. Какъ объяснить это явное противорѣчіе? Это противорѣчіе усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что интеллигенція упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ отчасти приписываетъ дешевизнѣ зерновыхъ продуктовъ на міровомъ рынкѣ. Какой-же смыслъ увеличивать площадь зерновой культуры за счетъ площади скотоводства?

Въ виду всего вышеизложеннаго, нельзя не присоединиться къ нижеслѣдующимъ мнѣніямъ, высказаннымъ въ нѣкоторыхъ Комитетахъ. Увеличеніе площади землевладѣнія малодоходнаго некультурнаго крестьянскаго хозяйства привело бы къ еще большему упадку сельскохозяйственной промышленности и къ уменьшенію общей его доходности, такъ какъ большее количество земли будетъ еще хуже обрабатываться и меньше удобряться, иначе говоря увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ вредно для государственной экономики и можетъ сдѣлаться опаснымъ для благосостоянія всего русскаго народа. „Предоставленіе крестьянамъ всѣхъ частныхъ и казенныхъ земель не предохранитъ ихъ при современномъ

жалкомъ положеніи крестьянскаго хозяйства отъ голода и разоренія“. И безъ того всюду наблюдается расширеніе крестьянскаго землепользованія за счетъ хозяйства частно-владѣльческаго, уничтоженіе высокихъ культурныхъ земледѣльческихъ центровъ, расширеніе пахатной площади за счетъ остальныхъ угодій, съ хищническими хозяйствомъ общинныхъ тягольщиковъ и полнымъ истощеніемъ почвы.

Къ сожалѣнію труды Комитетовъ даютъ весьма мало точнаго матеріала для сужденія о причинахъ земельнаго „утѣсненія“ крестьянской деревни, причемъ многія сообщенія членовъ Комитета могутъ дать поводъ къ величайшимъ недоразумѣніямъ. Такъ въ Архангельской губерніи и 3-хъ восточныхъ уѣздахъ Вологодской, по удостовѣренію Комитетовъ, существуетъ величайшее земельное утѣсненіе, которое привело крестьянъ къ переселеніямъ въ Сибирь; причины же этого невѣроятнаго факта не разъяснены Комитетами съ должной обстоятельностью. Въ силу положеній о б. государственныхъ крестьянахъ 1866 г., крестьяне Архангельской губ. должны были получить громадные надѣлы 8—12 десятинъ на ревизскую душу, причемъ при переложной системѣ полеводства взамѣнъ трехъ десятинъ ежегодной распашки предписано было 11 ст. Высочайше утвержденной 1869 г. инструкціей отводить крестьянамъ 23 десятины на душу. Въ виду господствовавшей на сѣверѣ формѣ заимочнаго подворнаго землепользованія, заимки и расчистки оставлялись въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи крестьянъ съ отмѣткой о томъ во владѣнныхъ записяхъ. При такомъ широкомъ надѣленіи казенныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, кажется, не могло быть рѣчи о земельномъ ихъ утѣсненіи. Но всѣ эти великодушныя постановленія освободительныхъ актовъ не были приведены въ исполненіе. Причины, вызвавшія неисполненіе закона, Высочайшей Властью утвержденнаго, намъ не извѣстны, но, судя по примѣчанію 2-му къ ст. 21

Положенія о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ, задержка производства приготовительныхъ работъ по составленію владѣнныхъ записей была вызвана желаніемъ законодателя дать возможность крестьянамъ посредствомъ разселенія по губерніи устроиться по желанію въ наиболѣе выгодныхъ мѣстахъ этого обширнаго края. Но эта благоразумная, установленная въ интересахъ крестьянъ, мѣра, благодаря измѣнившейся аграрной политики правительства, привела къ закрѣпощенію крестьянъ сѣвера общинному порядку и къ неустойчивымъ, прекарнымъ земельнымъ отношеніямъ; въ результатѣ - же явилось крайнее земельное „утѣсненіе", особенно въ Яренскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, на которую были распространены вышеизложенныя правила.—

Еще большее „утѣсненіе" терпятъ б. крестьяне удѣльнаго вѣдомства, получившіе почему-то ничтожные надѣлы. Удѣльное вѣдомство дозволяетъ дѣлать расчистки лишь обществамъ и рѣдко отдѣльнымъ крестьянамъ за очень высокую арендную плату по условіямъ на короткій срокъ и, сверхъ того, съ отвѣтственностью за порубки въ окрестной лѣсной площади, хотя бы виновные въ порубкѣ остались не открытыми. Если мы примемъ въ соображеніе, что удѣльное вѣдомство присвоило себѣ земли б. черносошныхъ крестьянъ, владѣвшихъ на правѣ собственности до перевода ихъ въ уравнительное общинное землепользованіе, то нельзя не признать, что по отношенію къ потомкамъ этихъ крестьянъ была совершена историческая несправедливость. Такъ же несправедливо поступило государство-казна по отношенію къ четвертнымъ крестьянамъ, присвоивъ себѣ ихъ землю, которую ихъ предки получили за тяжелую службу и пролитую кровь во имя Государя и Отечества.—

Какъ бы то ни было, но нужно надѣяться, что правительство приметъ къ сердцу положеніе обездоленныхъ крестьянъ сѣвера и устроитъ ихъ „землепользованіе" на твердыхъ

началахъ права, согласно съ Положеніемъ 1866 г. и другихъ законодательныхъ актовъ освободительной эпохи. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что земельное „утѣсненіе“ этихъ крестьянъ произошло вслѣдствіе ихъ прекарныхъ отношеній къ землѣ, а потому мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ покойнаго А. П. Энгельгардта, изложеннымъ въ особой запискѣ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, о дозволеніи крестьянамъ расчистокъ по числу „наличныхъ душъ“. Пора, давно пора, Россійской Имперіи покончить съ крѣпостными „душами“, особенно на сѣверѣ, гдѣ онѣ были установлены лишь въ царствованіе Государя Николая Павловича. Расчистки слѣдуетъ предоставить отдѣльнымъ домохозяйствамъ: на казенной землѣ на правѣ выкупа, на удѣльной на правѣ долгосрочной аренды, но при условіи реализаціи расчистокъ въ извѣстный срокъ; систему же надѣловъ общинамъ прекратить навсегда. Бѣдные крестьяне не могутъ производить расчистокъ уже потому, что не имѣютъ для этого ни средствъ, ни рабочей силы, такъ какъ бѣдные крестьяне всегда малосемейные. О значеніи рабочей силы въ домохозяйствѣ крестьянъ при расчисткахъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторые мѣстные Комитеты. Что же касается до консолидаціи крестьянскихъ дворовъ, то въ Архангельской губерніи подворное владѣніе не только господствуетъ у корелъ и финляндцевъ, но и у русскихъ крестьянъ въ малыхъ поселкахъ, починкахъ, выставкахъ 1 — 3 дворовъ; остается лишь упрочить эти подворныя владѣнія, освободивъ ихъ отъ земельнаго подчиненія волости и предоставивъ домохозяйствамъ право полной собственности на ихъ землю.—

Впрочемъ въ трудахъ Комитетовъ имѣются свѣдѣнія, которыя какъ нельзя болѣе подтверждаютъ высказанныя нами положенія. Оказывается, что удѣльные крестьяне Шенкурскаго уѣзда за 40-лѣтній періодъ изъ имѣющагося въ ихъ полномъ распоряженіи земельнаго фонда въ $41^1/_2$ тысячу д.

лѣсной площади удобной земли разработали всего около 2000 десятинъ, т. е. всего 5% всей удобной земли. Государственные крестьяне, получивъ право, впредь до устройства ихъ поземельныхъ отношеній, производить расчистки по 15 дес. на ревизскую душу, расчистили въ 26 лѣтъ 35000 дес., при населеніи численностью до 27.700 челов. обоего пола. Ясно до очевидности, что „утѣсненіе" крестьянъ Шенкурскаго уѣзда происходитъ не отъ малоземелья, а отъ другихъ причинъ. Указаніе на главную причину невольно проскользнуло въ мнѣніи управляющаго Шенкурскимъ имѣніемъ и заключается въ томъ, что крестьянинъ, благодаря общинному землепользованію, не рѣшается разрабатывать свою надѣльную землю подъ пашню или сѣнокосъ изъ опасенія, что община, по приведеніи расчищеннаго участка въ культурное состояніе, отберетъ его у разработавшаго и пуститъ въ общую разверстку, и если мы примемъ въ соображеніе, что расчистка требуетъ отъ крестьянина великаго труда и значительныхъ расходовъ, то указанной причины вполнѣ достаточно для объясненія „утѣсненія" крестьянъ Шенкурскаго уѣзда и другихъ уѣздовъ нашего сѣвера Европейской Россіи. Такъ же губительно отражаются на „землепользованіи" б. казенныхъ крестьянъ Архангельской губерніи прекарныя отношенія, установившіяся вслѣдствіе отсрочки работъ по выдачѣ владѣнныхъ записей. Цѣль отстрочки была благо крестьянъ— желаніе дать имъ возможность устроиться какъ можно удобнѣе и выгоднѣе. Въ дѣйствительности же казенные крестьяне оказались безъ земли и безъ возможности ее пріобрѣсти. Архангельское управленіе Государственными Имуществами стало отбирать у крестьянъ расчистки въ казну подъ тѣмъ предлогомъ, что расчистки 40-лѣтняго пользованія дозволяются лишь на „надѣльной" землѣ, позабывъ, что казна отсрочила надѣленіе землей бывшихъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, предоставивъ имъ самимъ опредѣлить территорію буду-

щей „надѣльной“ земли посредствомъ расчистокъ въ размѣрѣ 15 душевой пропорціи, размѣра которой крестьяне Архангельской губерніи не достигли до сихъ поръ.

Сверхъ того 29 мая 1897 г. былъ изданъ законъ о продажѣ земель въ прирѣзку надѣловъ крестьянъ съ разсрочкой платежей на 37 лѣтъ изъ $5^0/_0$ годовыхъ; но и этотъ законъ остался пустымъ звукомъ и со дня изданія закона крестьянамъ не было продано до сихъ поръ ни одного вершка „казенной“ земли.

Мы остановились на данныхъ о „землепользованіи“ крестьянъ нашего сѣвера въ трудахъ Комитетовъ потому, что эти свѣдѣнія какъ нельзя лучше разъясняютъ пресловутый вопросъ о малоземельѣ крестьянъ, и просимъ нашего читателя вникнуть въ смыслъ нашего разъясненія сущности вопроса. Малоземелье крестьянъ въ дѣйствительности ничто иное какъ „утѣсненіе“ ихъ отношеній къ землѣ вслѣдствіе той ложной аграрной политики, которая усиленно проводится правительствомъ и нашимъ интеллигентнымъ обществомъ и которая заключается въ томъ, что крестьяне „надѣляются“ землей въ общинное землепользованіе вообще и въ уравнительное въ особенности; отдѣльные же крестьяне—хозяева лишаются всякихъ правъ на землю, хотя несутъ за землю, которой надѣляются общества, подати и повинности, которыя взыскиваютъ съ крестьянъ *лично*. Такимъ образомъ надѣляютъ землей мнимаго субъекта—общество, и владѣльцемъ земли признаютъ это мнимое лицо, а фактически всѣ обязанности, связанныя съ владѣніемъ землей, валятъ на физическихъ лицъ—крестьянъ.

Защитники общины во главу угла въ вопросѣ объ экономическомъ упадкѣ нашего крестьянства поставили малоземелье *сельскихъ общинъ*: дайте обществамъ, говорили они, побольше землицы, дайте столько земли, чтобы, при ея распредѣленіи, размѣръ надѣла каждаго „общинника“ соотвѣтствовалъ его рабочей силѣ,—и крестьяне процвѣтутъ! Теперь,

конечно, они выставляютъ массу другихъ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства (нужно же чѣмъ-либо оправдать обнищаніе нашихъ „общинниковъ“!), но малоземелье все-таки признается ими главной причиной этого упадка.

И вотъ на сѣверѣ всѣ вожделѣнія защитниковъ общины относительно земли, повидимому, были осуществлены. Крестьянскимъ обществамъ предоставлено право „надѣлять“ себя въ необъятномъ размѣрѣ и притомъ всюду, гдѣ „общества“ пожелаютъ получить „надѣлъ“, иначе говоря, опредѣленіе общинной надѣльной территоріи было предоставлено усмотрѣнію самихъ обществъ: „бери землю гдѣ хочешь въ размѣрахъ 8—12 дес. на душу, приложи къ ней свой трудъ и благоденствуй!“

Прошло 26 лѣтъ и оказалось, что крестьяне сѣвера разработали ничтожное количество предоставленной имъ территоріи, страшно „утѣснены“ въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ и стали переселяться въ Сибирь, т. е. переселяются изъ одной пустыни въ другую! И тѣмъ не менѣе ярко обнаруженный самой жизнью фактъ не образумилъ нашихъ уравнителей. Въ трудахъ Комитетовъ тянется та же интеллигентная пѣснь о необходимости для мужика школьнаго просвѣщенія, чтобы обработывать матушку землю, необходимости освободить его отъ всякихъ платежей за пользованіе землей, необходимости освободить его отъ всякихъ государственныхъ налоговъ, необходимости снабженія его орудіями, лошадьми, сѣменами, деньгами и пр., проч. на общественный счетъ, т. е. настаиваютъ на необходимости устройства всероссійской богадѣльни для мужика; только тогда онъ будетъ благоденствовать, только тогда общинное уравнительное землепользованіе оправдаетъ великія надежды защитниковъ этого крѣпостного института. Хотя мы рѣшительно отрицаемъ возможность благоденствія нашего мужика во всероссійской богадѣльнѣ, но все-таки, допуская эту возможность, слѣдуетъ

прежде всего рѣшить, за чей счетъ будетъ содержаться эта грандіозная богадѣльня; откуда взять средства на ея устройство и содержаніе? Мы увидимъ ниже, какъ рѣшили въ Комитетахъ этотъ щекотливый вопросъ интеллигентные представители нашего общества.

Ложный взглядъ бюрократической интеллигенціи на отношенія человѣка къ землѣ отразился и въ трудахъ Комитета [1]) Оренбургской губерніи по отношенію къ башкирскимъ землямъ. Башкиры признаются по закону „вотчинниками“ своей земли; въ дѣйствительности же они—общинные пользователи, такъ какъ мы организовали крѣпостную общину всюду и вездѣ на территоріи Имперіи для податныхъ сословій и, между прочимъ, и у инородцевъ. Поэтому башкиры „вотчинники“ надѣляются землей на общемъ основаніи и передъ нами является такой абсурдъ, что государство надѣляетъ „вотчинниковъ“ ихъ собственной землей—фактъ, отъ котораго соціалисты, наши и иностранные, должны притти въ умиленіе [2]) Освободительные акты славной эпохи царствованія Государя Александра II установили и для башкиръ правила, основанныя на твердыхъ началахъ свободы и правомѣрнаго порядка. Сущность Положенія о башкирахъ заключается въ томъ, что вся территорія башкирскаго племени признается „собственностью“ башкиръ, но изъ этого фонда они надѣляются въ общинное пользованіе въ размѣрѣ 40—15 дес. на ревизскую душу, а затѣмъ владѣніе на остальной территоріи предоставляется башкирамъ пріобрѣтать законными титулами и, между прочимъ, оккупаціей.

Къ сожалѣнію „общинное землепользованіе“ и здѣсь

---

[1]) „По башкирскимъ дѣламъ“ было образовано вмѣсто Комитета особое совѣщаніе подъ прдсѣдательствомъ Оренбургскаго Генералъ-Губернатора.

[2]) См. ст. 22 прилож. къ 15 ст. прим. 1 Положенія о башкирахъ—и ст. 16, и равно прилож. къ ней ст. 1 и 4. Въ 1886 г. послѣдовало ограниченіе правъ вотчинниковъ въ дачахъ окончательно неразмежеванныхъ.

успѣло привести къ роковымъ результатамъ, крайне вреднымъ и опаснымъ въ виду темноты и примитивной наивности башкирскаго населенія. „Общины“ стали распродавать башкирскую землю направо и налѣво, особенно переселенцамъ крестьянамъ.

Какъ ни желательно увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія въ Россіи, особенно среди инородческаго населенія, но правительству слѣдовало бы принять во вниманіе и интересы наивнаго племени, подчиненнаго скипетру Россійской Имперіи, что сознается и мѣстной администраціей.

Но ложная аграрная политика администраціи приводитъ ее и къ ложнымъ предположеніямъ о томъ, какъ помочь горю. Проектируется все та же система надѣловъ въ общинное пользованіе съ разными стѣсненіями и ограниченіями въ пользованіи землей: въ особомъ совѣщаніи, для предохраненія башкиръ отъ безземеленія, признано необходимымъ обратить всю ихъ свободную землю въ неотчуждаемый „надѣлъ“ (разумѣется, общинный). Отмѣтимъ прежде всего, что предложенная мѣра прямо искажаетъ Положеніе о башкирахъ и явно нарушаетъ личныя и имущественныя права нынѣ свободнаго населенія. А между тѣмъ въ самомъ Комитетѣ удостовѣрена полнѣйшая неурядица башкирскаго землепользованія, полнѣйшій хаосъ земельныхъ отношеній между башкирами и причиной этого хаоса и неурядицъ прямо выставлено общинное землепользованіе. Напримѣръ: чтобы распорядиться установленнымъ порядкомъ хотя бы самымъ незначительнымъ клочкомъ земли въ дачахъ трехъ Бурзянскихъ волостей, площадью свыше 400 тысячъ десятинъ земли, необходимо собрать волостной сходъ изъ 25 представителей 17 тысячъ наличныхъ душъ „вотчинниковъ“ этой дачи, проживающихъ въ отдѣльныхъ деревняхъ, отстоящихъ отъ мѣста схода за 50—70 и болѣе верстъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что каждый „вотчинникъ“ пользуется „общественными“ угодіями по личному своему

желанію и въ томъ размѣрѣ, какъ позволяютъ ему его хозяйственныя средства. Такимъ образомъ въ дѣйствительности „общинное землепользованіе“ башкирами не практикуется по крайней мѣрѣ во многихъ дачахъ ихъ владѣнія. Слѣдовательно правительство организовало у башкиръ форму землепользованія, которую фактически невозможно осуществить. Неужели подобная форма землепользованія, неосуществимая въ жизни, должна признаваться „кореннымъ“ бытомъ русскаго народа? Въ трудахъ того же Комитета удостовѣрено, что башкиры, за весьма рѣдкими исключеніями, продолжаютъ пользоваться надѣльной землей, не примѣняя никакихъ общинныхъ уравнительныхъ принциповъ: богатые занимаютъ сотни десятинъ „общественной“ земли подъ пастьбу и сѣнокошеніе и безпрепятственно рубятъ и возятъ на продажу, сколько имъ подъ силу, „общественные“ лѣса, а бѣдняки не только не пользуются „общественной“ землей сами, но лишены возможности реализировать свои „вотчинныя“ права путемъ продажи ихъ или аренды. Вслѣдствіе этого, несмотря на „общинное землепользованіе“, дифференціація у башкиръ-домохозяевъ господствуетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и $^3/_4$ „вотчинниковъ“ башкиръ не пользуется „общественной“ землей. Курьезно, что, даже при арендѣ постороннимъ лицамъ, эта дифференціація даетъ себя знать: богачи требуютъ себѣ „темныхъ“ денегъ и получаютъ ихъ. То же самое, но въ болѣе крупныхъ еще размѣрахъ, происходитъ и при продажѣ башкирскихъ земель. Итакъ „общинное землепользованіе“ обезземеливаетъ башкиръ почти совершенно такъ же, какъ оно обезземеливаетъ и нашихъ крестьянъ. Но не одни „міроѣды“ угнетаютъ общественниковъ-башкиръ. Во многихъ башкирскихъ обществахъ разверстки угодій производятся каждый годъ, при чемъ мѣняются очень часто и основанія разверстки. „Пайки“, разумѣется, продаются (арендуются) и цѣна имъ всегда вдвое и втрое ниже нормальной, что понятно, такъ какъ, вслѣдствіе неопредѣлен-

ности основаній разверстки, постоянно происходятъ обманы при продажѣ. Однимъ словомъ въ башкирскомъ „общинномъ землепользованіи", болѣе или менѣе, господствуютъ всѣ прелести великороссійскаго общиннаго землепользованія. Указывая на богачей—міроѣдовъ, докладчикъ совѣщанія справедливо признаетъ прискорбныя явленія „міроѣдства" прямымъ результатомъ неурядицъ башкирскаго общиннаго землепользованія, а потому находитъ справедливымъ оградить и интересы крупныхъ башкирскихъ хозяйствъ, облегчивъ имъ возможность выдѣла угодій въ частную собственность изъ „общественной" земли. Но это предложеніе докладчика было забраковано какъ совѣщаніемъ, такъ и губернскимъ присутствіемъ краткой резолюціей безъ всякихъ мотивовъ. Такъ отнеслась наша бюрократическая интеллигенція къ самому существенному вопросу башкирскаго землепользованія. Замѣтимъ, что предложеніе докладчика имѣетъ своимъ основаніемъ прямое постановленіе закона (Полож. о башкирахъ), но мы уже неоднократно указывали въ нашихъ трудахъ на то, что высшая мѣстная администрація Россійской Имперіи постоянно нарушала и нарушаетъ законы, Высочайшей Властью установленные, признавая исполненіе ихъ обязательнымъ для подданныхъ, а не для себя [1]).

---

[1]) Въ трудахъ Бирскаго уѣзднаго Комитета имѣется докладъ, въ которомъ приводятся слѣдующія свѣдѣнія о башкирахъ Уфимской губерніи. Въ 1798 г. изъ башкиръ было организовано иррегулярное войско. Военное устройство сохранялось до 1861 года. Этотъ періодъ въ 63 года былъ періодомъ усиленной опеки надъ башкирами и старики-башкиры отзываются о немъ съ большой похвалою. По ихъ словамъ хорошо построенныя избы, бархатныя одежды и золотыя украшенія не были исключительными. Командующій войсками находилъ, при объѣздахъ, все въ порядкѣ, такъ какъ времени приготовиться къ смотру было достаточно. Одно было забыто—развитіе самодѣятельности. Предоставленные нынѣ себѣ, башкиры оказались такими же малолѣтними, какими были, но, пріобрѣли отъ своихъ повелителей много отрицательныхъ сторонъ. Вслѣдствіе переселеній, башкиры

Причины малоземелья и „утѣсненія“ сибирскихъ крестьянъ мы разсмотримъ въ особой главѣ, посвященной переселенческому вопросу.

Многіе члены мѣстныхъ Комитетовъ, „не усматривая въ увеличеніи земельной собственности крестьянъ разрѣшенія вопроса объ ихъ матеріальномъ благосостояніи и считая, что это благосостояніе должно быть поднято съ помощью перехода къ интенсивнымъ формамъ сельскаго хозяйства, признаютъ, однако, необходимымъ, *въ видѣ временной мѣры*, увеличеніе тѣхъ крестьянскихъ надѣловъ, которые при нынѣшнихъ условіяхъ не могутъ прокормить своихъ владѣльцевъ“. Въ Комитетахъ было даже высказано мнѣніе, что самый переходъ къ высшей культурѣ представляется невозможнымъ безъ извѣстнаго предварительнаго увеличенія земельныхъ надѣловъ до такой нормы, которая представлялась бы наиболѣе соотвѣтствующей рабочимъ силамъ семьи.

Съ своей стороны мы полагаемъ, что увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ въ настоящее время не принесетъ ни малѣйшей пользы. Если малоземелье крестьянъ можетъ быть устранено только переходомъ къ высшей формѣ культуры земли, то увеличеніе надѣловъ задержитъ этотъ процессъ, а всякая задержка естественнаго процесса приноситъ вредъ, а не пользу. Но вообще весь ходъ мыслей интеллигентныхъ изслѣдователей даннаго вопроса основанъ на ложной точкѣ зрѣнія, ко-

---

потеряли много земли. Смотря по тому, какое вліяніе было въ Петербургѣ, башкирскую землю то разрѣшали покупать, то запрещали. Опредѣленіе количества отчуждаемой земли производилось „Карѳагенскимъ Соборомъ“. Двадцатый вѣкъ башкиры встрѣтили, выработавъ слѣдующія, непреложныя, по ихъ мнѣнію, положенія: „законъ какъ колесо—въ какую сторону хочешь, въ такую и вертишь“; „лѣса нельзя истребить, потому что урманъ самъ чортъ не кончитъ“; не надо особенно заботиться о завтрашнемъ днѣ, можно жать не сѣявши, потому что, въ случаѣ голода, прокормитъ Царь“. Итакъ башкиры—дѣти, потому что были подъ опекой. Но развѣ наши крестьяне далеко ушли отъ „башкирской“ премудрости“?

торая заключается въ томъ, что крестьянина, какъ хозяйственнаго субъекта, желаютъ „надѣлять“ землей, тогда какъ онъ долженъ „пріобрѣтать“ землю.

„Надѣленіе“ крестьянъ землей имѣло смыслъ при крѣпостномъ правѣ; оно имѣло великій смыслъ и при освобожденіи крестьянъ, какъ мѣра справедливая и согласная съ интересами всего государства, ибо фактически прикрѣпленный въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ къ землѣ, крестьянинъ долженъ былъ получить, при освобожденіи, право на эту землю, созданную его трудолюбіемъ и политую его потомъ. Надѣленіемъ крестьянъ землей на правѣ собственности разрѣшался вѣковой историческій вопросъ. Таковъ истинный смыслъ великой реформы, и если эта реформа не осуществилась на дѣлѣ, то въ этомъ виноватъ не великій реформаторъ, а исказившая реформу наша интеллигенція. Продолжать надѣлять крестьянъ землею въ настоящее время значитъ продолжать эпоху крѣпостного права, и тотъ фактъ, что у насъ все время послѣ реформы только и хлопотали о надѣленіи крестьянъ землей, служитъ подтвержденіемъ нашихъ словъ, ибо надѣляютъ имуществомъ холоповъ и крѣпостныхъ, а не свободныхъ субъектовъ правъ.—Съ другой стороны, „надѣлъ“ крестьянина долженъ былъ перейти въ его собственность: такъ слѣдуетъ въ силу закона, такъ слѣдовало и въ силу логики жизни. И вотъ русская интеллигенція все время послѣ реформы хлопотала только о томъ, чтобы „надѣлъ“ крестьянина не переходилъ въ его собственность, т.-е. вела съ двухъ сторонъ агитацію съ цѣлью задержать процессъ перехода порядковъ крѣпостного времени къ порядку свободнаго гражданскаго оборота. Нѣтъ ничего удивительнаго, если процессъ развитія нашего крестьянства былъ задержанъ и получилъ характеръ какого-то болѣзненнаго процесса, который нынѣ пытаются лѣчить всевозможными лѣкарствами, но только не тѣмъ лѣкарствомъ, которое излѣчиваетъ самый корень болѣзни.

Въ сущности вопросъ о малоземельѣ сводится къ закону о емкости хозяйственной территоріи. Этотъ законъ говоритъ, что величина хозяйственной территоріи зависитъ отъ формы хозяйства—отъ степени его культурности. На низшей ступени своего развитія человѣкъ не связываетъ себя землей—онъ бродитъ по ней, потому что объектомъ его хозяйства служитъ не земля, а дичь, которая переходитъ съ мѣста на мѣсто или перелетаетъ. Скотоводъ тоже бродитъ по землѣ съ своимъ скотомъ. И его отношенія къ землѣ опредѣляются какъ „странствіе“ [1]) по ней всю свою жизнь. Конечно и тутъ возможно „утѣсненіе“ въ хозяйственномъ отношеніи: дичь перевелась въ степяхъ или лѣсахъ; трава выродилась въ силу случайныхъ климатическихъ или иныхъ условій. Но роковое „утѣсненіе“ начинается съ момента перенаселенія и единственное средство помочь горю—перейти къ высшей, болѣе интенсивной формѣ хозяйства,—другихъ же средствъ противъ утѣсненія не существуетъ. И вотъ человѣкъ садится на землю—дѣлаетъ ее своимъ хозяйственнымъ объектомъ. Сначала онъ ведетъ скотоводное хозяйство, при чемъ земледѣліе лишь служитъ средствомъ интенсификаціи скотоводства, но рано или поздно, вслѣдствіе измѣненія емкости хозяйственной территоріи, онъ переходитъ къ зерновому хозяйству—сначала въ формѣ переложнаго хозяйства, потомъ паровой культуры и затѣмъ навозной. Дальнѣйшее уменьшеніе емкости территоріи ведетъ къ плодосмѣну и, наконецъ, къ самой высшей формѣ сельскаго хозяйства—къ разнообразію культуръ или къ такъ называемой *свободной* системѣ полеводства. Очевидно, отношенія человѣка къ землѣ измѣняются со степенью его культуры. На низшихъ ступеняхъ земля—res communis omnium; на среднихъ—она принадлежитъ господамъ вотчинникамъ, т.-е. составляетъ собственность немногихъ, привилеги-

---

[1]) См. въ книгѣ Бытія отвѣтъ Іакова Фараону.

рованнаго класса; на высшихъ же ступеняхъ она должна составлять собственность всякаго земледѣльца-хозяина, что только возможно юридически и экономически при полной свободѣ земли, иначе говоря, свободной ея мобилизаціи. *Свободная* система полеводства требуетъ и *свободныхъ* отношеній человѣка къ землѣ, а такъ какъ сама земля, какъ объектъ, не мобилизуется, то мобилизуются ея владѣльцы. Это есть единственно-возможное, единственно-правильное и единственно-справедливое рѣшеніе вопроса о малоземельѣ, и другого рѣшенія вопроса у культурныхъ націй не можетъ быть и *не должно* быть. Оно не можетъ быть потому, что всякое иное рѣшеніе ведетъ какъ разъ къ обратному результату—создаетъ „утѣсненіе“ и малоземелье; оно *не должно* быть, потому что иное рѣшеніе вопроса не согласно съ достоинствомъ человѣка и противорѣчитъ той категоріи долженствованія, которая носитъ названіе *права* и правомѣрнаго соціальнаго порядка, что мы докажемъ въ своемъ мѣстѣ при разсмотрѣніи того правопорядка, въ которомъ живутъ наши крестьяне и который такъ усиленно поддерживается нашей интеллигенціей, защищающей всѣми правдами и неправдами крѣпостное общинно-уравнительное землепользованіе нашихъ крестьянъ.

IV.

Тяжесть податей и повинностей.

Малоземелье и недостаточность крестьянскихъ надѣловъ наша интеллигенція всегда связывала съ тяжестью податей и повинностей. Связь между повинностями крестьянъ и общиннымъ землепользованіемъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ то и другое неразрывно связаны въ понятіи *тягла.* Но интеллигенція въ своихъ разсужденіяхъ о тяжести крестьянскихъ податей и повинностей разрываетъ эту связь и дѣлаетъ попытки доказать тяжесть крестьянскихъ платежей доходностью надѣловъ, т.-е. сравнивая всѣ платежи крестьянъ съ предполагаемымъ доходомъ, получаемымъ крестьянами отъ общиннаго землепользованія. Не трудно усмотрѣть, къ какимъ нелѣпостямъ можно притти при такомъ ъизслѣдованіи. Общинное землепользованіе есть тягло— личная зависимость тягольщика отъ земли, къ которой онъ прикрѣпленъ. Доходъ съ тягла опредѣляется его тягостью; чѣмъ тяжелѣе вѣситъ тягло, тѣмъ больше дохода, но, само собою разумѣется, для вотчинника (въ настоящее время государства и земства), а не для тягольщика-крестьянина. Поэтому говорить о „доходности“ земли при общинномъ землепользованіи не имѣетъ смысла: никакого дохода крестьянинъ съ своей земли не получаетъ и получать *не можетъ.* Такъ какъ многимъ нашимъ читателямъ наше положеніе покажется страннымъ и неудобопонятнымъ, то мы разъяснимъ

сущность дѣла съ должной обстоятельностью. Экономика учитъ, что доходъ хозяйственнаго процесса (производства) опредѣляется какъ рента съ земли, процентъ съ капитала, заработная плата съ труда и прибыль съ предпринимательской дѣятельности. Какимъ же видомъ дохода пользуется нашъ крестьянинъ?—Никакимъ. Что крестьянинъ никакой ренты не получаетъ съ общинной земли,—подтверждаютъ сами защитники общиннаго землепользованія и видятъ даже въ этомъ великое преимущество этой прекарной формы отношеній человѣка къ землѣ надъ собственностью. Процента съ капитала крестьянинъ тоже не получаетъ потому, что никакого капитала въ землю не вкладываетъ и не долженъ вкладывать, если у него имѣется какой-либо хозяйственный смыслъ. Допустимъ, что какой-нибудь Еремѣй по глупости сильно унавозилъ свои полосы; при первомъ же передѣлѣ онъ ихъ потеряетъ и, слѣдовательно, его капиталъ пропадетъ прахомъ. Допустимъ, что какой-нибудь Пахомъ, имѣя 30—40 дес. на свой дворъ, прикупилъ лошадокъ, коровокъ, овецъ; при первомъ же передѣлѣ онъ вмѣсто 40 десятинъ получитъ 3—4 десятины и принужденъ будетъ распродать свой скотъ, какъ лишній, а мы, хозяева, знаемъ, что значитъ продавать свой инвентарь по нуждѣ—это значитъ разориться. О предпринимательской прибыли, кажется, послѣ вышеизложеннаго не стоитъ говорить. Но, возразитъ намъ иной защитникъ общины, заработную плату крестьянинъ во всякомъ случаѣ получаетъ, ибо онъ трудится надъ своей землей и трудится иногда такъ, что чернѣетъ отъ потугъ. Нисколько не отрицая, что иной крестьянинъ въ страдное время дѣйствительно чернѣетъ отъ усилій, мы все-таки отвѣтимъ, что онъ заработной платы за свой трудъ не получаетъ. Допустимъ опять, что въ селеніи нашелся Еремѣй, положившій всю свою душу въ трудъ: свои полосы онъ пахалъ прекрасно, свой сѣнокосъ вычистилъ отъ кочекъ и

всякой дряни; при первомъ же передѣлѣ и эти полосы и этотъ покосъ отъ него отойдутъ, а потому весь его трудъ пропадетъ прахомъ. Очевидно, при подобныхъ условіяхъ, Еремѣевъ—трудолюбцевъ въ нашей деревнѣ не можетъ и быть. Однако нашъ крестьянинъ все-таки работаетъ: пашетъ, коситъ и т. д. Конечно, но не всякая работа—хозяйственный трудъ; животныя тоже работаютъ; работаютъ рабы и крѣпостные, но ихъ работа не признается трудомъ въ смыслѣ фактора производства, а потому они не получаютъ заработной платы, ихъ только кормятъ. Нашъ крестьянинъ долженъ кормиться и нести тягло. Первое онъ исполняетъ довольно неудовлетворительно; второе же всецѣло зависитъ отъ энергіи его „начальства". Первое время послѣ реформы нашъ крестьянинъ—тягольщикъ зналъ только свое „начальство"—общинное; надъ общиной же стояло обыкновенное административное-полицейское начальство въ лицѣ становаго и исправника. Если тягольщикъ тянулъ свое тягло лѣниво или вовсе отъ него уклонялся, его призывали въ волость, постегивали какъ слѣдуетъ и вновь пристегивали къ тяглу. Если тягольщикъ „убѣгалъ" отъ тягла въ городъ, его, по требованію общины, возвращали по этапу, постегивали установленнымъ порядкомъ и пристегивали къ тяглу. Въ наше же время создали новое начальство для деревни—интеллигентное бюрократическое, сразу положившее постегиванію конецъ, и бѣдная община пришла въ большое недоумѣніе и большое разстройство. Нѣтъ ничего удивительнаго, что недоимки возрасли неимовѣрно и тягло сдѣлалось невыносимымъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, благодаря находчивости прежняго полицейскаго начальства и особой „культурности" тягольщиковъ, дѣло поправимо. Приведемъ примѣръ. Въ селеніи Алабушево, Еремѣевской волости, Звенигородскаго уѣзда, нѣкоторые тягольщики постоянно накопляли недоимки. Волость, по традиціи, наконецъ послала сельскому

начальству приказъ выслать недоимщиковъ въ „контору“ [1]). По той же традиціи, недоимщики двинулись въ путь, но на дорогѣ, подъ „трубой“ (проѣздъ подъ Николаевской желѣзн. дорог.) одумались, погалдѣли и возвратились обратно въ свою деревню. Волость и община пришли въ полное недоумѣніе, не зная что предпринять, но помочь волостному начальству вызвался умный и ловкій урядникъ: онъ отправился въ селеніе и арестовалъ у недоимщиковъ самовары. Чай для московскихъ крестьянъ „необходимая“ потребность, а потому недоимка была внесена немедленно вся сполна.—

Заработную плату получаетъ свободный хозяйственный субъектъ—рабочій, а не общинный тягольщикъ. Вотъ почему часто крестьяне платятъ „спуста“, т.-е. платятъ всѣ подати и повинности не имѣя вовсе надѣловъ. О какой же „доходности“ надѣловъ тутъ можетъ быть рѣчь и какой имѣетъ смыслъ говорить о томъ, что земля не „окупаетъ“ крестьянскихъ платежей? Всѣ многорѣчивыя разглагольствованія членовъ Комитета о необходимости понизить крестьянскіе платежи съ цѣлью согласовать ихъ съ доходностью надѣловъ только показываютъ полнѣйшее непониманіе представителями нашей интеллигенціи сущности вопроса. Доходъ отъ земли получаетъ хозяинъ владѣлецъ, а не тягольщикъ. При общинномъ землепользованіи, владѣльцемъ-распорядителемъ земли признается общество, а платежи несутъ крестьяне, и вотъ этого-то противорѣчія и не хотятъ понять интеллигентные члены Комитетовъ. Не мѣшало-бы имъ примѣнить, хотя бы мысленно, подобный порядокъ къ себѣ. Если я нанялъ квартиру за 2000 руб. въ годъ, то, конечно, я обязанъ заплатить квартирный налогъ соразмѣрно стоимости нанятой квартиры; но если меня будутъ перемѣщать съ квартиры на квартиру,

---

[1]) Крестьяне с. Алабушева б. государственные и по традиціи называютъ волостное правленіе „конторой“.

при чемъ съ квартиры въ 2000 руб. меня перемѣстятъ на квартиру въ 200 руб. и т. д., то возложенный на меня квартирный налогъ никакъ нельзя будетъ опредѣлить стоимостью моей квартиры, и если распредѣлять квартиры между жителями будетъ община-городъ, то никакой квартирный налогъ тутъ не возможенъ; если же городъ установитъ единицу обложенія для каждаго домохозяина и будетъ распредѣлять квартиры соразмѣрно принятыхъ домохозяиномъ единицъ обложенія, то не размѣръ квартиры будетъ опредѣлять налогоспособность домохозяина, а, напротивъ, отъ налогоспособности домохозяина будетъ зависить размѣръ занимаемой имъ квартиры. Пусть городъ распредѣлитъ квартирный налогъ по числу квадратныхъ саженей каждой квартиры и предоставитъ жителямъ занимать квартиры по ихъ усмотрѣнію свободно: платежи несомнѣнно будутъ соотвѣтствовать доходности квартиръ; но пусть городъ будетъ распредѣлять квартиры по налогоспособности домохозяевъ: если такихъ налогоспособныхъ окажется много, городъ получитъ много платежей, если же ихъ окажется мало, городъ не доберетъ, и во всякомъ случаѣ платежи домохозяевъ никакой связи съ доходностью квартиръ имѣть не могутъ. А если бюджетъ города основанъ на томъ, что всякая квадратная сажень имѣющихся въ городѣ квартиръ платитъ единицу обложенія, то городу остается лишь одно — навалить неразобранныя квартиры на налогоспособныхъ домохозяевъ: можно ли тогда говорить о соразмѣрности платежей съ доходностью квартиръ? Свалка—навалка надѣловъ служитъ прямымъ доказательствомъ, что не доходность ихъ служитъ мѣриломъ платежей крестьянъ. Члены Комитетовъ полагаютъ, что такой анормальный порядокъ происходитъ отъ тяжести платежей и требуютъ ихъ пониженія и даже полной отмѣны выкупа. Пусть выкупные будутъ уничтожены, волостные перенесены на землевладѣльцевъ и промышленниковъ; чѣмъ будетъ

руководствоваться община, распредѣляя надѣлы: потребностями домохозяевъ? Но недостаточно имѣть потребности, нужно имѣть возможность ихъ удовлетворить. Семья съ однимъ рабочимъ домохозяиномъ и 6—7 малолѣтними нуждается въ 5—6 надѣлахъ, а въ состояніи обработать только 2—3 надѣла; доставшіеся ей 2—3 надѣла она оставитъ „впустѣ". Если общество будетъ такъ распредѣлять надѣлы, то большая часть территоріи селенія обратится въ пустыри, и все селеніе, рано или поздно, обнищаетъ; сильные-же домохозяева уйдутъ отъ земли и покинутъ общество, которое останется съ большими надѣлами, но безъ работниковъ. Если же общество будетъ передавать пустующіе надѣлы „сильнымъ", то принципъ потребностей будетъ сразу нарушенъ, и мы возвратимся къ старымъ порядкамъ; но въ такомъ случаѣ пониженіе платежей не имѣетъ никакого смысла. Крестьяне прекрасно это понимаютъ и, когда Высочайшій манифестъ прощаетъ недоимки, говорятъ такъ: „кто платилъ, тому обидно, а кто не платилъ,—съ того все равно ничего не возьмешь".—

Въ трудахъ Комитетовъ имѣется масса докладовъ и записокъ, въ которыхъ приводятся цифровыя данныя по крестьянскимъ платежамъ и бюджетамъ не только отдѣльныхъ домохозяйствъ, но селеній, волостей, уѣздовъ и цѣлыхъ губерній. Всѣ эти „статистическія" выкладки не имѣютъ никакого значенія, ни научнаго, ни практическаго. Уже не говоря о полной недостовѣрности приводимыхъ цифръ, онѣ грѣшатъ тѣмъ, что желаютъ реальные факты доказать фикціями—средними цифрами. Если мы, напримѣръ, приведемъ среднія цифры доходовъ домохозяйствъ Англіи или Германіи, то получимъ такія суммы, которыя покажутъ намъ, что домохозяева этихъ богатыхъ странъ должны влачить жалкое существованіе.

Ошибка всѣхъ этихъ выкладокъ, бюджетовъ и проч. за-

ключается въ томъ, что всѣ эти сопоставленія расходовъ и доходовъ представляютъ лишь балансы кассовыхъ оборотовъ, а вовсе не прибыли и убытка, и, слѣдовательно, показанные дефициты никакого значенія не имѣютъ, по крайней мѣрѣ для опредѣленія дефицита конкретныхъ хозяйствъ, такъ какъ изслѣдователи упускаютъ изъ виду, что доходы одного производителя являются расходами для другого и наоборотъ; сверхъ того очень часто показанные расходы ничѣмъ не сбалансированы, а между тѣмъ выведенный дефицитъ приводится какъ свидѣтельство, что земля не окупаетъ платежей домохозяйства.

Яркимъ примѣромъ подобнаго страннаго умозаключенія можетъ служить „подробный" бюджетъ Велейской волости въ трудахъ Опочецкаго Комитета. Доходъ крестьянскаго населенія волости отъ земледѣлія показанъ въ суммѣ Р.С. 373.496.25 (за исключеніемъ сѣмянъ); расходы: на всѣ повинности Р.С. 35987.70, на продовольствіе людей, скота и всѣ прочіе „жизненные" Р.С. 40.174 и на покупку вина (sic) Р.С. 402.281; дефицитъ волости опредѣляется въ Р.С. 63.773 д., а потому, по мнѣнію изслѣдователя, доходность крестьянскихъ надѣловъ не окупаетъ ихъ всѣхъ платежей. Но неужели изслѣдователь Велейской волости серьезно убѣжденъ, что крестьянская земля должна окупать всю сполна выпитую Велейской волостью водку? Неужели слова Положенія 19 февраля 1861 г. „для обезпеченія быта крестьянъ и для обезпеченія ихъ обязанностей передъ Правительствомъ" (интеллигенція постоянно ссылается на эту фразу общихъ и мѣстныхъ Положеній 19 февраля 1861 г.) означаютъ, что крестьяне были надѣлены землей помѣщиковъ съ той цѣлью, чтобы доходы этой земли шли на водку, чтобы крестьяне немилосердно спивались на эти доходы?

Приводимыя въ трудахъ Комитетовъ цифровыя данныя приблизительныя, при чемъ нѣтъ никакой возможности,

провѣрить степень ихъ достовѣрности, но и самые пріемы исчисленій доходовъ и расходовъ совершенно ошибочны и чаще всего отличаются замѣчательнымъ легкомысліемъ. Приведемъ примѣры.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ, говорится въ трудахъ Комитета, въ 1901 г. числилось сельскаго населенія 151.319 душъ. Если „предположить“, что вся рожь, половина пшеницы и вся гречиха идутъ на продовольствіе крестьянъ, что общій запасъ этихъ пищевыхъ продуктовъ въ переводѣ на рожь составитъ 2.207.123 п., то для продовольствія населенія нужно 2.277.756 пуд. ржи. Налоговъ должно поступить (съ 190.873 дес.) казенныхъ 250.760 руб., земскихъ 49.983 р. страховыхъ 88.205 р. и мірскихъ 210.783 р.—всего 599.731 р. „Предполагая“, что на оплату платежей должны пойти весь собираемый овесъ и половина пшеницы, получимъ 399.844 р., т.-е. немного болѣе половины необходимой для уплаты налоговъ суммы. А такъ какъ по „оффиціальнымъ“ даннымъ чистая доходность земледѣлія въ 1900 г. показана въ 204.211 р., то, значитъ, крестьянская пашня не въ состояніи ни прокормить населенія, ни оплатить лежашіе на надѣлѣ платежи.—

Отмѣтимъ прежде всего, что сумма мірскихъ расходовъ, достигающая до 210.700 р. причислена къ налогамъ, тогда какъ большая часть этой суммы тратится на производительные и непроизводительные расходы общиннаго землепользованія (главная сумма мірскихъ расходовъ—наемъ пастуховъ, затѣмъ пьянство міра и другіе темные расходы, распредѣляемые сельскими бухгалтерами произвольно по „законнымъ“ статьямъ расходовъ); наемъ пастуховъ, содержаніе „общественныхъ“ строеній, расходы по богомоленію, по устройству и ремонту колодцевъ и пр., на мірское пьянство и пр., пр. нельзя относить къ „налогамъ“, но и страховые платежи вовсе не налогъ, и ни одинъ финансистъ никогда не относилъ

страховые платежи частныхъ лицъ къ налогамъ этихъ лицъ. Такимъ образомъ весь этотъ прiемъ исчисленiя „доходовъ и расходовъ“ крестьянъ для опредѣленiя тяжести податей и повинностей ложенъ въ самомъ своемъ основанiи. Но затѣмъ спрашиваемъ: на чемъ основано предположенiе, будто пашня Нижегородскаго уѣзда должна и можетъ оплачивать всѣ приведенные расходы? Развѣ сельское хозяйство крестьянъ этого уѣзда или вообще домохозяйство крестьянъ заключается только въ пашняхъ? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы убѣдиться въ невѣроятномъ легкомыслiи изслѣдователей мѣстныхъ Комитетовъ по данному вопросу. Болѣе половины жителей богатѣйшей Англiи не оплачиваютъ своихъ „расходовъ“ доходами съ своихъ пашенъ; не оплачиваетъ своихъ расходовъ продуктами „пашенъ“ и сельское населенiе Германiи, Швейцарiи и т. д., но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ имъ получать значительные доходы съ своихъ хозяйствъ. И развѣ сельское населенiе Россiи когда-либо оплачивало свои расходы только продуктами своихъ пашенъ? Мы думаемъ, что это никогда небыло и не можетъ быть по той простой причинѣ, что сельское хозяйство состоитъ не изъ однѣхъ пашенъ и производства продуктовъ съ нихъ.

Еще проще прiемъ въ докладѣ Егорьевскаго Комитета. Вся стоимость ежегоднаго средняго урожая въ уѣздѣ оцѣнена по среднимъ цѣнамъ въ 1.400.000 рублей, а стоимость продовольствiя и обсѣмененiя въ 2.100.000 р. и отсюда выводится заключенiе, что обычнаго сбора хлѣбовъ не только не хватаетъ, но приходится населенiю на продовольствiе расходовать изъ заработковъ безъ малаго миллiонъ рублей. Ну и пусть „приходится!“ Когда же Егорьевскiй уѣздъ продовольствовалъ земледѣлiемъ то количество населенiя, которое нынѣ въ немъ проживаетъ? Этого никогда не было, и если когда-либо будетъ, то во всякомъ случаѣ не при „общинномъ землепользованiи“. Ту-же самую утку пустила и Орловская Гу-

бернская управа въ своемъ докладѣ „Опытъ исчисленія дохода отъ земледѣльческаго промысла". Опредѣливъ среднюю доходность крестьянской пашни въ 8 рублей, докладъ находить, что крестьяне имѣютъ дохода 10.179 тысячъ (въ восточныхъ уѣздахъ Орловской губерніи), а все населеніе, занимающееся сельскимъ промысломъ —18.175 тысячъ рублей. Но затѣмъ по особой схемѣ, сопровождаемой разными оговорками о невозможности учесть более или менѣе точно получаемыхъ продуктовъ, или своебразнымъ пріемомъ „прикидыванія" къ общему доходу около милліона на такія отрасли сельскаго хозяйства какъ огородничество, садоводство, пчеловодство и т. п. (!)—весь денежный доходъ устанавливается, по признанію самихъ докладчиковъ, приблизительно и схематично, около 12 милліоновъ. Затѣмъ докладъ управы продолжаетъ такъ: „Выше, на основаніи данныхъ объ арендныхъ цѣнахъ мы установили, что чистый доходъ владѣльцевъ земли равенъ приблизительно 18 милліонамъ рублей. Сопоставляя эту цифру съ исчисленнымъ денежнымъ доходомъ въ 12 милліоновъ рублей, мы можемъ заключить, что 6 милліоновъ идутъ на пищевое довольство населенія или „путемъ внутренняго обмѣна". Оставшіеся 12 милліоновъ расходуются такъ: 4 милліона на налоги, 2 милліона на уплату % въ поземельные банки и 6 милліоновъ „свободно", причемъ 3½ расходуются на „акцизъ" (чай поставленъ управой почему-то въ статью „акциза").

Такимъ образомъ изъ 12 милліоновъ только 2½ милліона расходывается населеніемъ „свободно", что составляетъ 1 р. 30 к. на жителя. „Намъ скажутъ", говорятъ сами члены управы, „что мы пришли къ абсурду", ибо населеніе, уплачивая акцизъ, уплачиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ стоимость (!?) предметовъ акциза и покупаетъ много другихъ предметовъ, но этотъ „абсурдъ" разъясняется такъ: всѣ эти предметы покупаютъ землевладѣльцы, платящіе ничтожные налоги, а

обремененные платежами крестьяне ничего не покупаютъ или очень мало, а потому „недоумѣніе“ или абсурдъ—разрѣшается безъ особыхъ затрудненій.

Приведенный примѣръ можетъ служить наиболѣе яркимъ указаніемъ достоинства выкладокъ и исчисленій, приводимыхъ въ трудахъ мѣстныхъ Комитетовъ. Да простятъ намъ почтенные члены Орловской губернской управы, если мы позволимъ себѣ утверждать, что ихъ „докладъ“ настолько грѣшитъ противъ правилъ, обязательныхъ при такой работѣ, настолько тенденціозно ложенъ въ цифрахъ, сопоставленіяхъ и выводахъ, что граничитъ съ тѣмъ, что принято называть „пошлостью“.

Для опредѣленія „доходности“ пашенъ (!) 7 восточныхъ уѣздовъ приводятся двѣ скалы: одна опредѣляетъ „среднюю“ арендную цѣну десятины пашни, а другая „среднюю“ доходность десятины трехпольной пашни, исчисленной земскими статистиками, изъ которой видно, что въ Орловской губерніи средняя арендная цѣна десятины опредѣляется для частновладѣльческихъ земель 3—11 р., а для крестьянскихъ 3—8 р., и на основаніи коеффиціента, выведеннаго изъ этихъ цифръ опредѣляется доходность земли въ 18 милліоновъ. Цифру коеффиціента докладчики не обозначили; нужно предполагать, что для крестьянской земли они взяли 8 р., а для частновладѣльческихъ почему то менѣе 9 руб. Не знаемъ, почему члены управы признали нужнымъ играть въ данномъ случаѣ въ жмурки. Какъ-бы то ни было, но показанныя арендныя цифры свидѣтельствуютъ, что арендныя цѣны земли въ Орловской губерніи очень умѣренныя, хотя члены управы утверждаютъ совершенно обратное. Но затѣмъ Орловская управа, приведя всю сумму крестьянскихъ платежей, дѣлаетъ совершенно неожиданный выводъ, будто изъ 10.179 тысячъ, получаемыхъ крестьянами съ земли, на платежи идетъ 35%. О какой-же доходности говоритъ управа: аренд-

ной или сельскохозяйственной? Что аренда является доходомъ съ земли, какъ принимаетъ управа, совершенно согласно съ опредѣленіями экономики, но арендный доходъ все-таки не сельскохозяйственный, а еще менѣе доходъ крестьянскаго домохозяйства. А между тѣмъ управа въ окончательномъ итогѣ доходности земли оставляетъ только $2^1/_2$ милліона р., исключая изъ 18 милліоновъ дохода *съ аренды* 6 милліоновъ на пищевое потребленіе населенія, 4 милліона на уплату податей (съ страховыми!), 2 мил. на платежи въ банки всего же 6 милліоновъ, и $3^1/_2$ милліона на косвенные налоги. Такимъ образомъ доходъ съ аренды земли долженъ покрыть и прокормленіе населенія, и всѣ подати, не только „прямыя, но и косвенныя". Если это такъ, то положеніе землевладѣльцевъ Орловской губерніи слѣдуетъ признать блестящимъ. Покрывая одной рентой всѣ расходы по своему „прокормленію", всѣ подати и повинности, даже мнимые и дѣйствительные косвенные налоги, они, сверхъ того, имѣютъ въ свободномъ распоряженіи, по 1 р. 30 к. на жителя. Докладчикамъ эта сумма кажется ничтожной, но, какъ средняя для губерніи, она довольно значительна. Замѣтимъ, что въ числѣ „податей и повинностей" значатся выкупные и ипотечные платежи (т. е. $^0/_0$ и погашеніе ссудъ). Едва ли въ западной Европѣ, въ самыхъ цвѣтущихъ сельскихъ хозяйствахъ рента достигаетъ подобной высоты.—

Члены управы въ своемъ докладѣ арендной платой опредѣлаютъ весь доходъ сельскаго хозяина и въ этомъ смыслѣ дѣляютъ оговорку. Но эта голословная оговорка не можетъ измѣнить законъ экономическихъ явленій. Во всякомъ случаѣ, при подобной высокой рентѣ, землевладѣльцы могутъ, если признаютъ невыгоднымъ лично вести хозяйство на своей землѣ, передать посредствомъ долгосрочной аренды свои земли въ болѣе прочныя и умѣлыя руки и даже продать ихъ, такъ какъ высокая рента указываетъ и на высокую цѣнность земли,

а такъ какъ тѣ же члены управы находятъ, что сельское хозяйство несправедливо отягощено въ пользу обработывающей промышленности, доходы съ которой, по ихъ мнѣнію, столь велики, что, какъ увидимъ ниже, проектируется сложить съ земледѣлія всѣ повинности, даже косвенные налоги, возложивъ всю эту тягость на фабрики и заводы въ Россіи, то капитализація земельнаго фонда настоящими его владѣльцами будетъ для нихъ очень выгодна, ибо, помѣстивъ полученные за землю капиталы въ эту промышленность и приложивъ, сверхъ того, свою энергію, они наживутъ золотыя горы. Но и крестьянство выиграетъ, если земля его перейдетъ изъ рукъ плохихъ хозяевъ—мірскихъ тягольщиковъ, въ цѣпкія и сильныя руки истинныхъ крестьянъ собственниковъ. „Абсурдъ", къ которому пришли члены Орловской губернской управы, заключается именно въ непониманіи или отрицаніи этого безспорнаго факта.

Еще развязнѣе пріемъ учета доходовъ крестьянскаго населенія и падающихъ на него платежей, разработанный съ подробностью Балашевскимъ Комитетомъ. Весь сборъ хлѣба по уѣзду опредѣленъ въ 16.695.000 пудовъ; на продовольствіе отчислено 6.092.000 пуд. зерна, 1.450.000 пуд. картофеля, на посыпку и кормъ скоту 2.382.000 п., такъ что на продажу остатокъ оказывается въ 6.971.000 п., оцѣненныхъ въ 4.396.000 р. Вычитая арендную плату, платежи Крестьянскому Банку, страховки— всего 1.961.000 руб., получаемъ 2.435.000 руб. и, прибавляя доходъ отъ помѣщичьихъ земель и батрачества въ 2.685.000, общій доходъ опредѣляемъ въ 5.120.000 руб. Всѣхъ „прямыхъ" налоговъ по уѣзду платится сельскимъ хозяйствомъ 1.042.000 руб., косвенныхъ 1.565.000 р.—итого Р.С. 2.607.000, т. е. налоги поглащаютъ половину свободнаго остатка крестьянина. Этотъ „учетъ" вызвалъ возраженіе Саратовскаго губернатора, который на основаніи тѣхъ же цифръ опредѣлилъ доходъ крестьянъ Бала-

шевскаго уѣзда отъ земледѣлія въ 4.271.000 р. Если же изъ общей суммы вычесть выкупные платежи, то окажется, что прямыхъ налоговъ крестьяне платятъ 543.000 р., т. е. не болѣе 10% чистаго дохода съ земледѣльческой промышленности.

Напрасно покойный А. П. Энгельгардтъ безпокоилъ себя опроверженіемъ фантастическихъ цифръ Балашевскаго Комитета. Большая часть „статистики" учета основана на литературныхъ источникахъ, произвольно примѣненныхъ къ Балашевскому уѣзду и вовсе не провѣренныхъ съ дѣйствительностью.—

Такъ въ учетѣ сумма косвенныхъ налоговъ, кромѣ вина, показана въ 500.000 р., въ дѣйствительности же Балашевскій уѣздъ уплачиваетъ этихъ налоговъ менѣе 170.000 руб., крестьянское же населеніе значительно менѣе, на водку же приходится 1.677.637 р., если допустить, что весь акцизъ сполна заплаченъ крестьянами; тогда какъ всѣ остальные налоги и платежи составляютъ около 1.200.000 руб.

Въ Мологскомъ Комитетѣ представленъ предсѣдателемъ земской управы слѣдующій денежный балансъ по уѣзду. Весь ежегодный приходный бюджетъ уѣзда сведенъ къ суммѣ Р.С. 1.862.000, а расходный къ Р.С. 2.127.000, такъ что дефицитъ обозначенъ около Р.С. 300.000 и, по мнѣнію сочинителя этого баланса, на эту сумму населеніе ежегодно бѣднѣетъ. Кто же похищаетъ изъ кассы уѣзда, созданной воображеніемъ предсѣдателя Мологской земской управы, эти 300.000 руб? Къ сожалѣнію авторъ бюджета не потрудился объяснить этотъ невѣроятный фокусъ. Если населеніе, по словамъ его, стремится пополнить дефицитъ усиленной продажей своего имущества, промысловымъ отходомъ и займами, то въ кассѣ уѣзднаго бюджета не могло недоставать 300.000 р. Очевидно сочинитель бюджета не имѣлъ ясныхъ представленій о кассовыхъ оборотахъ, а потому и сочинилъ подобный курьезный бюджетъ.

Комитеты сѣверо-западныхъ губерній воздержались отъ смѣлыхъ построеній бюджетовъ, учетовъ и балансовъ, вродѣ приведенныхъ нами выше, но въ Дриссенскомъ Комитетѣ (Витебской губ.) приведено слѣдующее свѣдѣніе 5 волостей: 4000 хозяйствъ этихъ волостей, владѣющихъ 22445 десятинами (около 5 дес. на семью), высѣваютъ 75.547 пудовъ хлѣба и собираютъ 238.043 пуда, такъ что на пропитаніе 20.000 душъ приходится только 162.446 п. или 40 п. на семью и 8 п. на душу въ годъ. Платежей оказывается (съ натуральными) 39.358 рублей, такъ что каждая семья должна уплачивать налоговъ и повинностей (вмѣстѣ съ выкупными) 10 рублей. Если принять въ соображеніе, говорится въ докладѣ, что 5 десятинъ земли выражается 40 пудами хлѣба, то нельзя не признать, что 10-рублевая ежегодная уплата врядъ-ли соотвѣтствуетъ платежной силѣ каждой семьи. Конечно, отвѣтимъ мы, но кромѣ 5 десятинъ пахатной земли семья владѣетъ усадьбой, которая тоже обложена платежами, вошедшими въ сумму 39.358 р., о чемъ докладъ позабылъ упомянуть. Какъ великъ доходъ съ усадьбы? Думаемъ, что не менѣе 300 руб. особенно для самой семьи собственника; не даромъ пословица говоритъ, что въ своемъ домѣ и стѣны помогаютъ. Если мы причислимъ эти 300 рублей къ стоимости 40 пудовъ хлѣба, то окажется, что платежи домохозяина Дриссенскаго уѣзда вовсе не обременительны.

Въ трудахъ Винницкаго Комитета имѣется докладъ объ экономическомъ положеніи уѣзда, въ которомъ сообщены слѣдующія свѣдѣнія. Въ Винницкомъ уѣздѣ на наличную душу приходится земли 0,67 дес., на дворъ 3,8 дес; 8% домохозяевъ имѣютъ лишь одну усадьбу, 2,3%—безземельные и 14% съ полными надѣлами. Въ среднемъ крестьяне получаютъ 12 рублей въ годъ на душу валового дохода съ земли, а на дворъ 70 рублей, съ десятины 18 рублей. Платежей всякаго рода приходится со всего крестьянскаго на-

селенія уѣзда 311.345 р.—въ среднемъ на десятину 2 р. 55 к. а на дворъ 9 р. 70 к. Недоимокъ въ Винницкомъ уѣздѣ числится только $1^1/_4\%$ всей суммы сборовъ. Такое благопріятное положеніе уѣзда объясняется исключительно мѣстными заработками, исчисляемыми на Р. С. 2.100.000, на дворъ 130 руб. ,на десятину 35 р. Къ сожалѣнію выпитая населеніемъ водка ложится на каждый дворъ въ суммѣ 25 р., т. е. въ $2^1/_2$ раза превышаетъ налоги (съ выкупными).

Въ Комитетахъ малороссійскихъ губерній только по двумъ уѣздамъ указано на тяжесть податей и повинностей. Въ Кобелякскомъ уѣздѣ приведено свѣдѣніе, удостовѣряющее, что платежей (съ выкупными) на десятину падаетъ въ среднемъ 1 р. 45 к., что при валовомъ доходѣ съ десятины въ 24 р. признается чрезмѣрнымъ. Въ Лохвицкомъ Комитетѣ приведена совершенно невѣроятная справка, будто платежей на десятину крестьянской земли приходится до 4 р. (въ среднемъ), въ томъ числѣ выкупныхъ $2^1/_2$ рубля. Поэтому въ Лохвицкомъ Комитетѣ было приступлено къ обсужденію о сложеніи недоимокъ съ крестьянъ, но оказалось, что никакихъ недоимокъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ нѣтъ. Валковскій-же Комитетъ призналъ всякую разсрочку выкупныхъ нежелательной, такъ какъ по нимъ недоимокъ въ уѣздѣ не числится.

Въ прибалтійскихъ губерніяхъ о тяжести платежей крестьянъ государству вовсе не возбуждалось вопроса, но въ Эстляндской губерніи представители интересовъ крестьянъ указывали на неравномѣрность земскаго обложенія и въ особенности натуральныхъ повинностей. Однако представители дворянства правильно возразили на эти жалобы тѣмъ, что всѣ земскія повинности раскладываются равномѣрно по гакенамъ какъ мызной, такъ и крестьянской земли, и что натуральныя повинности арендаторы крестьяне несутъ въ силу заключенныхъ ими арендныхъ договоровъ.

Если мы откинемъ голословныя и явно тенденціозныя статистическія выкладки мѣстныхъ Комитетовъ по вопросу о тяжести податей и повинностей крестьянъ, то весь этотъ вопросъ въ сущности сведется къ тому, что крестьянскія домохозяйства у насъ очень плохи и почти во всемъ районѣ общиннаго землепользованія разорены. Но при плохомъ хозяйствѣ, всякій платежъ, всякій налогъ тягостенъ, ибо составляетъ расходъ въ домохозяйствѣ. Если валовой, а тѣмъ болѣе чистый доходъ хозяйства ничтоженъ, то хозяину трудно платить налогъ, какъ-бы умѣренъ онъ ни былъ. Мѣстные Комитеты во главу угла ставятъ тяжесть выкупныхъ платежей, которые вовсе не составляютъ налога, какими-бы софизмами ни желали члены Комитета доказать обратное положеніе. Да и сами они явно себѣ противорѣчатъ, желая, съ одной стороны, превратить выкупные въ поземельный налогъ, а съ другой—возставая противъ его разсрочки. Но по степени хозяйственнаго эффекта совершенно безразлично для крестьянскаго хозяйства, будутъ-ли выкупные платежи разсрочены на продолжительный срокъ или превращены въ поземельную подать. Что превращеніе выкупныхъ въ оброчную подать по доходности нисколько не уменьшитъ платежей крестьянъ—можно убѣдиться примѣромъ сибирскихъ губерній, въ которыхъ платежи въ среднемъ падаютъ на работника 22—30 руб., [1]) тогда какъ въ земскихъ губерніяхъ Европейской Россіи на работника приходится всѣхъ платежей съ выкупными 15—18 рублей. Или члены Комитета полагаютъ, что казна не должна вовсе требовать съ крестьянъ арендныхъ денегъ за землю и сдавать ее даромъ, такъ какъ русскій мужикъ способенъ только „болтать“ землю и совершенно не способенъ получать съ нея доходъ? Въ дѣйствитель-

---

[1]) См. Т. 54, стр. 200. Въ Иркутской губерніи съ натуральными повинностями на душу платежей падаетъ до 40 руб.!

ности-же крестьяне желаютъ какъ можно скорѣе раздѣлаться съ выкупными, чтобы сдѣлаться собственниками своей земли, слѣдовательно они прекрасно сознаютъ значеніе ренты и вовсе не желаютъ ею поступаться въ пользу казны. Разсрочка платежей всюду была проведена насильственно въ общинной Россіи; только „подворники“ взглянули на эту разсрочку какъ на облегченіе и добровольно ею воспользовались. Этотъ фактъ тоже весьма знаменательный! Конечно съ формальной стороны все было проведено гладко: крестьяне общинники составляли приговоры о разсрочкѣ, но мы знаемъ, что эти приговоры были вынуждены земскими начальниками.

Высота арендной платы объясняется многими членами Комитетовъ какъ слѣдствіе земельной монополіи и нужды крестьянъ въ землѣ; во всякомъ случаѣ эта „монополія“ послѣдовательно переходитъ въ руки крестьянъ и уходитъ изъ рукъ дворянъ; слѣдовательно жаловаться защитникамъ крестьянскаго землепользованія на земельную „монополію“ не слѣдовало-бы. Арендныя цѣны поднялись потому, что стоимость земельнаго фонда въ Россіи поднялась. Хозяйство крестьянина-общинника очень плохо въ настоящее время, но онъ учитываетъ впередъ подъемъ сельскохозяйственной культуры въ будущемъ и, можетъ быть, не ошибается. Крестьянинъ какъ-бы инстинктивно сознаетъ всю искусственность преградъ, созданныхъ нами, чтобы помѣшать правильному развитію крестьянскаго землевладѣнія, крестьянской земельной собственности, но, рано или поздно, эти искусственныя преграды должны пасть... Отмѣна выкупныхъ была-бы чудовищною несправедливостью, ибо исказила бы всю сущность великой реформы освобожденія крестьянъ. Она была бы несправедливостью и по отношенію къ тѣмъ крестьянамъ, которые уже выкупили свои надѣлы, несправедливостью по отношенію къ ревизскимъ и къ самимъ „малолѣтамъ“, ибо

послѣднимъ приходится переплачивать въ арендѣ гораздо болѣе выкупныхъ, несправедливостью для безземельныхъ и малоземельныхъ, которые нынѣ, покупая землю, при посредствѣ Крестьянскаго Банка, платятъ въ % и погашеніе гораздо болѣе выкупныхъ платежей. Отмѣна выкупныхъ, сверхъ того, произведетъ величайшую пертурбацію въ земельныхъ отношеніяхъ крестьянъ съ общиннымъ землепользованіемъ, такъ какъ недоимщики предъявятъ свои требованія къ аккуратнымъ плательщикамъ, ссылаясь на то, что, съ отмѣной выкупа, плательщики потеряли основаніе удерживать надѣлы въ своихъ рукахъ. А между тѣмъ отмѣна выкупа нисколько не уменьшитъ расходовъ крестьянъ; сами земскіе статистики удостовѣряютъ, что съ пониженіемъ выкупныхъ пропорціонально увеличились всѣ мірскіе расходы (и отчасти земскіе). На это возражаютъ, что мѣстные расходы производительны, а государственные не производительны. Странная точка зрѣнія! Какъ будто русскій народъ не заинтересованъ въ процвѣтаніи своего собственнаго государства! Производительность и непроизводительность расходовъ зависитъ отъ степени умѣнія ими пользоваться, но наши земства, а еще болѣе мірскія общества до сихъ поръ плохо доказывали свое умѣнье производительно пользоваться суммами, собранными съ доходовъ населенія. Когда они пріобрѣтутъ это умѣнье, то многіе общегосударственные расходы получатъ значеніе мѣстныхъ, потому что будутъ расходоваться мѣстными общественными учрежденіями; въ этомъ и заключается главное различіе между государственными и мѣстными расходами, ибо тѣ и другіе принадлежатъ къ категоріи общественныхъ расходовъ. Если-же государство не можетъ удѣлить болѣе или менѣе значительныхъ суммъ въ пользу мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, то, значитъ, время еще не настало. Это замѣчаніе мы сочли нужнымъ сдѣлать въ виду тѣхъ непомѣрныхъ требованій, которыя предъявили мѣстные Ко-

митеты къ государству и его казнѣ и о которыхъ мы будемъ говорить подробно ниже.

Вопросъ о значеніи выкупныхъ платежей тѣсно связанъ съ вопросомъ о крестьянскомъ землепользованіи. Вотъ почему, какъ мы замѣтили, о тяжести выкупныхъ платежей въ прибалтійскихъ губерніяхъ даже не поднималось вопроса, хотя выкупъ крестьянской земли въ этихъ губерніяхъ обходится крестьянству несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ прочихъ губерніяхъ Россіи.

Въ трудахъ Комитетовъ взглядъ нашей интеллигенціи на выкупную операцію нашелъ свое полное выраженіе; къ сожалѣнію къ этому взгляду примкнуло и то большинство Комитетовъ, которое выработало болѣе правильное и справедливое воззрѣніе на сущность отношеній крестьянъ къ землѣ. Объясняется это очень просто тѣмъ, что общинное землепользованіе—фактъ; выкупъ-же, при сохраненіи общиннаго землепользованія, прямая логическая безсмыслица и явная несправедливость. Крестьянъ заставляютъ платить за землю, отрицая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ право собственности на эту землю. Въ видѣ фикціи выставляется, что землю выкупаетъ „общество“, но при этомъ тщательно избѣгаютъ опредѣлить юридическую сущность этого „общества“, упуская изъ виду, что общество совладѣльцевъ, выкупающее землю, можетъ ее выкупать только для совладѣльцевъ и что именно выкупъ земли обществомъ и дѣлаетъ членовъ общества собственниками выкупаемой земли. Это недоразумѣніе происходитъ оттого, что подъ именемъ общества разумѣютъ юридическое лицо, вопреки юридической логики и здраваго смысла, ибо юридическое лицо пріобрѣтаетъ имущество на свои средства, а не на личныя средства того субстрата, который его составляетъ; если-же члены общества по закону обязуются выкупать землю на свои личныя средства, то они не образуютъ юридическаго лица и пріобрѣтаютъ землю въ свою *личную* собственность.

Но путаница понятій и невѣжество нашей интеллигенціи таковы, что нашлись русскіе юристы, которые стали утверждать, что крестьянскія общества—юридическія лица и выкупають земли для себя, а не для своихъ членовъ. Такимъ образомъ русскому крестьянину говорятъ такъ: денежки-то за землю ты подай, ну а собственникомъ земли будешь не ты, а „общество“; мы нисколько не извращаемъ, а только излагаемъ сущность воззрѣній нашей интеллигенціи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что сама интеллигенція въ глубинѣ своей души сознавала всю нелѣпость и несправедливость подобнаго воззрѣнія. Этимъ и объясняется ея стремленіе уничтожить выкупъ. Подобный „подвохъ“ подъ основныя начала Положеній 19 февраля пытаются оправдать разными софизмами.

„Въ обществѣ, а въ особенности въ самомъ крестьянскомъ населеніи смыслъ и значеніе выкупныхъ платежей часто совершенно извращается: уже одно наименованіе народомъ этихъ платежей податями и оброками указываетъ на то, что населенію не совсѣмъ ясенъ ихъ смыслъ, хотя, конечно, выкупные платежи представляютъ изъ себя не подати, не налоги, а уплату долга крестьянами государству за купленную для нихъ землю“ (слава Богу!) [1] „Постепенными платежами крестьяне погашаютъ этотъ долгъ и дѣлаются собственниками купленной для нихъ государствомъ земли“ (первая часть періода справедлива, а вторая—ложный адвокатскій пріемъ и прямая неправда: выкупные акты подписаны крестьянами, государство участвуетъ въ нихъ только ссудой, а не „покупаетъ“ землю у помѣщиковъ; зачѣмъ прибѣгать къ подобнымъ вывертамъ или перевертамъ фактовъ?)„Такимъ образомъ въ сущности выкупные платежи ни что иное, какъ отложеніе крестьянами своихъ сбереженій въ копилку и прі-

[1]) Мы пользуемся тутъ, при изложеніи мнѣній членовъ Комитета, сводомъ Трудовъ, и потому поставили „ковычки.“

обрѣтеніе на эти сбереженія недвижимой собственности“ (совершенно справедливо!). „Это дѣлается еще нагляднѣе, если мы обратимся къ крестьянамъ, бывшимъ государственнымъ.“ Бывшіе государственные крестьяне, въ виду желанія сравнять ихъ положеніе съ положеніемъ б. помѣщичьихъ крестьянъ, обложены выкупными платежами для того, чтобы они пріобрѣли въ собственность ту землю, которою они до того времени пользовались, какъ государственною. Иначе сказать, этимъ закономъ государственные крестьяне принуждены къ пріобрѣтенію собственности, насильственными мѣрами ежегодно принуждаются къ дѣланію сбереженій и къ откладыванію въ копилку—вотъ истинный смыслъ выкупныхъ платежей. „Мыслимо-ли заставлять людей насильственно дѣлать сбереженія, откладывать въ копилку, когда они находятся въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что зачастую имъ нечего ѣсть. Не ясно-ли, что существуетъ какая-то фальшивость въ экономической жизни народа, и эта фальшивость и заключается въ значительной степени въ выкупныхъ платежахъ.“

Изложенныя воззрѣнія интеллигентныхъ членовъ Московскаго губернскаго Комитета показываютъ, какъ плохо понимаетъ русская интеллигенція значеніе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ плохо она понимаетъ значеніе того великаго акта, свидѣтелемъ коего, по волѣ судьбы, она была. Но изложенныя сужденія вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о ея полномъ невѣжествѣ—незнакомствѣ съ содержаніемъ тѣхъ освободительныхъ актовъ, судить которые она взяла на себя смѣлость. Освобождая крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, законодатель рѣшилъ надѣлить ихъ землей, отграничилъ отъ вотчинной земли территорію крестьянскаго землепользованія и предоставилъ крѣпостному населенію право выкупа этой территоріи пользованія. Такой порядокъ освобожденія оправдывался исторической справедливостью и государственнымъ благомъ. Крестьяне получи-

ли въ постоянное пользованіе часть помѣщичьей земли съ правомъ *добровольнаго* выкупа (ст. 11 и 12 Общаго Полож. 19 февраля 1861 года). Для облегченія этого *добровольнаго* выкупа Правительство установило правила Положенія о выкупѣ (ст. 14 Общаго Полож. и 1, 2 и 3 ст. Полож. о вык.). Буквально тѣ-же самыя правила были установлены и для б. государственныхъ крестьянъ (1, 2, 14 и 15 ст. Полож. о б. госуд. крестьянахъ), ибо государственные крестьяне были такими-же крѣпостными государства—казны, какъ и помѣщичьи; государственные крестьяне покупались и продавались вмѣстѣ съ землей казной — государствомъ совершенно такъ же, какъ и помѣщичьи: они дарились (жаловались), и подобныя сдѣлки совершались даже между отдѣльными вѣдомствами (напр. казенными и Удѣломъ).

Фактически „пожалованія" прекратились только въ царствованіе Государя Александра I, юридически—изданіемъ свода законовъ Россійской Имперіи въ царствованіе Государя Николая I. Итакъ законодатель установилъ для крестьянъ помѣщичьихъ и *государственныхъ* добровольный выкупъ.

Почему-же объ этомъ умалчиваютъ интеллигентные члены Московскаго губернскаго Комитета? Но уже въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ государственные люди (Н. А. Милютинъ, Н. П. Семеновъ и др.) ясно понимали, что, рано или поздно, государство должно будетъ прибѣгнуть *къ обязательному* выкупу. Ссылки на „принужденіе" къ пріобрѣтенію земельной собственности и „принудительную копилку", со стороны интеллигентныхъ членовъ Московскаго земства—только жалкая логика—софистика, непониманіе основныхъ началъ права и лицемѣріе. Свободныхъ людей нельзя принуждать къ гражданскимъ сдѣлкамъ, свободныхъ людей нельзя принуждать владѣть землей или пользоваться ею, но принужденіе по отношенію къ рабамъ и крѣпостнымъ не только возможно, но и необходимо, а потому тѣ дѣйствія, которыя совершаютъ рабы

и крѣпостные не имѣють значенія правовыхъ дѣйствій (по крайней мѣрѣ въ отношеніи самихъ рабовъ и крѣпостныхъ) и, слѣдовательно, положенія гражданскаго права къ нимъ не примѣнимы. Освобожденіемъ крестьянъ разрѣшался не гражданскій вопросъ частнаго права, а общественный вопросъ публичнаго права, а потому положенія гражданскихъ правоотношеній къ нему тоже не примѣнимы. Но этотъ вопросъ затрогивалъ и область гражданскихъ правоотношеній, и потому, при рѣшеніи этихъ правоотношеній, примѣненіе гражданскихъ правовыхъ нормъ обязательно всюду и вездѣ, гдѣ эти нормы примѣнимы по своему существу, иначе не будетъ правды и справедливости. Такъ и поступилъ Законодатель освободительныхъ актовъ. Но такъ какъ временно-обязанныя отношенія между крестьянами и помѣщиками затягивались на неопредѣленное время и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснились интересъ и желанія дворянства покончить съ ними, а также высшій государственный интересъ правового порядка требовалъ прекращенія прекарныхъ отношеній крестьянъ къ землѣ, то Государь Александръ III установилъ обязательный выкупъ земли для всѣхъ крестьянъ и тѣмъ закончилъ великое дѣяніе своего Державнаго Отца, т. е. принялъ мѣру, необходимость которой предусматривали выдающіеся сановники Имперіи, и вполнѣ согласную съ началами права, ибо вотчинно — крѣпостной институтъ былъ не столько институтомъ гражданскихъ правоотношеній, сколько общественныхъ. Все это совершенно ясно для историка—юриста, но интеллигентные члены мѣстныхъ Комитетовъ не могутъ или не желаютъ этого понять. Говорятъ о „принужденіи“ крестьянъ къ покупкѣ земли, ну а почему не говорятъ о „принужденіи“ помѣщиковъ къ продажѣ этой земли? Гражданское право допускаетъ экспропріацію собственности, оно-же не только допускаетъ, но и требуетъ принужденія по отношенію къ дѣтямъ и другимъ неправоспособнымъ, когда они совершаютъ

тѣ или другія гражданскія дѣйствія, обязательно учреждая надъ ними опеки.—Государство было обязано принять освобождаемыхъ крестьянъ подъ свою опеку и продолжать ее до тѣхъ поръ, пока цѣль освобожденія не будетъ достигнута: до выкупа крестьянами своихъ надѣловъ. Такъ именно и установлено Положеніями 19 февраля 1861 г.—Обязательный выкупъ установленъ волею Государя Александра III: можно-ли винить въ этомъ покойнаго Монарха? Мы думаемъ, напротивъ, что этотъ Государь мудро закончилъ дѣло своего Державнаго Отца. Установленіе добровольнаго выкупа Положеніями о крестьянахъ объясняется особливыми чувствами великаго Монарха. Александру II претило принужденіе тамъ, гдѣ можно было его избѣгнуть. Онъ сознавалъ, что дворянство теряетъ много и приноситъ на алтарь Отечества самые существенные свои интересы. Онъ желалъ щадить своихъ дворянъ, насколько это было возможно. Но когда обязательный выкупъ требовался неотложными интересами государства, онъ примѣнилъ его (въ губерніяхъ сѣверо и юго-западныхъ). Александръ III исполнилъ лишь завѣтъ Своего Отца. Обстоятельства измѣнились, и сами дворяне тяготились временнымъ положеніемъ и желали выкупа.

Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло по отношенію къ крестьянамъ, къ крестьянскимъ интересамъ. Когда наша интеллигенція толкуетъ о „принудительности“ выкупа по отношенію къ крестьянамъ, то это только обнаруживаетъ всю силу ея лицемѣрія. Крестьяне были обязаны оброкомъ за пользованіе своими надѣлами. Оброкъ былъ повсемѣстно выше выкупныхъ, и разница сдѣлалась еще ощутительнѣе, когда одновременно съ установленіемъ обязательнаго выкупа была отмѣнена подушная подать. Такимъ образомъ, по мнѣнію нашей интеллигенціи, принужденіе со стороны государства выразилось въ томъ, что оно „принудило“ крестьянъ платить меньше, чѣмъ прежде. Что за фарисейство! Вмѣсто того, чтобы радоваться тому, что

„принудительный“ выкупъ терялъ фактически свое значеніе принудительнаго акта, русская интеллигенція ухватилась за пустыя слова, пустой звукъ. Мы-же скажемъ: слава и честь Государю Александру III, что онъ такъ мудро и такъ ловко рѣшилъ щекотливый въ смыслѣ гражданскаго права вопросъ и, переводя крестьянъ на обязательный выкупъ, отмѣнилъ подушную подать.

Само собою разумѣется, что ту-же мѣру нужно было примѣнить и къ государственнымъ крестьянамъ. Государственная оброчная подать была преобразована въ выкупные обязательные платежи. Интеллигенція указывала на то, что это преобразованіе оттягчило платежи государственныхъ крестьянъ, но это опять неправда. Общее правило было то, что выкупные платежи ни въ какомъ случаѣ не должны были превышать прежнихъ платежей государственныхъ крестьянъ, а тѣмъ болѣе выкупныхъ платежей помѣщичьихъ, слѣдовательно законъ въ сущности уравнялъ тяготы тѣхъ и другихъ разрядовъ крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, стремился къ этому, установляя обязательный выкупъ и для государственныхъ крестьянъ. Такъ и должно было быть.

Въ нѣкоторыхъ Комитетахъ былъ поставленъ такой вопросъ: можно-ли считать справедливымъ обязывать крестьянъ уплачивать выкупные платежи за землю въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ безъ пріобрѣтенія правъ личной и наслѣдственной собственности за оплачиваемый или оплаченный земельный надѣлъ? Трудиться нѣсколько десятковъ лѣтъ для того, чтобы оплаченная земля сдѣлалась собственностью не самаго плательщика, а общины, состоящей часто изъ крестьянъ, которые за землю эту или вовсе не платили или платили короткое время!? Отвѣчаемъ: дѣйствительно нельзя! Но подобной нелѣпости Положенія о крестьянахъ и не думали установлять. Напротивъ 37 ст. Общ. Полож. гласитъ такъ: „пріобрѣтенными въ собственность землями крестьянскаго

надѣла и выкупленными усадьбами крестьяне пользуются и распоряжаются какъ своимъ достояніемъ“, а 159 ст. Полож.— такъ: „По уплатѣ выкупной ссуды распространяются на выкупленныя земли правила, установленныя въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ отношеніи земель пріобрѣтенныхъ сими крестьянами въ собственность“. Сверхъ того 33 ст. Общаго Полож. узаконяетъ: „каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ общихъ узаконеній“. Въ 34 ст. того-же Положен. такое право предоставлено и сельскимъ обществамъ, съ поясненіемъ, что общество можетъ пріобрѣтенныя земли раздѣлить между домохозяевами или оставлять сіи земли въ общемъ владѣніи домохозяевъ. Всѣ эти узаконенія прямо согласуются съ дѣйствующими въ Россійской Имперіи гражданскими законами и, кажется, не должны были возбуждать въ нашей интеллигенціи никакихъ сомнѣній или недоумѣній.

А между тѣмъ русская интеллигенція не только возбудила сомнѣнія о правахъ крестьянъ на выкупаемую ими землю, но повела энергичную агитацію противъ безспорныхъ, признанныхъ самимъ закономъ, правъ освобожденнаго народа на эту землю, и добилась того, что эти права были отняты у крестьянъ властью съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ началъ права и со внесеніемъ въ бытовыя имущественныя и иныя отношенія крестьянъ невыразимой путаницы—въ полномъ смыслѣ слова анархіи; въ настоящее-же время русская интеллигенція пытается увѣнчать эту анархію послѣднимъ беззаконнымъ актомъ—отмѣной выкупа. Итакъ послѣдовательный ходъ крестьянскаго вопроса представляется въ слѣдующемъ видѣ: освобождая крѣпостныхъ, мы установили институтъ мірской земли и предоставили крестьянамъ выкупать мірскую землю въ собственность и, какъ вѣнецъ осво-

божденія, установили обязательный выкупъ. Но затѣмъ картина перевернулась: выкупаемая земля объявляется вновь мірской землей и въ заключеніе спектакля отмѣняется и самый выкупъ; полученныя-же государствомъ выкупныя деньги идутъ на прокормленіе „общественниковъ". Печальная—просто мрачная картина!

„Въ глазахъ крестьянъ, говорятъ въ трудахъ Комитетовъ, сложеніе части выкупного долга было-бы ничѣмъ инымъ, какъ актомъ Монаршей милости, настолько-же яснымъ, какъ сложеніе любой подати и недоимки" (Орловскій). Совершенно напротивъ. Когда Монаршій манифестъ слагаетъ недоимки, крестьяне говорятъ такъ: „кто платилъ—тому обидно, а кто не платилъ—съ того все равно ничего не возмешь". Выкупные платежи, говорится въ одномъ трудѣ мѣстнаго Комитета, „создаютъ иллюзію собственности на выкупаемый якобы надѣлъ". Эта иллюзія создана самимъ закономъ и вошла въ плоть и кровь нашего крестьянина, даже общинника. Члены Комитетовъ совершенно ложно утверждаютъ, будто крестьяне не понимаютъ значенія выкупа. Земская статистика удостовѣрила совершенно обратное. Даже государственные крестьяне стали воздерживаться отъ передѣловъ по переводѣ на обязательный выкупъ, ссылаясь на то, что выкупаемую землю нельзя передѣлять, какъ пріобрѣтаемую крестьянами въ собственность.

Выкупные платежи, говорилось въ Комитетахъ, не соотвѣтствовали современной цѣнѣ земли потому, что выкупалась собственно не земля, а души. Личность-же крѣпостного крестьянина, если не фактически, то, по крайней мѣрѣ, юридически никогда собственно не принадлежала помѣщику. Не было такого закона, по которому крестьянинъ признавался бы частной собственностью, могущею быть предметомъ продажи и покупки. Законъ запрещалъ продавать крестьянъ безъ земли, и если это дѣлалось, то въ обходъ закона. Вотъ почему

пришлось Положеніемъ 19 февраля уплатить помѣщикамъ за надѣлъ и за освобожденіе самихъ крестьянъ.

Всѣ эти разсужденія показываютъ, что члены Комитета не знакомы ни съ законодательствомъ крѣпостной эпохи, ни съ освободительными актами. Членамъ Комитета слѣдовало-бы прежде открыть Сводъ Законовъ о состояніяхъ (IX т.) и прочесть статьи закона, относящіяся до крѣпостныхъ людей. Крѣпостныя люди продавались, покупались и т. д., и законъ требовалъ для совершенія этихъ сдѣлокъ крѣпостныхъ актовъ; крѣпостные люди отдавались въ наймы. Имѣнія продавались, закладывались и пр. съ „душами", которыя и представляли главную цѣнность имѣнія. Состоянія всегда опредѣлялись числомъ душъ владѣльца, а не количествомъ десятинъ и сама сохранная казна принимала въ залогъ именно души. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и при надѣлѣ и выкупѣ играла роль тоже ревизская душа. Поэтому совершенно естественно и справедливо, что по закону крестьяне выкупаютъ именно „ревизскія" души, какъ это и значится въ данныхъ и владѣнныхъ записяхъ. „Душа" настолько была тѣсно связана съ землей (въ крестьянствѣ), что нельзя было выкупить одну безъ другой; цѣнность земли опредѣлялась именно „душой", и потому говорить о стоимости крестьянской земли безъ „души" не имѣетъ смысла. Въ гражданскомъ оборотѣ не было „населенныхъ" земель безъ „душъ", а потому волею-неволею Редакціонныя Комиссіи должны были опредѣлить оброкъ и выкупъ именно „душами". Да и въ настоящее время крестьянская земля еще не освободилась отъ своихъ „душъ", а потому стоимость надѣловъ опредѣлить очень трудно; невозможно опредѣлить и „доходность" этихъ надѣловъ, какъ это мы увидимъ ниже, а потому всѣ разсужденія о томъ, что надѣлы крестьянъ „не окупаютъ" платежей лишены всякаго смысла, и для вопроса о тяжести выкупныхъ вполнѣ достаточно того факта, что выкупные платежи и сей-

часъ значительно ниже и арендной цѣны земли и банковскихъ платежей. Нельзя признать основательными и ссылки на переплаты крестьянами по выкупнымъ платежамъ. Эти мнимыя переплаты—результаты конверсіи государственныхъ займовъ, никакого отношенія къ крестьянскимъ землямъ не имѣющіе. Такъ разсуждая, придется вознаграждать и бывшихъ владѣльцевъ желѣзныхъ дорогъ, выкупленныхъ правительствомъ. Конверсіи произведены за счетъ и въ ущербъ владѣльцевъ % бумагъ, а вовсе не крестьянъ. Были даже высказаны пожеланія въ Комитетахъ предоставить крестьянамъ право просить о переоцѣнкѣ капитальной выкупной суммы. Подобная переоцѣнка нынѣ можетъ привести лишь къ одному результату—къ повышенію выкупныхъ платежей, ибо не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что теперешняя „выкупная" душа по крайней мѣрѣ вдвое дороже прежней ревизской при началѣ выкупа. Даже при арендахъ крестьяне постоянно приплачиваютъ „верхи", а при рѣдкихъ продажахъ „навѣчно" прежняя ревизская въ 100 рублей продается за 300; въ югозападныхъ губерніяхъ цѣна „души" достигла 3000 р. между крестьянами. Вмѣсто того, чтобы пѣть вѣчную пѣснь о „несоотвѣтствіи платежей доходности земли", членамъ Комитетовъ слѣдовало-бы собрать мѣстныя справки о томъ, почемъ ходитъ „душа" въ сдѣлкахъ между крестьянами.

Накопленіе громадныхъ недоимокъ вовсе не происходитъ отъ тяжести податей и повинностей, иначе совершенно непонятно, почему районы съ подворно-наслѣдственнымъ пользованіемъ не имѣютъ недоимокъ и почему обездоленныя общества платятъ исправнѣе многоземельныхъ, почему помѣщичьи крестьяне менѣе накопляютъ или накопляли недоимокъ, чѣмъ государственные крестьяне и т. д.

Причина недоимокъ—общинное землепользованіе, круговая порука, неряшливость сельскаго „начальства и плохое хозяйство крестьянъ.

При общинномъ землепользованіи земля теряетъ всякую цѣнность, очень часто передается лѣнтяю или маломощному. Благодаря круговой порукѣ, никто не желаетъ платить аккуратно, чтобы не переплатить, тѣмъ болѣе, что „начальство“ часто путается въ счетахъ. Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ служитъ учрежденіе со стороны „міра“ особыхъ должностей „понудителей“, которые должны слѣдить за недоимщиками и „понуждать“ ихъ. Но съ плохого пахаря, а число ихъ при общинномъ землепользованіи иногда растетъ неимовѣрно, взятки гладки; свалка-же надѣла иногда не удобна обществу, а другихъ мѣръ принужденія, съ отмѣной порки, нѣтъ. Видя, что можно безнаказанно безпутничать и ничего не платить, мужикъ развращается—число недоимщиковъ растетъ. Между тѣмъ, съ ростомъ числа недоимщиковъ, растутъ и подушные оклады; такъ можно „задушить“ всякаго мужика.

Удивительно, что наша интеллигенція не понимаетъ всей фатальности и простоты этого процесса обнищанія деревни. Распоряженія сельскаго и административнаго начальства только подбавляютъ масла въ огонь и несомнѣнно часто прямо разоряютъ какъ недоимщика, такъ и исправныхъ. Конечно, въ настоящее время взысканіе податей упорядочено, но корень зла остался. Платежи крестьянъ тяжки только благодаря нищенскому состоянію ихъ хозяйствъ. Населеніе, легко переходящее къ голодовкѣ, всегда будетъ страдать отъ тяжести повинностей, какъ-бы они малы ни были: нищій ничего платить не въ состояніи. А между тѣмъ этотъ нищій—домохозяинъ, землевладѣлецъ, имѣющій усадьбу, поле—пашню, сѣнокосъ, а иногда и лѣсъ. Какая иронія! Кажется, только въ одной европейской странѣ—Россіи мы можемъ въ настоящее время встрѣтить цѣлыя селенія, даже волости, занимающіяся нищенствомъ, какъ отхожимъ промысломъ. Объ этихъ прелестяхъ общинной деревни Комитеты умолчали, но онѣ удостовѣрены

земской статистикой и извѣстны всѣмъ намъ, землевладѣльцамъ. Эти „нищенскіе волости“ все свое полеводство, все свое хозяйство пріурочили къ нищенскому промыслу; иные сѣютъ только яровой хлѣбъ, другіе только озимый, смотря по сезону нищенскаго промысла. Свою бухгалтерію и свое землепользованіе они связали съ нищенствомъ. „Нищенская“ душа распредѣляется на общемъ основаніи, продается, сдается въ аренду и проч.

Нищенскія селенія были и въ западной Европѣ въ эпоху общинно-крѣпостную. Тоже знаменательный фактъ.

Московскіе земскіе дѣятели утверждали въ своей запискѣ, что московскіе крестьяне по бѣдности закладываются въ рабочіе за одно прокормленіе. Пусть нашъ читатель отправится въ извѣстныя, болѣе многолюдныя села Московской губерніи въ праздники и въ особенности деревенскіе, и посмотритъ на теперешніе „хороводы“ крестьянъ. Онъ увидитъ не крестьянокъ, а „барышень“, причесанныхъ по модѣ съ „коками“, одѣтыхъ въ модныя платья и притомъ очень дорогія по матеріи (шелковыя, вуалевыя, пикейныя), въ желтыхъ туфелькахъ и черныхъ чулкахъ, съ элегантными зонтиками въ рукахъ; парни—въ пиджакахъ, картузахъ и непремѣнно въ галошахъ. Такъ одѣваются русскія крестьянки въ Московскихъ селахъ, а земскіе дѣятели изображаютъ ихъ какъ нищихъ пролетаріевъ, не имѣющихъ возможность приложить свой трудъ!

И тѣмъ не менѣе эти села съ „барышнями“, владѣющими туалетомъ, который не подъ силу средней по зажиточности интеллигентной семьѣ бывшихъ господъ этихъ селеній, накопили и накопляютъ неоплатныя недоимки.

Большинство Комитетовъ указываетъ на необходимость во всякомъ случаѣ пониженія выкупныхъ платежей; многіе высказались и за разсрочку выкупныхъ, особенно Комитеты Орловской губерніи, причемъ Елецкій Комитетъ настаиваетъ на

полномъ сложеніи выкупныхъ или обязательномъ пониженіи ихъ. Елецкій докладъ по этому вопросу утверждаетъ, что обнаруженное нежеланіе крестьянъ ходатайствовать о разсрочкѣ „вѣроятно“ зависитъ отъ надежды, что недоимки будутъ прощены ВЫСОЧАЙШИМЪ манифестомъ. Мы видѣли что крестьяне, напротивъ, находятъ несправедливымъ сложеніе недоимокъ даже по ВЫСОЧАЙШЕМУ манифесту.

Въ докладѣ г. Стаховича въ Елецкомъ Комитетѣ утверждается, что на отказы крестьянъ отъ разсрочки несомнѣнно имѣли „внѣшнія“ вліянія, что подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что отказы и ходатайства (!) являются общими для цѣлыхъ волостей и земскихъ участковъ (!). Въ одной волости имѣются гектографированные приговоры съ отказами общества отъ возбужденія ходатайства.

Мы уже упоминали о причинахъ отказа крестьянъ на разсрочку платежей. Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что земскіе дѣятели, земскіе начальники и другія начальствующія лица въ Комитетахъ скрываютъ истину, а г. Стаховичъ даже пускается на мистификацію! Передадимъ здѣсь правду такъ, какъ мы ее слышали изъ устъ самихъ крестьянъ и земскихъ начальниковъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Крестьяне не желаютъ разсрочки потому, что она оттягиваетъ срокъ выкупа. Они говорятъ такъ: „пусть ужъ мы помучаемся, а наши дѣти будутъ свободны“. Конечно при этомъ у темнаго люда, не обошлось и безъ глупостей. Такъ намъ передавали крестьяне такую нелѣпость: они слышали о выкупномъ Комитетѣ и воображаютъ, что онъ сохранился. Они знаютъ, что срокъ выкупа приближается, и вотъ они умозаключили, что съ закрытіемъ выкупного учрежденія чиновникамъ его не чѣмъ будетъ кормиться, а потому чиновники и придумали разсрочку.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разсрочка удалась по волостямъ и земскимъ участкамъ. Когда земскіе начальники доложили своему начальству, что крестьяне отка-

зываются отъ разсрочки, то имъ дано было понять, что отъ Царской милости не подобаетъ отказываться крестьянамъ, и предписано произвести давленіе; они и произвели его. Крестьянъ вызывали въ волость и здѣсь заставляли составлять приговоры, а составить приговоры въ волости ничего не стоитъ. Но многіе земскіе начальники не рѣшались производить усиленное давленіе, а тѣмъ болѣе не рѣшались на составленіе мнимыхъ приговоровъ, и крестьяне постановляли приговоры съ отказомъ отъ разсрочки. Вотъ какую сцену передалъ намъ одинъ земскій начальникъ. Собравъ сходъ, онъ нѣсколько разъ прочелъ правила о разсрочкѣ и растолковалъ всѣ ея выгоды, но сходъ безмолствовалъ. Тогда земскій начальникъ энергично упрекнулъ крестьянъ за недоимки, и вдругъ всѣ заколебались, послышались крики: „взыскивайте—почему вы не взыскиваете, мы васъ объ этомъ просимъ". Земскій начальникъ опѣшилъ и не зналъ, что отвѣтить.

Г. Стаховичъ возводитъ инсинуацію на „внѣшнее" давленіе; но какой смыслъ земскому начальнику итти противъ разсрочки, когда высшее правительство требуетъ этой разсрочки? Г. Стаховичу слѣдовало-бы въ своемъ докладѣ сказать правду.

Въ Костромскомъ губернскомъ Комитетѣ было сдѣлано заявленіе однимъ уѣзднымъ предводителемъ, что крестьяне ждутъ окончанія выкупной операціи „какъ манны небесной". Это заявленіе—святая истина.

Отмѣна выкупа была-бы чистѣйшей мистификаціей со стороны правительства и нарушаетъ достоинство власти.

Государство было контрагентомъ по выкупному договору въ силу закона въ качествѣ третьяго лица; казна была контрагентомъ, непосредственно заинтересованнымъ, передавая государственнымъ крестьянамъ надѣлы за оброкъ и переводя ихъ на выкупъ. Съ переходомъ на выкупъ, крестьяне, какъ свободные, вступили въ обязательства къ казнѣ, и эти обя-

зательства нынѣ не могутъ быть измѣнены ни крестьянами, ни казной. Такъ долженъ рѣшить этотъ вопросъ Христосъ и сама правда. То обстоятельство, что въ эти обязательства крестьяне и казна вступили въ силу велѣній Власти еще болѣе усиливаетъ значеніе ихъ и силу, ибо Власть не должна нарушать закона, а тѣмъ болѣе правъ частныхъ лицъ, связанныхъ съ закономъ; иначе Власть превращается въ произволъ. Но еще болѣе усиливаетъ силу и значеніе выкупныхъ актовъ помѣщичьихъ крестьянъ и обязательства казны и государственныхъ крестьянъ тотъ фактъ, что крестьяне въ моментъ заключенія договоровъ и обязательствъ были не вполнѣ правоспособные и стояли подъ опекой государственной власти. Измѣнивъ нынѣ эти обязательства, государственная власть нарушила-бы тѣмъ свой опекунскій долгъ. Мы глубоко убѣждены, что никогда государственная власть въ Россіи не совершитъ такой неправды.

Уменьшеніе и разсрочка выкупныхъ платежей нисколько не помогли крестьянамъ, хотя, можетъ быть, временно облегчили податное бремя нѣкоторыхъ селеній. Мы признаемъ то и другое ошибкой со стороны правительства. Оно не приняло во вниманіе интересы многихъ и притомъ лучшихъ крестьянъ, которые понесли при разсрочкѣ и пониженіи выкупныхъ ущербъ; нельзя благодѣтельствовать даже большинству въ ущербъ меньшинства. Это несправедливо. Наша интеллигенція утверждала и утверждаетъ, что разсрочка не выгодна кулакамъ. Напротивъ, имъ-то она и выгодна, какъ и передѣлы. Намъ было пріятно прочесть у извѣстнаго нѣмецкаго экономиста, наблюдавшаго нашу деревню, именно то, что мы утверждали раньше въ нашихъ трудахъ; безпристрастный наблюдатель подтвердилъ наши слова.

Пересрочка не выгодна, а иногда фатальна (потому что вызываетъ неправильную переверстку „душъ") для хорошихъ пахарей, а ихъ и такъ не много въ нашей деревнѣ. Притомъ

причины недоимокъ настолько многообразны, что правительству трудно ихъ опредѣлить. Единственно правильный способъ для пересрочекъ и сбавокъ съ выкупныхъ платежей — примѣнять ихъ къ каждому отдѣльному плательщику, что невозможно при общинномъ землепользованіи, а потому слѣдуетъ вовсе отказаться отъ тѣхъ и другихъ. Пусть правительство приметъ въ соображеніе тотъ фактъ, что оно должно было оказаться отъ продовольственныхъ ссудъ обществамъ и отмѣнить круговую поруку; но развѣ кормить и поддержать голодающаго менѣе важно, чѣмъ сбавить или разсрочить подати или повинности, а тѣмъ болѣе выкупъ впавшему въ недоимку? Слѣдовательно, если само правительство признало неправильнымъ продовольственныя ссуды обществамъ, то нѣтъ основанія примѣнять къ нимъ разсрочки и пониженія платежей.

Наконецъ лучшимъ подтвержденіемъ нашего положенія по этому вопросу является указаніе, сдѣланное въ Черниговскомъ губернскомъ Комитетѣ,—что допускать сложеніе выкупныхъ платежей значитъ благодѣтельствовать за счетъ государственныхъ средствъ богачамъ, владѣющимъ 50 и болѣе десятинами, перекупленными у однообщественниковъ. Это замѣчаніе управляющаго Черниговской казенной палаты вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей какъ въ общинной, такъ и въ подворной Россіи, какъ скоро льготы распространяются не на отдѣльныхъ плательщиковъ, а на цѣлыя общества,

Притомъ всѣ эти льготы отнюдь не помогутъ крестьянамъ, такъ какъ опытъ показалъ, что съ уменьшеніемъ государственныхъ платежей пропорціонально увеличиваются повинности земскія и мірскія, на что мы указывали. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ и земской статистикой.

Совсѣмъ иначе отнеслись Комитеты къ вопросу о платежахъ и повинностяхъ земскихъ и мірскихъ. Здѣсь уже наша

интеллигенція не требуетъ уменьшенія, пересрочки, а тѣмъ болѣе отмѣны платежей; напротивъ энергически ходатайствуетъ объ увеличеніи ихъ тѣмъ или другимъ путемъ. Мы уже говорили объ этой несообразности. Въ трудахъ Комитетовъ проводятся слѣдующія мысли.

Задачи, возложенныя на земство, неразрывно связаны съ интересами экономической и сельскохозяйственной жизни населенія. Не говоря уже о крупныхъ расходахъ, лежащихъ на земствѣ по веденію земской школы и земской медицины, другія потребности земства, между которыми чуть-ли не важнѣйшее за школой и медициной мѣсто занимаетъ дорожное дѣло, требуютъ также серьезныхъ затратъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ все усиливающихся неблагопріятныхъ условій экономической жизни населенія, положеніе годъ отъ года становится затруднительнѣе, и земство очутилось въ необходимости притти на помощь захудалому хозяйству и выступить на путь воспособленія мѣрами экономическаго характера.

Всѣ эти обстоятельства создали нынѣ довольно обширный кругъ „вѣдомства“ земства, и вопросъ о средствахъ для дальнѣйшаго удовлетворенія „надобностей“ земства становится весьма „серьезнымъ“.

Между тѣмъ средства земства „болѣе чѣмъ ограничены“. Главнымъ объектомъ земскаго обложенія служитъ земля и главными плательщиками являются крестьяне, нынѣ разоренные. Фабрики и другія промышленныя заведенія облагаются земствомъ недостаточно, такъ какъ обороты ихъ не подлежатъ обложенію земскимъ сборомъ. Ограничивъ 3% нормой годичное увеличиваніе земскихъ смѣтъ, правительство, очевидно само признало, что облагаемыя земствомъ имущества чрезмѣрно обременены платежами, слѣдовательно нужно распространить обложеніе земскимъ сборомъ на такіе предметы, которые до сихъ поръ были изъяты отъ обложенія,

или-же выдавать земствамъ субсидіи изъ государственнаго казначейства. Въ трудахъ Комитетовъ предпочитается последній способъ, при условіи удвоенія земскихъ смѣтъ для всей земской территоріи (т.-е. предлагается выдавать земствамъ изъ казначейства 90 милліоновъ субсидіи).

Кромѣ того почти во всѣхъ Комитетахъ возбуждены ходатайства объ освобожденіи земства отъ „общегосударственныхъ“ обязательныхъ расходовъ на содержаніе „правительственныхъ“ учрежденій. Но въ особенности Комитеты возстаютъ противъ закона предѣльности обложенія и на всѣ лады доказываютъ его несостоятельность. Проскальзываютъ правда и признаніе факта чрезмѣрныхъ и непроизводительныхъ затратъ нѣкоторыхъ земствъ на второстепенныя нужды, но это объясняется неправильнымъ составомъ земствъ, неправильнымъ представительствомъ земскими собраніями мѣстнаго населенія. Въ заключеніе Комитеты требуютъ, сверхъ того, широкаго кредита со стороны Государственнаго Банка.

Все нами изложенное не представляетъ ничего новаго, оригинальнаго. Буквально то же самое излагалось и излагается въ органахъ нашей интеллигенціи — печати. Въ любомъ № толстаго журнала читатель найдетъ въ болѣе или менѣе подробномъ изложеніи требованія русской интеллигенціи, обращенныя къ правительству и государству, о своихъ вожделѣніяхъ и нуждахъ.

И тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что всѣ эти требованія лишены всякаго основанія, а изложенныя мысли грѣшатъ путаницею понятій и отсутствіемъ логики. Задачи земскихъ общественныхъ учрежденій не связаны органически съ сельскимъ хозяйствомъ и его интересами „во всемъ объемѣ этихъ понятій“. Сельскіе хозяева—не земскіе хозяева, сельское хозяйство не представляется земствомъ, менѣе всего у насъ. Земскія учрежденія — общественныя учрежденія и вѣдаютъ соціальныя задачи, а интересы сельскихъ хозяевъ — частные

интересы, а это далеко не одно и то же. Облекаясь въ хламиду частныхъ хозяевъ—интеллигенція фальшивитъ и лицемѣритъ. Для сельскаго хозяина всякій налогъ—расходъ, а потому съ его точки зрѣнія, чѣмъ меньше налоговъ, тѣмъ лучше. Почва, на которую встали члены комитетовъ, для оправданія земскихъ аппетитовъ, совершенно ложная; не слѣдовало на нее становиться. Но главная ошибка мѣстныхъ комитетовъ та, на которую мы уже указали: нельзя требовать „роскоши“ въ удовлетвореніе земскихъ мѣстныхъ нуждъ, когда само государство нуждается въ средствахъ для удовлетворенія своихъ нуждъ, ибо тутъ встрѣчаются несоизмѣримыя величины.

Для меня, какъ гражданина, какъ члена великаго Державнаго Союза, какъ сына великаго русскаго народа, благосостояніе государства и осуществленіе его идеаловъ, т. е. идеаловъ всего русскаго народа, выше нуждъ и идеаловъ мѣстныхъ общественныхъ союзовъ, въ особенности мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Для государства я готовъ и долженъ пожертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ и даже своей жизнью, но такого долженствованія въ интересахъ мѣстной колокольни я не чувствую въ своей груди, да не нахожу и юридическихъ оправданій для такого долженствованія, а тѣмъ болѣе этическихъ. Я люблю мой домъ, мой городъ, мою общину, мой уѣздъ, губернію, — но я несравненно болѣе люблю мой державный народъ. Когда не было державныхъ союзовъ, то весь патріотизмъ выражался въ частныхъ союзахъ; когда же образовался высшій союзъ Государства, патріотизмъ выражается въ немъ, но въ немъ же выражается процвѣтаніе экономическое и культурное вообще. Мѣстныя общественныя учрежденія, какъ мы уже сказали, имѣютъ значеніе и смыслъ настолько, насколько они являются практичными и вообще цѣлесообразными органами цѣлаго и только съ этой точки зрѣнія подобало комитетамъ говорить о нуждахъ и задачахъ земствъ.

Мы же видимъ иное: вся критика направлена на то, чтобы доказать, что государство обираетъ жителей, а земствамъ остаются крохи. Но если положеніе государства таково, что оно можетъ давать земствамъ крохи, то слѣдуетъ этимъ довольствоваться и приспособиться къ этимъ крохамъ; такъ и поступаютъ хозяева производители, но такъ никогда не поступали наши земства, а старались съ своей стороны обобрать жителей, насколько хватило силъ и умѣнья, что и заставило правительство установить нормы обложенія.

Бюджеты земства росли, такъ сказать, не по днямъ, а по часамъ, въ результатѣ получались однѣ „организаціи"; создавались совѣты, склады, мастерскія, заводы, инструкторы и цѣлая когорта всякаго рода земскаго персонала; канцеляріи разрослись невѣроятно. Вотъ эти-то „организаціи" и поглощали всѣ „доходы" земствъ, а плательщикамъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе удовлетворять аппетитъ земской интеллигенціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ плательщики положительно стонали; если правительство, наконецъ, услышало этотъ вопль производителей и ограничило земскіе бютжеты, то оно только исполнило свой долгъ! Разумѣется, ни одинъ русскій интеллигентъ не согласится съ нашимъ сужденіемъ о земствѣ, но мы думаемъ, что оцѣнку дѣятельности земства долженъ производить безпристрастный изслѣдователь, а такихъ у насъ не найдется, такъ какъ оцѣнку производитъ та же русская интеллигенція, т. е. она является судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Но зло земскаго мандарината хуже, чѣмъ предполагаетъ большинство производителей. Мы уже приводили указанія на то, какъ попираются законы государственнымъ мандаринатомъ; земскій еще безцеремоннѣе въ этомъ отношеніи. Чтобы насъ не обвинили въ голословности, приведемъ примѣры.

Еще недавно самыя либеральныя земскія собранія поста-

новили подвергнуть обложенію жилыя зданія помѣщиковъ и промышленныхъ заведеній; нужно замѣтить, что по отношенію къ послѣднимъ имѣлись въ виду жилыя помѣщенія рабочихъ, такъ какъ всѣ остальныя помѣщенія уже облагаются земствомъ очень высоко и очень произвольно. Обложеніе сельскихъ построекъ прямо запрещено закономъ и тѣмъ не менѣе эта мѣра принята и проведена земствами. Устранивъ производителей сельскохозяйственной промышленности, что было легко сдѣлать въ виду правилъ закона, наши земства устранили участіе промышленнаго индустріальнаго сословія, уже прямо нарушая законъ; просто представителей индустріи не приглашали къ выборамъ. И этотъ пріемъ практикуется Московскимъ уѣзднымъ земствомъ въ уѣздѣ, гдѣ индустрія даетъ самую богатую жатву для земскихъ поборовъ, т. е. главные плательщики совершенно устраняются, вопреки закона, отъ участія въ общественномъ управленіи; они должны только кормить земство. Впрочемъ нарушеніе дѣйствующихъ законовъ самое обыкновенное явленіе въ нашихъ общественныхъ самоуправляющихъ органахъ. Авторъ этихъ строкъ, когда еще былъ гласнымъ Московской Думы, самъ слышалъ въ рѣчи однаго весьма уважаемаго общественнато дѣятеля (покойнаго Сумбула) слѣдующее изображеніе фактической оккупаціи земскими органами частныхъ владѣній: „Можно подумать", говорилъ почтенный гласный: „что вновь наступило татарское нашествіе; земскія должностныя лица появляются окруженныя толпой, вооруженной дреколіями и др. оружіемъ и завладѣваютъ чужой землей, не имѣя на то никакого законнаго уполномочія".—

Вообще презрѣніе къ частнымъ интересамъ производителей и ихъ правамъ менѣе всего соотвѣтствуетъ задачѣ мѣстнаго управленія, хотя практикуется нашими земствами на каждомъ шагу. Самыя организаціи земствъ всегда направлены къ подавленію энергіи производителей подъ разными предлогами,

причемъ земства руководствуются не общимъ интересомъ всего населенія, а частнымъ кастовымъ, преимущественно своихъ интеллигентныхъ дѣятелей. Для благовидности все это облекается заботой о крестьянствѣ и притомъ для той его части, для которой всѣ заботы земствъ сводятся къ милостивымъ подачкамъ. Это очень знаменательно: подобныя подачки даютъ власть интеллигенціи надъ народомъ, а въ этомъ и заключается весь сокровенный смыслъ нѣжныхъ чувствъ интеллигенціи къ земствамъ. Поэтому черная производительная работа не интересуетъ нашихъ земствъ; извѣстно, въ какомъ печальномъ положеніи находятся земскія дороги. Тотъ, кто постоянно живетъ въ деревнѣ, прекрасно знаетъ, во что обходятся эти ужасныя дороги мужику, который по нимъ постоянно ѣздитъ и возитъ, ибо извозный промыселъ до сихъ поръ играетъ самую видную роль въ хозяйствѣ крестьянъ.

Еще большій грѣхъ нашихъ общественныхъ управленій заключается въ томъ, что они никогда не ревизуются, ибо тѣ случайныя ревизіи, которыя производятся иногда комиссіями отъ земскихъ собраній — чистѣйшая потѣха; вообще контроль въ нашихъ общественныхъ управленіяхъ поставленъ ниже всякой критики; производитель пришелъ бы въ ужасъ отъ подобнаго контроля, если только онъ не принадлежитъ къ нашему примитивному торговцу и иному предпринимателю, который держитъ органы своей дѣятельности на сухояденіи по тому резону, что все равно они себя не обидятъ.

Въ Трудахъ Комитетовъ можно собрать не мало доказательствъ правильности характеристики дѣятельности нашихъ земствъ. Такъ Вятское земство, столь извѣстное въ нашей печати и литературѣ своими „прогрессивными“ начинаніями, уже давно „выступило на путь предупредительнаго страхованія отъ пожаровъ“—этого бича нашихъ селеній, стало снабжать изъ года въ годъ населеніе пожарными машинами, изготовленными въ собственныхъ мастерскихъ земства, заня-

лось распланированіемъ селеній, и на все это затратило около милліона рублей (!). Но машины не оказали своего дѣйствія, такъ какъ земство не позаботилось о главномъ — водѣ для машинъ, вслѣдствіе чего нерѣдко собранныя въ большомъ количествѣ машины *остаются безъ употребленія*. Распланировка селеній обошлась земству свыше 200.000 руб., на бумагѣ распланированныхъ селеній значится 60% для Вятскаго уѣзда и 42% для всей губерніи, но въ число этихъ 42% входитъ значительная часть такихъ селеній, въ распланированіи которыхъ не было надобности.

Планы же на распланировку крупныхъ селеній оказались *никуда не годными*, съ нарушеніемъ всѣхъ границъ одворицъ. Поэтому эти планы, по разорительности ихъ для населенія и по невозможности примѣнить ихъ къ жизни, обыкновенно не имѣютъ никакого практическаго значенія, и населеніе продолжаетъ жить и *строиться* совершенно независимо отъ плановъ.

Такова работа „блестящаго" интеллигентнаго Вятскаго земства, представляющаго населеніе Вятской губерніи, почти сплошь крестьянское, и обложившаго это населеніе въ свою утѣху непомѣрными налогами, отъ которыхъ, по собственному сознанію земства, Вятское крестьянство стонетъ. Записка, изъ которой мы заимствовали приведенное свѣдѣніе, замѣчаетъ, что совершенно однородныя отрицательныя стороны въ распланировочномъ дѣлѣ наблюдаются и въ другихъ земствахъ, благодаря чему нѣкоторыя изъ нихъ и прекратили работы по распланировкѣ, но Вятское земство, сознавая крупные допущенные имъ недостатки въ распланировочныхъ работахъ, надѣется поправить ихъ „реорганизаціей дѣла"; очевидно, Вятскій мандаринатъ еще считаетъ мошну вятскаго мужика не вполнѣ истощенной.

Въ Трудахъ Комитетовъ приведенъ также примѣръ неу-

дачнаго „хозяйства“ одного земства, истратившаго большой капиталъ на устройство заводовъ для приготовленію кирпича; дѣятельность заводовъ оказалась настолько плохой, что они были прикрыты. Объ агрономическихъ затѣяхъ земствъ мы говорили въ нашихъ трудахъ, и несостоятельность этихъ затѣй нынѣ признается самими иниціаторами ихъ въ Московскомъ Комитетѣ. Вообще замѣтимъ, что тотъ путь, которымъ идутъ наши земства—ложный путь. Не дѣло общественныхъ учрежденій заниматься производствомъ и играть роль конкурента своимъ плательщикамъ. Муниципальное хозяйство умѣстно лишь тамъ, гдѣ оно организуется на монопольныхъ началахъ въ интересахъ общей пользы; такія хозяйства—исключеніе, а не общее правило. Земства же организуютъ заводы, склады, лавочки и конкурируютъ частнымъ производителямъ, пользуясь своимъ положеніемъ, не платя никакихъ налоговъ и подавляя производителей. Такая хозяйственная политика — очень дурная политика.

Притомъ обязательная дѣятельность земства настолько важна, что требуетъ всей энергіи общественныхъ учрежденій и его органовъ; достаточно указать на дорожное дѣло, врачебное, санитарное, ветеринарное въ особенности, страховое и, наконецъ, школьное. Само собою разумѣется, что земство не можетъ учить, но оно можетъ строить школы и содержать ихъ. Не менѣе важно дѣло общественнаго призрѣнія. Уже перечисленныхъ статей достаточно, чтобы занять все время общественныхъ органовъ самоуправленія и использовать ограниченныя средства земствъ. Когда земство *выучится* вести общественныя дѣла, оно можетъ расширить сферу своей дѣятельности; тогда найдутся и средства. Между тѣмъ наши земства въ дѣйствительности являются представителями не мѣстныхъ производителей а интеллигенціи и притомъ въ большинствѣ случаевъ интеллигенціи, не имѣющей никакихъ связей съ мѣстными интересами и совершенно

съ ними незнакомой. Большинство гласныхъ состоитъ изъ землевладѣльцевъ, но предводителями ихъ и главными земскими дѣятелями оказываются „пустырники". Этого мало. Благодаря „пустырникамъ" вся организація земства состоитъ изъ служащей интеллигенціи, которая въ концѣ концовъ и заправляетъ всѣми дѣлами земства. Въ виду этого, раздававшіяся въ Комитетахъ заявленія, будто гласные, неся на себѣ тяжесть обложенія, не могутъ сдѣлать его черезчуръ обременительнымъ, или: „допустить возможность непосильнаго обложенія плательщиковъ земствомъ возможно было бы въ томъ случаѣ, если бы земство состояло не изъ плательщиковъ, а изъ лицъ, несвязанныхъ матеріально съ хозяйствомъ уѣзда",— всѣ эти заявленія граничатъ съ наглостью. Вятская, напримѣръ, губернія сплошь крестьянская; кто же завѣдуетъ въ этой губерніи земскими дѣлами: крестьяне или интеллигенція? Крестьяне только платятъ непомѣрные земскіе налоги, которыми вятская интеллигенція сплошь разорила мѣстное крестьянство, которое нынѣ бѣжитъ въ Сибирь [1]).

Впрочемъ земскіе дѣятели нисколько не скрываютъ своихъ вожделѣній. Въ рѣчи предсѣдателя Московской губернской Управы такъ и сказано: дѣлами земства должна заправлять всесословная интеллигенція. Въ другихъ европейскихъ странахъ интеллигенція не составляетъ особаго класса, но является цвѣтомъ производителей, но у насъ не такъ. Конечно и въ западныхъ государствахъ интеллигенція либеральныхъ профессій принимаетъ живое участіе въ обще-

---

[1]) Въ Вятскомъ губернскомъ Комитетѣ прямо были засвидѣтельствованы жалобы крестьянъ на чрезвычайный ростъ земскихъ расходовъ. Другой членъ Комитета привелъ такое свидѣтельство: «населеніе Вятской губерніи *только и вздохнуло* съ изданіемъ закона о предѣльности земскаго обложенія. Земскія смѣты быстро росли, и крестьяне отказывались даже подписывать раскладочные приговоры».

ственныхъ дѣлахъ, но у насъ она всѣмъ заправляетъ. Сверхъ того наша интеллигенція чистѣйшій мандаринатъ, выращиваемый на государственныя средства, что нисколько не мѣшаетъ этому мандаринату относиться злобно и враждебно къ правительству и всему государственному строю.

Отсюда понятна та злая критика, которой подверглось правительство за свою финансовую и земскую политику. И чего только не наговорили члены Комитетовъ. Злобной ихъ фантазіи не было конца. Но центръ тяжести, разумѣется, лежалъ въ денежныхъ средствахъ. Вся мудрость „экспертовъ“ сельскохозяйственной промышленности сводилась къ организаціямъ, конечно, земскимъ. Только для организаціи „народнаго“ просвѣщенія въ одной губерніи было насчитано 300 милліоновъ; если-же счесть всѣ предполагаемыя Комитетами организаціи, то выйдутъ милліарды. Кредитъ земствамъ слѣдуетъ дать самый широкій и непремѣнно со стороны Государственнаго Банка; когда-же государство ассигнуетъ земствамъ всѣ эти милліарды, то дальнѣйшаго его участія въ общественныхъ организаціяхъ не требуется, ибо такое участіе лишь стѣснитъ мѣстныя силы: государство можетъ убираться прочь.

Какъ bête noire фигурировала обработывающая промышленность, благо представители этой промышленности почти отсутствовали въ Комитетахъ. Финансовая политика правительства подверглась критикѣ именно за то, что она искусственно развивала эту промышленность за счетъ земледѣлія и на счетъ мужицкаго благополучія. И эти нареканія, конечно, не новость; въ любомъ журналѣ у насъ можно прочесть объ этомъ статью. Странно только, что самъ мужикъ на это никогда ни жаловался, а во многихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества считаетъ эту промышленность за свою кормилицу. Въ нѣкоторыхъ-же сибирскихъ Комитетахъ довольно основательно проводилась мысль, что крестьянское хозяйство

влачить свое жалкое существованіе въ Сибири именно вслѣдствіе почти полнаго отсутствія обрабатывающей промышленности. Въ одной и той-же губерніи Комитеты высказали противоположныя пожеланія: въ той части губерніи, гдѣ господствуетъ земледѣльческое и землевладѣльческое населеніе, заявлено требованіе уменьшить пошлину на желѣзо, а въ уѣздахъ съ горнозаводскимъ населеніемъ довольно энергично были высказаны требованія о сохраненіи пошлины на желѣзо. Всѣмъ не угодишь.

Вотъ какія разсужденія встрѣчаемъ мы въ трудахъ комитетовъ:

„Цѣны на продукты сельскаго хозяйства не устанавливаются въ Московской губерніи самостоятельно, внѣ зависимости отъ цѣнъ ихъ въ другихъ частяхъ Россіи, и эти послѣднія, въ свою очередь, опредѣляются движеніемъ цѣнъ на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ". Стоимость-же производства хлѣба опредѣляется стоимостью продуктовъ обрабатывающей промышленности, а стоимость эта такова, что земледѣлецъ платитъ за нихъ выше, чѣмъ сосѣдъ—иностранецъ, слѣдовательно хлѣбъ московскому крестьянину обходится дороже сравнительно съ иностраннымъ земледѣльцемъ, а потому нашъ земледѣлецъ не можетъ цѣною своего хлѣба вліять на установленіе выгодной цѣны на международномъ рынкѣ. Затѣмъ указывается на важность желѣза въ сельскомъ хозяйствѣ (сельскохозяйственныя орудія). Если къ этому добавить таможенныя пошлины на чай, хлопокъ, акцизы на водку, сахаръ, табакъ, спички и нефть, то ясно будетъ, какую массу налоговой тяжести несетъ на себѣ земледѣлецъ и какъ неизмѣримо онъ поставленъ менѣе благопріятно, чѣмъ промышленный предприниматель.

Для иллюстраціи приведены записи изъ записной книжки крестьянина слѣдующихъ расходовъ: на водку 29 р. 10 к; сахаръ 26 р. 86.; чай 21 р. 11 к; ситцы 10 р. 89 к; сукна

6 р. 40 к., керосинъ 4 р. 51 к., табакъ 1 р. 68 к. и спички 65 к. и затѣмъ дѣлается разсчетъ уплаченныхъ будто-бы крестьяниномъ косвенныхъ налоговъ, по которому выходитъ, что всего имъ уплачено этихъ налоговъ 44 р. 21 к. Не знаемъ, какое впечатлѣніе записка 19 членовъ произвела на Московскій губернскій Комитетъ, повидимому благопріятное, но насъ она еще болѣе убѣдила въ томъ, что всѣ подобные доклады земскихъ дѣятелей были не серьезны, и имѣли лишь цѣль наговорить по адресу правительства какъ можно болѣе непріятностей. Неужели серьезно можно говорить о томъ, что московскій крестьянинъ когда-либо будетъ ставить цѣны хлѣба на міровомъ рынкѣ; неужели можно серьезно доказывать, будто цѣна хлѣба зависитъ, прямо или косвенно, отъ цѣны продуктовъ обрабатывающей промышленности? Если-бы это было такъ, то русскій хлѣбъ былъ-бы очень дорогъ на міровомъ рынкѣ, а хлѣбъ Германіи и Франціи очень дешевъ. На самомъ же дѣлѣ мы достовѣрно знаемъ, что именно дешевый русскій хлѣбъ угнетаетъ земледѣльца Германіи, которая и ограждаетъ себя отъ нашего хлѣба боевыми пошлинами. Притомъ крестьянинъ Московской губерніи не ставитъ хлѣба даже на внутренній рынокъ, а самъ прикупаетъ его; правда онъ продаетъ овесъ, сѣно, ленъ; но возитъ ихъ въ Москву; едва-ли что либо попадетъ изъ этихъ продуктовъ на международный рынокъ. Московскій же рынокъ ставитъ свои цѣны, а не заграничныя. Отмѣтимъ еще одну крупную недомолвку записки. Московскіе крестьяне въ громадномъ большинствѣ участники въ обрабатывающей промышленности, слѣдовательно прямо заинтересованы въ ея процвѣтаніи, а потому для нихъ выгодно, если промышленный предприниматель такъ хорошо поставленъ, какъ это утверждаютъ авторы записки.

Земскіе дѣятели очень печалуются, что земледѣльцамъ желѣзо обходится дорого, но въ запискѣ московскаго крестья-

нина на расходъ желѣза не обозначено ни копейки. Авторы серьезно убѣждены, что ихъ разсчетъ оплаты косвенныхъ налоговъ вѣренъ, тогда какъ уже въ статьѣ ситца (3 р. 80 к.) онъ возбуждаетъ сомнѣніе. Русскіе фабриканты уже давно работаютъ туркестанскимъ хлопкомъ; почему авторы записки увѣрены, что ситецъ, купленный крестьяниномъ, сработанъ изъ хлопка, заплатившаго таможенную пошлину, а не изъ русскаго, неоплаченнаго пошлиной? Но вообще всѣ ихъ разсчеты, на основаніи которыхъ выведенъ расходъ крестьянина на косвенный налогъ (44 р. 21 к.), совершенно не вѣрны, и такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ особенное значеніе, въ виду многочисленныхъ заявленій въ мѣстныхъ Комитетахъ о тяжести косвенныхъ налоговъ для крестьянъ, мы остановимся на немъ и разсмотримъ его подробнѣе.

Косвенными налогами финансовая наука называетъ тѣ, которые обыкновенно перекладываются на потребителя, но переложеніе только предполагается и относится къ формѣ взиманія, ибо, какъ увидимъ ниже, всякій налогъ перелагается на потребителя, при извѣстныхъ условіяхъ.

Косвенный налогъ вноситъ производитель (промышленникъ или купецъ) и ставитъ его въ расходъ по производству, но это еще не значитъ, что онъ полностью возвратитъ его себѣ отъ потребителя. Мы можемъ представить массу примѣровъ, взятыхъ прямо изъ жизни, убѣдительно доказывающихъ, что акцизъ и пошлина не могли быть переложены на потребителя и заплатилъ ихъ безусловно производитель. Причина—конкурренція и техника производства. Такъ какъ заплаченный акцизъ и пошлина всегда расходъ производителя, то онъ старается выгодать улучшеніемъ техники и обыкновенно достигаетъ цѣли. Теперь поставимъ вопросъ: если-бы акциза и пошлины не было, сталъ-бы производитель улучшать производство? Нѣтъ, не сталъ-бы, потому что для него это не имѣло-бы смысла. Прибыль производства зависитъ отъ вели-

чины ренты, процента, заработной платы и предпринимательскаго вознагражденія.

Благодаря конкурренціи, энергія производителя ищетъ своего примѣненія тамъ, гдѣ прибыль выше. Если акцизъ и пошлина не ложатся на производство, то можно и безъ техническихъ улучшеній наживаться такъ, какъ наживаютъ другія производства, но какъ только расходы увеличиваются въ производствѣ, благодаря акцизу и пошлинѣ, хозяйственная энергія ищетъ способовъ, посредствомъ улучшенія техники, уменьшить стоимость себѣ продукта; если-же этого уменьшенія стоимости производства добиться нельзя, то уйдутъ изъ производства капиталъ, предприниматель, рабочіе и владѣльцы сырыхъ продуктовъ—однимъ словомъ лавочка закроется. Это бываетъ, но рѣдко. Во всякомъ случаѣ потребитель тутъ ни причемъ. Но потребителю, возразятъ намъ, выгоднѣе получать и оплачивать болѣе дешевые иностранные фабрикаты? Да, конечно, но выгоднѣе ли странѣ платить дешевымъ хлѣбомъ за сравнительно все-таки дорогіе фабрикаты иностраннымъ производителямъ? Во всякомъ случаѣ прибыль предпринимателя, заработная плата и процентъ капитала, а иногда вся или часть ренты, остаются при отечественной фабрикаціи въ странѣ, а при покупкѣ иностранныхъ фабрикатовъ все это уходитъ изъ страны. Но авторы записки позабыли главное: въ настоящее время нѣтъ страны, которая не ограждала-бы себя пошлинами и не брала-бы акцизныхъ пошлинъ, а потому и вопросъ о косвенныхъ налогахъ зависитъ отъ международныхъ конвенцій. Кажется мы многимъ уже жертвовали въ интересахъ нашихъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ; можетъ быть нужно пожертвовать большимъ, но во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ нельзя рѣшать такъ легкомысленно, какъ его рѣшали Комитеты и какъ его рѣшаетъ наша интеллигенція въ журналахъ, земствахъ, съѣздахъ, сельско-хозяйственныхъ обществахъ и пр.

Теперь во главу угла поставили желѣзо, о чемъ мы будемъ говорить ниже, и керосинъ. Еще недавно нашъ крестьянинъ жегъ только лучину и не жаловался, а теперь будтобы акцизъ на керосинъ ему сталъ такъ тяжелъ, что разоряетъ мужика. Уже не говоря о томъ, что расходъ на керосинъ въ обиходѣ крестьянина ничтожный, по крайней мѣрѣ крестьянина земледѣльца, а не кустарника, акцизъ играетъ весьма малую роль въ стоимости керосина—столь малую, что уничтоженіе акциза едва-ли повліяетъ на цѣны освѣтительнаго матеріала. Мы не беремся рѣшить, какія мѣры должны быть приняты для удешевленія нефтяныхъ продуктовъ, но во всякомъ случаѣ не сложеніе акциза.

Въ запискѣ крестьянина расходъ на сахаръ показанъ на 26 р. 86 к., а акцизу авторы записки вычислили 7 рублей. Мы уже указали на ложность разсчета; высокая стоимость сахара зависитъ отъ нормировки, объ основательности которой не беремся судить, хотя принципіально мы стоимъ противъ всякой нормировки, со стороны государства, дѣятельности производителей; по нашему мнѣнію правительство въ правѣ дѣйствовать только противъ вредныхъ синдикатовъ, искусственное же созданіе ихъ нельзя оправдать при нормальномъ ходѣ экономической жизни народа. Но нельзя не замѣтить, что въ запискѣ крестьянина расходъ на сахаръ очень великъ, а между тѣмъ сахаръ роскошь; прежде наши крестьяне и понятія не имѣли о сахарѣ и чаѣ, да и сейчасъ далеко не всѣ крестьяне пьютъ чай. Во всякомъ случаѣ отъ меньшаго потребленія чаю и сахару мужикъ не оттощаетъ и не будетъ вырождаться, а вотъ отъ водки онъ прямо вырождается и бѣднѣетъ, а потому всякое уменьшеніе акциза на водку неумѣстно. Пусть не пьетъ! Мы помнимъ, что надѣлала „дешевка“ въ деревнѣ послѣ освобожденія. Съ такой-же рѣшительностью противъ финансовой политики правительства выступилъ докладъ г. Стаховича въ Елецкомъ Комитетѣ, хотя

докладъ г. Стаховича изложенъ серьезнѣе и съ большей логикой, чѣмъ записка московскихъ земскихъ дѣятелей. „Дорогое желѣзо“ стоитъ въ этомъ докладѣ на первомъ планѣ.

Плохая соха, плохой топоръ—вотъ желѣзный инвентарь нашего крестьянина; даже желѣзный гвоздь составляетъ рѣдкость въ крестьянскомъ обиходѣ. Но неужели г. Стаховичъ убѣжденъ, что причина плохого инвентаря крестьянина дорогое желѣзо? Нашъ крестьянинъ употребляетъ мало желѣза потому, что его не къ чему примѣнить въ его обиходѣ—отъ плохого хозяйства; не потому желѣза мало въ нашей деревнѣ, что оно дорого, а потому, что въ немъ нѣтъ потребности. Сельскіе-же хозяева жалуются не на дорогое желѣзо, а на плохія отечественныя сельскохозяйственныя орудія и ихъ дороговизну. Дороги же наши желѣзные фабрикаты не по причинѣ дороговизны матеріала, а по другимъ причинамъ, о которыхъ говоримъ ниже. Г. Стаховичъ преувеличиваетъ жертвы всего населенія въ пользу металлургической промышленности; во всякомъ случаѣ этихъ жертвъ нашъ мужикъ не чувствуетъ и никогда на нихъ не жаловался. Развитіе этой промышленности связано со многимъ другимъ, въ высшей степени важнымъ и для народнаго экономическаго развитія, и имѣетъ громадное значеніе въ государственномъ отношеніи. Это вопросъ національный. Г. Стаховичъ совершенно правъ, говоря о монопольномъ характерѣ нашей крупной промышленности, но монополія эта зависитъ не отъ покровительственной пошлины, а отъ условій нашего производства вообще: плохого правопорядка и плохихъ рабочихъ. Нашему фабриканту все обходится дороже, чѣмъ заграничному. У насъ предприниматель и капиталъ подвергаются такому риску, о которомъ заграничные предприниматели и понятія не имѣютъ. Потому-то заграничные предприниматели и капиталисты и разорились у насъ именно въ металлургической отрасли промышленности, да не въ ней одной. Только крупнѣйшія насиженныя пред-

пріятія у насъ работаютъ выгодно, потому что давно приспособились и гораздо меньше рискуютъ. Болѣе мелкимъ и новымъ предпріятіямъ нельзя конкуррировать со старыми, такъ какъ слишкомъ трудно приспособляться къ господствующимъ у насъ порядкамъ. Этимъ и объясняется „косность“ нашихъ капиталистовъ. Несомнѣнно и плохой рабочій элементъ играетъ тутъ видную роль. Изслѣдованіе профессора Шульче-Геверницъ лишь подтвердило то, что извѣстно было всѣмъ производителямъ: въ Россіи на 1000 веретенъ приходится 16,6 рабочихъ, въ Англіи только 3, слѣдовательно англійскій рабочій, получая плату въ 4 раза большую, чѣмъ русскій, работалъ-бы все таки дешевле русскаго. Въ Россіи на сельфакторъ приходится 4—6 рабочихъ, въ Англіи 2—3. Въ Россіи число ткацкихъ становъ, выдѣлывающихъ миткаль, относятъ къ 1 рабочему; во Владимірской губерніи приходится 1 рабочій на 0,8 ткацкихъ стана; въ Англій 1 на 2,8 и т. д. При такихъ условіяхъ совершенно понятно, что обрабатывающая промышленность въ Россіи не можетъ конкуррировать съ иностранной, даже насиженная, монопольная. Такимъ образомъ фабриканты ситца не имѣли „полной возможности“, какъ неправильно утверждаетъ г. Стаховичъ, „устанавливать между собою соглашенія и держать высокія цѣны, понижая ихъ только до предѣла устраненія иностраннаго соперничества“, вслѣдствіе чего будто-бы наживали по 123 милліон. рублей. Все это сказано очень легкомысленно и съ отсутствіемъ всякаго знанія условій обрабатывающей промышленности, уже не говоря о томъ, что наши фабриканты работаютъ не только американскимъ, но и туркестанскимъ хлопкомъ, пошлину за который во всякомъ случаѣ не платятъ. Умалчивается и о томъ, что земледѣліе тоже пользуется покровительствомъ, тамъ гдѣ оно не можетъ конкуррировать съ иностраннымъ, напр. хмель и виноградныя вина платятъ пошлину. Таможенная пошлина не создаетъ монополій; напротивъ уста-

новленіе болѣе высокой пошлины иногда уничтожаетъ монополію. Такъ случилось, напримѣръ, съ тюлевой и кружевной фабрикаціей. Нѣсколько лѣтъ существовала одна фабрика кружевъ въ Россіи, ставила монопольныя цѣны и процвѣтала. Когда возникъ вопросъ объ увеличеніи пошлины, владѣльцы фабрики рѣшительно стояли за сохраненіе пошлины въ прежнемъ размѣрѣ, справедливо опасаясь конкурренціи, которая непремѣнно возникнетъ съ устройствомъ новыхъ фабрикъ, если таможенная пошлина будетъ возвышена. Такъ и случилось въ дѣйствительности. И это не единственный примѣръ въ исторіи нашей промышленности. При слабомъ покровительствѣ, всегда найдется энергическій предприниматель и не побоится конкурренціи съ иностранными фабрикатами, если не имѣетъ конкуррентовъ въ своей странѣ, такъ какъ люди сь исключительной энергіей найдутся во всякой странѣ, найдутся и въ Россіи; но для среднихъ людей такого покровительства недостаточно. Г. Стаховичъ утверждаетъ, что „централизація“ доходовъ привела къ истощенію народныя средства. Это не понятно. Рѣчь должна итти о правильномъ производительномъ расходованіи собранныхъ съ населенія средствъ. Мы уже высказались по этому вопросу: національныя потребности важнѣе мѣстныхъ. Кромѣ того можно расходовать изъ центра къ периферіи, а не наоборотъ. Да и вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, въ какой мѣрѣ полезно и желательно предоставить общественнымъ органамъ удовлетворять мѣстныя общественныя нужды и взимать съ мѣстнаго населенія налоги. Это вопросъ политики; рѣшающій голосъ, конечно, принадлежитъ государству. Онъ рѣшенъ учрежденіемъ земствъ, но, благодаря анормальнымъ условіямъ, въ которыхъ находится наше крестьянство и слабому развитію городскаго населенія, наше земство, ни по своему составу, ни по своей дѣятельности, не соотвѣтствуетъ идеѣ Законодателя, а потому государство не можетъ и не должно

давать ему тѣхъ широкихъ полномочій, которыхъ оно домогается. Достаточно указать на то, что земскіе дѣятели въ Комитетахъ договорились до милліардовъ. Едва-ли въ ближайшемъ будущемъ мѣстныя нужды могутъ разсчитывать на сотни милліоновъ рублей; во всякомъ случаѣ не общественными организаціями создадутся эти сотни милліоновъ, а энергіей производителей, о которыхъ наши земства постоянно забываютъ.

Въ виду подобнаго упадка производительныхъ силъ крестьянства и ликвидаціи частновладѣльческихъ хозяйствъ, задача увеличенія земскихъ средствъ, повидимому, неразрѣшима, тѣмъ болѣе, что земскіе дѣятели требуютъ уничтоженія косвенныхъ налоговъ или значительнаго ихъ пониженія.

Еще съ большимъ легкомысліемъ составленъ докладъ Лохвицкаго Комитета: фактъ совершенно невѣроятный, если принять во вниманіе, что въ составленіи принимали участіе професора по экономикѣ. Докладъ очень кратокъ и категориченъ.

Указавъ на то, что высокое обложеніе пошлиной чугуна очень обременительно для крестьянъ, такъ какъ страшно поднимаетъ цѣну сельско-хозяйственныхъ машинъ, докладъ вслѣдъ затѣмъ объясняетъ, что пошлина на сельско-хозяйственныя машины ничтожна, а потому при правѣ полученія безпошлиннаго чугуна машиностроеніе выиграетъ при конкурренціи съ иностранными издѣліями. Практическое примѣненіе этого правила не представляетъ затрудненій, но, конечно, желательно вообще пониженіе пошлины на желѣзо, въ которомъ такъ нуждается нашъ крестьянинъ. Переходя затѣмъ къ платежамъ и налогамъ, Комитетъ рѣшительно высказался за пониженіе выкупныхъ платежей и за отмѣну акцизовъ на нефть, спички, сахаръ и т. д. или пониженіе ихъ, рекомендуя замѣнить дефицитъ государственной казны подоходнымъ налогомъ и притомъ прогрессивнымъ, при чемъ

приводится справка, изъ которой видно, что въ Пруссіи налогъ этотъ далъ 1892—93 г. 27 милліоновъ рублей, а въ Англій „гораздо больше“ (сколько—не сказано).

По поводу отмѣны пошлины на сельско-хозяйственныя машины и орудія однимъ членомъ Комитета былъ приведенъ разсчетъ для общества въ 300 дворовъ при 1002 дес. земли. По этому разсчету общество, при покупкѣ машинъ и орудій сообща, могло бы довольствоваться 146 пудами желѣза, оплаченными пошлиной на 109 р. 50 к., что для 300 дворовъ составило бы $36^1/_2$ коп. на дворъ.

Замѣна выкупныхъ платежей и косвенныхъ прямымъ подоходнымъ (съ прогрессіей) налогомъ—pia desideria всѣхъ Комитетовъ. Мы указали на Лохвицкій Комитетъ лишь потому, что въ докладѣ и рѣшеніяхъ Комитета принималъ участіе ученый экономистъ профессоръ. И тѣмъ не менѣе большаго легкомыслія, какъ это pium desiderium нашей интеллигенціи трудно себѣ представить, хотя правительство и въ этомъ вопросѣ пошло навстрѣчу желаніямъ нашей интеллигенціи, установивъ квартирный налогъ. Конечно квартирный налогъ установленъ только для городскихъ жителей, но промышленныя предпріятія платятъ промысловой налогъ. Наша же интеллигенція едва-ли распространитъ подоходный налогъ на крестьянъ, да и нечего будетъ съ нихъ взять въ виду установленія existenz-minimum. Ссылки ученыхъ докладчиковъ на западную Европу особенно характерны. Они увѣрены, что подоходный налогъ дастъ „гораздо“ больше, чѣмъ въ Пруссіи, но на чемъ основана эта увѣренность—неизвѣстно. Ссылка на 100 милліоновъ населенія Россіи противъ 30 милліоновъ населенія Пруссіи можетъ вызвать только улыбку.

Въ Пруссіи подоходный налогъ—добавочный къ другимъ. Жители Пруссіи обложены косвенными налогами, какъ и во всѣхъ государствахъ. Пруссія имѣетъ одно громадное преимущество передъ Россіей и другими державами: болѣе по-

ловины расходовъ она покрываетъ регаліями—доходами съ государственныхъ имуществъ. Докладъ Лохвицкаго Комитета ограничился ссылкой лишь на сумму 27 милліоновъ подоходнаго налога, получаемаго государствомъ въ Пруссіи. Мы приведемъ нѣкоторыя подробности. При 30 милліонномъ населеніи, всѣхъ цензитовъ (платящихъ подоходный налогъ) оказалось 2.435.858 чел. и въ числѣ нихъ получающихъ доходъ 900—3000 марокъ (450—1500 руб.)—2.118.969 чел.; получающихъ доходъ 3000—6000 марокъ—204.714 чел.; получающихъ 6000—9500 мар.—55.381 чел.; получающихъ 9500—30500 мар.—46096 чел.; получающихъ 30500—100.000 мар.—9.039 чел.; получающихъ 100.000—6.750.000 мар.—1.659 чел. Если даже допустить, что цензитовъ съ доходомъ 450—1500 руб. въ Россіи окажется болѣе, то остальныхъ категорій несомнѣнно окажется меньше, ибо нельзя сравнивать богатую промышленность Пруссіи съ нашей бѣднотой. Отсюда слѣдуетъ, что едва-ли подоходный налогъ въ Россіи дастъ болѣе 15.000.000 р. Замѣнять налогомъ, дающимъ 15 милліоновъ рублей, налоги, которые даютъ нынѣ въ Россіи многія сотни милліоновъ можетъ только наша невѣжественная интеллигенція; какимъ образомъ могъ предложить подобный налогъ ученый экономистъ—намъ непонятно и только свидѣтельствуетъ о томъ низкомъ уровнѣ, въ которомъ обрѣтаются наши храмы наукъ.

И какъ мило выраженіе „въ Англіи подоходный налогъ даетъ еще больше“—сколько же? Ученый профессоръ не потрудился разъяснить, что англійскій налогъ—единственный прямой налогъ (по шедуламъ), который далъ въ 1894 году 15 милл. ф. стерл. Всего же дохода—объекта обложенія—оказалось 712 мил. ф. ст., изъ коихъ 115 милл. подлежало вычету, слѣдовательно въ Англіи объектъ обложенія опредѣлился 597 милл. ф. ст., а налогъ съ нихъ около 15 милл.—около 150 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, если бы въ Россіи подоходный прогрессивный налогъ далъ ту же сумму

какъ и въ Англіи, на что расчитывать не можетъ даже фантазія нашей земской интеллигенціи, то на существенныя нужды земства не пришлось бы ни копейки. Пусть не позабываютъ прожектеры подоходнаго налога въ Россіи, что въ Англіи онъ замѣняетъ *всѣ* прямые налоги и прежде всего поземельные. Съ введеніемъ подоходнаго налога въ Россіи придется всѣ земскія лавочки закрыть и упразднить и самыя земства. Г. Туганъ-Барановскому не слѣдовало бы морочить земскихъ представителей.

Въ заключеніе разъяснимъ самую существенную часть вопроса. Нападки на косвенные налоги не основательны уже потому, что всякій налогъ *переложимъ*. Финансисты прекрасно знаютъ это свойство налоговъ, и нѣкоторые изъ нихъ, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо утверждаютъ, что въ концѣ-концовъ всѣ доходы гражданъ опять придутъ въ то положеніе, какъ будто никакихъ налоговъ въ государствѣ не существуетъ, т. е. иначе говоря, если налоговая система долго существуетъ безъ измѣненія, то налоги для производителей и потребителей превращаются въ соціальную конъюнктуру [1]). Вотъ почему всякій новый налогъ тяжелъ и вреденъ.

---

[1]) Это положеніе вполнѣ подтверждаетъ нашу теорію цѣнности, о которой мы говорили въ нашемъ послѣднемъ трудѣ. Пояснимъ примѣромъ. Правительство повысило акцизъ съ пива. Расходъ на ведро увеличился для пивовара на сумму повышеннаго акциза. Какъ поступитъ пивоваръ? Онъ улучшитъ технику тѣмъ или другимъ путемъ, чтобы получить лучшій выходъ пива. Допустимъ, что онъ употребилъ лучшій ячмень. Правда, онъ заплатилъ за лучшій ячмень дороже, но это ничего не значитъ; при извѣстныхъ техническихъ приспособленіяхъ лучшій выходъ покроетъ переборъ акциза (возможность эта, разумѣется, зависитъ отъ формы взиманія, но пивоваръ имѣетъ это въ виду). Кто же заплатитъ акцизъ? Во всякомъ случаѣ не потребитель, такъ какъ онъ получилъ пиво за прежнюю цѣну. Но усиленный спросъ хорошаго ячменя повыситъ его цѣну? Ничуть—конкуренція не допуститъ этого повышенія. Спрашиваемъ опять: кто запла-

Такимъ образомъ всякая система налоговъ хороша или дурна, смотря по обстоятельствамъ, экономическому и политическому строю страны. И вотъ съ этой точки зрѣнія всѣ мѣстные Комитеты не сумѣли рѣшить вопроса и не правы. Не о тяжести налоговъ они должны были толковать, а о тѣхъ соціальныхъ условіяхъ и иныхъ, которыя привели наше крестьянство и дворянство къ упадку. При существующихъ же условіяхъ, налоги и платежи уже потому не могутъ считаться тяжкими, что безъ нихъ государство не можетъ существовать. Россійская же Имперія и есть самъ народъ какъ политическая единица. Или наша интеллигенція желаетъ смерти своего народа?..

Тягло, которое несетъ до сихъ поръ крестьянскій народъ, всегда тяжело, потому оно и называется *тягломъ*, и не можетъ соотвѣтствовать доходности земли, къ которой крестьянинъ прикрѣпленъ. Только освобожденіе крестьянина отъ этого тягла—раскрѣпленіе и свобода распоряжаться своей экономической энергіей можетъ возстановить хозяйственную мощь нашего крестьянства. Ученымъ людямъ и государственнымъ сановникамъ во всякомъ случаѣ слѣдовало бы это понять.

тилъ повышенный акцизъ? Усиленная энергія производителя! Намъ возразятъ, что эта энергія могла и раньше существовать и дать пивовару лишнюю прибыль. Нѣтъ, не могла, ибо конкурренція не допускала повысить цѣну пива, ни увеличить производства, а поэтому пивовару не было интереса улучшать технику. То же самое случится и при измѣненіи формы взиманія акциза, если не встрѣтится непреодолимыхъ препятствій. Если же препятствія будутъ непреодолимы, то пивоваръ, конечно, разорится, но какая польза государству разорить пивовара?

V.

Крестьянская анархія.

Русскій народъ, какъ политическая нація, шелъ въ своемъ соціальномъ развитіи тѣмъ же путемъ, какъ и прочіе европейскіе народы, къ которымъ онъ принадлежитъ по своему расовому происхожденію и христіанскому міросозерцанію. Но задача, которую ему предстояло рѣшить,—цѣль, къ которой онъ стремился,—по своему объему или величинѣ, требовала особыхъ усилій, особой энергіи, и это обстоятельство несомнѣнно должно было отразиться на ходѣ его развитія. Вотчинно-крѣпостной порядокъ, присущій средневѣковому періоду, существовалъ у всѣхъ европейскихъ народовъ—всѣ они проходили этотъ періодъ своего развитія, но нигдѣ онъ не принималъ такой интенсивной формы, какъ въ Россіи, и нигдѣ онъ не сохранялся такъ долго, какъ въ нашемъ Отечествѣ. Объясняется этотъ фактъ тѣмъ, что вотчинно-крѣпостной порядокъ получилъ у насъ значеніе государственнаго тягла; государственное самодержавіе осуществилось у русскаго народа раньше, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, но такъ какъ высшей формѣ общественнаго самосознанія противорѣчитъ самая идея тягла, какъ основанная на частномъ вотчинномъ началѣ, то идея тягла получила въ Россіи значеніе государственнаго тягла. Великій Петръ, преобразовавшій идею вотчиннаго „государства“ въ идею верховной государственной Власти, преобразовалъ и идею вот-

чиннаго тягла въ государственное тягло. Прежній прикрѣпленный къ землѣ вотчинный плательщикъ, подъ именемъ ревизской души, сдѣлался крѣпостнымъ „подданнымъ“ самого государства. Въ этой крѣпостной зависимости заключалось непримиримое противорѣчіе, которое сознавалъ и самъ Преобразователь, но не могъ его измѣнить, ибо нельзя чрезмѣрно ускорять темпъ народнаго развитія. Это непримиримое противорѣчіе было наконецъ разрѣшено великимъ актомъ освобожденія Государя Александра II, увѣковѣчившаго свою память въ исторіи русскаго народа именемъ Царя-Освободителя. Великій Государь освободилъ свой народъ отъ государственнаго тягла и тѣмъ ввелъ его въ новый періодъ историческаго соціальнаго развитія. Содержаніе освободительныхъ актовъ неопровержимо свидѣтельствуетъ, что такова именно была цѣль Законодателя. Русская интеллигенція до сихъ поръ не отдала себѣ яснаго отчета въ смыслѣ грандіозной реформы. До сихъ поръ въ нашемъ обществѣ господствуетъ наивный взглядъ, будто освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости заключалось лишь въ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ власти ихъ господъ. Реформа началась съ помѣщичьихъ крестьянъ потому, что здѣсь крѣпостная зависимость выражалась наиболѣе ярко и здѣсь наиболѣе рѣзко обнаруживалось противорѣчіе крѣпостного права съ государственнымъ порядкомъ. Но это противорѣчіе господствовало всюду въ понятіи „податного“, „подлаго“ народа. Вотъ почему попытка гр. Киселева создать изъ государственныхъ крестьянъ классъ „свободныхъ сельскихъ обывателей“ не привела къ цѣли, оказалась пуфомъ. Государь Николай Павловичъ лишь убаюкивалъ свое благородное сердце несбыточной надеждою.

Уничтоженіе крѣпостного права, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости ничто иное, какъ освобожденіе русскаго народа отъ государственнаго тягла, ликвидація са-

мой идеи „подлаго“ народа. Послѣ знаменательнаго дня 19 февраля 1861 г. „подлаго“ народа въ Россіи нѣтъ,—нѣтъ и „податныхъ“ сословій, ибо всѣ они нынѣ граждане Россійской Имперіи, живутъ въ союзѣ, объединенномъ Державной Государственной Властью; „податное подданство замѣнилось гражданскимъ подданствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; „подлый“ холопъ сдѣлался свободнымъ подданнымъ своего Государя—Монарха. Экономическій же смыслъ этого великаго явленія заключается въ томъ, что бывшія податныя сословія вступили въ гражданскій оборотъ; изъ орудій производства они превращены въ хозяйственныхъ субъектовъ—въ домохозяевъ собственниковъ. Высочайшій Манифестъ, сопровождавшій обнародованіе положеній 19 февраля 1861 г. благословилъ русскій народъ на свободный производительный трудъ. Самыя же Положенія указали ему тотъ путь и тѣ средства, которыми онъ можетъ достигнуть возможности приложенія своего труда и своего благосостоянія. Такъ какъ эти Положенія подверглись со стороны нашей интеллигенціи невѣроятнымъ извращеніямъ въ ихъ толкованіи и послѣдствіемъ этихъ извращеній явилась отмѣна не только многихъ существенныхъ частей, но цѣлыхъ главъ и отдѣловъ [1]) освободительнаго акта, то мы изложимъ ихъ вкратцѣ съ буквальной точностью. „Крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей отмѣнено *навсегда*“ (ст. 1 Общаго Полож.). На основаніи сего Положенія и *общихъ* законовъ, крестьянамъ и дворовымъ людямъ предоставлены права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу (ст. 2). Государственные крестьяне разныхъ наименованій, состоявшіе въ 1866 г. въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, подчиняются вѣдѣнію

[1]) См. томъ IX Св. зак. изданія 1902 года.

общихъ мѣстныхъ учрежденій (губернскихъ, уѣздныхъ, крестьянскихъ) на основаніи Положеній о сельскомъ состояніи (т.-е. Общаго Положенія 19 февраля 1861 г.) и какъ водворенные на казенныхъ земляхъ сохраняютъ всѣ состоявшія въ ихъ надѣлѣ земли и угодья (ст. 1 и 2 Полож. о б. госуд. крест. 1866 г.).

Помѣщичьи крестьяне получаютъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе свои усадьбы, полевую землю и другія угодія, выдѣляемыя имъ изъ земли помѣщика по уставнымъ грамотамъ, и получаютъ *право* выкупа оныхъ, съ содѣйствіемъ Правительства, *въ свою собственность* (ст. 3, 7, 11, 12 и 14 Общаго Полож. и 1, 2, 3, и 4 ст. Полож. о выкупѣ).—Съ выкупомъ усадьбы и угодій надѣла прекращаются зависимыя отношенія крестьянъ къ помѣщику, и они именуются крестьянами-собственниками (ст. 12 и 16 Общ. Полож.).—Государственные крестьяне, сохраняя въ своемъ пользованіи предоставленныя имъ Государствомъ земли и угодія, обязываются вносить въ казну опредѣленный закономъ ежегодный платежъ, подъ названіемъ государственной оброчной подати и, какъ владѣльцы землями своего надѣла, причисляются къ крестьянамъ-собственникамъ (ст. 14 и 16 Полож. о б. госуд. крест.). Сельскимъ обществамъ и владѣльцамъ подворныхъ участковъ земель, обложенныхъ государственною оброчною податью, предоставляется выкупать эти земли, освобождая ихъ отъ оброчной подати взносомъ въ казначейство капитальной суммы государственными % бумагами, проценты съ коей равнялись бы суммѣ оброчной подати. Освобожденныя такимъ взносомъ отъ оброчной подати государственныя земли составляютъ полную собственность владѣльцевъ (ст. 24 и 25 Полож. о госуд. крест.).—

На крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости распространены общія постановленія законовъ гражданскихъ

о правахъ и обязанностяхъ *семейственныхъ*, личныхъ и *имущественныхъ* (ст. 21, 22, 23, 33 Общаго Полож. и 1 ст. Полож. о б. госуд. крест.). Крестьянамъ, какъ свободнымъ сельскимъ обывателямъ, предоставлены *общественныя* права по состоянію (ст. 29 Общ. Полож. и 1 ст. Полож. о б. госуд. крест.). Сельскія общества тоже могутъ, на основаніи общихъ законовъ, пріобрѣтать движимыя и недвижимыя имущества и распоряжаться ими по усмотрѣнію; *пріобрѣтаемыя ими земли или раздѣляются между домохозяйствами или остаются въ общемъ владѣніи домохозяевъ*. Право на участіе въ общемъ владѣніи *собственностію*, пріобрѣтенною обществомъ, каждый крестьянинъ можетъ, *отдѣльно*, уступать постороннему лицу не иначе какъ съ согласія міра, но ему предоставляется изъ состава общественной собственности требовать выдѣла соразмѣрнаго участка въ свою личную собственность. Если это окажется неудобнымъ или невозможнымъ, общество удовлетворяетъ крестьянина деньгами, по взаимному соглашенію или оцѣнкѣ. Правило это распространяется и на выкупленные надѣлы (ст. 35, 36 и 37 Общ. Полож.). Для выдѣла участковъ общинной земли б. государственныхъ крестьянъ требуется приговоръ $^2/_3$ голосовъ членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ, если казенная земля еще не выкуплена крестьянами (ст. 15 Полож. о б. госуд. крест.). По уплатѣ выкупной ссуды, на выкупленныя крестьянами земли распространяются правила, установленныя гражданскими законами въ отношеніи земельной собственности, согласно изложеннымъ выше постановленіямъ Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (ст. 159 Полож. о вык.). Правила Полож. о выкупѣ не относятся до частныхъ сдѣлокъ, по которымъ крестьяне могутъ пріобрѣтать земли, безъ содѣйствія Правительства, какъ у помѣщиковъ, такъ и у другихъ лицъ, на основаніи общихъ законовъ. На семъ основаніи было предоставлено помѣщи-

камъ уступать безвозмездно, по дарственнымъ записямъ, крестьянамъ земли ихъ надѣла, при чемъ эти земли не подлежали, какъ родовыя, выкупу въ силу 1350 ст. гражд. (ст. 5 Полож. о вык.).—

Таковы главныя основанія освободительныхъ актовъ и нужно замѣтить, что они распространены на всѣ разряды крестьянъ—на крестьянъ всѣхъ вѣдомствъ; всѣ особыя Положенія о крестьянахъ—только перифразъ изложенныхъ нами главныхъ Положеній о крестьянахъ: общаго, о выкупѣ и б. государственныхъ крестьянъ. Крестьяне освобождены отъ государственнаго тягла и введены въ общій гражданскій оборотъ—таковъ ясный и точный смыслъ изложенныхъ узаконеній.

А между тѣмъ въ дѣйствительности великая реформа не была осуществлена въ самыхъ своихъ основахъ: крестьяне остаются внѣ гражданскаго оборота, по крайней мѣрѣ въ самыхъ существенныхъ своихъ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Почему произошло такое противорѣчіе между закономъ и дѣйствительностью? Причинъ такого анормальнаго явленія двѣ: политическая и культурная. Тягольная зависимость крестьянъ была необходима государству; фактическое освобожденіе отъ тягла возможно лишь при условіи консолидаціи крестьянскихъ дворовъ, но подобная консолидація требовала наличности вотчинной власти въ деревнѣ, а между тѣмъ связь между вотчинниками и крестьянами была порвана, слѣдовательно обязанность вотчинника легла на государство. Почему же государство не исполнило своей обязанности? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ другая указанная нами причина искаженій освободительныхъ актовъ—культурная. Мы видѣли, что правительство послѣдовательно вводило именно тѣ „поправки“ въ Положенія о крестьянахъ, которыя требовала интеллигенція. Нашъ интеллигентный мандаринатъ имѣетъ тѣсную связь съ нашимъ бюрократи-

ческимъ мандаринатомъ; кромѣ того, бюрократія будетъ всегда сохранять склонность къ соціализму.

Исторію происхожденія нашего интеллигентнаго мандарината мы здѣсь разсказывать не будемъ, такъ какъ это насъ заведетъ слишкомъ далеко; мы только здѣсь констатируемъ тотъ, впрочемъ общеизвѣстный фактъ, что нашъ интеллигентный мандаринатъ соціалистическій и анархическій, а потому до русскаго народа ему нѣтъ никакого дѣла; въ сущности онъ ненавидитъ Россію какъ націю; это отмѣтилъ еще покойный Достоевскій. Слѣдовательно анархія въ нашей деревнѣ только на руку нашему интеллигентному мандаринату, и онъ готовъ итти къ насажденію этой анархіи всѣми правдами и неправдами. Разумѣется мы характеризуемъ самую серьезную часть нашего интеллигентнаго мандарината; въ огромномъ-же большинствѣ наша интеллигенція представляетъ изъ себя лишь стадо, которое голоситъ или ревётъ за вожаками, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, чего желаетъ, вродѣ нашихъ студентовъ, которые бунтуютъ изъ за товарищескаго духа и вслѣдствіе праздности.

Послѣ вышесказаннаго, нѣтъ ничего удивительнаго, если наши земства влачатъ жалкое существованіе; сами земскіе дѣятели, добросовѣстные, это признаютъ. Если при этомъ киваютъ по адресу правительства, обвиняя его въ томъ, что оно парализуетъ дѣятельность земства, то это чистѣйшій вздоръ; никогда правительство не мѣшало земскимъ людямъ работать: строить, поправлять дороги, мосты, заводить школы и содержать ихъ, открывать больницы, аптеки; учреждать сельскохозяйственныя организаціи и кустарныя, заводить даже земскія „агрономіи“ и пр.; пр. Земскія учрежденія вызваны къ жизни освободительными актами и, по своей идеѣ, совершенно соотвѣтствовали интересамъ общественнымъ и государственнымъ, но они не нашли почвы для себя, потому что жизнь нашей деревни была задержана, а крестьян-

ство подавлено въ своемъ правомѣрномъ и экономическомъ развитіи. При подобныхъ условіяхъ земство выродилось въ тотъ же интеллигентный мандаринатъ, мѣстами прямо вредный.—

Нельзя не замѣтить, что Положенія 19 февраля 1861 г. не только величайшій государственный актъ царствованія Государя Александра II, но слава и честь Россіи—актъ міроваго значенія по крайней мѣрѣ для культурнаго человѣчества. Судебные уставы 1864 г. увѣковѣчены именемъ великаго Государя; еще съ большимъ основаніемъ слѣдовало бы освободительнымъ актамъ присвоить имя Царя-Освободителя. Но, можетъ быть, потому, что наша интеллигенція всегда питала особую нѣжность къ судебнымъ уставамъ и, какъ увидимъ, не церемонилась съ великими актами, создавшими, по выраженію Ростовцева, русскій народъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, Положенія 19 февраля 1861 г. не увѣковѣчены именемъ великаго Государя. Пожалуй оно и лучше; въ послѣднемъ изданіи Положенія о сельскомъ состояніи отъ нихъ остались обрывки, хотя еще въ изданіи 1876 г. они были помѣщены лишь съ нѣкоторыми измѣненіями.

Мы недоумѣваемъ, чѣмъ руководилась кодификаціонная комиссія, уничтожая знаменитые акты царствованія Царя-Освободителя: законодательнымъ актомъ ВЫСОЧАЙШЕЙ Воли эти акты не были отмѣнены. Это тѣмъ болѣе странно, что въ выброшенныхъ кодификаціонной комиссіей мѣстахъ Положеній значались статьи, опредѣлявшія основныя начала освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, напр. 1, 2, 11, 12, 14, 23, 24, 37 и др. Общаго Полож. Если не ошибаемся, подобный способъ кодификаціонныхъ работъ вовсе не согласуется съ установленнымъ государственнымъ порядкомъ.

Какъ-бы то ни было, но Общаго Положенія 19 февраля

1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не существуетъ въ нашемъ законодательствѣ; его замѣнила книга первая Положенія о сельскомъ состояніи.— Измѣненія въ Положеніяхъ, послѣ послѣдняго ихъ изданія въ 1876 г., были вызваны весьма энергичной агитаціей со стороны русскаго интеллигентнаго общества; изъ нихъ наиболѣе важными слѣдуетъ признать измѣненія 162 и 165 ст. Положенія о выкупѣ.

Мы видѣли, какъ гармонично была проведена главная мысль законодателя во всѣхъ освободительныхъ актахъ, но она не согласовалась съ господствующими въ нашемъ обществѣ тенденціями. Отсутствіе всякихъ работъ по консолидаціи крестьянскихъ дворовъ, уничтоженіе вотчинной власти и устраненіе органовъ государственной власти отъ всякаго участія въ дѣлахъ общины привели нашу деревню къ полнѣйшей анархіи. Но начала свободы постепенно стали создавать новый порядокъ вещей и, можетъ быть, самъ крестьянскій народъ сумѣлъ-бы выйти изъ того хаоса, въ которомъ онъ очутился, благодаря отсутствію всякой надъ нимъ власти. 165 ст. Полож, о выкупѣ давала возможность каждому крестьянину консолидировать свои надѣлы въ подворный участокъ. И вотъ русская интеллигенція повела атаку противъ этого права и добилась своей цѣли. Но она сдѣлала больше. Закономъ 14 декабря 1893 года измѣнена редакція 165 ст. и вмѣстѣ съ тѣмъ установлена неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, т. е. закрытъ всякій путь къ консолидаціи крестьянскихъ дворовъ. Государство не только не исполнило своей обязанности по отношенію къ освобождаемому народу, но и запретило крестьянамъ выходить изъ того прекарнаго отношенія, въ которомъ они очутились вслѣдствіе того, что были оставлены властью на произволъ судьбы. Интеллигенція любитъ ссылаться на извѣстный законъ, предоставлявшій крестьянамъ право разверстать-

ся по приговору $^2/_3$ голосовъ домохозяевъ селенія. Это похоже на насмѣшку. Уже не говоря о томъ, что въ большихъ селеніяхъ невозможно собрать и простого большинства на сходъ: развѣ крѣпостной людъ могъ сразу понять великое значеніе личной и имущественной свободы? Тутъ необходима была дѣятельная и благосклонная помощь со стороны правительства и общества, а вмѣсто того крестьянамъ былъ закрытъ единственный, установленный закономъ путь.

Какіе же мотивы были выставлены для отмѣны законоположеній, составлявшихъ единственный выходъ изъ невозможнаго положенія, въ которомъ очутилась наша деревня послѣ освобожденія? Мы видѣли, что вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ въ нашемъ обществѣ возникла легенда о тяжести выкупныхъ платежей и о „несоотвѣтствіи ихъ съ доходностью земли"; этимъ и объяснили въ нечерноземной полосѣ бѣгство крестьянъ отъ земли. Но эта легенда нисколько не помѣшала другой легендѣ. Усиленно стали стращать правительство обезземеленіемъ крестьянъ при посредствѣ выкупа по 165 ст. Положенія. Легенда утверждала, что бѣдняки выкупаютъ свои надѣлы на деньги кулаковъ, въ рукахъ которыхъ такимъ образомъ скопляется земля обезземеленныхъ, причемъ приводились и факты. Но уже земскія статистическія изслѣдованія удостовѣрили, что выкупъ крестьянами надѣловъ по 165 ст. болѣе всего распространенъ въ нечерноземной полосѣ, гдѣ земля „не окупала" платежей, и вызывалось желаніемъ не завладѣть землей бѣдняковъ, а, напротивъ, желаніемъ освободить себя отъ навалки надѣловъ этихъ бѣдняковъ. Такимъ образомъ въ то время, какъ интеллигенція кричала о томъ, что „кулаки" скупаютъ земли бѣдняковъ, пользуясь 165 ст. Полож. о вык., крестьяне выкупали свои надѣлы именно съ цѣлью избавить себя отъ насильственной обязанности платить выкупъ за чужіе надѣлы. Интеллигенція кричала: смотрите, кулаки скупаютъ надѣ-

лы бѣдняковъ, благодаря 165 ст. Полож. о выкупѣ, а въ дѣйствительности крестьяне выкупали по 165 ст. свои надѣлы, чтобы избавиться отъ „скупки" чужихъ надѣловъ.— Тѣмъ не менѣе крики интеллигенціи были услышаны правительствомъ, и та сама власть, на обязанности которой лежало осуществить реформу и которая не принимала рѣшительно никакихъ мѣръ для организаціи прочного крестьянства въ Россіи, вошла въ высшія законодательныя учрежденія Имперіи съ ходатайствомъ захлопнуть единственный выходъ крестьянъ на свободу. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ возбудило ходатайство объ отмѣнѣ 165 ст. Полож. о выкупѣ, прямо ссылаясь на то, что выкупъ по этой статьѣ производится неимущими крестьянами на деньги кулаковъ.

Недостаточность приведенныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ данныхъ побудила Комитетъ Министровъ предложить ему подкрѣпить свое требованіе необходимыми статистическими справками и затѣмъ внести этотъ вопросъ на обсужденіе въ Государственный Совѣтъ. Изъ собранныхъ Министерствомъ данныхъ оказалось, что въ 46 губерніяхъ въ 1891 г. выкуплено крестьянами 181.897 душевыхъ надѣловъ, пространствомъ въ 887.771 десят. Изъ нихъ продано членамъ своего общества 3,206 надѣловъ въ размѣрѣ 12.441 дес. и постороннимъ лицамъ 4323 надѣла, пространствомъ 6.934 дес. Легенда нашей интеллигенціи о скупкѣ кулаками надѣловъ оказалась чистѣйшимъ пуфомъ. Если принять въ соображеніе, что въ указанныхъ ничтожныхъ случаяхъ отчужденія крестьянской земли значатся отчужденія подъ подгороднія дачи, фабрики и заводы, продажи переселенцевъ и т. п. необходимыя отчужденія, то можно смѣло сказать, что „кулацкихъ" скупокъ вовсе не существовало даже какъ исключенія. Оно и понятно: только полное незнакомство съ бытовыми условіями нашей деревни, съ одной стороны, и

тенденціозное, съ задней мыслью, извращеніе вопроса, съ другой—могли выдумать эту легенду. Зачѣмъ кулаку скупать надѣлы у бѣдняковъ по 165 ст. Полож. о вык., когда кулаки „скупаютъ“ дешево и удобно у бѣдняковъ эти надѣлы при каждомъ передѣлѣ?

Въ Государственномъ Совѣтѣ Н. Х. Бунге въ своемъ возраженіи противъ доклада гр. Толстого привелъ слѣдующія данныя: въ 443 уѣздахъ крестьянской земли всего 95.795.770 дес.; изъ нихъ выкуплено общинниками 887.771 дес., подворниками 316.622, а всего 1.204.393 дес.; отчуждено: общинниками 16.322, подворниками 59.679 и по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ 46.516 дес., а всего 122.517 дес. Пріобрѣтено·же крестьянами 8.307.918 дес. Если даже принять, что всѣ 122.517 дес. перешли не крестьянамъ, то окажется, что прибыль крестьянской земли превысила убыль въ 67 разъ!! Но, конечно, изъ 122.517 дес. перешло къ крестьянамъ-же вѣроятно 90%. Тѣмъ не менѣе высшее законодательное учрежденіе „изъ-за принципа“ согласилось съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и выработало законъ 14 декабря 1893 года. Что-жъ это за „принципъ“? Мы видѣли, что этотъ принципъ въ сущности заключался въ возвращеніи къ крѣпостному праву—къ установленію неотчуждаемой крестьянской мірской земли (Bauerland) и къ ограниченію имущественной свободы крестьянъ. Грустный эпилогъ великой эпохи реформъ!

Не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ эпилогомъ славной эпохи, какъ и другимъ, несравненно болѣе мрачнымъ и, можетъ быть, роковымъ для русскаго народа мы обязаны нашей интеллигенціи. Будущій историкъ Россіи воздастъ ей должное! „Кулаки“ были, конечно, только предлогомъ: всѣмъ извѣстно, даже плохо знакомымъ съ бытовыми условіями нашей деревни, что „кулаки„— крестьяне однообществен-

ники, такъ что законъ 14 декабря 1893 г. былъ выстрѣломъ въ пустое пространство.—

Разумѣется гр. Толстой не былъ соціалистомъ по убѣжденію, но онъ видѣлъ въ общинѣ удобный органъ правительственной власти, а потому передъ тѣмъ и провелъ институтъ земскихъ начальниковъ. Нисколько не отрицая того факта, что институтъ общиннаго землепользованія находится въ тѣсной связи съ институтомъ земскихъ начальниковъ, мы все-таки думаемъ, что учрежденіе послѣднихъ не прекратило и не прекратитъ анархіи въ нашей деревнѣ, ибо эта анархія создается противорѣчіемъ между дарованной крестьянамъ свободою и общинно—крѣпостнымъ порядкомъ.—

Труды Комитетовъ полны свидѣтельствами о господствующей въ нашей деревнѣ анархіи. Самыя священнѣйшія права крестьянъ, какъ имущественныя такъ и личныя, постоянно попираются міромъ, которымъ руководятъ сплошь и рядомъ отбросы общества. Вотъ слова самихъ крестьянъ, засвидѣтельствованныя оффиціальнымъ органомъ (Сельскій Вѣстникъ 1897 г. №№ 42, 45, 48, 51 и 52): „на сходахъ дѣла рѣшаются неправильно...... противно закону и совѣсти...... обижаютъ слабѣйшихъ членовъ общества...... люди благоразумные, толковые, трезвые...... на сходахъ не участвуютъ...... имъ только придется потерпѣть оскорбленіе, да и зачѣмъ пойдетъ на сходъ умный, трезвый человѣкъ. Онъ видитъ всю общественную неурядицу и часто отъ души жалѣетъ своихъ односельчанъ, какъ они не стараются для своихъ дѣтей, истребляя лѣса, выпахивая, а не удобряя землю,—поглядитъ на всѣ эти безобразія, сжалится надъ своими дѣтьми и пойдетъ на сходъ,—а тамъ между тѣмъ шумятъ: „давай вина—устроимъ“. „Поднимутъ шумъ,—Боже упаси...... 5—10 человѣкъ міроѣдовъ, что хотятъ, то и дѣлаютъ. Скажу я истинную правду, какъ передъ Богомъ, что если, 10—15 человѣкамъ дать по одному или по два крючка водки, то

они перетянутъ на свою сторону весь сходъ, какія-бы ни были спорныя дѣла, ибо совѣстный, трезвый и честный человѣкъ отъ одного ихъ неистоваго крика уйдетъ, бросивъ имъ и свое собственное на поглащеніе".

Интересно, что наша интеллигенція называетъ „міроѣдами" зажиточныхъ крестьянъ; крестьяне-же „міроѣдами" называютъ пьяницъ, каштановъ и прощалыгъ.

Удочка, на которую попались и наши высшіе сановники,— страхъ, что наши крестьяне, при свободѣ, все пропьютъ и потеряютъ свою землю—однимъ словомъ удочка эта называется пролетаріатомъ. Но если государство боится пролетаріата, особенно земельнаго, то ему не слѣдовало и раскрѣплять крестьянъ, освобождать ихъ отъ тягла. Этотъ страхъ свидѣтельствуетъ о непониманіи хода развитія культурнаго человѣчества. На низшихъ ступеняхъ этого развитія человѣкъ пользуется полной свободой, какъ ею пользуются дикія животныя, но какъ эти послѣднія онъ ничѣмъ не обезпеченъ, а потому при малѣйшей невзгодѣ вымираетъ. Вотъ почему охотничьи народы такъ малочислены. Перейдя къ скотоводству, хозяйственная энергія человѣка увеличивается и онъ размножается сильнѣе, но тутъ-то мы и встрѣчаемся съ институтомъ рабства, потому что усиленная энергія не доступна всѣмъ. Съ переходомъ-же къ земледѣлію, развиваются всѣ виды рабства и крѣпостничества и иначе быть не можетъ. Необходимо накопить капиталъ, необходимо создать державный союзъ, ограждающій отъ произвола и насилая, чтобы обезпечить свободу бѣдныхъ, т. е. слабыхъ. Съ накопленіемъ капитала и образованіемъ государственнаго порядка раскрѣпляется человѣческая личность и свобода возстановляется для всѣхъ членовъ союза. То, что на болѣе низкихъ ступеняхъ человѣческаго развитія вело къ гибели человѣка, становится основою его благосостоянія и богатства. Ясно, что итти въ настоящее время обратнымъ путемъ пред-

ставляетъ противорѣчіе и величайшую опасность для государственнаго союза. Мы необходимо должны богатѣть, накоплять капиталъ, что только возможно при свободѣ. Еслибы нашъ интеллигентный мандаринатъ былъ только соціалистическій въ смыслѣ государственномъ, а не анархическій, то самъ-бы это понялъ. И дѣйствительно наши марксисты проповѣдовали о „свареніи“ мужика въ фабричномъ котлѣ, но это нисколько не мѣшало имъ вести агитацію противъ личной свободы мужика; въ трудахъ Комитетовъ мы можемъ въ этомъ убѣдиться на примѣрѣ съ г. Туганъ—Барановскимъ. О, конечно, наша интеллигенція требуетъ для мужика свободы, но свободы отъ всякаго долженствованія. Въ этомъ отношеніи софистика русской интеллигенціи достигла виртуозности: во имя нравственнаго закона отрицается всякій законъ—соціальный, т. е. право, и нравственный въ его абсолютномъ воплощеніи—Богъ. Такова софистика цвѣта русской интеллигенціи—гр. Толстого. Неудивительно, если даже наша „ученая“ интеллигенція сочувствуетъ этому великому софисту, хотя гр. Толстой презираетъ науку, что совершенно естественно. Зато къ другому русскому великому писателю наша интеллигенція всегда относилась съ раздраженіемъ, хотя этотъ писатель несомнѣнно проповѣдовалъ Христа, а не толстовскаго антихриста. Еще недавно намъ пришлось прочесть въ одномъ „либеральномъ“ соціалистическомъ журналѣ статью, въ которой авторъ объясняетъ тотъ фактъ, что Достоевскій „обругалъ“ духовнаго отца шестидесятниковъ—Бѣлинскаго,—самолюбіемъ, тщеславіемъ и самообольщеніемъ знаменитаго писателя. Онъ указываетъ и на противорѣчіе Достоевскаго, такъ какъ послѣдній въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ отзывался о Бѣлинскомъ сердечно и любовно. Но тутъ никакого противорѣчія нѣтъ. Сердечно и любовно вспоминалъ Достоевскій и о Некрасовѣ; высоко ставилъ Тургенева и гр. Толстого, хотя

перваго онъ „ненавидѣлъ“ и осмѣялъ, а второго рѣзко раскритиковалъ за послѣднюю главу въ „Аннѣ Карениной“. Достоевскій „обругалъ“ Бѣлинскаго за его соціализмъ или увлеченіе имъ и за „ругательства“ на Россію и Христа; Достоевскій возненавидѣлъ Тургенева за его презрѣніе къ русскому народу какъ націи; Достоевскій раскритиковалъ гр. Толстого за его софизмы и проповѣдь противъ Кесаря, которую онъ впервые началъ въ послѣдней главѣ романа „Анна Каренина“. Достоевскій по своимъ воззрѣніямъ и чувствамъ былъ истинный христіанинъ и, какъ христіанинъ, великимъ патріотомъ. Идея „Царя“ была для него священной идеей; изъ всѣхъ русскихъ писателей одинъ Достоевскій понялъ идеалъ русскаго народа, потому что пріобщился къ народу въ каторгѣ.

Конечно и Достоевскій, по недостатку научнаго образованія, часто путался. Эта путаница чувствуется и въ его великолѣпномъ отвѣтѣ Градовскому по поводу знаменитой рѣчи Достоевскаго па пушкинскомъ юбилѣе. Великолѣпно разъяснивъ Градовскому сущность христіанства и нравственной области человѣка на землѣ, Достоевскій возсталъ противъ „двухъ половинокъ“, не замѣчая своего противорѣчія, и вышло слѣдующее: Градовскій ошибался, смѣшивая соціальныя отношенія съ нравственными, но, какъ юристъ, онъ былъ правъ, указавъ на двѣ половинки категоріи долженствованія. Достоевскій былъ глубоко правъ, указавъ на путаницу въ понятіяхъ Градовскаго, желавшаго соціальныя отношенія возвести въ нравственный законъ общежитія, но Достоевскій самъ спутался, отрицая двѣ половинки, хотя въ глубинѣ своей души всегда ихъ признавалъ, и ошибка великаго писателя заключается въ томъ, что онъ всегда стремился оправдать Кесаря во имя Христа; но Кесарь не нуждается въ такомъ оправданіи: на землѣ—Кесарь, а на небѣ—Христосъ и Богъ; на землѣ-же Христосъ царствуетъ въ сердцахъ лю-

дей. Таковъ смыслъ двухъ половинокъ. Потому „ученіе“ гр. Толстого отрицаетъ и Кесаря и Христа; это не ученіе христіанское (въ немъ мы и не нуждаемся, ибо оно заключено въ Евангеліяхъ и всѣмъ намъ извѣстно), а антихристово. Видѣть въ Кесарѣ бога на землѣ, какъ это признавалъ античный Римъ, такъ же противорѣчитъ Евангелію, какъ и перевоплощать Христа въ Кесаря—требовать царства Христа на землѣ. По вѣрѣ христіанъ, Христосъ явится на землю вновь, когда существующій міръ разрушится, чтобы судить человѣчество. Царство Христа—жизнь будущаго вѣка, къ которому соціальныя отношенія совершенно *непримѣнимы*.

Да проститъ намъ читатель за это отступленіе отъ прямой нашей темы, но оно было необходимо. Именно теперь, когда мы пишемъ наши строки, въ тяжелое время для русскаго народа, софизмы гр. Толстого получаютъ особую ѣдкость. Онъ началъ съ отрицанія Кесаря и кончилъ нынѣ отрицаніемъ своего народа. Пусть азіаты Японцы возьмутъ Манджурію, Сибирь, Москву—Россію; все это не бѣда, лишь-бы господствовали софизмы гр. Толстого! Но если на землѣ нѣтъ ничего цѣннаго, то не стоитъ и жить.

Пусть человѣчество наконецъ создастъ сказочную скатерть-самобранку, пусть не будетъ „моего“ и „твоего“, пусть не будетъ Кесаря на землѣ, но не будетъ и Бога на небѣ, пусть осуществится царство соціальнаго бога на землѣ, антихристово царство соціалистовъ-анархистовъ и гр. Толстого—пусть все это исполнится, и затѣмъ спросимъ себя: гдѣ будетъ то основаніе, которое положилъ Христосъ, Евангеліе: любовь? Гр. Толстой и соціалисты ссылаются на это основаніе, показываютъ видъ, что о немъ-то они и хлопочутъ, но это одинъ отводъ глазъ. И развѣ можно проповѣдовать любовь и ссылаться на нее, возбуждать ненависть, злобу, зависть, непокорность и сопротивленіе властвующей правомѣрной волѣ? Вѣдь эти чувства въ корнѣ отрицаютъ любовь.

Такъ-ли проповѣдовали непосредственные ученики Христа— его Апостолы? Вотъ что говоритъ „Апостолъ языковъ“: Если я говорю языками человѣческими и ангельскими (!!), а любви не имѣю, то я—мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій“, „если я имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны (!!) и имѣю всякое познаніе (!) и всю вѣру, такъ что и горы могу переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто“. „И если я раздамъ все имѣніе мое (!) и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ въ томъ никакой пользы!“ (къ Коринѳянамъ I, 14, 1—3). Какъ-же проявляется эта любовь? Кому изъ христіанъ не извѣстны эти великолѣпныя слова Апостола: „Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“. „Любовь никогда не перестаетъ“, кончаетъ Апостолъ, „хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится“ (Ibid. 4—8). Пусть русскій интеллигентъ помыслитъ въ сердцѣ своемъ, насколько его поведеніе и мечтанія о царствѣ Божіемъ на землѣ соотвѣтствуютъ великолѣпному представленію Апостола любви! Царство Божіе на землѣ возможно только въ сердцахъ людей. Евангеліе—религія нравственнаго закона по преимуществу, но нравственный законъ—свобода абсолютная, никакихъ нормъ тутъ не можетъ быть, ибо единая здѣсь норма—совѣсть индивидуальнаго человѣка и единая норма этой совѣсти—Богъ, читающій въ сердцахъ людей. Тѣ, которые ставятъ во главу угла соціальныхъ отношеній совѣсть, насилуютъ ее, нарушаютъ свободу и, слѣдовательно, мыслятъ и поступаютъ безнравственно. Въ сущности они „судятъ“ людей, но судить-то людей и запрещено нравственнымъ закономъ. Но право судитъ людей и обязано судить, на то у права мечъ; оно судитъ соціальныя отношенія лю-

дeй, а не нравственныя; оно судитъ гражданъ только за то, что запрещено внѣшнимъ закономъ, а не внутреннимъ. Христосъ-же упразднилъ внѣшній законъ для сердца человѣческаго, а не для его соціальныхъ отношеній, а потому и сказалъ: „Воздавайте должное Кесарю, но воздавайте должное и Богу". Онъ не отрицалъ Кесаря и, слѣдовательно, его меча, а признавалъ ихъ [1]).

Но нравственность даже не возможна на землѣ безъ права, ибо право служитъ ей первымъ основаніемъ. Право есть признаніе достоинства человѣческаго, уваженіе къ его свободѣ—волѣ, а потому тѣ, которые отрицаютъ это основаніе, въ сущности лицемѣрятъ, ибо отрицаютъ нравственное достоинство человѣка. „Общественная" совѣсть, о которой любитъ говорить наша интеллигенція,—contradictio in adjecto, миѳъ, обманъ, прелесть. Поэтому присяжные, позволяющіе себѣ судить человѣка, а не гражданина, человѣческую совѣсть, а не преступную волю, производятъ не формальный судъ, а судъ совѣсти—совершаютъ не судъ, а безнравственное дѣйствіе; судятъ то, что имъ не дано судить, и отказываются судить то, что они *обязаны* судить. Нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ безсудный судъ нынѣ сталъ школой развращенія для русскаго народа и самой интеллигенціи. И по

[1]) Какъ быть въ случаяхъ коллизіи между двумя долженствованіями,—мы здѣсь разъяснить не можемъ, но позволимъ себѣ замѣтить, что Евангеліе ничего объ этомъ не говоритъ и вѣроятно не безъ причины: нравственный законъ абсолютный, соціальный (право), по существу своему—норма. Такъ какъ нравственный законъ—абсолютная свобода, то требованія его безусловно обязательны, но рѣшаются совѣстью каждаго; нарушеніе-же права ведетъ лишь къ репрессіи; исполняя свой долгъ въ силу требованія совѣсти, остается съ покорностью подчиниться репрессіи, но ни въ какомъ случаѣ не отвергать ея правомѣрности. Въ Евангеліи имѣется намекъ на это: «сыны свободны», сказалъ Христосъ, но все-таки приказалъ заплатить подать за себя и за учениковъ, *чтобы не вводить людей въ соблазнъ*. Зачѣмъ-же гр. Толстой соблазняетъ «малыхъ сихъ»?!

этому вопросу Достоевскій высказалъ совершенно правильныя мысли; предлагаемъ русской интеллигенціи съ ними познакомиться.

Все нами изложенное, вся софистика мысли, созданная „шестидесятниками“ и ихъ учениками отразилась и должна была отразиться на судьбѣ крестьянскаго вопроса въ Россіи. Интеллигентная бюрократія подала свою руку соціалистической интеллигенціи нашего общества и обѣ интеллигенціи, оба мандарината, подвергли освободительные акты ударамъ въ самый ихъ корень. Участія въ этихъ ударахъ со стороны бюрократіи были роковыми не потому только, что бюрократія органъ власти, но преимущественно потому, что она пользовалась воззрѣніями и пріемами, господствующими въ нашемъ интеллигентномъ мандаринатѣ. Русская интеллигенція отрицаетъ право, правомѣрность, и бюрократія стала его отрицать; русская интеллигенція имѣетъ непреодолимое отвращеніе къ положительному закону, и бюрократія установила у себя порядокъ, ни во что ставить этотъ законъ, руководствуясь крестьянскимъ „обычаемъ“: „законъ, что дышло— куда повернешъ, туда и вышло“; русская интеллигенція постоянно практикуется въ софизмахъ и дошла до виртуозности въ нихъ,—и наша бюрократія поступаетъ такъ-же.

Прекарныя имущественныя отношенія нашихъ крестьянъ, какъ внѣзаконныя, не могли подлежать компетенціи правильнаго суда, ибо прекаріи относятся по ту сторону права, а судъ можетъ имѣть дѣло лишь съ нарушеніемъ права и постановлять свои опредѣленія только о правѣ. Въ виду этого, всѣ имущественныя отношенія крестьянъ подчинены административному вѣдомству, во главѣ котораго стоятъ административные департаменты Сената. Конечно мы привыкли видѣть въ Сенатѣ твердый оплотъ закона и правды, но 2-ой департаментъ Сената, который вѣдалъ крестьянскія дѣла, въ основу своей дѣятельности положилъ не законъ и

право, а политику: онъ проводилъ все время аграрную политику. Эта скользкая почва привела высшее Имперское учрежденіе къ насажденію въ нашей деревнѣ полнѣйшей анархіи и лишь утвердило тотъ крестьянскій „обычай“, о которомъ мы говорили выше.

Мы привели выше 36 и 37 ст. Общаго Положенія; въ нихъ говорится о правѣ каждаго домохозяина требовать себѣ выдѣлъ изъ „общественной собственности“ участка, соразмѣрнаго съ долею его участія въ пріобрѣтеніи земли. 37 ст. прямо говоритъ, что это правило примѣняется и къ выкупленнымъ надѣламъ. Но Сенатъ, преслѣдуя свою аграрную политику, 37 статью конфисковалъ и положилъ подъ то зерцало, которое обязательно стоитъ передъ судьями въ Россійской Имперіи съ цѣлью имъ постоянно напоминать начертанныя на немъ слова Великаго Петра: „напрасно законы писать, если ихъ не исполнять“. Вѣроятно въ виду этого, кодификаторъ новаго изданія IX тома Св. Зак. изъ „стыдливости“ самовольно исключилъ эту статью изъ Общаго Положенія. Ст. 34 гласитъ, что сельское общество можетъ такъ-же, какъ и отдѣльные крестьяне, *на основаніи общихъ законовъ*, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества. Но Сенатъ опять конфисковалъ слова закона „на основаніи общихъ законовъ“ и разъяснилъ, что къ землямъ, пріобрѣтеннымъ обществомъ независимо отъ надѣла, примѣняются лишь правила общиннаго землепользованія, „если таковыя земли оставлены крестьянами въ общинномъ владѣніи“, о чемъ 34 ст. не говоритъ ни слова. Напротивъ 34 ст. узаконяетъ, что общество имѣетъ право раздѣлить купленную землю между домохозяевами или оставить ее въ общемъ владѣніи; объ „общинномъ“ въ законѣ нѣтъ и намека. Подобное толкованіе понадобилось Сенату именно въ видахъ аграрной политики,—чтобы признать и купчую землю крестьянъ неотчуждаемой и не подлежащей мобилизаціи между

крестьянами разныхъ селеній, иначе говоря аграрная политика Сената постоянно стремилась къ консолидаціи не крестьянскихъ дворовъ, а къ консолидаціи селеній—обществъ, т.-е. къ уничтоженію русскаго крестьянства и торжеству соціализма. Приведенное рѣшеніе Сената имѣетъ весьма важное практическое значеніе, и авторъ разъяснитъ это значеніе, примѣромъ изъ жизни. Вначалѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія къ нему обратились крестьяне съ просьбой помочь ихъ горю. Они купили обществомъ землю у своей помѣщицы, но ни одинъ нотаріусъ не совершалъ купчей, подъ разными предлогами, потому что крестьяне купили землю, сложившись, на *„души“*: одинъ покупалъ 10—15 душъ, другой 5, третій 2, четвертый 1, были и дробныя „души“ .Разспросивъ крестьянъ и уяснивъ себѣ дѣло, авторъ направилъ ихъ къ знакомому нотаріусу-юристу, бывшему товарищу автора по профессіи (присяжному повѣренному) и самъ поѣхалъ разъяснить ему полную законность сдѣлки. Купчая была совершена и утверждена старшимъ нотаріусомъ [1]). Впослѣдствіи оказалось, что крестьяне свободно владѣли своими „душами“, продавали ихъ, покупали и т. д. Хотя купчая была совершена на имя „общества“, но нѣкоторые крестьяне не участвовали въ сдѣлкѣ; вотъ почему важно было обозначить въ купчей имена покупателей и ихъ „души“. Многіе изъ неучаствовавшихъ въ купчей крестьянъ впослѣдствіи прикупили себѣ землицы у односельцевъ. Не трудно усмотрѣть, какую анархію создало толкованіе Сената въ земельныхъ отношеніяхъ крестьянъ, когда они покупали землю „обществомъ“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Сенатъ самъ пу-

---

[1]) Недоумѣніе заключалось въ томъ, что нотаріусы не признавали «душу» законнымъ терминомъ. Авторъ указалъ на данныя селеній, по которымъ земля принадлежитъ обществу *по ревизскимъ душамъ*. Если само правительство въ силу закона совершаетъ акты на «души», то не было причины отказывать въ этомъ крестьянамъ.

тался въ данномъ толкованіи относительно „неучаствовавшихъ“ въ покупкѣ земли, напримѣръ при содѣйствіи Крестьянскаго Банка.

Интересно, что Правительствующій Сенатъ призналъ, въ силу 36 ст. Общ. Полож., право каждаго сельскаго общества, въ случаѣ общаго владѣнія угодьями нѣсколькими обществами, требовать обязательнаго выдѣла изъ общей собственности соотвѣтствующей доли угодій, хотя 36 ст. говоритъ объ отдѣльныхъ домохозяевахъ, а не обществахъ. Итакъ 36 ст. Общ. Полож. получаетъ распространительное толкованіе, когда идетъ рѣчь объ обществахъ, но когда рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ домохозяевахъ, она получаетъ толкованіе вопреки буквальнаго и прямого смысла закона.

Проводя всѣми правдами и неправдами свою аграрную политику, Сенатъ закрѣплялъ селенія, консолидировалъ ихъ, упуская изъ виду самые существенные интересы крестьянскаго хозяйства. Между тѣмъ всѣ селенія нашихъ крестьянъ созданы искусственно вотчинной властью въ интересахъ вотчиннаго хозяйства, котораго нынѣ не существуетъ. Отсюда и произошла та растянутость и отдаленность полей, которыя составляютъ характерную черту русскихъ селеній и общиннаго землепользованія. Но подобная конфигурація земельной территоріи крестьянъ дѣлаетъ невозможнымъ веденіе какого-либо толковаго хозяйства. Уже не говоря объ интенсивной культурѣ, на отдаленныя пашни нельзя вывозить навозъ, а въ крупныхъ селеніяхъ невозможна и самая обработка ихъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія это зло растетъ, а не уменьшается, вслѣдствіе черезполосности пользованія. Вотъ почему всюду и вездѣ дальнія полосы крестьянскихъ полей никогда не удобряются и часто запускаются, по крайней мѣрѣ $^{1}/_{3}$ территоріи крестьянскаго землепользованія эксплоатируется съ убыткомъ или даже заросла всякой дрянью. А между тѣмъ мы плачемъ о крестьянскомъ малоземельѣ! На

это явное безобразіе въ крестьянскомъ землепользованіи существуютъ указанія и въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ; слѣдовало бы познакомить высшую власть съ нимъ на основаніи точнаго статистическаго матеріала. Только тогда будетъ ясно для высшей власти, что аграрная политика общиннаго землепользованія губитъ хозяйство крестьянъ и что на улучшеніе этого хозяйства, при подобной политикѣ, нечего разсчитывать. Ибо невозможно вывозить навозъ за 3—4 версты, уже не говоря о 15—20 верстахъ; невозможно ни полоть (напримѣръ просо), ни пропахивать, ни окучивать и пр. пр.—всѣ промежуточныя работы обходятся страшно дорого.

Увеличиваются межники, разрастаются сорныя травы, растетъ территорія песковъ, размываются овраги и т. д. и все это расхищеніе національной территоріи—результатъ консолидаціи селеній, а не дворовъ. Та же причина создаетъ тяжесть тягла, ибо искусственно переполняетъ одни селенія и искусственно же разрѣжаетъ другія.

Сенатъ посягнулъ и на главную ячейку крестьянства—семью-дворъ. Въ своихъ рѣшеніяхъ Сенатъ проводитъ чисто соціалистическій взглядъ на крестьянскій дворъ, какъ на рабочую коммуну, отрицая родительскую власть и наслѣдственное право у крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляя старшему рабочему автократическія права на имущества двора. Подобная точка зрѣнія главнаго толкователя всѣхъ крестьянскихъ личныхъ и имущественныхъ отношеній въ нашей деревнѣ разлагаетъ окончательно крестьянскую семью—толкованіе тѣмъ болѣе опасное, что еще недавно крестьяне, какъ холопы, никакими семейственными правами не пользовались.

Политика Сената по этому вопросу тоже вполнѣ согласуется съ господствующими тенденціями нашего интеллигентнаго общества. Извѣстно, что эти тенденціи привели къ измѣненію даже общаго законодательства семейнаго права въ Россіи. Разумѣется и тутъ играютъ на стрункѣ альтру-

изма и якобы нравственнаго міросозерцанія. Удочкою служатъ дѣти. Какъ можно называть дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, незаконными! Вѣдь это macula, положенная на невинныхъ: назовемъ ихъ „внѣбрачными“. Лицемѣры! Перемѣнили одно названіе, ясное и точное, на другое—неясное и неточное—накинули на свое лицо платочекъ, чтобы не видѣть зла. Бракъ—половой союзъ, основанный на законѣ, а потому прижитыя въ немъ дѣти—законныя; половая связь внѣ закона—не бракъ, а потому внѣбрачныя дѣти несомнѣнно незаконныя, никакими семейственными правами они не пользуются и не должны пользоваться; въ этомъ именно и заключается семейственное право. Но наша интеллигенція отрицаетъ бракъ какъ правовой институтъ; неудивительно, что она требуетъ „сравнять права“ законныхъ съ незаконными дѣтьми и съ этой цѣлью учинила подвохъ, исключивъ терминъ „незаконныя“. Оно и понятно: если рожденные внѣ брака не могутъ быть названы незаконными, то нѣтъ основанія рожденныхъ въ бракѣ называть законными, и если внѣбрачныя дѣти должны быть надѣлены семейственными правами, то рожденныя въ бракѣ тѣмъ самымъ лишаются семейственныхъ правъ. Къ чему-же морочить или лицемѣрить: бракъ отрицается въ самой его основѣ.

За что невинныя дѣти отвѣчаютъ за грѣхи ихъ родившихъ? За то, что они дѣти—это законъ природы, но и законъ нравственный. Только невинные искупаютъ грѣхъ и могутъ его искупить. Ничего ужаснаго тутъ нѣтъ. Macula на незаконныхъ кладется фактомъ, а не обществомъ. Если общество будетъ чѣмъ либо корить незаконныхъ, то оно поступитъ безстыдно и неделикатно. Незаконный по семейственному праву—субъектъ по гражданскимъ и общественнымъ отношеніямъ, а потому пользуется всѣми правами въ гражданскомъ оборотѣ и въ общественной жизни, но семейственныхъ правъ онъ не имѣетъ отъ своихъ родителей; семья не

подлежитъ регламентаціи общества; она самодержавна, а потому положительный законъ не можетъ измѣнить основъ семьи. Разложить семью положительнымъ законодательствомъ можно, но создать ее нельзя. Сентиментализмъ нашей интеллигенціи и не правомѣренъ, и безнравственъ.

Почти всѣ Комитеты возстаютъ противъ толкованій Сената и это дѣлаетъ имъ честь. Проводя своеобразную аграрную политику, Сенатъ постоянно отступалъ отъ велѣній закона и юридической логики. Такъ, желая дать своимъ опредѣленіямъ какую-нибудь основу, онъ призналъ сельскія общества „юридическими лицами“. Такъ какъ въ средѣ нашей интеллигенціи не мало юристовъ—поклонниковъ господствующихъ теченій, то нѣтъ ничего удивительнаго, если взглядъ Сената нашелъ отголосокъ и среди нихъ. Намъ приходилось читать учебники по гражданскому праву ученыхъ профессоровъ, въ которыхъ наши сельскія общества тоже признаются юридическими лицами. Къ счастью, юриспруденція точная наука и не допускаетъ софизмовъ. Вся мудрость ученыхъ и неученыхъ юристовъ заключается въ томъ, что они ссылаются на извѣстныя статьи Положеній, въ силу которыхъ обществамъ предоставляется выкупать надѣльную землю, пріобрѣтать недвижимое и движимое имущества, вступать въ обязательства и пр. Но развѣ всѣ эти права предоставлены обществамъ, какъ учрежденіямъ? Это нужно было доказать. Положенія, напротивъ, въ этомъ случаѣ не дѣлаютъ никакой разницы между товариществами и сельскими обществами. Наши сельскія общества *не* юридическія лица, такъ какъ лишены двухъ существенныхъ признаковъ учрежденій: организаціи и казны. Сельское общество не имѣетъ постояннаго, закономъ установленнаго органа: староста—полицейскій чинъ и можетъ дѣйствовать отъ имени общества лишь по его уполномочію; сходъ—само общество, а „universi cansentire non possunt“. Или наши юристы будутъ доказывать, что сходъ не общество, а „органъ“? Но это не-

возможно и несогласно съ закономъ, который прямо говоритъ, что сходъ собраніе всѣхъ домохозяевъ. Да такъ смотрятъ и сами крестьяне: сходъ и есть міръ или общество въ ихъ собственныхъ глазахъ. Вотъ почему очень часто сходъ или міръ самъ исполняетъ свои приговоры: такъ скопомъ и идутъ, скопомъ пашутъ, скопомъ исполняютъ „общественныя" обязанности, скопомъ и безобразничаютъ, скопомъ и пьянствуютъ. Ни одной черты юридическаго лица нѣтъ въ нашихъ сельскихъ обществахъ, какъ поземельныхъ и вообще имущественныхъ владѣльцевъ. Поэтому наши общества не имѣютъ казны; реальными, вещными владѣльцами „общественнаго" имущества являются опять-таки сами домохозяева. Когда „разбираютъ" общественный магазинъ, то каждый получаетъ свою долю—ту, которую онъ внесъ, и всѣ насилія властей заставить крестьянъ распредѣлять продовольственный и сѣменной капиталы на иныхъ основаніяхъ встрѣчали упорныя и непреоборимыя препятствія со стороны крестьянъ, слѣдовательно крестьяне лучше понимали юридическую природу своего „общества", чѣмъ наши юристы. Интересно, что недавно въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ были назначены дебаты на практическихъ занятіяхъ студентовъ по этому вопросу. Резолюція была такова: сельскія общества до отмѣны 165 ст. Полож. о выкупѣ не были юридическими лицами, а обществами, но послѣ этой отмѣны превратились въ учрежденія. Мы не можемъ съ этимъ согласиться. Неправильный законъ, противный юридической логикѣ, не можетъ измѣнить природу института.

„Начиная особенно съ 70-хъ годовъ", говорится въ Трудахъ мѣстныхъ Комитетовъ, въ крестьянскомъ землевладѣніи наблюдается значительная подвижность, выражающаяся въ уступкѣ и отчужденіи надѣльныхъ земель преимущественно односельцамъ—въ селеніяхъ, владѣющихъ на общинномъ началѣ, односельцамъ и стороннимъ лицамъ—въ селеніяхъ,

владѣющихъ землей по четвертному праву. Сдѣлки эти скрѣплялись многочисленными документами, выработанными юридической сельской практикой. Въ глазахъ населенія эти документы признавались неоспоримыми, свидѣтельствовались волостными правленіями или печатью сельскаго старосты и скрѣплялись подписью свидѣтелей. Всѣ эти сдѣлки носили названіе „купчихъ“. Вѣроятно эта „практика“ сельской жизни и побудила законодательную власть признать ихъ законность (Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 26 мая 1881 г.) при условіи ихъ явки въ волостномъ правленіи, но уже въ 1883 г. дѣйствіе этого закона было пріостановлено Высочайшимъ указомъ. Въ сущности не было и надобности въ подобномъ законѣ, ибо Положенія 19 февраля 1861 года прямо предоставили крестьянамъ право распоряженія надѣльной землей съ согласія міра до выкупа; послѣ-же выкупа права крестьянъ ничѣмъ не ограничены и подчинены общимъ нормамъ гражданскихъ законовъ. Но въ административномъ вѣдомствѣ, опекающемъ наше крестьянство, составился взглядъ, въ силу котораго всякій шагъ крестьянина въ гражданскомъ оборотѣ требуетъ особаго разрѣшенія законодательной власти. Отсюда естественно составилось у крестьянскихъ интеллигентныхъ начальствъ убѣжденіе, что незаконно то, что прямо не разрѣшено крестьянамъ—правило, прямо не согласное съ юридической логикой гражданскаго права.

Въ силу этого ложнаго взгляда и аграрной политики Сената, вполнѣ законные документы стали оспариваться, появились мошенническія продѣлки, и право и правда попирались на каждомъ шагу. Такъ воспитывали и воспитываютъ нашъ крестьянскій народъ тѣ, которые взяли его подъ свою опеку! Какъ бы съ цѣлью усилить зло, Сенатъ допустилъ еще одно извращеніе юридической логики и неправильное толкованіе дѣйствующаго закона. Положенія 19 февраля 1861 г. *дозволили* крестьянамъ руководиться мѣстными обычаями, осо-

бенно въ дѣлахъ наслѣдственныхъ. Сенатъ растолковалъ законъ такъ: крестьяне *обязаны* руководиться обычаями, которыхъ въ дѣйствительности и не существовало. На самомъ же дѣлѣ обычаи крестьянъ—нынѣ дѣйствующіе гражданскіе законы и во всѣхъ случаяхъ, когда волостные суды отступали отъ смысла этихъ законовъ можно было съ полной вѣроятностью утверждать, что дѣйствовалъ не обычай, а подкупъ, водка и т. п. Обычай! наши бюрократическіе „юристы" не потрудились разъяснить себѣ, что слѣдуетъ разумѣть въ данномъ случаѣ подъ „обычаемъ". Не всякій „обычай" можетъ служить правомѣрной нормой; бываютъ и дурные обычаи. Наши крестьяне утверждаютъ, что у нихъ одинъ обычай—водка! Они отрицаютъ существованіе у нихъ „обычаевъ", утверждая, что „у всякой бабы свой „обычай". Когда общественныя отношенія измѣняются, расширяется гражданскій оборотъ и прежнія старинныя нормы оказываются стѣснительными, создаются „обычаи", т. е. правовыя нормы, не освященныя положительнымъ закономъ, и судья, во имя права и справедливости обязанъ ихъ признать—онъ руководствуется обычаемъ. Но такъ именно создавались всѣ нормы права. Напримѣръ: маленькая римская община разрослась въ великій государственный союзъ, гражданскій оборотъ расширился, и прежнія формы переукрѣпленія имущества не соотвѣтствовали требованіямъ жизни: манципація замѣнилась традиціей. Но традиція не допускалась при переукрѣпленіи res mancipii, къ которымъ принадлежала италійская, провинціальная земельная собственность, считавшаяся „фиктивно" собственностью римскаго народа; къ нимъ же принадлежали рабы, скотъ. Всѣ эти вещи чаще всего переукрѣплялись, вопреки положительнаго закона, традиціей, а не манципаціей и „in jure cessio". Собственники этихъ вещей по традиціямъ являлись „незаконными" владѣльцами, чего римскій здравый умъ, чувство правомѣрности и государственный по-

рядокъ не могли допустить; отсюда возникъ интердиктъ и „exceptio rei venditae et traditae“. Судья—преторъ защищалъ правомѣрныхъ владѣльцевъ прежде всего властнымъ объявленіемъ: „vim fieri veto“! а затѣмъ особой формой процесса (actio Publiciana). Но у насъ не такъ. Вводя въ нашей деревнѣ политику, а не право, Сенатъ измѣнилъ формулу преторскаго прещенія и объявилъ свою формулу: „vim fieri jubeo“! И вотъ получаются слѣдующіе казусы. Въ пригородныхъ слободахъ города Курска — Казацкой, Стрѣлецкой и Ямской, въ виду особенной цѣнности земель, издавна происходила мобилизація ихъ; встрѣчаются сдѣлки по пріобрѣтенію земель 20-хъ и 30-хъ годовъ [1]). Владѣльцы усадебныхъ земель спокойно владѣли ими до 1890 года, но толкованія Сената „семейной“ крестьянской собственности надоумили мошенниковъ. Въ 1890 году къ одному изъ владѣльцевъ былъ предъявленъ „искъ“ наслѣдниками объ изъятіи усадебной земли изъ владѣнія пріобрѣтателя, провладѣвшаго землею 20 лѣтъ. „Искъ“ былъ основанъ на толкованіи Сената „семейной“ собственности у крестьянъ. Волостной судъ и уѣздный съѣздъ отвергли искъ, но губернское присутствіе, руководствуясь толкованіемъ Сената 110 ст. Великор. Полож., удовлетворило требованія истцовъ. Стоило только одному изъ наслѣдниковъ „возвратить свое мнимое право“ на проданную отцомъ усадьбу, какъ уже посыпались въ волостные суды иски, и въ результатѣ оказалось, что многіе владѣльцы были изгнаны изъ насиженныхъ гнѣздъ, были окончательно разорены, многочисленныя основанія (титулы!) владѣній усадебными землями окончательно подорваны и получилась полная правовая анархія—аграрная политика Сената достигла своей цѣли. „И вся практика судебно-административныхъ

---

[1]) Мы можемъ удостовѣрить, что подобныя сдѣлки всюду совершались въ пасадахъ въ 16—17 вв.

учрежденій“, говоритъ сводъ трудовъ комитетовъ, „полна аналогичными случаями“. Особенно возмутительны произволъ властей и примѣненіе ими мнимыхъ „обычаевъ“ у четвертныхъ крестьянъ, основы землепользованія коихъ, искусственно и насильственно установленныя правительствомъ, окончательно спутали ихъ земельныя отношенія. Крестьянка с. Вишнева просила Бѣловской волостной судъ изъять изъ владѣнія брата и ея племянника $7\frac{33}{100}$ четвертей земли какъ приданое ея умершей матери. Волостной судъ присудилъ истицѣ $^1/_2$ наслѣдственной земли и это рѣшеніе утверждено высшими инстанціями (административными). Во второмъ дѣлѣ другой крестьянкѣ того-же с. Вишнева волостной судъ присудилъ по тѣмъ же основаніямъ 4 четверти земли, но это рѣшеніе было отмѣнено высшими инстанціями на томъ основаніи, что въ с. Вишневѣ существуетъ будто бы обычай, по которому сестры при живыхъ братьяхъ не наслѣдуютъ въ материнскомъ имуществѣ. Такимъ образомъ получились два разнорѣчивыя рѣшенія по одному и тому же вопросу въ одномъ и томъ же селеніи въ силу примѣненія „обычнаго“ права. А между тѣмъ это „обычное“ право—чистѣйшая фантазія, ибо у четвертныхъ владѣльцевъ сестры искони наслѣдовали въ материнскомъ имуществѣ вмѣстѣ съ братьями на одинаковыхъ правахъ, что согласуется и съ нашимъ X томомъ гражд. зак. по отношенію губерній Малорос. (1133 ст. п. 5). „Намъ извѣстны случаи“, говорится въ Трудахъ мѣстныхъ Комитетовъ, „когда крестьяне на свои гроши, скопленные тяжелымъ трудомъ (!), а иногда и на занятые подъ огромные проценты, пріобрѣли до 1891 года у своихъ односельчанъ земельные участки, владѣемые на четвертномъ правѣ, всѣ условленныя деньги уплатили, обезпечивъ себя векселями и арендными договорами на 12 лѣтъ. Оформить же такія сдѣлки разсчитывали на торгахъ. Но „закономъ“ (!?) 1891 г. продажа съ торговъ четвертныхъ земель запрещена.

Результатомъ этого „закона“ явились мошенническіе иски: „продавцы и ихъ наслѣдники, забывъ правду (!), начали теребить покупщиковъ“, а волостные суды, руководствуясь циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ за 1891 г. № 41, вмѣнившимъ въ обязанность волостнымъ судамъ, при рѣшеніи дѣлъ, не стѣсняться, „никакими формальными“ требованіями закона (!!), постановляли „условныя“ рѣшенія, съ которыми губернское присутствіе сначала соглашалось, а, съ перемѣною своего состава, перестало соглашаться, и купленныя земли были „нещадно“ отобраны у владѣльцевъ. Покупщики совершенно разорились; трудовыя ихъ сбереженія пропали прахомъ! „Развѣ такой судъ въ глазахъ народа будетъ носителемъ правды и справедливости?“ спрашивалъ въ Комитетѣ уѣздный членъ Окружнаго Суда. „Нѣтъ“, отвѣтимъ мы отъ себя почтенному члену суда, но онъ не принялъ во вниманіе, что Сенату и высшему административному вѣдомству въ нашей деревнѣ не нужны ни право, ни справедливость, а лишь аграрная политика. Ѳ. Н. Плевако въ одномъ Комитетѣ свалилъ всю вину анархіи въ нашей деревнѣ на сельскаго „скрибу“, но мы видимъ, что „скриба“ тутъ ни причемъ.

Что же касается до удостовѣренныхъ массами примѣровъ въ Трудахъ Комитетовъ произвола и безсудія волостныхъ судовъ, то безпристрастный изслѣдователь долженъ принять во вниманіе, что эти суды, исполняя приказанія Сената и вообще высшаго начальства, руководились мѣстными обычаями, а главный мѣстный обычай по удостовѣренію самихъ крестьянъ—водка и вообще угощенія. Мы нисколько не шутимъ. Въ нашей деревнѣ угостить свидѣтелей требуется народной справедливостью: свидѣтель безпокоился для васъ, потерялъ время, можетъ быть, даже израсходовался,—какъ же его не угостить! Тѣ же соображенія прилагаются и къ „судьямъ“. Но угощенія, особенно водка, невольно перевѣшиваютъ вѣсы

правосудія, когда дѣла рѣшаются по усмотрѣнію, „по совѣсти“; вѣдь у всякаго человѣка своя совѣсть! Перевѣшиваетъ водка и добросовѣстность свидѣтеля. „Отдѣленные племянники просятъ признать ихъ наслѣдниками къ имуществу умершаго дяди ихъ—землѣ по четвертному праву. Волостнымъ судомъ въ ходатайствѣ отказано“, потому что во дворѣ дяди остается пріемышъ. „Одѣленный братъ ищетъ отъ другого брата половину усадьбы своего умершаго отца. Отказано. „Отдѣленный сынъ ищетъ усадьбу двора своего умершаго отца“. Отказано. Всѣ эти отказы свидѣльствуютъ, что аграрная политика правительства достигла цѣли, и населеніе воспріяло правительственный взглядъ на „семейное“ имущество двора. Ничуть не бывало!„ Отдѣленный братъ ищетъ часть земли по четвертному праву послѣ смерти своего брата, жившаго нераздѣльно съ третьимъ.“ Искъ удовлетворенъ. „Братъ предъявилъ искъ къ двумъ своимъ отдѣленнымъ братьямъ о землѣ, купленной ими на свое имя до семейнаго раздѣла“. Искъ удовлетворенъ. „Три отдѣленныхъ брата ищутъ по наслѣдству землю четвертного права, оставшуюся послѣ смерти ихъ троюродного дяди.“ Искъ удовлетворенъ.

Такъ какъ политика ничего не имѣетъ общаго въ гражданскихъ дѣлахъ съ правомъ, то не удивительно, если мѣстное начальство само, по произволу, установляло права и „законы“ для наслѣдственныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ. Такъ Нижегородское губернское присутствіе установило слѣдующіе „законы“ для крестьянъ: 1) подворное имущество (земля, строенія и инвентарь) принадлежитъ, безъ опредѣленія долей, всѣмъ членамъ семьи, безъ различія пола, живущимъ на одной усадьбѣ, какъ кровнымъ родственникамъ, такъ и вступившимъ въ семью пріемышамъ, зятьямъ и снохамъ; 2) домохозяинъ—отецъ—только распорядитель и управляющій; отчуждать имущество и завѣщать его онъ не имѣетъ права; 3) смерть домохозяина не открываетъ наслѣд-

ства, пока на усадьбѣ остается кто-либо изъ членовъ семьи, безъ различiя пола, какъ представитель „юридическаго собственника“—семьи. И такъ юристы административнаго вѣдомства, опекающаго наше крестьянство, признали крестьянскую семью „юридическихъ лицомъ“ [1]) Очень характерно! но какъ ни характерна эта „резолюцiя“ нашей бюрократiи, она не согласуется съ юридической логикой и правомъ. Семья—не юридическое лицо, а коммуна sui generis; въ гражданскомъ оборотѣ она фигурируетъ въ лицѣ домохозяина собственника, что нисколько не препятствуетъ прочимъ членамъ этой коммуны фигурировать въ оборотѣ лично, ибо въ христiанской семьѣ—члены семьи не alieni juris, какъ въ античной, языческой, а sui juris. Русскiй крестьянинъ—христiанинъ, какъ показываетъ и самое его народное названiе, а потому основы крестьянской семьи тѣ же, что и въ культурномъ христiанскомъ обществѣ. Эта основа—родительская власть, но доминирующая только внутри самой семьи; внѣ ея домохозяинъ представляетъ себя лично и вступаетъ въ оборотъ отъ своего имени, а вовсе не отъ имени „юридическаго лица“—сенатской и вообще административной выдумки. Но не трудно понять источники этой выдумки. И крестьянская семья—дворъ, какъ пресловутое „общество“, должны играть роль органовъ вотчинной власти правительства, а потому ихъ возводятъ въ степень „юридическихъ лицъ“—учрежденiй. Сдѣлать же это легко. При крѣпостномъ правѣ крестьяне, какъ холопы, никакими семейственными правами не пользовались, а потому, съ освобожденiемъ крестьянъ, крестьянское семейное право своего рода tabula rasa—пиши на ней, что хочешь! Это оказалось очень кстати для сенатской аграрной политики. Отсюда вытекаетъ и отрицанiе права совершать духовныя завѣщанiя, хотя объ этомъ въ Поло-

---

[1]) Къ сожалѣнiю, мы должны удостовѣрить, что таково „разъясненiе“ Общаго Собранiя Правительствующаго Сената.

женіяхъ нѣтъ и помину, но мы уже сказали, что административное начальство руководствуется своеобразнымъ воззрѣніемъ на гражданскія правоотношенія крестьянъ: „что прямо не разрѣшено закономъ для крестьянъ, то, значитъ, запрещено“.

Изъ всего изложеннаго нами не только юристъ, но и просто здравомыслящій человѣкъ долженъ признать, что никакого обычнаго права въ нашей деревнѣ не существуетъ; если же и существуютъ „обычаи“ въ деревняхъ, то подобные обычаи никакого отношенія къ праву не имѣютъ—это не правовые обычаи. Русская пословица говоритъ: „что городъ, то норовъ, что деревня — то обычай, а наши крестьяне къ этому прибавляютъ: „всякая баба имѣетъ свой обычай“. Не о такихъ „обычаяхъ“ говоритъ юриспруденція, признавая обычай источникомъ права. Однако, въ Комитетахъ нашлись и защитники „обычнаго права“ въ деревнѣ. „Приниженное и безправное положеніе крестьянъ при крѣпостномъ правѣ не только не могло служить препятствіемъ, по ихъ мнѣнію, къ образованію обычая, напротивъ, оно способствовало его составленію, оно (безправное положеніе крестьянъ?) было выраженіемъ народной совѣсти“ (!). Ссылаясь на романиста Пухта, члены Комитета утверждали, что въ существованіи обычая нельзя сомнѣваться. Противорѣчивыя показанія свидѣтелей ничего не доказываютъ: если обычая еще нѣтъ, то онъ можетъ образоваться. Обычай восполняетъ пробѣлы закона. Обычай—живой элементъ въ жизни народа, а потому судья долженъ руководствоваться обычнымъ правомъ, если не желаетъ обратиться въ автомата и т. п.

Намъ кажется, что членамъ Комитетовъ вовсе не слѣдовало касаться вопроса о значеніи обычнаго права въ жизни народа, такъ какъ они не компетентны въ этомъ вопросѣ, что видно уже изъ изложеннаго выше. Здѣсь все валится въ одну кучу: и обычное право, и обычный порядокъ въ

сдѣлкахъ (т. к. наз. Geschäftsgebrauch). Обычное право— главный, постоянный источникъ народнаго и вообще общественнаго правомѣрнаго самознанія. Никто изъ юристовъ никогда на него не посягалъ. Обычное право лежитъ и въ основаніяхъ нашего X тома Св. Зак. и только незнакомство большой публики съ исторіей русскаго права создало въ ней курьезное представленіе о нашихъ гражданскихъ законахъ, какъ объ искусственномъ законодательствѣ. Если X т. въ основныхъ положеніяхъ и многихъ другихъ повторяетъ положенія пандектнаго права (т. е. теоріи гражданскаго права), то это потому, что эти положенія общечеловѣческія.

Въ большой публикѣ и въ трудахъ Комитетовъ слышатся довольно часто жалобы на „недостатки" X тома Св. Зак. граж., но жалующія и не подозрѣваютъ, что эти недостатки прежде всего историческіе, созданные обычнымъ правомъ, потерявшимъ нынѣ свой смыслъ; редакціонные недостатки не представляютъ важности, такъ какъ исправляются творческой дѣятельностью суда. Конечно X т. плохъ и съ точки зрѣнія теоріи права, но большая публика весьма мало заинтересована въ красотѣ постройки правового матеріала, потому что не понимаетъ её.

Никакихъ обычныхъ нормъ нашъ крестьянскій народъ для гражданскихъ своихъ правоотношеній не выработалъ, потому что состоялъ на положеніи раба, т. е. не имѣлъ никакихъ правъ; онъ выработалъ только свои тягольныя отношенія и разработалъ ихъ такъ прекрасно, что интеллигентные люди и сейчасъ ими увлекаются и подпали мистификаціи.

Въ эти тягольныя отношенія и вложилъ нашъ крестьянскій народъ всю свою совѣсть, о которой говорилъ г. Стаховичъ въ Орловскомъ Комитетѣ, но тягло не право, а лишь холопская обязанность. Когда же наши крестьяне стали сознавать свои *права*, они почти съ буквальной точностью воспроизводили и воспроизводятъ нашъ X томъ, не имѣя о немъ

ни малѣйшаго понятія. Но какъ только узнаютъ отъ своего писаря о существованіи „закона“, заставляютъ его читать и немедленно примѣнять. X томъ занесенъ въ нашу деревню не „контрабандой“, а необходимостью и требованіемъ именно *народной совѣсти*. Мы лично убѣждались въ этомъ неоднократно. Русскій народъ въ деревнѣ *жаждетъ* закона, и нашъ X томъ пришелся ему какъ разъ понутру. Да и какъ же можетъ быть иначе; съ одной стороны—водка, а съ другой—X т. Зак. гражд.

Наши дѣйствующіе гражданскіе законы заключаютъ въ себѣ не мало узаконеній, несогласныхъ съ идеальными требованіями права, что объясняется ихъ историческимъ происхожденіемъ. Понятно, что подобныя узаконенія „навязывать“ народу, не практиковавшему никакихъ правъ болѣе двухъ столѣтій, не имѣетъ смысла и основаній, но онъ и не приметъ этихъ узаконеній. Съ другой стороны, не мало въ нашихъ гражданскихъ законахъ узаконеній, потерявшихъ свое значеніе въ нашемъ городскомъ обиходѣ, но примѣнимыхъ въ деревнѣ, напримѣръ узаконенія объ общей собственности (земельной и иной) или общемъ владѣніи, которое имѣетъ громадное значеніе какъ для владѣнія обществъ, такъ и для собственности подворной (семей—дворовъ). Наши законы по наслѣдственному праву устарѣли, но мы видѣли, что крестьяне примѣняютъ правила, установленныя X т. Зак. гражд. для малороссійскихъ губерній и это потому, что эти правила болѣе согласуются съ началами семейственнаго права, чѣмъ наши великороссійскія, вытекшія изъ помѣстнаго права и нынѣ потерявшія свой смыслъ. Мы не можемъ входить въ подробности и ограничимся изложеннымъ; во всякомъ случаѣ, если уже держаться политики по этому вопросу, то здравая политика была бы та, которая предоставила бы крестьянскому народу свободно примѣнять X т. Зак. гражд., во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда народная „совѣсть“

этого требуетъ. Иначе говоря, Сенату слѣдовало бы соотвѣтствующія статьи крестьянскихъ Положеній разъяснить такъ: въ дѣлахъ наслѣдственныхъ, имущественныхъ и по обязательствамъ, къ крестьянамъ примѣняются постановленія дѣйствующихъ законовъ гражданскихъ съ тѣми лишь измѣненіями, которыя, на основаніи Полож. о крестьян., требуются дѣйствующими мѣстными обычаями, получившими въ глазахъ населенія значеніе закона, если таковые обычаи не противорѣчатъ общему духу Россійскихъ законовъ, справедливости и нравственности. Дурные обычаи не должны быть терпимы, а тѣмъ болѣе служить основаніемъ для закона.

Впрочемъ члены Комитетовъ постоянно смѣшиваютъ гражданскіе законы, т. е. 1 ч. X т. Св. Зак., съ порядкомъ укрѣпленія правъ. Понятно, что тяжелая формальная сторона „укрѣпленія“ имущественныхъ правъ нашихъ законовъ не примѣнима къ крестьянскому обиходу, но никто этого не предлагаетъ; укрѣпленіе же правъ допускается нашими законами и болѣе простыми способами, которые уже давно проникли въ нашу деревню, постояно практикуются крестьянами и прямо предусмотрѣны Положеніями. Правительствующій Сенатъ ихъ отвергнулъ, въ видахъ аграрной политики, а не справедливости.

Относительно уголовныхъ законовъ, члены Комитетовъ возставали противъ различія видовъ репрессіи между волостными и общими судами, иначе говоря противъ особаго кодекса уголовной репрессіи для крестьянъ. Мы не можемъ съ этимъ согласиться. До тѣхъ поръ, пока крестьянинъ будетъ представлять межеумка между холопомъ и свободнымъ гражданиномъ, нельзя отмѣнить особыхъ видовъ уголовной репрессіи, установленныхъ Положеніями, нельзя отмѣнить и тѣлесныхъ наказаній. И поэтому вопросу интеллигенція только лицемѣритъ. Разъ законъ ограждаетъ имущественную отвѣтственность крестьянина отъ взысканій, разъ съ крестьянина

нечего взыскать, тюремное же заключеніе не примѣнимо,— остается примѣнить лишь тѣлесное наказаніе, какъ это было высказано еще въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Но мы должны сдѣлать весьма важную оговорку. Энергически возставали противъ тѣлесныхъ наказаній Комитеты югозападныхъ губерній, при чемъ приводили весьма серьезные доводы. Объясняется это тѣмъ, что въ этихъ губерніяхъ вопросъ назрѣлъ вполнѣ: съ югозападнаго крестьянина есть что взыскать и чувство человѣческаго достоинства въ немъ возвысилось, тѣлесныя наказанія здѣсь архаизмъ и отмѣна ихъ прямо необходима. Мы приведемъ одинъ извѣстный намъ случай, который какъ нельзя лучше подтвердитъ наше положеніе.

Одинъ крестьянинъ, бывшій старшина (!) былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію безъ всякаго суда. Волостной судъ былъ назначенъ уже послѣ наказанія, когда потерпѣвшій подалъ жалобу. Разумѣется старшина, виновникъ насилія, былъ преданъ суду и подвергся законной карѣ. Но потерпѣвшій не успокоился и продолжалъ подавать жалобы мировому посреднику. Когда посредникъ убѣждалъ потерпѣвшаго, что жалобы излишни, онъ отвѣчалъ указаніемъ на несмытый позоръ—на то, что со времени наказанія онъ стыдится показываться людямъ. Кончилось тѣмъ, что крестьянинъ отъ тоски сталъ сохнуть и умеръ. Кажется, этотъ фактъ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, какъ въ настоящее время иные крестьяне смотрятъ на тѣлесное наказаніе; при такомъ взглядѣ, сохраніе его немыслимо. Такимъ образомъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ—вопросъ времени. Крестьянина-собственника нельзя наказывать розгами; этотъ видъ наказаній допустимъ лишь для рабовъ, холоповъ и животныхъ.

Что же касается упраздненія волостныхъ судовъ, то мы позволимъ себѣ замѣтить, что волостные суды цѣнны потому, что они близки народу и разбираютъ дѣла по праздникамъ.

Въ волость сходить крестьянину обыкновенно ничего не стоитъ, а къ земскому начальнику или мировому судьѣ—далеко. Если же волостные суды очень плохи, то только потому, что въ деревнѣ царствуетъ анархія, потому то не только трудно, но и невозможно подчинить крестьянскія дѣла правильнымъ судамъ. Тамъ, гдѣ отрицаются имущественныя права въ самомъ корнѣ, какой можетъ быть судъ? Юристу тутъ нечего дѣлать; тутъ господствуетъ политика, а не право; бывали случаи, что волостные приговоры были справедливѣе Сенатскихъ рѣшеній. Но если правительство измѣнитъ свою аграрную политику или мудро рѣшится приступить къ регулированію земельныхъ отношеній крестьянъ и къ возстановленію въ нашей деревнѣ права и закона, то *временно* можно было бы установить слѣдующую организацію. Уменьшивъ компетенцію волостныхъ судовъ, подчинить ихъ мировымъ судьямъ какъ второй инстанціи и съѣздамъ мировыхъ судей какъ послѣдней инстанціи. Когда крестьянскіе дворы будутъ консолидированы, волостной судъ упразднится и вся его компетенція перейдетъ къ мировому суду.

Еще менѣе мы коснемся „общественныхъ“ крестьянскихъ учрежденій. Наши сельскія общества—не учрежденія, а потому не требуютъ никакой организаціи; достаточно и того, что значится въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г. Волостныя общества—эти истинныя общественныя учрежденія нашей деревни должны быть реформированы на прежнихъ основаніяхъ Общаго Положенія. Всѣ нареканія, возведенныя на волость, не справедливы; при существующихъ условіяхъ, она дѣлала, что могла. „Знатоки“ крестьянскаго вопроса утверждаютъ, что волость не оправдала мысли и ожиданій Редакціонныхъ Комиссій. Напротивъ, она вполнѣ ихъ оправдала. Несомнѣнно, волость обратилась въ органъ вотчинной власти правительства, но развѣ она въ этомъ виновата? Ей поручили функцію общественнаго управленія крестьянъ; это управленіе по су-

ществу своему вотчинное—волость превосходно это усвоила. Менѣе всего слѣдовало бы земской интеллигенціи порочить волость: да кто же исполняетъ всѣ затѣи земства, какъ не волость? Къ кому обращается земство во всѣхъ своихъ дѣлахъ, какъ не къ волости, и что бы стало дѣлать земство безъ волостного правленія—оно сѣло бы на мель. Еще лучше служитъ волость государству и всѣмъ его чинамъ. Но волость, говорятъ „знатоки" крестьянскаго вопроса, плохо исполняетъ функцію самоуправляющаго общественнаго органа; волость обратилась въ канцелярское правительственное (и скажемъ отъ себя—земское) учрежденіе. Совершенно вѣрно, но въ этомъ она нисколько не виновата. Вольно жъ нашей интеллигенціи фантазировать, что полу-холопъ можетъ имѣть или составлять самоуправляющее общественное учрежденіе! Волость—канцелярія правительства и земства—ихъ контора, но она цѣнна тѣмъ, что она мужицкая—представляетъ все-таки мужицкое учрежденіе, а не интеллигентное, а потому лучше понимаетъ интересы и бытовыя условія крестьянъ, чѣмъ правительственныя и земскія „организаціи". Составители Положеній прежде всего это имѣли въ виду: они желали между русской интеллигенціей и мужикомъ поставить мужицкое учрежденіе—и достигли цѣли. Возстановить истинное значеніе волости возможно лишь при двухъ условіяхъ: 1) консолидаціи крестьянскихъ дворовъ и 2) болѣе правильныхъ отношеній правительства и земства къ волостнымъ учрежденіямъ, разумѣется, съ возстановленіемъ правильной выборной системы въ волостные сходы. Всякіе проекты улучшить волостныя учрежденія безъ соблюденія этихъ двухъ условій—создадутъ бумажныя земскія единицы, а не реальныя.

Иначе думаетъ и иного желаетъ наша интеллигенція. Агитація въ пользу учрежденія „всесословной" мелкой земской единицы за послѣднее время достигла особой интенсивности. Изданы два тома трудовъ нашей интеллигенціи въ пользу

подобной реформы; въ Комитетахъ тоже ставили эту реформу во главу угла всѣхъ реформъ. Интеллигентный мандаринатъ не унываетъ и желаетъ окончательно завладѣть русскимъ народомъ. Когда рѣчь идетъ объ интеллигентномъ мандаринатѣ, то уже не возбуждается вопроса: полезно ли, возможно ли создавать искусственныя организаціи? Это какъ бы разумѣется само собою. Для кого же нужны эти мелкія земскія единицы? Если для крестьянъ,—то для нихъ существуютъ волости; если для внѣволостныхъ элементовъ, то они находятъ представительство въ уѣздныхъ земствахъ. Если же эти мелкія земскія единицы проектируются для интеллигентныхъ „волковъ", которые бродятъ по нашимъ деревнямъ, то едва ли высшее правительство въ этомъ важномъ вопросѣ позволитъ себѣ „снаивничать" и пустить волковъ въ стадо овецъ. Наше деревня нуждается прежде всего въ правомѣрномъ порядкѣ, о которомъ менѣе всего заботится наша интеллигенція; въ интеллигентной опричинѣ новой формаціи наша деревня не нуждается, какъ не нуждается въ ней и весь русскій народъ. Только возстановленіемъ нарушенныхъ гражданскихъ правъ крестьянъ и упроченіемъ крестьянства мы вольемъ въ наше земство новыя силы и новую жизнь.

VI.

Вопросъ объ организаціи крестьянства.

Труды мѣстныхъ Комитетовъ несомнѣнно доставили высшему Правительству богатый матеріалъ для рѣшенія вопроса объ организаціи русскаго крестьянства и подъема его производительныхъ силъ. Но въ трудахъ Комитетовъ не достаетъ центра, къ которому должны стремиться всѣ мѣропріятія государства и общества. Прочное, сильное крестьянство необходимо государству,—съ этимъ согласны всѣ Комитеты. Но что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ „крестьянства"? Для защитниковъ общины „крестьянство" и община—синонимы; съ ихъ точки зрѣнія общинный тяглецъ и есть крестьянинъ, поэтому всѣ ихъ мысли направлены къ тому, чтобы увеличить благосостояніе общинъ. Подъ крестьянскимъ хозяйствомъ они разумѣютъ общинное хозяйство, хотя наши крестьяне нигдѣ не ведутъ своего хозяйства общинами, а вездѣ ведутъ его дворами. Напротивъ, нашъ крестьянинъ ненавидитъ общинное хозяйство всѣми силами своей души: огульную работу сообща онъ называетъ сверхсильной—каторжной, или пустой работой, нехозяйственной. Это нисколько не мѣшаетъ нашему крестьянину соединяться въ артели, но при условіи раздѣла труда по силамъ каждаго артельщика. Въ дѣйствительности-же подъ крестьянствомъ слѣдуетъ разумѣть семейное хозяйство, хозяйство семьи—двора или, что тоже, хозяйство мелкаго собственника—земледѣльца. Таково

крестьянство у насъ, таково оно всюду во всѣхъ странахъ и во всѣ періоды человѣческаго развитія. Отсюда ясно, что мѣропріятія правительства и общества должны быть направлены къ подъему хозяйственной силы дворовъ—семействъ, а никакъ не „обществъ",—къ установленію условій или конъюнктуръ, благопріятныхъ хозяйству дворовъ, ведущихъ хозяйство, а не общинъ, никакого хозяйства не ведущихъ. Изложенное важно еще потому, что наши „сельскія общества" сложились не въ интересахъ крестьянства, не въ интересахъ дворовъ—семействъ, а въ интересахъ чуждаго имъ нынѣ элемента, и самое общинное землепользованіе, связывающее нынѣ наше крестьянство, образовалось не потому, что этого требовало хозяйство крестьянъ, а потому, что оно было удобно и нужно указанному элементу, нынѣ не существующему „Сельское общество" Положеній 19 февраля образовано изъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ помѣщика и въ силу этого связанныхъ выкупнымъ договоромъ и выданной, на основаніи этого договора, данной. Какъ-же водворялись крестьяне на землѣ помѣщика? Это „водвореніе" происходило разными путями, но ихъ землепользованіе было создано и обусловлено вотчиннымъ хозяйствомъ. До знаменательнаго дня 19 февраля 1861 г. крестьянскихъ хозяйствъ не существовало въ Россіи, а были вотчинныя хозяйства съ крестьянами, водворенными на вотчинной землѣ. Территорія этихъ хозяйствъ дѣлилась на двѣ половины: барщинную (мызную) и крестьянскую—мірскую (Bauerland). Трудились надъ той и другой крестьяне, но первая обработывалась исключительно въ пользу барина, а вторая—кормила крестьянъ. Такъ какъ хозяиномъ былъ помѣщикъ, то онъ распредѣлялъ поля и угодія такъ, какъ ему было удобно и выгодно, распредѣлялъ и самихъ трудящихся въ интересахъ своего хозяйства. Въ этихъ видахъ вотчинникъ сталъ „водворять" своихъ крестьянъ въ селенія—деревни, чтобы имѣть подъ рукою свою ра-

бочую силу, а поля располагалъ по трехпольной системѣ полеводства, которую велъ въ своемъ хозяйствѣ; лугъ, лѣсъ оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи помѣщика, господская земля располагалась поближе къ его усадьбѣ и селенію, а крестьянская обыкновенно тянулась длиннымъ полотномъ. Трудовую силу хозяинъ—помѣщикъ распредѣлялъ по тягламъ—вѣнцамъ, соединяя ихъ во дворы, и каждый дворъ имѣлъ свои полосы въ поляхъ. Но такъ какъ поля были растянуты и разныхъ качествъ, то равномѣрность „кормленія" трудовой силы потребовала ихъ дѣленія на жеребьи, коны, холмы, смѣны и т. п. Такъ образовалась дробность и черезполосица крестьянскихъ полей. У государственныхъ крестьянъ происходилъ также процессъ „водворенія" крестьянъ, но на иныхъ основаніяхъ, тоже тягловыхъ, но тягломъ назывался не вѣнецъ, а ревизская душа, и такъ какъ казна крупный вотчинникъ, то и селенія казенныхъ крестьянъ были очень крупныя, а поля, несмотря на лучшую для крестьянъ конфигурацію, еще дальше тянулись, во многихъ селеніяхъ до 20—30 верстъ.

Въ настоящее время, со дня 19 февраля 1861 г., вотчинныхъ хозяйствъ въ нашей деревнѣ на крестьянской землѣ не существуетъ, а конфигурація полей и прочія условія землепользованія остались прежнія, крѣпостныя—роковое противорѣчіе, совершенно не совмѣстимое со свободой и подворнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ.

Очевидно подобное „землепользованіе" не имѣло никакого отношенія къ хозяйству крестьянъ, создано было не въ ихъ интересахъ, а лишь въ интересахъ хозяина—вотчинника; у государственныхъ-же крестьянъ въ интересахъ управленія крестьянами и равномѣрнаго распредѣленія податей и повинностей, а такъ какъ всѣ повинности были натуральныя, то сосредоточеніе крестьянъ въ большія селенія имѣло свой смыслъ. Вотъ почему и въ наше время въ Сибири продол-

жается тотъ-же процессъ: правительство уничтожаетъ подворное хозяйство заимщиковъ, соединяя ихъ въ волости и общества—селенія и подчиняя общинному уравнительному землепользованію. Если софисты изслѣдователи, оффиціальные и неоффиціальные, позволяютъ себѣ утверждать, что въ Сибири нынѣ происходитъ „естественный“ процессъ „созиданія общины“, то лучшимъ средствомъ провѣрить правильность ихъ утвержденія была-бы слѣдующая мѣра: пусть правительство введетъ въ Сибири правило добровольнаго выкупа оброчной подати, распредѣливъ выкупъ подворно, безъ круговой поруки, по числу наличныхъ душъ двора съ правомъ (но не обязанностью) каждаго двора требовать консолидаціи его полевыхъ угодій,—и мы увидимъ, сохранится-ли общинное землепользованіе въ Сибири и будетъ ли оно продолжать „прогрессировать“. Признавать Zwangwirtschaft общиннаго землепользованія естественной конъюнктурой значитъ не только противорѣчить логикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть въ холопствѣ природное свойство человѣка. Отмѣна крѣпостного права должна была повести за собой, какъ необходимое слѣдствіе, консолидацію крестьянскихъ дворовъ. Какъ свободный, крестьянинъ становился домохозяиномъ, земледѣльцемъ — собственникомъ и, слѣдовательно, необходимо было поставить его въ такія условія, чтобы веденіе полевого хозяйства было возможно. Между тѣмъ отдаленность полей, черезполосица, принудительная обработка—однимъ словомъ все то, что составляло условія вотчиннаго хозяйства, являлось непреодолимыми препятствіями для крестьянскаго подворнаго хозяйства. Нѣтъ ничего удивительнаго, если это хозяйство не развилось, а экономическое положеніе крестьянства стало падать все ниже и ниже.

Правительство взяло крестьянъ подъ свою опеку; на немъ и лежитъ обязанность консолидировать крестьянскіе дворы. Противъ этой мѣры возражаютъ прежде всего указаніемъ на

громадные расходы, будто-бы необходимые при разверсткѣ угодій. Но если лифляндскіе дворяне нашли средства консолидировать дворы своихъ крестьянъ; если крестьяне сѣверо и югозападныхъ губерній разныхъ волостей находятъ средства разверстаться безъ всякой посторонней помощи, то неужели государство не найдетъ средствъ для той-же цѣли? Это совершенно невѣроятно. Мы думаемъ, что все, что истратитъ государство для этой цѣли, будетъ производительнѣе и, можетъ быть, меньше стоить, чѣмъ кормленіе народа во время голодовокъ, расходы по переселенію въ Сибирь и устройство переселенческихъ участковъ, ссуды переселенцамъ и проч.

Въ Германіи расходы по консолидаціи опредѣляются 6—90 марокъ на гектаръ, но сюда входятъ расходы по меліораціямъ. Едва-ли у насъ эти расходы превысятъ 3 р. съ десятины, что составитъ для 90.000.000 десят. крестьянскаго землепользованія 270.000.000 р. распредѣленныхъ на 10 лѣтъ или 27.000.000 въ годъ—сумма, не выходящая изъ предѣловъ возможнаго для государственнаго казначейства.

Разверстаніе по Нассауской системѣ, когда сводятся лишь полосы и уничтожается черезполосица пахатной земли, не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій и не требуетъ большихъ расходовъ. Дороже обходится хуторское разверстаніе такъ какъ соединено съ переносомъ строеній и вообще усадьбъ; тѣмъ болѣе правительству слѣдовало-бы притти на помощь населенію. Какъ ни желательно подобное разверстаніе всюду, какъ ни поучителенъ тотъ фактъ, что сѣверозападные крестьяне сами приступили къ такому разверстанію и совершили его превосходно,—оно не представляетъ необходимости для небольшихъ селеній, которыя составляютъ можетъ быть 60% всѣхъ селеній и владѣютъ 40% крестьянской земли. Но для 40% прочихъ крупныхъ селеній, подворное хуторское разселеніе необходимо, ибо нельзя не только уна-

важивать, но и пахать и собирать свой хлѣбъ за 20 верстъ; все равно, рано или поздно, правительству придется прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Замѣтимъ, что консолидація крестьянскихъ дворовъ въ Германіи сразу произвела невѣроятный подъемъ крестьянскаго хозяйства. Цѣнность крестьянскихъ консолидированныхъ владѣній поднялась неимовѣрно.

Консолидація крестьянскихъ дворовъ для подворной Россіи еще важнѣе, чѣмъ для общинной, особенно въ Малороссіи съ ея безобразными „смѣнами" и толоками. Мы нисколько не отрицаемъ, что подворно-наслѣдственное владѣніе ближе къ идеалу крестьянства, чѣмъ общинное, что подворники богаче общинниковъ и т. д., но для интенсификаціи земледѣліе общее подворно-наслѣдственное землевладѣніе крестьянъ Польши, юго—сѣверозападныхъ и въ особенности четвертныхъ, какъ и великороссійскихъ ревизскихъ представляетъ почти тѣ же затрудненія и препятствія какъ и общинное и по той-же самой причинѣ, связывая домохозяевъ въ общинный клубокъ, не имѣющій никакого хозяйственнаго смысла. Но во всякомъ случаѣ государство обязано охранить „подворниковъ" отъ насилія „общинниковъ", особенно въ селеніяхъ душево-четвертныхъ. Мы позволимъ себѣ выразить твердую надежду, что труды Комитетовъ окончательно убѣдили высшее правительство въ томъ, что о возстановленіи общинно-уравнительныхъ порядковъ тамъ, гдѣ они прекратили свое существованіе, или введеніи ихъ тамъ, гдѣ они никогда не имѣли мѣста, не должно быть и рѣчи. Неужели все то, что было высказано въ трудахъ Комитетовъ по этому вопросу,—всѣ факты, приведенные въ этихъ трудахъ, взятые прямо изъ жизни, недостаточны, чтобы убѣдить въ ложности той аграрной политики, которой мы до сихъ поръ слѣдовали?

Г. Туганъ-Барановскій въ своемъ докладѣ въ Лохвицкомъ Комитетѣ осмѣлился пустить инсинуацію, будто подворники

хозяйничають не лучше великороссійскихъ общинниковъ. Чтобы покончить съ этими ложными и голословными утвержденіями, приведемъ выдержку изъ доклада Хорольскаго Комитета (Полтавской губерніи). Составъ этого Комитета тоже интеллигентный, но болѣе земледѣльческій и хозяйственный (три агронома—остальные землевладѣльцы—хозяева, исключая городского головы и исправника). Комитетъ начинаетъ свой докладъ о главнѣйшихъ нуждахъ мелкаго хозяйства опроверженіемъ общераспространеннаго мнѣнія о „регрессѣ“ крестьянскаго хозяйства. Указавъ на тотъ фактъ, что въ Хорольскомъ уѣздѣ цѣнность земли съ начала шестидесятыхъ годовъ возросла на 800—1000%, мѣстный инвентарь измѣнился такъ, что крестьянинъ пашетъ нынѣ сакковскими плугами (!), о которыхъ прежде не имѣлъ и понятія, обзаводится фургонами, соломорѣзками, рядовыми сѣялками, жнеями, конными граблями (!!) и проч., что рабочіе получаютъ нынѣ на хозяйскихъ харчахъ 60—70 руб. вмѣсто прежнихъ 40 руб.—докладъ приходитъ къ заключенію, что хозяйство поселянъ въ цѣломъ далеко не наканунѣ крушенія, иначе приходится допустить, что гдѣ-то въ сторонѣ имѣется неизсякаемый источникъ средствъ, позволяющій казакамъ и крестьянамъ въ продолженіе десятковъ лѣтъ, вопреки очевидности, вкладывать въ землю свой трудъ и капиталъ съ непонятнымъ упорствомъ, вѣроятно по „неграмотности“ (sic), не заботясь объ извлеченіи изъ нея дохода. Указавъ затѣмъ, что *средняя* урожайность въ Хорольскомъ уѣздѣ такая-же, какъ и въ другихъ уѣздахъ и что вообще Полтавская губернія перенаселена (65 человѣкъ на кв. версту), что восточныя и центральныя губерніи лучше обезпечены землей и заработками, Комитетъ ставитъ вопросъ: почему восточныя и центральныя губерніи постоянно страдаютъ голодовками и требуютъ чрезвычайной помощи отъ правительства, земства и даже частной милости для прокормленія населенія и поддержанія его хозяйства, а Хорольскій

уѣздъ пользуется репутаціей большой исправности въ продовольственномъ и податномъ отношеніяхъ. Отвѣтъ доклада очень характерный: если лучшее въ хозяйственномъ отношеніи состояніе Полтавской губерніи сравнительно съ другими черноземными губерніями возбуждаетъ въ насъ недоумѣніе, то это объясняется тѣмъ, что мы за хозяйствомъ позабыли вдохновителя его—хозяина съ присущими ему: аграрной системой, бытовымъ укладомъ, склонностями и пр., далеко неодинаковыми въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Затѣмъ докладъ приводитъ слѣдующую табличку недоимочности въ 1898 г. крестьянскаго населенія по губерніямъ (въ % къ годовому окладу):

Полтавская 0,4%.

Тамбовская..133%	Пензинская..222%	Оренбургская..277%
Саратовская.162%	Тульская....224%	Самарская.....363%
Рязанская...170%	Орловская...267%	Уфимская.....397%
Воронежская.125%	Симбирская..277%	Казанская.....418%

При невѣроятномъ малоземельѣ крестьянъ Полтавской губерніи (5,2 дес. на дворъ), экстенсивной формѣ хозяйства и отсутствіи промысловыхъ заработковъ, сравнительную исправность крестьянскихъ хозяйствъ этой губерніи, по словамъ доклада, слѣдуетъ объяснить исключительно формой землепользованія (наслѣдственной). „Поборники общины упорно не хотятъ видѣть дѣйствительности въ томъ видѣ, какъ она есть, предпочитая наблюдать ее сквозь призму своихъ желаній. Для нихъ не убѣдителенъ тотъ фактъ, „что въ то время, когда общинная Россія періодически голодаетъ, а въ остальное время не умѣетъ запастись всѣмъ нужнымъ на черный день, подворная Россія, если и не процвѣтаетъ, то, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ Малороссіи, юго- и сѣверозападныхъ губерній не проявляетъ тенденціи совсѣмъ перебраться на казенный паекъ“.—Еще нагляднѣе другой примѣръ. Южно-русскіе

нѣмцы (колонисты) строго держатся подворнаго владѣнія, а приволжскіе—перешли къ общинному. Южно-русскіе нѣмцы богатѣютъ и удесятерили площадь своего владѣнія; приволжскіе, несмотря на просторъ и богатыя условія края, несмотря на поголовную грамотность, въ которой нынѣ видятъ у насъ панацею (sic), обѣднѣли, нравственно опустились (кражи, неизвѣстныя у южныхъ нѣмцевъ, здѣсь обычное явленіе и т. п.) и по положенію своихъ хозяйствъ ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ общинниковъ, при чемъ диференціація у нихъ гораздо сильнѣе развита, чѣмъ у подворниковъ [1]).

Указывая на измельчаніе крестьянскихъ хозяйствъ Полтавской губерніи, докладъ настаиваетъ на необходимость усилить переселенія изъ губерніи и новаго межеванія. Ни съ той, ни съ другой мѣрой согласиться нельзя. Относительно переселеній мы выскажемся въ особой главѣ, посвященной этому предмету, ложная же система межеванія въ малороссійскихъ губерніяхъ тѣмъ болѣе требуетъ энергическихъ мѣръ къ консолидаціи крестьянскихъ дворовъ, отсутствіе которой и составляетъ главное зло подворнаго владѣнія въ Малороссіи.

Отмѣтимъ, что измельчаніе крестьянскихъ дворовъ въ Малороссіи вовсе не таково, какъ полагаетъ Хорольскій Комитетъ. Комитетъ приводитъ среднія цыфры владѣній двора, но среднія цыфры—фикціи, ничего не доказывающія. Въ Малороссіи много „подворниковъ“—огородниковъ, владѣющихъ лишь усадьбой; присоединяя ихъ къ земледѣльческимъ зерновымъ хозяйствамъ, Хорольскій Комитетъ уменьшаетъ среднюю цифру владѣній этихъ хозяйствъ. Въ трудахъ Данковскаго Комитета имѣется докладъ г. Воскресенскаго о причинахъ „малоземелья“ крестьянскихъ дворовъ. Авторъ совершенно справедливо указываетъ, что причиною „малоземелья“

[1]) Замѣчаніе это безусловно вѣрно. Мы имѣемъ фактическія доказательства этого факта.

является общинное землепользованіе, при которомъ, съ увеличеніемъ населенія, дробится общинная территорія и естественно приходитъ къ малоземелью. Но онъ-же указываетъ и на другую причину „дробленія" земли—семейные раздѣлы, причемъ утверждаетъ, что семейные раздѣлы происходятъ и при ревизской разверсткѣ, т. е. въ обществахъ, не производящихъ общихъ передѣловъ. Это несправедливо: при ревизской разверсткѣ, семейные раздѣлы происходятъ обыкновенно послѣ смерти родителей и притомъ далеко не всегда. Такимъ образомъ, при общинномъ землепользованіи, двѣ причины малоземелья дворовъ: общіе передѣлы и частные—семейные раздѣлы при жизни родителей. При ревизской разверсткѣ первой причины не существуетъ, вторая-же можетъ быть и не быть. Ясно, что малоземелье при ревизской разверсткѣ наступитъ гораздо позже, чѣмъ при общинномъ землепользованіи съ передѣлами. И жизнь вполнѣ подтверждаетъ наше положеніе. Такъ оказывается, что у „ревизскихъ" дворы „крупнѣе", чѣмъ у „наличныхъ" по даннымъ, собраннымъ земской статистикой. Къ сожалѣнію данныя земской статистики по этому вопросу очень скудны, потому что земскіе статистики весьма мало имъ интересовались. А между тѣмъ они имѣли въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ великолѣпный матеріалъ для разъясненія этого вопроса—четвертныя владѣнія крестьянъ. Четвертные крестьяне никогда не производили общихъ передѣловъ, слѣдовательно, изслѣдуя ихъ „землепользованіе", мы могли-бы разъяснить этотъ важный для крестьянскаго хозяйства вопросъ съ полной точностью. По статистическимъ даннымъ Рязанской губерніи оказалось, что четвертные дворы значительно крупнѣе „душевыхъ". Относительно прочихъ губерній, гдѣ сохранились четвертные крестьяне, мы можемъ привести лишь табличку по Темниковскому уѣзду, характерную во многихъ отношеніяхъ:

Группы домохозяевъ.	Дворовъ.	Душъ м. п.	Земли на дворъ.	Земли на душу.
I—менѣе 1 десятины на дворъ.	23	46	0,5	0,23
II—отъ 1 до 5 дес...........	631	1878	2,8	0,9
III— „ 6 „ 10 „	383	1251	7,8	2,7
IV— „ 11 „ 20 „	213	797	14,1	3,8
V—болѣе 20 дес.............	49	200	27,0	6,6
	1299	4172	7,0	2,2 [2])

Интересно, что статистикъ, приводя эту табличку, страшно ламентируетъ противъ „вопіющей“ неравномѣрности распредѣленія земли между отдѣльными домохозяевами. Посмотримъ, насколько справедливы эти „ламентаціи“, распредѣливъ мужскія души по дворамъ категорій, чего не потрудился сдѣлать статистикъ:

оказывается въ I группѣ 2 души
„ II „ 2,976
„ III „ 3,268
„ VI „ 3,836
„ V „ 4,089, т. е. количество

душъ увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ земельнаго обезпеченія дворовъ. Но этотъ фактъ выразится еще яснѣе и ярче, если мы примемъ въ соображеніе оба пола, т. е. „рты“, о которыхъ статистикъ совершенно забылъ, составляя свою табличку. Теперь посмотримъ, какія измѣненія произойдутъ, если мы распредѣлимъ „уравнительно“ землю по дворамъ по числу наличныхъ душъ (м. п.). Приблизительно размѣры дворовъ оказались-бы:

---

[2]) Мы съ буквальной точностью воспроизводимъ табличку статистика, хотя итогъ средней цифры количества земли на дворъ по группамъ не вѣренъ.

въ I группѣ...... 2 десятины
„ II „ ...... 5 „
„ III „ ...... 7,6 „
„ VI „ ...... 8,5 „
„ V „ ...... 8,9, т. е. произошло значительное измельчаніе дворовъ и ихъ кормовой—трудовой площади и въ результатѣ—полное обнищаніе всего селенія. Если группу, владѣющую 7,8 дес. на дворъ признать за ту, которая съ трудомъ „прокармливается“, то мы получимъ при „уравнительномъ“ землепользованіи 3,175 душъ „голодныхъ“, тогда какъ при четвертномъ землепользованіи ихъ оказывается только 1,924 души. Если мы обозначимъ дворы, владѣющіе 12 дес. достаточными, дающими извѣстный избытокъ, то при уравнительномъ землепользованіи таковыхъ не окажется вовсе, при четвертномъ—же владѣніи ихъ имѣется на лицо 262 съ 997 душами. Какое-же землепользованіе выгоднѣе „обществу“, т. е. большинству домохозяевъ? Интересно, что самъ статистикъ признаетъ послѣдній фактъ и приходитъ въ азартъ и отчаяніе. Вотъ его слова: „средняя группа, дающая здѣсь около 30% и какъ извѣстно играющая всегда громадную роль при переходахъ (изъ четвертныхъ къ „душевымъ“), имѣетъ нынѣ земли больше на душу, чѣмъ будетъ имѣть по раздѣлу всей земли уравнительно по душамъ: нынѣ у нихъ по 2,7 десятинъ на душу, а послѣ перехода будетъ всего по 2,2 дес. Подворно-наслѣдственное землепользованіе четвертныхъ оказывается выгоднѣе большинству домохозяевъ, т. е. сѣльскому обществу, чѣмъ уравнительное душевое, но это-то и раздражаетъ изслѣдователя. Vivat communa—et pereat россійское крестьянство! Таковъ лозунгъ нашей интеллигенціи. Мы не можемъ присоединиться къ этому лозунгу и провозглашаемъ обратный: необходимо ликвидировать вредную для крестьянства крѣпостную общину и создать въ Россіи прочное, многочисленное и сильное крестьянство. Это необходимо въ инте-

ресахъ государственныхъ, экономическихъ и отчасти этическихъ.

Но положеніе четвертныхъ и другихъ „подворниковъ“ Россійской Имперіи было-бы несравненно выше въ экономическомъ отношеніи, если-бы дворы ихъ были консолидированы и господствовала полная мобилизація земли. Въ настоящее время селенія въ Имперіи закрѣпощены въ общины, а потому домохозяева лишены возможности увеличивать земельный размѣръ своихъ домохозяйствъ, по мѣрѣ увеличенія своихъ хозяйственныхъ силъ и прежде всего рабочихъ, иначе, какъ за счетъ своихъ односельчанъ, причемъ „сильные“ разумѣется обезземеливаютъ слабыхъ, а иногда и среднихъ—некуда податься сильнымъ; между тѣмъ возлѣ, въ сосѣднемъ селеніи могутъ быть пустыри за неимѣніемъ рабочихъ рукъ. Распространите это явленіе на всю Россію и вы поймете все зло общиннаго землепользованія. Масса земли пропадаетъ въ межникахъ, но несравненно больше пропадаетъ земли въ пустующихъ полосахъ, которыхъ не мало въ каждомъ селеніи. Къ сожалѣнію земская статистика не потрудилась этотъ фактъ зарегистровать, даже не освѣтила его. Но соберите всѣ эти пустующія полосы вкупѣ и задайте себѣ вопросъ: сколько прочно обезпеченныхъ крестьянскихъ дворовъ можно было-бы создать изъ этихъ пустующихъ полосъ по всей территоріи крестьянскаго землепользованія, и вы невольно убѣдитесь, какое зло для крестьянства таится въ общинномъ землепользованіи [1]). Но это еще не все. Цѣлая треть территоріи общинъ

---

[1]) Въ докладѣ Рязанскаго уѣзднаго комитета имѣется слѣдующее сообщеніе:

Въ настоящее время въ деревняхъ Рязанскаго уѣзда въ лѣтнее время остаются одни неспособные къ работѣ на промыслахъ мужчины и женщины, все же остальное мужское населеніе и большая часть женскаго стремится изъ деревни отъ земледѣлія на всякія прочія работы. Сплошь да рядомъ крестьяне совершенно переселяются на жительство со всѣми семья-

пустуетъ подъ парами; съ консолидаціей дворовъ вся эта треть многомилліонной площади крестьянской земли обратится въ кормовую площадь—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго

ми въ мѣстности, гдѣ имѣютъ постоянные заработки. Оставленные же ими душевые надѣлы, выпаханные и доведенные до безплодія, бросаются на произволъ судьбы безъ обработки (sic!), залогомъ, при чемъ хозяева ихъ, обязанные пользоваться этими землями какъ надѣломъ и обязанные платить подати и сборы, платятъ ихъ. Такъ, въ Рязанскомъ уѣздѣ, въ с. Стафурловѣ, до 50% домохозяевъ съ семьями давно уже бросили свои надѣлы на произволъ судьбы, такъ какъ общество не принимаетъ таковыхъ отъ нихъ обратно, а сами они живутъ въ разныхъ городахъ Россійской Имперіи. Часть этихъ домохозяевъ уплачиваетъ за свои лежащіе впустѣ душевые надѣлы подати и сборы добровольно, а за часть брошенныхъ надѣловъ, хозяева коихъ неизвѣстно гдѣ проживаютъ, подати и сборы уплачиваетъ общество, которое, конечно, въ лицѣ оставшихся домохозяевъ еще болѣе обременяется при такихъ обстоятельствахъ разверсткой податей и сборовъ, вслѣдствіе круговой поруки. У большинства упомянутыхъ выше 50 домохозяевъ имѣются собственныя «купчія» земли, вблизи же ихъ надѣльныхъ земель расположенныя, но не брошенныя на произволъ судьбы, а сдающіяся въ аренду своимъ же однообщественникамъ, по расчету до 10 руб. за десятину въ кругъ".

„Такимъ же образомъ исчезла совершенно деревня той же Екимовской волости—Койдаково и Востросаблина, отъ двухъ обществъ которой осталась одна изба, да и то заколоченная, да одинъ домохозяинъ, переселившійся на собственную землю. Такимъ образомъ, эта деревня существуетъ *лишь на бумагѣ* въ номенклатурѣ деревень Рязанскаго уѣзда, всѣ же домохозяева этой деревни разбрелись со своими семьями въ разныя стороны Россійской Имперіи. Нѣкоторые изъ нихъ надѣльную свою землю сдаютъ въ аренду крестьянамъ сосѣднихъ деревень, а нѣкоторые бросили ее залежью". Итакъ вотъ къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ система консолидаціи селеній—общинъ, а не дворовъ; вотъ къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ общинное землепользованіе, мнимый бытовой институтъ русскаго народа! Территорія крестьянскаго землевладѣнія, рано или поздно, обратится въ бумажныя общины, бумажныя села и деревни, а истинное крестьянство будетъ подавлено и уничтожено. Къ этому мы идемъ. Чтобы сказалъ нынѣ Ю. Ѳ. Самаринъ, увидавъ подобную бумажную эволюцію русской общины»?

сомнѣнія. Сколько-же теряетъ русская нація, русское крестьянство отъ общиннаго землепользованія? Всѣ эти вопросы вовсе не интересуютъ нашихъ интеллигентныхъ „уравнителей", ибо благосостояніе крестьянства для нихъ безразлично. Скажемъ болѣе: благосостояніе крестьянъ имъ не желательно и даже вредно съ ихъ точки зрѣнія. Мы нисколько не шутимъ. Г. Качаровскій въ своей книгѣ „Что такое община" разсуждаетъ такъ: если-бы оказалось, что только часть русскихъ крестьянъ бѣднѣетъ, а другая богатѣетъ, то общинѣ—конецъ, она погибнетъ; но такъ какъ изслѣдованія, по его мнѣнію, свидѣтельствуютъ, что весь крестьянскій народъ превращается въ пролетаріевъ, то авторъ кричитъ; „ура"! живъ курилка: община спасена! Для русской интеллигенціи Россія какъ нація—„позоръ" Европы, а потому чѣмъ скорѣе она рухнетъ, тѣмъ лучше!

Защитники уравнительнаго землепользованія во главу угла своей защиты ставятъ положеніе, будто „община" охраняетъ крестьянъ отъ пролетаріата. Мы утверждаемъ, что „община" создаетъ крестьянскій пролетаріатъ. Она создаетъ его тѣмъ, что дробитъ до безконечности землю крестьянъ,—препятствуетъ интенсификаціи земледѣлія и тѣмъ искусственно создаетъ „малоземелье", закрываетъ выходъ домохозяевамъ изъ селенія и, закрѣпляя территорію его, создаетъ пустыри, запольнія земли, выпаханныя полосы и пр.; но она создаетъ сельскій пролетаріатъ преимущественно тѣмъ уравнительнымъ процессомъ, который, періодически обрѣзая лучшихъ пахарей, разоряетъ ихъ и послѣдовательно низводитъ всѣхъ крестьянъ селенія къ нищенству. Объ этомъ мы говорили въ нашемъ трудѣ „Вопросъ объ общинѣ и уравнительномъ землепользованіи" на стр. 186 и привели фактическія доказательства подобнаго рокового для крестьянства слѣдствія уравнительнаго процесса. Только врагъ Россіи можетъ сознательно поддерживать подобное нелѣпое землепользованіе, и мы видѣ-

ли, что враги русскаго народа и поддерживаютъ его всѣми средствами: софизмами, ложными свидѣтельствами, застращиваніемъ правительства и волчьимъ пріемомъ,—надѣвая на себя шкуру овцы.

Большинство комитетовъ высказалось за охрану крестьянства на Руси—противъ общины и въ этомъ мы видимъ признакъ, что большинство русской интеллигенціи нынѣ не желаетъ болѣе итти за своими „вожаками", бывшими шестидесятниками и ихъ питомцами. Признаковъ оздоровленія нашей интеллигенціи не мало. Особенно утѣшительно стремленіе нашихъ земствъ принять участіе въ бѣдствіи, постигшемъ русскій народъ. Нѣкоторыми лицами это поставлено земствамъ въ вину, при чемъ приведены довольно жалкіе софизмы. Земства, говорятъ, не имѣютъ права тратить деньги плательщиковъ на войну. Почему такъ? Деньги земской казны принадлежатъ земскимъ общественнымъ учрежденіямъ, а потому пожертвованія земствъ вполнѣ корректны и правомѣрны. Конечно земства должны отдать отчетъ своимъ плательщикамъ въ этихъ жертвахъ, но развѣ можетъ быть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что плательщики почти единогласно одобрятъ эти жертвы? Земства, говорятъ далѣе, желаютъ „оправдать" себя передъ правительствомъ. Что-жъ, это очень хорошо; но мы думаемъ, что земства желаютъ оправдать себя передъ русскимъ народомъ. И дай Богъ, чтобы они себя оправдали передъ нимъ. Нынѣшняя война—экзаменъ земству, какъ война 1877—78 г. была экзаменомъ для нашей арміи въ новомъ ея составѣ. Отъ всей души желаемъ, чтобы наши земства выдержали свой экзаменъ такъ-же блестяще, какъ выдержала его наша славная армія въ прошлую восточную войну.

Но не мало въ Трудахъ комитетовъ и диссонансовъ, не мало было подано голосовъ противъ консолидаціи Крестьянскихъ дворовъ. Напримѣръ, въ Трудахъ того-же Раненбургскаго Комитета встрѣчаемъ такое мнѣніе: „Принятіе какихъ-

либо мѣръ въ этомъ направленіи не вызывается необходимостью. Крестьяне отлично сознаютъ неудобства черезполоснаго владѣнія и удаленія отъ своей пашни, и если ничего не дѣлаютъ, чтобы ихъ избѣгнуть, то лишь вслѣдствіе того, что сіи неудобства искупаются существенными выгодами. Такъ, напримѣръ, повсемѣстно крестьянскія поселенія расположены на берегахъ рѣки (!), ручья или пруда, и выселеніе части дворовъ въ иное мѣсто удалило-бы ихъ отъ воды, что для нихъ неудобно. Принадлежащій каждому крестьянину надѣлъ находится въ трехъ отдѣльныхъ поляхъ, соотвѣтственно принятой у нихъ трехпольной системѣ хозяйства. Это имѣетъ для нихъ ту выгоду, что паровое поле или жнивы является однимъ сплошнымъ полотномъ, могущимъ служить удобнымъ выпасомъ для мірского стада. Смежное-же, не пересѣкаемое паромъ, расположеніе всѣхъ отдѣльныхъ посѣвныхъ участковъ служитъ значительной гарантіей противъ потравъ, такъ какъ каждый домохозяинъ заинтересованъ въ охранѣ засѣянной площади. Наконецъ еще, черезполосностью пользованія въ высшей степени обезпечивается равноцѣнность отдѣльныхъ надѣловъ такъ какъ обыкновенно при передѣлахъ сначала дѣлится самая лучшая земля, потомъ похуже и, наконецъ, самая худшая.

Таковы разсужденія члена Раненбургскаго Комитета, именующагося землевладѣльцемъ Раненбургскаго уѣзда. Послѣднему трудно вѣрить, такъ какъ членъ Комитета говоритъ о Раненбургскомъ уѣздѣ, какъ будто рѣчь идетъ объ Америкѣ, Сандвичевыхъ островахъ и пр., о которыхъ русскій человѣкъ можетъ имѣть самыя превратныя представленія. Не только въ Раненбургскомъ, но и въ другихъ уѣздахъ Рязанской губерніи селеній расположенныхъ при рѣкахъ и другихъ источникахъ очень немного. Пруды вырывались при господскихъ усадьбахъ и ко многимъ прудамъ въ настоящее время крестьяне даже не имѣютъ доступа. Громадное боль-

шинство крестьянъ Рязанской губерніи пользуется водой изъ колодцевъ. Рѣчки и пруды—плохіе водопои для людей, ибо всегда у насъ въ деревнѣ представляютъ очаги заразъ. Крестьяне цѣнятъ рѣчки и пруды для мытья бѣлья и другихъ цѣлей и это очень дурно для скученныхъ селеній, ибо тоже служитъ мѣстомъ и источникомъ разныхъ заразительныхъ болѣзней, потому-то крестьянскія дѣти и мрутъ какъ мухи въ нашихъ селеніяхъ. Въ рѣчки наши крестьяне валятъ навозъ, трупы животныхъ и т. п. Удалить крестьянъ отъ подобныхъ рѣчекъ и прудовъ было-бы очень полезно. И тѣмъ не менѣе селенія часто нуждаются въ водѣ, но именно потому, что онѣ селенія; той воды которой достаточно для одного, двухъ—трехъ дворовъ недостаточно для многолюднаго селенія. Что ссылки на недостатокъ воды при разселеніи—пустыя фантазіи,—свидѣтельствуютъ бывшіе крестьянскіе хутора въ степяхъ (напр. левады), заимки, починки и т. п.; сторожки по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ снабжены колодцами; полагаемъ, что направленіе пути желѣзной додоги не опредѣлялось возможностью найти воду для этихъ колодцевъ; ихъ вырыли послѣ того, какъ путь былъ законченъ на извѣстной дистанціи. Если нашли воду для желѣзно-дорожныхъ сторожекъ, то найдутъ ее и для крестьянскихъ усадьбъ.

Еще менѣе основательны ссылки на трехполье, стадную пастьбу и разбросанность полосъ (съ цѣлью уравненія качества земли). Всѣ эти явленія несомнѣнно связаны съ поселеніемъ крестьянъ деревнями, но всѣ онѣ—зло и тормазъ для улучшенія крестьянскихъ хозяйствъ; отъ нихъ нужно отдѣлаться, а не выставлять ихъ какъ великія „удобства“ общиннаго землепользованія. Въ поляхъ крестьянъ потравы—самое обыкновенное явленіе именно потому, что поля и жнивы тянутся сплошнымъ полотномъ и не одинъ хозяинъ не гарантированъ отъ потравъ. Членъ Комитета и не догадывается о

томъ, что потравъ вовсе не будетъ, какъ только прекратится стадная пастьба. Еще хуже отзывается на урожаѣ хлѣбовъ пастьба лошадей по зеленямъ глубокой осенью. Пастухи перестаютъ въ это время пасти лошадей, „ночное“ тоже прекращается, и вотъ какой-нибудь Петька выпустилъ свою лошадь на зеленя, а за нимъ и всѣ, чтобы не было обидно— все равно испортятъ полосы „общественники“; за отсутствіемъ пастуха примѣненіе Zwangwirtschaft тутъ невозможно. Если наши крестьяне относятся пассивно къ постояннымъ потравамъ, то потому, что ихъ хозяйственная энергія очень слаба и подавлена.

„Въ Михайловскомъ уѣздѣ“, говорится въ другомъ докладѣ трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ Рязанской губерніи, „насчитывается 71 община съ надѣломъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ особняковъ, и 23 общины съ полной черезполосицею; кромѣ того, 82 общины, въ которыхъ дальній конецъ поля отстоитъ отъ усадьбъ 3—5 верстъ, въ 36 обществахъ 5—10 верстъ и въ 5 обществахъ болѣе 10 верстъ. Неудобства черезполосицы и раскиданности надѣла въ нѣсколькихъ участкахъ особенно при общинномъ владѣніи, разбивающемъ свои земли на мелкіе участки жеребья, такъ громадны (!) и такъ очевидны (!), что говорить объ этомъ не приходится“.

Недавно въ нашей печати много говорили объ оврагахъ, которые растутъ и поглащаютъ крестьянскія поля, но никто не объяснилъ, что овраги создаетъ наша крестьянская община. Приведемъ примѣръ. Казанская желѣзная дорога изрыла поля крестьянъ; заплативъ за отчужденныя подъ полотно крестьянскія части надѣловъ, она обязана укрѣпить овраги возлѣ полотна, но до сихъ поръ не исполнила своихъ обязательствъ, и вотъ на нашихъ глазахъ пашни крестьянъ ежегодно ползутъ и проваливаются, расширяя овраги, но „общественники“ никакъ не соберутся предъявить къ прав-

ленію дороги искъ и только „ругаются и дерутся“ между собою при передѣлахъ. Очень часто небрежное отношеніе общины къ пастбищамъ составляетъ единственную причину образованія овраговъ.

Защитники общины никогда не останавливались передъ сообщеніемъ невѣрныхъ или непровѣренныхъ фактовъ и на нихъ строили свои возраженія. Также поступали защитники общины и въ Комитетахъ; напримѣръ въ Сапожковскомъ уѣздѣ одинъ членъ Комитета (извѣстный своими статьями объ „общинѣ“ въ одномъ журналѣ) заявилъ, что *ему извѣстенъ* случай, когда при старомъ законѣ (т. е. 165 ст. Полож. о выкупѣ) общество давало отступныя деньги домохозяину, пожелавшему, по своему усмотрѣнію, выкупить свой надѣлъ. И Комитетъ принялъ къ свѣдѣнію эту небылицу! Никто изъ членовъ Комитетовъ не потрудился прочесть содержаніе 165 ст. Полож. о вык., которая гласила, что общество всегда имѣло право отказать въ выдѣлѣ выкупающему свой надѣлъ и оставить его себѣ, заплативъ за него деньги по оцѣнкѣ. Зачѣмъ-же обществу было „откупаться“ отъ выкупающаго надѣлъ? Если даже цѣна надѣла достигала 1000 руб. (чего не было въ то время, о которомъ говорилъ членъ-докладчикъ), то для цѣлаго общества уплата подобной суммы не представляла ни малѣйшихъ затрудненій [1]).

Въ трудахъ Комитетовъ имѣются указанія на потери, которыя несутъ крестьяне отъ черезполосности. Въ Скороденской дачѣ Суджанскаго уѣзда 3900 десят. расположены въ 3 клинахъ и 8400 полоскахъ; подъ межами въ 6 вершковъ шириной пропадаетъ 109 десятинъ, облагаемыхъ денежными сборами въ 246 руб. Вмѣсто праздно находящихся подъ ме-

---

[1]) Едва-ли цѣна душевого надѣла достигала 300 руб. въ то время; слѣдовательно за три ревизскія души (больше не могло и быть) пришлось-бы обществу заплатить 900 руб.

жами, крестьяне принуждены снимать 53 дес. и платить 1220 руб. Потеря времени при обработкѣ черезполосныхъ десятинъ приноситъ убытку 1600 руб. и при уборкѣ 1080 руб.; всего убытокъ составляетъ 4146 руб. Если на каждое селеніе четвертныхъ крестьянъ Суджанскаго уѣзда положить 1500 р. отъ черезполосности, то весь убытокъ въ годъ составитъ 63 тысячи руб., т. е. слишкомъ 14 тыс. р. болѣе земскаго расхода на народное образованіе.

Въ Ярославской губерніи въ межахъ пропадаетъ около 7000 дес. или 250.000 пуд. хлѣба; по исчисленію-же профессора Скворцова въ Европейской Россіи подъ межами потеря опредѣляется въ 1.200.000 дес. или 60 милліоновъ пудовъ зерна. Потеря удобной земли подъ ненужными дорогами, межами и пр. вслѣдствіе черезполосицы въ Минской губерніи такова, что кредитныя учрежденія уменьшаютъ ссуды подъ такія имѣнія.

Курскій уѣздный Комитетъ прямо указываетъ, что крестьянская земля, вслѣдствіе длинноземелья, чрезполосицы, крайней раздробленности надѣловъ и правовымъ условіямъ землепользованія, представляетъ въ общемъ крайне слабый и истощенный источникъ обложенія. Комитеты Курской губерніи [1]) вообще высказались очень рѣшительно въ пользу консолидаціи крестьянскихъ дворовъ и, что знаменательно, встрѣтили довольно энергичную поддержку со стороны уполномоченнаго Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Въ высшей степени интересенъ докладъ въ Курскомъ Комитетѣ одного крестьянина о безпорядкахъ на сходахъ „подворниковъ". Указавъ совершенно справедливо, что рѣшеніе

---

[1]) За исключеніемъ тѣхъ, которые занялись лишь разглагольствованіями о необходимости поднять «культурность» крестьянъ, измѣнить финансовую политику и даровать больше правъ земствамъ и т. п.

вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сельскаго схода, немыслимо возложить на одно лицо и что такія дѣла какъ аренда общественной земли, касающаяся каждаго члена общества, общественныя запашки, раскладки повинностей, избраніе должностныхъ лицъ и т. п. должны рѣшаться полнымъ сходомъ, крестьянинъ объясняетъ причины безпорядковъ на сходахъ такъ: „большинство обществъ съ подворнымъ землепользованіемъ дѣлится на двѣ группы: на многоземельныя и малоземельныя; между этими группами очень часто возникаютъ пререканія, доходящія иногда до враждебныхъ отношеній“. „Пререканія эти возникаютъ вслѣдствіе того, что малоземельные домохозяева всегда скорѣе соглашаются за водку уступить что-либо изъ общаго владѣнія, какъ напримѣръ: отвести усадьбу лицу, непринадлежащему обществу, отдать въ аренду землю и т. п., многоземельные-же домохозяева почти всегда возстаютъ противъ этого потому, что на нихъ ложится большая часть податей за общія владѣнія“. „Бываютъ случаи, что многоземельные домохозяева нѣкоторую часть повинностей на сельскія надобности стараются разложить на дворы, мотивируя это тѣмъ, что большая часть за землю общаго владѣнія, находящагося подъ выпусками, ложится на нихъ, между тѣмъ многіе малоземельные домохозяева имѣютъ скота больше, чѣмъ многоземельные и, такимъ образомъ, уплата податей является несоотвѣтственной пользованію угодіями“. „Безпорядки на сходахъ бываютъ не потому, что много лицъ участвуютъ на сходѣ, такъ какъ обыкновенно кричатъ не всѣ, а 5—6 человѣкъ“. „Если въ число выборныхъ попадутъ тѣ-же лица, которыя отличались крикомъ на сельскомъ сходѣ, что, несомнѣнно, будетъ, то и въ небольшомъ собраніи, будетъ большой безпорядокъ“. „Кромѣ того, въ дѣйствіяхъ выборныхъ вполнѣ можетъ быть полнѣйшій произволъ, основанный на личныхъ выгодахъ на счетъ лицъ, неучаствующихъ въ сходѣ“. „Въ настоящее время многіе

добросовѣстные домохозяева избѣгаютъ участія на сельскихъ сходахъ потому, что горланы всегда стараются оскорбить ихъ и не даютъ сказать что либо порядочное, несмотря на то, что на сходѣ отстаиваетъ каждый свои интересы". На сходѣ выборныхъ будетъ еще хуже, потому что произойдетъ устраненіе домохозяевъ не безпорядочныхъ, а порядочныхъ. Поэтому въ докладѣ крестьянина высказывается желаніе установить дисциплину надъ сходами.

Совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ почтеннаго крестьянина о необходимости установить дисциплину надъ сходами, мы не видимъ, однако тѣхъ средствъ, которыми ее можно было-бы установить. Участіе земскаго начальника совершенно немыслимо, ибо извратитъ значеніе сходовъ (крестьянинъ этого и не предлагаетъ). Безобразія и безпорядки сельскихъ сходовъ происходятъ потому, что они рѣшаютъ дѣла, которыя не слѣдовало-бы имъ и рѣшать: они рѣшаютъ частные интересы общественниковъ, а не общественныя дѣла членовъ союза. Но частныя дѣла долженъ рѣшать каждый заинтересованный самъ лично, а на сходахъ эти дѣла должны рѣшаться соглашеніемъ, а не приговоромъ или опредѣленіемъ; если горланы начнутъ оскорблять порядочныхъ мужиковъ, до послѣдніе должны уйти со схода, но безъ ихъ согласія никакого общаго согласія не можетъ и не должно быть; при такомъ порядкѣ горланы сразу будутъ укрощены.

Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ общественныя дѣла; ихъ могутъ рѣшать не только выборные, но можетъ рѣшать ихъ и отдѣльное лицо, какъ органъ общественной власти. Если-бы, напримѣръ въ аренду сдавалась дѣйствительно „общественная" земля, принадлежащая обществу какъ учрежденію, то нѣтъ никакого основанія, почему-бы этимъ не могли распоряжаться выборные сходы или даже волостныя правленія; подобная аренда представляла-бы интересъ обществен-

ный, интересъ всего общества, а не отдѣльныхъ домохозяевъ. Но въ нашихъ сельскихъ обществахъ рѣшаются дѣла частныя, дѣла самихъ производителей, а потому эти дѣла необходимо требуютъ общаго согласія заинтересованныхъ лицъ, и приговоры выборныхъ въ этомъ случаѣ будутъ прямымъ произволомъ,

Большинство Новооскольскаго Комитета отклонило требованіе меньшинства, чтобы каждому крестьянину было предоставлено право выселиться на край надѣловъ, и нашло, что право общества передѣлять землю рѣшеніемъ $^2/_3$ домохозяевъ должно быть оставлено въ силѣ, ибо это удовлетворяетъ желанію большинства. Но мы именно высказали, что подобное „желаніе“ большинства распоряжаться имуществомъ меньшинства ничто иное, какъ произволъ, и всякій добросовѣстный юристъ долженъ сказать, что такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ право и справедливость. Большинство Комитетовъ далѣе указало, что четвертные могутъ по „нерадѣнію и пьянству“ продать свои участки, чего не можетъ быть при общинномъ землепользованіи, т. е. большинство Комитета находитъ справедливымъ и прекраснымъ, что пьяницы и безпутные будутъ охраняться за счетъ и во вредъ рачительныхъ и трезвыхъ крестьянъ; мы какъ разъ обратнаго мнѣнія, и во всякомъ случаѣ подобная охрана не въ интересахъ ни государственныхъ, ни общественныхъ.

Вообще вопросъ о консолидаціи крестьянскихъ дворовъ возбуждался въ большинствѣ Комитетовъ, но болѣе или менѣе опредѣленное рѣшеніе онъ получилъ въ немногихъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ Комитетахъ высказывалось, будто земства желали оказать содѣйствіе крестьянамъ для разселенія, но крестьяне не воспользовались этимъ содѣйствіемъ. Между тѣмъ въ одномъ докладѣ въ Ирбитскомъ Комитетѣ (Пермской губ.) мы читаемъ слѣдующее: мнѣ, говоритъ докладчикъ, извѣстно, что нѣкоторые изъ крестьянъ Покров-

ской волости, имѣя сильное желаніе выселиться изъ села Покровскаго къ рѣчкѣ Нелѣ, до сихъ поръ достигнуть этого не могутъ. *Не разъ они обращались къ земскому собранію* съ ходатайствомъ о выдачѣ имъ какого-либо воспомоществованія на переселеніе но получали отказъ; обращались къ самому обществу, но не нашли поддержки и тамъ. Между тѣмъ выселеніе ихъ къ этой рѣчкѣ оказало-бы громадную услугу: рѣчка Нела, находящаяся въ дачѣ Покровскаго Общества, отстоитъ отъ Покровскаго въ 10 верстахъ; но такъ какъ земли тамъ твердыя—бѣликовыя, то, при отсутствіи удобренія навозомъ, естественно даютъ урожаи самые минимальные; возить-же навозъ на такомъ большомъ разстояніи возможности не представляется. Тогда какъ, при переселеніи туда, земли эти находились-бы подъ руками и вслѣдствіе этого получилась-бы полная возможность ихъ удобренія, а при удобреніи такія земли, какъ крѣпкія—бѣликовыя, безъ сомнѣнія, дали-бы вполнѣ хорошіе урожаи. Но повторяю, этому возу и до сихъ поръ нѣтъ ходу".

Въ Пермской губерніи, гдѣ еще недавно господствовало заимочное подворное землепользованіе, стремленіе крестьянъ консолидировать свои дворы отмѣчено Шадринскимъ Комитетомъ. Надѣлы зажиточныхъ многодушныхъ крестьянъ болѣе сгруппированы вмѣстѣ, чѣмъ бѣдныхъ. Стремленіе къ къ округленію раздробленныхъ земельныхъ участковъ проявляется среди наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ въ довольно сильной степени. „Богатые и вліятельные крестьяне стараются пріобрѣсти душевой надѣлъ въ одномъ мѣстѣ". „Замѣтно, что у богатыхъ большею частію группируются вмѣстѣ, если не всѣ угодія, то или пашня съ лѣсомъ, или покосъ съ лѣсомъ, чтобы можно было загородить ихъ". „Округленіе надѣла чаще всего осуществляется путемъ обмѣна участковъ. Зажиточные домохозяева вымѣниваютъ у бѣднѣйшихъ принадлежащія къ ихъ полямъ пашни, чѣмъ и умень-

шаютъ число участковъ". „Зажиточные мѣною, по большей части имъ выгодною, или другими средствами наиболѣе энергично стараются отдѣльные мелкіе участки соединить въ болѣе крупные". Стремленіе къ округленію участковъ осуществляется различными путями: одинъ проситъ общество дать ему при передѣлѣ надѣлъ въ одномъ мѣстѣ, другой вымѣниваетъ прилегающіе участки сосѣдей, третій арендуетъ близъ лежащіе участки бѣдняковъ. Сумѣвшіе сгрудить землю „въ кучу", къ одному мѣсту, строятъ въ такомъ мѣстѣ, заимку или полную избушку, куда и выселяются на зиму со скотомъ". „Многіе зажиточные крестьяне округлили свои надѣлы и выстроили на нихъ заимки съ пригонами для скота, являющіяся центрами выгоднаго удобренія и лучшей обработки близко расположенной пашни. Заимки — это будущіе хутора (sic!) или выселки съ близкими, округленными и болѣе интенсивно (!) воздѣлываемыми землями". Разстояніе пахотныхъ участковъ отъ селеній, въ общемъ, такое-же, какъ и разстояніе надѣльной земли вообще и достигаетъ мѣстами 20, 25 и 30 верстъ. У зажиточныхъ болѣе крупные участки и ближе къ селенію; бѣдные получаютъ отдаленные участки, сами не обрабатываютъ, продаютъ за безцѣнокъ постороннимъ крестьянамъ близкихъ къ участку селеній или сдаютъ въ аренду своимъ богатымъ однообщественникамъ за ничтожную цѣну. Всѣ эти свѣдѣнія сообщаются мѣстными жителями (учителями, священниками и др.), знакомыми во очію съ бытовыми порядками крестьянъ. Какъ это похоже на утвержденія „знатоковъ" нашей деревни о пользѣ черезполосности, стадной пастьбы и пр.! Корреспонденты Комитетовъ съ поразительнымъ единодушіемъ указываютъ, что главный вредъ черезполосицы—удаленіе пашни отъ селенія, при которомъ удобреніе земли прямо *невозможно*. „Крестьяне мало удобряютъ землю", по отдаленности пашни отъ селенія; „ближняя земля ознавьмляется старательно". „На разстояніи 2

верстъ у насъ постоянно, т. е. каждый годъ удобряютъ, а дальше нáвозъ вывозить очень трудно и не всякому доступно. Дальше 2 верстъ навозъ не возятъ (слова крестьянина). „Земля наша навозъ принимаетъ очень хорошо, но расположена она большей частью далеко отъ селенія, такъ что удобрять и *невозможно*. „Земля наземъ принимаетъ, а потому ближнія пашни почти всѣ удобрены, а остальныя не удобряются только за дальностью разстоянія отъ селенія". „Ближнія къ селенію земли достаточно удобряются, дальнія-же или совсѣмъ не удобряются или мало по трудности доставки навоза".

Если читатель вдумается въ сущность приведенныхъ фактовъ, то онъ пойметъ, какимъ образомъ образуются коны, холмы, жеребьи и полосы съ черезполосицею при общинномъ землепользованіи. Крестьяне Пермской губ. недавно еще практиковали хуторское заимочное землевладѣніе. Оно было сломано правительствомъ частію до реформы причисленіемъ заимокъ къ волостямъ и селеніямъ, частію земле-строительными работами при надѣленіи крестьянъ послѣ освобожденія. Но общинной территоріи (великороссійской) еще не образовалось. Земля разбросана клочками на громадномъ разстояніи. Съ развитіемъ уравнительнаго процесса каждый членъ общины будетъ требовать себѣ ближайшихъ полосъ, землю раздѣлятъ на сорта, а затѣмъ будутъ ее распредѣлять (установивъ трехполье) на полосы и жеребьи и т. д., и въ каждомъ конѣ, въ каждомъ жеребьѣ всѣ члены будутъ получать полосы, сначала широкія, а потомъ все уже и уже—до нѣсколькихъ локтей, такъ что и съ бороной не проѣдешь. Сплоченіе крестьянъ въ общину—селеніе и создаетъ этотъ роковой процессъ.

„Главное затрудненіе при преобразованіи нынѣшняго хозяйства заключается не въ нарѣзкѣ правильныхъ и удобныхъ для обработки участковъ, въ чемъ мы уже убѣдились на

практикѣ изъ размежеванія Черниговской и Полтавской губерній, гдѣ эта нарѣзка произведена въ обширныхъ размѣрахъ, а въ разселеніи дворовъ". Но и перенесеніе дворовъ—старыхъ крестьянскихъ усадьбъ—на новыя мѣста необходимо считать дѣломъ вполнѣ возможнымъ. „Постройка новаго крестьянскаго дома со всѣми необходимыми постройками обходится обыкновенно 200—300 руб. При перенесеніи-же ихъ на новое мѣсто, особенно въ осеннее или весеннее нерабочее время, требуется немного расходовъ, если только всѣ разобранные матеріалы годны и для новыхъ построекъ. Эти расходы ни въ какомъ случаѣ не могутъ превысить третьей части стоимости двора". Справедливо указывается и на то, что переселенія на край надѣловъ дешевле и цѣлесообразнѣе, чѣмъ переселеніе въ Сибирь. Такъ разсуждаютъ дѣйствительно „свѣдущіе" люди русской земли, но ихъ въ Комитетахъ было немного. „Обязательное или принудительное размежеваніе земель и разселеніе дворовъ для сокращенія пожаровъ настолько-же умѣстно, какъ и обязательное отъ огня страхованіе, тѣмъ болѣе, что пожары отъ страхованія не прекращаются и села продолжаютъ по прежнему горѣть, тогда какъ путемъ принудительнаго разселенія дворовъ на вновь отмежеванныхъ участкахъ мы имѣемъ возможность значительно сократить ежегодные пожары, убытки и, кромѣ того, увеличить производительность земли до высшей нормы, какая только возможна".

На размежеваніе двухъ уѣздовъ Черниговской губерніи (Суражскаго и Мглинскаго) израсходовано 460.000 р. (6.800 кв. верстъ), но большая половина работъ заключалась въ производствѣ съемки черезполосности, въ повѣркѣ, оцѣнкѣ и вычисленіи всѣхъ угодій, принадлежавшихъ каждому владѣльцу. Все это отпадаетъ при консолидаціи дворовъ общиннаго землепользованія, ибо каждый общинникъ владѣетъ „душами", цѣнность коихъ извѣстна съ полной точностью.

„Принудительная“ консолидація отвергнута почти всѣми Комитетами. Нельзя, однако, не замѣтить, что защитники общины своеобразно понимаютъ выраженіе „принудительность“. Всю систему Zwangwirtschaft общинныхъ порядковъ они не признаютъ „принужденіемъ“, а признаютъ ее „свободой“ со стороны общины нарушать всѣ гражданскія права членовъ общины (личныя и имущественныя), но какъ только пойдетъ рѣчь объ освобожденіи членовъ общины отъ „принужденія“, о предоставленіи имъ необходимыхъ правъ субъекта,—защитники общины поднимаютъ крикъ о „принужденіи“ крестьянъ. Иначе говоря, предоставленіе крестьянамъ пользоваться личными и имущественными правами—„принужденіе“, а насиліе обществъ надъ крестьянами—свобода. Все это настолько несогласно съ логикою, здравымъ смысломъ, закономъ и наукой права, что можно удивляться, какъ русскіе люди давали себя такъ долго морочить софизмами.

Наука права всегда различала двѣ области нормъ: одна имѣетъ дѣло съ правами, присущими человѣку въ силу его достоинства какъ разумнаго существа и опредѣляетъ его свободу, другая говоритъ о правахъ, которыя предоставляются человѣку въ цѣляхъ и интересахъ общественныхъ. Нарушеніе правъ, относящихся къ первой области, несомнѣнно упраздняетъ свободу и является „принужденіемъ“ и насиліемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; отнятіе-же или ограниченіе правъ „общественныхъ“ всецѣло зависитъ отъ государственной власти, которая руководствуется въ этомъ случаѣ общимъ благомъ, и вообще составляетъ вопросъ политики, а не права. Все что можно сказать по этому вопросу, это то, что политика бываетъ дурная или хорошая, полезная или вредная государству и обществу. Но наши софисты конфисковали логику, здравый смыслъ и науку и убѣждаютъ неофитовъ, что выходъ крестьянина изъ „общины“ и законное и правомѣрное требованіе его получить свою долю изъ

общаго имущества—„принужденіе“ и насиліе. Во всякомъ случаѣ это „принужденіе“ и насиліе прямо установлено дѣйствующими въ Россіи гражданскими законами, которые гласятъ такъ: „никто *не обязанъ* оставаться въ общемъ имѣніи, подлежащемъ раздѣлу, если *не изъявилъ на то согласіе*“ (ст. 550 X т. зак. гражд.). „Имѣніе, состоящее въ общемъ владѣніи многихъ лицъ не можетъ быть отчуждено однимъ изъ нихъ безъ согласія всѣхъ: но каждый соучастникъ можетъ продать или заложить то, что на часть его изъ общаго причитается (свой жребій), съ тѣмъ однако-же, что прочимъ соучастникамъ, если не захотятъ они допустить до выдѣла той части, предоставляется сохранить оную за собою, заплативъ за нее деньгами по оцѣнкѣ“. (ст. 555 зак. гражд.).

165 ст. Полож. о вык. съ буквальной точностью повторяла изложенное узаконеніе нашихъ гражданскихъ законовъ. Защитники „общины“ конечно могутъ возразить намъ указаніемъ на то, что 165 ст. Полож. измѣнена. Это еще не резонъ. Измѣненіе 165 ст. послѣдовало именно въ силу требованія политики „принужденія“ и насилія надъ крестьянами. Такимъ образомъ установленіе правила, въ силу котораго каждый домохозяинъ можетъ требовать выдѣла своего участка въ отдѣльный отрубъ или же выселенія на край надѣла не можетъ быть названо „принужденіемъ“ и въ сущности сводится къ возстановленію 165 ст. Полож. о выкупѣ прежней редакціи. Но наши софисты вмѣстѣ съ тѣмъ и лицемѣры. Они умалчиваютъ, что измѣненіе текста 165 ст. *временное, впредь до выкупа* надѣловъ обществомъ, а между тѣмъ требуютъ отмѣны выкупныхъ платежей. Но какъ только выкупные платежи будутъ погашены, прежняя редакція 165 ст. Полож. о выкупѣ возстановляется во всей своей силѣ; объ этомъ обстоятельствѣ софисты умалчиваютъ [1]). Настаивая,

---

[1]) Т. е. примѣняется 36 ст. Общ. Полож., соотвѣтствующая 165 ст. Пол. о вык.

вмѣстѣ съ меньшинствомъ Комитетовъ, на возстановленіи прежней редакціи 165 ст. Полож. о вык., мы должны сдѣлать оговорку.

165 ст. Полож. о вык. была измѣнена въ интересахъ „обществъ"; возстановленіе прежней ея силы, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, требуетъ дополненія къ прежней редакціи въ интересахъ домохозяевъ и въ огражденіи ихъ отъ излишнихъ аппетитовъ общества. Стоимость крестьянскихъ надѣловъ возвысилась такъ, что обществамъ нынѣ выгодно выкупающимъ надѣлы выплатить деньги по справедливой оцѣнкѣ, и оставить надѣлы за собой—однимъ словомъ примѣненіе 165 ст. можетъ повлечь за собой скупку надѣловъ обществами, а это очень опасно. Поэтому слѣдовало-бы дополнить прежнюю редакцію постановленіемъ: въ случаѣ разногласія между обществомъ и выкупившимъ свой надѣлъ домохозяиномъ, споръ разрѣшается судебнымъ порядкомъ, причемъ на обязанности суда лежитъ установить: дѣйствительно-ли обществу „неудобно или невозможно" произвести установленный закономъ выдѣлъ (въ натурѣ) выкупленнаго участка. Не слѣдуетъ давать и обществамъ повода обезземеливать своихъ крестьянъ.

Посмотримъ теперь на послѣдствія, какія могутъ произойти возстановленіемъ правила 165 ст. Полож. о выкупѣ. Мало по малу, сначала тихо, и потомъ быстро начнется консолидація крестьянскихъ дворовъ. Какъ только $^1/_3$ домохозяевъ выкупитъ свои надѣлы, общество необходимо приступитъ къ общей каммассаціи или сведеніямъ полосъ въ отдѣльные отрубные участки, или разселеніямъ деревень, смотря по мѣстности, величинѣ селеній и отдаленности полей отъ усадьбъ. Могутъ-ли при этомъ бѣдные или слабые члены обществъ пострадать? Мы въ этомъ сомнѣваемся, но во всякомъ случаѣ могутъ быть установлены правила, предупреждающія возможное обездоленіе бѣдняковъ. Съ разселеніемъ или выкупомъ,

наши сельскія общества потеряютъ весь свой смыслъ, а потому должны быть замѣнены волостью—этимъ стариннымъ міромъ русскаго крестьянства. Волость—юридическое лицо, а потому она имѣетъ право пріобрѣтать имущества; за упраздненіемъ сельскихъ обществъ права по 36 ст. Общ. Полож. должны быть предоставлены волости въ интересахъ бѣднѣйшихъ членовъ. Какъ можетъ волость благотворно вліять на судьбу бѣднѣйшихъ крестьянъ и устройство быта безземельныхъ крестьянъ,—свидѣтельствуютъ нѣмецкія колоніи, владѣющія цѣлыми капиталами, на которые они покупаютъ имѣнія для безземельныхъ своихъ членовъ. То, что создали нѣмецкія колоніи, конечно, можемъ создать и мы для нашихъ волостей. Если затѣмъ въ устройствѣ быта безземельныхъ примутъ участіе государство и земство, то весь нашъ страхъ передъ „пролетаріатомъ"—пустой страхъ воробья передъ огороднымъ чучеломъ. Самыя переселенія крестьянъ въ Сибирь и др. получатъ иной характеръ и дадутъ иные результаты, чѣмъ нынѣ.

165 ст. выкупного Положенія была установлена для „общинниковъ", а между тѣмъ „подворникамъ" она была еще нужнѣе, ибо только при содѣйствіи этой статьи „подворники" могли бы быстро приступить къ отмѣнѣ „смѣнъ" и разверстаніямъ. Необходимо правила 165 ст. Полож. о вык. распространить и на „подворниковъ". Недомолвка законодателя тѣмъ болѣе несправедлива, что къ „подворникамъ" относится и постановленіе 164 ст. Полож. о вык., такъ какъ „подворники" владѣютъ общими угодьями на разныхъ основаніяхъ—общія смѣны могутъ служить тому доказательствомъ. Разумѣется для „подворниковъ" правило 165 ст. Полож. о выкупѣ слѣдуетъ изложить иначе.

Возстановленіе основныхъ правилъ Общаго Положенія 19 февраля 1861 года, возстановленіе правъ крестьянъ, дарованныхъ имъ освободительными актами, должно быть пер-

вой мѣрой для подъема крестьянскихъ хозяйствъ. Всѣ остальныя мѣры, каковы-бы онѣ ни были и кто-бы ихъ не практиковалъ: земство, правительство, пресловутыя мелкія земскія единицы—все равно не приведутъ къ цѣли, совершенно безполезны и даже вредны уже потому только, что будутъ бросаніемъ большихъ суммъ на вѣтеръ.

Консолидаціей крестьянскихъ дворовъ заканчиваются работы государства и правительства относительно того многочисленнаго класса, который носитъ названіе крестьянства; опека и попечительство надъ бывшимъ крѣпостнымъ классомъ прекращаются и освобожденное крестьянство предоставляется своей собственной судьбѣ. Но многіе находятъ необходимымъ продолжать опеку и далѣе. Установленіе неотчуждаемости крестьянскихъ дворовъ, по ихъ мнѣнію, требуется уже въ виду того, что иначе крестьянскіе дворы снова подвергнутся дробленію и можетъ возникнуть вновь черезполосность. Однако фактами эта предполагаемая возможность не была еще подтверждена. Въ Германіи мы не нашли ни черезполосицы, ни измельченныхъ подворныхъ участковъ въ селеніяхъ, подвергшихся консолидаціи 60 лѣтъ тому назадъ. Парцеллярное землепользованіе французскихъ и южногерманскихъ крестьянъ объясняется отсутствіемъ въ этихъ мѣстностяхъ какихъ-бы то ни было работъ по консолидаціи. Парцелляція здѣсь мало вредитъ вслѣдствіе свободной мобилизаціи земли и высокой интенсивной культуры. Но та же мобилизація земли — лучшее средство сохранить консолидированные дворы. Съ одной стороны крестьянинъ не только „жаденъ“ къ землѣ, но всѣми силами стремится сохранить свой консолидированный дворъ въ цѣлости; съ другой—свободная мобилизація даетъ возможность крестьянину во время поступиться участкомъ, не приносящимъ ему особой выгоды и употребить капиталъ на интенсификацію своего главнаго владѣнія. Но въ особенности мобилизація земли необходима

для класса безземельныхъ работниковъ, давая имъ возможность сѣсть на землю и вообще пріобрѣсти свой кровъ. Постепенно такой „подворникъ“ посредствомъ аренды увеличиваетъ свой земельный фондъ, прикупаетъ землицы и становится самостоятельнымъ крестьяниномъ. Свободная мобилизація земли то же самое, что жизнь. Свободное крестьянство—живой организмъ, а потому не можетъ быть заключено въ мертвыя неподвижныя формы: должны быть мелкіе, средніе и крупные крестьянскіе дворы, что и достигается свободной мобилизаціей ихъ земелнаго фонда. Анализъ крестьянства, какъ экономической категоріи, показываетъ, что главный его элементъ—самъ хозяинъ земледѣлецъ, а затѣмъ—его рабочая сила, т. е. размѣръ его семьи. Батраки играютъ второстепенную роль въ крестьянствѣ и необходимы лишь въ тѣхъ дворахъ, которые случайно потеряли своихъ рабочихъ. Но эти батраки—тѣ же члены семьи, женятся на дочеряхъ своихъ хозяевъ и „прилѣпляются“ къ двору. Предоставимъ-же самому крестьянству самоопредѣлять себя. Случайныя-же явленія не могутъ служить основаніемъ для принятія тѣхъ или другихъ мѣръ со стороны государства, ибо послѣднему совершенно все равно, владѣетъ-ли дворомъ Петръ или Пахомъ. Кромѣ того, опытъ показалъ, что здѣсь государство совершенно безсильно, и можно только удивляться, что ученые бюрократы продолжаютъ толкать государство по пути всякихъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя всегда обходятся населеніемъ и влекутъ за собой цѣлую вереницу другихъ стѣснительныхъ мѣръ до безконечности. Оно и понятно: вы выбрасываете природу въ дверь, а она входитъ къ вамъ въ окно.

Закрѣпощенное крестьянство требовало особыхъ заботъ о себѣ. Опека и попечительство со стороны государства необходимы и при ликвидаціи послѣднихъ крѣпостныхъ узъ. Поставивъ крестьянство на ноги, государство должно пре-

доставить его своимъ собственнымъ силамъ. Пусть свобода развиваетъ борьбу,—только въ борьбѣ развиваются и крѣпнутъ силы человѣка, особенно производительныя. Впрочемъ замѣтимъ, что законодательная власть всегда остается въ рукахъ государства, а въ наше время никто не оспариваетъ у государства права и обязанности принимать чрезвычайныя мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Издать запретительный законъ не долго и не трудно; гораздо труднѣе возбудить энергію и самодѣятельность; тутъ ужъ не помогутъ никакіе законы.

Поэтому ошибочна та политика, которая издаетъ запретительные законы, не убѣдившись въ ихъ необходимости. Эту ошибку совершило правительство, измѣнивъ редакцію 165 ст. Полож. о выкупѣ; будемъ надѣяться, что оно не повторитъ болѣе своей ошибки.

VII.

Аренда.

Составитель свода трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ въ началѣ своего труда дѣлаетъ замѣчаніе, что „вопросъ о земельной арендѣ можетъ быть разсматриваемъ съ двоякой точки зрѣнія: частноправовой и публичной“. Всякое массовое явленіе въ государственномъ союзѣ, скажемъ мы, можно разсматривать съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Вопросъ о земельной собственности, напримѣръ, съ публичной точки зрѣнія не менѣе важенъ, чѣмъ арендный; въ нашемъ государствѣ онъ даже важнѣе арендняго. Но составитель свода сильно ошибается, если полагаетъ, что „арендныя отношенія“ могутъ выйти изъ „тѣсныхъ рамокъ частноправового интереса“. Это не можетъ быть и никогда не будетъ, ибо аренда—институтъ гражданскаго права, а не публичнаго. Да, конечно, иногда, при анормальныхъ явленіяхъ государственнаго строя, „аренда“ получаетъ значеніе и характеръ общественнаго института, но эти анормальныя явленія преходящи, и изслѣдователь вопроса долженъ это имѣть въ виду. Ошибочная мысль составителя свода привела его и къ фактической ошибкѣ, которую мы считаемъ нужнымъ разъяснить. Земельныя отношенія эстляндскихъ крестьянъ нашихъ прибалтійскихъ губерній составитель свода назвалъ „арендой“. Но это не аренда, а вотчинно-обязательныя отношенія на почвѣ мірской земли (Bauerland). Вотчинникъ можетъ согнать „арен-

датора“ крестьянина съ мірской земли (въ случаяхъ нарушенія договора „аренды“), но не имѣетъ права присоединить эту землю къ своей „мызной“. Эта „аренда“ прекращается съ выкупомъ. Слѣдовательно мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же институтомъ, который установленъ Положеніями 19 февраля 1861 г. для нашихъ русскихъ крестьянъ; разница тутъ въ формѣ и выраженіяхъ, опредѣляющихъ институтъ, а не въ существѣ дѣла. Къ подобнымъ отношеніямъ, конечно, примѣнимы начала публичнаго права въ извѣстныхъ рамкахъ.

Крестьянская аренда частновладѣльческихъ земель крестьянами распространена у насъ всюду, въ особенности въ черноземной полосѣ, гдѣ земля высоко цѣнится. Причина этого явленія, по мнѣнію большинства Комитетовъ, заключается въ земельной тѣснотѣ крестьянъ. Хотя въ нѣкоторыхъ Комитетахъ эта тѣснота опредѣляется какъ относительная, въ связи съ экстенсивностью крестьянскихъ хозяйствъ, но вообще „нужда“ крестьянъ—тотъ краеугольный камень, на которомъ въ Комитетахъ строились всѣ сужденія и воззрѣнія по арендному вопросу. Между тѣмъ этотъ камень—ложное основаніе для даннаго вопроса, а потому вся постройка мѣропріятій, предложенныхъ въ Комитетахъ для упорядоченія арендныхъ отношеній, оказывается кривой, непрочной и частью опасной для правомѣрнаго порядка въ государственномъ союзѣ.

Какъ это ни странно, но въ Комитетахъ, состоящихъ изъ интеллигенціи и частію землевладѣльцевъ, а не крестьянъ, иногда совершенно забывали объ одномъ контрагентѣ арендныхъ договоровъ,—владѣльцѣ, по крайней мѣрѣ при обсужденіи принципіальнаго вопроса. Крестьяне всюду арендуютъ прежнія помѣщичьи имѣнія и арендуютъ ихъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ аренды, денежной, натуральной, испольной. Въ настоящее время почти вся земля б. помѣщиковъ въ рукахъ крестьянъ. Этотъ поразительный фактъ не

разъясненъ Комитетами, даже не обратилъ на себя ихъ особаго вниманія. Повидимому Комитеты нашли его вполнѣ нормальнымъ и отправлялись въ своихъ сужденіяхъ объ условіяхъ крестьянской аренды, кладя въ ихъ основу своеобразныя отношенія, сложившіяся между б. крѣпостными и ихъ господами. А между тѣмъ этотъ фактъ—результатъ тѣхъ общинно-крѣпостныхъ порядковъ, которые такъ пагубно отразились и на хозяйствѣ крестьянъ. Община почти покончила съ дворянскими хозяйствами, покончитъ и съ крестьянскими. Нашъ взглядъ на этотъ вопросъ, высказанный много лѣтъ тому назадъ, получилъ подтвержденіе въ сужденіяхъ экономистовъ, спеціально посвятившихъ свои труды сельскохозяйственной экономіи. „Ошибка русскаго законодательства (Положеній 19 февраля 1861 г. и др.), которая и создала на долгое время аграрный кризисъ въ Россіи, заключается, очевидно, въ томъ, что другъ возлѣ друга поставили институтъ частной крупной собственности и крестьянской въ формѣ общинной земли (міра), на пользованіе которой имѣетъ право всякій крестьянинъ, и такимъ образомъ помѣшали гармоническому сочетанію самыхъ мелкихъ, малыхъ и среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ (Stellen), изъ которыхъ въ западноевропейскихъ государствахъ образуется матеріалъ для рабочаго персонала большихъ имѣній. „Если желали строить русское землевладѣніе на основѣ общиннаго, т. е. предоставить каждому сельскому обывателю въ большей или меньшей мѣрѣ средства существованія, то слѣдовало-бы уничтожить крупное землевладѣніе, такъ какъ оно не можетъ существовать при отсутствіи правильнаго наплыва рабочихъ силъ; если же на это не могли рѣшиться, то сохраненіе общиннаго землепользованія, какъ единственной формы землевладѣнія, невозможно, оставляя въ сторонѣ недостатки этого института [1]).

---

[1]) Buchenberger. Agrarwesen u. Agrarpolitik, I, стр. 154.

Изложенное мнѣніе ученаго бюрократа и спеціалиста по вопросу сельскохозяйственной и аграрной политики совершенно справедливо, но дѣло въ томъ, что Бухенбергеръ, введенный въ заблужденіе нашими „учеными" изслѣдователями, имѣетъ совершенно ложное представленіе о содержаніи и значеніи освободительныхъ актовъ.

Сохраненіе института мірской земли было необходимо до консолидаціи крестьянскихъ дворовъ, такъ какъ законодатель установилъ правило добровольнаго выкупа крестьянской земли. Какъ только государство убѣдилось, что добровольный выкупъ, благодаря круговой порукѣ, затягивается, слѣдовало допустить выкупъ съ консолидаціей дворовъ, какъ это было принято и произведено въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ. Консолидація создала бы прочное крестьянство и сохранила бы крупное дворянское землевладѣніе. Вмѣсто того, мы стали насаждать анархію въ деревнѣ, которая и заставила дворянъ бѣжать изъ имѣній и ликвидировать свои хозяйства. Аренда крестьянами помѣщичьей земли была единственнымъ выходомъ изъ этого невозможнаго положенія.

Неправильная точка зрѣнія Комитетовъ на сущность дѣла отразилась и на ихъ сужденіяхъ по вопросу о крестьянской арендѣ. Аренду создаетъ нужда крестьянъ въ землѣ. Эта нужда сильнѣе всего въ поволжскихъ губерніяхъ, гдѣ много дарственниковъ и государственныхъ крестьянъ, ведущихъ экстенсивное хозяйство. Комитетамъ слѣдовало бы объяснить, откуда явились „дарственники". Законодатель ихъ не создавалъ, а, напротивъ, пытался предупредить подобный исходъ освобожденія крестьянъ; безъ согласія $^2/_3$ домохозяевъ дарственники не могли образоваться. „Дарственники" созданы общиной. Еще менѣе основательна ссылка на экстенсивное хозяйство государственныхъ крестьянъ. Бывшіе государственные крестьяне получили въ надѣлъ всю

ту землю, которой владѣли до 1866 г., и тамъ, гдѣ она не была отграничена, имъ назначили громадную норму надѣла въ 15 дес. на душу. Отграниченіе казенныхъ земель отъ крестьянскихъ разрушило заимочное владѣніе крестьянъ, но и тутъ законодатель не виноватъ, ибо установилъ особыя правила для заимщиковъ, но эти правила были нарушены той аграрной политикою, которую поддерживала интеллигенція всѣми правдами и неправдами. Большую роль въ агитаціи сыграли „отрѣзки"; даже Н. А. Энгельгардтъ писалъ о нихъ. Однако эти „отрѣзки" не помѣшали мужику „высадить" господъ изъ имѣній и фактически завладѣть ихъ землей.

Крестьянину „чужая" земля необходима, разсуждаютъ Комитеты, необходимы покосы, выгоны, прогоны, клинья и пр., пр.; если онъ ихъ лишится, то рѣшится своего хозяйства. Если крестьянину нужны всѣ эти „чужія" земли, то онъ долженъ ихъ пріобрѣсти. Крестьянамъ предоставлена была часть помѣщичьей земли, какъ мірская. Законодатель создалъ эту „мірскую" землю, чтобы ликвидировать крѣпостное право; онъ „надѣлилъ" крестьянъ кормовой площадью, которой они фактически пользовались болѣе двухъ столѣтій. Подобный актъ законодателя исторически справедливъ и политически мудръ. Но предоставлять теперь крестьянамъ „чужую" землю государство не имѣетъ права, и самъ законодатель запечатлѣлъ это силою закона. Вотъ, что гласитъ 3 ст. Общихъ Положеній 19 февраля 1861 г.: „Помѣщики, надѣливъ крестьянъ... землею, на основаніи мѣстныхъ постановленій, не обязаны впредь, *ни въ какомъ случаѣ*, надѣлять ихъ какимъ бы то ни было, сверхъ того, количествомъ земли". Эта статья самовольно не отмѣчена кодификаторомъ IX т. Св. Зак.; она помѣщена во 2 примѣчаніи къ ст. 2—4-й книги Полож. о сельск. сост., слѣдовательно еще дѣйствующій законъ. Итакъ, если крестьянамъ нужна „чу-

жая“ земля, то пусть ее пріобрѣтутъ установленнымъ порядкомъ [1]).

Противъ возможности пріобрѣсти землю путемъ аренды или купли, членами Комитетовъ выставленъ цѣлый рядъ доводовъ, которые сводятся въ сущности къ слѣдующему: а) крестьяне бѣдны, б) помѣщики—монополисты-ростовщики и в) помѣщики сами желаютъ, чтобы государство регулировало ихъ арендныя отношенія съ крестьянами. Ни одинъ изъ этихъ доводовъ нельзя признать основательнымъ.

Если крестьяне „бѣдны“, то аренда имъ не нужна, такъ какъ бѣднымъ земля не доступна. Чтобы вести земледѣльческое хозяйство, крестьянинъ долженъ владѣть орудіями, скотомъ, рабочей силою и способностью хозяина—талантомъ. Бѣдные не имѣютъ ни того, ни другого, ни третьяго. Анализъ нашего крестьянства показалъ [2]), что къ бѣднымъ всегда принадлежатъ малосемейные крестьяне. Если государство снабдитъ бѣдныхъ крестьянъ орудіями и скотомъ, то рабочей силою и талантомъ оно не можетъ ихъ снабдить. Мы позволимъ себѣ удостовѣрить, что не знаемъ ни одного случая, гдѣ бы помѣщикъ отказалъ въ арендѣ своей земли крестьянину домовитому, умному, трезвому, хозяйственному; въ большинствѣ случаевъ помѣщикъ готовъ даже посодѣйствовать такому мужику, насколько возможно. Обвиненіе помѣщиковъ въ монополіи и ростовщичествѣ не основательно и не справедливо. Это обвиненіе основано на голословныхъ разсчетахъ, изъ которыхъ будто бы слѣдуетъ, что аренда зе-

---

[1]) Г. Карышевъ въ своей книгѣ «Внѣнадѣльная крестьянская аренда» и мн. другіе изслѣдователи, а равно нѣкоторые члены Комитетовъ требуютъ новой экспропріаціи дворянской земли въ пользу крестьянъ, ссылаясь на «Положенія». Мы видимъ, что «Положенія» не оправдываютъ этой «ссылки».

[2]) См. нашу книгу «Вопросъ объ общинѣ и уравнительномъ землепользованіи“ стр. 206».

мли поглощаетъ весь доходъ земледѣльца или оставляетъ ему гроши. Напримѣръ: средняя арендная цѣна подъ яровое въ Суджанскомъ уѣздѣ 14 р. 40 к. за десятину; сборъ овса и пр. оцѣнивается въ 27 р. 84 к., слѣдовательно прибыль равняется 13 р. 44 к., обработка же, уборка и пр. стоятъ 9 р. 94 к. съ десятины, т. е. чистая прибыль равняется 3 р. 50 к. Подъ озимь аренда опредѣляется въ 23 р. 43 к., а доходъ съ зерна и пр. 41 р. 15 к., стоимость обработки и пр.—17 р. 27 к., слѣдовательно чистая прибыль опредѣляется въ 45 к. Ошибка разсчетчика заключается въ томъ, что онъ неправильно опредѣляетъ стоимость труда; проданный трудъ имѣетъ другую цѣну, чѣмъ свой трудъ. Въ проданномъ трудѣ рабочій учитываетъ свою прибыль, въ своемъ—онъ причитываетъ стоимость труда къ прибыли предпринимателя, скинувъ свое прокормленіе. Такъ какъ ни того, ни другого не было сдѣлано счетчикомъ, то весь разсчетъ не вѣренъ. Но допустимъ, что онъ вѣренъ: плачевный результатъ показываетъ лишь плохую организацію крестьянскаго хозяйства, но вовсе не доказываетъ ростовщичества землевладѣльца. Развѣ послѣдній виноватъ въ томъ, что крестьянинъ плохой хозяинъ? Чистый сборъ съ черноземной десятины показанъ въ 38,4 пуда зерна овса; мы въ Московской губ. на глинѣ получали 95 пуд. Ржи крестьянинъ съ черноземной десятины получаетъ 64.3 п., мы въ Московской губерніи получали 108,5 п. (чистый сборъ). Но и этотъ „доходъ“ для Курской губерніи (черноземной) низокъ и показалъ-бы плохую организацію хозяйства владѣльца.

Высота арендной платы прежде всего опредѣляется капитальной стоимостью земли; указанная разсчетомъ аренда для Курской губерніи вовсе не высока, ибо составляетъ 12 р. 60 к. съ десятины; цѣна десятины чернозема никакъ не ниже 150 р. Вычтя налоги и расходы по управленію, получилъ много-много 5% на затраченный въ землю капиталъ, т. е. такой

процѐнтъ, котораго никто никогда не называлъ ростовщичествомъ.

Въ Епифанскомъ Комитетѣ сдѣланъ слѣдующій разсчетъ выгодности крестьянской аренды: „если перевести всѣ расходы по обработкѣ и ликвидаціи урожая на деньги, то средняя чистая доходность посѣвной десятины, по даннымъ земскаго статистическаго изслѣдованія, выразится въ суммѣ 11 руб. 17 коп., а между тѣмъ арендная плата за посѣвную десятину, при самой выгодной для населенія формѣ аренды (долгосрочной и денежной), равняется въ среднемъ 12 руб.," т. е. арендная плата поглощаетъ весь доходъ крестьянина. Иначе говоря, мужикъ пашетъ землю и пр., какъ идіотъ, лишь съ той цѣлью, чтобы землевладѣлецъ получалъ высокую арендную плату. Впрочемъ подобную явную нелѣпость мѣстные Комитеты пытались разъяснить нуждой крестьянина въ прокормленіи. Нужда эта такъ велика, что крестьянинъ жертвуетъ всей прибылью и частью своей заработанной платы, чтобы прокормиться. Если бѣдствіе такъ велико, то слѣдуетъ какъ можно скорѣе освободить крестьянина отъ земли, ибо чѣмъ дальше, тѣмъ хуже онъ будетъ хозяйничать. Ясно какъ день, что мужикъ такой плохой земледѣлецъ-хозяинъ, что не умѣетъ даже себя прокормить; его земледѣльческое хозяйство—прямой убытокъ государству. Помѣщики-крѣпостники былыхъ временъ, возражая противъ освобожденія, прямо ссылались на то, что мужикъ, при свободѣ, не сумѣетъ себя прокормить, испортитъ землю и т. д.; значитъ они были правы.

А между тѣмъ тотъ же Епифанскій Комитетъ, многіе другіе мѣстные Комитеты, статистическія изслѣдованія и иныя удостовѣряютъ, что арендуютъ землю и ведутъ на ней хозяйства преимущественно состоятельные крестьяне, причемъ величина арендной площади пропорціонально увеличивается съ величиной надѣловъ: чѣмъ больше надѣлъ у двора, тѣмъ больше онъ арендуетъ земли, чѣмъ богаче хозяйство кресть-

янина, тѣмъ сильнѣе онъ стремится къ арендѣ и тѣмъ значительнѣе арендуемая имъ площадь. Какъ же это такъ? члены Комитетовъ утверждаютъ, что крестьяне арендуютъ землю помѣщиковъ по нуждѣ и притомъ въ явный себѣ убытокъ, а изслѣдованія показываютъ какъ разъ обратное: арендуютъ не бѣдные, а состоятельные и арендуютъ тѣмъ больше, чѣмъ богаче. Получается явное противорѣчіе. Богатому крестьянину нѣтъ смысла платить землевладѣльцу ростовщическую цѣну аренды, снимать землю въ явный себѣ убытокъ, не покрывать даже слѣдующую ему, какъ работнику, заработанную плату.

Вотъ табличка по Епифанскому уѣзду:

Засѣваютъ:	Арендуютъ въ 2 поляхъ десятинъ.	Имѣютъ надѣльной пашнѣ въ 2 пол. десятинъ.
до 1 дес.	0,5	0,99
1,1— 2 д.	0,7	1,6
2,1— 5 „	1,6	2,7
5,1—10 „	3,3	3,9
болѣе 10 „	8,9	5,2

Такимъ образомъ арендуютъ больше всего земли богатые дворы. Впрочемъ этотъ фактъ удостовѣренъ давно какъ земской статистикой, такъ и правительственной—официіальной.

Самой тяжелой формой аренды признается натуральная, къ которой относится, между прочимъ, испольная форма аренды. Извѣстны ламентаціи нашей печати по поводу этого вида аренды. Здѣсь, по мнѣнію интеллигенціи, ростовщичество землевладѣльца достигаетъ своего апогея, и мужикъ окончательно закабаляется. На самомъ же дѣлѣ эта форма аренды единственно возможная для бѣдныхъ дворовъ, если только дворъ не безскотный и имѣетъ одного рабочаго. Изслѣ-

дователи ссылаются на тяжелыя условія, заключаемыя съ крестьянами-арендаторами, но въ дѣйствительности эти условія тяжелы только на бумагѣ. Если русскій человѣкъ, какъ мы видѣли, пишетъ и издаетъ законы, чтобы ихъ не исполнять, то онъ еще чаще пишетъ и совершаетъ договоры и обязательства съ той же цѣлью. И на словахъ онъ обыкновенно божится и клянется, хотя въ глубинѣ сердца знаетъ, что его клятвы и божба—скверная привычка и нисколько не свидѣтельствуютъ о твердой его рѣшимости исполнить обѣщанное. Слѣдуетъ замѣтить, что члены Комитетовъ не разъяснили того важнаго обстоятельства, что письменныя условія совершаются обыкновенно помѣщиками съ обществами и товариществами и очень рѣдко съ отдѣльными крестьянами, съ которыми обыкновенно заключаютъ словесные договоры, гарантирующіе владѣльца нисколько не менѣе, чѣмъ письменные. Выраженіе въ письменныхъ договорахъ „являться по первому требованію на работу“ то же весьма характерное. Это выраженіе встрѣчается и въ испольныхъ арендныхъ условіяхъ. Казалось бы, подобное выраженіе не имѣетъ смысла, такъ какъ испольщикъ заинтересованъ въ своевременности исполненія работы не менѣе владѣльца, но на практикѣ выходитъ иное. Общество и товарищество лишены всякой репрессіи по отношенію къ лѣнивому и неаккуратному своему члену, а потому эти строгія выраженія помѣщаются съ согласія и по желанію самихъ крестьянъ-арендаторовъ. Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ насъ поразилъ такой фактъ. Помѣщица заключила договоръ объ испольней арендѣ съ крестьянами двухъ сельскихъ обществъ, которые составили между собою товарищества. Разумѣется каждый испольщикъ бралъ испольную работу по силамъ: $^1/_2$ десятины, цѣлую десятину, $1^1/_2$ дес. и т. д., но всѣ эти условія въ договорѣ не помѣщены. Когда приходило время пахать, сѣять, косить или жать, помѣщица обращалась къ старостамъ се-

леній, которые и „выгоняли“ испольщиковъ на работу. На нашъ вопросъ, въ силу какихъ „законовъ“ примѣняется подобный курьезный способъ исполненія аренднаго договора, владѣлица сослалась на „Положенія“—на тѣ статьи закона, которыя опредѣляли обязанности временно-обязанныхъ крестьянъ при барщинѣ. Итакъ испольная работа по договорамъ приравнивается въ нашихъ селеніяхъ къ барщинной—крѣпостной. И крестьяне не только не протестуютъ, но находятъ подобный порядокъ вполнѣ разумнымъ и естественнымъ, иначе де не соберешь народа на работу. Обращаемъ вниманіе читателя на тотъ фактъ, что договоръ заключенъ не съ обществами, а съ товариществами двухъ селеній, состоящими изъ состоятельныхъ крестьянъ, владѣющихъ необходимымъ для испольной работы инвентаремъ. Неудобство договора заключается въ томъ, что товарищи разныхъ селеній не одинаково аккуратны и понуждаются не одинаково своимъ „начальствомъ“, отъ чего происходятъ неудовольстія и пререканія между ними. Товарищи одного селенія „празднуютъ“ въ то время, какъ товарищи другой деревни готовы итти на работу. Такимъ образомъ выраженіе „являться на работу по первому требованію“ имѣетъ въ испольныхъ договорахъ особый смыслъ и весьма важно въ интересахъ самихъ испольщиковъ. Незнакомые съ бытовыми условіями нашей деревни конечно признаютъ, что примѣненіе правилъ отжившей крѣпостной барщины явно указываетъ на „закрѣпощеніе“ испольщиковъ помѣщицей, а въ дѣйствительности крестьяне сами „закрѣпощаютъ“ себя въ своихъ личныхъ интересахъ и ради соблюденія справедливости. Уважаемая помѣщица очень удивилась, когда мы ей указали на то, что она примѣняетъ къ своимъ испольщикамъ порядки барщинно-крѣпостные, удивился и молодой помѣщикъ-интеллигентъ, утверждавшій, что иначе даже невозможно организовать испольную работу. Можетъ быть онъ и правъ, но это только подтверждаетъ на-

шу характеристику крѣпостной общины, которая безъ „начальства" существовать не можетъ, и характеризуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ многорѣчивыя и наивныя разглагольствованія членовъ мѣстныхъ Комитетовъ о „приниженности" нашего крестьянина и необходимости сравненія его гражданскихъ правъ съ прочими подданными Имперіи, при условіи сохраненія общинныхъ порядковъ нашей деревни.

Многіе крестьяне Рязанской губерніи арендуютъ товариществами окскіе поемные луга. Эти луга, благодаря общинному землепользованію, находятся въ плачевномъ состояніи, а потому при благопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ укосы удовлетворительны, а при неблагопріятныхъ очень плохи, иначе говоря ренту съ этихъ луговъ даетъ Божья благодать. Вѣроятно поэтому наша интеллигенція, ученая и неученая, и признаетъ ренту результатомъ монополіи земельной собственности и соціальныхъ условій, хотя мы все-таки не видимъ логической связи между „соціальными" условіями и „Божьей благодатью". Такъ или иначе, но крестьяне собираютъ много сѣна, когда Божья благодать дѣйствуетъ, но почти ничего не собираютъ, когда Богъ отказываетъ въ своей милости. Въ первомъ случаѣ крестьяне платятъ владѣльцу луговъ ренту исправно, а во второмъ—отказываются платить, и „начальство", въ данномъ случаѣ не сельское, а „всесословное"—признаетъ резонъ крестьянъ основательнымъ и уничтожаетъ силу и значеніе арендныхъ договоровъ, какъ денежныхъ, такъ и испольныхъ [1]). Все это несомнѣнно согласуется съ общинно-крѣпостными порядками нашей деревни, при которыхъ рента дѣйствительно обращается въ „Божью благодать", но вовсе не согласуется съ правовымъ строемъ государственнаго союза. Впрочемъ замѣтимъ, что въ данныхъ случаяхъ рента владѣльца вовсе не Божья благо-

---

1) Сообщаемое нами *дѣйствительный фактъ*.

дать, а является результатомъ расхищенія земельнаго фонда за счетъ будущихъ поколѣній. Общинное землепользованіе расхищаетъ продуктивный земельный фондъ, превращая его въ безплодный, а потому, строго говоря, тутъ нѣтъ и ренты: владѣлецъ проживаетъ свой земельный капиталъ.

Читатель на этомъ примѣрѣ можетъ убѣдиться, что экономическіе законы неизмѣнны и абсолютны. Ренту создаютъ не соціальныя отношенія и не Божья благодать, а энергія владѣльца земли; если эта энергія отсутствуетъ, то ренты нѣтъ. Государство, которое подавляетъ энергію владѣльцевъ и уничтожаетъ ея основу—земельную собственность, уничтожаетъ и ренту; т. е. лишаетъ народное богатство громадной прибыли, лишаетъ себя многомилліоннаго источника цѣнностей. Неутѣшительно!

Изъ изложеннаго объективный читатель самъ можетъ сдѣлать тотъ выводъ, къ которому пришли и мы. Арендныя условія крестьянъ въ нашей деревнѣ ненормальны, потому что весь строй жизни нашихъ крестьянъ анормальный. Нельзя обсуждать слѣдствія, не обсудивъ причины явленія, а въ эту ошибку постоянно впадаютъ члены мѣстныхъ Комитетовъ, почему постоянно сами себѣ противорѣчатъ, не отдавая себѣ даже отчета въ этихъ противорѣчіяхъ.

„Арендная плата является той прибылью (и рентой), которую получаетъ владѣлецъ, какъ всякій предприниматель при капиталистическихъ формахъ производства“—таковы сужденія интеллигентныхъ изслѣдователей, которыя принимаются у насъ за ученость, но которыя свидѣтельствуютъ лишь о невѣжествѣ „ученыхъ“ изслѣдователей. Развѣ сдача владѣльцемъ своей земли „капиталистическое“ производство? Производствомъ называется согласное, гармоническое сочетаніе всѣхъ факторовъ, а владѣлецъ представляетъ лишь одинъ—землю. Арендуя землю владѣльцевъ даже обществами, крестьяне ведутъ не „капиталистическое“ производство, а свое

крестьянское. Интересно, что изслѣдователь отрицаетъ „капиталистическое“ прозводство, когда дѣло идетъ объ арендѣ крестьянской земли, такъ какъ крестьяне—владѣльцы земли—сдаютъ ее „по нуждѣ“. Что за сумбуръ понятій господствуетъ въ головахъ нашихъ интеллигентныхъ изслѣдователей! Если дворянинъ или другой частный владѣлецъ сдаетъ въ аренду землю, то матушка-земля участвуетъ въ „капиталистическомъ производствѣ“, а если сдаетъ свою землю крестьянинъ, то матушка-земля не принимаетъ участія въ „капиталистическомъ производствѣ“. Такъ-ли? Факты свидѣтельствуютъ иное. Мы достовѣрно знаемъ, что на крестьянской арендной землѣ образовались обширныя капиталистическія производства заводовъ и фабрикъ.

Ненормальное положеніе крестьянской аренды, читаемъ мы въ Трудахъ Комитетовъ, „ясно свидѣтельствуетъ о крайнемъ несоотвѣтствіи между спросомъ на землю и ея предложеніемъ, ставящимъ съемщика въ тяжелую зависимость отъ землевладѣльцевъ“. „Такая зависимость особенно рѣзко проявляется при отработочной системѣ аренды“. Отработочный способъ работы является наиболѣе дорогимъ для арендатора, такъ какъ къ нему крестьяне прибѣгаютъ изъ боязни риска; при этомъ работы, которыя долженъ выполнить крестьянинъ, обыкновенно оцѣниваются нѣсколько ниже ихъ рыночной стоимости. „Договоръ объ ареднѣ представляется свободнымъ только по виду; въ дѣйствительности-же крестьяне-съемщики вынуждены соглашаться на тѣ условія, которыя ставятъ имъ земельныя собственники. Непомѣрно высокая арендная плата и довольно тяжелыя условія отработки ея являются сильнѣйшимъ побужденіемъ къ хищнической культурѣ: желая вознаградить себя за высокую арендную плату, съемщикъ стремится возможно полнѣе использовать силы земли въ теченіе арендного срока, хотя-бы такой способъ хозяйства отразился самымъ пагубнымъ образомъ на плодородіи почвы

въ будущемъ". „Подобное положеніе вещей невыгодно и для самого землевладѣльца, земля котораго истощается хищническими пріемами обработки, а высокая арендная плата далеко не всегда уплачивается полностью и въ положенные сроки". „Поэтому выгоды обѣихъ сторонъ сходятся въ томъ, что арендная плата не должна превосходить размѣровъ, соотвѣтствующихъ нормальной продуктивности земли при данныхъ условіяхъ веденія хозяйства". Приведенныя сужденія въ разныхъ варіаціяхъ повторяются въ Трудахъ мѣстныхъ Комитетовъ и представляютъ въ сущности выдержки изъ разныхъ литературныхъ источниковъ, ученыхъ и неученыхъ. Но подобный источникъ не придаетъ имъ еще основательности. Авторы доклада, изъ котораго мы выписали изложенное выше мѣсто, повидимому, и не подозрѣвали, что всѣ ихъ сужденія сотканы изъ противорѣчій. Арендная плата признается чрезмѣрной, но вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется причина „чрезмѣрности" арендной платы — хищническая культура съемщика, который такимъ путемъ *вознаграждаетъ* себя за чрезмѣрную арендную плату, т. е. ничего не теряетъ какъ съемщикъ. Представимъ себѣ, что капиталистъ будетъ раздавать въ ссуду свой капиталъ безъ всякихъ процентовъ; части раздаваемаго капитала могутъ быть очень велики и такими-же будутъ возвраты ссуды. Неужели капиталистъ — ростовщикъ, неужели возвраты ссудъ должника слѣдуетъ признать тяжелыми для него? Напротивъ, мы скажемъ, что теряетъ капиталистъ, а не должникъ, и капиталистъ теряетъ не только на процентахъ, но и на самомъ капиталѣ [1]). Соціалисты могутъ отвергать этотъ фактъ, сколько имъ угодно, но фактъ остается фактомъ въ силу свойства самой экомомической категоріи (капитала). Такимъ-же фактомъ является

---

[1]) 1000 рублей, взятые въ 1904 году не равняются 1000 рублямъ, возвращеннымъ въ 1905 году, а больше на всю сумму %; причина — время.

рента, и потому, когда она не получается, то теряется плодородіе земли, истощаются силы природы, расхищается земельный фондъ. Если крестьянинъ хищнически истощаетъ землю, то это значитъ, что онъ въ арендной платѣ возвращаетъ не только ренту владѣльца, но и часть капитальной стоимости земли или, точнѣе, онъ выплачиваетъ часть ренты будущихъ поколѣній—выплачиваетъ ее впередъ, какъ это бываетъ иногда съ должниками, которые выплачиваютъ % капитала впередъ (напримѣръ за два года). Подобный, своего рода дисконтъ, производятъ наши землевладѣльцы и крестьяне, нисколько не обижая другъ друга, но они обижаютъ будущія поколѣнія, обижаютъ національный капиталъ и главное—ведутъ безпутное хозяйство. „Отработочный способъ расплаты является наиболѣе дорогимъ для арендатора“, утверждаетъ докладъ, но затѣмъ объясняетъ: „къ нему крестьяне прибѣгаютъ изъ боязни риска“. Но если крестьяне прибѣгаютъ къ дорогой формѣ отплаты аренды, вслѣдствіе боязни риска, то нужда въ землѣ, а тѣмъ болѣе монополія владѣльца тутъ ни причемъ. Докладчики и не подозрѣваютъ, что за „del credere“ всегда платятъ, хотя, кажется, плата за „страхъ“ имъ должна быть извѣстна.

Въ сущности весь процессъ заключается въ слѣдующемъ: рента или арендная плата раскладывается на 10 лѣтъ; въ эти 10 лѣтъ 4 урожайныхъ и 6 неурожайныхъ годовъ; крестьяне платятъ высокую арендную плату въ урожайные 4 года и ничего не платятъ за 6 неурожайныхъ; помѣщики получаютъ свою ренту въ 4 года урожайныхъ и ничего не получаютъ въ неурожайные, а потому и требуютъ высокой арендной платы. Правы крестьяне, правы и помѣщики съ извѣстной точки зрѣнія. Но все-таки крестьяне находятся въ лучшемъ положеніи, ибо въ неурожайные годы ихъ прокормитъ Царь и дастъ возможность „продержаться“ въ голодовку, ну а помѣщиковъ никто не кормитъ. Вотъ почему земли помѣщиковъ, несмотря

на такія анормальныя отношенія, переходятъ въ концѣ-концовъ крестьянамъ. Этотъ знаменательный фактъ, совершенно необъяснимый съ точки зрѣнія комитетскихъ докладчиковъ о крестьянскихъ арендахъ, получаетъ свое закономѣрное разъясненіе именно въ томъ, на что мы указали.

Нѣкоторые Комитеты правильно отмѣтили ту сторону вопроса, о которой мнимые защитники крестьянскихъ интересовъ умолчали. Такъ мы читаемъ въ трудахъ Комитетовъ, что испольная система аренды необходимое зло, создаваемое безвыходностью землевладѣльца. Помѣщикъ рѣшается на эту форму хозяйства обыкновенно лишь подъ гнетомъ необходимости, когда у него нѣтъ оборотнаго капитала для самостоятельнаго веденія хозяйства. Если-же испольная сдача земли обусловливается со стороны владѣльцевъ обязательнымъ удобреніемъ ея крестьянами и обработкою ея принадлежащими владѣльцу болѣе усовершенствованными сельскохозяйственными орудіями, то на такія условія крестьяне идутъ съ крайней неохотой, предъявляя непомѣрныя требованія относительно слѣдуемой имъ части урожая и, при всемъ томъ, поставленныя имъ условія остаются, большею частію, мертвою буквою. Послѣднее свидѣтельство очень характерно: очевидно „непомѣрная“ арендная плата не такъ уже велика, если крестьяне отказываются отъ интенсификаціи земледѣлія и предпочитаютъ прежній, хищническій, способъ культуры, болѣе имъ выгодный.

Въ малороссійскихъ губерніяхъ испольная форма аренды единственно возможная при смѣпахъ, ибо гарантируетъ владѣльцевъ отъ злостныхъ потравъ: испольникъ не станетъ преступно травить хлѣбъ своего сосѣда, если испольничаетъ на его-же землѣ.

Въ нѣкоторыхъ Комитетахъ было высказано, что землевладѣлецъ получаетъ полностью арендныя деньги лишь въ случаѣ урожая; при неурожаѣ въ его пользу остается обыкновенно

задатокъ, или-же условленная арендная плата вообще уменьшается, въ зависимости отъ количества уродившагося хлѣба. „Такимъ образомъ, высокая, на первыя взглядъ, арендная плата на дѣлѣ является максимумомъ того, что землевладѣлецъ можетъ получить отъ аренды, въ случаѣ высокаго урожая". Приведенныя слова въ сущности утверждаютъ то, что мы разъяснили выше.

Тѣ-же самыя причины обусловливаютъ и краткосрочность арендныхъ условій, которая господствуетъ рѣшительно всюду въ Европейской Россіи съ общиннымъ землепользованіемъ. Въ сущности эта краткосрочная аренда—безсрочная; мужикъ снимаетъ землю, пока ему выгодно, баринъ сдаетъ землю, пока съемщикъ аккуратенъ.

Вопросъ о выгодности для крестьянъ аренды или нуждѣ въ ней чисто относительный, такъ какъ опредѣляется разнообразными условіями крестьянскаго быта, а потому Комитетамъ не слѣдовало-бы и касаться вопроса съ этой его стороны: то, что намъ кажется невыгоднымъ, домохозяину-крестьянину окажется очень выгоднымъ, а онъ одинъ судья въ этомъ вопросѣ. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ Комитетахъ отмѣчено, что нужда крестьянъ въ арендѣ объясняется „стремленіемъ" ихъ найти еще свѣжую, невыпаханную, а потому и болѣе плодородную землю, такъ какъ крестьянскія надѣльныя земли, давно уже выпаханныя, не даютъ прежнихъ урожаевъ и доходовъ, „а крестьяне, по невѣжеству своему въ дѣлѣ агрономической техники и отсутствію необходимыхъ средствъ, являются совершенно неподготовленными для болѣе интенсивныхъ культуръ". Сначала крестьяне арендовали только первоклассныя земли и выпахали ихъ; теперь принялись за второклассныя.

Какія-же мѣры были предложены въ Комитетахъ для „урегулированія" крестьянскихъ арендъ? Эти мѣры очень разнообразны. Наиболѣе рѣшительные члены Комитетовъ

предложили: 1) экспропріацію нужныхъ крестьянамъ земель отъ владѣльцевъ и 2) урегулированіе арендныхъ цѣнъ силою правительственной власти. Такъ какъ оба предложенія были отвергнуты большинствомъ Комитетовъ, да едва-ли могутъ быть допущены правительствомъ, то мы не считаемъ нужнымъ даже разъяснить всю ихъ неосновательность и неправомѣрность. Отмѣтимъ только тотъ „подвохъ", который дозволяютъ себѣ дѣлать изслѣдователи по данному вопросу (напр. г. Мануиловъ), ссылаясь на Ирландію. Въ Ирландіи земля принадлежитъ лордамъ на вотчинномъ средневѣковомъ правѣ; ирландскіе-же крестьяне искони владѣли своей землей совершенно такъ-же, какъ крестьяне на континентѣ и въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Поэтому пользованіе ирландскими крестьянами землей нельзя назвать „арендой" въ смыслѣ гражданскаго института. Вмѣшательство государства въ эти отношенія совершенно законно и справедливо. Отрицая это вмѣшательство, лорды отрицаютъ и свое собственное основаніе какъ господъ-вотчинниковъ, ибо верховнымъ вотчинникомъ англійской и ирландской земель признается король. Подобныя отношенія ничего общаго не имѣютъ съ отношеніями, вытекающими изъ гражданскаго института аренды. Сказанное приложимо и къ эстляндскимъ крестьянамъ, но мѣропріятія правительства здѣсь излишни, такъ какъ эстляндскіе крестьяне должны быть переведены съ мнимой аренды на выкупъ; вѣроятно правительство произведетъ должное „давленіе" на эстляндскій благородный классъ въ этомъ направленіи. Затѣмъ Комитетами предложены еще слѣдующія мѣры: организація широко доступнаго долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита для крестьянъ, привлеченіе Крестьянскаго Банка къ выдачѣ крестьянамъ ссудъ подъ аренду земель, учрежденіе всесословнаго Государственнаго Земельнаго Банка, субсидированіе правительствомъ обществъ и артелей для аренды земли, снятіе въ аренду земель земствомъ

для сдачи ихъ малоземельнымъ крестьянамъ, покупка земель казной съ цѣлью сдачи ихъ беднѣйшимъ крестьянамъ, даровая сдача въ аренду земель Крестьянскимъ Банкомъ (съ покрытіемъ лишь расходовъ Банка) и проч. и принятіе на себя Крестьянскимъ Банкомъ и земствомъ роли посредника между владѣльцемъ и крестьянами, въ видѣ гарантіи исправнаго поступленія арендныхъ платежей.

Рекомендуютъ нѣкоторые Комитеты и косвенныя средства къ урегулированію крестьянскихъ арендъ: установленіе права съемщика на вознагражденіе за неиспользованныя имъ улучшенія, обязательный выкупъ крестьянами „отрѣзковъ“, „прогоновъ“, „клиньевъ“ и пр., облегченіе крестьянамъ аренды государственныхъ земель, расширеніе операцій Крестьянскаго Банка по покупкѣ земель для крестьянъ, агрикультурныя мѣропріятія на надѣльной и покупной землѣ крестьянъ и переселенія.

Такимъ образомъ Комитеты рекомендуютъ массу мѣропріятій съ цѣлью укрѣпить внѣнадѣльную крестьянскую аренду, закрѣпить за крестьянами фактическое землепользованіе ими дворянскихъ и вообще частновладѣльческихъ земель съ конечной цѣлью перехода этихъ земель въ общинное крестьянское уравнительное землепользованіе. Что такова именно цѣль аграрной политики нашей интеллигенціи, не подлежитъ сомнѣнію. Остается разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ подобная политика соотвѣтствуетъ благу государства, благу самого крестьянства и вообще достижима при существующемъ государственномъ строѣ Россійской Имперіи.

Наша крестьянская деревня находится въ бѣдственномъ состояніи. Интеллигенція не только не отрицаетъ этого факта, но до сихъ поръ на всѣ лады ламентировала о полной пролетаризаціи крестьянства. Государственныя недоимки достигли въ общинной деревнѣ невѣроятныхъ размѣровъ. Вся масса земледѣльческихъ продуктовъ, вывозимыхъ за границу, по-

лучается изъ хозяйствъ частновладѣльческихъ, то же самое слѣдуетъ сказать и о городскихъ рынкахъ,—города кормятся частновладѣльческой деревней, а не общинной крестьянской. Только тамъ, гдѣ землепользованіе подворное (фактически или юридически—все равно), крестьяне являются поставщиками хлѣба и другихъ продуктовъ какъ въ городахъ, такъ и на заграничныхъ рынкахъ. Съ переходомъ всей земли въ общинное землепользованіе, государство сдѣлается банкротомъ. Совершенно ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что увеличеніе территоріи общиннаго крестьянскаго землепользованія дастъ развитіе обработывающей промышленности. Эта территорія—кормовая, никакихъ „остатковъ" не даетъ, а потому крестьянину не на что будетъ покупать произведенія индустріи. Теперь онъ покупаетъ ихъ на тѣ излишки, которые получаетъ съ частновладѣльческихъ земель и отчасти на тѣ, которые онъ получаетъ съ надѣловъ безземельныхъ, но послѣдніе излишки въ общинной деревнѣ ничтожны, такъ какъ общинная деревня не только обезземеливаетъ, но и уравниваетъ, т. е., рано или поздно, создаетъ массовый пролетаріатъ. Въ всякомъ случаѣ передъ нами фактъ—общинная деревня изъ голодовокъ не выходитъ уже много лѣтъ.

Общинная деревня поражаетъ крестьянство въ самый корень, что мы старались разъяснить въ одномъ изъ нашихъ трудовъ. Общинная деревня годна только для равномѣрнаго разверстанія тягла. Но тягольный порядокъ былъ возможенъ и полезенъ государству при особой системѣ репрессій, которыя въ настоящее время частію отмѣнены, частію подлежатъ отмѣнѣ. Въ результатѣ получимъ, что крестьянинъ не будетъ въ состояніи тянуть государственнаго тягла, что уже видно и теперь по накопившимся недоимкамъ. Ясно, что государство обанкрутится. Многіе Комитеты сами указали на тотъ фактъ, что дворянскіи земли, перешедшія въ общинное зем-

лепользованіе крестьянъ, выпахиваются почти до безплодія, а такихъ земель перешло къ крестьянамъ уже болѣе $^{1}/_{2}$.

Разсуждая о крестьянской внѣнадѣльной арендѣ, Комитеты почти исключительно говорили объ интересахъ и положеніи крестьянъ, но очень мало объ интересахъ и положеніи другого контрагента аренднаго договора — частномъ землевладѣльцѣ. Между тѣмъ передъ нами фактъ—что дворяне почти повсемѣстно ликвидировали свои хозяйства и свою землю сдаютъ крестьянамъ. Чѣмъ вызвано подобное печальное явленіе? Въ мѣстныхъ Комитетахъ какъ на причину указывали на недостатокъ оборотныхъ средствъ у частныхъ владѣльцевъ, недостатокъ капитала для меліорацій. Но подобное объясненіе совершенно ложно. Въ началѣ реформы дворяне получили выкупные, затѣмъ заложили свои имѣнія въ банкахъ, затѣмъ получили значительные капиталы отъ своихъ лѣсовъ и отъ продажи части своихъ имѣній; чрезъ ихъ руки прошло много капиталовъ. И мы достовѣрно знаемъ, что дворяне долго поддерживали свои хозяйства; нѣкоторые привели ихъ въ блестящее состояніе: завели травопольную систему и многополье съ корнеплодами, занялись садоводствомъ и лѣсоводствомъ и пр., пр. Но и эти имѣнія не спаслись отъ общей участи. Бухенбергеръ правильно указалъ на главную, въ сущности единственную причину сельскохозяйственнаго кризиса въ Россіи. Безъ батрака нельзя вести сельскаго хозяйства, а его то и не оказалось въ наличности: общинная деревня конфисковала его. Общинное уравнительное землепользованіе не спасаетъ отъ пролетаріата, а создаетъ его, но оно несомнѣнно уничтожаетъ батрацкія хозяйства; батраковъ при общинно-уравнительномъ землепользованіи нѣтъ и не можетъ быть. При общинномъ землепользованіи нѣтъ хозяйства; нести тягло еще не значитъ вести хозяйство; а если нѣтъ хозяйства, то нѣтъ и фактора, именуемаго трудомъ.

Послѣ освобожденія, крестьяне были постепенно переведены на оброкъ, но община плохо исполняла свою обязанность и крестьянъ перевели на выкупъ. Оброчные крестьяне отказывались работать у помѣщика; выкупные и подавно, и пришлось помѣщикамъ ликвидировать свои хозяйства и сдавать крестьянамъ землю въ аренду. Сначала, по привычкѣ, помѣщики желали имѣть дѣло съ обществами и сдавали имъ свои земли, но общества не платили арендныхъ денегъ, а власть не считала себя обязанной взыскивать аренду какъ оброкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если помѣщики принуждены были сдавать землю товариществамъ и отдѣльнымъ съемщикамъ.

Въ Комитетахъ обратили большое вниманіе на „скупщиковъ"—арендаторовъ. Объ этихъ „скупщикахъ" говорилось много и въ печати. Скупщики—великое зло; они набиваютъ цѣну аренды, эксплоатируютъ бѣдныхъ крестьянъ и проч., вообще посредники между владѣльцемъ и съемщиками крестьянами не должны быть терпимы. Къ „посредникамъ" наша интеллигенція чувствуетъ особое отвращеніе. Однако „посредничество"—видный и важный факторъ въ экономической жизни народа. Вся торговля—ничто иное какъ „посредничество". Помѣщики принуждены сдавать свои земли посредникамъ-скупщикамъ, когда сами не живутъ въ имѣніяхъ, не знаютъ лично крестьянъ и желаютъ уменьшить расходы по имѣнію. „Скупщики" приносятъ свою долю пользы, сдавая часто маленькіе участки бѣднѣйшимъ крестьянамъ, которые иначе лишены были бы всякой возможности приарендовать землицы. Сурово относясь къ „скупщикамъ", изслѣдователи упускаютъ изъ виду, что община поступаетъ нисколько не лучше скупщиковъ, а часто хуже. Кулаки, распоряжающіеся міромъ, часто стѣсняютъ бѣдняка такъ, что онъ попадаетъ къ нимъ въ полную кабалу. Безъ угощенія отъ міра ничего не добьешься, а скупщикъ обыкновенно самъ

угощаетъ съемщика. Міръ безжалостенъ, а скупщикъ—живой человѣкъ; иногда и пожалѣетъ...

Во всякомъ случаѣ всякія запретительныя мѣры тутъ потому не умѣстны, что всегда обходятся и будутъ обходиться крестьянами. Особое вниманіе обращено было въ Комитетахъ на скупщиковъ-евреевъ, какъ эксплоататоровъ крестьянъ. Законъ прямо запрещаетъ сдавать земли въ аренду евреямъ. Въ районѣ „осѣдлости" это правило прямо обязательно относительно сдачи въ аренду государственныхъ земель. Казна, всегда внимательно и любовно относившаяся къ интересамъ крестьянъ, сдаетъ имъ земли и вообще оброчныя статьи безъ торговъ. И вотъ что приходится наблюдать почти постоянно при сдачѣ крестьянамъ оброчныхъ земель. Въ „контору" является крестьянинъ—хохолъ, но, несмотря на всѣ усилія начальства, не умѣетъ толкомъ разъяснить свои предложенія и условія. Наконецъ начальство теряетъ терпѣніе и выкрикиваетъ: „да гдѣ твой жидъ"? Ось! кричитъ хохолъ, стремглавъ вылетаетъ изъ комнаты присутствія и возвращается съ жидомъ, который толково разъясняетъ все, что нужно. Арендаторомъ былъ жидъ, а крестьянинъ—соломенный человѣкъ, подставное лицо. Юркіе жиды „приспособляются" ко всему, особенно къ обходу законовъ, въ чемъ ихъ трудно у насъ и винить, такъ какъ мы видѣли, что обходить законы Россійской Имперіи признается обычаемъ русскаго народа и практикуется высшимъ правительствомъ въ интересахъ аграрной политики.

Впрочемъ въ нѣкоторыхъ Комитетахъ было указано, что арендаторы-евреи, весьма часто снимающіе землю лишь по словесному договору, оказываются обыкновенно добросовѣстными контрагентами, и что они даютъ всегда хорошую цѣну за землю, въ виду чего устраненіе ихъ отъ аренды представлялось бы нежелательнымъ. Авторъ съ своей стороны полагаетъ, что еврейскій вопросъ въ Россіи вообще очень трудно

рѣшить; онъ требуетъ особаго къ себѣ вниманія со стороны правительства; но нельзя не замѣтить, что эксплоатація жидами крестьянъ была обычнымъ явленіемъ въ Германіи въ средневѣковой общинѣ и совершенно прекратилась послѣ консолидаціи крестьянскихъ дворовъ [1]).

Въ Комитетахъ былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли всѣ государственныя земли передать въ собственность крестьянъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, рано или поздно, много государственной земли, годной для крестьянской культуры, перейдетъ къ нимъ; но мы надѣемся, что никогда государство не откажется отъ владѣнія лѣсами и другими угодьями, имѣющими громадное соціальное значеніе. Въ настоящее время ни одинъ серьезный экономистъ не отрицаетъ великаго значенія въ народной экономикѣ и въ финансовой политикѣ земельной государственной собственности въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Что же касается до „предпочтительной“ сдачи въ аренду казенныхъ оброчныхъ статей обществамъ и товариществамъ, то сама жизнь убѣдила уже министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ несправедливости и непрактичности подобнаго предпочтенія. Сдавать обществамъ значитъ сдавать кулакамъ: сдавать товариществамъ значитъ сдавать подъ хищническую культуру; сдавать же подъ долгосрочную аренду дворамъ-семьямъ значитъ создавать крѣпкое крестьянство на Руси. Кажется, выборъ не трудно сдѣлать, кому нужно оказать „предпочтеніе“. Къ сожалѣнію до сихъ поръ министерство руководилось ложной аграрной политикой; будемъ надѣяться, что оно ее измѣнитъ. Сдавая въ долгосрочную аренду дворамъ-семьямъ, министерство Земледѣлія можетъ организовать систему меліораціи казенныхъ зе-

---

[1]) Вспомнимъ великолѣпный разсказъ Фрица Рейтера «Ut de Franzosentid» и трагикомическій разсказъ честнаго крестьянина-мельника о томъ, какъ онъ попалъ въ лапы «проклятаго жида».

мель; сдавая обществамъ и товариществамъ, о меліораціяхъ не можетъ быть и рѣчи.

Вопросъ объ арендѣ надѣльной земли весьма мало занималъ вниманіе мѣстныхъ Комитетовъ, хотя нѣкоторые Комитеты высказали много правильныхъ сужденій по этому вопросу. Въ нашихъ общинахъ торгъ „душами"—самое обыкновенное явленіе. Мужицкое волостное начальство обратило на него свое вниманіе и поставило его подъ свой контроль, производя публичный торгъ „душами" въ волостныхъ правленіяхъ. Но агитація со стороны нашей печати обратила особое вниманіе на этотъ торгъ и новаго начальства; „торги" запретили и выпило великое зло. На „торгахъ" бѣдняки, продавая свои надѣлы, получали настоящую цѣну; дѣло происходило на виду у всѣхъ. Теперь торгуютъ въ селеніяхъ скрытно, и бѣдняки обездоливаются кулаками. Необходимо возстановить прежній порядокъ, предоставивъ крестьянамъ полную свободу „торговать" своими душами со внесеніемъ сдѣлокъ и „торговъ" въ книгу при волостномъ правленіи; это лучшее средство освободить крестьянъ отъ кулаковъ при арендѣ надѣльной земли.

Комитеты обратили вниманіе на недостатокъ нашего законодательства объ арендахъ. Одни члены указывали на необезпеченность правъ арендатора, особенно мелкаго крестьянина отъ произвола собственника; другіе, напротивъ, утверждали, что у насъ не обезпеченъ владѣлецъ отъ нарушеній его правъ арендаторомъ. Къ сожалѣнію Комитеты, указывая на неполноту и несовершенство нашихъ гражданскихъ законовъ, не высказали, въ чемъ выражаются эти неполнота и несовершенство. Многія же пожеланія, высказанныя въ Комитетахъ, показываютъ, что члены ихъ имѣютъ весьма смутныя представленія объ этомъ предметѣ. Такъ было высказано требованіе, чтобы законъ выработалъ „общій нормальный арендный дороговоръ", но въ чемъ должны заключаться эти

„нормы“ не сказано, а какъ примѣръ приведено умолчаніе въ арендномъ договорѣ о тѣхъ причинахъ, по коимъ должна быть допущена отсрочка или разсрочка платежей, а равно о тѣхъ причинахъ, которыя влекутъ за собой уничтоженіе договора. Но развѣ законъ можетъ предусмотрѣть всѣ условія, влекущія за собою право контрагента требовать уничтоженія договора? А если контрагенты вовсе не желали предоставлять другъ другу подобныхъ правъ? Юристы допускаютъ въ этихъ случаяхъ лишь force majeure. Регламентація договоровъ не только не желательна съ соціально-экономической точки зрѣнія, но и совершенно не согласна съ началами права, ибо это значило бы создавать искусственную волю для контрагентовъ. Если въ договорѣ чего не значится, то, въ силу логики договоровъ, контрагенты объ этомъ предметѣ не договаривались, а потому и нельзя имъ навязывать того, чего они не желали установлять. Законъ установляетъ только тѣ нормы обязательствъ, которыя свойственны существу договора, въ силу его юридической, т. е. формальной конструкціи. О разсрочкахъ въ платежахъ и проч. никакихъ законодательныхъ нормъ не можетъ быть, кромѣ указанной нами выше; то же самое мы должны сказать и о правахъ контрагентовъ требовать уничтоженія договора. Въ Комитетахъ высказано было желаніе установленія закономъ правилъ, ограждающихъ собственника отъ хищнической эксплоатаціи имѣнія. Но какія же тутъ могутъ быть правила? Дѣйствія арендатора въ этомъ отношеніи могутъ быть крайне разнообразны и судить о нихъ можетъ только владѣлецъ, какъ заинтересованное лицо, а не законодатель; пусть же владѣлецъ и помѣститъ въ договорѣ свои требованія. Повидимому члены Комитетовъ привыкли смотрѣть на государство какъ на няньку, которая должна всюду за ними ходить и предохранять ихъ отъ убытковъ и пр. Характерный взглядъ нашей интеллигенціи на обязанности государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и своеобразный! Съ

одной стороны, признается, что нашъ народъ, интеллигентный и неинтеллигентный, такъ не способенъ, что не умѣетъ толково составить арендный договоръ, не умѣетъ въ договорѣ оградить свои частные интересы, а съ другой—требуется дарованіе этому народу широкихъ политическихъ правъ. Выходитъ нѣчто несуразное. Высказаны Комитетами и пожеланія о нежелательности требованія закономъ письменной формы арендныхъ договоровъ, въ виду безграмотности крестьянъ. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться, и такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ громадное значеніе для нашей деревни, то выскажемъ здѣсь наши соображенія.

Вопросъ о силѣ и значеніи словесныхъ договоровъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о силѣ и значеніи въ судѣ свидѣтельскихъ показаній. Правительствующій Сенатъ уже давно расширилъ значеніе свидѣтельскихъ показаній по гражданскимъ дѣламъ, допуская ихъ даже вопреки буквальнаго смысла закона. Практика прежняго Сената (въ первые годы судебной реформы) была иная и подвергалась осужденію со стороны многихъ русскихъ юристовъ (напр. Думашевскаго). Ссылались на безграмотство русскаго народа, на непримѣнимость практики Сената въ мировыхъ учрежденіяхъ въ особенности для деревни. Многолѣтній опытъ убѣдилъ автора какъ разъ въ обратномъ. Крестьянинъ прекрасно понимаетъ, что на судѣ нужно доказать свои требованія и свои возраженія; выраженія „не доказалъ“ или „доказалъ“ намъ постоянно приходилось слышать отъ крестьянъ. Конечно крестьянину обидно, если правильныя его требованія не уважены или справедливыя его возраженія не приняты, но обида всецѣло относится къ „мошеннику“ истцу или отвѣтчику, и крестьянинъ въ концѣ-концовъ самъ себя винитъ: „повѣрилъ“ человѣку, а онъ „обманулъ“. Но совершенно иначе относится крестьянинъ къ тѣмъ рѣшеніямъ суда, по которымъ исковыя требованія были присуждены на основаніи свидѣтельскихъ показаній, а

тѣмъ болѣе къ тѣмъ, въ которыхъ были опорочены письменные акты въ силу свидѣтельскихъ показаній. Крестьянинъ тутъ уже совершенно теряется и справедливо утверждаетъ, что такими судебными рѣшеніями можно раздѣть человѣка „до нага". Примемъ при этомъ въ соображеніе, что ложныя показанія свидѣтелей—обычное явленіе въ деревнѣ. Наши юристы упускаютъ изъ виду слѣдующее: всякій (и крестьянинъ) можетъ оградить себя письменнымъ актомъ, но отъ ложныхъ свидѣтелей никто не можетъ себя оградить. Если мнѣ откажутъ въ искѣ по бездоказательности—непріятно, но бѣда не велика, ибо я самъ виноватъ въ своей небрежности. Но если я рискую всякую минуту быть разореннымъ недобросовѣстными исками, то положенія дѣлается невыносимымъ, а это именно то, что творится въ нашей крестьянской деревнѣ, благодаря широкому примѣненію свидѣтельскихъ показаній въ гражданскихъ дѣлахъ.

Для юриста свидѣтельское показаніе вовсе не доказательство. Показаніе свидѣтелей, собственно говоря, сужденіе, а не свидѣтельство фактовъ. Самые добросовѣстные свидѣтели могутъ ошибаться. Попробуйте допросить 3—4 свидѣтелей объ одномъ и томъ же фактѣ, и вы непремѣнно получите разнорѣчіе, иногда очень рѣзкое. .

Такимъ образомъ мы рѣшительно настаиваемъ на томъ, чтобы свидѣтельскія показанія въ гражданскихъ дѣлахъ допускались лишь тамъ, гдѣ не представлено письменныхъ актовъ, и не имѣли бы того рѣшающаго значенія вообще, каковымъ они совершенно неправильно пользуются въ нашихъ судахъ. Судъ никогда не долженъ забывать, что свидѣтель удостовѣряетъ не факты, а свое сужденіе о фактахъ. Для безграмотной деревни это еще важнѣе, чѣмъ для города. Пусть лучше откажутъ крестьянину въ искѣ по бездоказательности, чѣмъ допустятъ его разореніе недобросовѣстными исками.

Эстляндскій комитетъ требуетъ не только обязательно пись-

менныхъ арендныхъ договоровъ (согласно дѣйств. прав. 63 и 68 полож.), но и репрессіи (уголовной) за незаключеніе таковыхъ. Въ виду института Bauerland'a, это совершенно понятно.

Члены Комитетовъ много разсуждали о томъ, что арендатору нельзя предоставить, по закону, права передавать свою аренду чужому лицу, но наши гражданскіе законы такихъ правъ арендатору и не предоставляютъ; что же касается до остальныхъ пунктовъ „запрещеній", желательныхъ по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ комитетовъ, то они совершенно не умѣстны; запрещать арендатору мѣнять сѣвооборотъ силою закона—чистая нелѣпость: объ этомъ долженъ позаботиться самъ владѣлецъ. Запрещать арендатору продавать „на сторону" солому, навозъ, песокъ, лѣсъ и вообще „предметы, добываемые въ имѣніи", равносильно уничтоженію почти всякаго пользованія по арендному договору. Все это можетъ быть предметомъ заключаемаго сторонами договора, но не законодательными нормами; то же самое мы должны сказать и объ обязанностяхъ арендатора, придуманныхъ членами Комитетовъ. Размѣры пользованія и обязательства арендатора должны быть обозначены въ самомъ договорѣ, а законодательная регламентація тутъ не примѣнима.

Въ Комитетахъ многіе члены указывали на полную необезпеченность владѣльца отъ злоупотребленій арендатора. Такъ, при нежеланіи арендатора, по истеченіи срока аренднаго договора, добровольно оставить находящуюся въ его пользованіи землю, судебный процессъ затягивается на продолжительное время, и владѣлецъ несетъ большіе убытки, не имѣя ни малѣйшей надежды ихъ возмѣстить, по неимѣнію у арендатора имущества. Вѣроятно это обстоятельство и подало поводъ многимъ Комитетамъ проектировать разныя стѣснительныя правила для арендатора въ огражденіе правъ собственника имѣнія. Между тѣмъ указанныя жалобы чле-

новъ Комитета лишь характеризуютъ нашу юстицію и порядки безспорныхъ взысканій. Земскіе начальники отказываютъ владѣльцамъ-собственникамъ въ интердиктѣ въ дѣлахъ о незаконномъ завладѣніи противъ съемщиковъ, хотя бы права съемщиковъ не имѣли никакого законнаго или правомѣрнаго основанія. Но противъ подобныхъ, не имѣющихъ никакого юридическаго смысла, судебныхъ рѣшеній, никакіе законы не помогутъ. Законы примѣняются судьями, а если судьи плохи, то никакая законодательная казуистика не поможетъ горю. Если у насъ находятся прокуроры и судьи, признающіе самоуправствомъ задержаніе собственникомъ земли сжатаго испольщикомъ хлѣба, согласно заключеннаго съ нимъ договора, то никакая регламентація аредныхъ договоровъ закономъ не принесетъ ни малѣйшей пользы. Вѣдь нельзя же изложить законъ такъ: не признается самоуправствомъ, если контрагентъ дѣйствуетъ согласно условіямъ заключеннаго имъ договора. Вообще наше общество не признаетъ правъ хозяина и полагаетъ, что хозяинъ можетъ пользоваться своими правами не иначе, какъ имѣя за плечами полицейскаго. Члены Комитетовъ полагаютъ, что это происходитъ отъ неясности и недостаточности нашихъ гражданскихъ законовъ, на самомъ же дѣлѣ источникъ подобныхъ странныхъ воззрѣній заключается въ отсутствіи въ нашемъ обществѣ чувства и идеи правомѣрности. Такимъ образомъ лучшимъ обезпеченіемъ правъ собственника земли слѣдуетъ признать установленіе правильнаго порядка безспорныхъ взысканій.

Относительно аренды крестьянами государственныхъ, казенныхъ земель, нѣкоторыми Комитетами высказаны пожеланія уже давно осуществившіяся законодательнымъ порядкомъ. Большія площади казенной земли разбиваются на меньшіе участки, доступные для съёма крестьянами; торги переведены изъ центра въ волостныя правленія; обществамъ и товариществамъ оброчныя статьи сдаются безъ торговъ и

льготы для обществъ и товариществъ расширены закономъ 5 іюня 1900 года. Однимъ словомъ, государство осуществило все то, чего требовала интеллигенція въ лицѣ своего органа — печати. Но Комитеты все-таки не довольны положеніемъ аренднаго дѣла. Указывается, во первыхъ, на то, что казенныя оброчныя статьи расположены среди многонадѣльныхъ крестьянскихъ селеній, и, во вторыхъ, на недостатокъ самодѣятельности и подвижности съёмщиковъ—крестьянъ, благодаря которой крестьяне упускаютъ возможность снять казенную землю въ аренду. Необходимо еще болѣе разбить крупныя оброчныя статьи, аренда коихъ нынѣ доступна только богатымъ крестьянамъ и предоставить еще болѣе льготъ арендѣ казенныхъ земель обществами и товариществами, т. е. коллективной, удлинивъ сроки аренды, чтобы дать возможность производству съёмщиками наиболѣе важныхъ меліоративныхъ работъ.

Нетрудно усмотрѣть всю несостоятельность изложенныхъ „пожеланій“. Перемѣстить казенныя оброчныя статьи изъ одной мѣстности въ другую государство не можетъ, ибо подобное перемѣщеніе физически невозможно. Создать самодѣятельность крестьянъ государство тоже не можетъ; во всякомъ случаѣ менѣе всего способны возбудить самодѣятельность крестьянъ тѣ именно мѣры, которыя рекомендуются Комитетами—развитіе „коллективныхъ“ арендъ. Коллективныя аренды—величайшее зло, и если Министерство Земледѣлія употребило столько усилій для ихъ развитія, то это обстоятельство объясняется своеобразнымъ составомъ этого Министерства и давленіемъ интеллигентнаго общественнаго мнѣнія. Прежде всего замѣтимъ, что коллективныя аренды—одна личина; въ дѣйствительности при „общественныхъ“ арендахъ арендуютъ кулаки, при товарищеской—стоящіе во главѣ товарищества состоятельныя, зажиточные крестьяне. Мы уже неоднократно разъясняли, что бѣдные не могутъ ни владѣть

землею, ни арендовать ее, по неимѣнію скота и пр., и рабочей силы. Такимъ образомъ они составляютъ баластъ не нужный и вредный въ товариществахъ, усложняя сдѣлки и подавляя предпріимчивость крестьянъ. Послѣдовательно преслѣдуя всюду ложную аграрную политику, мы создаемъ лишь ложныя конъюнктуры и подавляемъ производительныя силы крестьянства. Говорить о возможности „меліораціи“ при коллективной арендѣ—насмѣхаться надъ природою вещей. Все это извѣстно Министерству Земледѣлія, и если оно упорно продолжаетъ слѣдовать ложной аграрной политикѣ, то это объясняется тѣмъ, что нигдѣ интеллигентный мандаринатъ такъ ни силенъ, какъ въ этомъ вѣдомствѣ. Извѣстно, что чины этого вѣдомства рекрутируются изъ учебныхъ заведеній, спеціально созданныхъ для развитія этого мандарината. А между тѣмъ Министерство Земледѣлія могло бы оказатьгромадную услугу крестьянству и его развитію, создавая на казенной землѣ хуторскія хозяйства — хозяйства семей — дворовъ вмѣсто „коллективныхъ“ арендъ, которыя только хищнически эксплоатируютъ казенную землю. Громадное значеніе аренда казенныхъ земель имѣетъ въ Сибири, Пермской губерніи и на нашемъ сѣверѣ для заимочныхъ хозяйствъ, но Министерство Земледѣлія все время занималось уничтоженіемъ этихъ хозяйствъ, а не созиданіемъ ихъ. Подстриганіе Министерствомъ всего русскаго народа подъ общую норму „коллективнаго“ землепользованія производилось съ замѣчательной послѣдовательностью и энергіей, но подобная политика кромѣ уродливыхъ хозяйственныхъ формъ не принесла никакой пользы ни казнѣ, ни крестьянству.

Еще съ большей настойчивостью дѣйствовало удѣльное вѣдомство, но здѣсь играли роль крѣпостныя традиціи господина-вотчинника, преимущественно круговая порука. Удѣльное вѣдомство сдаетъ въ аренду свою землю и отдѣльнымъ крестьянамъ, но подъ условіемъ отвѣтственности за порубки

и потравы, производимыя крестьянами селенія или окрестными. Благопріятствуя обществамъ и товариществамъ, удѣльное вѣдомство возлагаетъ на нихъ обязанность производить меліораціи и держаться болѣе совершенныхъ сѣвооборотовъ, но въ товарищества входятъ весьма неблагонадежныя лица, запустившія собственное хозяйство, неспособныя къ труду: результаты подобныхъ „коллективныхъ“ арендъ ясны сами по себѣ. Въ Архангельскихъ Комитетахъ указано, что не малымъ тормазомъ къ улучшенію арендуемыхъ покосовъ служатъ частые передѣлы арендуемой земли, наряду съ надѣльной.—О своеобразномъ землепользованіи башкиръ мы уже говорили. Не менѣе своеобразно сложились арендныя отношенія башкирской земли. Башкиры сдаютъ въ аренду („продаютъ“) свои „надѣльныя“ земли (пайки), сдаютъ и „общественную“. При арендѣ той и другой земли, господствуетъ великій безпорядокъ, и казенное совѣщаніе пришло къ убѣжденію въ необходимости отнять у башкирскихъ обществъ самое право сдавать свои земли въ аренду, передавъ это право казенному „начальству“ надъ башкирами. Тоже очень характерное явленіе! Сущность же вопроса, который администрація надъ башкирами понимаетъ такъ же мало, какъ и наша интеллигенція, заключается въ слѣдующемъ. Башкиры были номадами, скотоводами и охотниками. Перейдя въ ту стадію развитія, которая опредѣляется утѣсненіемъ территоріи въ силу закона ёмкости, башкиры обратились къ захватному владѣнію и интенсификаціи своихъ хозяйствъ; но введеніе общиннаго уравнительнаго механизма помѣшало этому естественному ходу вещей и создало въ землепользованіи башкиръ анархію. „Начальство“ видитъ эту анархію, но не понимаетъ ни ея сущности, ни ея причинъ и предлагаетъ возстановить прежніе крѣпостные вотчинные порядки. Между тѣмъ единственный исходъ изъ анормальнаго общиннаго порядка—консолидація башкирскихъ семей—дворовъ, начиная

съ богатыхъ, что и было предложено однимъ членомъ совѣщанія наиболѣе знакомымъ съ бытомъ башкиръ, но отвергнуто имъ. Необходимо закрѣпить вотчинную землю за богатыми дворами, а затѣмъ постепенно за бѣдными на правѣ собственности. Остатокъ составитъ общинную землю общинъ—волостей какъ учрежденій. Иного исхода нѣтъ, тѣмъ болѣе, что только подобный исходъ согласенъ съ Положеніями о башкирахъ, т. е. съ освободительнымъ актомъ, но начальство башкиръ не понимаетъ сущности реформы ихъ быта и витаетъ въ области крѣпостныхъ вотчинныхъ идей.

Въ заключеніе настоящей главы выскажемъ, что аренда государственной земли крестьянами можетъ сыграть великую роль въ развитіи нашего крестьянства, но при условіи измѣненія аграрной политики правительства въ самомъ ея корнѣ. Аренда казенной земли можетъ мощно содѣйствовать консолидаціи крестьянскихъ дворовъ и развитію самодѣятельности крестьянъ, вызывая въ нихъ особую энергію, освобождая ихъ, между прочимъ, и отъ закрѣпощенія общины. Чѣмъ больше образуется отдѣльныхъ подворныхъ хозяйствъ на казенной землѣ, тѣмъ лучше. Съ подворниками казна можетъ входить въ разнообразныя условія въ интересахъ интенсификаціи земледѣлія (разумѣется постепенно, не ускоряя темпа культурнаго развитія) и тѣмъ значительно увеличить національный земельный фондъ. Общинный же земельный фондъ не національный, а анархическій, а потому чѣмъ скорѣе государство ликвидируетъ его, тѣмъ лучше для государства и всего русскаго народа. Ибо государство и народъ—одно и то же,—оба понятія—синонимы; сельскія же общества не народъ и не государство, а лишь „общественныя“ учрежденія, предназначенныя вѣдать „общественныя“ мѣстныя дѣла, а не частныя хозяйственныя.

VIII.

Природныя препятствія сельскому хозяйству.

Такъ озаглавилъ составитель свода тѣ условія, съ которыми приходится бороться земледѣльцу въ своей хозяйственной дѣятельности. „Сельскохозяйственная промышленность всецѣло зависитъ отъ наибольшей производительности земли, а послѣдняя отъ благотворнаго воздѣйствія на землю творческихъ силъ природы". На это мы замѣтимъ, что самъ человѣкъ есть творческая сила природы, частичка этой силы, но въ промышленной дѣятельности онъ выступаетъ какъ дѣйствующее лицо, какъ субъектъ, и только съ этой точки зрѣнія можно разсматривать сельскохозяйственную промышленность, т. е. съ точки зрѣнія воздѣйствія человѣка на силы природы, какъ хозяина-земледѣльца. Поэтому силы природы не могутъ быть „поколеблены" человѣкомъ; онѣ дѣйствуютъ всегда съ закономѣрной неизмѣнностью, но человѣкъ, какъ производитель и потребитель, можетъ пользоваться ими умно и неразумно, удачно и неудачно, хорошо и дурно—съ пользой для себя и вредно. Если стихійныя „бѣдствія" представляются уму человѣка какъ внезапныя, независящія отъ воли человѣка явленія, то не слѣдуетъ забывать, что человѣкъ, какъ хозяинъ, всегда ихъ учитываетъ, подводя балансъ своей хозяйственной дѣятельности, и долженъ ихъ учитывать. Въ этомъ мы убѣдимся изъ дальнѣйшаго изложенія „природныхъ препятствій сельскому хозяйству", съ которыми приходится имѣть дѣло земледѣльцу.

Особое вниманіе Комитетовъ обратили на себя засухи. Особенно часто и болѣе серьезно страдаютъ отъ засухъ губерніи черноземныя, но нѣкоторые Комитеты губерній лѣсныхъ, болотистыхъ, тоже жалуются на засухи. Вообще Комитеты установили, что засухи усилились сравнительно съ прошлымъ временемъ, и упадокъ урожаевъ прямо объясняется вліяніемъ засухъ. За послѣднія десять лѣтъ, утверждалось въ Комитетахъ, для всѣхъ хорошо замѣтны колебанія климатическихъ условій, обращающія трудъ земледѣльца въ безполезную затрату силъ. Причины тоже у всѣхъ на глазахъ: лѣсоистребленіе, распашка, ростъ овраговъ и песковъ. Земля высохла. Зловредные лѣтніе суховѣи участились; они жгутъ растительность, а посѣвы гибнутъ. Двухмѣсячная засуха, неравномѣрность осадковъ и температуры—все это результатъ дѣйствія восточныхъ вѣтровъ, которые захватываютъ все большій и большій районъ. Всѣ вопросы о причинахъ засухъ, вредѣ ихъ и о мѣрахъ борьбы не новы,—говорилось въ Комитетахъ,—всѣ онѣ десятки лѣтъ уже обсуждались въ земствахъ, „всѣ теоретически разрѣшены на сельско хозяйственныхъ съѣздахъ“.

И тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ утверждать, что вліянія засухъ не упадокъ урожаевъ черноземной полосы *ничѣмъ не доказано*. Въ пользу нашего мнѣнія говоритъ уже одинъ непреложный фактъ—самъ черноземъ. Какова-бы ни была научная теорія образованія плодороднаго чернозема, первѣйшимъ и необходимѣйшимъ условіемъ его образованія являются континентальность климата и „засухи“. Въ мѣстностяхъ съ влажнымъ климатомъ можетъ образоваться лишь „кислый черноземъ“—торфяники.

Слѣдовательно континентальность климата и засухи были всегда присущи нашимъ черноземнымъ губерніямъ, а потому количество атмосферныхъ осадковъ и самое распредѣленіе ихъ не измѣнились и во всякомъ случаѣ едва-ли измѣнились за послѣднее время.

Въ сѣверномъ полушаріи, говоритъ wan Bebber въ своей метеорологіи, наибольшія различія въ давленіи воздуха приходятся на зиму и соотвѣтственно этому въ это время года здѣсь наиболѣе сильны и часты югозападные вѣтры, поэтому и осадки наиболѣе часты и обильны. Но это относится преимущественно къ морскому климату, однако западные вѣтры проникаютъ и на континентъ, и еще далеко внутри страны показываютъ свое морское происхожденіе. *Внутри материковъ условія совсѣмъ другія*. Давленіе воздуха здѣсь зимою высоко и потому осадковъ мало, лѣтомъ-же низко, и потому дожди вообще часты и обильны". „Во всей Россійской Имперіи (за исключеніемъ западнаго берега Крыма, Кавказа, Закавказья и Туркестана) максимумъ осадковъ приходится на лѣто, минимумъ на зиму". Вотъ что говоритъ наука, а вовсе не то, что утверждали въ нашихъ земствахъ и „теоретически" разрѣшали на сельскохозяйственномъ съѣздѣ. Но, можетъ быть, наука ошибается, а правы русскіе „люди земли"—земская интеллигенція? Замѣтимъ, что истинная наука никогда не рѣшаетъ своихъ вопросовъ такъ автократически, какъ ихъ принято рѣшать въ средѣ нашей интеллигенціи. Она знаетъ, что въ каждомъ жизненномъ явленіи масса дѣятелей, иногда скрывающихся отъ наблюдателя, имъ незамѣченныхъ. Таковы, напримѣръ, электрическіе дѣятели, вѣроятно дѣйствующіе на распредѣленіе осадковъ въ разныхъ мѣстностяхъ, которые учесть трудно. Поэтому лучшій способъ рѣшить вопросъ о количествѣ осадковъ въ данной мѣстности—регистрація ихъ. Вотъ количество осадковъ въ теченіи мая—сентября въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи [1]):

Архангельскъ..	216	миллим.	Самара........	233	миллим.
Петербургъ....	271	„	Уфа...........	278	„
Москва........	302	„	Кишиневъ.....	279	„

[1]) См. Лохтинъ „Состояніе сельск. хоз. въ Россіи и пр. стр. 8—9.

Горки (Мог. г.). .	302	миллим.	Одесса и Никол.	206	миллим.
Кострома.......	308	„	Полт. и Харьк..	280	„
Вологда........	271	„	Новочеркасскъ.	229	„
Вятка..........	269	„	Саратовъ.....	213	„
Пермь..........	266	„	Оренбургъ....	202	„
Нижній-Новг....	298	„	Астрахань....	77	„
Кіевъ...........	283	„	Симферополь..	237	„
Черниговъ......	269	„	Ставрополь...	396	„
Орелъ и Курскъ.	298	„	Тифлисъ......	290	„
Тамбовъ и Пенза.	267	„	Ташкентъ.....	28	„

Сравнимъ количество осадковъ, указанныхъ въ таблицѣ, съ другими странами за тотъ-же лѣтній періодъ:

Сѣвер. Шлезвигъ-Гольштейнъ.......	273	миллим.
Пруссія и Померанія...............	283	„
Восточная Германія вообще.........	280	„
Средняя „	259	„
Западная „	300	„
Тюрингенъ.........................	270	„
Голландія и Бельгія...............	296	„
Данія.............................	296	„
Парижъ............................	249	„
Восточная Англія..................	253	„

Итакъ Россія ничѣмъ не отличается отъ прочихъ государствъ въ отношеніи „засушливости климата“. Цифры неопровержимо доказываютъ совершенно обратное тому, что доказывали интеллигенты въ нашихъ земствахъ и сельскохозяйственныхъ съѣздахъ. Но, можетъ быть, періодъ весеннихъ дождей у насъ даетъ мало осадковъ, а въ другихъ странахъ Европы гораздо больше? Ничуть не бывало: *въ апрѣлѣ* въ Пруссіи выпадаетъ 34,8 миллим., въ средней Германіи 37,1 милл., въ западной 38,4, въ Даніи 37,8, въ

Парижѣ 46,4; а у насъ: въ Орлѣ 45,8, въ Тулѣ 50,6, въ Кіевѣ 42,5, въ Воронежѣ 39,7, въ Рязани 40, въ Курскѣ 32, въ Саратовѣ 31,1, въ Пензѣ 30. Меньше выпадаетъ осадковъ въ апрѣлѣ въ Самарѣ, Казани, Вяткѣ, Симбирскѣ, но за то въ маѣ эти мѣстности получаютъ почти такое-же количество осадковъ, какъ и указанныя мѣстности западной Европы [1]).

Впрочемъ Россія имѣетъ два преимущества противъ Западной Европы относительно весенней влаги: снѣжный покровъ и черноземъ. Черноземная-же германская низменность по количеству лѣтнихъ осадковъ не отличается отъ черноземной Россіи. Да иначе и быть не можетъ; если-бы нашъ черноземный центръ имѣлъ влажный морской климатъ, то культура хлѣбовъ была бы не возможна: вмѣсто хлѣба получалась-бы „трава"; извѣстно, что полеганіе хлѣбовъ на черноземѣ въ дождливое лѣто несравненно опаснѣе засухъ. Наша земская интеллигенція сама не знаетъ, чего требуетъ отъ природы.

Въ Комитетахъ, кромѣ голословныхъ ссылокъ объ измѣненіи климата Россіи и увеличившихся засухъ, пытались подтвердить вліяніе засухъ „рельефными" фактическими данными. Посмотримъ-же на эти „рельефныя" данныя, свидѣтельствующія о губительныхъ дѣйствіяхъ увеличившихся засухъ.

Членомъ Комитета г. Каменскимъ представлены записи урожаевъ по его имѣнію, веденныя съ 1843 по 1892 гг. Хотя эти записи не совсѣмъ точны и полны, но несомнѣнно представляютъ живой интересъ.

Средняя урожайность съ 1 десятины съ 1844—1859 г.:

Гирки четв.	Ячменя четв.	Овса четв.	Ржи четв.
4,3	6,3	12,7	4,4

Средняя урожайность съ 1859—1869 г.:

4,9	5,8	8,1	5,2

---

[1]) См. у Лохтина стр. 9.

Средняя урожайность съ 1869—1881 г.:

Гирки четв.	Ячменя четв.	Овса четв.	Ржи четв.
3,3	—	6,4	4,6

Средняя урожайность съ 1881—1892 г.:

2,5	5,2	8,2	3,4

Урожаи хлѣбовъ несомнѣнно упали, и г. Каменскій, а за нимъ составитель свода утверждаютъ, что причина пониженія урожаевъ объясняется лишь засухами, такъ какъ посѣвы производились на малопахатныхъ и цѣлинныхъ земляхъ, что исключаетъ предположеніе объ истощеніи почвы. Эти утвержденія мы рѣшительно признаемъ неправильными; г. Каменскій повидимому плохо знакомъ съ своимъ собственнымъ имѣніемъ.

Возможно-ли допустить, что въ этомъ имѣніи съ 1849—1892 г. могла сохраниться въ неприкосновенности „цѣлинная" земля? Уже количество засѣвавшихся съ 1849 г. десятинъ ясно указываетъ, что это невозможно, и земледѣльческая исторія имѣнія свидѣтельствуетъ какъ разъ обратное. Въ 1849 г. засѣвалось въ имѣніи каждаго хлѣба 30—73 десятинъ; въ 1859 г.—5—178$^1/_2$ дес., въ 1869 г.—6—200 дес., въ 1881 г.—15—175 дес. и въ 1892 г.—28—191 дес.

Всего-же хлѣба засѣвалось въ имѣніи:
въ 1849 году—232 дес., въ 1859 г.—253 дес., въ 1869 г.—382 дес., въ 1881 г.—266 дес., въ 1885 г.—390 десят., въ 1887 г.—402 дес., въ 1891 г.—431 дес. и 1892 г.—447 дес. Сколько-же могло оставаться „цѣлины" къ концу 43-го года? Очевидно, ни одной десятины: если владѣлецъ ежегодно прибавлялъ только по 10 десятинъ цѣлины, то получилось-бы распаханной площади 430 дес. и, слѣдовательно, всей распашки было-бы 762 десятины. Какъ велико имѣніе г. Каменскаго, въ докладѣ не сказано, но во всякомъ случаѣ 10 десятинъ цѣлины особаго вліянія на всю сумму урожая не могли

имѣть, какъ-бы великъ этотъ урожай ни былъ. А что г. Каменскій уже давно пашетъ не цѣлину, видно изъ слѣдующаго: въ 1849 году подъ арнауткой было 73 десятины, въ 1852 году уже 124 дес., въ 1859 г. только 27 десятинъ, въ 1861 году 175 десятинъ, въ 1872 г.—только $12^1/_2$ дес. и затѣмъ съ 1874 г. *она выпадаетъ совершенно* и замѣняется гиркой, а съ 1888 г. появляется озимая пшеница (сандомірка). Ясно, что уже съ 1874 года „цѣлины“ въ имѣніи не оставалось ни одной десятины. Г. Каменскому не слѣдовало-бы вводить въ заблужденіе земства и комитеты: пониженіе урожаевъ въ его имѣніи является исключительно слѣдствіемъ истощенія почвы, а вовсе не засухъ.

Неурожай 1891 года, страшно поразившій наши черноземныя губерніи, тоже не былъ слѣдствіемъ необычайной засухи. И въ западной Европѣ бываютъ года, когда въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ количество осадковъ составляетъ 14—18 миллиметровъ въ мѣсяцъ, въ 1891 году осадковъ было:

	Апрѣль.	Май.	Іюнь.
Уржумъ (Вятск. губ.)	27,2	16,8	28,8
Пермь..................	13,7	50,6	17,7
Орелъ..................	52,7	8,8	70,6
Козловъ................	34,6	41,0	50,2
Харьковъ..............	65,9	11,1	64,2
Вольскъ................	46,2	39,8	10,7
Царицынъ..............	62,7	47,5	30,4

И вотъ что мы позволимъ себѣ сказать въ опроверженіе теоріи засухъ, губящихъ будто-бы наше земледѣліе: „наши почвы выходятъ изъ-подъ снѣжныхъ покрововъ ко времени весенней вегетаціи растеній съ запасомъ влаги, совершенно достаточнымъ для любыхъ сельскохозяйственныхъ цѣлей“. Эти слова князя В. А. Кудашева оправдывались безусловно многолѣтними нашими наблюденіями, по крайней мѣрѣ въ средней полосѣ Россіи.

Усиленіе засухъ въ черноземныхъ губерніяхъ [1]) русскіе хозяева и не хозяева приписываютъ вырубкѣ лѣсовъ.

Вопросъ о вліяніи лѣса на осадки до сихъ поръ еще не рѣшенъ наукой. Вѣроятнѣе всего, что такого вліянія не существуетъ; воздушный океанъ слишкомъ великъ, лѣсныя же пространства—слишкомъ ничтожныя величины, чтобы производить тотъ эффектъ, который имъ приписывается какъ слѣдствіе вырубки лѣсовъ. Лѣсныя заросли несомнѣнно сохраняютъ влагу въ почвѣ. На это обыкновенно возражаютъ тѣмъ, что деревья, какъ и прочая растительность, отнимаютъ, напротивъ, посредствомъ корней у почвы влагу; но подобное возраженіе опровергается прямымъ опытомъ: почва въ лѣсу всегда влажнѣе, чѣмъ въ полѣ; вырубка лѣсовъ всегда влечетъ за собой уничтоженіе источниковъ, ручейковъ и т. д. Лѣсъ оттѣняетъ почву и въ этомъ заключается его главная роль. Вырубка лѣсовъ ведетъ къ осушенію мѣстности, но для хлѣбовъ подобное слѣдствіе весьма полезно. Нѣсколько иначе рѣшается этотъ вопросъ на сѣверѣ, гдѣ господствуютъ сильные морозы; несомнѣнно, что лѣсъ умѣряетъ холодъ [2]) и защищаетъ хлѣбъ отъ вымерзанія и весеннихъ и осеннихъ заморозковъ; послѣднее важно при поздней жатвѣ.

Все это показываетъ, что лѣса имѣютъ громадное значеніе для страны, но вовсе не доказываетъ вліяніе лѣса на количество осадковъ и величину урожаевъ, обусловленную ихъ количествомъ и распредѣленіемъ. Гораздо важнѣе вліяніе овраговъ, которые создаются вырубкой лѣсовъ; овраги не-

---

[2]) Впрочемъ жалобы на засуху слышатся и изъ другихъ губерній — даже изъ Смоленской! Полагаемъ, что послѣдніе годы разочаровали многихъ хозяевъ: дожди одолѣли наши нечерноземныя губерніи такъ, что хлѣба гніютъ на корнѣ.

[2]) Мы неоднократно наблюдали въ сильные морозы значительную разницу въ температурѣ у насъ на усадьбѣ, окруженной лѣсомъ, и на станціи желѣзной дороги (3 версты). Температура на нашей усадьбѣ была выше на 4—6 град. Реом.

сомнѣнно преждевременно высушиваютъ почву, какъ это доказано профессоромъ Докучаевымъ. Но и тутъ хозяинъ можетъ довольно легко предупредить стокъ воды съ своихъ полей, можетъ предупредить въ извѣстной мѣрѣ и провалы. Послѣднія дѣйствія овраговъ въ Россіи, именно черноземной и суглинистой, прямо фатальны: масса удобной земли ежегодно пропадаетъ на вѣки. Главнымъ виновникомъ этого бѣдствія является община, не только своимъ бездѣйствіемъ, но также тѣмъ, что она уничтожаетъ всякую энергію лучшихъ хозяевъ. Намъ приходилось убѣждаться въ этомъ неоднократно. „Вслѣдствіе вырубки лѣсовъ, въ почвѣ образовались „провалья", которыя съ каждымъ годомъ все болѣе растутъ и развѣтляются, отнимая у землевладѣльцевъ значительныя площади культурной земли. Овраги рѣжутъ дороги, разрываютъ производительныя угодья, огороды, сады, сѣнокосы, смываютъ удобренія, сѣмена—все сносятъ въ рѣки. Крестьяне сами говорятъ, указывая на провалья: „тутъ все наше добро—и навозъ, и картошка, и плетни". Говорятъ—а ничего не дѣлаютъ!

Изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ 1901 году въ Саратовской губерніи, чрезъ земскихъ начальниковъ установлено, что въ этой губерніи на одной только надѣльной землѣ насчитывается приблизительно 13.500 овраговъ, отнявшихъ уже отъ обработки 55 тысячъ десятинъ. Въ Подольской губерніи подъ оврагами болѣе 100 тысячъ десятинъ. Въ 1866 г. овраги въ Данковскомъ уѣздѣ составляли 9% общей площади уѣзда, а теперь они занимаютъ 20%. Въ одной изъ волостей Корочанскаго уѣзда, Курской губерніи, изъ-за овраговъ заброшено 2.200 десятинъ, въ другой подъ оврагами $^{1}/_{10}$ ея площади, въ третьей $^{1}/_{4}$ часть. Богучарскій уѣздъ Воронежской губерніи ежегодно теряетъ до 1000 десятинъ отъ овраговъ. Итакъ русская нація теряетъ многіе милліоны отъ овраговъ, и эти милліоны рублей уже мертвый капиталъ.

Что же дѣлала „хозяйственная“ община въ Россіи противъ этого зла? Ничего. Напротивъ эта община — главная виновница образованія овраговъ. Причины образованія овраговъ слѣдующія: 1) вырубка лѣсовъ и вообще всякой древесной растительности и распашка земли, особенно склоновъ, 2) стадная пастьба скота и 3) полная безпечность хозяевъ, такъ какъ небольшія трещины и блюдца вначалѣ весьма легко исправить и такимъ образомъ предупредить размывы и образованіе овраговъ.

Благодаря общинному землепользованію, крестьяне вырубили почти всѣ свои лѣса. На глазахъ автора крестьянами былъ уничтоженъ великолѣпный лѣсъ на надѣльной землѣ б. казенныхъ крестьянъ и не только вырубленъ, но и обращенъ нынѣ въ безплодный пустырь. Вырубивъ лѣсъ, крестьяне пустили на пастьбу свой скотъ, который уничтожалъ систематически всякую поросль. Въ то время, какъ у автора на лѣсосѣкѣ выросъ прекрасный угольникъ, у крестьянъ — все безплодная пустырь, негодная даже для пастьбы. О работѣ же, полезной всему селенію, крестьяне даже и не помышляютъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ наносится ущербъ „общественному“ достоянію, общество дѣйствуетъ „во всю“; тамъ же, гдѣ необходимо сохранить общее достояніе или создать общее благо, община имѣетъ непреодолимое отвращеніе ко всякой дѣятельности. Авторъ тутъ передаетъ не свою мысль, а утвержденія самихъ крестьянъ, неоднократно имъ слышанныя.

Мы не будемъ здѣсь передавать всего, что было высказано въ Комитетахъ относительно мѣръ борьбы съ оврагами. Разумѣется прежде всего указано на „активное участіе земства“, „какъ наиболѣе освѣдомленное относительно мѣстныхъ условій“. Почему же земства до сихъ поръ не принимали никакихъ мѣръ противъ этого ужаснаго зла нашей деревни? Кажется никто не мѣшалъ энергіи земства въ этомъ

отношеніи; говорить рѣчи о вредѣ овраговъ на земскихъ собраніяхъ и сельскохозяйственныхъ съѣздахъ еще не значитъ выказывать свою хозяйственную энергію. Впрочемъ земскіе дѣятели проявленіе энергіи земствъ въ борьбѣ противъ овраговъ представляютъ себѣ въ такомъ видѣ: „Для большей освѣдомленности населенія со вредомъ овраговъ и пользою ихъ укрѣпленія признается полезнымъ знакомить съ этимъ населеніе путемъ чтеній, бесѣдъ, брошюръ, а также чрезъ школу и библіотеки“. Полезно устраивать въ деревняхъ праздники древонасажденія, „майскіе союзы“ (?) и т. д. Въ такомъ важномъ дѣлѣ интеллигентные члены Комитетовъ предлагаютъ кукольную комедію и шутовство!

Многіе Комитеты предлагаютъ обязать населеніе укрѣплять овраги какъ повинность, примѣнять къ нимъ общественныя работы и т. д. Нѣкоторые изъ Комитетовъ признаютъ, что борьба съ оврагами есть дѣло, имѣющее общегосударственное значеніе и потому должна вестись мѣрами и средствами правительства. Мы думаемъ, что борьба съ оврагами должна вестись всѣми мѣрами: частнохозяйскими въ предѣлахъ возможнаго для хозяевъ, общественными—земствами и государственными—правительствомъ. Лучшимъ средствомъ возбудить энергію домохозяевъ — ликвидировать общинное землепользованіе и консолидировать дворы. Домохозяинъ употребитъ тогда всѣ мѣры, чтобы укрѣпить оврагъ и спасти свое достояніе. Для земствъ необходимо учрежденіе особыхъ спеціальныхъ коммисій — дѣловыхъ, а не канцелярскихъ, съ отпускомъ имъ общественныхъ суммъ и государственныхъ пособій для укрѣпленія овраговъ. Правительству же слѣдуетъ взять въ свое вѣдѣніе болѣе важные и длинные овраги, укрѣпленіе коихъ требуетъ особыхъ техническихъ средствъ и силъ. Только совмѣстнымъ дѣйствіемъ частной, общественной и государственой энергіи можно бороться противъ этого для сельскаго хозяйства безспорнаго зла.

Летучіе пески во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи занимаютъ значительныя пространства и представляютъ серьезное сельскохозяйственное и экономическое бѣдствіе — не меньше, чѣмъ овраги. Въ одномъ изъ селеній Енотаевскаго уѣзда Астраханской губерніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ площадь песковъ въ $3^1/_2$ тысячи десятинъ увеличилась вдвое и съ каждымъ годомъ разростается все болѣе и болѣе. Въ Астраханскомъ уѣздѣ пески на крестьянскихъ надѣлахъ занимаютъ болѣе 28 тысячъ десятинъ, въ Царевскомъ болѣе 33 тысячъ, въ Енотаевскомъ болѣе 41 тысячи десятинъ, въ Красноярскомъ 493 тысячи десятинъ, въ Калмыцкой степи 375 тысячъ десятинъ, въ Киргизской болѣе 3 мил. десятинъ.

Въ Виленской губерніи огромное пространство покрыто песками, крестьяне нищенствуютъ, а песокъ идетъ дальше и губитъ остальную землю. Въ Ковельскомъ уѣздѣ (Волынск. губ.) есть села, въ которыхъ крестьяне владѣютъ только половиною земли, другая половина отнята песками. Въ Черниговской губерніи цѣлыя волости представляютъ сплошное море сыпучаго песку. Все пространство отъ Днѣпра до Десны— песокъ. Все побережье Днѣпра покрыто пескомъ. Вся почти площадь Суражскаго и часть Мглинскаго уѣзда—тѣ-же пески. По берегамъ рѣки Сосны—громадная площадь песку, занимающая часть Стародубскаго, восточную часть Новгородъ-Сѣверскаго, сѣверную—Сосницкаго и восточную—Городнянскаго уѣздовъ. Въ сѣверной части есть холмъ въ 10 верстъ длиною—песчаный „кучугуръ". Поля прилегающихъ сюда селеній уже на значительномъ пространствѣ обращены въ „мертвую пустыню". Всѣ эти пески, по словамъ крестьянъ образовались за послѣднія 40—50 лѣтъ, что совпадаетъ съ истребленіемъ лѣсовъ. Подъ пескомъ, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, значится около 70 тысячъ десятинъ.

Пески засоряютъ рѣки и источники, засыпаютъ селенія и вообще превращаютъ громадныя пространства въ пустыню.

Главная причина образованія песковъ несомнѣнно—вырубка лѣсовъ, корчевка лѣса и стадная пастьба скота. Въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи заносы песка идутъ именно съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроены выгоны и прогоны. Скотъ истаптываетъ почву, песокъ разрыхляется, оголяя даже корни можжевельника и верхній слой песка быстро разносится. Сильные розливы рѣкъ тоже заносятъ земли пескомъ.

Въ большинствѣ Трудовъ Комитетовъ борьба съ песками признается дѣломъ земства; участіе мѣстныхъ общественныхъ органовъ признается необходимымъ. Странно, что земства до сихъ поръ не оправдали этихъ ожиданій. Мы думаемъ, что борьба съ песками еще важнѣе, чѣмъ борьба съ оврагами, а потому она прямо лежитъ на обязанности государства. Государство-же должно призвать къ содѣйствію себѣ какъ земства, такъ и частныхъ хозяевъ. Составитель свода отмѣчаетъ, что Министерствомъ Земледѣлія въ 5 лѣтъ укрѣплено около 25 тыс. десятинъ, на что израсходовано около 500 тысячъ руб. Это слишкомъ недостаточно. Думаемъ, что государство могло-бы ассигновать на это важное дѣло по крайней мѣрѣ милліонъ рублей ежегодно для ежегоднаго закрѣпленія по крайней мѣрѣ 50 тыс. десятинъ. Но и этого недостаточно. Призвавъ къ содѣйствію земства и частныхъ хозяевъ, можно довести работу закрѣпленія до 100 тыс. десятинъ ежегодно. Закрѣпляя пески, казна или оставляетъ всю площадь въ своемъ завѣдываніи посредствомъ экспропріаціи, или оставляетъ ее во владѣніи частномъ, съ обязательствомъ владѣльцевъ засаживать закрѣпленные участки лѣсомъ, при содѣйствіи казенныхъ учрежденій (комитетовъ или иныхъ); въ случаѣ нарушенія владѣльцами принятыхъ на себя условій, закрѣпленные участки подвергаются экспропріаціи. Земства, насколько возможно, оказываютъ свое содѣйствіе какъ государственнымъ лицамъ и учрежденіямъ, такъ и частнымъ владѣльцамъ, особенно крестьянамъ. Но и тутъ лишь консолидація крестьян-

скихъ дворовъ можетъ возбудить въ крестьянахъ должную энергію. Во всякомъ случаѣ только консолидація дворовъ можетъ прекратить вырубку крестьянскихъ лѣсовъ (и частновладѣльческихъ) и опасную стадную пастьбу скота. Но энергическая дѣятельность Министерства по укрѣплеленію песковъ должна быть усилена, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Нужно надѣяться, что оно побудитъ и земства очнутся отъ сна.

Болота въ Европейской Россіи распредѣлены довольно неравномѣрно. Больше всего болотъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, прибалтійскихъ и Западнаго края, но не мало болотъ и въ центральныхъ губерніяхъ; мѣстами жалуются на болота губерніи Самарская, Херсонская и Таврическая. Главный вредъ отъ болотъ—уменьшеніе культурнаго земледѣльческаго фонда и неудобства сообщенія (дороги). Сотни тысячъ десятинъ лежатъ непроизводительно. Болота отражаются на климатѣ и на здоровьѣ населенія: легко развиваются малярія, лихорадки и разныя эпидеміи. Осушка болотъ несомнѣнно оздоровляетъ край и значительно увеличиваетъ его производительность. Главная причина образованія болотъ—разливы рѣкъ и недостатокъ стока водъ; всякая запруда можетъ создать болото. Вырубка лѣсовъ иногда осушаетъ мѣстность, но очень часто создаетъ болота, увеличивая розливы рѣкъ и уничтожая естественный дренажъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что осушка болотъ можетъ создать цѣнный земельный фондъ для земледѣлія въ Россіи. Но работы по осущенію весьма разнообразны и иногда совершенно непосильны частнымъ хозяевамъ, и иногда непосильны и обществамъ. Въ этихъ случаяхъ вмѣшательство государства необходимо. Въ этомъ смыслѣ и высказался Гродненскій губернскій Комитетъ. Въ трудахъ Комитетовъ Минской губерніи тоже доказывается непосильность осушки мѣстными средствами. Такъ какъ осушка увеличиваетъ цѣнность имущества частныхъ владѣльцевъ и доходы земствъ, то участіе тѣхъ и другихъ въ расходахъ правительства справедливо и необходимо.

Но большинство Комитетовъ признаетъ осушку болотъ дѣломъ земства. Такъ какъ земства до сихъ поръ ничѣмъ не оправдали подобныхъ предположеній и указаній, то ихъ слѣдуетъ отнести къ pia desideria нашей интеллигенціи. Разумѣется никакихъ препонъ для осуществленія этихъ благочестивыхъ пожеланій не слѣдуетъ ставить, да ихъ и нѣтъ. Сущность-же пожеланій интеллигенціи заключается въ требованіи, чтобы казна „раскошелилась" въ пользу земскихъ организацій, а это уже другой вопросъ. Всякій грошъ изъ казеннаго кошелька допустимъ лишь при участіи государства въ его расходованіи въ той или другой формѣ. Что же касается до участія земства и правительства въ осушкѣ, производимой частными владѣльцами, то мы думаемъ, что денежное участіе тутъ излишне; гораздо важнѣе въ этомъ дѣлѣ регулированіе правъ и обязанностей заинтересованныхъ лицъ, о чемъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ нѣтъ ни слова. Эта часть вопроса должна быть подробно разработана юристами. Для казенныхъ имѣній осушку слѣдуетъ признать обязательной, ибо отъ нея часто зависитъ осушка владѣній частныхъ лицъ, на что справедливо указано прибалтійскими Комитетами. Надежды-же на осушку общинныхъ земель слѣдуетъ оставить, если только ее не организовать принудительно, что представляетъ большія затрудненія при существующихъ общинныхъ порядкахъ.

Въ сводѣ трудовѣ Комитетовъ приводится примѣръ осушки болотъ крестьянами Череповецкаго уѣзда (Новгородск. губ.), выкопавшихъ 10 тысячъ саженъ канавъ и обратившихъ въ прекрасный выгонъ для скота значительную площадь земли. Сообщеніе это взято изъ записки землевладѣльца г. Виноградова, который въ 8 лѣтъ вырылъ 10.000 саженъ канавъ и осушилъ ими болото близъ деревни Козлова, Мороцкой волости, создавъ для крестьянъ этой деревни прекрасный выгонъ. Зачѣмъ понадобилось составителю свода не-

точное изложеніе факта? Конечно, 10.000 саж. канавъ вырылъ не лично г. Виноградовъ, а вѣроятно нанималъ для этого работниковъ-крестьянъ, но вся работа произведена владѣльцемъ имѣнія, а не крестьянами. А вотъ въ Ковенской губ. дѣйствительно сами крестьяне улучшили свои земли осушкой и удобреніемъ минеральными туками, о чемъ говорится въ одномъ изъ докладовъ мѣстныхъ Комитетовъ.

Въ Комитетахъ высказывались опасенія, что осушка болотъ можетъ оказаться вредной для источниковъ рѣкъ и рѣчекъ. Опасенія эти не лишены основательности, но потому-то крупныя осушительныя работы должны подлежать вѣдѣнію государственныхъ учрежденіи, а не общественныхъ или частныхъ лицъ, союзы и товарищества коихъ весьма желательны, но требуютъ въ этихъ случаяхъ разрѣшенія и контроля правительства. Нужно замѣтить, что болота можно превратить въ водоемы и озера и такимъ образомъ создать хранилища влаги, на что есть указанія въ трудахъ Комитетовъ.

Относительно „вредителей сельскаго хозяйства" въ Комитетахъ высказано много пожеланій. Мы не будемъ на нихъ подробно останавливаться по той простой причинѣ, что организація борьбы съ „вредителями" до сихъ поръ еще научно не обоснована, а потому и „пожеланія" Комитетовъ лишены твердой почвы. Многіе Комитеты возстаютъ противъ „натуральной повинности", возлагаемой исключительно на сельское населеніе, видя въ этомъ несправедливость. Но здѣсь мы опять встрѣчаемся съ явной непослѣдовательностью нашей интеллигенціи и полнымъ непониманіемъ того, что слѣдуетъ разумѣть подъ „справедливостью". „Вредители" вредятъ сельскому населенію, а потому оно и обязано вести съ ними борьбу. Примѣненіе натуральной повинности совершенно естественно и справедливо тамъ, гдѣ сельское населеніе бѣдно, особенно деньгами, и въ особенности тамъ, гдѣ оно несетъ общинно-крѣпостное тягло. Еще справедливѣе оно тамъ, гдѣ,

какъ у насъ, даже земли частныхъ владѣльцевъ находятся въ пользованіи крестьянъ; не земля страдаетъ отъ вредителей, а посѣвы, которыми въ сущности владѣютъ крестьяне, платя собственникамъ ренту. Но есть и болѣе серьезный доводъ въ пользу натуральной повинности крестьянъ.

Частныхъ владѣльцевъ всегда можно заставить принять тѣ или другія мѣры противъ „вредителей", установить для нихъ обязательныя правила и пр.; крестьянъ-общинниковъ никакими штрафами не доймешь—съ нихъ взятки гладки. Притомъ владѣльцы—собственники лишены „рукъ", а крестьяне не только ими обладаютъ, но „руки"-то и составляютъ ихъ главную силу. Напрасно Комитеты ссылаются на казачьи и государственныя земли, какъ очаги вредителей. Казаки— тѣ-же крестьяне и къ нимъ тоже примѣнима натуральная повинность, а государственныя земли сдаются въ аренду только крестьянамъ; въ рѣдкихъ-же частныхъ экономіяхъ очаговъ „вредителей" никогда не было. Эти очаги создаетъ община. Денежная повинность не достигнетъ цѣли и будетъ явно несправедлива: допускающіе развитіе очаговъ „вредителей" владѣльцы свалятъ налогъ на крестьянъ (и совершенно справедливо!), а частныя экономіи, ревностно ведущіе борьбу съ „очагами" вредителей, будутъ несправедливо нести подать въ пользу виновниковъ образованія „очаговъ".

Кромѣ того сами Комитеты признаютъ, что борьба съ вредителями малорезультатна, такъ какъ жизнь насѣкомыхъ и прочихъ паразитовъ плохо изучена и изслѣдована. Это мнѣніе совершенно справедливо, и мы замѣтимъ, что иногда „ничего недѣланіе" лучше помогаетъ противъ вредителей, чѣмъ энергическая дѣятельность. Приведемъ примѣры. Много лѣтъ тому назадъ въ мѣстности имѣнія автора размножился непарный шелкопрядъ (Ocneria Dispar) и размножился такъ, что въ первый годъ своего сильнаго размноженія поѣлъ всю осину и много березы, нападалъ даже на клеверъ. Судя по

множеству яичекъ, отложенныххъ на стволахъ деревьевъ (у корня), даже деревянныхъ лавкахъ, столбахъ и пр. слѣдовало ожидать невѣроятной массы этой вредной гусеницы въ слѣдующемъ году. Нѣкоторые помѣщики приняли довольно энергичныя мѣры истребленія яичекъ этой бабочки; одинъ богатый владѣлецъ, извѣстный общественный дѣятель, затратилъ крупную на эту работу сумму, и автора сильно упрекали близкіе за то, что онъ никакихъ мѣръ не принималъ. Но, слѣдя за ходомъ развитія шелкопряда, авторъ обнаружилъ массу враговъ этого „вредителя" внутри самой гусеницы, оставя въ сторонѣ нашихъ лучшихъ защитниковъ—насѣкомоядныхъ птицъ, изъ коихъ нѣкоторыя появились въ громадномъ количествѣ и вывели, конечно много птенцовъ [1]). Авторъ ждалъ другого помощника—грибка и не ошибся. На слѣдующій годъ вывелось необозримое количество гусеницъ, но уже въ срединѣ мая они сдѣлались вялы, а въ концѣ—стали массами валиться съ деревьевъ; трупы ихъ всюду лежали или висѣли (изъ нихъ вытекала вонючая жидкость). Грибокъ окончательно уничтожилъ гусеницъ такъ, что много лѣтъ послѣ этого нельза было найти ни одной бабочки.

Другой примѣръ. Гусеница бабочки Zeuzera Aesculi живетъ внутри молодыхъ деревьевъ (преимущественно на верхушкахъ стволовъ). Въ нашихъ степныхъ лѣсничествахъ она поражаетъ плантаціи и наноситъ громадный вредъ какъ разъ тамъ, гдѣ разведеніе лѣса и безъ того представляетъ значительныя трудности. Разумѣется казенныя учрежденія и должностныя лица принимаютъ энергическія мѣры истребленія „вредителя", и вотъ что оказывается. Плантаціи тѣхъ лѣсничествъ, въ которыхъ были приняты самыя энергическія мѣры, совершенно пропали; плантаціи-же тѣхъ, которыя „небреж-

---

[1]) Таковы, напр., кукушки, которыя въ особенности истребляютъ «мохнатыхъ» гусеницъ. Въ паркѣ автора «кричало» пять самцовъ въ этотъ годъ.

ничали“, вполнѣ сохранились: вредитель былъ уничтоженъ своими врагами.

Комитеты вопросъ о мѣрахъ съ вредителями, разумѣется, рѣшаютъ съ обычной наивностью: рекомендуются бесѣды, чтенія, даже проповѣди и пр., устройство бюро, разъѣзды энтомологовъ, инструкторы, станціи и пр., и пр.,— все въ вѣдѣніи земствъ. Рекомендуются обязательныя постановленія и другія принудительныя мѣры. Намъ кажется, что все это должно быть въ вѣдѣніи правительства, такъ какъ земства лишены необходимыхъ научныхъ силъ и предоставлять имъ право издавать обязательныя постановленія прямо опасно, да и безцѣльно: вредители переходятъ и перелетаютъ изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ губерніи въ губернію. Но главнымъ врагомъ-предателемъ въ борьбѣ хозяина съ вредителями является община.

Лучшимъ защитникомъ хозяина являются животныя— птицы и нѣкоторые грызуны. Особенно важны птички. 20 лѣтъ тому назадъ въ Подольской губерніи не было вовсе „вредителей“, а теперь нѣтъ почти ни одного растенія, которое не страдало отъ нихъ. Это заявленіе Комитетовъ Подольской губерніи слѣдуетъ распространить на всю Россію кромѣ прибалтійской окраины. Главные истребители птицъ—крестьянскія дѣти. Дѣти въ нашихъ селеніяхъ живутъ какъ звѣрки, безъ всякаго надзора; съ природою они знакомы великолѣпно, но и балуются тоже великолѣпно—слѣдствіе совмѣстной шумной жизни въ большихъ селеніяхъ. Дѣти немилосердно истребляютъ гнѣзда самыхъ полезныхъ для хозяина птичекъ и разыскиваютъ эти гнѣзда виртуозно—даже такія, которыя трудно найти знатоку орнитологу и другому (напр., гнѣзда соловьевъ). Здѣсь обязательныя постановленія необходимы, но требованіе исполненія ихъ почти невозможно въ „общественныхъ“ селеніяхъ.

Земства много заботились о народныхъ школахъ, однако

эти школы не научили крестьянскихъ дѣтей беречь своихъ друзей, а не истреблять ихъ; народнымъ учителямъ это не дѣлаетъ чести. Можемъ увѣрить читателя, что вопросъ, затронутый нами, очень важенъ: дѣти въ Россіи истребляютъ милліоны птичьихъ гнѣздъ, потому-то и развились такъ у насъ разные „вредители“.

Полезны и нѣкоторые грызуны въ деревнѣ, напримѣръ ласка. Тамъ, гдѣ она завелась, крысъ нѣтъ (мы прямо удостовѣряемъ этотъ фактъ по опыту); вредъ же отъ нея ничтожный [1]).

Противъ внезапныхъ стихійныхъ бѣдствій человѣкъ можетъ бороться только общественной организаціей—страхованіемъ и единовременной помощью со стороны общества и государства; обязательныя страхованія противъ градобитія едва ли допустимы: обойдутся слишкомъ дорого или хозяевамъ, или страховымъ учрежденіямъ. Обязательныя же страхованія отъ неурожаевъ—чистѣйшая нелѣпица и является ничѣмъ инымъ, какъ страхованіемъ небрежности, лѣности и безпутности хозяевъ. Разсужденія защитниковъ страхованія уражаевъ и наивны, и несправедливы. Страхованіе создаетъ неустойчивость и случайность въ хозяйствѣ. По свойству человѣческой природы, хозяинъ будетъ именно держаться правила—„авось, небось и какъ-нибудь“,—будетъ разсчитывать только на благопріятныя конъюнктуры и выкинетъ изъ своихъ разсчетовъ неблагопріятныя. Подобное отношеніе къ дѣлу въ хозяйствѣ величайшее зло. Общинное землепользованіе отчасти осуществляетъ подобную конъюнктуру, а потому и привело крестьянъ къ бѣдности и нищенству. Хозяинъ долженъ разсчитывать и неудачи, долженъ разсчитывать и на возможность неблагопріятныхъ естественныхъ явленій и, по силамъ,

---

1) Хорекъ, напротивъ, приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Говорятъ, ласка бѣгаетъ по спинамъ лошадей, путаетъ ихъ гриву и пр. (домовой). Мы не замѣчали.

предупреждать и устранять ихъ. Хозяинъ можетъ предупредить вредныя послѣдствія ливней и морозовъ: огородники постоянно это дѣлаютъ и достигаютъ цѣли. Тѣмъ, что мы будемъ все страховать на общественный счетъ, мы уничтожимъ и самого хозяина, да и общественный счетъ окажется съ такимъ дефицитомъ, что нечѣмъ будетъ его и покрыть.

Страхованіе необходимо отъ пожаровъ. Этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ культурнымъ человѣчествомъ. Трудно себѣ представить, какое зло и бѣдствіе представляютъ пожары въ деревянной и соломенной Россіи! „Труды Комитетовъ полны указаній на вредъ, причиняемый сельскими пожарами, и безъ преувеличенія можно сказать, что„ со страницъ Трудовъ почти всѣхъ губерній эта великая народная бѣда взываетъ о помощи" [1]). Пожаръ болѣе подрываетъ благосостояніе крестьянъ, чѣмъ неурожай. Онъ—источникъ пролетаріата.

По даннымъ центральнаго Статистическаго Комитета, средняя цифра пожарныхъ убытковъ на годъ для Европейской Россіи, безъ области войска Донского и Прибалтійскаго края, около 75 милліоновъ рублей, но статистика не даетъ вѣрнаго учета дѣйствительнаго убытка. Пожарные убытки надолго подрываютъ благосостояніе селеній. Погорѣвшіе крестьяне десятки лѣтъ не могутъ оправиться отъ пожара, а нѣкоторые и навсегда остаются обездоленными. Главная бѣда заключается не въ числѣ пожаровъ, а въ ихъ губительности. Почти сразу занимается вся деревня и тушеніе огня дѣлается иногда невозможнымъ; приходится спасать только себя, вслѣдствіе чего гибнутъ цѣлыя деревни, и огонь прекращаетъ свое разрушительное дѣйствіе только тогда, когда горѣть уже нечему. Опустошительность пожаровъ всецѣло зависитъ отъ величины селеній, скученности построекъ и присутствія огромнаго количества соломы. „При этихъ условіяхъ сгорѣть

---

1) Слова составителя свода, совершенно справедливыя.

или не сгорѣть любой русской деревнѣ—вопросъ времени, не сегодня-завтра все равно сгоритъ"! Такимъ образомъ пожары—естественное явленіе въ нашей русской деревнѣ, почему мы ихъ помѣстили въ число „природныхъ препятствій сельскому хозяйству".

Не смотря на то, что пожары тѣсно связаны съ общественными условіями жизни нашихъ крестьянъ, Комитеты пытались опредѣлить ихъ ближайшія причины. Этими причинами признаются умышленные поджоги, неосторожное обращеніе съ огнемъ, сорность дворовъ и улицъ, гдѣ масса мусора, соломы, трухи и т. п., неисправность печей и трубъ, взрывы огнеопасныхъ предметовъ—керосина, пороха, гашеной извести и пр., дѣтскія шалости, молнія и дѣйствія душевно-больныхъ. Указавъ на причины, Комитеты рекомендуютъ и средства для устраненія причинъ пожаровъ.

Умышленные поджоги происходятъ изъ мести и ради полученія страхового вознагражденія. Устраненіе первой причины можетъ быть достигнуто улучшеніемъ нравовъ, а устраненіе второй—правильной оцѣнкою страхуемаго имущества. Ни та, ни другая мѣра недостижима. Месть—результатъ злобы и нравственнаго одичанія, но источникомъ ихъ служатъ общинные порядки, развращающіе крестьянъ. Правильная оцѣнка имущества отнюдь не гарантируетъ отъ поджоговъ: застрахованное имущество мужикъ продастъ и затѣмъ подожжетъ свой дворъ; притомъ „правильную" оцѣнку двора крестьянина сдѣлать очень трудно.

Дѣтскія шалости—самая обыкновенная, наиболѣе частая причина деревенскихъ пожаровъ, но эти шалости, какъ и поджоги—результатъ общинныхъ порядковъ и полной общинной распущенности; [1]) поэтому сами члены Комитетовъ въ

[1]) Комитеты рекомендуютъ пріюты для дѣтей. Это—невозможно. Пріюты годятся для маленькихъ, а не для взрослыхъ дѣтей, а шалости идутъ отъ послѣднихъ. Мы не можемъ сочувствовать и пріютамъ для малень-

концѣ-концовъ приходятъ къ заключенію, что причина пожаровъ коренится въ общественныхъ условіяхъ жизни крестьянъ, а вопросъ о пожарахъ „надо обсуждать въ связи съ вопросомъ о переустройствѣ всей жизни нашей деревни". Самая радикальная мѣра противъ пожаровъ и ихъ послѣдствій—разселеніе большихъ селеній на хутора или, по крайней мѣрѣ, малые поселки (послѣднее при условіи принятія противопожарныхъ мѣръ при постройкахъ). Но, высказавъ эту раціональную и единственно возможную, при условіяхъ сельской жизни, мѣру противъ губительныхъ пожаровъ, Комитеты въ то же время стали указывать на трудность осуществить ее. Привычка жить селомъ, многія удобства такой жизни и пр. пр. препятствуютъ осуществленію этой мѣры. Главное же препятствіе—общинное землепользованіе.

Ссылка на „привычку", конечно, лишена всякаго основанія. Отъ дурныхъ привычекъ нужно отвыкать, уличная же жизнь нашихъ селеній—отвратительная привычка и совершенно противорѣчитъ здоровой нормальной жизни крестьянина. Большія села напоминаютъ городскую жизнь или фабричную. Деревенская улица—мѣсто разгула и всякаго непотребства; ничего „крестьянскаго" тутъ нѣтъ. Крестьянство—семейный очагъ, а не улица. Интересно, что всѣ крестьяне, приглашенные въ Комитеты, высказались за разселеніе. Въ Михайловскомъ Комитетѣ на вопросъ, желаютъ ли крестьяне разселиться, они отвѣтили, что такая мѣра была бы благодѣяніемъ для нихъ, и что имъ кажется, что населеніе ждетъ только толчка: въ Подольскомъ Комитетѣ разселившіеся во-

---

кихъ дѣтей, хотя не отрицаемъ ихъ удобствъ для матерей. Стремленіе свалить съ родителей ихъ обязанности намъ претитъ. Въ Петербургѣ, конечно, все это считается прекраснымъ. Интеллигентная мать рожаетъ дѣтей и сваливаетъ ихъ въ пріюты. Очень удобно! Но зачѣмъ развращать нашихъ матерей-крестьянокъ? Обязанности матерей-труженицъ несомнѣнно тяжелы, но за то священны.

лынцы отвѣтили: „живемъ, какъ помѣщики, бѣдности не знаемъ, пожаровъ не бываетъ“. Наконецъ не всѣ же русскіе крестьяне и сейчасъ живутъ большими селами. „Благодаря мелкимъ поселкамъ, гдѣ строенія стоятъ нескученно, въ особыхъ мѣрахъ борьбы (противъ пожаровъ) мы не нуждаемся; съ пожарами управится одно земство, заявляетъ Вытегорскій Комитетъ“. „У насъ нѣтъ скученности построекъ въ деревняхъ—говоритъ Чердынскій Комитетъ—и число пожаровъ не значительно“. Строенія разбросаны и утопаютъ въ зелени, число пожарныхъ случаевъ ничтожно, объявляетъ Ольгопольскій Комитетъ. Думаемъ, что всѣхъ этихъ свидѣтельствъ болѣе, чѣмъ достаточно, для рѣшенія вопроса.

Интересно, что защитники общины возражали противъ разселенія тѣмъ соображеніемъ, что крестьяне очень дорожатъ своими усадьбами, что усадебныя мѣста представляютъ большую цѣнность (даже не „оцѣнимы“ въ глазахъ владѣльца), и что принудительное разселеніе ослабитъ у крестьянъ понятіе собственности. Итакъ, когда идетъ рѣчь о возмутительномъ произволѣ міра при передѣлахъ усадебныхъ мѣстъ, то о собственности, цѣнности усадьбъ и проч. не упоминается, а когда рѣчь идетъ о полезномъ разселеніи усадьбъ, то все это выставляется на видъ. Не помогутъ никакія иныя мѣры, предлагаемыя Комитетами, какъ-то: черепичныя и желѣзныя крыши, даже каменныя постройки; у насъ, сплошь и рядомъ, въ городахъ выгораютъ цѣлыя улицы, выгораютъ даже и города. Только хутора и выселки безусловно обезпечены отъ губительныхъ пожаровъ, ибо сгоритъ одинъ дворъ, сгорятъ 3—4 двора, но не цѣлыя селенія изъ 50—200 дворовъ.

Такимъ образомъ мѣры противъ „природныхъ препятствій сельскому хозяйству“ сводятся къ созданію конъюнктуръ, обезпечивающихъ хозяйственную дѣятельность земледѣльца-крестьянина и его производительную энергію. Такихъ конъ-

юнктуръ только одна—консолидація крестьянскихъ дворовъ. О ней мы говорили въ каждой главѣ нашего труда; къ ней же пришли и въ настоящей главѣ. И это совершенно естественно. Крестьянство есть семейный дворъ. Создавъ этотъ дворъ, мы сдѣлали все, что нужно для упроченія русскаго крестьянства. Мы употребили выраженіе „создавъ" не совсѣмъ точно. „Создавать" семью мы не можемъ, её создаетъ Богъ, но мы можемъ создать нормальныя условія для ея развитія—условія, конечно, соціальныя, а не иныя; эти условія нынѣ создаетъ государство. Конечно и государство не можетъ создавать соціальныхъ условій, несогласныхъ съ исторической жизнью народа, но послѣ 19-го февраля 1861 года не можетъ быть рѣчи о сохраненіи общинно-крѣпостныхъ порядковъ для крестьянскаго народа въ Россіи; разлагать же русское крестьянство нѣтъ никакой надобности.

IX

Крестьянское хозяйство и община.

Почти всѣ Комитеты удостовѣряютъ полный упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ въ нашемъ отечествѣ. Исключеніе представляетъ районъ, гдѣ господствуетъ такъ называемое подворное землепользованіе, но и тамъ отмѣчается довольно низкій культурный уровень крестьянскихъ хозяйствъ. Только въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, особенно въ Курляндіи, мы находимъ цвѣтущее крестьянство съ высокимъ культурнымъ уровнемъ, и мы видѣли, что именно въ этой губерніи консолидація крестьянскихъ дворовъ закончена. Но и въ Лифляндіи, гдѣ консолидація дворовъ приходитъ къ благополучному концу, мы встрѣчаемъ крестьянство съ довольно высокимъ культурнымъ уровнемъ и вполнѣ обезпеченное. Менѣе удовлетворительно положеніе крестьянства въ Эстляндіи, гдѣ консолидація дворовъ далеко не закончена и гдѣ крестьянство стоитъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ въ Лифляндіи.

Между тѣмъ объ этомъ несомнѣнномъ вліяніи формы землепользованія на культурность крестьянскихъ хозяйствъ составитель свода „Сельскохозяйственная техника", г. Бирюковичъ, не говоритъ ни слова, хотя въ Трудахъ Комитетовъ имѣются рѣшительныя и энергическія указанія на зависимость крестьянскихъ хозяйствъ и ихъ культурности отъ формы землепользованія. Мало того, г. Бирюковичъ отмѣтилъ, будто въ Трудахъ Комитетовъ обращено вниманіе на то, что форма

подворнаго землепользованія не допускаетъ перераспредѣленія угодій, необходимаго для перехода къ многополью. Это— очевидное недоразумѣніе.

Составитель свода сдѣлалъ ссылку на Полтавскую губернію, но въ Малороссійскомъ краѣ господствуетъ обязательное трехполье съ общими смѣнами, т. е. въ сущности тоже общинное землепользованіе, а не подворное. Такъ какъ у насъ постоянно впадаютъ въ подобное недоразумѣніе, то мы приведемъ характерные признаки общиннаго уравнительнаго и общиннаго наслѣдственнаго землепользованія (общаго владѣнія).

Общинное уравнительное:

I.	II.	III.
Общая территорія селенія разрѣлена на поля, коны, жеребьи, полосы.	Господствуетъ принудительная обработка (Flurzwang).	Дворы не консолидированы, хозяйствомъ распоряжается старшій рабочій, наслѣдственное право отрицается.

Общинное подворно-наслѣдственное.

I.	II.	III.
Территорія селенія раздѣлена такъ же, какъ и при уравнительномъ землепользованіи, или на общія смѣны въ трехъ поляхъ.	Господствуетъ принудительная обработка (Flurzwang).	Дворы не консолидированы, хозяйствомъ распоряжается домовладыка-родитель, наслѣдственное право признается.

Сравнивъ указанные признаки, читатель пойметъ, почему при общинномъ (общемъ) подворно-наслѣдственномъ землепользованіи интенсификація земледѣлія затруднительна почти такъ же, какъ и при общинномъ уравнительномъ, и почему „подворники“ все-таки менѣе истощены „общинниковъ“. Правда, въ печати и нѣкоторыми говорунами въ Комитетахъ высказывалось, что для перехода къ многопольному хозяйству

всего селенія необходимо согласіе $^2/_3$ домохозяевъ при уравнительномъ землепользованіи, а при наслѣдственномъ общее согласіе, добыть которое труднѣе и почти не возможно. Но все это пустыя слова. И при уравнительномъ землепользованіи крестьяне всѣ подобныя дѣла рѣшаютъ съ общаго согласія, да иначе и быть не можетъ. Какое право имѣетъ міръ нарушить интересы меньшинства, притомъ наиболѣе обездоленнаго, такъ какъ многополье прекращаетъ на стернѣ стадную пастьбу скота? Но, указывая на затрудненія для „подворниковъ“ перейти къ многополью, составитель свода умолчалъ о томъ, что въ Ковенской губерніи, Подольской, Гродненской и въ другихъ губерніяхъ съ подворнымъ землепользованіемъ крестьяне сумѣли сами устранить затрудненія и ввели не только многополье, но консолидировали свои дворы. Неужели подобное умолчаніе составителя свода сдѣлано съ цѣлью, т. е. тенденціозно?

Не можемъ согласиться и съ другимъ указаніемъ г. Бирюковича, будто въ нашемъ отечествѣ замѣчается, по сравненію съ другими культурными странами, сравнительно неблагопріятныя естественныя и экономическія условія, какъ то: скудная природа и континентальный климатъ съ меньшими осадками и проч. Природа нашего отечества не скудная, а богатая—достаточно указать на нашъ черноземъ; континентальность климата—благодать для зерновыхъ хлѣбовъ; осадки распредѣляются почти такъ же, какъ и въ Западной Европѣ. Никогда у насъ хлѣба не страдали отъ раннихъ заморозковъ, по крайней мѣрѣ въ нашихъ губерніяхъ—житницахъ; кущеніе хлѣбовъ превосходное, иногда излишнее и проч. Россія по климату и другимъ условіямъ прямо земледѣльческая страна. Конечно климатическія и почвенныя условія въ обширной Россіи очень разнообразны, но это не недостатокъ, а достоинство. Вообще же всѣ эти условія нисколько не вліяютъ на низкую продуктивность земледѣльца. Заключеніе г. Бирюковича рѣшительно лишено всякаго основанія.

Составитель свода указываетъ на связь между скотоводствомъ и земледѣліемъ. Эта связь всегда существовала—съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ сѣять хлѣба. На болѣе низкой ступени культуры господствуетъ скотоводное хозяйство. Скотъ—богатство заимщика крестьянина и казака въ Сибири. При трехпольѣ скотъ играетъ второстепенную роль. Здѣсь требуется, чтобы скотъ окупалъ навозъ, что достигается молочнымъ хозяйствомъ. Но съ уменьшеніемъ естественныхъ угодій, мы переходимъ къ травосѣянію, а затѣмъ къ плодосмѣну. Высшей же культурой признается спекулятивная—свободная, т. е. преимущественно разнообразіе культуръ, смотря по требованіямъ рынка. Къ такой высшей культурѣ способно только мелкое крестьянское хозяйство, а потому будущность его обезпечена. Но первымъ необходимымъ условіемъ подобнаго хозяйства является полная экономическая свобода, какъ въ отношеніи къ землѣ, такъ и въ отношеніи организаціи хозяйства. И вотъ эта то свобода и отсутствуетъ въ нашей крестьянской деревнѣ, особенно великороссійской; въ этомъ и заключается не только главная, но единственная причина ея упадка.

„Уже при самомъ надѣленіи крестьянъ землею отведенная имъ въ надѣлъ кормовая площадь“ во многихъ случаяхъ являлась недостаточною для прокормленія того количества скота, которое необходимо было содержать въ соотвѣтствіи съ размѣрами полученной ими пахатной площади при данномъ строѣ хозяйства. И это утвержденіе г. Бирюковича не справедливо. Крестьяне, послѣ освобожденія, пользовались тѣми же пастбищами и лугами, какъ и раньше при вотчинномъ хозяйствѣ; въ настоящее же время крестьяне пользуются почти всей землей помѣщиковъ. Крестьяне при крѣпостномъ правѣ кормили свой скотъ такъ же плохо, какъ и теперь, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ имѣній, гдѣ господа были очень хорошими хозяевами. Между тѣмъ господ-

скій скотъ всюду нынѣ уничтоженъ или уменьшился, слѣдовательно крестьяне могли бы пользоваться не меньшей, а большей кормовой площадью. Причина же уменьшенія кормовой площади заключается въ томъ, что крестьяне почти всю ее распахали какъ въ степяхъ, такъ и въ центрѣ черноземной полосы. Не удобряя пашенъ, крестьяне смотрятъ на скотъ почти исключительно какъ на рабочую силу. Въ Трудахъ Комитетовъ постоянно встрѣчаются указанія на недостаточность кормовой площади въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Въ Нижегородской губерніи луга составляютъ лишь 20% пашни. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ Тверской губерніи на 160 десятинъ пашни приходится 97 покосовъ и выгоновъ, тогда какъ нормальное количество послѣднихъ при трехпольѣ, по мнѣнію членовъ Комитета, должно составлять около 150 десятинъ. Недостатокъ кормовой площади отмѣчается даже въ такихъ губерніяхъ какъ Новгородская, Пермская, Уфимская и даже Олонецкая. Но тѣми же Комитетами удостовѣряются слѣдующіе факты: въ Нижегородской губерніи поражаютъ громадныя пространства задичавшихъ или заболоченныхъ крестьянскихъ луговъ, не дающихъ почти никакихъ укосовъ. Въ Трубчевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, изъ 51.000 десятинъ луговъ около $^2/_3$ заросло кустарникомъ и не расчищается. Въ Кологривскомъ уѣздѣ, несмотря на нужду селенія въ сѣнѣ, масса земли пропадаетъ подъ заболотными лугами, такъ какъ вообще луга не имѣютъ за собою никакого ухода. Въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губерніи почти всѣ покосы покрыты кочками, болотинами и т. п. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ луга заростаютъ кустарникомъ. Впрочемъ, кому же изъ насъ, жителей деревни, неизвѣстно, въ какомъ положеніи находятся покосы и выгоны крестьянскихъ надѣловъ. Во всякомъ случаѣ даже тамъ, гдѣ у крестьянъ сѣнокосовъ много, они не кормятъ сѣномъ своего скота, а продаютъ это сѣно всюду, гдѣ только можно его сбыть. Такъ посту-

паютъ и тѣ крестьяне, на надѣлахъ коихъ земства завели травосѣяніе.

Въ виду изложенныхъ фактовъ, заключеніе г. Бирюковича, будто бы недостатокъ кормовой площади привелъ къ упадку крестьянское скотоводство, является ничѣмъ не мотивированнымъ. Скотоводство у крестьянъ великороссійскихъ было всегда очень плохо и такимъ остается до сего дня. Количество скота обыкновенно колеблется, смотря по урожаю, но въ общемъ почти ничего не измѣняется, хотя число безскотныхъ, какъ и безземельныхъ, постоянно прогрессируетъ. Въ извѣстной книгѣ г. Лохтина приведены таблицы количества скота въ Европейской Россіи и у другихъ культурныхъ націй. Россія стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ. Что же касается до продуктивности крестьянскаго скота, то ничтожность ея настолько всѣмъ извѣстна, что мы считаемъ излишнимъ приводить удостовѣренія о томъ мѣстныхъ Комитетовъ.

Земледѣліе нашихъ крестьянъ характеризуется всѣми Комитетами какъ хищническое. Крестьяне выбираютъ изъ земли все, что можно, превращая постепенно свои поля въ безплодную пустыню. Удобряются крестьянами только коноплянники и ближайшія полосы, вся остальная площадь крестьянскаго землепользованія или вовсе не удобряется, или удобряется очень плохо. Причина подобнаго отношенія крестьянъ къ своимъ пашнямъ заключается въ отдаленности полей и черезполосности, иначе говоря въ общинной формѣ землепользованія, о чемъ почти единогласно свидѣтельствуютъ мѣстные Комитеты и чего не потрудился занести въ свой сводъ г. Бирюковичъ.

Крестьяне продаютъ свой навозъ, сжигаютъ его и валятъ въ овраги, рѣчки и источники. Кромѣ отдаленности полей препятствіемъ къ удобренію служатъ передѣлы и жеребьевки, такъ какъ никому не радостно отдавать свои хорошо удобренныя полосы и взамѣнъ получать почти безплодныя, никогда

не удобрявшіяся или плохо удобренныя. Не подлежитъ сомнѣнію, что отдаленность полей сама посебѣ ведетъ къ хищнической культурѣ, помимо невозможности ихъ удобрять. И это обстоятельство находится въ связи съ общиннымъ землепользованіемъ, о чемъ мы будемъ подробнѣе говорить въ главѣ о Сибирскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ Олонецкой губерніи деревни окружены запущенными нивами; то же наблюдается въ губерніяхъ Вятской и Пермской.

Неудовлетворительная обработка полей составляетъ обычное явленіе въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Въ Тульской губерніи удобренія вывозятся въ срединѣ іюня и долгое время лежатъ неразбросанными въ кучахъ, подвергаясь вывѣтриванію и выщелачиванію. Г. Бирюковичъ объясняетъ позднюю вывозку навоза недостаткомъ пастбищъ, но долгое лежаніе навоза въ кучахъ не имѣетъ никакого отношенія къ пастбищамъ и объясняется тѣмъ, что всѣ вообще работы крестьяне производятъ несвоевременно и небрежно. Небрежничаютъ крестьяне не потому, что продаютъ свой трудъ, какъ разъясняетъ г. Бирюковичъ, такъ какъ небрежничаютъ и тѣ, которые своего труда не запродаютъ; крестьянскій дворъ не хозяйственный дворъ, а тягольный,—этимъ и объясняется небрежность крестьянъ.

По даннымъ Полтавскаго опытнаго поля за періодъ 1895—1901 г. урожаи яровой пшеницы были: при іюльской вспашкѣ—75 п., при августовской—68 п., при сентябрьской—62 п., при октябрьской—54 п., при весенней—51 п. Въ Саратовской губерніи крестьянинъ обработываетъ свое поле такъ: уплотнивши его съ ранней весны, когда оно еще влажно, пастьбою скота, первую вспашку производитъ передъ Петровымъ днемъ, что даетъ въ сухое лѣто сильно комьистую пахоту; въ такомъ видѣ пахота ждетъ дождя; затѣмъ при сошной обработкѣ пашня иногда двоится, при плужной остается въ пластахъ и засѣвается подъ борону. Во влажные годы чер-

ноземъ еще способенъ вынести подобнаго рода „издѣвательство“ (!), но въ засушливые годы послѣдствія бываютъ очень тяжелыя [1]). Въ Курской губерніи крестьяне подъ яровое никогда почти не производятъ взмета осенью, вслѣдствіе чего земля лишается осенней и зимней влаги. Вспашка крестьянъ вообще мелкая (сошная), это большое утѣшеніе для будущихъ поколѣній, а потому мы не можемъ особенно радоваться распространенію между крестьянами плуговъ, благодаря земскимъ складамъ. Безъ измѣненія всѣхъ прочихъ условій крестьянскаго хозяйства, плуги только выпашутъ болѣе глубокій слой чернозема, чѣмъ дѣло и кончится, и вмѣсто улучшенія произойдетъ ухудшеніе крестьянскихъ полей. Кромѣ того плужная вспашка невозможна на узкихъ полоскахъ общиннаго землепользованія. Правда, обыкновенные плуги могутъ быть замѣнены оборотными, но оборотные плуги имѣютъ свои недостатки и во всякомъ случаѣ не даютъ той гладкой пашни, которая получается при сошной вспашкѣ.

Главнымъ и притомъ необходимымъ условіемъ для подъема крестьянскихъ хозяйствъ въ большей части земледѣльческой Россіи слѣдуетъ признать навозное удобреніе, но общинное землепользованіе является непреоборимымъ тормазомъ для его примѣненія на пашняхъ крестьянъ. Какъ бы нашъ мужикъ ни приспособлялся къ этому тормазу, онъ никогда не будетъ унаваживать отдаленныя полосы, ибо удобреніе этихъ полосъ физически невозможно или явно невыгодно. Навозное удобреніе требуетъ значительной кормовой площади. Поверхностные изслѣдователи рѣшили, что крестьяне нуждаются въ этой площади, а потому необходимо ввести въ нашихъ селеніяхъ травосѣяніе. На этомъ основаніи и создали свой планъ улучшенія крестьянскихъ хозяйствъ земскіе агрономы. Конечно введеніе клевера въ сѣвооборотъ крестьянъ

---

[1]) Буквально то же самое практикуютъ крестьяне Московской губерніи и на глинѣ.

во многихъ мѣстностяхъ Россіи освобождало ихъ отъ многихъ хлопотъ: не нужно искать „травы“ на сторонѣ; съёмка луговъ у помѣщиковъ, покупка клеверовъ (клеверныхъ полей) сдѣлались излишними. Но „агрономія“ земства имѣла въ самомъ своемъ основаніи порокъ, заключавшійся въ массовомъ примѣненіи средства, годнаго лишь для нѣкоторыхъ домохозяйствъ. Для клевера нужно приготовить почву постепеннымъ ея углубленіемъ плужной вспашкой и сильнымъ удобреніемъ. Подобная подготовка почвы возможна лишь для болѣе состоятельныхъ дворовъ, покупавшихъ у помѣщиковъ траву и имѣвшихъ уже плуги; земство же стремилось ввести клеверосѣяніе на территоріи всего селенія съ цѣлью сохранить общинное землепользованіе. И вотъ получились слѣдующіе результаты: въ однихъ селеніяхъ клеверъ принимался, въ другихъ пропадалъ; на однѣхъ полосахъ онъ развивался прекрасно, на другихъ плохо и т. п. Уже съ самаго начала ясно была видна непрочность земскаго клеверосѣянія. И крестьяне, какъ хозяева, прекрасно это поняли, а потому посмотрѣли на клеверъ какъ на временной, случайный доходъ и стали продавать его на сторону, а не кормить имъ свой скотъ. Замѣтимъ, что передѣловъ въ селеніяхъ съ травосѣяніемъ крестьяне еще не производили; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что первый же передѣлъ уничтожитъ введенный новый сѣвооборотъ.

Такимъ образомъ агрономическій опытъ земства съ клеверосѣяніемъ доказалъ совершенно не то, что желали доказать, а доказалъ обратное: травосѣяніе не уменьшило, а увеличило хищническую культуру крестьянъ, и сами иниціаторы травосѣянія нынѣ на это указываютъ. Если земскіе дѣятели и агрономы утѣшаютъ себя тѣмъ соображеніемъ, что пониженіе благосостоянія крестьянъ будто бы пошло болѣе медленнымъ темпомъ при травосѣяніи, то это утѣшеніе очень печальное: медленный темпъ зависитъ оттого, что Московское

земство создало для крестьянъ новое средство еще болѣе истощать свои поля. Изъ Волоколамскаго уѣзда, свидѣтельствуютъ сами земскіе дѣятели и агрономы, нынѣ вывозится значительное количество различныхъ кормовыхъ средствъ [1]) и въ томъ числѣ клевернаго сѣна; „все это несомнѣнно пагубно отзовется на производительности полей уѣзда, въ особенности крестьянскихъ, ибо вывезенныя питательныя вещества могутъ быть возвращены въ почву только покупкою (?) искусственныхъ удобреній, чего крестьяне, какъ извѣстно, почти вовсе не практикуютъ, или же потребленіемъ всѣхъ кормовыхъ средствъ на мѣстѣ, а для этого необходимо увеличить скотоводство". Но затѣмъ оказывается, что открытіе маслодѣленъ и проч. для сбыта молочныхъ продуктовъ, по мнѣнію земскихъ агрономовъ, преждевременно, такъ какъ лишитъ крестьянскія семьи молока. Какъ ни кинь—все клинъ. Съ послѣднимъ соображеніемъ Комитетъ не согласился и отвергнулъ его, но мы рѣшительно удостовѣряемъ, что земскіе агрономы были въ этомъ случаѣ совершенно правы и очень жаль, что они не примѣнили этихъ же соображеній и къ травосѣянію, когда вводили его на поляхъ крестьянъ.

Распространеніе травосѣянія въ Островскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, въ весьма слабой степени улучшило животноводство и отразилось на всемъ хозяйствѣ, такъ какъ почти все сѣно вывозится въ Петербургъ. То же самое отмѣчено для Весьегонскаго уѣзда Тверской губерніи. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пермской губерніи населеніе, увлеченное доходностью отъ продажи клеверныхъ сѣмянъ, занялось по преимуществу добываніемъ послѣднихъ, и „получилось неожиданное явленіе: система сѣвооборота не измѣнилась, количество кормовъ не увеличилось, тогда какъ усиленное про-

---

[1]) Жмыховъ, картофеля, льняного сѣмени.

изводство клеверныхъ сѣмянъ, предназначенныхъ къ отчужденію на сторону, произвело истощеніе почвы“ [1]).

Сдѣлаемъ маленькое замѣчаніе Оханскому Комитету. Пермскіе крестьяне, продавая сѣмена клевера, не истощаютъ почвы, если только кормятъ свой скотъ клеверной соломою и навозятъ пашню; клеверная солома питательна и заключаетъ въ себѣ много азота, а потому лучше продавать сѣмена клевера, чѣмъ сѣно.

Развитіе маслодѣлія въ Пермской губерніи, какъ и въ Сибири, идетъ не въ счетъ „молочнаго излишка“. а въ счетъ ухудшенія питанія населенія. Оханскій Комитетъ видитъ въ этомъ и другихъ фактахъ „искаженіе“, благодаря малокультурности населенія, благихъ агрономическихъ начинаній въ земской практикѣ. Напрасно: виноваты не крестьяне, а „земская практика“.

Крестьяне не кормятъ отбросами свой скотъ: жмыхами, отрубями и проч.; все это продается ими и вывозится за-границу. Г. Бирюковичъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что эти отбросы не доступны хозяевамъ по цѣнѣ, ибо скотъ держится лишь для навоза. Но это не объясненіе: зачѣмъ же скотъ „держится только для навоза“; вѣдь подобное держаніе скота прямо не выгодно хозяину? Скотъ держится лишь для плохого навоза въ плохомъ хозяйствѣ, ибо унаваживать свои поля какъ слѣдуетъ крестьяне не могутъ и не хотятъ. Въ Комитетахъ рѣшительно настаивали на установленіе вывозной пошлины для жмыхъ и отрубей. Развитіе крупной промышленности, по словамъ Комитетовъ, подавило крестьянское маслодѣліе, цѣна же на отбросы такъ высока, что населеніе не можетъ ихъ покупать. Однако слышались въ Комитетахъ голоса противъ вывозныхъ пошлинъ на отбросы. Крестьяне продаютъ свое сѣмя крупнымъ заводамъ потому,

[1]) Приводимъ слова Оханскаго Комитета по своду; въ протоколѣ Комитета заключеніе изложено еще рѣзче.

что крестьянское масло очень плохо и не можетъ конкурировать съ продуктами крупнаго производства. Съ наложеніемъ пошлинъ на жмыхи, маслодѣліе перейдетъ къ заграничнымъ производителямъ. То же слѣдуетъ сказать и объ отрубяхъ: вывозная пошлина убьетъ наше мукомольное производство.

Намъ кажется, что этотъ вопросъ рѣшается слѣдующимъ соображеніемъ. Крестьянское маслодѣліе не уничтожилось, а существуетъ, но крестьяне своими жмыхами не кормятъ свой скотъ, а продаютъ ихъ. Такимъ образомъ наложеніемъ вывозной пошлины мы не увеличимъ скотоводства крестьянъ, а лишь уничтожимъ крупную промышленность. Членамъ Комитета слѣдовало бы такъ именно выяснить этотъ вопросъ. Крестьяне продаютъ всѣ продукты своего хозяйства кромѣ тѣхъ, которыми непосредственно кормятся, и ничего для своего хозяйства не покупаютъ кромѣ продуктовъ роскоши (чай, водка, табакъ, наряды). Мѣстные Комитеты объясняютъ подобное явленіе въ нашемъ крестьянствѣ „бѣдностью", но это не объясненіе, такъ какъ „бѣдность" является лишь слѣдствіемъ подобнаго анормальнаго хозяйства; такимъ образомъ въ объясненіи „бѣдностью" мы несомнѣнно имѣемъ petitio principii. Оно и понятно: когда нарочно, тенденціозно, устраняютъ дѣйствительную причину явленія, то остается пробавляться доводами, создающими логическій кругъ.

Такъ и по настоящему вопросу, охранители крестьянскихъ интересовъ противъ „капитала" согласились, что маслодѣліе пострадаетъ, если жмыхи не будутъ вывозиться заграницу, но, по ихъ мнѣнію, пошлину нужно наложить и на сѣмена. Между тѣмъ сѣмена сейчасъ вывозятся заграницу на сумму 35 милліоновъ въ годъ. Прекращеніе этого вывоза уменьшитъ посѣвъ льна и конопли, столь выгодныхъ для земледѣлія, иначе говоря мы прямо ударимъ по крестьянскому же земледѣлію, ибо во всякомъ случаѣ введеніе льна

въ культуру, при интенсификаціи земледѣлія, играетъ громадную роль. А. Н. Энгельгардтъ постоянно настаивалъ въ своихъ письмахъ на томъ, что ленъ даетъ громадный доходъ земледѣльцу, и онъ былъ совершенно правъ. Въ высшей степени справедливо также замѣчаніе нѣкоторыхъ членовъ комитетовъ, что всѣ выгоды отъ пошлины на вывозъ отбросовъ всецѣло упадутъ на хозяйства нашихъ окраинъ, особенно прибалтійскихъ губерній, гдѣ промышленное скотоводство уже сдѣлало успѣхи; центральныя же губерніи несомнѣнно понесутъ убытокъ.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ искусственно создавать скотоводство у нашихъ крестьянъ, нужно дать ему почву; вывозными пошлинами на отбросы мы этой почвы для нашихъ крестьянъ не создадимъ. Намъ было бы понятно, если бы о вывозныхъ пошлинахъ на жмыхи и отруби ходатайствовали прибалтійскія губерніи, Царства Польскаго и юго-сѣверо-западныя, но подобныя ходатайства для Комитетовъ губерній: Московской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Вологодской, Новгородской, Псковской (!), центральныхъ черноземныхъ и въ особенности Самарской — совершенно необъяснимы съ хозяйственной точки зрѣнія. Увеличеніе и улучшеніе естественной площади кормовъ сводятся въ трудахъ Комитетовъ къ тому, что крестьянамъ сдавалось въ аренду и даже продавалось побольше казенной земли, при чемъ аренда должна быть долгосрочная ради интересовъ меліораціи. Если казна будетъ продолжать сдавать арендныя статьи обществамъ и товариществамъ, то отъ долгосрочной аренды никакого толку не будетъ, а выйдетъ одинъ только вредъ для казенныхъ угодій.

Что касается до условій сбыта продуктовъ животноводства, то мы вовсе ихъ не коснемся, такъ какъ думаемъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ условій для производства, нечего думать о сбытѣ. Замѣтимъ только, что мясо у насъ уже давно стало

дорого и плохо и главная причина этого явленія—демократизація населенія. Питаніе мясомъ городского населенія значительно увеличилось, но спросъ на хорошее мясо значительно уменьшился и притомъ торговцамъ выгоднѣе торговать плохимъ мясомъ для неприхотливой массы, чѣмъ хорошимъ мясомъ для небольшого кружка съ изысканнымъ вкусомъ потребителей. Этимъ объясняется случай съ мяснымъ скотоводствомъ въ имѣніи гр. Строгонова Валышево, Порховскаго уѣзда. Прекрасный скотъ въ 25 пуд. убойнаго вѣса не имѣлъ сбыта даже въ Петербургѣ, потому что петербургскіе потребители не умѣли съ этимъ мясомъ обходиться. Но по той же причинѣ для насъ закрытъ иностранный рынокъ, гдѣ наше черкасское мясо нынѣ разцѣнивается очень, очень низко. Авторъ помнитъ время, когда даже въ Берлинѣ нельзя было получить хорошаго мяса, равнаго нашему черкасскому; теперь въ Берлинѣ можно получить великолѣпное мясо, какого нѣтъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ выпойкой телятъ; имъ занимается много крестьянъ (въ Трудахъ указаны нѣкоторыя волости Новгородской губерніи). Напрасно только члены Комитетовъ возстаютъ и въ данномъ случаѣ противъ скупщиковъ. Здѣсь они весьма полезны какъ крестьянамъ, такъ и помѣщикамъ; безъ нихъ не было бы и сбыта [1]).

Съ развитіемъ городской жизни маслодѣліе получило особое значеніе для сельскаго хозяйства въ Россіи. Къ сожалѣнію главнымъ врагомъ этой важной отрасли сельскаго хозяйства является фальсификація. Много лѣтъ портилъ дѣло сельскимъ хозяевамъ маргаринъ; теперь же фальсификаціей занялись сами хозяева. Хорошаго масла трудно, почти не-

[1]) Мясные торговцы не станутъ разъѣзжать по деревнямъ изъ-за телятъ; имъ выгоднѣе имѣть дѣло съ „скупщиками". Доставлять же этотъ товаръ непосредственно на рынокъ крестьяне могутъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

возможно достать даже въ нашихъ столицахъ, и если правительство и общество не примутъ энергическихъ мѣръ къ подавленію этого зла, то о нормальномъ развитіи маслодѣлія въ Россіи нечего и думать. Между тѣмъ именно въ этомъ дѣлѣ соціальныя мѣры умѣстны и прямо *обязательны*, о чемъ наши „общественныя“ управленія весьма мало безпокоятся. Репрессія должна быть направлена и на торговцевъ и на производителей; мы думаемъ, что прекратить это зло вовсе не трудно... Молочное хозяйство въ великорусскихъ губерніяхъ развивается въ губерніяхъ: Ярославской, Пермской и Вятской; въ центральныхъ же черноземныхъ оно отсутствуетъ, что объясняется особенно низкимъ уровнемъ крестьянскихъ хозяйствъ въ этихъ губерніяхъ. Для частновладѣльческихъ хозяйствъ главное затрудненіе—полное отсутствіе дѣльнаго рабочаго персонала (этимъ и объясняется развитіе маслодѣльныхъ „заводовъ“). Къ сожалѣнію обычная крестьянская неряшливость требуетъ особаго надзора за „заводами“—особенно въ цѣляхъ гигіеническихъ. Въ Комитетахъ и по отношенію къ сбыту молочныхъ продуктовъ заявлены были жалобы на посредниковъ-торговцевъ, которые оставляютъ себѣ львиную долю продажной цѣны продукта. Такъ, при цѣнѣ масла въ 12 руб. за пудъ, сельскій хозяинъ выручаетъ съ пуда не болѣе одного рубля, тогда какъ торговецъ продаетъ то же масло 20—24 рубля за пудъ, наживая на каждомъ пудѣ 6—10 рублей. Но если хозяева молочныхъ стадъ признаютъ подобную „наживу“ торговцевъ чрезмѣрной, то странно, что они сами не заводятъ торговли молочными продуктами. Докладчикъ жалуется на малочисленность молочныхъ хозяйствъ, розрозненность хозяевъ, недостатокъ предпріимчивости и отсутствіе денежныхъ средствъ. Ну вотъ за всѣ эти „слабости“ они и получаютъ 12 р. вмѣсто 24 руб. за свой „товаръ“. Впрочемъ докладчикъ Курскаго Комитета имѣетъ своеобразныя воззрѣнія на мѣры содѣйствія

сельской промышленности. Онъ, напримѣръ, предлагаетъ устроить земскій разсадникъ скота, затратить на него 100.000 руб. земскихъ денегъ и продавать изъ него скотъ съ убыткомъ 100 р. на голову, распредѣляя *этотъ* убытокъ между казной и земствомъ. Прекрасный планъ, только какой толкъ будетъ отъ этого производителямъ?

Часто производитель получаетъ отъ торговца извѣщеніе: „послѣдній товаръ плохого сорта, берите обратно, оставляю за собой лишь по такой цѣнѣ“. Очень часто мѣняется спросъ со стороны торговцевъ на тотъ или другой продуктъ, а выполненіе такихъ требованій соединено съ ломкой всего хозяйства. Рекомендуются молочныя биржи, гдѣ товаръ долженъ обезличиваться и сортироваться, а расцѣнка производится особыми цѣновщиками. Вотъ какія практичныя реформы предлагаютъ намъ „свѣдущіе“ люди! Биржи, конечно, устраиваетъ государство или земство на счетъ казны. Если принять въ соображеніе, что даже въ Одессѣ изъ 368 изслѣдованныхъ образцовъ коровьяго масла недоброкачественными оказались 235, то „обезличиваніе“ будетъ выгодно „производителямъ“, но очень не выгодно „биржамъ“ и казнѣ. Авторъ, съ своей стороны, полагаетъ, что молочные продукты у насъ будутъ имѣть хорошій сбытъ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) удобствѣ доставки, 2) постоянной свѣжести продукта и 3) безукоризненной чистотѣ обработки масла [1]. Главное зло въ молочномъ дѣлѣ у насъ фальсификація, на которую постоянно жалуются сами торговцы и которая поневолѣ сбиваетъ цѣны молочныхъ продуктовъ.

---

[1]) Авторъ много лѣтъ ставилъ свое масло торговцу въ Охотномъ ряду въ Москвѣ по цѣнѣ 20 руб. за пудъ лѣтомъ и 26 руб. зимой и въ большинствѣ случаевъ торговецъ жаловался только на то, что доставлялось мало масла. Доставка производилась еженедѣльно въ опредѣленный день. Масло приготовлялось по датскому способу изъ кислыхъ сливокъ; свѣжее молоко шло телятамъ. Этотъ способъ очень хлопотливъ, ибо требуетъ большого вниманія для опредѣленія момента окисанія сливокъ.

Для улучшенія скота предлагается Комитетами метизація. Это, конечно, очень скорый способъ улучшить мѣстный скотъ, но при условіи хорошаго кормленія и ухода. Лучшими производителями скота будутъ всегда крестьяне или вообще маленькіе производители. Выращиваніе скота у нихъ обходится дешевле и уходъ за каждымъ экземпляромъ лучше, чѣмъ въ большомъ хозяйствѣ. Къ сожалѣнію условія нашего крестьянскаго хозяйства рѣдко соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя долженъ ставить себѣ производитель въ этой важной отрасли сельскаго хозяйства, поэтому только рѣдкіе крестьяне достигаютъ, при элеважѣ, удовлетворительныхъ результатовъ. Главнымъ же препятствіемъ къ улучшенію крестьянскаго скотоводства является стадная пастьба, при которой телки спариваются преждевременно и скотъ вырождается, уже не говоря о плохомъ кормѣ по парамъ и стернямъ. Такимъ образомъ мечтать объ улучшеніи крестьянскаго скота прежде консолидаціи крестьянскихъ дворовъ значитъ забавлять себя иллюзіями.

То, что мы сказали о скотоводствѣ, еще справедливѣе по отношенію къ птицеводству. Едва ли когда либо птицеводство у насъ получитъ значеніе крупнаго производства. Не слѣдуетъ забывать, что скученіе птицы вообще непрактично, ибо создаетъ эпидеміи; кромѣ того при крупномъ производствѣ птица быстро вырождается. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ кормленіе и уходъ за птицею дешевле и лучше достигаютъ цѣли. Птицеводство, по нашему мнѣнію, предметъ преимущественно крестьянскаго хозяйства; сбытъ же птицы вездѣ обезпеченъ. Когда наши крестьяне сдѣлаются хозяевами, птицеводство будетъ играть видную роль въ нашей международной торговлѣ.

Ветеринарно-врачебная часть обращала на себя вниманіе въ нѣкоторыхъ Комитетахъ, при чемъ было высказано, что въ земскихъ губерніяхъ эта часть сдѣлала большіе успѣхи.

Съ такимъ мнѣніемъ членовъ Комитета мы рѣшительно не можемъ согласиться. Совершенно напротивъ, по ветеринарной части наши земства очень хромаютъ: на нашихъ глазахъ крестьяне продавали безвозбранно молоко ящурныхъ коровъ, и хотя всѣ селенія мѣстности были поражены этой эпидеміей, никакихъ мѣръ для изоляціи скота не принималось. Мы спасли нашъ скотъ тѣмъ, что онъ пасся далеко отъ крестьянскихъ стадъ. Сибирская язва въ Московской губерніи и сапъ въ Петербургской весьма мало обращали на себя вниманіе земствъ и до сихъ поръ не искоренены. Чума же была скоро прекращена въ Европейской Россіи правительственными мѣрами, а никакъ не земскими. Забота о правильномъ устройствѣ ветеринарной части должна лежать на государствѣ. Нѣкоторые факты, сообщенные въ мѣстныхъ Комитетахъ подтверждаютъ нашу мысль. Такъ было высказано, что изданіе обязательныхъ правилъ должно обнимать гораздо большіе районы, чѣмъ губерніи. Въ Пензенской губерніи, напримѣръ, вознагражденіе за убитую сапную лошадь установлено въ 30 руб., а въ Тамбовской—60 руб. Въ результатѣ сапныя лошади умышленно переводятся изъ Пензенской губерніи въ Тамбовскую. Комитеты въ виду этого предлагаютъ устраивать районные съѣзды земскихъ представителей, но опытъ показалъ, что отъ подобныхъ съѣздовъ мало толку; все дѣло кончается рѣчами, протоколами, докладами безъ всякой пользы. Иначе быть не можетъ: съѣзды лишены значенія учрежденій, а потому постановленія ихъ никакой обязательной силы имѣть не могутъ.

Относительно сельскохозяйственныхъ орудій Комитеты высказались въ томъ смыслѣ, что машины и орудія русскихъ заводовъ дороги и плохи. Несмотря на высокія пошлины и высокую стоимость транспорта выгоднѣе пріобрѣтать заграничныя пахатныя орудія, чѣмъ отечественныя. Даже при низкихъ цѣнахъ на послѣднія, ихъ недоброкачественность является серьезной преградою для вытѣсненія заграничныхъ

орудій. Желѣзная заграничная борона служитъ 20 лѣтъ; сдѣланная же на Воткинскомъ заводѣ уже послѣ годового употребленія требуетъ ремонта, хотя она стоила лишь 2 рублями дешевле.

Жалобы Комитетовъ на плохія орудія русскихъ заводовъ совершенно справедливы, но Комитеты не объяснили, почему наши заводы такъ плохо работаютъ, а между тѣмъ эта причина отчасти находится внѣ зависимости заводчиковъ. Наши заводы употребляютъ плохое русское желѣзо и снабжены плохими мастерами и рабочими. Если сельскіе хозяева не могутъ найти для своихъ хозяйствъ хорошихъ пахарей, скотниковъ, скотницъ, маслодѣловъ, кузнецовъ, слесарей и проч., то они должны понять, что заводская промышленность въ этомъ отношеніи обставлена еще хуже, какъ бы высока ни была заработная плата мастеровъ. При существованіи всероссійской богадѣльни иначе быть не можетъ. Что же предлагаютъ Комитеты съ цѣлью развитія машиностроительнаго производства? Устройство казенныхъ заводовъ, каѳедръ сельскохозяйственнаго машиностроенія и т. п! Предложенія вполнѣ достойныя нашей интеллигенціи. Если нѣкоторые наши заводы достигли очень высокаго уровня производства въ техническомъ отношеніи, то именно тамъ, гдѣ они развивались совершенно самостоятельно, безъ всякаго содѣйствія со стороны государства и общества (напримѣръ — пивоваренные заводы).

Наши крупныя фабричныя производства тоже обставлены нынѣ въ техническомъ отношеніи удовлетворительно потому, что сами приготовляли себѣ техниковъ, мастеровъ и рабочихъ. Потому то они и играютъ нынѣ роль монополистовъ. До тѣхъ поръ, пока въ Россіи производитель будетъ искусственно прикрѣпленъ къ землѣ и къ общинному строю, у насъ будутъ плохи и рабочіе, и мастера, и техники. Не дѣло общественныхъ учрежденій заводить фабрики, заводы, мастерскія и зани-

маться торговлею; кромѣ убытка всѣ эти „общественныя“ заведенія ничего не принесутъ; они только подавляютъ производительныя силы Россіи и подавляютъ самодѣятельность хозяевъ. Русское общество привыкло жить на чужой счетъ и чужимъ загадомъ. Пусть оно привыкнетъ постепенно жить за свой счетъ и своимъ загадомъ; но пусть оно прежде всего откажется отъ скверной привычки всюду и вездѣ благотворить и раздавать милостыню и поддерживать въ нашемъ народѣ старинную крѣпостную наклонность къ нищенству. Что русскій тяглецъ совершенно справедливо и основательно разсчитываетъ на Царскій паекъ не подлежитъ сомнѣнію, но не пора ли русскому крестьянину перестать быть тяглецемъ и встать на свои ноги какъ истинному хозяину?...

Наше замѣчаніе примѣнимо и къ заводамъ искусственныхъ удобреній; само собою разумѣется, что никакихъ пошлинъ на эти удобренія не должно быть.

Свекловичная культура уже играетъ видную роль въ крестьянскихъ хозяйствахъ юго-западныхъ губерній. Только съ плантацій Кіевской губерніи населеніе получаетъ около 15 милліоновъ заработка; стоимость десятины земли подъ свеклу дошла до 400 р., арендная плата до 50 руб. Отбросы свеклы даютъ дешевый кормъ скоту. Въ Черниговской губерніи $^{2}/_{3}$ земель, находящихся подъ свекловичной культурой, принадлежитъ крестьянамъ, и урожаи на заводскихъ земляхъ бываютъ ниже крестьянскихъ. Но вообще состояніе свекловодства въ юго-западномъ краѣ не признается Комитетами удовлетворительнымъ. Замѣчается сильное размноженіе разныхъ вредителей: жука-долгоносика, майскаго, гусеницы, лугового мотылька и пр. Наблюдается и постепенное пониженіе урожаевъ. Селекціонныя станціи, которыя устроили у себя крупные хозяева, работали неудовлетворительно и большинство ихъ закрылось, а между тѣмъ изъ-за-границы получается около милліона сѣмянъ свеклы и нѣкоторыя загра-

ничныя фирмы переносятъ свою дѣятельность въ Россію. Причина упадка селекціонныхъ станцій—недостатокъ техническихъ силъ—отсутствіе знаній для правильной постановки селекціи. Впрочемъ проектируется учрежденіе, въ которомъ будутъ объединены работы агрономовъ, химиковъ, бактеріологовъ, фитопатологовъ и энтомологовъ. Для осуществленія проекта потребуются весьма крупныя средства, но значительная часть ихъ уже собрана путемъ подписки въ средѣ крупнѣйшихъ свекловодовъ юго-западнаго края. Пожелаемъ этому учрежденію успѣха!

Въ Комитетахъ заявлены были жалобы на „синдикаты“ заводчиковъ, эксплоатирующихъ крестьянъ и злоупотребленія при пріемѣ свеклы. Рекомендуется контроль правительства и введеніе автоматическаго счетчика. Весьма полезно!

Табаководство принадлежитъ къ самымъ интенсивнымъ культурамъ, а потому является предметомъ крестьянскаго хозяйства по преимуществу. Къ сожалѣнію со времени введенія нынѣ дѣйствующаго табачнаго устава, табаководство сильно упало; число мелкихъ фабрикантовъ и складчиковъ быстро сократилось и табачный рынокъ очутился всецѣло въ рукахъ небольшой группы монополистовъ. Это большое зло, тѣмъ болѣе, что качество табака ухудшилось и въ настоящее время нельзя даже получить въ Россіи хорошаго табаку. Интересно, что въ Лохвицкомъ Комитетѣ казаки и крестьяне упорно доказывали, что высокій акцизъ тяжелъ для производителя, а интеллигентные члены Комитетовъ и профессора это отрицали. Казаки и крестьяне были правы: при существующихъ условіяхъ, тяжелый акцизъ дѣйствительно падаетъ больше на производителя, чѣмъ потребителя, ибо, страшно стѣсняя производителя, акцизъ отдаетъ его, сверхъ того, въ руки монополиста, который такимъ образомъ и перекладываетъ на него часть тяжелаго акциза. Желательно, чтобы правительство приняло къ сердцу интересы табаководства, столь важ-

наго для крестьянства Малороссіи и юго-западнаго края, могущаго давать крестьянамъ громадный доходъ. Дѣйствующій уставъ долженъ быть пересмотрѣнъ.

Ни въ одной культурной странѣ садоводство и огородничество не стоятъ такъ низко, какъ у насъ въ Россіи, а между тѣмъ и эти обѣ важныя отрасли сельскаго хозяйства преимущественно крестьянскія. Крѣпостныя барскія хозяйства имѣли великолѣпные сады, даже подъ Москвой; ихъ теперь нѣтъ— совершенно уничтожены. Громадныя села юго-западнаго края, столь благодатнаго для развитія садоводства и огородничества, поражаютъ почти полнымъ отсутствіемъ всякой растительности. Имѣются лишь большіе участки подъ дикими вишнями, которыя даютъ очень рѣдко хорошій урожай. Въ Рязанской губерніи сохранились барскіе сады, но обыкновенно сдаются въ аренду и доходность ихъ очень проблематична — смотря по году; плодовыя деревья запущены и даютъ урожай только при благопріятныхъ атмосферическихъ и иныхъ условіяхъ. При общинномъ землепользованіи, о развитіи крестьянскаго садоводства и огородничества нечего и мечтать; съ этимъ отчасти согласны и Комитеты. Но въ нашихъ селеніяхъ имѣется самый злостный врагъ садоводства—воровство, соединенное съ порчей и самыхъ деревьевъ; къ сожалѣнію объ этомъ главномъ врагѣ крестьянскихъ садовъ и огородовъ въ сводѣ ничего не сказано, хотя въ Комитетахъ на него указывали.

Сады и огороды даютъ крестьянамъ громадный доходъ. Въ нѣкоторыхъ Комитетахъ указано, что встрѣчаются у крестьянъ сады, приносящіе владѣльцамъ до 800 руб. дохода. Садами могутъ заниматься бѣднѣйшіе „подворники“ (безземельные). Не меньшій доходъ могутъ давать и огороды. Въ Черниговской губерніи крестьяне Новозыбковскаго уѣзда славятся на югѣ какъ знатоки огородничества, стоящіе въ этомъ дѣлѣ внѣ конкурренціи. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Нѣжинскаго

уѣзда культура лука доведена до совершенства, благодаря чему въ 80-хъ годахъ установился вывозъ этого продукта за-границу (въ Англію, Германію и Австрію). Ярославская губернія искони славится своими огородниками, хотя въ послѣднее время замѣченъ сильный упадокъ ярославскаго огородничества. Въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи огородничествомъ занимаются калмыки, снимающіе съ этой цѣлью земли у крестьянъ. Весною они являются въ большое село, арендуютъ у крестьянъ участокъ, *роютъ на немъ колодезь* (!) и засаживаютъ участокъ сѣменами. Эти участки носятъ названіе „плантацій". Калмыки ухаживаютъ за своими плантаціями очень тщательно и достигаютъ прекрасныхъ результатовъ какъ по отношенію къ качеству овощей, такъ и раннему ихъ созрѣванію. Собранныя овощи продаются мѣстному населенію, послѣ чего калмыки-огородники удаляются въ свои степи.

Несмотря на изложенные факты, Комитеты утверждаютъ, что главными препятствіями къ развитію садоводства и огородничества являются отсутствіе у населенія знанія, затрудненія въ полученіи хорошаго матеріала посадаточнаго и сѣменного, отсутствіе школъ, инструкторовъ и пр. пр. Если степные калмыки прекрасные огородники, хотя въ школахъ не учились, инструкторовъ въ глаза не видали и проч., то нѣтъ основаній требовать и для нашихъ крестьянъ особыхъ мѣръ воздѣйствія, чтобы научить ихъ садоводству и огородничеству. Тутъ необходима прежде всего одна мѣра—установленіе правопорядка въ деревнѣ и хозяйственной свободы; тогда, можетъ быть, принесутъ свою долю пользы инструкторы, школы и проч. Гораздо важнѣе замѣчаніе Комитетовъ о недостаткахъ транспорта и малой приспособленности нашихъ желѣзныхъ дорогъ къ перевозкѣ продуктовъ спеціальныхъ культуръ. Замѣчаніе совершенно справедливое.

Хмелеводство принадлежитъ къ сельскохозяйственнымъ про-

изводствамъ, дающимъ громадный доходъ, но оно требуетъ знаній, техническихъ и иныхъ, и значительнаго капитала, а потому крестьянамъ доступно разведеніе лишь низшихъ сортовъ хмеля (для портера). Повышеніе пошлины на заграничный хмель тутъ не имѣетъ значенія, ибо плохой русскій хмель вывозится почти исключительно за границу. Пошлина на хмель принесла свою долю пользы для владѣльцевъ цѣнныхъ плантацій, особенно Царства Польскаго и Волынской губерніи. Въ настоящее время пивоваренные заводы почти исключительно употребляютъ русскій хмель. Богемскій хмель ввозится только для высшихъ сортовъ пива, но онъ во всемъ мірѣ стоитъ внѣ конкурренціи.

Относительно виноградарства и виноделія въ Россіи мы воздержимся отъ всякихъ сужденій, такъ какъ весьма мало знакомы съ этой областью сельскаго хозяйства, но отмѣтимъ, что воздѣлываніе винограда возможно и для крестьянскихъ хозяйствъ, въ чемъ мы убѣдились, знакомясь съ крестьянствомъ южной Германіи.

Сводя общій итогъ всего того, что было высказано въ Комитетахъ относительно мѣръ къ подъему русскаго крестьянскаго хозяйства, нельзя не замѣтить, что всѣ предлагаемыя Комитетами мѣры относятся къ созданію благопріятныхъ для хозяйства крестьянъ общественныхъ конъюнктуръ. Такъ и дожно быть, ибо общественныя и правительственныя мѣропріятія могутъ создавать производителямъ только конъюнктуры. Къ сожалѣнію Комитеты этимъ не ограничивались, но постоянно впадали въ область дѣятельности самихъ производителей, желая замѣнить ихъ энергію „общественной“ или правительственной энергіей. Это очень ложная политика. Ею не только подавляется производитель, наиболѣе энергичный, но искусственно создается классъ бездѣятельныхъ производителей, переходящій постепенно въ классъ, кормящійся на общественный, т. е. чужой счетъ. Конечно все это совершенно ло-

гично у насъ при господствѣ общиннаго крестьянскаго землепользованія, но тогда нечего жаловаться на экономическій упадокъ русскаго крестьянства. Переходъ русскихъ крестьянъ на Царскій паёкъ—на государственное кормленіе—въ послѣдніе годы осуществляется довольно успѣшно. Но при подобной аграрной и экономической системѣ веденія государственнаго хозяйства, не слѣдуетъ жаловаться ни на тяжесть податей и повинностей, ни на несоотвѣтствіе ихъ съ доходами крестьянъ отъ земли. Напротивъ, чѣмъ тяжелѣе повинности, тѣмъ лучше для государства, ибо оно получаетъ больше доходовъ и обязано заботиться лишь о томъ, чтобы тяглецъ хорошо кормился и главное—не бездѣльничалъ. Оба эти условія тѣсно связаны между собою; сытые праздные холопы даже очень опасны; сытыя праздныя животныя тоже не годятся для интенсивной работы. Но наша „либеральная“ интеллигенція, примѣняя къ нашему крестьянству порядки крѣпостной эпохи, требуя ихъ охраны и проектируя общественныя конъюнктуры, исключительно направленныя къ этой цѣли, предъявляетъ къ крестьянину вмѣстѣ съ тѣмъ требованія, совершенно несовмѣстимыя съ этими порядками и создающими въ нашей деревнѣ, какъ мы видѣли, анархію, какъ экономическую, такъ и соціально-правовую. Босяцкія общины, управляемыя „земскими“ дѣятелями,—таковъ идеалъ нашей интеллигенціи, потому то романы г. Горькаго имѣли блестящій успѣхъ въ нашемъ обществѣ. Разумѣется, подобная „политика“ ведетъ къ полной гибели русскій народъ, но для его интеллигенціи это безразлично. Нельзя однако не видѣть въ этомъ стремленіи русской интеллигенціи явной близорукости: кто же будетъ кормить интеллигенцію и поддерживать ея существованіе? Не нищее же крестьянство, не подавленная же индустрія, которая замретъ, задавленная налогами и общественными конъюнктурами въ пользу всероссійской богадѣльни!...

Все сводится у насъ къ „распредѣленію благъ“, но позабываютъ о томъ, что нужно прежде создать блага, а потомъ ихъ „распредѣлять“. Неужели интеллигенція серьезно воображаетъ, что „блага“ создаются фикціями—общинами, а не производителями? Несвободный трудъ—орудіе производства, въ лучшемъ смыслѣ—тягло. Первое же условіе свободы труда заключается въ томъ, что трудящійся имѣетъ во всякое время *право* сберегать, владѣть и распоряжаться результатами своей экономической энергіи. *Возможность* же примѣненія этого права зависитъ отъ правильнаго правопорядка въ обществѣ и личной энергіи трудящагося—иначе говоря его воли и ея интенсивности. Соціальныя конъюнктуры хороши или дурны настолько, насколько онѣ развиваютъ энергію большинства производителей и согласны съ чувствомъ правомѣрности какъ индивидуальной—субъекта правъ, такъ и соціальной—всего народа.

Общинное землепользованіе и связанный съ нимъ правопорядокъ деревни противорѣчатъ всему нами изложенному, и поддержаніе этой отжившей исторической категоріи великій грѣхъ нашей интеллигенціи и правительства. Общинное землепользованіе противорѣчитъ и идеѣ крестьянства, какъ особой категоріи, экономической и юридической. Крестьянство есть хозяйство семьи—двора въ лицѣ домовладыки отца, т. е. хозяйство семейнаго очага. Юридически крестьянство опять таки воплощается въ семьѣ. Общинное же землепользованіе отрицаетъ родительскую власть, отрицаетъ истинныя начала христіанской семьи, превращая семью въ рабочее тягло. Соціалистамъ это на руку, ибо они тоже отрицаютъ семью и самый бракъ—основу семьи. Поэтому кажущаяся заботливость нашей интеллигенціи о крестьянствѣ ничто иное какъ лицемѣріе и мистификація. Да и въ глазахъ нашего бюрократическаго правительства нашъ крестьянинъ все еще государственный тяглыщикъ, а не свободный экономическій субъектъ [1]).

[1]) Въ трудахъ Комитетовъ очень часто слышится отголосокъ подобныхъ

Этимъ и объясняется, что наше правительство въ своей аграрной политикѣ идетъ рука-объ-руку съ нашими соціалистами и такъ легко поддавалось на ихъ требованія и ламентаціи. Но правительство, по крайней мѣрѣ, стоитъ на исторической почвѣ, хотя отжившей, а русская интеллигенція витаетъ въ фантазіяхъ, притомъ противоестественныхъ и далеко не нравственныхъ, ибо эти фантазіи совершенно лишены категоріи долженствованія, лишь прикрываются дымкой „альтруизма“. Право есть основа всякаго долженствованія, сказали мы, ибо оно установляетъ достоинство человѣческое и вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе экономическаго субъекта. Все то, что отрицаетъ экономическую свободу лица вопреки общей нормы, противорѣчитъ праву и обращаетъ экономическаго субъекта въ крѣпостного тяглеца. Интересно, что наша интеллигенція тоже возстаетъ противъ государственнаго тягла и требуетъ его замѣны общиннымъ тягломъ. Мы же думаемъ, что государственное тягло имѣетъ еще оправданіе въ исторіи народа, а общинное—никакого. Несеніе тягла во имя блага государства — націи исторически допустимо, но несеніе тягла для мѣстной колокольни—нелѣпость, ничѣмъ не оправдываемая: ни экономическими, ни юридическими, ни соціальными соображеніями. Русскій крестьянинъ нынѣ причисленъ къ свободному классу производителей, а потому ему должна быть предоставлена вся та свобода, которой пользуются всѣ граждане Россійской Имперіи, всѣ „жители“, всѣ подданные; крѣпостного подданства, по закону, въ Россіи нынѣ не существуетъ. Русскій земледѣлецъ, какъ крестьянинъ, долженъ владѣть

правительственныхъ воззрѣній, напримѣръ, Екатеринославскій губернаторъ высказываетъ въ губернскомъ Комитетѣ такую мысль: „съ точки зрѣнія административной выгодно имѣть общину, такъ какъ для администраціи община представляетъ лучшее общественное устройство для проведенія правительственныхъ мѣръ“. Нисколько не сомнѣваемся, но администрація еще не государство.

своей землей, ибо онъ ее выкупаетъ, и распоряжаться ею по усмотрѣнію, ибо онъ хозяинъ.

Община никакихъ правъ на крестьянскую землю не имѣетъ: она не имѣетъ никакого титула и не ведетъ хозяйства, а потому распоряжается крестьянской землей неправомѣрно и безхозяйно, т. е. разстраиваетъ хозяйство крестьянъ. Но и общая собственность не соотвѣтствуетъ крестьянству, такъ какъ стѣсняетъ на каждомъ шагу производителей. Истинное крестьянское хозяйство только *подворное* и только та правительственная политика будетъ благотворна для нашего крестьянства, которая организуетъ и упрочитъ *подворное* хозяйство крестьянъ. Подобная политика вполнѣ согласуется съ правомъ, экономикой земледѣлія, самаго интенсивнаго, съ благомъ громаднаго большинства русскаго населенія и съ нравственными началами, свойственными семейному союзу людей. Къ этой цѣли слѣдовало бы стремиться всѣми силами общества и государства въ лицѣ правительственной власти. Соціалистическій же журавль пусть себѣ летаетъ въ облакахъ экономическихъ и иныхъ теорій: на стогны и веси Россійской Имперіи онъ никогда не опустится, а если это несчастіе случится, то пробьетъ послѣдній часъ національной жизни русскаго народа, т. е. нашей великой Имперіи.

X.

Сибирское крестьянство.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ критическому анализу Трудовъ Сибирскихъ Комитетовъ, необходимо коснуться въ краткихъ чертахъ сложившейся исторически своеобразной формы крестьянскаго землепользованія въ Сибири.

Колонизація Сибири происходила двумя путями: непосредственными мѣрами правительства и вольнымъ занятіемъ земель по заимочному праву. Отводы земель еще въ первой половинѣ XVIII вѣка производились не селеніямъ, а отдѣльнымъ крестьянамъ. Отводъ производился по челобитью, и когда, по сказкѣ мѣстныхъ обывателей и „по доѣзду доѣзщиковъ“, указанная въ челобитьѣ земля оказалась „порозжа“ и никому „вдачу не отдана“, выдавался „владѣтельный указъ“, въ которомъ описывался отводимый участокъ по живымъ урочищамъ или перечисленіемъ смежныхъ владѣльцевъ. Указы опредѣляли и самый характеръ крестьянскаго землевладѣнія и притомъ всегда въ одинаковыхъ выраженіяхъ: „владѣть тебѣ впредь вѣчно, а на сторону никому и по какимъ видамъ не поступатца“.

Такимъ образомъ въ 1 половинѣ XVIII вѣка администрація имѣла дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ вновь „строившимся во крестьянство“ лицомъ, съ которымъ и заключала условіе о надѣлѣ землей „смотря по человѣку“; но съ замѣной съ 60 г.г. XVIII столѣтія поземельно повинности ду-

шевымъ оброкомъ, когда размѣръ обложенія уже не зависѣлъ отъ величины надѣла, администрація перестала даже слѣдить за расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія, и оно, совершенно свободное, пошло путемъ широкаго развитія заимочнаго права. Лицо, желавшее владѣть *исключительно на себя*, устраивало на облюбованномъ мѣстѣ *заимку*. Рядомъ съ нею возникали другія и постепенно выросталъ поселокъ, который исподволь распространялъ свои земли до границъ чужого захвата. Къ сожалѣнію система переселеній и надѣловъ для поселенцевъ [1]) явилась чуждымъ элементомъ въ этомъ своеобразномъ развитіи русскаго крестьянства въ Сибири. Возникъ вопросъ о *нормѣ надѣленія* земли, при чемъ была принята норма надѣловъ государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи, въ размѣрѣ 15 десятинъ на душу для старожиловъ и для новыхъ поселенцевъ вдвое. Администрація уже перестаетъ относиться равнодушно къ захватному владѣнію и самовольнымъ, по ея мнѣнію, распоряженіямъ крестьянами землей и предписываетъ производить „уравненія". Эти предписанія власти, разумѣется, встрѣчаютъ со стороны населенія упорное сопротивленіе, но такъ какъ заимки и поселки зачисляются въ волость и къ ней же причисляютъ поселенцевъ, то сопротивленіе заимщиковъ, рано или поздно, удается сломить. Однако, „уравненія" заключаются лишь въ отрѣзкѣ у старожиловъ „лишнихъ" земель; настоящихъ передѣловъ (великороссійскихъ) Сибирь до сихъ поръ почти не практикуетъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не измѣнило земельныхъ отношеній сибирскихъ крестьянъ. Хотя, въ силу Положенія о б. государственныхъ крестьянахъ, въ Сибири введены Положенія 19 февраля 1861 г., но въ

---

[1]) Въ связи съ сплошными съемками и вообще межевыми работами въ Сибири.

дѣйствительности все дѣло ограничилось введеніемъ крестьянскихъ учрежденій по управленію крестьянами.

Въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія правительствомъ были произведены сплошныя изслѣдованія западной, а затѣмъ и восточной Сибири; къ этимъ работамъ были привлечены земскіе статистики и лица съ извѣстнымъ направленіемъ и ихъ изслѣдованія положены въ основаніе правительственной аграрной политики. Въ то же время были организованы правительствомъ переселенія европейскихъ крестьянъ въ Сибирь, которыя, съ постройкой сибирской желѣзной дороги, приняли грандіозныя размѣры. Переселенческіе участки были нарѣзаны изъ заимочныхъ земель старожиловъ, и прочное, цвѣтущее крестьянское подворное хозяйство въ Сибири разрушено. Между тѣмъ, образуя переселенческія участки и отрѣзая земли старожиловъ, правительство до сихъ поръ не отграничило земли крестьянъ отъ казны и, повидимому, эта важная работа отложена въ долгій ящикъ. Ниже мы увидимъ, что исполненіе ея въ настоящее время невозможно, если правительство будетъ настойчиво поддерживать свою роковую для сибирскаго крестьянства аграрную политику.

Такимъ образомъ сибирское крестьянство, фактически почти свободное до знаменательнаго дня 19 февраля 1861 года, нынѣ закрѣпляется и отчасти уже закрѣплено въ общинное крѣпостное землепользованіе. Тотъ самый день, который далъ свободу крестьянству Европейской Россіи, для Сибири послужилъ поводомъ къ введенію крѣпостного права и къ уничтоженію свободнаго крестьянства.

Въ одномъ изъ нашихъ трудовъ [1]) мы разъяснили, что не такова была мысль Законодателя и не такова была воля Царя Освободителя; вина-же этого анормальнаго явленія всецѣло лежитъ на русской интеллигенціи.

[1]) См. «Вопросъ объ общинѣ и уравнительномъ землепользованіи» стр. 40 и слѣд.

Сибирскіе Комитеты организовались довольно своеобразно. Вотъ составъ Тобольскаго губернскаго Комитета: предсѣдатель—Тобольскій губернаторъ; члены: управляющій казенной палатою, управляющій Государственными Имуществами, непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ губ. упр., правительственный агрономъ, старшій чиновникъ по составленію отводныхъ записей, предсѣдательствующіе въ съѣздахъ крестьянскихъ начальниковъ, податные инспекторы, завѣдующіе поземельно-устроительной партіей и переселенческой. Однимъ словомъ составъ Комитета исключительнно чиновный. Таковы же составы уѣздныхъ совѣщаній, состоявшихъ преимущественно изъ крестьянскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ; сверхъ того въ нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ приглашались, неизвѣстно ради какихъ цѣлей, товарищъ прокурора, мировые судьи, (чиновники, а не землевладѣльцы), священники. Впрочемъ въ совѣщаніяхъ участвовали и лѣсничіе, таксаторы и волостные писаря.

Такой же составъ получили Комитеты и въ другихъ губерніяхъ Сибири, но въ Томскомъ губернскомъ Комитетѣ принимали участіе два профессора, неизвѣстной намъ спеціальности.

Такимъ образомъ получился слѣдующій невѣроятный фактъ. Особое Совѣщаніе нашло нужнымъ организовать мѣстные Комитеты съ цѣлью узнать о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности отъ самихъ производителей. Въ Европейскихъ Комитетахъ принимали участіе земскіе дѣятели и землевладѣльцы, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ приглашались для совѣщаній и крестьяне; въ сибирскихъ же Комитетахъ принимали участіе исключительно мѣстные чиновники, состоящіе въ значительной степени изъ людей, по словамъ самаго предсѣдателя губернскаго Комитета, пришлыхъ, не вполнѣ знакомыхъ съ условіями мѣстной хозяйственной жизни, съ ея нуждами и требованіями.

Въ Тобольскомъ губернскомъ Комитетѣ, впрочемъ, былъ возбужденъ вопросъ о привлеченіи мѣстнаго населенія къ участію въ уѣздныхъ совѣщаніяхъ, но противъ этого предложенія было высказано опасеніе, что „въ совѣщанія проникнетъ болѣе юркій слой кулаковъ-эксплоататоровъ, съ мнѣніями которыхъ Комитету только и придется считаться". Такимъ образомъ обычная манія страха, свойственная нашей интеллигенціи передъ „кулаками"-крестьянами, распространена въ сибирской бюроктаріи не менѣе, чѣмъ въ европейской. Въ другихъ сибирскихъ Комитетахъ главнымъ препятствіемъ для участія крестьянъ въ совѣщаніяхъ выставляются ихъ безграмотство и тупое невѣжество.

Изложенный нами фактъ получаетъ особое значеніе и особую ѣдкость потому, что тѣ-же Комитеты признали, какъ настоятельную необходимость, *введеніе въ Сибири земскихъ учрежденій и даже всесословной мелкой земской единицы!* Какъ вамъ нравится, любезный читатель, подобное противорѣчіе: признать сибирскихъ крестьянъ, по безграмотности и невѣжеству, неспособными высказать свои нужды и желанія по хозяйству и вмѣстѣ съ тѣмъ требовать учрежденія земствъ вкупѣ со всесословной мелкой земской единицею? Оказывается, когда идетъ рѣчь о земскомъ самоуправленіи, сибирскій крестьянинъ является даже „болѣе самостоятельнымъ и развитымъ", чѣмъ россійскій, и опасеніе, „что въ земствахъ будутъ играть роль „кулаки" и темныя личности, признается лишеннымъ всякаго основанія". Въ одномъ изъ губернскихъ Комитетовъ указаны и тѣ измѣненія, которыя необходимо сдѣлать въ Положеніяхъ о земскихъ учрежденіяхъ, чтобы приспособить ихъ къ Сибири. „Прежде всего отъ избираемыхъ въ гласные нужно потребовать нѣкоторый умственный цензъ, хотя бы, напримѣръ, окончаніе курса въ сельскомъ училищѣ (!). Затѣмъ пассивное (?) право участія въ выборахъ можно расширить въ томъ отношеніи, что въ гласные могутъ быть

избираемы лица, не имѣющіе права активнаго (!) участія въ выборахъ, но имѣющія аттестаты объ окончаніи курса въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, живущія въ предѣлахъ уѣзда, или волости не менѣе 3—4 лѣтъ. Это правило откроетъ возможность попадать въ составъ гласныхъ лучшимъ людямъ (?) изъ сельскихъ учителей, мѣстныхъ учрежденій судебныхъ и административныхъ, они и дадутъ нашимъ земскимъ собраніямъ ту интеллигенцію, которой у насъ въ деревнѣ нѣтъ, но которая будетъ вести земское дѣло вполнѣ разумно и съ полнымъ знаніемъ мѣстныхъ нуждъ“ (?).

Такимъ образомъ предполагаемыя земскія учрежденія будутъ состоять исключительно изъ чиновниковъ и какихъ-то сельскихъ учителей, которыхъ испекутъ для этой цѣли, ибо таковыхъ въ Сибири не существуетъ; а все мѣстное населеніе будетъ устранено, въ виду удостовѣренной безграмотности сибирскаго крестьянства. Прекрасный проектъ: земство, составленное исключительно изъ интеллигентныхъ „варяговъ“! Самый важный, самый существенный вопросъ для крестьянства Сибири—вопросъ о землепользованіи.

Аграрная политика правительства, сложившаяся подъ вліяніемъ интеллигентныхъ изслѣдователей сибирскаго землепользованія и чиновныхъ устроителей переселенческихъ участковъ, создала въ землепользованіи крестьянъ Сибири хаосъ и анархію еще болѣе рѣзкіе, чѣмъ въ Европейской Россіи, гдѣ этотъ хаосъ и эта анархія все-таки умѣряются Положеніями 19-го февраля и правомъ выкупа надѣльной земли.

Разгромивъ защитниковъ, интеллигентные устроители крестьянскаго землепользованія въ Сибири отрѣзали массу угодій и отъ общинъ—тамъ, гдѣ общинное землепользованіе было уже организовано силою правительственной власти. Видя, что лѣсные надѣлы и другія угодія у нихъ отнима-

ются, крестьяне стали немилосердно вырубать оставшійся лѣсъ и хищнически эксплоатировать прочія угодія, ибо всякій сталъ считать себя халифомъ на часъ. Безтолковые отрѣзки въ пользу переселенческихъ участковъ создали невѣроятную черезполосицу и длинноземелье крестьянскихъ надѣловъ, притомъ даже въ общихъ дачахъ селеній. Ясно, что разграниченіе землепользованія разныхъ селеній и консолидація ихъ нынѣ невозможна, ибо приведетъ къ фатальнымъ результатамъ. Въ трудахъ Комитетовъ приведены и примѣры такихъ результатовъ. Такъ въ Лыбаевской волости Ялотуровскаго уѣзда селенія получили въ надѣлъ ленты шириною въ 1—2 версты и длиною 15 верстъ, при чемъ самыя селенія расположены въ концѣ этихъ лентъ. Подобное разграниченіе нужно признать еще удовлетворительнымъ, такъ какъ во многихъ другихъ случаяхъ лента тянется на 50 верстъ, или, что еще хуже, надѣлы селеній остаются черезполосными въ разныхъ, удаленныхъ другъ отъ друга, участкахъ.

Интересно, что чиновные члены сибирскихъ Комитетовъ даже не соображаютъ, что подобное нелѣпое „землепользованіе“ результатъ консолидаціи селеній и было бы совершенно немыслимо при консолидаціи дворовъ. Но неужели этотъ очевидный фактъ не ясенъ высшему правительству? Конечно, въ настоящее время консолидація дворовъ представляетъ извѣстныя затрудненія: общинное землепользованіе успѣло такъ испортить территорію крестьянскаго землевладѣнія, что трудно будетъ посадить дворъ на истощенную, одичавшую и вообще испорченную (напр.—песками) землю; съ этимъ придется считаться. Но, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ консолидировать дворы тамъ, гдѣ это возможно и гдѣ сами крестьяне этого требуютъ и страстно желаютъ. Прежде всего необходимо охранить заимки—хутора.

Въ трудахъ комитетовъ имѣются указанія на то, что нѣ-

которые крестьяне-заимщики обращались съ ходатайствами передъ членами Комитетовъ о защитѣ, при чемъ члены Комитетовъ удостовѣрили, что въ районѣ, напримѣръ, Томской губерніи, сотни заимокъ разорены устроителями переселенческихъ участковъ, хотя эти заимки имѣли *безусловно* культурное для страны значеніе. Въ 1899 году г. Министръ Государственныхъ Имуществъ обратилъ вниманіе на нежелательность подобнаго порядка вещей, а потому „вѣроятно" въ настоящее время чины отряда и партій болѣе осмотрительно относятся къ нуждамъ „этихъ піонеровъ тайги". Однако, изъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ совѣщаній слѣдуетъ заключить, что разгромъ заимочныхъ хозяйствъ продолжается и нынѣ.

Вообще многими Комитетами (особенно уѣздными) удостовѣрено, что крестьяне высоко цѣнятъ значеніе заимочнаго землепользованія. Для удешевленія стоимости производства хлѣба слѣдовало-бы, по словамъ крестьянъ, поощрять разселеніе земледѣльцевъ изъ большихъ селеній по заимкамъ, гдѣ всѣ угодья были-бы подъ руками; для этого достаточно было бы безплатнаго отпуска казеннаго лѣса на устройство заимокъ и перечисленія земли изъ общиннаго пользованія въ подворное. Енисейскій Губернскій Комитетъ высказалъ, „что развитіе въ губерніи крупныхъ сельскихъ поселеній является не малымъ тормазомъ въ усовершенствованіи крестьянскаго хозяйства". Какъ результатъ условій хозяйства въ крупныхъ селеніяхъ, получается значительная отдаленность пашенъ, а слѣдовательно и затруднительность ихъ удобренія. „То же самое неудобство относится и къ прочимъ отдаленнымъ угодіямъ, напримѣръ, къ сѣнокосу, выгонамъ, лѣсу. Вынужденный отъѣзжать на далекія разстоянія по каждому своему сельскохозяйственному дѣлу, крестьянинъ большого села совершенно непроизводительно тратитъ время и трудъ, а слѣдовательно и деньги, и совершенно естественно лишенъ возможности быть въ своемъ хозяйствѣ столь интенсивнымъ,

какъ это было бы при другихъ условіяхъ. Обстоятельство это давно и отлично сознается самими крестьянами, чему доказательствомъ служитъ множество имѣющихся въ каждомъ уѣздѣ выселковъ и заимокъ съ совершенно самостоятельнымъ хозяйствомъ. Такіе отсельщики конечно достигаютъ своей цѣли: они ближе къ своему хозяйству и всецѣло пользуются этой выгодой. Но въ то же время они вынуждены терпѣть и значительныя неудобства, такъ какъ, оставаясь въ административномъ и даже хозяйственномъ отношеніи, постольку, на сколько это послѣднее устанавливается закономъ, въ составѣ прежнихъ сельскихъ обществъ, такіе отсельщики сохраняютъ свои обязанности по отношенію къ селу—метрополіи, а это послѣднее, будучи естественнымъ врагомъ отсельщиковъ, занимающихъ лучшія свободныя земли надѣла, старается всячески стѣснять ихъ. Стѣсненія эти бываютъ такъ велики, что заставляютъ во многихъ случаяхъ выселившихся крестьянъ возвращаться въ прежнее мѣсто жительства".

Если читатель вдумается въ приведенныя слова, то онъ пойметъ всю неправомѣрность тѣхъ порядковъ, которые установило правительство въ землепользованіи крестьянъ въ Сибири. Съ точки зрѣнія права ихъ даже трудно понять. Крестьяне „надѣляются" землей за оброкъ. Если этотъ „оброкъ" аренда за пользованіе казенной землей, то совершенно непонятно, по какому *праву* крестьянинъ обязывается, вопреки его волѣ, пользоваться землей въ той странной формѣ, которая носитъ названіе „общиннаго" землепользованія. Аренда—договоръ, слѣдовательно добровольное соглашеніе контрагентовъ. Очевидно здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ гражданскимъ институтомъ, а соціальнымъ, основаннымъ на принужденіи, иначе говоря крѣпостнымъ.

Въ Нижнеудинскомъ уѣздномъ Комитетѣ крестьяне заявили, что за послѣдніе годы площадь распашки и сѣнокос-

ныхъ угодій у старожильческаго населенія сократилась, „благодаря тому, что значительная часть *раздѣланной земли* отошла подъ переселенческіе участки, лучшіе покосы изъяты изъ владѣнія крестьянъ *Управленіемъ Государственными Имуществами* для надобностей чиновъ лѣсного вѣдомства, и значительная часть лѣсовъ, *вмѣстѣ съ пашнями и покосами*, отошла въ заказники, что изъятіе земли изъ владѣнія крестьянъ продолжается до настоящаго времени, и поэтому крестьяне не только не раздѣлываютъ изъ-подъ лѣса новой пашни, но бросаютъ уже разработанную, такъ какъ не увѣрены въ томъ, что раздѣланныя сегодня пашни будутъ принадлежать имъ завтра“. Въ виду изложеннаго, Комитетъ нашелъ „безусловно необходимымъ немедленное принятіе со стороны правительства такихъ мѣръ, которыя обезпечивали-бы крестьянскому населенію, по крайней мѣрѣ, существующее землепользованіе.

Остановимся на сообщенныхъ фактахъ и спросимъ себя: существуетъ ли въ Европѣ страна, гдѣ земледѣлецъ находится въ такихъ прекарныхъ отношеніяхъ къ землѣ, которую онъ обрабатываетъ, въ какихъ нынѣ оказались сибирскіе крестьяне-старожильцы, бывшіе богатыри-колонизаторы? Подобныхъ отношеній въ Западной Европѣ не существуетъ вовсе: даже прекарныя отношенія „арендаторовъ“ въ Ирландіи устойчивѣе, чѣмъ у нашихъ сибирскихъ крестьянъ. А еще недавно они были совершенно въ иномъ положеніи! Произволъ власти господствовалъ надъ крестьянами и въ эпоху гр. Киселева, но все-таки Министерство Государственныхъ Имуществъ иначе относилось къ своимъ крестьянамъ и не разоряло ихъ; плохи были „окружные“ (хотя далеко не всѣ), но тогда было ужъ такое „темное“ время, хотя въ трудахъ Комитетовъ есть указанія и на „воровство“ интеллигентныхъ крестьянскихъ начальниковъ. Впрочемъ замѣтимъ, что хотя крестьяне Сибири и инородцы и состоятъ подъ

„попечительствомъ“ Министерства Земледѣлія, но въ дѣйствительности надъ ними господствуетъ многовластіе или даже „всевластіе“, чего въ эпоху гр. Киселева не было. Этимъ объясняются нѣкоторыя противорѣчія между членами Комитетовъ полезныя въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, открывается уголокъ завѣсы, скрывающей истинное положеніе дѣла въ порядкахъ землепользованія крестьянъ. Такъ въ Тобольскомъ Комитетѣ были сдѣланы указанія на стѣсненія, которыя терпятъ крестьяне отъ недостаточныхъ льготъ при арендѣ казенныхъ земель. Между тѣмъ изъ записки управляющаго Государственными Имуществами видно, что „сдача оброчныхъ статей на льготныхъ условіяхъ сельскимъ обществамъ мало приноситъ существенной пользы для послѣднихъ и въ тоже время весьма гибельно отражается на всякой частной предпріимчивости“. „Согласно контрактнымъ обязательствамъ, общества, заарендовавшія на льготныхъ условіяхъ казенную землю, должны распредѣлять ее на сельскихъ сходахъ между всѣми своими членами и постановлять о томъ надлежащіе приговоры; между тѣмъ общества въ очень рѣдкихъ случаяхъ исполняютъ это обязательство, и приговоровъ о распредѣленіи земли никогда не доставляютъ. Причину подобнаго уклоненія слѣдуетъ искать въ томъ, что предоставленною на льготныхъ условіяхъ казенною землею въ дѣйствительности пользуются не всѣ члены общества, а отдѣльныя лица. Послѣднія, въ силу этого попадаютъ въ полную зависимость отъ общества. Достаточно, напримѣръ, предпріимчивому арендатору завести на арендуемой имъ оброчной статьѣ болѣе или менѣе сносное хозяйство,—заготовить для посѣва и удобрить землю, расчистить сѣнокосы, исправить проѣзжія дороги (!), устроить пруды, колодцы (!) и пр., какъ ближайшее сельское общество уже возбуждаетъ ходатайство объ отдачѣ ему этой статьи въ аренду, безъ торговъ, и въ большинствѣ случаевъ, *при содѣйствіи со стороны мѣстной*

администраціи, достигаетъ намѣченной цѣли. Такимъ путемъ въ Тобольской губерніи разорено много хозяйствъ, созданныхъ, было, на оброчныхъ статьяхъ бывшими владѣтелями заимокъ, за поддержаніе которыхъ говоритъ историческое въ земельномъ отношеніи прошлое губерніи".

Итакъ наша аграрная политика такова, что не только крестьянину запрещается вести толковое хозяйство на „надѣльной" землѣ, но ему запрещается вести толковое хозяйство и на арендованной землѣ. А между тѣмъ „наблюденія за арендньмъ хозяйствомъ на мѣстахъ убѣждаютъ, что въ то время, какъ арендаторы-крестьяне дѣлаютъ попытки, въ виду быстраго повышенія арендныхъ цѣнъ на казенныя земли, приспособить свое хозяйство къ требованіямъ экономической дѣйствительности и использовать землю съ наибольшей интенсивностью, производя удобреніе почвъ, травосѣяніе (!) и проч., сельскія общества, коснѣя въ старыхъ отживающихъ порядкахъ, *продолжаютъ вести хищническое хозяйство* и все-таки не могутъ извлечь выгодъ изъ земельнаго простора, а несутъ рядъ тяжелыхъ хозяйственныхъ утратъ".

Теперь спросимъ читателя: какой смыслъ имѣютъ всѣ многорѣчивые совѣщанія мѣстныхъ Комитетовъ о мѣрахъ къ подъему крестьянскаго хозяйства, при подобной аграрной политикѣ? Не являются-ли всѣ многотомные труды Комитетовъ просто кукольной комедіей, излюбленной въ Россійской Имперіи канцелярской работой—мишурой, чтобы заморить того червячка, который порой гложетъ даже нашу интеллигенцію? Замѣтимъ, что, по удостовѣренію Комитетовъ, „сколько-нибудь зажиточные хозяева избѣгаютъ брать землю въ общественномъ надѣлѣ", такъ какъ бывали такіе случаи: „отдѣльные домохозяева разработаютъ болото, а общество тотчасъ-же беретъ эту землю себѣ въ надѣлъ". Такимъ образомъ крестьянину-сибиряку, недавно свободному могучему пахарю, нельзя

завести толковаго хозяйства ни на казенной „надѣльной“ землѣ, ни на казенной арендной и единственнымъ выходомъ изъ этого невозможнаго положенія для нѣкоторыхъ крестьянъ служитъ земля казаковъ, которую крестьяне арендуютъ по 50 коп. за десятину; здѣсь власть мѣстной и петербургской интеллигентной администраціи прекращется, такъ какъ казаки подвѣдомы своему особому начальству—военному.

Лѣсопользованіе въ Тобольской губернію характеризуется губернскимъ Комитетомъ какъ „хаотическое состояніе“. Казенные лѣса смѣшиваются съ лѣсами II разряда. Боязнь отрѣзки лѣсныхъ угодій въ казну и періодическихъ раздѣловъ указывается какъ главная причина лѣсоистребленія; „въ ожиданіи общаго поземельнаго устройства, крестьяне Ишимскаго уѣзда обществами *постарались* окончательно вырубить болѣе крупный лѣсъ“. Такъ хозяйничаетъ община Россіи съ національнымъ достояніемъ и таковы послѣдствія излюбленной аграрной политики нашей интеллигенціи.

Казенно-оброчныя статьи сдаются на льготныхъ условіяхъ обществамъ за безцѣнокъ, а потому „у населенія“, по словамъ компетентныхъ лицъ, „сложилось даже представленіе, что сельскія общества могутъ налагать своего рода veto на свободу отдачи оброчныхъ статей стороннимъ лицамъ и даже сельскимъ обществамъ сосѣднихъ волостей, т. е. вотчинникъ—казна изъ Государя—господина превращается въ глазахъ крестьянъ въ слугу самодержавной Россійской общины; наша соціалистическая интеллигенція должна притти въ восторгъ отъ подобной „эволюціи“; надежды и вожделѣнія нашихъ соціалистовъ осуществляются—общинное землепользованіе получаетъ значеніе „dominium eminens“.

Не смотря на такія прерогативы, несмотря на такую власть обществъ, неравномѣрность пользованія „общественными“ угодіями въ деревняхъ царитъ всюду и, по удостовѣренію Комитетовъ, „поражающая“: есть крестьяне, которые засѣва-

ютъ не болѣе 3—5 десятинъ и имѣютъ при этомъ крупнаго скота 3—5 головъ, а рядомъ съ ними есть состоятельные, составляющіе замѣтную часть деревни, которые засѣваютъ 30—50 десятинъ и крупный свой скотъ считаютъ десятками и даже сотнями головъ. Общества перебиваютъ у лучшихъ пахарей арендныя казенныя земли, но это нисколько не мѣшаетъ тому, что надѣльныя земли, вслѣдствіе отказа отдѣльныхъ крестьянъ отъ земли, скопляются въ рукахъ обществъ въ такой массѣ, что вовсе не эксплоатируются, и селенные сходы не знаютъ, что съ этой массой земли дѣлать.

Интеллигенція не оставила своимъ посѣщеніемъ и сибирскіе Комитеты—интеллигенція настоящая, чистокровная, даже не бюрократическая. Во всѣхъ Комитетахъ было удостовѣрено многочисленными свидѣтельствами и, между прочимъ удостовѣреніями крестьянъ, о громадномъ злѣ общиннаго землепользованія сѣнокосными угодіями, особенно при ежегодныхъ передѣлахъ, вслѣдствіе чего масса сѣнокосовъ обратилась въ безплодные пустыри, пески, болота, кочки и т. п. Въ Курганскомъ уѣздномъ совѣщаніи приняло живое участіе правленіе Курганскаго отдѣла Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства съ „участіемъ свѣдущихъ лицъ". Хотя самимъ совѣщаніемъ удостовѣрено, что общинные покосы съ каждымъ годомъ ухудшаются, нигдѣ не очищаются, не удобряются и не освѣжаются, сырыя мѣста не осушаются пр., проч., хотя протоколомъ совѣщанія засвидѣтельствовано, что въ совѣщаніи возникло разногласіе по вопросу, при чемъ часть членовъ требовала раздѣленія сѣнокосовъ на постоянные подворные участки, тѣмъ не менѣе, совѣщаніе постановило большинствомъ голосовъ рѣшеніе противъ подворнаго раздѣла покосовъ въ силу слѣдующаго соображенія: „что мѣшаетъ обществу, по постановленію своего схода *выгнать* (!!) домохозяевъ на расчистку сѣнокосовъ, обязавъ каждаго изъ нихъ произвести эту работу на

такой долѣ сѣнокоса, какая придется на него по числу его платежныхъ душъ, или освѣжить такимъ-же порядкомъ сѣнокосы, удобрить ихъ, произвести подсѣвъ травъ и т. д.“. Повидимому въ совѣщаніи не нашлось человѣка съ здравымъ умомъ и хозяина отвѣтить на подобный резонъ. Мы отвѣтимъ здѣсь Курганской филіали Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства. Препятствій для осуществленія курьезнаго соображенія очень много и вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: послѣ знаменательнаго дня 19 февраля 1861 г. государственные крестьяне не крѣпостные холопы, а потому *выгонять* ихъ на расчистку сѣнокосовъ не можетъ даже всемогущая россійская община; опредѣлить долю сѣнокоса для каждаго домохозяина при такихъ условіяхъ невозможно, и подобное опредѣленіе легко можетъ кончиться всеобщимъ побоищемъ между „однообщественниками“; самое исполненіе работы тоже невозможно, ибо расчищать сѣнокосы душевыми дольками, а тѣмъ болѣе дренировать ихъ и проч. возьмется развѣ дурачекъ, но не хозяинъ, понимающій толкъ въ подобной работѣ.

Вообще-же на уѣздныхъ совѣщаніяхъ крестьяне указывали какъ на причину упадка ихъ хозяйствъ образованіе многочисленныхъ переселенческихъ участковъ, изъятіе значительныхъ площадей земли изъ пользованія старожильческаго населенія и семейные раздѣлы, которые усилились за послѣднее время подъ вліяніемъ наплыва посторонняго элемента (т. е. развитія общинныхъ великороссійскихъ порядковъ).

Въ уѣздныхъ Комитетахъ [1]) восточной Сибири упадокъ

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, къ постановленіямъ уѣздныхъ Комитетовъ (уже не говоря о губернскихъ) относиться съ особенной осторожностью: иногда эти постановленія выражаютъ мнѣнія крестьянъ (и инородцевъ), а иногда—крестьянскихъ начальниковъ, даже составляются отъ личнаго мѣстоименія «я» (см. напр. Киренскій Комитетъ б. И. К. Л.).

крестьянскаго хозяйства, со словъ самихъ крестьянъ, поставленъ прямо въ связь съ общиннымъ землепользованіемъ. „Въ Сибири, хотя и считается общинное владѣніе, но на самомъ дѣлѣ населеніе съ передѣлами земли никогда не имѣло дѣла и пользуется землею наслѣдственно, по праву захвата-безъ всякаго участія въ этомъ со стороны общества". „Выходя изъ такого положенія, что земля въ Сибири постепенно истощается, требуетъ удобренія, лучшей обработки, усовершенствованныхъ орудій", въ Балаганскомъ уѣздномъ Комитетѣ всѣ единогласно высказались, „что ожидать чего-либо отъ земли можно только тогда, когда земля будетъ закрѣплена, когда каждый владѣлецъ земли будетъ знать, что удобреннная имъ земля не будетъ отъ него отобрана, что затраченный трудъ не будетъ напраснымъ".

Въ связи съ общиннымъ землепользованіемъ стоитъ податная система. Въ западной сибири господствуютъ двѣ формы распредѣленія податей и повинностей, свойственныя общинно-крѣпостному институту: по наличнымъ душамъ и по работникамъ. Та или другая форма примѣняется, смотря по состоятельности домохозяевъ—тяглецовъ селенія. Если земля „окупаетъ" платежи, господствуетъ наличная разверстка, а если надѣлъ „разоритель"—разверстка по работникамъ. Но обѣ формы примѣняются съ „поправками"—съ дополнительными „накладками" на скотъ, причемъ практикуется величайшій произволъ со стороны міра. Въ восточной Сибири разверстки очень разнообразны, смотря по степени успѣха „эволюціи" общиннаго землепользованія. Наиболѣе распространенная форма раскладки здѣсь „торги" и разверстаніе „по животамъ и промысламъ" (при заимочномъ землепользованіи). Въ Сибирскихъ Комитетахъ, какъ въ европейскихъ, возбуждался вопросъ о несправедливости обложенія по душамъ, работникамъ и проч. и необходимости установить „подоходное" обложеніе дворовъ. Мы уже разъяснили въ своемъ

мѣстѣ всю неосновательность подобныхъ предположеній. Кажется защитники общины сами должны были понять, что если населеніе упорно придерживается системы разложенія повинностей по „душамъ“ и тягламъ, то, значитъ, оно признаетъ ее наиболѣе равномѣрной и справедливой. Но дѣло въ томъ, что защитники общины, по обыкновенію, не видятъ своихъ противорѣчій: когда земля распредѣляется „уравнительно“ по душамъ и тягламъ, то совершенно естественно, что и повинность распредѣляется по тѣмъ-же единицамъ обложенія, слѣдовательно говорить о распредѣленіи податей по „доходности“ земли—чистѣйшая нелѣпость. Крѣпостная община не спрашиваетъ тяглеца, доходно или не доходно ему хозяйство; установивъ тягло, она распредѣляетъ по нему землю и требуетъ платежей. Если бы крѣпостная община, распредѣливъ по тягламъ между „домохозяевами“ землю, стала-бы сверхъ того переоцѣнивать доходность той-же земли по дворамъ, то вышла-бы величайшая несправедливость, такъ какъ оказалось-бы, что община вновь переоцѣнила объектъ обложенія (землю) и притомъ совершенно произвольно, т.-е. оказалось-бы, что тягольное распредѣленіе было сдѣлано неправильно. Защитники общины сами не понимаютъ, чего хотятъ, не понимаютъ сущности „уравнительнаго“ процесса. Прежде, чѣмъ приступить къ распредѣленію земли, крестьяне оцѣниваютъ податную единицу. Эта податная единица и есть „земляная душа“; затѣмъ эта „земляная душа“ распредѣляется по дворамъ: сколько „душъ“ во дворѣ, столько земли на дворъ, столько же и податей сходитъ со двора. Какая же тутъ можетъ быть еще переоцѣнка? Это будетъ чистѣйшій произволъ и больше ничего. Если въ Сибири допускаются „накладки“, то только потому, что настоящій уравнительный порядокъ еще не практикуется—настоящихъ россійскихъ передѣловъ Сибирь еще не знаетъ. И вотъ почему такъ широко примѣняются „торги“—самая несправедливая и

безнравственная форма обложенія. Но при общинномъ землепользованіи всегда „расположка“ податей и повинностей будетъ неравномѣрна и несправедлива, ибо такова сущность самого института, который установляетъ, какъ правило, что всѣ тяглецы-холопы равны и на этомъ *равенствѣ* и основываетъ свою „расположку“. Въ виду этого, мы считаемъ совершенно излишнимъ обсуждать всѣ мудрованія чиновныхъ и вообще интеллигентныхъ членовъ комитетовъ объ измѣненіи или улучшеніи податной системы общиннаго уравнительнаго землепользованія. Никакія „улучшенія“ тутъ не возможны, и всякое вмѣшательство правительства въ это дѣло только ухудшитъ неравномѣрность обложенія. Разъ равняютъ людей по имуществу, то нельзя ихъ равнять по повинностямъ иначе, какъ признавъ, что всѣ имущественно уравненные люди несутъ одинаковыя повинности. Это — альфа и омега общиннаго землепользованія и всего крѣпостного института.

Упадокъ сибирскаго крестьянства нынѣ удостовѣряется всѣми Комитетами. Причина упадка опредѣляются Комитетами и отдѣльными членами ихъ различно, но если отбросить въ сторону частности, пустыя разглагольствованія и проч. и остановиться на *общей* причинѣ, о которой говорится во всѣхъ Комитетахъ, то окажется, что причиною упадка крестьянскаго хозяйства является неправильное землепользованіе крестьянства, разгромъ заимочнаго землевладѣнія, неправильныя дѣйствія власти при отводѣ переселенческихъ участковъ—однимъ словомъ анархія въ крестьянскомъ землепользованіи, еще худшая, чѣмъ въ Европейской Россіи. Земли отрѣзываются у старожильцевъ по произволу, лишь-бы была соблюдена душевая „норма“, но при этомъ позабываютъ, что „землепользованіе“ старожильцевъ не отграничено отъ „казеннаго“. Казалось бы слѣдовало сначала устроить землепользованіе старожильцевъ, а потомъ приступить къ переселеніямъ, но у насъ поступили какъ разъ наоборотъ, и при-

чиною этого невѣроятнаго факта является аграрная политика правительства. Если-бы отграниченіе и землеустроительныя работы были начаты со дня изданія Положенія 1866 г., то сибирскіе крестьяне не лишились-бы своихъ заимокъ и большая часть крестьянства была-бы консолидирована подворно. Этого-то и не пожелали допустить и прибѣгли къ системѣ ничего недѣланія, пока не вышли законы 1898 г., отмѣнившіе освободительные акты Царя-Освободителя по отношенію къ сибирскимъ б. государственнымъ крестьянамъ и превратившіе ихъ изъ свободныхъ „жителей" Сибири въ крѣпостныхъ тяглецовъ государства. Въ одномъ изъ послѣднихъ законодательныхъ актовъ (1903 года) эти тяглецы такъ и названы „государственными поселенцами"; въ актахъ 1897 г. они еще именуются просто „крестьянами". Такимъ образомъ б. государственные крестьяне лишились всѣхъ правъ, предоставленныхъ Положеніемъ 1866 г. казеннымъ крестьянамъ, только потому, что землеустроительныя работы въ Сибири были задержаны, иначе говоря, благодаря чистой случайности и бездѣятельности мѣстнаго начальства.

Что-же касается до высшаго Правительства, то его дѣйствія, помимо ложныхъ вотчинно-крѣпостныхъ воззрѣній на крестьянство, объясняются отсутствіемъ живыхъ силъ въ самомъ русскомъ обществѣ. Между тѣмъ освободительная реформа для полнаго ея осуществленія требовала громаднаго труда, для котораго работниковъ не нашлось. Оставалось одно: поддерживать государственное тягло, пока хватало силъ у населенія его нести. И русскій народъ, сознавая необходимость этого тягла для великой Имперіи, никогда не отказывался его нести; несетъ его и до сихъ безропотно. По нашему глубокому убѣжденію, русскій народъ совершенно правъ.

XI.

Переселенческій вопросъ.

Составитель свода трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ отмѣчаетъ, что въ Комитетахъ высказывались самыя противорѣчивыя заключенія по вопросу о необходимости переселенія, и подобное разномысліе объясняетъ разнообразіемъ мѣстныхъ естественныхъ и экономическихъ условій (густотой населенія, степенью развитія заработковъ и т. д.) и различіемъ принципіальныхъ взглядовъ.

Мы не согласны съ этимъ мнѣніемъ составителя свода. Разница во взглядахъ Комитетовъ объясняется аграрными порядками того края, къ которымъ принадлежали мѣстные Комитеты и составомъ самихъ Комитетовъ. Что густота населенія въ воззрѣніяхъ Комитетовъ никакой роли не играетъ ясно изъ того, какъ относились мѣстные Комитеты къ вопросу въ многоземельныхъ губерніяхъ, каковы, напримѣръ, губерніи: Пермская, Вятская, Екатеринославская, Новгородская, Уфимская, Самарская, Таврическая и даже пустынная Архангельская. Напротивъ Комитеты густонаселенныхъ губерній: Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Бессарабской области, Виленской, Витебской, Волынской и даже Кіевской (!!), Подольской (!), Пензенской и нѣкоторыхъ другихъ,— высказались противъ переселеній.

Такимъ образомъ противъ переселеній высказались тѣ Комитеты, которые принадлежатъ къ губерніямъ, гдѣ сохранились частновладѣльческія хозяйства, и въ особенности тѣ, гдѣ крестьянскіе дворы консолидированы. Объясняется этотъ фактъ очень просто: частновладѣльческія и крестьянскія хозяйства одинаково нуждаются въ рабочихъ рукахъ—въ батракахъ. Частновладѣльческія хозяйства нуждаются въ наемныхъ батракахъ, а крестьянскія—въ семейныхъ. Конечно и крестьянскія хозяйства пользуются иногда наемными батраками, за неимѣніемъ своихъ семейныхъ, но наемные батраки у крестьянъ живутъ на положеніи членовъ семьи и очень часто „прилѣпляются" къ ней на всю дальнѣйшую свою жизнь. Спрашивается: желательно или нежелательно подобное явленіе съ точки зрѣнія соціальной и въ особенности соціально-государственной? Что касается крупныхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, то мы не считаемъ возможнымъ здѣсь касаться подробно этого вопроса, такъ какъ это выходитъ изъ рамокъ нашего изслѣдованія; для крестьянскихъ же хозяйствъ батраки такъ же необходимы, какъ они необходимы вообще для всякаго хозяйства. Громадное преимущество крестьянскихъ хозяйствъ передъ частновладѣльческими заключается именно въ томъ, что батраки въ крестьянскомъ хозяйственномъ дворѣ—семейные, ибо крестьянство есть семейное хозяйство. Если аграрная политика такова, что содѣйствуетъ разложенію семейнаго двора, то крестьянство бѣднѣетъ, разлагается и гибнетъ; если же аграрная политика благопріятна семейному союзу и упрочиваетъ его, то крестьянство въ странѣ разростается, цвѣтетъ и благоденствуетъ.

Изъ изложеннаго ясно, что вопросъ о переселеніяхъ крестьянъ на окраины государства гораздо важнѣе, чѣмъ предполагаютъ тѣ, которые усиленно рекомендуютъ его для спасенія общиннаго землепользованія отъ „малоземелья", и

мы обращаемъ *особое* вниманіе читателя на тотъ фактъ, что „перенаселенность" края отрицаютъ какъ разъ Комитеты губерній, гдѣ крестьянскіе дворы консолидированы, отрицаютъ многіе Комитеты и тѣхъ губерній, гдѣ господствуетъ подворно-наслѣдственное землепользованіе. Напротивъ, Комитеты губерній, гдѣ общинныя формы землепользованія царствуютъ, рѣшительные защитники переселеній. Этотъ фактъ тоже очень характерный. Переселенія признаются обычнымъ средствомъ противъ развитія пролетаріата; сильное развитіе переселеній всегда приводилось въ доказательство существующаго въ странѣ земельнаго пролетаріата.

И вдругъ общинная Россія, долженствующая охранять государство отъ этого зла Западной Европы, является главнымъ поставщикомъ переселенцевъ, а защитники общиннаго землепользованія являются самыми горячими сторонниками энергическихъ мѣръ со стороны государства, направленныхъ къ усиленію эмиграціи!

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію заключеній Комитетовъ по этому вопросу, опишемъ въ краткихъ чертахъ исторію колонизаціонной политики въ Россіи.

Въ нашей печати неоднократно указывалось, будто колонизаціонная политика была присуща дѣятельности гр. Киселева въ 40-хъ годахъ минувшаго столѣтія и получила весьма стройную организацію. На самомъ же дѣлѣ эта „стройная организація" была только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Реформы гр. Киселева несомнѣнно требовали переселеній—въ принципѣ, но этотъ принципъ былъ вотчинно-крѣпостной и постоянно примѣнялся помѣщиками; гр. Киселевъ тутъ не придумалъ ничего новаго. Когда „надѣляютъ" крестьянъ землей для несенія тягла, то необходимо опредѣлить размѣръ надѣла и увеличивать его съ увеличеніемъ числа тяглъ—лишнія тягла переселять. Такъ поступали помѣщики, покупая на окраинахъ имѣнія, такъ поступалъ и

гр. Киселевъ, и иначе быть не могло. Законъ даже прямо обязывалъ помѣщиковъ держаться подобной политики, а потому помѣщики задерживали увеличеніе тяглъ, задерживали образованіе „вѣнцовъ“, когда не имѣли земли для новыхъ тяглъ. Слѣдовательно „представленія о желательности содѣйствія процессу естественнаго (?!) разселенія народа по государственной территоріи“ въ крѣпостную эпоху не могли успѣть „проникнуть въ сознаніе законодательныхъ сферъ“. „Подобное „сознаніе“ явно противорѣчило бы крѣпостному порядку; разселеніе производитъ „броженіе“ или „шатаніе“ народа по землѣ, особенно у насъ на Руси, а правительственная власть прикрѣпила народъ къ землѣ именно съ цѣлью отучить его отъ подобнаго „шатанія“. Государство производило иногда принудительныя переселенія изъ политическихъ видовъ, а иногда и вотчинно-хозяйственныхъ, но систематическихъ переселеній въ крѣпостную эпоху не было организовано, по крайней мѣрѣ фактически.

Несправедливо и обвиненіе реформы 1861 года въ томъ, что она въ дворянскихъ интересахъ запрещала переселенія. По своему обыкновенію интеллигентные изслѣдователи плохо знакомы съ содержаніемъ Положеній 19 февраля 1861 года и не заглядываютъ въ нихъ даже тогда, когда о нихъ судятъ. На основаніи 147 ст. Общ. Полож. переходъ крестьянъ изъ одной губерніи въ другую не былъ воспрещенъ. „Восьмистаточные“, не получившіе надѣловъ, могли приписаться къ обществамъ б. государственныхъ крестьянъ на общемъ основаніи (безъ пріемныхъ приговоровъ). Само собою разумѣетсяа что Положеніямъ не къ чему было касаться переселеній, а тѣмъ менѣе „организовать“ ихъ. Это было бы опасно и безсмысленно:—опасно уже потому, что крестьяне могли лишиться своей земли; вѣдь сѣли же многіе изъ нихъ на „дарственный“ надѣлъ, уже не говоря о „бѣгствѣ“ изъ общинной деревни, когда надѣлы стали „наваливаться“ на домо-

хозяевъ [1]). Но безъ клеветы на освободительные акты Государя Александра II наша интеллигенція никакъ не можетъ обойтись [2]). Организовывать переселенія въ нашей великой Имперіи въ то время, когда шла рѣчь объ образованіи мірской земли, надѣленіи крестьянъ, ихъ отношеніяхъ къ помѣщику, своей землѣ, выкупу, къ казнѣ—государству и т. п.,—значило бы рисковать всей великой реформой и сдѣлать ея осуществленіе невозможнымъ. Но наши интеллигентные изслѣдователи всегда не прочь бросить злобную инсинуацію по адресу великаго Государя и его славныхъ слугъ.

„Это отрицательное отношеніе“ правительства къ переселеніямъ, пишетъ одинъ ученый чиновный изслѣдователь [3]), вытекало, до извѣстной степени, изъ господствовавшихъ въ то время манчестерскихъ воззрѣній на послѣдствія освобожденія крестьянъ, такъ сильно отразившихся на всемъ вообще крестьянскомъ законодательствѣ (?) и правительственной политикѣ первыхъ послѣ освобожденія десятилѣтій: предполагалось, „что крестьяне, освобожденные изъ личной зависимости отъ помѣщиковъ и надѣленные землей, не будутъ нуждаться для поднятія ихъ благосостоянія въ прежней правительственной опекѣ, и что отдѣльныя лица сельскаго состоянія найдутъ возможность обезпечить свое существованіе наемнымъ трудомъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ въ случаѣ, если бы доходность ихъ земли оказалась недостаточной для удовлетворенія ихъ потребностей“.

---

1) Кстати: почему этого бѣгства не было въ губерніяхъ съ подворно-наслѣдственнымъ землепользованіемъ? Конечно тамъ „навалокъ“, не было т. е. „навалокъ“ матушки земли; подати же временно „наваливались“ на болѣе сильныхъ, въ силу круговой поруки.

2) Эту „клевету“ можно объяснить „психологически“. Русская интеллигенція въ глубинѣ своего сердца чувствуетъ колосальность своей вины передъ великимъ Царемъ, а потому и клевещетъ на Него.

3) А. А. Кауфманъ „Сибирское переселеніе въ исходѣ XIX в.“ 2 изд. стр. 11.

Итакъ, установленіе института мірской земли и временнообязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ ученый бюрократъ признаетъ результатомъ „манчестерскихъ воззрѣній", господствовавшихъ въ обществѣ и отразившихся въ законодательствѣ. Или, можетъ быть, г. Кауфманъ видитъ въ правилахъ „выкупа" манчестерскія воззрѣнія законодателя? Но обязательный выкупъ установленъ Государемъ Александромъ III въ 1886 г., правила же „о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей" установлены законодателемъ 13 іюля 1889 года [1]) Едва ли законодатель долженъ былъ спѣшить въ этомъ важномъ дѣлѣ. Мы совершенно не согласны съ мнѣніемъ г. Кауфмана относительно умѣстности переселеній въ первыя десятилѣтія послѣ реформы, не можемъ согласиться и съ мнѣніемъ того офиціальнаго источника, на который онъ ссылается.

Крестьянинъ убѣгалъ отъ земли и это бѣгство изъ деревни съ каждымъ годомъ росло. Если бы правительство организовало въ эту эпоху (1870—1890 гг.) переселенія, то произошло бы величайшее государственное бѣдствіе. Масса крестьянскаго народа разорилась бы, перемерла бы по дорогѣ въ Сибирь или возвратилась обратно. Установленіе правилъ для переселенцевъ и какія бы то ни было мѣры правительства въ пользу переселенія до обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ были не мыслимы. Удивительно, что г. Кауфманъ и офиціальный издатель изданія Комитета Министровъ этого не поняли. Выкупъ *возвратилъ бѣглецовъ къ землѣ*, далъ имъ *право* на землю; только съ этого момента и можно было вести рѣчь о переселеніяхъ.

Къ сожалѣнію одного формальнаго выкупа недостаточно; нужно было закончить реформу—консолидировать дворы, о

---

[1]) Впрочемъ еще въ 1881 г. были изданы особыя правила для переселенія крестьянъ.

чемъ, конечно, интеллигентные бюрократы не только не думали, но чему они противодѣйствовали всѣми силами. Посмотримъ же на результаты активной дѣятельности правительства при организаціи переселеній. На содѣйствіе переселенцамъ было ассигновано еще въ 1884 г. (по правиламъ 1881 г.) по 20.000 руб. ежегодно. Сооруженіе Сибирской желѣзной дороги вызвало усиленную волну переселеній. Сибирскій Комитетъ ассигновалъ 229.500 руб. въ первый же годъ своего существованія; въ 1891 году на работы по образованію переселенческихъ участковъ ассигновано 640.000 р., съ 1893—1901 г. на этотъ предметъ отпущено 3.577.860 р.— всѣхъ же издержекъ съ 1895—1901 гг. по землеотводнымъ работамъ за девятилѣтіе произведено на Р.С. 5.517.360 руб. Въ переселенческіе участки замежовано съ 1893 г. по 1899 г. 6.479.000 десятинъ для 347.870 душъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ весьма широко воспользовалось правомъ разрѣшать переселеніе въ Сибирь, предоставивъ всѣмъ губернаторамъ собственной властью разрѣшать крестьянамъ переселеніе. Издана была книжка „Сибирское переселеніе" и распространена въ народѣ въ количествѣ 400.000 экземпляровъ черезъ посредство крестьянскихъ учрежденій. Былъ учрежденъ своеобразный институтъ „ходачества", сначала „общинный"; но такъ какъ „общественные" ходаки надували своихъ довѣрителей, то ихъ замѣнили „семейными" ходаками [1]).

Проѣздъ переселенцевъ по желѣзной дорогѣ удешевленъ до minimum'а—ниже нормальнаго тарифа IV класса и были приняты широкія мѣры снабженія переселенцевъ хлѣбомъ и горячей пищей, врачебной помощью и пріютомъ на случай остановокъ и т. п., что потребовало, конечно, ассигнованія значительныхъ суммъ отъ казны. Сверхъ того для путевыхъ

[1]) Очень интересный фактъ. Жаль только, что онъ не навелъ высшее правительства на благую мысль о сущности крестьянства.

расходовъ и по первоначальному водворенію на мѣстѣ была организована система выдачи ссудъ; для построекъ (въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ) казна приготовляла для переселенцевъ лѣсъ, а для пашни—земледѣльческія орудія. Относительно „самовольныхъ“ переселенцевъ было установлено правило не возвращать ихъ на родину обратно, а надѣлять землей въ Сибири на общемъ основаніи. Обратимся теперь къ заключеніямъ Комитетовъ по этому вопросу.

Большинство Комитетовъ находило необходимымъ приведеніе переселенческаго дѣла въ большее соотвѣтствіе съ интересами малоземельнаго крестьянскаго населенія, тогда какъ переселенческая политика государства преслѣдовала преимущественно колонизаціонныя цѣли—заселенія окраинъ. Важнѣйшій недостатокъ существующей постановки этого дѣла—отсутствіе планомѣрности. Переселенія осуществляются за личный рискъ и страхъ каждой отдѣльной переселяющейся семьи. Крестьяне выселяются за тысячи верстъ изъ такихъ мѣстностей, гдѣ вовсе не ощущается густота народонаселенія; къ переселенію прибѣгаютъ нерѣдко состоятельные элементы. Такъ, напр., въ Роменскомъ уѣздѣ (Полтавской губерніи) у рѣдкаго поселенца бываетъ менѣе 1000 р. Въ настоящее время, говорится въ трудахъ Комитетовъ, переселеніемъ не достигается цѣль улучшенія стѣсненнаго положенія нуждающейся части крестьянскаго населенія, ибо доступно оно только зажиточнымъ домохозяевамъ, а оставляемые переселенцами на родинѣ надѣлы достаются тоже наиболѣе состоятельной части населенія. Кромѣ того переселеніе не помогаетъ тамъ, гдѣ надѣлъ „разоритель“, такъ что переселяющійся сдаетъ его въ аренду съ приплатой [1]). Переселеніе же достаточныхъ хозяевъ признается Комитетами вреднымъ, какъ истощающее экономическія силы на мѣстѣ.

---

[1]) Послѣднее замѣчаніе Комитета относится къ Тамбовской губерніи!!

Признавая, такимъ образомъ, ложной настоящую политику правительства по переселенческому дѣлу, Комитеты требуютъ, чтобы вообще переселеніе было организовано правительствомъ и служило бы орудіемъ противъ „малоземелья" и государственной помощью нуждающемуся крестьянству. Въ этихъ видахъ необходимо организовать переселенія только для наименѣе обезпеченной части крестьянъ, а именно: 1) всѣхъ бѣдняковъ и безземельныхъ, 2) безземельныхъ, занимающихся хлѣбопашествомъ, 3) членовъ малоземельныхъ обществъ, 4) малоземельныхъ вообще, въ особенности имѣющихъ менѣе 3-хъ десятинъ на дворъ, 5) бывшихъ дворовыхъ и дарственниковъ и 6) бывшихъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ. Въ тѣхъ же видахъ проектируется: 1) установленіе извѣстной душевой нормы земельнаго обезпеченія, и 2) полнаго экономическаго обслѣдованія каждаго селенія, для опредѣленія степени нужды въ переселеніи. Для предупрежденія неудачныхъ переселеній нѣкоторые Комитеты требуютъ запрещать крестьянамъ переселенія, пока мѣстными властями не будетъ установлена выгодность такого переселенія. Нѣкоторые члены Комитетовъ требуютъ опредѣленія ежегоднаго процента излишка населенія, подлежащаго переселенію и т. п. Разумѣется большинство Комитетовъ рекомендуетъ оказывать переселяемымъ правительственную помощь пособіями, ссудами, льготами и т. п.

Приведенная нами краткая запись пожеланій мѣстныхъ Комитетовъ какъ нельзя лучше характеризуетъ извѣстную черту нашей интеллигенціи: судить и рядить о дѣлѣ, почти вовсе съ нимъ не познакомившись и притомъ съ явно выраженной цѣлью, какъ можно больше наговорить непріятностей по адресу правительства. Интересно, что Комитеты рекомендуютъ правительству ту самую систему переселенческой политики, которой оно держалось прежде, и которая была имъ оставлена подъ вліяніемъ охватившей руководящія сфе-

ры переселенческой горячки. Эта система была забракована въ свое время и нашей печатью. Организовавъ переселенія въ 80-хъ годахъ, правительство установило извѣстныя правила именно съ цѣлью переселять только нуждающихся малоземельныхъ. Опытъ показалъ несостоятельность этой системы, желаніе же переселить побольше народа, въ видахъ государственной политики (по крайней мѣрѣ мы *такъ* объясняемъ себѣ дѣйствія высшаго правительства) вызвало ту организацію переселеній, о которой говорятъ г. Кауфманъ и офиціальные источники.

Организовать переселенія „бѣдняковъ" совершенно невозможно потому, что тѣ причины, которыя создали „бѣдность" крестьянина въ деревнѣ Европейской Россіи,—въ Сибири дѣйствуютъ и чувствуются еще сильнѣе. Эти причины: хозяйственная неспособность крестьянина и малосемейность; такой малосемейный и плохой хозяинъ въ Сибири совершенно пропадетъ. Переселеніе массами „бѣдняковъ" потребуетъ громадныхъ расходовъ отъ казны, притомъ брошенныхъ на вѣтеръ. Правительство нынѣ выдаетъ ссуды переселенцамъ, достигающія 400 р. (съ путевыми) на семью; эти суммы для „бѣдняковъ" придется утроить, если не учетверить. Комитеты не опредѣляютъ общаго числа, подлежащихъ ежегодно переселенію, крестьянъ; „малоземельныхъ" крестьянъ у насъ болѣе 50%. Можно ли организовать переселеніе для 20—30 милліоновъ жителей? Если же организовать только для одной сотой части этой массы, то естественный приростъ и усиленная экстенсивность крестьянскаго хозяйства сведутъ всѣ результаты энергіи правительства по переселенію къ нулю.

Правительство организовало переселенія крестьянъ въ Сибирь, руководствуясь тѣми самыми указаніями и соображеніями, о которыхъ говорится въ трудахъ Комитетовъ; оно дѣлало измѣненія въ своей системѣ переселеній по мѣрѣ того, какъ жизнь доказывала ошибочность этихъ соображе-

ній. Въ настоящее время правительственная власть несомнѣнно обладаетъ большимъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ Комитеты и, по нашему мнѣнію, не слѣдовало и обращаться къ нимъ съ этимъ дѣломъ. Въ вопросѣ о переселеніяхъ несомнѣнно имѣютъ и должны имѣть голосъ сельскіе хозяева, но такихъ хозяевъ въ Комитетахъ почти не оказалось. Переселенческій вопросъ прежде всего — соціально-экономическій, но, благодаря извѣстнымъ тенденціямъ нашего интеллигентнаго общества, онъ не могъ быть рѣшенъ правильно въ Комитетахъ. Горячо защищали систему широкой помощи переселеніямъ крестьянъ со стороны государства и общества сторонники общиннаго землепользованія, хотя подобная защита, какъ мы сказали, побиваетъ ихъ точку зрѣнія на крѣпостной институтъ въ самомъ корнѣ. Защитники общины смотрятъ на землю, какъ на Божій даръ, орудіе производства. Видя и констатируя обнищаніе крестьянъ, они естественно пришли къ заключенію, что Божій даръ сталъ плохъ, орудіе износилось, а потому нужно наградить мужика свѣжимъ Божьимъ даромъ, дать ему новое плодотворное орудіе; все это предполагается найти въ Сибири, слѣдовательно система переселеній необходима. Не отрицаемъ, что въ этомъ случаѣ защитники общиннаго землепользованія сходятся съ воззрѣніями мужика, но мужика тяглового, а не хозяйственнаго. Хозяйственный же мужикъ искалъ и до сихъ поръ ищетъ въ Сибири—свободы и земельной собственности; если бы онъ имѣлъ въ Европѣ ту и другую, онъ не бѣжалъ бы въ Сибирь: пусть читатель вспомнитъ ночныхъ „татей“ Вятской губерніи или Архангельскихъ крестьянъ, переселяющихся въ Сибирь, т. е. изъ одной пустыни въ другую—изъ Европейской тайги въ Сибирскую тайгу [1]) Система переселеній

[1]) Послѣднее въ особенности поразительно потому, что правительство въ послѣднее время рѣшило направить колонизаціонную волну и въ Архангельскую губернію. Очевидно вспомнили, что и въ Архангельской губер-

въ Сибирь была организова правительствомъ, повидимому, разумно, съ самымъ искреннимъ желаніемъ „упорядочить переселенческое дѣло“. Но нашу интеллигенцію ничѣмъ не ублаготворишь. Если высшее правительство полагаетъ, что оно своими дѣйствіями (особенно когда оно идетъ навстрѣчу высказаннымъ интеллигенціей пожеланіямъ) когда-либо вызоветъ одобреніе и содѣйствіе себѣ со стороны нашей интеллигенціи, то это напрасная иллюзія, такъ какъ одобрять правительственныя мѣропріятія вовсе не въ интересахъ нашей интеллигенціи [1]).

Сначала правительство выдавало разрѣшеніе на переселеніе только малоземельнымъ крестьянамъ; результатъ получился плачевный. Желая предупредить зло, правительство организовало „ходачества“ и стало требовать удостовѣреній отъ переселяющихся въ извѣстномъ достаткѣ. Это, конечно, очень разумная мѣра, принесшая свой благодѣтельный плодъ. Само собою разумѣется, что это не могло предупредить „самовольныя“ переселенія, и правительство, снисходя къ слабости русскаго „тяглеца“, рѣшило „надѣлять“ и водворять на мѣстѣ переселенія и „самовольцевъ“. И эта мѣра вполнѣ разумная. О пособіяхъ, подачкахъ и проч. не будемъ говорить вовсе. Идя навстрѣчу интеллигентной агитаціи въ

ніи крестьянская земля еще не отграничена отъ казенной. Но какъ быть съ Положеніями 1866 г.: совершенно ихъ отмѣнить и для Европейской Россіи? Будетъ ли это политично? Могутъ возникнуть волненія между крестьянами, какъ они возникали въ горнозаводскомъ населеніи. Крестьяне утверждаютъ, что слово Царя крѣпко и отмѣнено быть не можетъ; мы лично слышали эти слова отъ крестьянъ.

[1]) Правительство установило, по требованію интеллигенціи, льготы для коллективныхъ крестьянскихъ арендъ; въ отвѣтъ со стороны печати получилась только злобная критика за то только, что правительство, охраняя бѣдныхъ крестьянъ, допускало аренду товариществамъ и обществамъ, а не однимъ обществамъ. Тогда какъ правительству вовсе не слѣдовало допускать «коллективныхъ» арендъ.

пользу переселеній, правительство организовало широкую систему землеотводныхъ работъ. Ради этой цѣли не только были пріостановлены всѣ работы по отграниченію казенной земли отъ крестьянской для казеннаго сибирскаго крестьянства, но все благосостояніе послѣдняго было разрушено, цвѣтущія заимочныя хозяйства уничтожены. Объ этой мрачной сторонѣ колонизаціонной системы правительства наша интеллигенція молчала и молчитъ, ибо это не входитъ въ ея виды, не согласно съ ея тенденціями и вожделѣніями.

Мы позволимъ себѣ выразить убѣжденіе, что правительство нынѣ само разочаровалось въ своей колонизаціонной политикѣ [1]). Въ то время, когда мы писали эти строки, въ одной большой газетѣ сообщено свѣдѣніе о новомъ проектѣ правительства по переселенческому дѣлу, уже внесенномъ въ Государственный Совѣтъ. Судя по сообщеніямъ автора статьи, этотъ новый проектъ представляетъ мало радостнаго, хотя въ основѣ его положенъ совершенно вѣрный принципъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Политика переселенія возникла у насъ изъ ложнаго основанія—изъ предположенія, что нашъ центръ оскудѣлъ отъ малоземелья, причемъ наша интеллигенція не потрудилась даже разъяснить себѣ, что слѣдуетъ разумѣть подъ „малоземельемъ". Мы видѣли, что, пресловутое малоземелье и оскудѣніе центра Европейской Россіи создается общиннымъ землепользованіемъ, искусственной консолидаціей территоріи селеній и запрещеніемъ консолидировать крестьянскіе дворы (отмѣной 165 ст. Полож. о выкупѣ). Разрѣженіемъ селеній и уменьшеніемъ дворовъ-семей, мы не достигаемъ ни того, ни другого, а потому совершенно непонятно, какую пользу можетъ принести крестьянству переселеніе.

[1]) Мы предваряемъ нашего читателя, что *о государственномъ* значеніи переселеній мы не скажемъ ни слова, такъ какъ считаемъ себя совершенно не компетентными обсуждать вопросы высшей политики.

Допустимъ, что переселеніемъ мы добьемся удвоенія кормовой площади даннаго селенія: какая можетъ быть польза отъ этого удвоенія, если кормовая площадь эксплоатируется крестьянами себѣ въ убытокъ? Тамъ же, гдѣ земля еще не выпахалась, крестьяне, рано или поздно, доведутъ ее до полнаго безплодія. А между тѣмъ переселеніями крестьянская деревня теряетъ лучшія свои силы, такъ какъ переселяются не бѣдняки, не безземельные, а состоятельные хозяева. Кажется, этотъ фактъ очень знаменательный, ибо отъ добра— добра не ищутъ.

Колонизаціонная политика правительства погубила крѣпкое сибирское крестьянство. Объ этомъ, разумѣется, ничего не найдемъ въ трудахъ европейскихъ Комитетовъ, но имѣются нѣкоторыя данныя въ трудахъ сибирскихъ Комитетовъ, которыя мы и привели въ главѣ о сибирскомъ крестьянствѣ. Между тѣмъ дорогая цѣна, которую мы заплатили за попытку спасти нашихъ общинниковъ отъ малоземелья, ничего не принесла взамѣнъ ни европейской деревнѣ, ни сибирской переселенческой. Положеніе европейскихъ крестьянъ нисколько не улучшилось, о положеніи же переселенцевъ въ Сибири мы имѣемъ слѣдующія свидѣтельства въ трудахъ сибирскихъ Комитетовъ.

Въ Тобольскомъ Комитетѣ заявлено лицами, близко знакомыми съ бытомъ поселенцевъ, что „значительную часть Тарскаго уѣзда составляютъ переселенцы, изъ которыхъ многіе живутъ на правительственныя пособія и не особенно заботятся объ улучшеніи своихъ хозяйствъ; другіе приходятъ съ незначительными средствами и, даже получая пособія, оказываются въ затруднительномъ положеніи: устройство ихъ на новыхъ мѣстахъ подвигается очень медленно“. „И до настоящаго времени“, говорится въ другомъ сообщеніи, „переселенцы остаются неустроенными, да и не думаютъ устраиваться, возлагая всѣ надежды на пособіе; *создается такимъ*

образомъ полная деморализація народной трудоспособности, дающая затѣмъ поводъ къ поблажкамъ, послабленіямъ, вслѣдствіе чего у населенія теряется всякое сознаніе своихъ обязанностей". Въ Тюкалинскомъ уѣздѣ переселенческіе участки нарѣзаны совершенно негодные: то безъ воды, то безъ сѣнокосовъ, то безъ пахатной земли; пособія на обзаведеніе выдавались нераціонально и не во время, не всегда по дѣйствительной нуждѣ; какъ только переселенецъ пріобрѣталъ лошадь—начиналось безпощадное лѣсоистребленіе. Интересные дебаты по переселенческому вопросу происходили въ Томскомъ губернскомъ Комитетѣ, при чемъ была выяснена разница между положеніемъ переселенцевъ, посаженныхъ на казенныя земли и переселенцевъ Алтайскаго Округа (Кабинета Его Величества). Въ то время, какъ переселенцы на казенныхъ земляхъ садятся на готовые участки и получаютъ пособія, алтайскіе поселенцы оказываются въ совершенно иныхъ условіяхъ, требующихъ отъ нихъ въ первое время послѣ водворенія усиленнаго и напряженнаго труда. Не получая никакой денежной помощи, алтайскіе переселенцы, водворяющіеся преимущественно среди старожиловъ, обязаны въ большинствѣ случаевъ заняться наемной службой въ работникахъ, чтобы этимъ путемъ пріобрѣсти средства для первоначальнаго устройства и обзаведенія и для полученія отъ общества пріемнаго приговора. Получивъ пріемный приговоръ, переселенцы облагаются всѣми платежами и повинностями въ размѣрахъ одинаковыхъ съ платежами и повинностями старожиловъ. „Свои податныя обязанности алтайскіе переселенцы несутъ исправно и, какъ свидѣтельствуютъ обслѣдованія, *экономическое благосостояніе ихъ достигаетъ высокой степени*, мѣстами выше, чѣмъ у старожиловъ, тогда какъ „переселенцы на казенныхъ земляхъ въ отношеніи платежа казенныхъ и земскихъ сборовъ являются безспорно неисправными". Несмотря на знаменательное значеніе приведен-

ныхъ фактовъ, чиновная интеллигенція Томскаго Комитета не убѣдилась ими, ибо, по ея мнѣнію, изъ нихъ, „конечно (?!), нельзя дѣлать вывода о преимуществахъ существующаго на алтайскихъ земляхъ порядка устройства переселенцевъ, напротивъ, наличность массы неприписного элемента въ Алтайскомъ округѣ и его матеріальная необезпеченность (?) указываютъ на коренные недостатки этого порядка,“ хотя „при сопоставленіи приведенныхъ данныхъ естественно (sic!) притти къ заключенію о томъ, что ссуды, выдаваемыя переселенцамъ на казенныхъ земляхъ, пріучаютъ послѣднихъ слишкомъ надѣяться на правительственную помощь, понижая въ нихъ энергію и предпріимчивость—качества ранѣе присущія переселенцамъ“ (т. е. до организованной правительствомъ системы искусственной колонизаціи Сибири). Наконецъ обратныя переселенія изъ Сибири въ Европейскую Россію служатъ прямымъ указаніемъ на ложность правительственной системы колонизаціи. Чиновные колонизаторы даютъ самыя разнообразныя объясненія этому прискорбному факту. Но каковы бы ни были причины обратныхъ переселеній, во всякомъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ, что не всякій крестьянинъ способенъ на переселенія, а потому правительство, организующее искусственныя переселенія, беретъ на себя весьма тяжелую отвѣтственность, ничѣмъ не оправдываемую.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ главному нашему положенію: всякая правительственная организація переселеній вредна и не можетъ быть оправдана съ точки зрѣнія здравой аграрной политики. Единственнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ можетъ быть только самъ переселяющійся; всякое переселеніе должно происходить за счетъ и рискъ самого хозяина На обязанности правительства лежитъ дать возможность переселяющемуся пріобрѣсти землю въ собственность, организація санитарныхъ мѣръ, дешевый проѣздъ и устройство конторъ или учрежденій для справокъ относительно всего,

что необходимо знать переселенцу. Что же касается до выбора и устройства переселенческихъ участковъ, то намъ кажется, что старая московская система самодѣятельности заимщиковъ гораздо лучше принятой нынѣ системы „заготовленія“ переселенческихъ участковъ. Комитеты требуютъ, чтобы правительство заготовляло участки для переселенцевъ даже въ тайгѣ—требованіе совершенно невозможное, ясно свидѣтельствующее, что члены Комитетовъ ничего не понимаютъ въ хозяйствѣ.

Одинъ изъ главныхъ мотивовъ къ организаціи колонизаціи мѣрами правительства заключается въ томъ, что „самовольные“ переселенцы часто бѣдствуютъ и возвращаются обратно на родину. Но развѣ нынѣ переселенцы, переселяемые правительствомъ не бѣдствуютъ и не возвращаются обратно? Самовольными переселенцами была колонизована Сибирь прочно и создано цвѣтущее сибирское крестьянство; ничего подобнаго, при правительственной колонизаціи, мы не видимъ. Въ трудахъ Тарскаго уѣзднаго совѣщанія помѣщена превосходная статья пастора Фрейберга, повидимому, прекрасно изучившаго переселенческій вопросъ на мѣстѣ и знакомаго съ бытовыми условіями переселенцевъ. Авторъ указываетъ на весьма вредный и печальный фактъ „шатанія“ переселенцевъ. Причину этого „шатанія“ авторъ видитъ прежде всего въ самихъ переселенцахъ и дѣлитъ ихъ на нѣсколько категорій. Къ первой категоріи относятся люди, которые „послѣ серьезныхъ размышленій и зрѣлыхъ обсужденій оставили родину, чтобы въ Тарскомъ урманѣ основать трудомъ новыя мѣста жительства; они никакихъ трудовъ не боятся; они знаютъ для кого работаютъ, разсчитываютъ на плоды своихъ трудовъ, которыми будутъ, все-таки ихъ дѣти пользоваться; это сознаніе облегчаетъ ихъ трудную работу и смягчаетъ ихъ горе; они любятъ свою пашню, пріобрѣтенную трудомъ изъ глуши и, если она лишь въ нѣкоторой степени

вознаграждаетъ ихъ работу, они довольны. Это самые истинные переселенцы, дающіе всему переселенческому движенію его серьезное значеніе.

Другая категорія состоитъ изъ людей, которые дѣлаютъ то, что другіе дѣлаютъ; если другіе работаютъ—и они работаютъ, если другіе шатаются, то и они начинаютъ шататься. Безъ всякой иниціативы, они составляютъ подвижную массу „собѣгуновъ", которые всегда согласны странствовать, если предводительствующій голосъ ихъ приглашаетъ къ этому. Наконецъ третью категорію составляютъ люди, оставившіе родину, чтобы искать въ Сибири „золотыя горы". „Лѣнивые къ работѣ, увлекающіеся заманчивостью новости, не будучи въ состояніи долго проживать на одномъ мѣстѣ, они непрерывно гоняются за какимъ-то эльдорадо, находящимся, по ихъ мнѣнію, гдѣ-нибудь на свѣтѣ, гдѣ они могли бы кормиться безъ всякаго труда. Это кочующій элементъ переселенческаго движенія, охотно переходящій изъ одной страны въ другую", всегда недовольный своей судьбой, обманутый всегда въ своихъ нуждахъ, — „странствующій людъ—разореніе самому себѣ, мука государству, срамъ всему переселенческому движенію". „Тарскій урманъ требуетъ отъ своихъ жителей, кромѣ трудной работы, усидчивости, усердія и сознательности, которыхъ многіе изъ переселенцевъ не принесли съ собой изъ прежней родины". Дальнѣйшимъ препятствіемъ урманнаго процвѣтанія авторъ записки признаетъ „перенесеніе на урманъ общиннаго хозяйства". Крестьянинъ при подворномъ хозяйствѣ любитъ свою пашню, старается поддержать ея плодотворность всѣми средствами, при общинномъ же хозяйствѣ онъ относится къ землѣ какъ чужой, съ которой онъ хочетъ только взять и взять, не давая ей ничего—„обкрадываетъ землю". Въ Тарскомъ урманѣ иногда видны брошенныя пашни, кое-какъ расчищенныя и распаханныя, какъ слѣдствія „общиннаго хозяйства".

Такимъ образомъ массовыя шатанія переселенцевъ въ Сибири и обратныя переселенія—коренятся глубоко въ самой системѣ аграрной колонизаціонной политикѣ государства. Изслѣдователи прикрываютъ эти печальныя и опасныя явленія разными доводами и соображеніями, чтобы оправдать свои тенденціи и теоріи и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать и свои собственные бюрократическіе грѣхи....

Законодательство 1896—98 гг. „О поземельномъ устройствѣ водворившихся на казенныхъ земляхъ губерній Сибири крестьянъ и инородцевъ" тоже грозитъ великимъ бѣдствіемъ Имперіи въ будущемъ. Отмѣнивъ Положенія о б. государственныхъ крестьянахъ 1866 г. для Сибири, оно тенденціозно, насильственно и искусственно закрѣпило крестьянъ въ общинное землепользованіе—эту язву Европейской Россіи. Изслѣдователи постоянно ссылаются на то, что законъ предоставилъ самимъ поселенцамъ рѣшить вопросъ о формѣ ихъ землепользованія, но мы уже указали, что подобная ссылка равносильна насмѣшкѣ надъ здравымъ смысломъ. Казна заготовляетъ напередъ переселенческіе участки въ общинное землепользованіе, по числу наличныхъ душъ и садитъ крестьянъ на эти участки не отдѣльными домохозяйствами, а „селеніями", спрашиваетъ о формѣ землепользованія не отдѣльныхъ домохозяевъ, а составленные искусственно ихъ сходы; на дѣлѣ же чиновные колонизаторы никого не спрашиваютъ, а требуютъ и заставляютъ крестьянъ составлять приговоры. Странное представленіе о „коренномъ бытѣ" русскаго народа имѣютъ чиновные колонизаторы: переселенцевъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, другъ-другу даже незнакомыхъ, соединяютъ въ одну кучу и называютъ эту кучу „обществомъ". Русская община возникаетъ въ Сибирской тайгѣ изъ ничего, безъ всякихъ традицій, самопроизвольно, по свойству природы россійскаго тяглеца, т. е. по приказанію начальства.

Смыслъ правилъ законовъ 1896—98 гг. совершенно ясенъ: надѣлы отводятся сельскимъ обществамъ, а не отдѣльнымъ крестьянамъ и всѣ вопросы по землепользованію крестьяне *обязаны* рѣшать сходами. Надѣлы отводятся по числу наличныхъ душъ искусственно составленныхъ обществомъ, а не домохозяйствомъ, оброчная подать и всѣ другіе сборы распредѣляются по селеніямъ тоже обществамъ, а не по отдѣльнымъ домохозяйствамъ; тягольщики принудительно связываются круговою порукою. Повторяемъ, только насмѣхаясь надъ здравымъ смысломъ, можно утверждать, что законъ предоставляетъ самимъ крестьянамъ выбрать подворную или общинную форму землепользованія. Со стороны же нашихъ изслѣдователей все это одно лицемѣріе и издѣвательство. И тѣмъ не менѣе всѣмъ сибирякамъ извѣстно, что крестьяне, какъ старожилы, такъ и поселенцы, практикуютъ не общинную форму землепользованія, а подворную, но въ самой безобразной ея формѣ, такъ какъ связаны селеніями-общинами по рукамъ и ногамъ. Правительство консолидируетъ въ Сибири селенія—общества, а не дворы, т. е. создаетъ не крестьянство, какъ свободный земледѣльческій классъ, а крѣпостные общинные порядки—классъ крѣпостныхъ тяглецовъ. А между тѣмъ подобная аграрная политика въ наше время чистѣйшій анахронизмъ и можетъ повести лишь къ фатальнымъ и опаснымъ послѣдствіямъ, о чемъ чиновные колонизаторы, конечно, и не думаютъ. Эти послѣдствія уже обнаружились: *„шатанія“* переселенцевъ и старожильцевъ уже начались. Крестьянъ связываютъ, закрѣпляютъ въ общины, но при этомъ забываютъ о маленькомъ „нѣчто“, котораго не было при господствѣ крѣпостного права—о личной свободѣ крестьянъ, которую, какъ-никакъ, послѣ 19 февраля 1861 г. нельзя совершенно уничтожить. На счастье „уравнителей“, въ Европейской Россіи существуетъ выкупъ надѣльной земли крестьянами, который и привязалъ ихъ къ

землѣ и который колонизаторы отмѣнили для Сибири. Если наши „уравнители“ стремятся отмѣнить выкупъ и для европейской деревни, то просто по своему неразумію, вслѣдствіе полнаго непониманія историческаго значенія реформы и земельныхъ отношеній крестьянъ-земледѣльцевъ. Въ Сибири это неразуміе уже сказывается. Мы просимъ „уравнителей“ объяснить намъ, чѣмъ они привяжутъ тягольщика-крестьянина въ сибирской тайгѣ и степяхъ? Выпахавъ землю, вырубивъ лѣса, крестьянинъ уйдетъ изъ „общества“, уйдетъ и отъ земли, ибо мы не видимъ того средства, которое моглобы его привязать къ ней. Кому сладко работать для другихъ, кому сладко платить подати за другихъ; какому *хозяину* сладко вести безпутное хозяйство? Пусть намъ отвѣтятъ на эти вопросы!

„Шатаніе“ крестьянъ въ Сибири началось и будетъ развиваться, по мѣрѣ истощенія почвы и развитія общинныхъ порядковъ, все шире и шире. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Большинство крестьянъ Сибири уже теперь жалуется на малоземелье, и это въ порядкѣ вещей, такъ какъ при общинномъ землепользованіи, всегда будетъ малоземелье. Мы организовали переселенія, чтобы парализовать это мнимое зло европейской деревни, но это зло перешло изъ европейской деревни въ сибирскую. Чѣмъ же мы поможемъ „малоземелью“ сибирской деревни? Новымъ переселеніемъ, новымъ шатаніемъ крестьянства по территоріи Имперіи? Но все это уже развивается само собою безъ всякихъ правительственныхъ мѣръ, расхищая въ конецъ національное богатство русскаго народа. Всѣ сибирскіе Комитеты удостовѣряютъ явственный упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ въ Сибири. Такъ и должно быть, ибо этотъ упадокъ сибирской деревни—прямое слѣдствіе аграрной политики правительства.

Всѣ сибирскія крестьянскія совѣщанія (исключая Курганскаго, которое организовали мѣстные и пріѣзжіе интелли-

генты) требуютъ введенія прочнаго подворнаго землепользованія. Мы думаемъ, что эти голоса крестьянъ-земледѣльцевъ останутся „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“, какъ они остаются до сихъ поръ таковымъ „гласомъ“ въ Европейской Россіи. Нужны новыя поколѣнія и очень тяжелыя испытанія, чтобы наша интеллигенція образумилась.

Затѣмъ мы считаемъ излишнимъ разбирать всѣ многообразныя пожеланія европейскихъ Комитетовъ къ „упорядоченію переселенческаго дѣла“, такъ какъ всѣ эти пожеланія противорѣчатъ нашей точкѣ зрѣнія на этотъ вопросъ. Никакими подачками и организаціями мы не создадимъ изъ переселенцевъ добрыхъ и прочныхъ колонистовъ Сибири. Не подачками создалась великая американская нація, не подачками и организаціями создавалось и наше прочное старожильческое крестьянство Сибири. Напротивъ, какъ только правительство приложило свою руку къ организаціи этого крестьянства въ Сибири, оно стало гибнуть, гибнетъ и по сіе время. Тягольщиковъ государство можетъ и обязано организовать, но свободныхъ крестьянъ никогда не организуетъ, если не приложитъ къ нимъ начала свободы и права.

А между тѣмъ вотъ какъ разсуждаютъ наши интеллигентные чиновные колонизаторы: „Все переселенческое движеніе съ начала до конца показываетъ, какъ мало освѣдомлены переселенцы о настоящемъ положеніи дѣлъ, какъ смутны и скудны ихъ свѣдѣнія объ условіяхъ жизни, климатѣ, природѣ и почвѣ въ Сибири, и, наконецъ, какъ безпорядочно-зря и какъ-нибудь (!) ведется у насъ въ Европейской и Азіатской Россіи переселенческое дѣло, какая масса напрасныхъ непроизводительныхъ (!) затратъ со стороны казны, лишнихъ слезъ (!), страданій, жертвъ и горя со стороны переселенцевъ-крестьянъ“. „Подумать, что ожидаетъ эту истощенную массу народа, когда наступаетъ суровая сибирская зима“. „Но и до наступленія зимы, задолго еще появляются

заболѣванія, смертные случаи среди поселенцевъ". „Безъ орудій производства и капитала, владѣя только землей и способностью къ труду, нашему крестьянину-страстотерпцу нельзя быть сельскимъ хозяиномъ". Что же нужно дѣлать, чтобы прекратить описанное г. Тихоновымъ въ такихъ яркихъ краскахъ зло? Нужны деньги! Пособіе въ 300—500 руб. на семью поселенца слишкомъ ничтожно, нужно выдавать тысячи. Для этой цѣли слѣдуетъ организовать государственный переселенческій банкъ. Такъ, но чѣмъ же будетъ гарантированъ этотъ банкъ въ томъ, что деньги его, а это будутъ уже сотни милліоновъ, не пропадутъ прахомъ? На этотъ вопросъ мы, конечно, отвѣта не получаемъ [1]).

Таковы вожделѣнія и планы нашихъ интеллигентныхъ колонизаторовъ. Они представляютъ себѣ нашу великую Имперію какъ великую богадѣльню для многомилліоннаго русскаго народа, но не задаютъ даже себѣ вопроса о томъ, на какія средства будетъ существовать эта невѣроятная богадѣльня. Трудно себѣ представить большее легкомысліе и непониманіе основныхъ началъ соціальной жизни. Даже утопія прямолинейнаго соціализма болѣе реальна, чѣмъ планы и пожеланія нашихъ интеллигентныхъ опричниковъ: разбросать сотни милліоновъ на нужды шатающихся переселенцевъ и притомъ безъ всякой гарантіи когда-либо получить ихъ обратно; выдавать эти сотни милліоновъ переселенцамъ, не имѣющимъ ни кола, ни двора! Г. Тихоновъ даже не подумалъ о томъ, что эти сотни милліоновъ собираются тоже съ пахаря-крестьянина, но, разумѣется, не шатающагося, а сидящаго на своей землѣ и обработывающаго ее въ потѣ своего лица.

Этого мало. Указывается на отводы негодныхъ земель подъ переселенческіе участки, указывается на трудность

---

[1]) Для бѣднѣйшихъ переселенцевъ г. Тихоновъ требуетъ безъ % ссудъ: на чей же счетъ?

обратить въ культурный фондъ дикую тайгу. Все это произошло, по мнѣнію г. Тихонова, потому, что надъ отводомъ переселенческихъ участковъ работали не свѣдущіе люди; слѣдовало привлечь научно-образованныхъ, свѣдущихъ и опытныхъ, въ родѣ извѣстнаго статистика Е. Е. Смирнова, писателей-народниковъ (!) Ядринцева, Астырева и г. Кауфмана. Странное сѣтованіе: всѣ эти почтенные статистики и „народники“ были приглашены къ этому дѣлу и принимали въ немъ живое участіе вмѣстѣ съ гг. Тахѣевымъ, Вернеромъ, Астафьевымъ, Гиппіусомъ, Станкевичемъ, Архиповымъ, Сувчинскимъ, Степановымъ, Калачевымъ и мн. др. Самъ г. Тихоновъ это удостовѣряетъ.

Мы думаемъ, что всѣ эти почтенные и высокоуважаемые чиновники горю не помогутъ. Прежде всего всѣ эти уважаемые чиновники не хозяева и многіе изъ нихъ едва ли и вели когда-либо хозяйство. Главное же въ этомъ дѣлѣ то, что для образованія готовыхъ участковъ-хозяйствъ, какъ это желаютъ г. Тихоновъ и другіе интеллигентные колонизаторы, ученые и неученые, нуженъ тотъ же мужикъ, слѣдовательно, мы получаемъ логическій кругъ: необходимо, по мнѣнію колонизаторовъ, образовать въ тайгѣ готовыя хозяйства, на которыя наши мужички-поселенцы могли бы сѣсть какъ за готовый столъ; но приготовить эти хозяйства можетъ только самъ мужикъ-крестьянинъ, такъ какъ едва ли ученые колонизаторы умѣютъ даже и пахать землю, уже не говоря о томъ, что чиновниковъ для этой цѣли и не найдешь. Какъ же быть? Нужно замѣтить, что г. Тихоновъ, какъ и слѣдовало ожидать, убѣжденный защитникъ общиннаго землепользованія. „Обыкновенно всю вину за низкій уровень крестьянско-переселенческаго хозяйства и бѣдности населенія принято сваливать на общинное владѣніе и пользованіе землею. Наука и тысячелѣтняя исторія русскаго народа неопровержимо доказываютъ противное (sic!). Какъ извѣстно, выгоды подворнаго

землепользованія сводятся къ сконцентрированію въ одномъ отрубномъ участкѣ всѣхъ угодій и разбросанныхъ клочковъ земли. Но къ такой формѣ подворнаго владѣнія и нельзя перейти общинамъ, благодаря разнокачественности земли, такъ какъ пришлось бы каждое хозяйство крестьянина-переселенца надѣлять землями различной цѣнности черезполосно и такимъ образомъ закрѣпить разъ навсегда тѣ формы черезполосности, которыя являются въ нынѣшней земельной общинѣ Акмолинской области случайными и могутъ быть легко устранены при дальнѣйшемъ развитіи ея. Въ отношеніи же общественныхъ улучшеній общинное землевладѣніе имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ подворнымъ, такъ какъ при возможности той или другой разверстки земли, легче выдѣлять мѣсто для лѣсныхъ насажденій, посѣва, травъ и пр. Однимъ словомъ, общинное землевладѣніе, обезпечивающее каждому хозяину возможность вести хозяйство и добывать *самостоятельно* (!) кусокъ хлѣба, имѣетъ болѣе положительныхъ, чѣмъ отрицательныхъ сторонъ для развитія сельскохозяйственной промышленности. Къ тому же за этой формой землевладѣнія стоятъ позади (!) въ исторіи вѣка народной сельскохозяйственной практики, и уничтожать ее насильственно или налагать стѣсненія въ видахъ какихъ-то пока проблематичныхъ формъ, чуждыхъ народнымъ понятіямъ и обычаямъ, было бы крупной непоправимой ошибкой“.

Мы выписали все это скучное мѣсто изъ доклада г. Тихонова, чтобы оправдать себя передъ читателями въ томъ пессимизмѣ, который мы выше выразили относительно судьбы сибирскаго крестьянства. Знанія, воззрѣнія и тенденціи, высказанныя г. Тихоновымъ, свойственны всѣмъ колонизаторамъ и руководителямъ крестьянъ въ Сибири; все крестьянское „начальство“ въ Сибири съ таковыми же взглядами. Полное незнакомство съ исторіей русскаго крестьянства, полное незнакомство съ научной экономикой, полное незнаком-

ство съ земледѣльческимъ хозяйствомъ — нисколько ихъ не смушаетъ, какъ не смущаютъ и противорѣчія, въ которыя они постоянно впадаютъ. Напримѣръ, переверните страницу доклада г. Тихонова и вы прочтете слѣдующую фразу: „у крестьянъ - новоселовъ существуетъ переложная система, а способъ пользованія пахатными угодіями—захватный“. Впрочемъ г. Тихоновъ вѣроятно оккупацію причисляетъ къ титуламъ „общиннаго землепользованія“, слѣдуя указаніямъ статистиковъ и прочихъ устроителей сибирскаго крестьянства, о которыхъ онъ говоритъ съ такимъ уваженіемъ. Но логику юридическихъ опредѣленій не могутъ измѣнить и высокопоставленныя чиновныя лица, даже самъ Правительствующій Сенатъ. Общинное землепользованіе, по словамъ г. Тихонова, исконная бытовая форма земельныхъ отношеній русскаго народа: неужели и въ Акмолинской области, въ степяхъ и тайгѣ? Слѣдуетъ въ такомъ случаѣ допустить, что эта форма землепользованія сваливается въ нашей Имперіи на землю прямо съ неба, какъ только явится толпа поселенцевъ. Такъ ли? Вотъ что мы читаемъ у самого г. Тихонова: „Пестрота и разношерстность состава поселковъ обусловливались въ значительной степени неудачнымъ и неправильнымъ пріемомъ, который былъ допущенъ при размѣщеніи крестьянъ-переселенцевъ, нахлынувшихъ толпами въ области. Пріемъ этотъ, по словамъ мѣстныхъ жителей — учителей, священниковъ, изслѣдователей и очевидцевъ, состоялъ въ слѣдующемъ. Толпѣ (sic) переселенцевъ указывалось извѣстное урочище и затѣмъ предлагался вопросъ: кто желаетъ здѣсь поселиться? Проходило нѣсколько минутъ молчанія и колебанія (!). Но вотъ является смѣлый, выдѣляется изъ толпы, подаетъ документъ и проситъ записать его на водвореніе въ указанной мѣстности. Вслѣдъ за смѣльчакомъ начинаютъ протягиваться тысячи рукъ съ документами: всѣмъ хочется скорѣе записаться и не попасть за *предѣльную* цифру возникающаго поселка“.

Итакъ, толпа поселенцевъ, случайно собранная колонизаторомъ изъ разныхъ мѣстъ Европейской Россіи — толпа безпомощная, обязанная согласиться на все, что предложитъ ей начальство (ибо куда дѣваться этимъ несчастнымъ)—вотъ эмбріонъ сибирской общины.

„Поселокъ Петровскій въ 1890 г. имѣлъ 158 семействъ, составившихся изъ 8 семействъ крестьянъ-поселенцевъ Воронежской губерніи, 2 сем. Казанской, 6 сем. Курской, 2 сем. Минской, 9 сем. Орловской, 14 сем. Оренбургской, 2 сем. Полтавской, 1 сем. Пензенской, 32 сем. Пермской, 3 семейст. Рязанской, 38 сем. Самарской, 3 сем. Тамбовской, 16 сем. Тобольской, 1 сем. Харьковской, 19 сем. Черниговской и 2 сем. войска Донского“. Подобная пестрота наблюдается повсемѣстно въ Сибири. Мало того: „не всѣ члены одной и той же семьи записывались на одинъ участокъ, а попадали на разные участки, находящіеся на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, иногда даже въ разныхъ уѣздахъ губерніи и области. Разрозненнымъ членамъ приходилось впослѣдствіи переходить изъ одного поселка въ другой, разыскивать другъ друга, тратя на эти поиски послѣднія средства, и вести бродячую жизнь со всякаго рода лишеніями“. Такова правительственная организація „общины“ въ Сибири, таково „историческое“ происхожденіе общиннаго землепользованія сибирской деревни, о чемъ, разумѣется, г. А. Кауфманъ и другіе „изслѣдователи“ сибирскаго землепользованія не сочли нужнымъ упомянуть ни единымъ словомъ. Неудивительно, если въ такой общинѣ „всякій тянетъ въ свою сторону“ и рознь у новоселовъ господствуетъ всюду и во всемъ. Каждый новоселъ живетъ для себя, питая лишь надежду на „воспособленіе“ отъ начальства.

Задолженность и недоимочность вообще поселенцевъ Акмолинской области весьма значительны, и г. Тихоновъ объясняетъ ихъ преимущественно тѣмъ, что большинство пере-

селенцевъ не имѣли никакихъ средствъ, никакого инвентаря и разсчитывали исключительно на правительственную ссуду, взыскивать же эту ссуду продажею скуднаго имущества недоимщиковъ невозможно. Единственнымъ выходомъ при такой задолженности является сложеніе безнадежныхъ недоимокъ и ссудъ „въ путяхъ Монаршаго милосердія", что и требовалось доказать.

Конечно, другого исхода нѣтъ, но вопросъ въ томъ, слѣдовало ли создавать подобный исходъ?

Въ высшей степени характернымъ явленіемъ представляется тотъ фактъ, что Комитеты прибалтійскихъ губерній отнеслись отрицательно къ вопросу о переселеніяхъ. Эстляндскіе Комитеты даже вовсе не входили въ обсужденіе самого вопроса, что объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что консолидація и выкупъ крестьянскихъ дворовъ въ этой губерніи очень слабо развиты. Лифляндскій губернскій Комитетъ находитъ, что въ Лифляндской губерніи чувствуется скорѣе недостатокъ, чѣмъ излишекъ рабочихъ силъ, а потому „нѣтъ надобности въ выселеніи прироста населенія". То же самое высказывается и въ запискѣ Императорскаго Лифляндскаго Общеполезнаго Экономическаго Общества. Но губернскіе Комитеты прибалтійскихъ губерній выражали преимущественно мнѣнія дворянъ—крупныхъ землевладѣльцевъ; въ уѣздныхъ Комитетахъ, напротивъ, голоса и интересы крестьянъ выражались яснѣе и ярче. Уѣздные Комитеты выразились такъ по данному вопросу: „Въ Венденскомъ уѣздѣ наблюдается скорѣе недостатокъ, чѣмъ излишекъ рабочихъ силъ, а потому нѣтъ потребности въ выселеніи прироста васеленія". — „Мы вовсе не имѣемъ желанія поощрять выселеніе" (Юрьевскій Комитетъ). — „Въ виду явнаго недостатка въ Лифляндской губерніи рабочихъ силъ поощреніе къ добровольному разсе-

ленію вовсе не желательно" (Верроскій Комитетъ). — „Комитетъ нашелъ (по вопросу о переселеніяхъ), что никакихъ мѣръ не требуется" (Феллинскій Комитетъ) [1]).

Спрашивается, куда дѣвался „пролетаріатъ" Лифляндской губерніи, о которомъ такъ много говорили и говорятъ наши защитники общиннаго землепользованія? Допустимъ, что населеніе Лифляндской губерніи очень слабо размножается; во всякомъ случаѣ крестьянство этой губерніи не практикуетъ „Zweikindersystem", не рожаетъ оно своихъ дѣтей и для погостовъ, какъ наше крестьянство съ „общиннымъ землепользованіемъ"; развратъ же крестьянской молодежи въ Лифляндіи отнюдь не больше, чѣмъ нашей крестьянской великороссійской.

Мнѣнія Курляндскихъ Комитетовъ мы уже излагали: крестьянское населеніе требуетъ организаціи семейныхъ хозяйствъ для безземельныхъ батраковъ, крупные владѣльцы противъ этой мѣры, но тѣ и другіе рѣшительно высказываются противъ переселеній. Полное освѣщеніе переселенческій вопросъ можетъ получить лишь при разсмотрѣніи рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ и прежде всего такъ-называемаго „отхода", разсмотрѣнію котораго посвящена нижеслѣдующая глава нашего труда.

---

[1]) Въ Вольмарскомъ Комитетѣ п. Ш. правит. программы признанъ „не имѣющимъ значенія». Въ Феллинскомъ—не требующимъ никакихъ особенныхъ мѣръ; остальные Комитеты даже не обсуждали этого пункта программы.

XII.

Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

„Отходъ“ не безызвѣстенъ и въ Западной Европѣ; въ Германіи онъ получилъ характерное названіе „Sachsengängerei“, въ виду того, что „отходъ“ первоначально развился вслѣдствіе особаго положенія провинціи Саксоніи въ Прусскомъ государствѣ по отношенію къ свекловичной культурѣ. „Отходъ“ практикуется въ Германіи восточными провинціями въ пользу среднегерманскихъ; южная крестьянская нѣмецкая деревня „отхода“ не знаетъ: она не отдаетъ своихъ крестьянъ и почти не получаетъ чужихъ [1]).

Въ Россіи „отходъ“ уже давно получилъ грандіозные размѣры и главными его поставщиками для земледѣлія служатъ черноземныя губерніи.

„Пространство, въ предѣлахъ котораго совершается массовое передвиженіе рабочихъ, огромно: оно включаетъ центральныя, черноземныя, малороссійскія, югозападныя и др. губерніи. Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей рабочій людъ, не находящій приложенія труда у себя дома, ежегодно направляется въ южныя и юговосточныя черноземныя, степныя по-

---

[1]) Южногерманскіе крестьяне и рабочіе уходятъ временно зимой въ лѣсныя мѣстности своего края на пилку и заготовку лѣса; мы не причисляемъ подобные заработки къ «отходу».

лосы Россіи, обильныя по количеству воздѣлываемой земли, но бѣдныя рабочими силами“. Новороссійскій край, юговосточныя приволжскія и заволжскія мѣстности, Донская область и сѣверный Кавказъ являются по преимуществу мѣстностями, куда стремятся отхожіе рабочіе.

Въ отходъ идутъ крестьяне обоего пола и разнаго возраста стихійно, наудачу, въ надеждѣ на то, что тамъ, въ степи, каждому найдется мѣсто и возможность, гдѣ приложить свой трудъ и силы и получить извѣстный заработокъ. „Разсчеты эти часто не оправдываются, но нужда, малоземелье, а отчасти и привычка къ бродячей „привольной“ жизни тянетъ стихійно и традиціонно населеніе въ далекій заманчивый путь“. „Рабочіе совершаютъ свой путь различными способами—пѣшкомъ, на подводахъ, на плотахъ, пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ“. Санитарныя отношенія всѣхъ этихъ передвиженій рабочаго люда крайне неудовлетворительны. Комитеты вообще приходятъ къ заключенію, что отхожіе промыслы у насъ находятся въ „хаотическомъ“ состояніи и „для общаго упорядоченія ихъ“ почти ничего не сдѣлано“.

Мнѣнія экономистовъ, хозяевъ и общественныхъ дѣятелей объ „отходѣ“ и его значеніи имѣютъ условное значеніе. Съ одной стороны принимается во вниманіе личная свобода рабочаго, какъ субъекта правъ, а съ другой признается полезнымъ, а иногда необходимымъ регулировать „отходъ“; самъ по себѣ „отходъ“ не признается безусловно вреднымъ для населенія; при извѣстныхъ условіяхъ указываютъ даже на его необходимость съ точки зрѣнія соціальной экономики. Едва-ли, однако, нашъ „отходъ“ соотвѣтствуетъ этой точки зрѣнія, ибо у насъ онъ былъ вызванъ искусственно, а вовсе не въ интересахъ хозяйствъ ни крестьянскихъ, ни частновладѣльческихъ. Нашъ „отходъ“ — результатъ общиннаго землепользованія, чѣмъ и объясняется его развитіе въ общинной полосѣ великорусской губерніи и полное отсутствіе

въ подворно-наслѣдственномъ районѣ крестьянской деревни [1]) съ консолидированными дворами.

Общинное землепользованіе отняло у частныхъ владѣльцевъ нормальную рабочую силу—батраковъ; разлагая крестьянскую семью, общинное землепользованіе уничтожаетъ и семейныхъ рабочихъ; вмѣсто нормальнаго рабочаго труда общинное землепользованіе создало анормальную форму труда—„отходъ". Къ сожалѣнію мѣстные Комитеты, по отсутствію въ нихъ дѣйствительныхъ хозяевъ, ведущихъ столь рѣдкое у насъ батрацкое хозяйство, совершенно не поняли значеніе „отхода" и рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ вообще. Въ трудахъ Комитетовъ мы встрѣтились только съ однимъ докладомъ, отчасти разъясняющимъ значеніе „отхода". Этотъ докладъ интересенъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

„Освобожденіе крестьянъ" говорится въ докладѣ, „было произведено съ землею, которая была отчуждена у помѣщиковъ, при чемъ, по крайней мѣрѣ, въ Раненбургскомъ и другихъ черноземныхъ уѣздахъ земля была оцѣнена ниже ея стоимости—около 40 руб. за десятину, тогда какъ уже въ 1872 г. она продавалась по 160 руб. за десятину; при выдачѣ выкупной суммы, послѣдняя была еще уменшена на извѣстный процентъ [1]). Разоривъ помѣщиковъ, отчужденіе земли (крестьянамъ) вмѣстѣ съ тѣмъ мало способствовало матеріальному благосостоянію крестьянскаго населенія, такъ какъ положеніе сего послѣдняго въ государствахъ Западной Европы и въ Остзейскомъ краѣ, несмотря на освобожденіе

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что малороссійскія и югозападныя губерніи по отношенію къ формѣ крестьянскаго землепользованія весьма мало отличаются отъ великороссійскихъ; государственные же крестьяне этихъ губерній получили землю въ общинное уравнительное землепользованіе, хотя почти его не практикуютъ.

[1]) Audiatur et altera pars! Докладчикъ говоритъ сущую правду.

безъ земли, значительно, даже несравненно лучше, нежели въ центральной Россіи" [1]).

„Помѣщики лишились дарового труда". „Между тѣмъ на сельское хозяйство въ средней полосѣ Россіи надвигалось новое бѣдствіе—несуществовавшаго раньше рабочаго вопроса". „Казалось-бы, при увеличеніи народонаселенія и при общихъ толкахъ о недостаточности у крестьянъ земельной собственности, о недостаткѣ рабочихъ рукъ въ деревнѣ не можетъ быть и рѣчи. На дѣлѣ, однако, оказывается совершенно другое, и отсутствіе рабочихъ рукъ нынѣ является такимъ зломъ современнаго русскаго сельскаго хозяйства, которое грозитъ оставить далеко за собою и дифференціальные тарифы и германскія ввозныя пошлины" [2]).

„Уходъ на городскіе и фабричные заработки, переселеніе въ Сибирь, одно время принявшее характеръ переселенческой горячки, желѣзныя дороги, потребовавшія массу рабочаго персонала, пополненіе арміи,—все это значительно сократило количество рабочихъ рукъ въ деревнѣ". Городъ, фабрика, желѣзная дорога оторвали отъ земли лучшій контингентъ рабочихъ людей, наиболѣе способныхъ". „Но и та часть крестьянскаго населенія, которая осталась на землѣ, въ совершенно недостаточной степени обезпечиваетъ земледѣліе рабочею силою".

---

[1]) Здѣсь почтенный докладчикъ ошибается. Мы видѣли, что крестьяне Остзейскаго края освобождены были *съ землей* совершенно такъ-же, какъ и наши великороссійскіе, получивъ мірскую (Bauerland) землю во временное пользованіе съ правомъ выкупа. Такъ же были освобождены и крестьяне на западѣ Европы.

[2]) Положительно утверждаемъ, что докладчикъ—истинный, настоящій сельскій хозяинъ,—такъ вѣрно характеризуетъ онъ сущность дѣла. А между тѣмъ этотъ безспорный знатокъ деревни и хозяйства высказалъ объ общинномъ землепользованіи то самое сужденіе, которое мы рѣзко критиковали въ соотвѣтствующей главѣ. Г. Путиловъ не понимаетъ, что все то зло, на которое онъ жалуется, лежитъ исключительно въ общинномъ землепользованіи крестьянъ.

„Голодъ и оказанная тогда... помощь населенію вызвали въ немъ чрезвычайно нежелательную безпечность“. Увѣренный въ томъ, что въ хорошій годъ онъ будетъ сытъ съ своего надѣла, а въ неурожайный его все равно прокормитъ Правительство, крестьянинъ не стремится улучшить свое матеріальное благосостояніе. „Крестьянинъ тяготится работою не только на чужой землѣ за плату, но даже на собственномъ участкѣ. Огромное большинство крестьянъ до сихъ поръ поля своего не навозитъ, пашетъ крайне плохо, пара не двоитъ и т. п.“...

„Въ прежнее время... существовала система зимнихъ заработковъ, то есть наемки крестьянъ зимою на производство работъ въ лѣтнюю пору“, но неисправность въ исполненіи крестьянами своихъ обязательствъ и полная невозможность взыскать съ нихъ что-либо, уничтожили эту систему найма рабочихъ на лѣтнее время. Въ настоящее время въ дни уборки крестьяне не идутъ на работу, ожидая подъема цѣнъ за уборки; безвыходность владѣльцевъ заставляетъ ихъ „выписывать“ рабочихъ изъ сосѣднихъ губерній. „А что дѣйствіе крестьянъ въ этомъ отношеніи является вполнѣ сознательнымъ, доказывается хотя-бы систематическимъ нежеланіемъ ихъ вязать скошенный жатвенными машинами хлѣбъ, ибо невыгодность для нихъ распространенія сего вида орудій имъ вполнѣ понятна“. „Рабочихъ рукъ недостаточно какъ вслѣдствіе ухода изъ деревни, такъ и вслѣдствіе дробленія крестьянскихъ семействъ. Прежде, когда въ каждомъ дворѣ было по 3, по 4 женщины, одна изъ нихъ оставалась дома, а другія выходили на работу, но когда въ домѣ одна хозяйка, ей, конечно, нельзя на цѣлый день отлучиться“. Вотъ почему въ самое благопріятное время паровая молотилка въ экономіяхъ стоитъ безъ дѣла, такъ какъ вмѣсто необходимыхъ при ней 80 рабочихъ „оказывается 30—40 какихъ-нибудь человѣкъ. „Качество поденной работы очень не важно,

производительность незначительная, необходимъ постоянный присмотръ, иначе все время будетъ происходить въ болтовнѣ и перебранкѣ рабочихъ. Но главный недостатокъ чувствуется въ рабочихъ постоянныхъ—батракахъ, вслѣдствіе „отхода" и семейныхъ раздѣловъ, ибо крестьянинъ, оставшійся единственнымъ рабочимъ во дворѣ, естественно не можетъ уйти въ работники владѣльческихъ экономій, хотя вознагражденіе батракамъ нынѣ значительно увеличилось (60 руб. на хозяйскихъ харчахъ), качество же рабочихъ значительно ухудшилось, ибо всѣ лучшіе и дѣльные рабочіе ушли въ города, на фабрики и на желѣзныя дороги: въ деревнѣ остался одинъ отбросъ: малоспособные, лѣнивые, грубые и неразвитые".

Вновь и вновь повторяемъ, что все вышеизложенное могъ писать только хозяинъ, знакомый съ бытовыми условіями нашей деревни и хозяйства. И тѣмъ не менѣе этотъ хозяинъ является защитникомъ общиннаго землепользованія, т. е. источника всѣхъ изложенныхъ бѣдъ. Мы уже высказались раньше: общинное землепользованіе конфисковало крестьянъ-хозяевъ, конфисковало и батраковъ—сельскихъ рабочихъ. Каждый „общинникъ" имѣетъ „право" на „надѣлъ", каждый семейный батракъ стремится сдѣлаться хозяиномъ и стремится не съ цѣлью вести хозяйство, а съ цѣлью играть роль большака. Чѣмъ плоше мужикъ, тѣмъ заманчивѣе ему считаться самъ-большой. Все это совершенно естественно. А такъ какъ общинное землепользованіе уравниваетъ домохозяевъ, то деревня, рано или поздно, обращается въ „общину" плохихъ мужиковъ, негодныхъ ни для батрачества, ни для самостоятельнаго хозяйства; лучшіе-же мужики (особенно молодые) бѣгутъ вонъ отъ общиннаго гнета и анархіи на волю—въ города, желѣзныя дороги, фабрики и въ „отходъ", который лишаетъ хозяевъ послѣднихъ рабочихъ. Таково мнѣніе и лучшихъ крестьянъ—домовитыхъ, зажиточныхъ и умныхъ; мы неоднократно слышали

подобныя сужденія изъ ихъ собственныхъ устъ, разумѣется, не въ той редакціи, какъ здѣсь передаемъ, но нужно умѣть понять слова крестьянъ.

„Отходъ"—явленіе въ высшей степени вредное какъ для крестьянскихъ хозяйствъ, такъ и для экономій частныхъ владѣльцевъ. Онъ развращаетъ молодыхъ крестьянъ и заноситъ въ деревни всевозможныя болѣзни и нетолько заноситъ, но и распространяетъ ихъ по всей Руси великой. Въ настоящее время онъ полезенъ лишь для экстенсивныхъ хозяйствъ юга и юго-востока, но съ каждымъ годомъ сокращается и эта относительная польза „отхода". Количество пришлыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, зарегистрованныхъ на лѣчебно-продовольственныхъ пунктахъ Херсонской губерніи, замѣтно уменьшилось въ послѣднее время, причемъ, увеличивается контингентъ женщинъ; еще въ 1894 г. ихъ было 18% отъ всего числа рабочихъ, а уже въ 1898 г. ихъ зарегистровано 23,9%. Въ районѣ Симбирской губерніи отходъ достигаетъ 155 тысячъ человѣкъ, много народа уходитъ и изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Казанской губерніи. Отхожій промыселъ не выгоденъ въ приволжскихъ губерніяхъ, какъ и въ другихъ, ни крестьянамъ, потому что здѣсь все зависитъ отъ случайностей, ни частнымъ владѣльцамъ, потому что на заработки уходятъ не только лишніе, но и необходимые для мѣстныхъ нуждъ рабочіе. Изъ Кіевской губерніи отходъ увеличился въ послѣднее время и доходитъ до 190 тысячъ человѣкъ.

Къ „отходу" Комитеты неправильно причисляютъ уходъ рабочихъ-крестьянъ въ городъ, на фабрику и заграницу. Всюду и вездѣ города берутъ рабочихъ изъ деревни; всюду и вездѣ города населяются деревней. Но у насъ, въ Россіи, благодаря общинному землепользованію, города не населяются изъ деревни, а переполняются во вредъ себѣ и во вредъ деревни. Кочеваніе нашихъ крестьянъ изъ деревни въ города и обратно

положительно вредно: лишая деревню рабочей массы, это кочеванiе не даетъ и городу прочныхъ рабочихъ; отучая крестьянина отъ деревенской жизни и деревенскаго труда, это кочеванiе не даетъ и городу хорошихъ рабочихъ и только развращаетъ крестьянъ, прiучая ихъ къ лѣности и безпутству.

Упорядоченiе внѣшней обстановки отхожихъ промысловъ, по мнѣнiю мѣстныхъ Комитетовъ, представляется дѣломъ въ высшей степени важнымъ, такъ какъ отъ правильнаго рѣшенiя этого вопроса въ значительной степени зависитъ успѣхъ и процвѣтанiе сельскаго хозяйства. „Урегулированiе передвиженiя, а также и самаго найма, въ особенности сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, одинаково необходимо какъ для нанимателей, такъ и для рабочихъ“. „Нанимателя слѣдовало-бы поставить въ извѣстность о томъ, гдѣ онъ можетъ найти рабочихъ, а рабочимъ—указать мѣстности, гдѣ имѣется потребность въ ихъ трудѣ“. „Для этой цѣли необходимо создать особыя справочныя учрежденiя, которыми могли-бы пользоваться наниматели и рабочiе“. Наиболѣе дешево и цѣлесообразно подобныя учрежденiя могли-бы организовать земства; справочныя бюро должны содержаться небольшимъ сборомъ съ рабочихъ книжекъ или паспортовъ и коммисiонной платы съ работодателей. „Самое-же дѣло въ существенныхъ чертахъ должно быть поставлено такъ: 1) въ мѣстахъ найма завѣдующiе справочными конторами заблаговременно выясняютъ потребность въ рабочихъ и цѣны на работы и заблаговременно сообщаютъ о томъ въ мѣста „отхода“; 2) объ этомъ конторы въ мѣстахъ отхода сообщаютъ, въ свою очередь, волостнымъ правленiямъ; 3) объ отправленiи каждой партiи контора отхода телеграфируетъ подлежащей конторѣ на мѣстѣ найма для встрѣчи и дальнѣйшаго направленiя рабочихъ. Были высказаны пожеланiя „объ устройствѣ центральнаго правительственнаго бюро съ филiальными земскими отдѣленiями“, при чемъ предлагалось „гуще покрывать“ бюро районы съ большимъ отходомъ рабочихъ.

Всѣ эти „пожеланія“ въ мѣстныхъ комитетахъ мы признаемъ непрактичными; впрочемъ они взяты прямо изъ литераратурнаго источника, а не являлись зрѣлыми предложеніями практиковъ-хозяевъ. Опыты устройства посредническихъ конторъ были сдѣланы, но оказались весьма неудачными. Такъ въ Симбирской губерніи, при содѣйствіи попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, въ 1899 г. были устроены посредническія конторы для найма рабочихъ. Поступило 31 требованіе на 1950 рабочихъ, удовлетворено-же только 6 требованій на 199 человѣкъ. Такъ же мало утѣшительна оказалась дѣятельность посреднической конторы въ Сызрани, несмотря на то, что она отправляла рабочихъ на мѣста работы на свой счетъ по удешевленному тарифу. Совѣщаніе, созванное въ 1900 году генералъ-лейтенантомъ Томичемъ тоже затруднилось проектировать организацію желательнаго посредничества по найму сельскохозяйственныхъ рабочихъ, въ виду неустойчивости видовъ на урожай въ Херсонской губерніи, гдѣ часто одна недѣля поворачиваетъ предположенія въ противоположную сторону; менѣе всего удобны въ этомъ дѣлѣ оффиціальныя учрежденія. Въ концѣ-концовъ нѣкоторые Комитеты пришли къ заключенію о необходимости для изслѣдованія вопроса областныхъ съѣздовъ представителей земства и т. п.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти интеллигентныя затѣи не имѣютъ подъ собою ни малѣйшей практической почвы. Члены Комитетовъ не знакомы съ исторіей происхожденія „отхода“ и не даютъ себѣ яснаго отчета въ его значеніи. Вскорѣ послѣ освобожденія, особенно съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, началась усиленная распашка цѣлинъ приволжскихъ и южныхъ степей. Частные владѣльцы и крестьяне сѣяли на цѣлинахъ твердыя пшеницы (яровыя), дававшія громадный доходы; эти посѣвы имѣли чисто спекулятивный характеръ. Не только уборка, но и самый по-

сѣвъ требовалъ значительнаго количества рукъ, которыхъ въ степныхъ губерніяхъ не было. Въ сущности этотъ культурный періодъ въ нашемъ земледѣліи былъ ничѣмъ инымъ, какъ ликвидаціей скотоводнаго хозяйства и замѣной его зерновымъ хозяйствомъ. Усиленная потребность въ рабочихъ рукахъ и вызвала „отходъ“, приносившій центральнымъ черноземнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ значительный доходъ. Теперь цѣлины давно распаханы, и съ каждымъ годомъ экстенсивное хозяйство приволжья и даже юга сокращается; увеличивается число слабыхъ и бѣдныхъ крестьянскихъ хозяйствъ на востокѣ и югѣ, и, слѣдовательно, потребность въ рабочей силѣ центра уменьшается. Рано или поздно „отходъ“ долженъ прекратиться или сильно сократиться, а потому устраивать въ настоящее время „посредническія конторы или бюро“ едва-ли умѣстно даже по этой причинѣ. Комитеты смѣшиваютъ „отходъ“ на сельскохозяйственныя работы съ отхожимъ промысломъ крестьянъ, уходящихъ на заводы, фабрики и вообще въ города. Для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи этотъ отхожій промыселъ составляетъ несомнѣнно главное средство существованія многочисленнаго населенія. Крестьяне даютъ нашимъ фабрикамъ и заводамъ рабочихъ и мастеровъ; они же являются довольно многочисленнымъ классомъ ремесленниковъ: печниковъ, маляровъ, плотниковъ, граборовъ и пр. Условія этихъ отхожихъ промысловъ чрезвычайно разнообразны. Маляры, напримѣръ, работаютъ только лѣтомъ; къ зимѣ-же возвращаются въ свои деревни и „отдыхаютъ“; граборы идутъ на работы ранней весной, къ сѣнокосу и уборкѣ возвращаются въ свои селенія, а, послѣ уборки, идутъ опять въ отхожій промыселъ и т. п. Регулировать подобные отхожіе промыслы совершенно невозможно, да и не представляетъ надобности; ихъ „регулируетъ“ сама жизнь.

Рабочіе необходимы для сельскаго хозяйства совершенно

такъ-же, какъ необходимы земля и самъ хозяинъ. Дворянскія хозяйства потому рухнули, что лишены были этого необходимаго фактора производства и лишены прямо искусственно—ложной аграрной политикою. Та же самая бѣда гнететъ и крестьянское хозяйство: оно постепенно теряетъ своихъ семейныхъ рабочихъ, постепенно разлагается, переходя въ сельскій пролетаріатъ, притомъ еще худшій, чѣмъ городской пролетаріатъ. Разлагая семью, общинный уравнительный принципъ создаетъ массу малоземельныхъ, безземельныхъ и даже бездомовыхъ одиночекъ—семей, т. е. съ однимъ работникомъ, которому некуда дѣться, такъ какъ бросить семью онъ не можетъ, а дома въ деревнѣ земля его осиливаетъ, принанять-же батрака невозможно, такъ какъ батраковъ въ нашей деревнѣ нѣтъ, а самому заставиться въ батраки по близости негдѣ—частные владѣльцы не ведутъ батрацкихъ хозяйствъ. И съ каждымъ годомъ положеніе нашей деревни будетъ все хуже и хуже, ибо исхода изъ этого невозможнаго состоянія нашего крестьянства нѣтъ.

Вотъ почему во многихъ селеніяхъ нашего центра почти все населеніе уходитъ въ города на фабрики, заводы и пр., оставляя свое хозяйство въ деревнѣ сполна на бабъ, которыя ведутъ его такъ, что назвать подобное хозяйство „земледѣліемъ“ можно развѣ въ насмѣшку. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, всякое „регулированіе“ отхожихъ промысловъ правительствомъ или обществомъ можетъ принести только одинъ вредъ. Разумѣется, мы не имѣемъ въ виду мѣръ, направленныхъ къ облегченію перевозки рабочихъ по желѣзной дорогѣ. Но наши желѣзныя дороги, особенно казенныя, настолько не благоустроены, что едвали въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать какихъ-либо съ этой стороны улучшеній. Да и Комитеты выставили лишь одно требованіе—удешевленіе тарифа при перевозкѣ рабочихъ, хотя именно дешевизна пассажирскаго движенія для публики составляетъ

характерную черту русскихъ желѣзныхъ дорогъ, но зато къ нимъ и примѣнима вполнѣ пословица: „что дешево, то гнило". Несправедливо и указаніе Комитетовъ на то, будто отдѣльные рабочіе задерживаются на станціяхъ въ ожиданіи скопленія значительныхъ артелей. Совершенно напротивъ: у насъ, сплошь и рядомъ, масса рабочихъ ждетъ иногда нѣсколько дней очереди попасть на поѣздъ за неимѣніемъ мѣстъ и подвижного состава; ждутъ не только рабочіе, но, наканунѣ большихъ праздниковъ, и пассажиры II класса. Санитарныя условія на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ тоже очень неудовлетворительны: вагоны служатъ гнѣздами и разносителями всякаго рода заразъ. На этотъ прискорбный фактъ слѣдовало-бы высшему Правительству уже давно обратить свое вниманіе.

Комитеты оставляютъ на обязанности правительства „урегулированіе" движенія рабочихъ массъ по желѣзнымъ дорогамъ, все остальное для „упорядоченія" отхожаго промысла они предоставляютъ земствамъ и просятъ отъ государства лишь средствъ для необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, организацій по этому дѣлу. Обычная музыка! Всѣ пожеланія Комитетовъ въ концѣ-концовъ сводятся къ „организаціямъ" и новымъ налогамъ на населеніе. Удивительно только то, что Комитеты не видятъ противорѣчія этихъ „пожеланій" ихъ горькимъ ламентаціямъ на истощеніе податныхъ силъ русскаго народа. Конечно, Комитеты ламентируютъ о „тяжести податей и повинностей" крестьянъ и фантазируютъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, который, по наивному ихъ мнѣнію, дастъ государству и земствамъ милліарды, но мы уже разъяснили несбыточность этихъ фантазій [1]). „Организаціи" и

[1]) Желательно, чтобы пропагандирующіе прогрессивный подоходный налогъ въ Россіи потрудились представить свои разсчеты въ цифровыхъ данныхъ, а не утверждали свои положенія голословными предположеніями, будто этотъ налогъ дастъ казнѣ и земствамъ значительно больше, чѣмъ

„организаціи“—такова ultima ratio всѣхъ заключеній Комитетовъ, какъ представителей нашей интеллигенціи, во большинствѣ случаевъ всѣ эти „организаціи“ создаютъ только канцеляріи, комитеты, комиссіи и прочія бумажныя учрежденія безъ всякой пользы для населенія и всего русскаго народа и въ явное его обремененіе. Организуетъ экономическую жизнь общества и народа—дѣятельность производителей, ихъ энергія а не бумажныя учрежденія, но о производителяхъ и подъемѣ ихъ энергіи Комитеты весьма мало заботились, сводя всѣ свои пожеланія на систему подачекъ и кормленія многомилліоннаго русскаго крестьянства, отрицая политику экономической свободы, какъ устарѣлый взглядъ „манчестерства“, якобы опровергнутый новѣйшей наукой. Во всякомъ случаѣ мы до сихъ поръ не примѣняли къ нашему крестьянству этой „устарѣлой“ политики и широко примѣняли систему „пособій и воспособленій“; почему-же результаты оказались столь плачевными?

Усиленная потребность въ рабочихъ во время уборки хлѣбовъ вызвала въ Комитетахъ различныя заявленія объ экстрен-

---

въ государствахъ Западной Европы. Мы утверждаемъ, что подоходный налогъ (всеобщій) не дастъ и ста милліоновъ даже въ томъ случаѣ, если прогрессія дойдетъ до 20% съ дохода. А вотъ каковы будутъ его результаты: доходами потребителей живутъ производители; всякій расходъ кого-бы то ни было превращается въ доходъ другого экономическаго субъекта; только государство и общество потребляютъ, ничего не давая въ доходъ производителей, кромѣ конъюнктуръ. Какъ бы полезны ни казались эти конъюнктуры, создать хозяйственной энергіи, сами по себѣ, онѣ не могутъ, а въ лучшемъ случаѣ могутъ лишь содѣйствовать ея развитію. Но всѣ проектируемыя Комитетами конъюнктуры сводятся къ распредѣленію, а не созиданію благъ, слѣдовательно прямо приведутъ къ обѣднѣнію русскаго народа. Уменьшатся доходы производителей, уменьшатся и расходы: чѣмъ же будутъ жить бѣднѣйшія классы? Пресловутый подоходный налогъ можетъ привести лишь къ полному банкротству всего производства Россіи, какъ сельскаго хозяйства такъ и индустріи.

номъ привлеченіи рабочихъ рукъ, при чемъ высказаны были пожеланія объ обязаніи владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ распускать на лѣтніе мѣсяцы рабочихъ. Это „распусканіе“ практикуется и въ настоящее время для чернорабочихъ изъ крестьянъ. Многіе фабрики и заводы принуждены въ это время довольствоваться „золотой ротой“. Только мастера, вообще квалифицированныя рабочія руки, остаются постоянно въ нашихъ индустріяхъ, но подобные „рабочіе“ не годятся деревнѣ уже потому только, что они ей слишкомъ дороги. И съ гигіенической точки зрѣнія, о чемъ тоже хлопочутъ Комитеты, переселенія подобныхъ рабочихъ въ наши селенія едва-ли полезны; усиленная работа во время сельской страды не возстановитъ ихъ физическихъ силъ, а надломитъ ихъ; только ихъ дѣтямъ деревенскій воздухъ можетъ оказать пользу, но эти дѣти живутъ и теперь въ деревнѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, а если многіе нынѣ выбираются въ городъ, то ихъ гонитъ изъ деревни община, разлагающая семейный бытъ нашихъ крестьянъ. Но такіе крестьяне окончательно порвали свою связь съ деревней, а потому не могутъ возвратиться къ ней и въ страдное время. Въ заключеніяхъ Комитетовъ много наивной сентиментальности, совершенно лишенной почвы дѣйствительности прозы жизни.

Въ Комитетахъ указывали на практикуемыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ „приманки“ рабочихъ (музыка, танцы, вино, лотереи), деморализующія рабочихъ, но всѣ эти „приспособленія“ производителей лишь свидѣтельствуютъ объ анормальныхъ условіяхъ, въ которые нынѣ производители поставлены, благодаря нашей ложной аграрной политики. „Экстренныя“ мѣры въ видахъ привлеченія рабочихъ рукъ на сельскохозяйственныя работы не могутъ быть организованы общественными и правительственными учрежденіями—все это должно быть предоставлено энергіи самого производителя. Бросаясь изъ стороны въ сторону, Комитеты предлагаютъ и

запретительныя мѣры для „отхода“, установляемыя законодательнымъ путемъ, требуютъ правилъ, допускающихъ „отходъ“ лишь съ согласія „обществъ“, удостовѣреній сельскихъ старостъ объ уплатѣ податей, уплатѣ денегъ за билеты и проч., проч. Въ западной полосѣ Россіи вопросъ о сельскохозяйственныхъ рабочихъ до недавняго времени, по словамъ Комитетовъ, вовсе не существовалъ. Только въ самое послѣднее время все болѣе и болѣе началъ ощущаться недостатокъ рабочихъ вслѣдствіе усиленной эмиграціи ихъ, главнымъ образомъ въ Америку. Такое движеніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Комитетовъ, создано искусственно спеціальными агентами, подбивающими мѣстное населеніе къ отъѣзду заграницу заманчивыми разсказами о благахъ, ожидающихъ нашихъ рабочихъ въ чужихъ странахъ. Проработавъ заграницею, рабочіе возвращаются оттуда нерѣдко безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Эмиграція рабочихъ происходитъ у насъ ежегодно въ Царствѣ Польскомъ и сѣверо-югозападныхъ губерніяхъ; рабочіе идутъ въ сѣверную и отчасти въ среднюю Германію, которая нуждается въ сельскихъ рабочихъ. Изъ собранныхъ лично нами въ Германіи свѣдѣній оказалось, что польскіе рабочіе никогда не осѣдаютъ въ Германіи, а стремятся лишь нажить деньгу и воротиться на родину и купить землицу; рабочіе очень бережливы, даже жадны, отказывая себѣ во всемъ. Нѣмецкіе хозяева удостовѣряли, что эти рабочіе достигаютъ своей цѣли въ громадномъ большинствѣ случаевъ; если это такъ, то „отходъ“ нашихъ рабочихъ за-границу очень полезенъ какъ крестьянству Царства Польскаго, такъ и всей Имперіи. Желательно болѣе точное изслѣдованіе этого „отхода“.

Мѣстные Комитеты обратили особое вниманіе на отношенія между нанимателями и рабочими. Законъ 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы подвергся

въ Комитетахъ критикѣ. Главнѣйшіе недостатки законы заключаются въ слѣдующемъ: 1) онъ не обнимаетъ всѣхъ видовъ найма, 2) создаетъ неравенство двухъ контрагентовъ, 3) установляетъ за нарушеніе чисто гражданской сдѣлки уголовную кару и т. д. Къ сожалѣнію въ большинствѣ случаевъ Комитеты высказывали не свои соображенія по вопросу, а соображенія, почерпнутыя изъ литературныхъ источниковъ, притомъ довольно разнорѣчивыя. Такъ по второму изложенному выше пункту недостатка закона о наймѣ сельскихъ рабочихъ неравенство контрагентовъ разсматривается или съ точки зрѣнія нанимателя или рабочаго. Одни утверждаютъ, что рабочій будто бы стѣсненъ закономъ въ своей свободѣ, а другіе, напротивъ, видятъ въ немъ полную необезпеченность нанимателя отъ нарушеній рабочимъ условій найма. Послѣдняя—наиболѣе справедливая точка зрѣнія въ данномъ вопросѣ. Наниматель не только ничѣмъ не обезпеченъ противъ нарушенія рабочимъ контракта, но и не можетъ быть обезпеченъ при существующихъ порядкахъ сельской жизни. Съ крестьянина рабочаго нечего взять, и всякій предъявленный къ нему нанимателемъ искъ только создаетъ хозяину хлопоты и большіе убытки. А между тѣмъ хозяинъ *обязанъ* предъявить подобные иски къ недобросовѣстнымъ рабочимъ. Это—своего рода повинность, отчасти возложенная на хозяина закономъ. Если оставить продѣлки рабочихъ безъ жалобъ, то получатся двоякаго рода слѣдствія: деморализація всѣхъ рабочихъ экономіи и, слѣдовательно, разгромъ хозяйства и, сверхъ того, значительныя непріятности и убытки; если вы не предъявите иска къ рабочему, то онъ его къ вамъ предъявитъ, и, благодаря своеобразнымъ тенденціямъ интеллигентнаго судебнаго начальства (ибо иного суда въ нашей деревнѣ не имѣется), съ васъ же присудятъ вознагражденіе въ пользу рабочаго — въ высшей возможной мѣрѣ. Защищаться противъ рабочаго у земскихъ начальниковъ и вообще

въ крестьянскихъ учрежденіяхъ землевладѣльцу невозможно, ибо все дѣло рѣшается свидѣтельскими показаніями, которыя припасать рабочему ничего не стоитъ; землевладѣльцу же, если онъ не настоящій кулакъ, совершенно невозможно: ни одинъ порядочный хозяинъ не станетъ искать и подстраивать лжесвидѣтелей, что крестьяне-рабочіе нынѣ практикуютъ постоянно. Во всякомъ случаѣ всякаго рода иски къ рабочимъ съ точки зрѣнія хозяина безсмысленны: съ рабочаго никогда ничего не получишь и потеряешь дорогое время, уже не говоря о всей хлопотливой croзнѣ съ судомъ и о томъ невольномъ чувствѣ униженія, которое чувствуетъ всякій хозяинъ, обязанный опровергать возмутительную ложь и клевету, взведенную на него рабочимъ; для лица, одареннаго чувствомъ правомѣрности, все это невыносимо.

Много говорилось въ нашей печати и Комитетахъ по вопросу о примѣненіи уголовной репрессіи къ рабочимъ, нарушающимъ условія контракта о наймѣ. Въ этомъ видятъ прямое противорѣчіе началамъ гражданскаго права. Нашлись и юристы, вопіющіе противъ подобной „несправедливости". Все это показываетъ, какъ слабо развито въ нашемъ обществѣ чувство правомѣрности и какъ плохо образованіе нашихъ „юристовъ". Такъ какъ этотъ вопросъ смущаетъ многихъ искреннихъ и добросовѣстныхъ лицъ, незнакомыхъ лишь съ наукою, именуемой юриспруденціей, то мы считаемъ не лишнимъ разъяснить его.

Уже исторія права показываетъ, что человѣкъ прежде не дѣлалъ различія между видами репрессій. Месть примѣнялась какъ къ гражданскимъ правонарушеніямъ, такъ и къ тѣмъ, которыя нынѣ защищаются уголовнымъ кодексомъ; самый гражданскій процессъ возникъ на почвѣ уголовной репрессіи: истецъ—мститель—vindex; нѣмцы и сейчасъ, говоря о предъявленіи иска, употребляютъ выраженіе „vindiciren". Въ сущности различіе въ формѣ репрессіи—вопросъ

политики, а не объ основахъ права. Если репрессія въ формѣ гражданскаго процесса достигаетъ цѣли правосудія, то примѣненіе уголовной репрессіи совершенно излишне; но если гражданская репрессія недостаточна, если правонарушенія получаютъ характеръ и значеніе соціальнаго зла, государство обязано примѣнить уголовную репрессію. Уголовный законъ караетъ злую волю, но злая воля, сплошь и рядомъ, присутствуетъ и при гражданскихъ правонарушеніяхъ. Рабочіе у насъ *злостно* нарушаютъ свои обязательства, при чемъ всегда въ наличности оказывается обманъ и „похищеніе" чужого имущества — уголовная репрессія тутъ вполнѣ примѣнима.

Я нанимаю пастуха для моего стада; наемъ возможенъ лишь въ извѣстный періодъ, съ окончаніемъ котораго пастуховъ на рабочемъ рынкѣ нѣтъ. Нанимающійся это знаетъ; онъ требуетъ и получаетъ съ меня задатокъ, и когда пройдетъ опредѣленное время, бросаетъ мое стадо на произволъ судьбы и уходитъ. Злостность воли тутъ очевидна. Я нанимаю рабочихъ для сельскихъ работъ и, по ихъ требованію, выдаю имъ задатки; они выжидаютъ время, когда наступаетъ горячая пора работъ и злостно покидаютъ меня, унося съ собой и полученные задатки: злостность, обманъ и похищеніе чужого имущества тутъ тоже очевидны. Наши юристы, отрицающіе наличность уголовныхъ признаковъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ лицемѣрятъ и унижаютъ свою науку. А между тѣмъ никто изъ нихъ, никто изъ членовъ нашей магистратуры не задумается примѣнить уголовную репрессію въ подобныхъ случаяхъ къ нанимателю. Мы часто читаемъ и слышимъ объ уголовныхъ процессахъ въ слѣдующихъ случаяхъ: нѣкто А. пригласилъ на службу къ себѣ рабочихъ и другихъ представителей труда, получилъ съ нихъ залоги и съ этими денежками удалился во свояси. Такихъ проходимцевъ привлекаютъ къ уголовному суду и подвергаютъ уголовной

репрессіи. Чѣмъ отличаются подобные случаи отъ дѣйствій „недобросовѣстныхъ“ рабочихъ? Рѣшительно ничѣмъ: обманъ, похищеніе чужого имущества и наличность злой воли одинаково присущи у той и другой категоріи „мошенниковъ“, и сами крестьяне, не потерявшіе здраваго смысла и совѣсти, прямо называютъ подобныхъ рабочихъ „мошенниками“, что мы неоднократно слышали изъ ихъ устъ.

Но русская интеллигенція отрицаетъ наличность злой воли у рабочаго: онъ ошибся только въ расчетѣ (скажите—какой недоумокъ!), заключенное имъ условіе было ему не выгодно (зачѣмъ же онъ его заключалъ?); цѣны трудового рынка повысились (а если бы онѣ понизились, имѣлъ ли право наниматель расчитать рабочаго вопреки условіямъ контракта?). По мнѣнію нашей интеллигенціи, рабочій—не добровольный контрагентъ, не свободный, а „принуждаемый“ въ силу своей бѣдности и не имѣнія средствъ къ пропитанію; наниматель же—эксплоататоръ-кулакъ. Въ дѣйствительности же наблюдается иное: рабочіе не только эксплоатируютъ нанимателей, но прямо издѣваются надъ ними, пользуясь тѣмъ, что съ нихъ нечего взять и установленная для нихъ репрессія—бумажный листъ, не имѣющій никакого значенія и послѣдствій.

Такъ какъ иной читатель можетъ подумать, что авторъ говоритъ по опыту, какъ озлобленный хозяинъ, то мы считаемъ нелишнимъ разъяснить, что нашъ опытъ научилъ насъ правильно оцѣнивать значеніе общаго вопроса, а не личнаго нашего, т. е. интереса нашего хозяйства. Лично мы никогда съ нашими рабочими не судились, ибо придерживались строго правила: „хочешь живи, не хочешь уходи“. Уже съ перваго года веденія хозяйства, мы убѣдились, что настоящихъ, прочныхъ батраковъ получить въ нашей деревнѣ невозможно. Приспособляясь къ даннымъ условіямъ, мы остановились на молодыхъ рабочихъ дальнихъ губерній; нѣкоторые изъ нихъ

жили у насъ 2—3 года, другіе же сезонно. Плата была распредѣлена помѣсячно 6—12 руб. и болѣе на нашихъ харчахъ, задатковъ мы не давали, письменныхъ условій не заключали. Къ сожалѣнію подобная система не примѣнима къ пастухамъ, и намъ приходилось переживать нерѣдко горькіе дни, благодаря этимъ „пастырямъ“ нашего стада. Тѣмъ не менѣе мы и съ ними никогда не судились, такъ какъ никакой судъ не помогъ бы горю при существующихъ у насъ порядкахъ, а судиться съ крестьяниномъ у земскихъ начальниковъ все равно, что итти на непремѣнный проигрышъ дѣла; по глубокому убѣжденію земскихъ начальниковъ, землевладѣлецъ всегда виноватъ, а крестьянинъ всегда правъ. Земскіе начальники очень строги къ крестьянину, но только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о ихъ власти; противъ постороннихъ же лицъ земскіе начальники признаютъ себя обязанными защищать интересы крестьянъ, какъ нарочито назначенные для нихъ опекуны. Все это въ порядкѣ вещей.

Въ виду изложеннаго, читатель можетъ возразить намъ: „къ чему же установлять уголовную репрессію для работниковъ? Гораздо лучше система „невмѣняемости“, которой придерживался авторъ. Для хозяина безусловно лучше, но лучше ли для общества и государства? Но и въ интересахъ хозяина необходимъ этотъ мечъ, чтобы онъ висѣлъ надъ головой рабочаго *въ чрезвычайныхъ* случаяхъ, которые необходимо требуютъ преслѣдованія. Въ этихъ случаяхъ хозяинъ долженъ не щадить ни времени, ни хлопотъ, ни средствъ— итти до конца во чтобы то ни стало, или бросить хозяйство и уѣхать изъ деревни. Вотъ ради такихъ случаевъ авторъ защищаетъ примѣненіе уголовной респрессіи противъ недобросовѣстнаго рабочаго, и вѣроятно всѣ хозяева съ нимъ согласятся. Хозяинъ долженъ смотрѣть на свои отношенія къ землѣ и къ хозяйству какъ на долгъ—долгъ къ самому себѣ какъ къ хозяину и разумному существу, долгъ къ своему

семейству и близкимъ и долгъ къ обществу и державному союзу, къ которому онъ принадлежитъ, какъ бы минимальна ни была та хозяйственная доля, которой онъ владѣетъ и которой онъ распоряжается. Смотрѣть на землевладѣльцевъ съ точки зрѣнія Родбертуса, какъ на приказчиковъ или чиновниковъ государства, конечно, нелѣпость, но связь всякаго хозяйственнаго дѣятеля съ обществомъ и государствомъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Итакъ, хозяинъ уже въ силу сознанія долга обязанъ вести правильно свое хозяйство и не допускать безпутства, съ чьей бы стороны оно ни шло.

Необходимы ли особыя гарантіи для землевладѣльцевъ въ отношеніи рабочихъ въ нашей деревнѣ? Мы думаемъ, что никакія гарантіи тутъ не помогутъ и останутся на бумагѣ, какъ это и оказалось съ договорными листами. Насильно держать рабочаго, желающаго уйти, нельзя, прямо даже опасно—онъ только будетъ „гадить", а взыскать съ него нечего. Лучшимъ доказательствомъ правильности нашего сужденія по данному вопросу служитъ тотъ фактъ, что никто не взыскиваетъ съ сельскихъ рабочихъ ни за плохую работу, ни за утеренныя вещи и попорченныя или сломанныя орудія, изодранную сбрую и проч., проч. А какъ часто рабочіе портятъ хорошихъ лошадей! Но наши хозяева предпочитаютъ пріобрѣтать запаленыхъ и проч. животныхъ, чѣмъ предъявлять къ своимъ рабочимъ иски, и поступаютъ совершенно правильно. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Комитетовъ о необходимости установить обязательныя правила заключенія письменныхъ договоровъ о наймѣ. Зачѣмъ напрасно стѣснять нанимателя, разъ мы убѣждены въ томъ, что договоры—пустая бумага, вовсе не гарантирующая нанимателя? Рабочій же безусловно и абсолютно гарантированъ своимъ правомъ уйти отъ нанимателя во всякое время, возвративъ задатокъ; при письменныхъ же договорахъ ему при-

дется возвращать задатокъ и платить штрафъ или „сидѣть" въ случаяхъ самовольнаго ухода; а въ случаѣ ухода, по винѣ нанимателя, все-таки нельзя предоставить рабочему права даромъ пользоваться чужими деньгами, задатокъ онъ долженъ возвратить.

Государство и законъ обязаны оказывать правосудіе обиженному посредствомъ дѣйствительной, а не бумажной репрессіи, иначе возстановляется естественная репрессія—личная месть. Пусть подумаютъ объ этомъ юристы! Лишить лицо репрессивнаго права (а иного не существуетъ) общество и государство могутъ только правосудіемъ. Отказъ въ правосудіи влечетъ за собой возстановленіе естественнаго права мести. Таковъ неумолимый законъ соціальной жизни, и онъ совершенно согласенъ и съ нравственнымъ міросозерцаніемъ человѣка, о чемъ мы уже говорили [1]).

---

[1]) Но, возразитъ намъ иной читатель, нравственный законъ запрещаетъ мстить, а, напротивъ, приказываетъ любить врага. Безъ сомнѣнія! Но нравственный законъ не соціальный—въ этомъ то и заключается ошибка мудрствующихъ лукаво или по непониманію основныхъ началъ права. Мы не читали полемики по этому вопросу между покойнымъ Соловьевымъ и Б. Н. Чичеринымъ, но ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что ученый философъ и юристъ былъ правъ, а философъ-моралистъ ошибался. Право и нравственность относятся къ категоріи „долженствованія", слѣдовательно имѣютъ одно основаніе, потому то и путаются въ немъ философы-моралисты и публика. Право—соціальное начало—относится лишь къ внѣшнимъ дѣйствіямъ человѣка, до побужденій лица ему нѣтъ никакого дѣла; напротивъ, нравственность — область внутреннихъ побужденій человѣка, внѣшнія же дѣйствія человѣка для нея безразличны: она ихъ цѣнитъ, поскольку онѣ не противорѣчатъ внутреннимъ побужденіямъ человѣческаго сердца. Здѣсь на землѣ нравственная правда осуществляется только въ сердцахъ людей. Такъ именно и свидѣтельствуетъ Евангеліе: „Царствіе Божіе не здѣсь и не тамъ, а въ вашихъ сердцахъ".

Внѣшній законъ—право; внутренній—любовь; внѣшній законъ для земли, внутренній для неба, который осуществляется на землѣ только въ сердцахъ человѣческихъ—въ ихъ совѣсти. Софистика и ложь мудрованій гр. Толстого въ томъ и заключается, что онъ проповѣдуетъ Царствіе Божіе

Противъ обязательности письменныхъ договоровъ приводились, впрочемъ, въ Комитетахъ возраженія. „Договорные

на землѣ—внѣшнее, а не внутреннее. Это проповѣдь не Христа, а антихриста, о ней и говоритъ „Откровеніе". Земная правда непремѣнно принудительная, требуетъ меча, а небесная—совершенно свободная, не только не нуждается въ мечѣ, но отрицаетъ его. Если бы гр. Толстой отрицалъ мечъ для правды небесной-сердечной, то онъ былъ бы правъ и согласенъ съ Христовымъ ученіемъ. Но онъ, напротивъ, отрицаетъ мечъ для правды земной, т. е. извращаетъ Евангеліе, лжесвидѣтельствуетъ на него, ибо безъ меча жизнь плоти невозможна; только въ „будущемъ вѣкѣ", когда человѣкъ одѣнется „плотью славы" мечъ будетъ не нуженъ и не умѣстенъ. Таковы ученіе и вѣра христіанскія. Но на „небѣ" люди живутъ „какъ ангелы небесные"—не женятся и не посягаютъ; никакихъ соціальныхъ отношеній тутъ нѣтъ и не можетъ быть. По этому главный тезисъ гр. Толстого ложенъ въ самомъ своемъ основаніи: ученіе Христа—не для земли, а для неба; на землѣ оно осуществляется лишь въ сердцахъ людей. Гр. Толстой пожелалъ подправить ученіе Христа, но никакая поправка тутъ невозможна. Значитъ, возразятъ намъ, на землѣ вѣчное противорѣчіе? Во 1-хъ, земля не «вѣчна» и люди не «вѣчны»; во 2-хъ, никто не мѣшаетъ вамъ исповѣдовать нравственный законъ въ вашихъ сердцахъ и дѣйствовать въ силу этого закона. Но, смотрите, не ошибитесь! Выражая ваши побужденія въ дѣйствіяхъ, не нарушайте правды земной, ибо она тоже принадлежитъ къ категоріи долженствованія и притомъ принудительно обязательной, а потому вашими дѣйствіями вы легко можете создать принужденіе, когда основа нравственнаго закона—полная свобода, т. е. вы поступите прямо безнравственно. Тѣмъ менѣе вы должны нарушать права Кесаря, ибо его область не подлежитъ компетенціи нравственнаго закона. Христосъ отказался судить Кесаря; напротивъ прямо подчинился ему какъ человѣкъ. Да вы и не можете судить дѣйствія (внутреннія) людей; то, что вамъ кажется неправдой въ проступкахъ вашего ближняго, можетъ оказаться высшей правдой, ибо вамъ не дано читать въ сердцахъ людей, вы только можете знать *ваше* сердце, *вашу* совѣсть, а не чужую. Внѣшній же законъ—право—судитъ и обязанъ судить; въ этомъ и заключается его «долженствованіе», а потому, отрицая это долженствованіе и проповѣдуя это отрицаніе, проповѣдуя «бунтъ» противъ Кесаря, вы поступаете безнравственно. Нравственный законъ не можетъ отрицать категорію «долженствованія», въ какой бы сферѣ оно ни выражалось. Ни одна «буква» *закона* не отрицается Евангеліемъ: такъ сказалъ самъ Христосъ. Вы же—просто лицемѣры.

листы или книжки, какъ и всякая формальность, стѣсняющая частную дѣятельность, не привьются къ практической жизни; во время горячихъ сельско-хозяйственныхъ работъ, напр., при уборкѣ хлѣбовъ, весьма затруднителяно посылать въ волостныя правленія за книжками". Относительно репрессіи противъ неисправнаго работника, предлагалось отдавать такого работника, въ случаѣ несостоятельности, въ принудительныя общественныя работы до окончательной уплаты потерпѣвшему хозяину вознагражденія. Положенія 19 февраля 1861 года установили принудительную работу для недоимщиковъ, но подобная принудительная работа выражалась отдачею недоимщика въ заработки. Все это было постановлено для временно-обязанныхъ крестьянъ, а потому имѣло извѣстный смыслъ. Въ настоящее время едва ли можно примѣнять подобную репрессію къ крестьянину, какъ свободному субъекту правъ, уже не говоря о непрактичности подобной мѣры. Единственно возможная здѣсь репрессія штрафъ съ вознагражденіемъ потерпѣвшаго и замѣна штрафа арестомъ, какъ это принято, напримѣръ, при порубкѣ. Злостный же уходъ работника долженъ вести виновнаго къ тюремному заключенію.

Въ Комитетахъ было много высказано пожеланій нѣкоторыми членами объ огражденіи интересовъ рабочихъ отъ недобросовѣстности нанимателей. Едва ли тутъ необходимы какія либо мѣры: съ нанимателя можно всегда взыскать всѣ убытки рабочихъ, за обманъ же и злой умыселъ онъ отвѣчаетъ уголовной отвѣтственностью на общемъ основаніи. Гораздо важнѣе вопросъ объ отвѣтственности работодателей за увѣчья рабочихъ при работахъ. Уже не говоря о всей несправедливости подобныхъ законовъ, къ нашей сельской жизни они совершенно непримѣнимы, и это должно служить великимъ утѣшеніемъ для землевладѣльцевъ и хозяевъ, разумѣется, съ извѣстными исключеніями [1]).

---

[1]) Совершенно освободиться отъ отвѣтственности хозяева не могутъ,

Интеллигентные члены Комитетовъ и въ этомъ вопросѣ шли въ хвостѣ нашей литературной интеллигенціи, не давая себѣ яснаго отчета въ послѣдствіяхъ. Съ кого будутъ взыскивать за увѣчья? Крестьяне работаютъ, какъ испольники, въ ихъ распоряженіе даются машины (молотилки), они ими распоряжаются и за цѣлость ихъ несутъ отвѣтственность и пр. Выйдетъ такъ, что за увѣчья работниковъ будутъ нести отвѣтственность работники же. Это что то не согласуется съ цѣлью закона и соціалистическими воззрѣніями нашей интеллигенціи. А когда молотилка „общественная“, кто будетъ отвѣчать за увѣчье? Очевидно законъ объ отвѣтственности „предпринимателя“ непримѣнимъ къ нашей сельской жизни. Со стороны нашей интеллигенціи это будетъ выстрѣломъ въ пустое пространство.

Вообще отвѣтственность хозяина, безъ наличности съ его стороны вины, за увѣчье рабочаго въ сельской жизни будетъ величайшей несправедливостью и безсудіемъ. Хозяинъ у насъ не имѣетъ никакой власти надъ рабочими и прямыя его приказанія о мѣрахъ предосторожности не исполняются и часто даже осмѣиваются рабочими. Говоримъ по опыту. За что же будетъ отвѣчать хозяинъ: за отсутствіе правомѣрности во всемъ строѣ нашей сельской жизни? У насъ и сейчасъ въ общинной Россіи почти не существуетъ частныхъ хозяйствъ землевладѣльцевъ: придется прикрыть и послѣднія...

такъ какъ общій законъ остается въ силѣ; наши же суды всегда признаютъ виновнымъ хозяина, а потому, по обычаямъ нашей магистратуры, onus probandi всегда возлагается на хозяина.

XIII.

Земство и общественное самоуправленіе.

Земству и учрежденію мелкой земской единицы въ трудахъ Комитетовъ было посвящено много времени и мѣста. Многіе Комитеты въ мелкой земской единицѣ видѣли даже панацею для всѣхъ сельскохозяйственныхъ недочетовъ. О сущности вопроса мы уже высказались. По идеѣ законодателя наши земства — общественныя самоуправленія, вызванныя къ жизни ради удовлетворенія общественныхъ мѣстныхъ нуждъ посредствомъ дѣятельности мѣстныхъ общественныхъ силъ. Въ книгѣ, изданной пропагандаторами мелкой земской единицы, имѣется ученая статья, авторъ которой старается доказать, что мѣстныя общественныя управленія ничто иное, какъ мѣстные органы государственной власти. Не входя въ полемику съ авторомъ этой статьи, такъ какъ таковая заведетъ насъ слишкомъ далеко, мы только отмѣтимъ наше полное несогласіе съ выводами и аргументаціей автора. Мѣстныя общественныя самоуправленія — самостоятельныя учрежденія, слѣдовательно самостоятельныя юридическія лица, а не органы государства, хотя получаютъ отъ него санкцію. Такія учрежденія обыкновенно образуются исторически и притомъ въ такое время, когда никакого „государства“ (державнаго союза) не существуетъ. Они имѣютъ свою особую компетенцію, свою особую цѣль и проч. Конечно, они преслѣдуютъ и удовлетворяютъ интересы общественные—

тѣ самые, которые подлежатъ вѣдѣнію государства (хотя не всегда и не вездѣ), но именно потому, что они являются самостоятельными учрежденіями, они не могутъ считаться органами государства, а тѣмъ самымъ правительственной власти. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что общественныя учрежденія— государство въ государствѣ; церковь тоже самостоятельное самоуправляющее учрежденіе, но государствомъ въ государствѣ ее признать нельзя. Самостоятельность и полнота вѣдѣнія самоуправленій зависитъ отъ общей политики верховнаго союза, но по существу своему самоуправленія — самостоятельныя учрежденія, подчиняющіяся государству на общемъ основаніи частныхъ общественныхъ союзовъ, а не органовъ государственнаго управленія [1]).

Земства были вызваны главной реформой — освобожденіемъ крестьянъ и въ нашемъ строѣ жизни совершенно необходимы. Но и по отношенію къ этой реформѣ мы надѣлали массу ошибокъ. Въ первое время крестьяне, какъ временно-обязанные, не могли участвовать въ земствѣ, а потому совершенно справедливо смотрѣли на выборы въ земство, какъ на новое тягло, наложенное на нихъ государствомъ. Землевладѣльцы покинули свои „пенаты", и земства остались при однихъ „пустырникахъ" и „варягахъ". Правительству пришлось „сократить" земства, „сократить" и самый ихъ составъ, причемъ изъ огня мы попали въ полымя.

Въ настоящее время возстановить истинное значеніе земствъ, по нашему мнѣнію, невозможно; только съ организаціей крестьянства и частнаго землевладѣнія, мы получимъ земства въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Комитеты же желаютъ „земскихъ мелкихъ единицъ", т.-е. желаютъ усилить зло. На цѣлый уѣздъ еще можно кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, набрать „земскихъ" людей, но на маленькую ча-

---

[1]) Болѣе подробно говорить объ этомъ мы здѣсь не можемъ.

стичку уѣзда не найдется ни гласныхъ, ни членовъ общественнаго управленія. Земскіе дѣятели и сейчасъ жалуются на необходимость приглашать въ земство „варяговъ“ даже для губернскаго земства; какихъ же „варяговъ“ они пригласять для мелкихъ земскихъ единицъ? Это будетъ прямая насмѣшка надъ самоуправленіемъ. Притомъ земскіе дѣятели допускаютъ невѣроятное противорѣчіе, требуя съ одной стороны мелкой земской единицы, а съ другой, не желая выпустить изъ земскаго вѣдѣнія большіе города, губернскіе и уѣздные; возстаютъ и противъ выдѣленія Москвы изъ земства въ качествѣ самостоятельной губернской единицы, хотя de facto Москва несомнѣнно самостоятельная имперская общественная единица. Говорятъ: Москва связана съ губерніей; она связана со всей Имперіей еще больше. Разумѣется, Москва не на лунѣ, а имѣетъ свое территоріальное положеніе; московскіе крестьяне (да и не одни они) кормятся Москвой, но столица, конечно, не ими кормится, что уже показываетъ ея бюджетъ. Но когда идетъ рѣчь о земствѣ, то у насъ допускаются всякаго рода натяжки и несправедливости. Пользуясь грабительски Москвой, земскіе дѣятели, однако, къ ней относятся въ высшей степени враждебно; исторія съ отчужденіемъ крестьянскихъ земель „полей орошенія“, кончившаяся многомилліонной уплатой городомъ за землю крестьянъ, не стоившую и пятой доли заплаченной суммы,—была создана земскими дѣятелями, подбивавшими крестьянъ не соглашаться на условія города, первоначально ими принятыя.

Ненормальный составъ земствъ привелъ ихъ къ ненормальной дѣятельности. Наша печать къ дѣятельности общественныхъ самоуправленій всегда относилась съ особливою благосклонностью, скрывая ея недочеты и воспѣвая ея благотворные результаты на всѣ лады. Но эти гимны себѣ самой, со стороны интеллигенціи, могли бы быть болѣе сдержанны, ибо вовсе не оправдываются фактами. Во главу угла

своей благотворной дѣятельности земства поставили народное просвѣщеніе. Мы видѣли, изъ трудовъ Комитетовъ, что результаты до сихъ поръ получаются довольно плачевные. Не лучше обстоитъ дѣло съ врачебной помощью народу. Намъ казалось, по личнымъ наблюденіямъ, что эта часть, по крайней мѣрѣ, въ Московской губерніи, поставлена удовлетворительно, но ревизія г. Зиновьева разочаровала насъ и въ этомъ отношеніи. Санитарная часть въ земствахъ находится въ полной дезорганизаціи. На нашихъ глазахъ крестьяне все лѣто продавали молоко ящурныхъ коровъ, и мы не видѣли со стороны земства даже попытокъ прекратить это безобразіе; ни одного санитарнаго врача не показывалось въ теченіе всего періода эпидеміи. О земскихъ дорогахъ не будемъ и говорить: ихъ поправляетъ лишь Божія „планида“.

Въ докладѣ г. Зиновьева говорится объ удовлетворительномъ состояніи правительственныхъ шоссе, отданныхъ въ распоряженіе земства. Очевидно г. Зиновьеву неизвѣстно было состояніе этихъ шоссе раньше, когда они были въ вѣдѣніи округа. Лѣтъ 30 тому назадъ намъ приходилось по службѣ часто по нимъ ѣздить даже въ глубокую осень; они были въ блестящемъ состояніи. Года 2—3 назадъ, проѣзжая по подольскому шоссе, мы были поражены его состояніемъ; полотно какъ-то осѣло, на немъ стояла вода, хотя шоссе передъ тѣмъ подвергалось капитальному ремонту. Авторъ настоящихъ строкъ москвичъ по рожденію и воспитанію; ростъ старой столицы происходилъ на его глазахъ. Такихъ мостовыхъ, какъ нынѣ, Москва никогда не знала. Какъ только онѣ обсохнутъ отъ дождя, Москва обращается въ Сахару; столица буквально закутана облакомъ пыли. Во время же дождя московскія улицы на нѣсколько вершковъ покрыты грязью, которую разбрасываютъ „шинники“ во всѣ стороны, обдавая липкой грязью лицо и все платье проѣзжающихъ и проходящихъ, залѣпляя глаза, вслѣдствіе чего бы-

ли случаи опасныхъ глазныхъ болѣзней. Московская Дума, истративъ милліоны на водопроводъ, испортила превосходную мытищенскую воду. Еще недавно холерная эпидемія была совершенно парализована, благодаря этой водѣ: теперь же появленіе ея вызоветъ массовыя заболѣванія. О городскихъ больницахъ лучше не будемъ и говорить...

Но, возразятъ намъ, прежде улицы Москвы освѣщали масляными фонарями, на нихъ царилъ мракъ, городскихъ начальныхъ училищъ было немного и проч., проч. Да, конечно; но прежде весь бюджетъ гор. Москвы составлялъ 300.000 р., а теперь—десятки милліоновъ. У насъ постоянно забываютъ объ этомъ маленькомъ обстоятельствѣ. Что наши общественныя самоуправленія умѣютъ тратить много денегъ и обременять налогами населеніе не подлежитъ сомнѣнію, но тратить ихъ цѣлесообразно и хозяйственно они рѣшительно не умѣютъ.

Главное зло нашихъ самоуправленій — полное отсутствіе контроля надъ управами и служащими и надъ ходомъ общественныхъ учрежденій и предпріятій. Ни одно хозяйство не можетъ обойтись безъ контроля. Въ частныхъ небольшихъ предпріятіяхъ такой контроль представляетъ бухгалтерія; въ болѣе крупныхъ—особый органъ, независимый отъ учрежденій и лицъ, ведущихъ непосредственно дѣло. Такого контроля лишены наши земства и думы. Поэтому у насъ происходятъ такія невѣроятныя явленія, что дѣятельность управъ никогда не ревизуется, и настоящихъ коммерческихъ отчетовъ по своей дѣятельности управы даже и не составляютъ; все здѣсь покрыто мракомъ неизвѣстности. Лишь изрѣдка думы и губернскія собранія назначаютъ особыя ревизіи и тогда обнаруживаются невѣроятные факты, какъ это оказалось, напримѣръ, съ московскимъ городскимъ ломбардомъ. Во что обходятся земствамъ разнаго рода „организаціи", мы до сихъ поръ не знаемъ, да, вѣроятно, и никогда не узнаемъ. Въ

трудахъ Комитетовъ попадаются изрѣдка кое-какія указанія на пропавшія безъ всякаго толку крупныя суммы, затраченныя на иныя земскія предпріятія; но точныхъ данныхъ не приведено. Такое хозяйствованіе по истинѣ должно быть названо безпутствомъ; въ общественныхъ дѣлахъ оно прямо нетерпимо...

Наши земства страдаютъ еще однимъ недостаткомъ, который совершенно не согласуется съ принципомъ самоуправленія и своеобразно характеризуетъ русское общество, въ особенности интеллигенцію. Мы видѣли, какъ плохо уважается въ нашей великой Имперіи законность, какъ населеніемъ, такъ и самимъ правительствомъ. Россія управляется Самодержавной волей Монарха, а между тѣмъ эту верховную волю, выраженную въ законахъ, у насъ никто не уважаетъ. Казалось бы именно земствамъ слѣдуетъ свято соблюдать законный порядокъ—эту истинную гарантію всякой самодѣятельности гражданъ. Но наши самоуправленія какъ разъ внесли въ этомъ отношеніи въ нравы нашего общества возмутительный развратъ, постоянно нарушая правила закона, для нихъ установленнаго. Однажды автору во время ревизіи одного крупнаго торговопромышленнаго предпріятія попались въ числѣ оправдательныхъ документовъ квитанціи земской управы, свидѣтельствующія, что ревизуемое товарищество уплачиваетъ земству податей болѣе 6.000 руб. Авторъ поинтересовался узнать, почему правленіе не принимаетъ никакого участія въ земской дѣятельности и получилъ въ отвѣтъ, что товарищество не обладаетъ должнымъ цензомъ, а потому его даже не приглашаютъ на выборы. Это настолько несогласно съ закономъ и само по себѣ нелѣпо, что авторъ не хотѣлъ вѣрить факту, но директора правленія положительно заявили, что, по личнымъ ихъ справкамъ въ управѣ, ихъ увѣрили въ отсутствіи ценза у товарищества, съ недвижимаго имущества коего земство получаетъ болѣе 6000 руб. А

между тѣмъ вотъ какъ гласитъ 16 ст. Полож. о зем. учрежденіяхъ: „Правомъ участія въ выборѣ гласныхъ на земскихъ избирательныхъ собраніяхъ пользуются: „учрежденныя на основаніи законовъ Имперіи торговыя и промышленныя общества, товарищества и компаніи, если они владѣютъ, въ предѣлахъ уѣзда, на правѣ собственности недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для взиманія земскаго сбора не ниже *пятнадцати тысячъ рублей*". Имущество же товарищества земствомъ было оцѣнено въ нѣсколько сотенъ тысячъ рублей! И это не исключительный случай. Московское земство устранило отъ выборовъ всѣхъ торговопромышленныхъ производителей губерніи, какъ скоро они не принадлежатъ къ классу частныхъ землевладѣльцевъ, а владѣютъ только фабриками, заводами и проч. Такимъ образомъ самый важный и вліятельный классъ въ Московской губерніи совершенно отстраненъ отъ земскихъ дѣлъ и отстраненъ прямо противозаконно.

Недавно въ нашей печати сообщалось, что многія земства наложили особый налогъ на усадьбы и сельскія постройки. Въ Московскомъ губернскомъ собраніи, послѣ горячихъ дебатовъ, тоже было постановлено ввести подобный налогъ. А между тѣмъ вотъ что говоритъ статья 64 Устава о земскихъ повинностяхъ: исключаются изъ земской оцѣнки *сельскія постройки*, „кромѣ занятыхъ подъ торговыя и промышленныя заведенія, а равно тѣхъ, которыя приносятъ постоянный доходъ путемъ сдачи въ наемъ". Итакъ земства опять явно нарушаютъ законъ.

Зато земства съ особливой радостью принимаютъ въ свою среду „пустырниковъ" - интеллигентовъ. Достаточно такому интеллигенту купить за грошъ болото и его немедленно выбираютъ въ гласные. Вся система нашихъ „земствъ" основана на томъ, чтобы систематически устранять отъ общественныхъ дѣлъ производителей и привлекать къ этимъ дѣламъ исклю-

чительно интеллигенцію, даже „варяговъ“, не имѣющихъ никакихъ интересовъ въ данной мѣстности: ни матеріальныхъ, ни иныхъ, если только эти интересы не соединены съ пропагандою излюбленныхъ идей, особенно соціалистическихъ и анархическихъ. Изъ изложеннаго понятно, почему громкія заявленія земскихъ дѣятелей о компетентности земствъ по вопросамъ сельскохозяйственной промышленности, правахъ самообложенія и важности земской самодѣятельности—производили на насъ комическое впечатлѣніе [1]). Всѣ эти широковѣщательныя заявленія горячо поддерживаются нашей печатью, но едва ли произведутъ впечатлѣніе на правительство, и если послѣднее придавало имъ значеніе, то не только потому, что оно само принадлежитъ къ интеллигентному классу, но и потому, что справедливо дорожитъ идеей земства. Въ „Вѣстникѣ Европы“ была помѣщена статья „стараго земца“, замѣчательная по искренности изложенія фактовъ земской жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что лучшимъ земскимъ интеллигентнымъ силамъ трудно работать въ нашихъ земствахъ; они справедливо чувствуютъ свою безпомощность и неудовлетворительность веденія земскихъ дѣлъ. И причиною подобнаго безспорно прискорбнаго факта являются задержка развитія нашего крестьянства, вслѣдствіе ложной аграрной политики, и поголовное бѣгство частныхъ владѣль-

---

[1]) Интересно, что сами земскіе дѣятели признаютъ этотъ фактъ, напр., Нолинская управа говоритъ: „Кто даже наблюдаетъ земскую жизнь со стороны, бросается въ глаза одинъ весьма существенный недостатокъ ея—это чрезвычайно малое знакомство земскихъ плательщиковъ съ сущностью и задачами того учрежденія, которое поставлено закономъ вѣдать мѣстныя пользы и нужды. Незнакомство съ земскими учрежденіями нерѣдко простирается среди населенія до того, что оно не отличаетъ ихъ отъ прочихъ государственныхъ учрежденій чисто административнаго характера: различныхъ присутствій, управленій, палатъ и т. п.“ Таковы у насъ „люди земли“ и таково отношеніе къ нимъ населенія.

цевъ изъ деревни за невозможностью вести хозяйства по отсутствію батраковъ; только консолидація крестьянскихъ дворовъ можетъ создать у насъ земство вмѣсто той опричины, которая нынѣ его замѣняетъ. Тѣмъ же немногимъ общественнымъ труженикамъ, которые не покидаютъ своихъ постовъ и бьются какъ рыба объ ледъ, пожелаемъ терпѣнія и яснаго самосознанія; въ нашемъ и общемъ уваженіи они не могутъ сомнѣваться; не думаемъ, чтобы и высшее Правительство имъ ставило непреодолимыя препоны; интриги въ въ жизни всегда были и будутъ: съ ними нужно считаться, но не унывать.

Понятно, что при подобномъ положеніи у насъ земскаго дѣла о миѳической мелкой единицѣ могутъ толковать лишь люди, ничего не понимающіе въ хозяйствѣ, весьма смутно знакомые съ соціальной исторіей человѣчества и не потерявшіе въ своихъ воззрѣніяхъ еще традицій вотчинно-крѣпостного порядка. Послѣднее мы прибавили потому, что въ эпоху крѣпостного права дѣйствительно искусственно создавались разныя „организаціи", создавались и общины какъ органы вотчинной власти. Конечно, историкъ не назоветъ и этихъ организацій „искусственными" съ точки зрѣнія вотчинно-крѣпостного періода, но съ нашей современной всѣ эти органы несомнѣнно нынѣ будутъ искусственными установленіями, преимущественно „бумажными", отъ которыхъ кромѣ вреда ничего ожидать нельзя.

Впрочемъ въ трудахъ Комитетовъ вопросъ о мелкой земской единицѣ обсуждался подъ вліяніями литературныхъ источниковъ. Обратимся и мы къ нимъ.

„Идеально поставленное мѣстное хозяйство", говорится въ одной статьѣ упомянутаго нами сборника, „предполагаетъ удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей за счетъ мѣстныхъ средствъ, черезъ посредство мѣстныхъ органовъ управленія, составленныхъ изъ ближайше въ этомъ хозяйствѣ заинтере-

сованныхъ и наилучше въ немъ освѣдомленныхъ мѣстныхъ людей". Въ этомъ періодѣ все невѣрно и прежде всего не ясенъ его смыслъ. О какомъ *мѣстномъ* хозяйствѣ говоритъ авторъ? Мѣстнымъ хозяйствомъ могутъ считаться экономіи, фабрики, заводы и пр. данной мѣстности. Развѣ эти мѣстныя хозяйства предполагаютъ удовлетвореніе только мѣстныхъ потребностей, ведутся за счетъ мѣстныхъ средствъ и органы его состоятъ только изъ мѣстныхъ людей? Если же авторъ разумѣлъ хозяйство мѣстныхъ органовъ общественнаго управленія, то прежде всего ему нужно было доказать полезность и необходимость учрежденія этихъ органовъ, а затѣмъ говорить объ ихъ хозяйствѣ и способѣ его организаціи. Авторъ и не замѣчаетъ своей petitio principii. Хозяйство общинъ можно вести въ разныхъ формахъ, выбрать ту или другую зависитъ отъ разнообразныхъ обстоятельствъ; самое положеніе, что лучшимъ, идеальнымъ представляется то хозяйство, которое ведутъ мѣстные заинтересованные люди, ни на чемъ не основано. Мѣстные люди могутъ оказаться плохими хозяевами, а заинтересованность ихъ можетъ повлечь за собою фатальныя послѣдствія. Г. Гр. Шрейдеръ желалъ поразить своего читателя ловкой и громкой фразой, но смыслу въ этой фразѣ очень мало. Для автора статьи „хозяйство" что-то существующее само по себѣ, для котораго нужно лишь придумать особую организацію. Обыкновенная музыка нашей интеллигенціи, ничего не понимающей въ хозяйствѣ!

Безъ субъекта хозяйства нѣтъ и не можетъ быть, но у Г. Гр. Шрейдера этотъ субъектъ создается для какого-то миѳическаго „хозяйства". Рѣчь идетъ объ общественномъ хозяйствѣ, но таковое можетъ быть лишь тамъ, гдѣ общество существуетъ, тамъ же, гдѣ не существуетъ общества, не можетъ быть и рѣчи объ общественномъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ г. Гр. Шрейдеру слѣдовало прежде доказать наличность интересовъ и данныхъ для мелкой земской еди-

ницы, а затѣмъ говорить о хозяйствѣ этой единицы. Онъ же поступилъ какъ разъ наоборотъ; впрочемъ и другіе сочинители мелкой земской единицы сборника придерживаются подобной же аргументаціи, нисколько не замѣчая всей логической несообразности подобнаго пріема доказательства излюбленной мысли.

Мы знаемъ, какъ образуются, напримѣръ, разныя товарищества, компаніи и проч. Въ наличности имѣется капиталъ, который ищетъ своего выгоднаго помѣщенія, имѣются нужды, потребности, которыя могутъ быть удовлетворены даннымъ производствомъ, имѣются учредители товарищества и проч., создающіе предпринимателя,—все это имѣетъ свой смыслъ и можетъ создать хозяйство въ той или другой формѣ. Общественныя же учрежденія и ихъ хозяйства не создаются такъ, ибо ни одного изъ указанныхъ элементовъ нѣтъ на лицо. Общественныя учрежденія создаются въ видахъ общественной цѣли, а вовсе не хозяйства; послѣднее является лишь слѣдствіемъ учрежденія самоуправляющей общественной единицы. А потому сочинителямъ мелкой земской единицы слѣдовало прежде всего доказать наличность общественной цѣли, общественныхъ интересовъ и другихъ общественныхъ элементовъ и затѣмъ уже придумывать ту или другую организацію для ихъ удовлетворенія.

Г. Гр. Шрейдеръ такъ представляетъ себѣ ходъ развитія общественныхъ учрежденій: первоначально появляются крупныя единицы, напр. губернія, потомъ болѣе мелкія—уѣздъ и наконецъ совсѣмъ мелкія вродѣ волостей или селеній. Въ дѣйствительности-же исторія человѣчества показываетъ совершенно обратный процессъ. Начиная съ естественнаго семейнаго союза, общественныя учрежденія развиваются въ ширь и достигаютъ державнаго національнаго союза—государства. Конечно могутъ происходить обособленія и мѣстныхъ союзовъ и общественныхъ самоуправленій: народонасе-

леніе увеличивается, жизненныя условія усложняются—болѣе крупная единица распадается на мелкія. Очень можетъ быть, что и наша мелкая земская единица со временемъ распадется на 2—4 и болѣе общественныхъ управленій, но это время далеко еще не настало и для подобнаго „обособленія" нѣтъ ни малѣйшихъ указаній. Напротивъ, мы до сихъ поръ еще не отдѣлили города отъ уѣздовъ и губерній, хотя для подобнаго обособленія существуютъ нынѣ весьма вѣскіе доводы. Земства возстаютъ противъ отдѣленія городовъ потому, что безъ нихъ бюджетъ земскій окажется весьма слабымъ. Но если это такъ, то создавать нынѣ новыя мелкія земскія единицы чистѣйшее безуміе. Но г. Гр. Шрейдеръ на живыхъ примѣрахъ желаетъ доказать правильность своей мысли. Приводятся примѣры, какъ подъ вліяніемъ желѣзной дороги образуются новыя промышленныя и торговыя центры, создаются новыя потребности данной мѣстности. Совершенно справедливо, и уѣздныя земства должны всегда имѣть въ виду подобныя эволюціи; но при чемъ тутъ мелкія земскія единицы? Если движенія по грунтовымъ дорогамъ усилились и фактически образовались новыя дороги, то земства должны принять ихъ въ свое вѣдѣніе. Г. Гр. Шрейдеръ ошибочно полагаетъ, что такія дороги могутъ быть въ завѣдываніи волости и т. п. Эти дороги, именно въ силу усиленнаго движенія, должны быть въ завѣдываніи уѣздныхъ земствъ, а не волостей, да онѣ и по своему протяженію выходятъ изъ волостной компетенціи. „Проселочной" дорогой называется та, которая служитъ сообщеніемъ между селами, слѣдовательно не имѣетъ по себѣ большого движенія; дорога-же, соединяющая торговые центры съ желѣзной дорогой, не проселочная, а земская, а потому никакой „боли" населеніе не почувствуетъ, если эти дороги будутъ въ завѣдываніи уѣздныхъ земствъ, само собою разумѣется, если притомъ земства будутъ ихъ исправлять и держать въ порядкѣ; содержаніе же

подобныхъ дорогъ мелкими земскими единицами, какъ полагаетъ г. Гр. Шрейдеръ, совершенно непосильно мѣстному населенію, да и несправедливо. Г. Гр. Шрейдеръ доказалъ своимъ примѣромъ совершенно обратное тому, что силился доказать. То же самое примѣнимо и къ почтѣ. Если уже допускать „общественныя" почты, то почты уѣздныхъ земствъ, а никакъ не волостей. Г. Гр. Шрейдеръ полагаетъ, что земская почта должна доставлять корреспонденцію только въ волость, а не адресатамъ. Почему такъ? Имперская почта доставляетъ почту городскимъ обывателямъ на домъ, земская точно такъ же могла бы доставлять почту селеніямъ; создавать для этого мелкія земскія единицы нѣтъ никакой надобности и во всякомъ случаѣ совершенно *не хозяйственно*.

Еще менѣе нуждается въ мелкой земской единицѣ народное образованіе. Спрашивается, что же будутъ дѣлать уѣздныя земства, если отъ нихъ отойдетъ забота о народномъ просвѣщеніи? Но г. Гр. Шрейдеръ желаетъ навалить на мелкую земскую единицу и врачебную часть: она должна содержать врачей, больницы, амбулаторіи, родильные пріюты и т. п., санитарную, ветеринарныя части, общественное призрѣніе (многочисленныхъ будущихъ безземельныхъ и бездомовыхъ!), сельскую полицію и, какъ вѣнецъ всему, муниципализацію (!) кустарнаго (почему не сельскаго?) производства. И всѣ эти обязанности возлагаются на будущую миѳическую мелкую земскую единицу потому, что уѣздныя и губернскія земства. по неимѣнію достаточныхъ средствъ, не могутъ съ ними нынѣ справиться.

По истинѣ статья г. Гр. Шрейдера представляетъ квинтъэссенцію интеллигентнаго легкомыслія и пустословія; можетъ быть, потому почтенный авторъ и признается въ средѣ нашей интеллигенціи знатокомъ земской жизни. Возложивъ на миѳическія земскія единицы всю полноту земской компетенціи, всѣ предметы земской дѣятельности подъ предлогомъ недо-

статочности средствъ, находящихся въ распоряженіи земствъ г. Гр. Шрейдеръ мотивируетъ это тѣмъ, что „уѣздныя и губернскія земства, направившія свои усилія на работу непосредственно на мѣстахъ въ селѣ и волости, неизбѣжно отвлекаются отъ своихъ прямыхъ и непосредственныхъ общегубернскихъ и общеуѣздныхъ задачъ". Какія же это задачи? Мы рѣшительно недоумѣваемъ. Уѣздныя и губернскія земства не должны строить школъ въ селеніяхъ и въ волостяхъ, ни больницъ; не заводить или устраивать амбулаторій, богадѣленъ и др. мѣръ призрѣнія, санитарныхъ и др. мѣръ предупрежденія эпизоотій и эпидемій, не должны заботиться и объ экономическомъ преуспѣяніи населенія: чѣмъ же земства будутъ въ такомъ случаѣ заниматься? Мы имѣемъ уѣздныя и губернскія земскія общественныя учрежденія. Уѣздныя производятъ главную работу, но они не могутъ достигать своей цѣли по нѣкоторымъ отраслямъ своей дѣятельности вслѣдствіе недостатка мѣстныхъ средствъ и потому, что эти цѣли легче достичь болѣе крупной земской единицѣ (напр. большія шоссе, профессіональныя среднія учебныя заведенія, большія богадѣльни и разные другіе институты, имѣющіе характеръ по-губернскій, а не по-уѣздный). Для удовлетворенія этихъ цѣлей въ помощь уѣзднымъ земствамъ существуютъ губернскія земства. Все это имѣетъ свой смыслъ, но мы отказываемся понять смыслъ учрежденія мелкихъ земскихъ единицъ для удовлетворенія нуждъ, съ которыми, по недостатку средствъ, не могутъ справиться даже уѣздныя и губернскія земства. Подобныя предложенія мы считаемъ прямо безсмысленными.

Г. Гр. Шрейдеръ жалуется на то, что „земскія организаціи" не достигаютъ цѣли и создали земскій бюрократизмъ, но это только показываетъ, что земства плохіе хозяева и вообще работаютъ дурно, но вовсе не доказываетъ необходимости въ новой бумажной земской единицѣ. Гораздо проще

доводы большинства защитниковъ мелкой земской единицы, къ которымъ принадлежитъ г. К. К. Арсеньевъ. Здѣсь все сводится къ новой системѣ обложенія. Необходимо обложить въ пользу волости землевладѣльцевъ и въ особенности индустрію. Волость, по ихъ словамъ, удовлетворяетъ нужды всего своего населенія, а потому совершенно несправедливо, что волостные расходы падаютъ на крестьянъ. Этотъ доводъ грѣшитъ маленькимъ „подвохомъ". Частные владѣльцы не жители волости, какъ ошибочно утверждаетъ г. К. К. Арсеньевъ: имѣнія дворянскія находятся *внѣ* волости. Какія же нужды дворянъ исполняетъ волость? Намъ эти нужды совершенно неизвѣстны. Въ теченіе 12 лѣтняго безвыѣзднаго, зимой и лѣтомъ, пребыванія въ нашемъ имѣніи мы только два раза получили учтивыя приглашенія волостного правленія прислать на просмотръ конскаго начальства нашихъ лошадей. Волость обращалась къ намъ какъ равный къ равному. Такъ и слѣдовало. Помѣщикъ въ своемъ имѣніи своего рода волостель, и правительству нѣтъ никакой надобности соединять помѣщиковъ въ какія-то мелкія земскія единицы, особенно въ настоящее время, когда помѣщичьихъ экономій въ уѣздѣ немного; мѣстная администрація и полиція могутъ обращаться къ помѣщикамъ непосредственно, прибѣгать же къ посредству волости нѣтъ никакой надобности и только увеличиваетъ пустую переписку. Въ такомъ-же положеніи находятся и индустріи. Если помѣщикамъ предоставлено обращаться къ волостнымъ судамъ, то это допущено въ интересахъ самихъ крестьянъ, для которыхъ волостной судъ ближе и не требуетъ особыхъ расходовъ; можно и измѣнить этотъ порядокъ, если онъ тягостенъ волости. Дорожныя и другія натуральныя повинности помѣщики исполняютъ на томъ же самомъ основаніи, какъ и крестьяне; мы иногда чинили земскіе мосты своими работниками, но никогда волость въ лицѣ крестьянъ не чинила ни нашихъ мостовъ, ни нашихъ дорогъ.

Наши дѣти не учатся въ волостныхъ школахъ, не учатся даже и въ земскихъ, а только въ правительственныхъ. Помѣщики и владѣльцы индустрій участвують съ волостью въ земствахъ, которыя дѣйствительно вѣдаютъ (или должны вѣдать) нужды всего населенія уѣзда и губерніи, но до волостныхъ нуждъ землевладѣльцамъ и представителямъ индустрій нѣтъ никакого дѣла; эти нужды совершенно имъ чужды, а потому несправедливо и не логично облагать ихъ въ пользу волостей какими бы то ни было поборами. Это будетъ произволъ и своего рода грабежъ, ничѣмъ не оправдываемые.

Г. К. К. Арсеньевъ и его единомышленники смѣшиваютъ обязанности волости какъ органа вотчинно-государственнаго и земскаго съ земскимъ общественнымъ самоуправленіемъ. Дѣйствительно волость у насъ исполняетъ двоякую функцію и это объясняется тягловымъ характеромъ нашего крестьянства, какъ увидимъ ниже. Но намъ-то, землевладѣльцамъ и индустріямъ, какое до этого дѣло? Вѣдь мы не тягловые государевы люди, мы свободные граждане—подданные Всемилостивѣйшаго Монарха. Наша интеллигенція не прочь бывшихъ господъ превратить въ тягольщиковъ, особенно земства, но подобное извращеніе исторіи Россіи совершенно не мыслимо.

Во второмъ выпускѣ сборника г. Гр. Щрейдеръ становится уже на точку зрѣнія г. Арсеньева и пытается цифрами данными доказать, что волость обслуживаетъ все мѣстное населеніе (и не волостное?). Вотъ эти цифры:

1) Содержаніе волостн. и сельск. управл.	19.975.500	или	32,4%
2) Пути сообщенія	6.322.200	„	10,2%
3) Охраненіе безопасности и пожарная часть	3.969.200	„	6,4%
4) Религіозныя потребности	5.580.800	„	9,1%
5) Народное образованіе	5.227.600	„	8,5%

6)	Благотворит. и врачебная часть..	1.539.000	„	2,6%
7)	Хлѣбозапасн. магазины.........	1.663.300	„	2,7%
8)	Уплата долговъ................	1.381.100	„	2,2%
9)	Сельскохозяйств. расходы.......	13.080.800	„	21,2%
10)	Разные расходы................	2.864.400	„	4,7%

Г. Гр. Шрейдеръ полагаетъ, что онъ не сдѣлаетъ грубой ошибки, если всѣ первые 6 пунктовъ цѣликомъ отнесетъ къ расходамъ, служащимъ интересамъ всего мѣстнаго населенія. Совершенно напротивъ, скажемъ мы, это будетъ грубѣйшей ошибкой состороны автора статьи. Земскіе дѣятели настолько привыкли голословно утверждать, будто волость обслуживаетъ „все мѣстное населеніе", что не считаютъ нужнымъ даже доказать это мнимое утвержденіе. Мы утверждаемъ противное, утверждаемъ рѣшительно, что изъ всѣхъ перечисленныхъ выше милліоновъ мы въ 12 лѣтъ не воспользовались и полушкой. Можетъ быть случайно намъ когда-нибудь и пришлось проѣхать по „сельской" или „волостной" (?) дорогѣ, поправляемой крестьянами, но крестьяне несравненно чаще ѣздили по сельскимъ дорогамъ нашего имѣнія, поправляемымъ нами и находившимся въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьянскія дороги и мосты. Содержаніе сельскихъ сторожей г. Гр. Шрейдеръ причисляетъ къ „нуждамъ всего мѣстнаго населенія"; мы никогда ими не пользовались. Но представимъ себѣ, что крестьяне разверстаются дворами: нужны-ли будутъ эти „сторожа"? Полагаемъ, что не нужны, ибо и селеній не будетъ. Сторожа у насъ всегда въ имѣніи были, но мы ихъ содержали за свой счетъ. Церковь и причтъ содержится всѣмъ населеніемъ, но вовсе не изъ волостныхъ и сельскихъ суммъ, а такъ-же, какъ и въ городахъ, изъ приходскихъ суммъ и добровольныхъ жертвованій; мы лично даже платили особую „ругу". Пожарная часть селеній вовсе не касается ни землевладѣльцевъ, ни индустрій. Въ сельскихъ школахъ наши дѣти не учатся, мірскимъ благотвореніемъ и

мірскимъ врачеваніемъ мы никогда не пользовались. Повторяемъ: ни одной полушки не истрачено изъ указанныхъ 6 пунктовъ въ пользу землевладѣльцевъ и индустріи—все это голословныя выдумки нашей интеллигенціи, земской и неземской.

Г. Гр. Шрейдеръ ссылается во второй своей статьѣ на хозяйственный подъемъ крестьянства и появленіе у грамотныхъ крестьянъ чувства собственнаго достоинства. Прекрасно, никто не мѣшаетъ крестьянству улучшать свое самоуправленіе и увеличивать расходы на общественныя нужды, но это еще не резонъ пристегивать къ этимъ нуждамъ денежки и вообще средства землевладѣльцевъ и индустріи. Въ селеніяхъ, по словамъ г. Гр. Шрейдера, живетъ не мало народу некрестьянскаго; пусть же волость и сходъ селеній налагаетъ на нихъ подати или повинности; впрочемъ міръ и сейчасъ налагаетъ на нихъ иногда довольно тяжелые платежи [1]).

Еще менѣе основательны ссылки г. Гр. Шрейдера на посады и большія торговыя села, напр., Балакинское; эти селенія уже давно привлекаютъ и некрестьянскихъ своихъ членовъ къ платежамъ и повинностямъ на общемъ основаніи. Вообще всѣ эти ссылки и доводы не имѣютъ никакого отношенія къ лицамъ и производителямъ, не живущимъ на территоріи волостей, о чемъ постоянно забываютъ защитники и пропогандаторы мелкой земской единицы.

Еще курьезнѣе доводъ, заимствованный изъ статьи профессора Градовскаго: земское представительство не имѣетъ реальной связи съ мѣстнымъ населеніемъ, потому что прямо имъ выбирается на съѣздахъ, и не составляется изъ представителей мелкихъ земскихъ единицъ. Совершенно напротивъ, непосредственные выборы всегда установляютъ болѣе реальную

[1]) Очень жалѣемъ, что г. Шрейдеру это неизвѣстно, но мы прямо это удостовѣряемъ.

связь представителей съ населеніемъ, чѣмъ посредственные, при помощи какихъ бы то ни было посредствующихъ органовъ, и самъ г. Гр. Шрейдеръ оговаривается, что выборы непосредственные предпочтительнѣе того способа, который предлагаетъ профессоръ Градовскій, что нисколько не мѣшаетъ ему выразиться такъ: „мелкая единица можетъ избирать уѣздныхъ гласныхъ и прямо непосредственно въ своихъ избирательныхъ собраніяхъ"; но развѣ избирательныя собранія представляютъ „мелкую единицу"? Г. Шрейдеръ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что излагаетъ.

Въ первомъ выпускѣ Сборника имѣется статья г. Страховскаго, излагающаго исторію нашей волости. Въ этой статьѣ авторъ допустилъ неточность, утверждая, будто чистый, ясный и опредѣленный характеръ двухъ проектированныхъ редакціонными комиссіями крестьянскихъ организацій былъ нарушенъ въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ. Это утвержденіе автора совершенно несправедливо и весь ходъ дѣла въ редакціонныхъ комиссіяхъ переданъ г. Страховскимъ неправильно. Редакціонныя комиссіи дѣйствительно переименовали мірскія общины въ сельскія общества, а волостямъ присвоили ихъ собственное названіе, но это объясняется тѣмъ, что литературное названіе „община" крестьянскому народу неизвѣстно и непонятно; волость же имѣетъ историческое прошлое и народу извѣстна была уже потому, что этимъ именемъ называлось общественное управленіе государственныхъ крестьянъ. Поземельная община („сельское общество") была допущена редакціонными комиссіями въ силу необходимости, иначе пришлось бы связать вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ вотчинной власти съ консолидаціей крестьянскихъ дворовъ, т. е. осуществить реформу на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Но мы такъ запоздали съ отмѣной крѣпостнаго права и такъ были настроены, что въ принципѣ было рѣшено отмѣнить вотчинную власть въ деревнѣ и порвать всякую связь между крестьяниномъ и помѣ-

щикомъ. Мѣсто помѣщика замѣнило государство и установленъ выкупъ, сначала добровольный, а потомъ обязательный. Освобожденное отъ власти помѣщика крестьянство потребовало организаціи, которая осуществилась въ волости. Сельскія же общества являлись союзомъ домохозяевъ, объединенныхъ своими отношеніями къ помѣщику, а впослѣдствіи выкупнымъ договоромъ. Мысль редакціонныхъ комиссій заключалась въ томъ, чтобы создать мужицкій органъ, „мужицкое начальство", которое стояло бы между административной властью и крестьяниномъ и удовлетворяло бы того и другого, и мысль эта блестяще осуществилась. Мы уже указывали на то, что всѣ нареканія на „волость" несправедливы. Волость прекрасно справилась съ своей задачей и въ дѣйствительности правительство не имѣетъ ни малѣйшихъ серьезныхъ причинъ быть ею недовольнымъ. Даже при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ волость себя оправдала. А. Н. Энгельгардтъ справедливо указывалъ въ своихъ Письмахъ, что мобилизація войскъ въ 1877—78 гг. была исполнена ею безукоризненно. Но и земскіе дѣятели несправедливо порочатъ мужицкое начальство: что бы стали дѣлать наши земства безъ волостныхъ правленій? „Волостное правленіе играетъ роль агента земства по сношенію его съ населеніемъ" говорится въ одной статьѣ самого сборника. Мы утверждаемъ, что волость безукоризненно исполняетъ свою функцію, и крестьянство было вполнѣ довольно своимъ „начальствомъ", по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока на шею волости не посадили земскихъ начальниковъ, не даромъ же крестьяне-присяжные всегда оправдывали волостныхъ старшинъ въ общественныхъ растратахъ и другихъ противозаконныхъ дѣяніяхъ, если только таковыя не были соединены съ уголовными преступленіями въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова [1]).

---

[1]) Этотъ фактъ поражалъ и отчасти возмущалъ насъ, когда мы исполняли прокурорскія обязанности; впослѣдствіи, въ деревнѣ, мы поняли, что крестьяне-присяжные были правы.

Но, утверждаютъ земскіе и иные интеллигенты, волость превратилась въ канцелярію, полицейское административное управленіе, правительственный (и прибавимъ земскій) органъ; какъ самоуправляющая и въ особенности хозяйственная общественная единица волость плоха. Конечно, но волость прежде всего органъ вотчинной власти—государства—тягольная самоуправляющая единица—начальство надъ тягольщиками и ихъ общественный органъ. Да развѣ иначе можетъ быть? Крестьяне—государственные тягольщики до сихъ поръ; таковъ же и органъ ихъ самоуправленія. Все это въ порядкѣ вещей.

Неправильное пониманіе сущности крестьянскаго вопроса приводитъ нашу интеллигенцію къ наивнымъ мечтаніямъ, а соціалистическія тенденціи къ вредной агитаціи. Впрочемъ въ этомъ отношеніи мы можемъ быть покойны. Правительство восприняло агитацію нашей интеллигенціи въ пользу охраны и поддержки крѣпостной общины, такъ какъ подобная агитація совпадала съ вотчинными воззрѣніями власти на крестьянство; но едва ли оно снаивничаетъ въ вопросѣ о мелкой земской единицѣ; оно не выпуститъ изъ своихъ рукъ органъ самоуправленія крестьянъ и не отдастъ его въ руки земскихъ пустырниковъ, какъ бы высшіе сановники не сочувствовали мнимому либерализму нашей интеллигенціи. Трудно, даже невозможно устранить волость отъ земства, но передать ее окончательно въ руки земства правительство никогда не рѣшится.

Редакціонныя коммиссіи понимали, что съ консолидаціей дворовъ, съ окончаніемъ выкупа, сельское общество перестанетъ существовать; съ этой цѣлью и создана волость, какъ будущая соціальная единица крестьянства. Такъ и будетъ, какъ скоро измѣнится аграрная политика правительства. Волости—общественныя управленія крестьянъ. Съ консолидаціей дворовъ къ нимъ перейдутъ всѣ функціи самоуправляю-

щихся сельскихъ общинъ: завѣдованіе общественными землями и проч. имуществами, общественная казна и вся хозяйственная дѣятельность. По отношенію къ административной власти волости будутъ поставлены такъ-же, какъ и земства; органами же земствъ, мы надѣемся, онѣ никогда не будутъ; свои общественныя дѣла онѣ будутъ вести совершенно самостоятельно. Само собою разумѣется, что всѣ жители селеній будутъ членами волости, но ни въ какомъ случаѣ ни землевладѣльцы, ни крупныя индустріи. Тѣ и другіе вмѣстѣ съ крестьянами и проч. жителями уѣзда составятъ мелкую земскую единицу—уѣздныя земства. Если совремеменемъ уѣзды окажутся слишкомъ крупными территоріями, они раздробятся, но крестьянство, какъ особая экономическая категорія, должно имѣть и свое общественное представительство, въ общихъ же дѣлахъ съ прочими классами оно объединится въ общемъ представительствѣ—земствѣ. На такой ходъ общественной организаціи указываетъ намъ сама исторія нашего отечества и нѣтъ основаній замѣнять органическое развитіе общественныхъ силъ бумажными организаціями, выдуманными земскими дѣятелями и публицистами въ своихъ кабинетахъ или разныхъ собраніяхъ и съѣздахъ.

Крестьянство не сословіе въ смыслѣ политическомъ, а классъ соціально-экономическій, такой же какъ индустріальный и землевладѣльческій и либерально интеллигентный (либеральныхъ профессій). Всѣ эти классы нужны обществу и государству и всѣ они объединяются въ земствѣ, но крестьянство, какъ многочисленный и своеобразный классъ, нуждается въ своемъ особомъ общественномъ органѣ и менѣе всего подобаетъ ему роль субстрата для нашей интеллигенціи. Будемъ надѣяться, что правительство не допуститъ подобной „эволюціи“ въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ главную ошибку авторовъ сборника и членовъ Комитетовъ, вторившихъ ихъ голосу. Крестьянство

янство нуждается въ гражданской свободѣ, а не общественной или политической. Гражданская свобода осуществляется въ личныхъ и имущественныхъ правахъ и подчинена общей нормѣ; всякое сословное или кастовое различіе тутъ неумѣстно и прямо нарушаетъ свободу и справедливость, противорѣчитъ и нормальному государственному порядку; свобода общественная желательна для крестьянства, но далеко не представляетъ той важности, какъ гражданская. Свобода же политическая, т. е. политическія права для крестьянства безразличны; оно относится къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ. И если когда-либо верховная власть призоветъ крестьянство къ своему Престолу, то только потому, что крестьянство самый твердый оплотъ національнаго самосознанія и государственнаго порядка, а потому нельзя окружать Престола другими классами и пренебречь крестьянствомъ.

Наши же крестьяне гордятся довѣріемъ Царя до чрезвычайности и въ этомъ отношеніи всѣ сельскіе „обыватели" одинаковы, до инородцевъ включительно, на что имѣемъ яркія и живыя свидѣтельства. Въ сборникѣ статей о мелкой земской единицѣ имѣются и статьи ученыхъ профессоровъ, въ которыхъ излагается исторія и современное положеніе мелкой земской единицы въ Англіи и Америкѣ. Къ сожалѣнію эти статьи изложены такъ неясно и неполно, что едва ли читатели усвоятъ себѣ представленіе о важности учрежденія, которымъ желаетъ наградить нашу деревню интеллигенція. Во всямъ случаѣ читатель можетъ вывести изъ этихъ статей прямое заключеніе, что мѣстныя общественныя учрежденія, особенно мелкія, не создаются бумажными проектами въ журналахъ, съѣздахъ, канцеляріяхъ и пр., пр., а создаются самой жизнью. Да и самая роль пресловутой мелкой общинной единицы не особенно блестящая даже въ Англіи—странѣ общественной дѣятельности (въ Европѣ) по преимуществу. Профессоръ Виноградовъ выписалъ въ своей статьѣ слѣдую-

щій отчетъ прихода Ньюкъ въ Сессексѣ. Народонаселеніе прихода по цензу 1891 года 1,033; территорія 1.977 акровъ, приходскихъ избирателей 200, подлежитъ обложенію имущество на 4,199 фунтовъ. Отчетъ за 1899—900 г. гласитъ такъ. *„Участки земли“*. Комиссія имѣетъ возможность пріобрѣсти землю и вскорѣ представить совѣту окончательный и полный планъ въ этомъ отношеніи.

Справочныя книги. Прибавлено нѣсколько экземпляровъ новыхъ актовъ парламента.

Обязательныя постановленія о постройкахъ. Въ виду того, что постоянно возводятся въ приходѣ неудовлетворительныя въ санитарномъ отношеніи постройки, совѣтъ обратился къ подлежащимъ властямъ, прося издать обязательныя постановленія о производствѣ построекъ въ округѣ. Отвѣтъ былъ полученъ отрицательный (!), но въ виду важности вопроса, совѣтъ вѣроятно будетъ настаивать (жалоба въ графство).

Благотворительныя учрежденія. На вопросъ, существуютъ ли въ приходѣ какія-нибудь благотворительныя средства, полученъ отвѣтъ отъ комиссіи, что не существуетъ, но необходимо навести дополнительныя справки (!).

Дороги въ округѣ. Совѣтъ продолжалъ свои настоянія относительно дорогъ и добился нѣкоторыхъ улучшеній. Совѣтъ рѣшилъ, если дороги впредь не будутъ въ лучшемъ состояніи, ходатайствовать не о передачѣ ихъ въ завѣдываніе прихода[1]) (sic), а о передачѣ ихъ въ завѣдываніе графства согласно § 16 закона.

Воспитаніе. Два курса для женщинъ и для дѣвочекъ были проведены М-съ Гравели съ хорошимъ успѣхомъ по порученію совѣта графства. Остается устроить профессіональные или иные курсы для мужчинъ и мальчиковъ, и секре-

---

[1]) На основаніи § 15 закона 1894 г.

тарь по устройству курсовъ (м-ръ Юнгъ) заявилъ, что онъ готовъ произнести объ этомъ рѣчь на митингѣ.

Финансы. Замѣтно значительное улучшеніе. Финансовая комиссія разсмотрѣла всѣ выдачи, произведенныя по приказу совѣта, какъ въ уплату по счетамъ, такъ и въ видѣ чрезвычайныхъ вознагражденій служащимъ. Кромѣ того, была выяснена причина возрастанія мѣстнаго сбора (poor rate) за май 1898. Выяснено, что плательщики сбора имѣютъ право разсматривать протоколы окружнаго совѣта. Комиссія по устройству канализаціи дала объясненія относительно значительнаго особаго обложенія для производства канализаціи и представила докладъ объ этомъ.

Пожарная организація. Обращались къ обществу для устройства увеселительныхъ костровъ, но безуспѣшно. Надо рѣшить, повторять ли обращеніе въ будущемъ году, или что дѣлать. Необходимо навести справки въ приходахъ, которые успѣшно покончили это дѣло.

Тропинки для пѣшеходовъ. Комиссія собрала свѣдѣнія о содержаніи въ прошломъ наиболѣе важныхъ тропинокъ, въ видахъ выясненія вопроса, на комъ лежитъ обязанность исправлять ихъ.

Больница для заразныхъ. Совѣтъ поддержалъ обращеніе къ властямъ относительно устройства въ округѣ больницы для заразныхъ, и таковая вѣроятно будетъ устроена.

Приходскіе документы. Комиссія ничего не могла сдѣлать вслѣдствіе отсутствія указаній совѣта.

Почта. Совѣтъ исходатайствовалъ у почтоваго управленія новый ящикъ при Cormvell's Bank. На прошеніе о томъ, чтобы письма, опущенныя въ ящикъ при желѣзнодорожной станціи, отправлялись по воскресеньямъ, послѣдовалъ отказъ.

Представительство въ окружномъ совѣтѣ и совѣтѣ попечителей. Записка, представленная приходомъ въ 1898, привела не къ усиленію представительства Ньюка, но къ соотвѣт-

ственному усиленію сельскаго представительства въ совѣтѣ попечителей на счетъ городского.

Вывозъ нечистотъ. Санитарныя власти нѣсколько измѣнили способы надзора и обработку полей орошенія. Еще не выяснено, насколько эти перемѣны улучшатъ канализацію и уменьшатъ обложеніе.

Паровыя машины на дорогахъ. Совѣтъ графства согласно просьбѣ прихода опубликовалъ правила относительно движенія паровыхъ машинъ по дорогамъ.

Желѣзныя дороги. Въ виду заявленія желѣзнодорожной компаніи, что движеніе поѣздовъ между Льюсомъ и Ньюкомъ приноситъ убытокъ, приходъ просилъ компанію направить поѣздъ до Истъ-Гринстедъ, и эта просьба была поддержана приходомъ Истъ-Гринстеда и еще четырьмя. Компанія, однако, предпочла оставить поѣздъ по прежнему кромѣ субботы, а въ этотъ день, въ видѣ опыта, пускать его до Истъ-Гринстеда. Чрезъ посредство Брайтонскаго клуба для игры въ мячъ совѣтъ выхлопаталъ пониженіе платы на субботнемъ поѣздѣ.

Фондъ для экипировки волонтеровъ. По просьбѣ лорда-лейтенанта приходъ открылъ сборъ пожертвованій на этотъ фондъ и отправилъ 14 фунтовъ, 9 шиллинговъ и 6 пенсовъ казначею фонда.

Прочитавъ изложенный отчетъ мелкой земской единицы въ Англіи, нельзя не признать, что компетенція ея и дѣятельность совершенно ничтожны и во всякомъ случаѣ не могутъ сравниться съ компетенціей и дѣятельностью нашихъ волостей. Самъ приходъ почти ничѣмъ не завѣдуетъ, а только ходатайствуетъ передъ властями о своихъ нуждахъ, власть же его настолько ничтожна, что онъ не имѣетъ права издавать никакихъ обязательныхъ постановленій. Ни школами, ни благотворительными и иными учрежденіями приходъ не управляетъ, а лишь хлопочетъ и агитируетъ въ пользу ихъ открытія. Интересно, что приходъ даже не знаетъ, суще-

ствуютъ ли въ его округѣ благотворительныя заведенія. Что тутъ общаго съ той многосложной мелкой земской единицею, о которой фантазируетъ въ своей статьѣ г. Гр. Шрейдеръ? Такъ жизнь раскрываетъ пустоту мечтаній нашихъ интеллигентовъ. Еще менѣе оправдываетъ мечтанія нашихъ земцевъ прусская система общиннаго самоуправленія. Община въ Пруссіи состоитъ на $^2/_3$ изъ землевладѣльцевъ (обязательно), при чемъ землевладѣльцы имѣютъ по мѣрѣ ихъ земельной собственности 1—4 голосовъ. Но помѣстья не смѣшиваются съ общинами, какъ и наши волости. Владѣлецъ представляетъ въ своемъ имѣніи власть общины; никакого органа общиннаго представительства въ помѣстьѣ не существуетъ. Очевидно Западная Европа умѣетъ хранить свой историческій укладъ, а мы не умѣемъ. Странно, что наши прожектеры мелкой земской единицы, прочитавъ изданный ими—же самими сборникъ, не задумались посерьезнѣе...

Интересно, что изъ таблицы расходовъ коммунальныхъ прусскихъ союзовъ вовсе нельзя вывести того заключенія, будто на народное образованіе тратятся большія суммы; эти суммы достигаютъ лишь 1% всѣхъ расходовъ, тогда какъ дорожные расходы достигаютъ 40% всего бюджета [1]. Какъ это не похоже на наши земства! Расходы по управленію коммунальныхъ учрежденій составляютъ лишь $2^1/_4$% всего бюджета,—тоже не похоже на насъ.

Судьба нашей мелкой земской единицы—волости—зависитъ отъ развитія нашего крестьянства. Если крестьянскіе

[1]) Всѣхъ расходовъ 74.640.001 м.; на обязательное (принудительное) воспитаніе 730.458 м., дорожные же расходы 31.448.663 м. И это въ странѣ, гдѣ школа никакъ не можетъ быть названа роскошью, а является прямой необходимостью; вообще же нѣмцы общественныя деньги никогда не тратятъ на роскошь, умѣютъ много сдѣлать для бѣдныхъ классовъ, но роскошныхъ палатъ имъ не строятъ, какъ мы. На „искусство и науку“. сверхъ того, тратится 795.669 мар., а на „меліораціи“ 1.335.277 м.

дворы будутъ консолидированы и общинно-крѣпостные порядки въ нашей деревнѣ ликвидированы, то волость, какъ самоуправляющаяся общественная единица, займетъ подобающее ей мѣсто въ земской жизни, какъ органъ крестьянскаго класса. Со дня 19 февраля 1861 года крестьянство не податное сословіе, а экономическая, но не общественная и не политическая, категорія и въ силу этого имѣетъ весьма важное соціальное значеніе. Съ разселеніемъ и упроченіемъ крестьянства, обновится и наше земство и дастъ тотъ роскошный цвѣтъ, котораго ожидалъ отъ него законодатель и котораго отъ всей души желаемъ и мы.

Мы кончили нашъ трудъ. Мы не имѣли въ виду исчерпать весь матеріалъ Трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ. Наша цѣль была—освѣтить самую важную и существенную черту вопроса о причинахъ упадка сельскохозяйственной промышленности въ нашемъ отечествѣ, и мы постарались выяснить эту черту со всѣхъ сторонъ.

Мы пришли къ заключенію, что главная причина упадка сельскаго хозяйства въ Россіи зависитъ прежде всего отъ разложенія и упадка крестьянства; крестьянство же разлагается вслѣдствіе ложной аграрной политики, которой слѣдуютъ правительство и общество въ теченіе 40 лѣтъ—почти со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, иначе говоря, крестьянство наше упало и падаетъ все ниже и ниже вслѣдствіе принудительной, насильственной поддержки общинно-крѣпостного строя, именуемаго общиннымъ уравнительнымъ землепользованіемъ, искусственной консолидаціи селеній—общинъ и искусственнаго разложенія семей—дворовъ, семейнаго очага—крестьянства, ибо въ сущности все это синонимы, выражающіе одинъ и тотъ-же институтъ гражданскаго общества, одну и ту-же экономическую категорію.

Мы придаемъ этому институту и этой экономической категоріи для нашего отечества громадное значеніе. Мы убѣждены, что разложеніе семейнаго института въ земледѣльческомъ классѣ ведетъ къ разложенію этого класса, и такъ какъ къ нему принадлежатъ 80 милліоновъ населенія Имперіи, то это равносильно разложенію всего великаго нашего государства. Вотъ почему мы посвятили нашъ трудъ исключительно этому вопросу. Наша мысль подтверждается исторіей народовъ—европейскихъ въ особенности. Одна Англія представляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе, но Англія намъ не примѣръ. Она пожертвовала своимъ крестьянствомъ ради своего Имперскаго колоніальнаго Державства. Какъ разрѣшится аграрный вопросъ въ Англіи, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ она сохранила крупное землевладѣніе высшаго сословія, которое до сихъ поръ играетъ видную роль въ ея политической жизни. Наша же аграрная политика убиваетъ сразу и крестьянство и дворянство и кромѣ анархіи въ деревнѣ еще ничего не создала. Германія и Франція сохранили прочное, цвѣтущее крестьянство, хотя весь земледѣльческій классъ составляетъ въ этихъ государствахъ лишь не многимъ болѣе 50% отъ всего населенія. Конечно и въ Россіи, рано или поздно, образуется многочисленный городской классъ, но крестьянство—необходимый оплотъ, политическій и экономическій, для всякаго континентальнаго государства. Америка постепенно, но неуклонно создаетъ себѣ этотъ важный во всѣхъ отношеніяхъ классъ мелкихъ семейныхъ земледѣльцевъ—собственниковъ.

Такимъ образомъ мы не можемъ не признать господствующую у насъ аграрную политику—роковой для будущности русскаго народа, при чемъ не имѣемъ даже надежды на измѣненіе этой политики въ будущемъ. Этотъ пессимистическій взглядъ мы уже высказали въ одномъ изъ нашихъ трудовъ и, къ сожалѣнію, знакомство съ трудами Комитетовъ

не могло измѣнить нашъ пессимизмъ. Хотя многіе Комитеты отнеслись къ общинно-крѣпостному институту отрицательно и указали на него, какъ на главную причину упадка крестьянской деревни, но за то видные представители русской интеллигенціи въ комитетахъ съ замѣчательнымъ упорствомъ отстаивали крѣпостной институтъ. Въ высшихъ же сферахъ нашего общества, отъ которыхъ и зависитъ направленіе внутренней политики, защитниками общиннаго землепользованія являются самыя вліятельныя лица. Разумѣется этотъ фактъ имѣетъ свое объясненіе.

Государство не можетъ отказаться отъ крестьянскаго тягла прежде, чѣмъ дворы не будутъ консолидированы, консолидація-же дворовъ требуетъ уничтоженія государственнаго тягла, возложеннаго на крестьянство. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь логическій кругъ, разложить который можетъ лишь та властная рука, которая двинетъ державный корабль по новому курсу, опредѣленному творцомъ Положеній 19 февраля 1861 года [1]).

---

[1]) Крестьянство есть хозяйство семейнаго очага, сказали мы; основою семьи, первой семейной ячейкой служитъ брачный союзъ. Къ сожалѣнію крѣпостные порядки нашей общины, разлагая крестьянскую семью, оказали пагубное вліяніе и на брачный союзъ. При крѣпостномъ правѣ жена для крестьянина была лишь работницею, но вліяніе церкви сильно смягчало безправное положеніе крестьянскаго брачнаго союза. Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, можно было ожидать упроченія брачнаго и вообще семейнаго союза крестьянъ. Между тѣмъ въ послѣднее время агитація нашей интеллигенціи уже сдѣлала брешь въ нашемъ законодательствѣ о нормахъ семейственнаго права. Агитація продолжается и нынѣ съ цѣлью отмѣнить всѣ законодательныя нормы о бракѣ; требуютъ допущенія не только развода, вслѣдствіе „incompatibilitè de l'humeur", но и полную свободу для брачныхъ сопряженій разведенныхъ супруговъ. Г. Розановъ въ одной газетной статьѣ горячо настаиваетъ на *правѣ* (?) виновнаго разведеннаго супруга вновь вступать въ бракъ, при чемъ ссылается на авторитеты по каноническому праву.

Авторъ этихъ строкъ изучалъ каноническое право давно—на студен-

Великая эпоха реформъ вызвала лучшія силы русскаго общества, которыя и соединились вокругъ Престола великаго Царя. Но этихъ силъ было немного; ихъ дало дворянство,

---

ческой скамьѣ, и хотя интересовался имъ и познакомился со многими весьма уважаемыми руководствами (западной ученой литературы), но не считаетъ себя достаточно компетентнымъ для рѣшенія каноническаго вопроса православной русской церкви. Съ увѣренностью же онъ позволяетъ себѣ утверждать слѣдующее: бракъ гражданскій институтъ, а не церковный; церковь христіанская только освящаетъ бракъ. По ученію каѳолической восточной церкви бракъ есть таинство, но это нисколько не измѣняетъ сущности этого союза, ибо бракъ земное установленіе, а не небесное. Почему православная церковь признаетъ бракъ таинствомъ, мы здѣсь разъяснять не можемъ, но укажемъ на то, что въ бракѣ осуществляется несомнѣнно добродѣтель, любовь, ибо на землѣ не можетъ быть болѣе сильной любви, чѣмъ та, которая соединяетъ супруговъ. Конечно эта любовь не половая похоть, какъ ошибочно полагаетъ г. Розановъ; половая связь служитъ лишь естественнымъ основаніемъ для этой любви, но человѣкъ не животное, и потому отождествлять половую похоть съ чувствомъ, соединяющимъ супруговъ, значитъ совершенно не понимать сущности брачнаго союза.

По своей идеѣ, какъ гражданскій союзъ, бракъ не расторжимъ,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для юриста. Но бракъ имѣетъ нравственное основаніе, на которое мы указали выше, а потому безусловная нерасторжимость брака приводитъ къ противорѣчію. Этимъ и объясняется, почему нѣкоторыя законодательства допускаютъ разводъ.

Какъ же смотритъ на бракъ и разводъ нравственный законъ? Для христіанина отвѣтъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Для г. Розанова, какъ и для многихъ другихъ нашихъ интеллигентовъ, бракъ есть только половая похоть, возведенная въ какой-то плотскій идеалъ. Но Евангеліе и Апостолъ свидѣтельствуютъ намъ иное. Гр. Толстой извратилъ знаменитое мѣсто Евангелія отъ Матѳея, а потому мы позволимъ себѣ привести его здѣсь. Христа *искушали* фарисеи, спрашивая его: позволительно-ли по всякой причинѣ человѣку разводиться съ женою своею? Вотъ Его отвѣтъ: «не читали-ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ (Быт. I, 27) и сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью (Быт. 2, 24)? они уже не двое, но одна плоть. Итакъ, *что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ*».

которое въ громадномъ своемъ большинствѣ было весьма мало образовано, а потому быстро подпало вліянію демократизованнаго мѣщанскаго интеллигентнаго класса, вызваннаго на по-

---

Ясно, что нравственный законъ съ буквальной точностью повторяетъ требованіе соціальнаго закона—права. Вотъ какъ опредѣляетъ пандектное право бракъ: L. 23. 2. „Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio". Такое поразительное совпаденіе опредѣленій нравственнаго закона и права объясняется именно тѣмъ, что нормы брака, какъ гражданскаго института, опредѣляются правомъ, нравственное же его основаніе не можетъ противорѣчить этой нормѣ, а потому велѣніе нравственнаго закона должно совпасть съ велѣніемъ нормы права.

Слова Христа имѣютъ глубочайшее значеніе, хотя въ сущности лишь повторяютъ слова книги Бытія (что тоже знаменательно). Богъ создалъ два пола, а не одинъ полъ, слѣдовательно бракъ обязателенъ для человѣка, какъ неразрывный союзъ. Наука разъяснила намъ, что половое различіе организмовъ и соединеніе ихъ съ цѣлью оплодотворенія—міровой законъ, по крайней мѣрѣ для земли; на этомъ законѣ основана вся эволюція живыхъ существъ; человѣкъ не исключенъ изъ этой эволюціи, и нравственный законъ освящаетъ эту эволюцію („плодитесь и множитесь, и наполняйте землю"). Но человѣкъ не животное, а потому къ нему нравственный законъ предъявляетъ высшее требованіе—бракъ неразрывенъ: „кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе и женится на другой, прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ».

Знатоки каноническаго права отрицаютъ приведенныя слова Евангелія. Пусть отрицаютъ! Апостолъ запретилъ слушать даже Ангеловъ, если они будутъ свидѣтельствовать не то, что стоитъ въ Евангеліи. Каноническое право только право, а не догма вѣры и во всякомъ случаѣ не нравственный законъ. Нравственный законъ запрещаетъ разводъ. И вотъ эта-то строгость брака и поразила учениковъ Христа: „Говорятъ Ему ученики Его: если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться". И Христосъ не отвергъ дѣвства, но отвѣтилъ такъ: „не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ". Нравственный законъ не могъ предписать бракъ, какъ нѣчто обязательное для человѣка, ибо нравственный законъ—абсолютная свобода отъ внѣшняго закона, а бракъ гражданскій институтъ. Слова Христа вновь подтверждаютъ то, что мы высказали выше.

верхность общества, какъ естественное слѣдствіе реформы. Наиболѣе талантливые изъ этого класса, пресловутые „шестидесятники“, стали во главѣ русскаго общественнаго мнѣнія и воспитали тѣ поколѣнія, которыя нынѣ господствуютъ.

Современная печать соединяетъ имена этихъ шестидесятниковъ съ великими дѣяніями великой эпохи реформъ, но это одинъ изъ тѣхъ подвоховъ, къ которымъ постоянно прибѣгаетъ наша интеллигенція. „Шестидесятники“ никакого участія въ великихъ реформахъ не принимали; они занимались все время только свистомъ и учили своихъ питомцевъ тому, какъ слѣдуетъ подъ шумокъ реформъ „поймать таракана“; этого таракана они дѣйствительно поймали. Вокругъ Престола стояли: Милютины, Черкасскіе, Самарины, Соловьевы, Бунге и мн. др.; всѣ эти дѣятели относились къ „шестидесятникамъ“ безусловно отрицательно и вскорѣ подверглись ихъ „свисту“. Вокругъ Престола Царя-Освободителя стояли и представители высшаго дворянства и бюрократіи, враждебные реформѣ, но это были лично преданные

II Апостолъ повторяетъ слова Христа: „вступившимъ въ бракъ не я повелѣваю, а Господь: женѣ не разводиться съ мужемъ (если же разведется, то должна оставаться безбрачною или примириться съ мужемъ своимъ), и мужу не оставлять жены“. Г. Розановъ утверждаетъ, что по словамъ профессоровъ каноническаго права разведенный супругъ можетъ вновь вступить въ бракъ, ибо въ этомъ нѣтъ противорѣчія Св. Писанію, нѣтъ нарушенія каноновъ, подрыва церковной дисциплины и опасности для гражданскаго порядка. О канонахъ и церковной дисциплинѣ ничего не скажемъ, но противорѣчіе Св. Писанію настолько очевидно, что можно только удивляться, какъ могли канонисты утверждать противное.

Государство, установляя нормы брака, обязано руководиться началами права, свойственными институту, а не политикой и при томъ безнравственной. Распущенность нравовъ современной русской интеллигенціи, особенно петербургской—плохое основаніе для нормъ брачнаго союза и семейственнаго права. Менѣе всего желательно разрушать нормы брачнаго союза у насъ, когда крестьянская деревня еще не получила прочной организаціи: разложеніе семейнаго союза будетъ разложеніемъ и крестьянства.

Государю слуги и друзья. Никакого вреда Россіи они не принесли, ибо глубоко вѣрили въ силу Самодержавной Власти и понимали, что эта Власть рѣшила вопросъ безповоротно. Въ словахъ этихъ друзей Царя и постоянныхъ докукахъ было много правды, но Государь зналъ, что время не ждетъ, что крѣпостное право затянулось въ Россіи въ фатальный узелъ и необходимо съ нимъ покончить. Россія до сихъ поръ еще не оцѣнила по достоинству подвигъ великаго своего Государя!

Слава „шестидесятниковъ" весьма печальная слава, и будущій историкъ воздастъ имъ по достоинству. Они развращали русское интеллигентное общество и приготовили тотъ великій позоръ русскаго народа, который не смыть до сего дня. Впрочемъ питомцы шестидесятниковъ и сейчасъ не отказываются отъ этого позорнѣйшаго акта русскаго общества и русской исторіи и чуть-ли не восхваляютъ его!.....

Фатально было то, что русское интеллигентное общество, въ сущности невѣжественное и нравственно неразвитое, не давало энергическаго отпора своимъ злымъ элементамъ, а холопствовало передъ ними: традиціи крѣпостной эпохи были еще слишкомъ сильны! А такъ какъ „тараканъ" былъ пойманъ „шестидесятниками", то это холопство продолжается и нынѣ. Успѣхъ окрыляетъ всякаго, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что уже давно заброшены сѣти поймать другого таракана—огромнаго, міровово. Удастся-ли его поймать?

Если удастся, то великой русской націи не существовать на землѣ: она изгладится, какъ изгладились и многія другія націи въ исторіи человѣчества. „Тараканщикамъ", конечно, это безразлично.

Послѣсловіе.

Авторъ въ настоящемъ своемъ трудѣ не считалъ нужнымъ и возможнымъ скрывать отъ читателя свой пессимизмъ по вопросу, который затрогиваетъ всю жизнь громаднаго большинства населенія нашей великой Имперіи. Весьма возможно, что этотъ пессимистическій взглядъ—результатъ принадлежности автора къ тому классу, идеи и вожделѣнія котораго онъ подвергалъ критикѣ. Русскіе интеллигенты всегда были „нытиками", какъ справедливо отмѣтилъ ученый и талантливый писатель-хозяинъ А. Н. Энгельгардтъ въ своихъ „Письмахъ изъ деревни", и авторъ отъ всей своей души желаетъ, чтобы его взглядъ по данному вопросу оказался ложнымъ. Къ сожалѣнію мрачная картина нашей деревни настолько ясно развернулась передъ глазами автора, когда онъ жилъ въ этой деревнѣ безвыѣздно многіе годы, и такъ единодушно подтверждается со всѣхъ сторонъ, даже со стороны нашихъ „уравнителей", что трудно допустить тутъ одинъ психологическій обманъ. А между тѣмъ выхода изъ этого тяжелаго положенія, повидимому, нѣтъ никакого. Всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи исчезаютъ, ибо каждый день наша печать— органъ русской интеллигенціи — подтверждаетъ пессимизмъ автора. Такъ еще на дняхъ въ одной большой газетѣ была напечатана статья въ защиту обычнаго права крестьянъ, при чемъ дѣлается ссылка на существующее у крестьянъ право наслѣдованія примаковъ. „Нашъ извѣстный цивилистъ К. П.

Побѣдоносцевъ, говорится въ статьѣ, совершенно справедливо утверждаетъ, что наше писанное законодательство, нынѣ дѣйствующее, совершенно устраняетъ отъ завѣщаній всякое понятіе о договорномъ наслѣдованіи“. Завѣщаніе—актъ односторонней воли и можетъ быть произвольно во всякое время уничтожено завѣщателемъ. „Между тѣмъ договорное наслѣдованіе признается крестьянскимъ судомъ и практикуется въ крестьянскомъ быту“ (въ примачествѣ).

Въ правосознаніи человѣчества, при наслѣдованіи, всегда дѣйствовали два начала: личное и семейственное; первое создало завѣщательное право, второе—наслѣдственное въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Оба начала одинаково важны, почему законодательства всегда колебались между ними, отдавая предпочтеніе то одному, то другому правовому началу.

Завѣщаніе не есть только „односторонній актъ“ завѣщателя: договорное начало свойственно и завѣщанію. Наше законодательство признаетъ дарственную запись завѣщаніемъ, если она составлена на случай смерти дарителя; завѣщаніе такой же односторонній актъ какъ и даръ, который мы причисляемъ къ договорнымъ обязательствамъ. Завѣщатель назначаетъ условія, обязательныя для наслѣдника по завѣщанію, но послѣдній можетъ отказаться отъ принятія этихъ условій, отказаться отъ завѣщанія, и завѣщательный актъ дѣлается ничтожнымъ. Странный пріемъ доказывать „отсутствіе“ договорнаго элемента въ завѣщаніи; въ этомъ смыслѣ долговое обязательство тоже одностороннее обязательство, но развѣ заемное обязательство лишено наличности контрагентовъ? Примачество только лишній разъ доказываетъ полную неправомѣрность, господствующую въ нашемъ крестьянствѣ. Примакъ принимается въ семью—дворъ, обыкновенно женится на дочери домохозяина. Сознавая господствующій въ „обществѣ“ произволъ, сознавая отсутствіе семейныхъ началъ въ общинѣ, родители—домохозяева заключаютъ дого-

воры съ примакомъ, чтобы обезпечить себя на старость лѣтъ [1]) и его самого на случай ихъ смерти. Договоръ не можетъ служить основаніемъ семейнаго права—родительской власти, обязанностей дѣтей и ихъ взаимныхъ правъ; слѣдовательно нужно допустить, что „обычай“ отрицаетъ у нашихъ крестьянъ семейственное право, отрицаетъ крестьянство—его сущность. Точно, крѣпостное право отрицало семейное право крестьянъ и этимъ объясняются договоры съ примаками. Г. П. Матвѣевъ не понялъ сущности примачества, какъ русскій интеллигентъ, и нижеслѣдующая фраза прекрасно характеризуетъ его интеллигентную точку зрѣнія: „Кодифицировать крестьянское обычное право весьма трудно: оно находится въ состояніи эволюціи и, какъ все живое, мѣняется“. Могутъ-ли существовать нормы права тамъ, гдѣ „все мѣняется“? Полагаемъ, что не могутъ—ни легальныя, ни обычныя. Г. Матвѣевъ характеризуетъ произволъ, господствующій въ нашей деревнѣ, а не обычное право.

Въ „передовицѣ“ весьма распространенной газеты доказывается возможность изданія одного гражданскаго уложенія для гражданъ Имперіи (т. е. и крестьянъ) слѣдующими соображеніями. „Не нужно забывать, что наше гражданское право, нашъ X томъ не есть „гражданское уложеніе“, а есть „Сводъ законовъ гражданскихъ“, при составленіи котораго „былъ принятъ исключительно нашъ центральный письменный законодательный и судебный матеріалъ“. Почтенная газета признаетъ великимъ счастіемъ, что у насъ еще не существуетъ „гражданскаго уложенія“, ибо это даетъ возможность включить въ будущее уложеніе особыя правоотношенія крестьянъ. „Если мы обратимся къ книгѣ II-й 1 ч. X тома, мы сейчасъ же встрѣтимся съ особыми условіями пользованія имѣніями родовыми, заповѣдными и маіоратными въ отличіе отъ

[1]) Извѣстно, какъ обращаются наши «общинники“ съ своими престарѣлыми родителями: выгоняютъ ихъ на улицу!

имуществъ благопріобрѣтенныхъ". На томъ же самомъ основаніи, по мнѣнію газеты, могутъ быть изложены особыя правоотношенія крестьянъ въ уложеніи.

Конечно могутъ, и мы знаемъ, что кодификаторы гражданскаго уложенія ихъ и включили, создавъ своеобразный институтъ „надѣльной крестьянской земли". Развѣ вопросъ идетъ о томъ, включать или не включать особыя правоотношенія крестьянъ въ Уложеніе? Въ IX т. Св. зак. изд. 1857 г. были помѣщены „правоотношенія" крѣпостныхъ къ своимъ господамъ и никто не станетъ утверждать, что „крѣпостные были исключены изъ правового строя Россійской Имперіи". Но, вѣроятно, и почтенная редакція газеты признаетъ, что крѣпостные были не субъектами, а объектами права. Довольно странная аргументація: стоитъ только помѣстить придуманныя нашей интеллигенціей правила и „законы" о надѣльной крестьянской землѣ и пр.—и крестьяне пріобщены къ гражданскому строю и обороту. Но развѣ вопросъ заключается лишь въ пріобщеніи ихъ къ гражданскому строю и обороту, а не въ томъ, *какъ* пріобщаются къ тому и другому крестьяне: какъ полноправные граждане или какъ тяглецы—межеумки между правомъ и безправіемъ?

Почтенная газета заявляетъ, что никто не рѣшится утверждать, „что владѣльцы маіоратныхъ, заповѣдныхъ и т. п. имѣній исключены изъ *общаго* судебнаго и правового строя страны". Какъ никто? Мы—первые и будемъ усиленно доказывать, что это такъ. Въ сущности всѣ постановленія о подобныхъ имуществахъ составляютъ предметъ не гражданскаго права, а политики; они имѣютъ значеніе не гражданскихъ нормъ, а общественныхъ. Но владѣльцы этихъ имѣній все-таки субъекты правъ, а мнимые владѣльцы „надѣльной" земли вовсе не субъекты вещныхъ правъ и самое „владѣніе" ихъ лишено всякаго титула, ибо имѣетъ чисто прекарный характеръ. Вотъ почему владѣльцы маіоратовъ и пр.

могутъ защищать свои права судомъ, а крестьяне не могутъ,— ихъ защищаетъ административная власть, которой они подчинены.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда постороннія лица предъявляютъ иски къ сельскимъ обществамъ или отдѣльнымъ общинникамъ, суды путаются и постановляютъ самыя невозможныя рѣшенія; мы могли бы привести массу яркихъ примѣровъ подобнаго „безсудія".

Еще милѣе доводы г. Аничкова въ № 10206 „Новаго Времени". Г. Аничковъ приводитъ мнѣніе Редакціонной Комиссіи, будто крестьянская семья не кровная, не союзъ родителей съ дѣтьми, а „трудовая", основанная на „трудовомъ началѣ".

Это мнѣніе Редакціонной Комиссіи повторяетъ слова тенденціозныхъ изслѣдователей—коллективистовъ, не юристовъ. Напротивъ, изслѣдователи—юристы, какъ профессоръ Пахманъ и др., утверждаютъ, что основаніемъ крестьянской семьи служатъ принципы власти и родства; семья есть союзъ родителей и дѣтей и прекращается смертью отца; „личный трудъ, самъ по себѣ, никому не даетъ права на имущество" двора. Почему г. Аничковъ принялъ на вѣру свидѣтельство однихъ изслѣдователей и откидываетъ свидѣтельство другихъ? Наши многолѣтнія личныя наблюденія подтверждаютъ слова профессора Пахмана и безусловно опровергаютъ мнѣніе гг. Якушкина, Ефименко и др. Кто правъ? Такъ какъ наши наблюденія и изслѣдованія профессора Пахмана безусловно согласуются съ общечеловѣческимъ правосознаніемъ семьи, то думаемъ, что правы мы, ибо крестьяне тоже люди, хотя до сихъ поръ находятся на тягольномъ положеніи. Да и факты, на которые ссылаются изслѣдователи-коллективисты, вовсе не подтверждаютъ ихъ выводовъ. Если крестьянинъ заключаетъ письменный договоръ съ примакомъ, то взаимныя права и обязательства контрагентовъ не семейственныя, а

ныя, слѣдовательно связывать семейныя отношенія крестьянъ съ трудовыми нѣтъ никакого основанія.

„Идеалъ права по понятіямъ крестьянина“ не „воздавать каждому должное“—это римскій идеалъ (!), а „чтобы никому не было обидно“ [1]). Скажите! Но вѣдь люди бываютъ очень обидчивые и менѣе обидчивые: неужели очень обидчивые всегда правы, а менѣе обидчивые всегда виноваты? Слова Оршанскаго лучше всего свидѣтельствуютъ, что онъ вовсе не понималъ значенія той категоріи долженствованія, кототорое носитъ названіе права. „Воздавать каждому должное“ характеризуетъ не римское право, а всякое правосознаніе; другого правосознанія нѣтъ и быть не можетъ, а потому и русскій народъ въ своемъ обычномъ правѣ всегда выражалъ именно это требованіе внѣшнаго „долженства“; даже тягольное „долженство“ онъ всѣми силами старался подвести подъ эту категорію, т. е. старался воздавать каждому тягольщику должное. Если изслѣдователи народной жизни этого не замѣтили, то только потому, что они приступали къ своимъ изслѣдованіямъ съ предвзятой идеей и желали ее навязать народу, надѣли искусственные очки и видѣли чрезъ нихъ не то, что есть въ дѣйствительности.

Вотъ въ этомъ-то и заключается главное зло: наша интеллигенція не изъ народа, хотя постоянно идетъ въ народъ (лучше бы не ходила), чтобы навязывать ему свои тенденціозныя идеи. У культурныхъ націй интеллигенція тѣсно связана съ производителями—она цвѣтъ общества и націи, но у насъ не такъ. Русская интеллигенція ненавидитъ производителей во всѣхъ классахъ: крестьянина-производителя она называетъ кулакомъ, промышленника—гнуснымъ эксплоататоромъ и т. п. Къ крестьянину она относится благосклонно лишь до тѣхъ поръ, пока онъ „кормится“ и никакихъ цѣнностей не создаетъ; по ея мнѣнію, ему должна быть предоставлена лишь

[1]) г. Аничковъ приводитъ слова г. Оршанскаго.

„кормовая площадь“. Вотъ что мы прочли въ одномъ почтенномъ журналѣ: Особое Совѣщаніе пригласило гг. профессоровъ Чупрова, Постникова, Мануилова и Петражицкаго для обсужденія вопроса объ арендахъ (внѣнадѣльныхъ). Гг. Чупровъ, Постниковъ и Мануиловъ—ученые экономисты съ извѣстнымъ направленіемъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Особое Совѣщаніе услышало отъ нихъ старую музыку о кормовой площади, вынужденной арендѣ, недостаткѣ выгоновъ, сѣнокосовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и пр., пр. Профессоръ Петражицкій [1])—ученый юристъ, а потому, по словамъ почтеннаго журнала, отнесся иначе къ вопросу. „Вѣстникъ Европы“ требуетъ, чтобы законодательство вмѣшалось въ условія крестьянской аренды и, между прочимъ, установило правило, въ силу котораго собственникъ обязанъ былъ бы возобновлять договоръ аренды, напримѣръ, на три года, а въ случаѣ отказа—платить съемщику вознагражденіе. Читатель нашего труда изъ главы, посвященной крестьянской арендѣ, могъ убѣдиться, какъ практичны мѣропріятія, предложенныя профессоромъ Мануиловымъ и редакціей „Вѣстника Европы“.

Ученые профессора - коллективисты предлагаютъ правительству осуществить особый идеалъ для русскаго крестьянства—создать ему „кормовую площадь“. Кормовая площадь не даетъ никакихъ остатковъ, запасовъ, не даетъ никакого дохода—она только кормитъ крестьянина. Но и возможность кормленія, при кормовой площади, зависитъ отъ Божьей благодати. Спрашивается: какъ быть, если Богъ откажетъ въ своей милости? Неужели 80 милліоновъ русскихъ крестьянъ должны будутъ помирать съ голоду? Нужно предположить, что когда

[1]) Г. Петражицкій извѣстенъ своими трудами не только въ Россіи, но въ ученомъ мірѣ Западной Европы. Мы не раздѣляемъ многихъ основныхъ воззрѣній ученаго юриста—профессора, но, разумѣется, отдаемъ должное и его таланту и его учености.

всецѣло осуществится „кормовая площадь“, то индустрія закроетъ свои „лавочки“ и во всякомъ случаѣ будетъ влачить жалкое существованіе. Мы отрицаемъ даже возможность существованія государства—націи при подобныхъ мнимо-экономическихъ условіяхъ. Ученые экономисты или не договорили своей мысли, или сами не знали, что говорили въ Особомъ Совѣщаніи.

Теоретически гг. Чупровъ, Постниковъ и Мануиловъ правы: общинное землепользованіе дѣйствительно создаетъ только кормовую площадь, разумѣется до поры и времени, пока земля не выпахана. Внѣнадѣльная аренда служитъ подспорьемъ, когда общинная территорія уже выпахана [1]). И если бы въ дѣйствительной жизни происходило то, что утверждали упомянутые гг. профессора, то нашему крестьянству уже теперь грозила бы голодная смерть. Но мы знаемъ, что на дѣлѣ это не такъ, ибо арендуютъ богатые, зажиточные крестьяне, а не бѣдные, и потому осуществляютъ не „кормовую площадь“, а „предпринимательскую“, получаютъ и ренту, и заработанную плату, и прибыль. Что это именно такъ, свидѣтельствуетъ и г. Карышевъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о внѣнадѣльной крестьянской арендѣ: почему же ученые профессора умолчали объ этомъ въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія? Не слѣдовало этого дѣлать.

Мы совершенно присоединяемся къ мнѣнію профессора Петражицкаго и уже высказали нашъ взглядъ по данному вопросу. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе по поводу предложеннаго имъ установленія раціональныхъ правилъ о возмѣщеніи издержекъ, понесенныхъ арендаторомъ для приведенія имѣнія въ надлежащее состояніе. Мы думаемъ, что установить подобныя правила у насъ невозможно, да едва-ли

1) Вотъ почему аренда выше всѣхъ платежей крестьянъ, а вовсе не потому, что она ставитъ „монопольныя“ цѣны, какъ неправильно умозаключилъ «Вѣстникъ Европы».

и нужно, такъ какъ арендаторъ можетъ обусловить самъ свое вознагражденіе въ арендномъ договорѣ. Если же этого не было сдѣлано, а между тѣмъ окажется, что арендаторъ, болѣе или менѣе, увеличилъ цѣнность имѣнія, то именно тотъ принципъ права, о которомъ такъ легкомысленно разсуждалъ г. Аничковъ, требуетъ, чтобы убытки арендатора были возмѣщены, ибо никто не долженъ обогащаться на чужой счетъ. Опредѣлить же убытки арендатора и выгоды собственника лежитъ на обязанности суда. Обыкновенно ссылаются на трудность доказать то и другое въ состязательномъ процессѣ, но никакое законодательство тутъ не поможетъ, и правильно поставленная магистратура всегда сумѣетъ справиться съ этой задачей.

„Кормовая площадь"! таковъ идеалъ нашей интеллигенціи для русскаго народа. Само собою разумѣется, что для себя она требуетъ немного больше „кормовой площади". Она требуетъ, чтобы государство учило ея дѣтей грамотѣ и наукамъ, но не требуетъ, чтобы дѣти ея учились. Ей желательны лишь „ярлыки" для своихъ дѣтей, дающіе имъ права привиллегированнаго мандарината. И наши дѣти прекрасно это себѣ усвоили. Они не учатся, а занимаются пріятнымъ времяпровожденіемъ, начиная со старшихъ классовъ гимназій и кончая университетами. Къ сожалѣнію суровая жизнь ставитъ нынѣ тяжелыя условія интеллигенціи. Конкурренція растетъ, особенно между большими націями, и государство, волей-неволей, обязано предъявить громадныя требованія какъ къ производителямъ, такъ и къ классамъ либеральныхъ профессій. Оно требуетъ отъ нихъ знаній, таланта, энергіи и дисциплины воли; послѣдняя въ особенности нынѣ необходима, наша-же интеллигенція воспитывается при отсутствіи всякой дисциплины, какъ семейной, такъ и школьной и научной. Напротивъ идеалъ босяцкой распущенности, декаденства и полнѣйшаго безволія признается качествами миѳическаго

сверхчеловѣка. Но такъ какъ землѣ нужны люди, а не сверхчеловѣки, притомъ невѣжественные и слабовольные, то нація, такъ воспитывающая своихъ дѣтей, будетъ выкинута изъ союза народовъ и имя ея изгладится въ исторіи человѣчества [1]).

---

[1]) Наша интеллигенція требуетъ демократизаціи и „уравненія“ имущества и вообще экономической энергіи субъектовъ, знанія и нравственности—все и вся должны быть подстригнуты подъ одинъ ранжиръ, при чемъ „уравненіе“ должно происходить не возвышеніемъ низшихъ слоевъ на высшую ступень, а пониженіемъ достигшихъ высшей ступени на низшую. И подобная фатальная демократизація проводится послѣдовательно. Энергичные должны уступать свое мѣсто слабымъ, трудолюбивые отдавать свое достояніе лѣнивымъ; умные и талантливые должны глупѣть и подавлять свой талантъ; свѣдущіе и дѣльные превращаться въ невѣждъ и бездѣльниковъ; нравственные люди поступаться своими идеалами въ пользу безнравственныхъ. Въ результатѣ получилось, что слабые, бездѣльники, невѣжды и безнравственные предъявили свои „права“ на слабость, бездѣльничаніе, невѣжество и безнравственность и даже гордятся этими своими качествами, громко протестуя противъ „насилія“ общества, не желающаго и не умѣющаго уравнять путь для нхъ безпутной жизни.

Мы видѣли, какой „подвохъ“ учинила наша интеллигенція въ нашемъ семейственномъ институтѣ, желая „оправдать“ свою безнравственную жизнь. Г. Розановъ напечаталъ во всеобщее свѣдѣніе злобный крикъ женщины, получившей удостовѣреніе отъ духовнаго вѣдомства въ томъ, что она дѣвушка и родила незаконнаго ребенка. Г. Розановъ лучше бы сдѣлалъ, если бы не печаталъ письма несчастной женщины. Неужели слѣдовало довести до всеобщаго свѣдѣнія ея крикливый протестъ? Эта несчастная жалуется на то, что она дѣвушка и родила ребенка внѣ брака, слѣдовательно незаконнаго. Развѣ свидѣтельство ее позоритъ, а не самый фактъ? Несчастная требуетъ, чтобы черное назвали бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Мы уже высказались по этому вопросу. Никто не вправѣ судить нравственность другихъ, и общество поступило бы безстыдно, если бы чѣмъ-либо выразило свое осужденіе, ибо оно не знаетъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ случилось событіе и не можетъ судить сердца человѣческаго. Но общество не только вправѣ, но и обязано уважать бракъ и семейство, какъ соціальные институты, а потому обязано называть внѣбрачныя половыя

Заслужилъ-ли русскій народъ такую участь послѣ тысячалѣтней исторіи и всѣхъ совершенныхъ имъ великихъ подвиговъ? Мы не думаемъ. Но много, много понесетъ онъ бѣдствій, искупая грѣхи своей интеллигенціи.

связи и внѣбрачныя рожденія своимъ именемъ—незаконной связью и незаконнымъ рожденіемъ.—Лицемѣріемъ мы горю не поможемъ.

Наша ученая Академія тоже приступила къ демократизаціи знанія весьма своеобразнымъ пріемомъ. Усматривая трудности русской орѳографіи, она рѣшила измѣнить ее въ пользу безграмотныхъ. Пусть всѣ пишутъ безграмотно! Ученыхъ соображеній академиковъ мы не будемъ здѣсь разбирать, тѣмъ болѣе, что мы ихъ толкомъ не знаемъ. Если не ошибаемся, Академія желаетъ измѣнить нашу орѳографію въ сторону фонетики—пиши, какъ говоришь. Но вѣдь о звукахъ такъ же трудно судить, какъ и о вкусахъ; музыкальное ухо слышитъ детонацію и фальшь, а немузыкальное ихъ не слышитъ. Ученые лингвисты могутъ утверждать, что мы, напримѣръ, акаемъ въ словѣ отецъ, но иные слышатъ въ этомъ словѣ ни *а* и ни *о*, а нѣчто среднее между этими звуками, а уроженцы Малороссійскихъ губерній вѣроятно совершенно ясно слышатъ *о*. Нужна или ненужна буква *ъ*? Фактъ тотъ, что она играетъ роль въ опредѣленіи рода и склоненій, слѣдовательно въ грамматикѣ. А какъ писать слова „разъяснять", „изъянъ" и т. п. Ученые уши лингвистовъ слышатъ здѣсь „разьяснять", изьянъ", но мы слышимъ иначе. Сдѣлаемъ одно замѣчаніе: мы дорожимъ всякой исторической ветошью, а не желаемъ беречь азбуки своего языка, не желаемъ сохранять то, что служитъ живою связью съ нашимъ прошлымъ. Хорошо-ли это? Но важенъ тутъ самый пріемъ академическаго „начальства": оно желаетъ заставить насъ измѣнить нашу орѳографію приказами по вѣдомству Министерства Просвѣщенія. Думаемъ, что Академія занялась пустымъ дѣломъ и даже вреднымъ, ибо вовсе не желательно путать въ школахъ нашихъ дѣтей. Академія реформой орѳографіи желаетъ облегчить обученіе грамотѣ, но мы думаемъ, что это цѣль ложная даже съ педагогической точки зрѣнія. Разумная педагогика должна постепенно пріучать дѣтей къ умственной работѣ въ процессѣ изученія того или другого предмета. Если предметъ трудный, то умный педагогъ удлинитъ время изученія его и настойчивой постепенностью добивается своей цѣли. Мы же въ низшихъ и среднихъ школахъ стараемся какъ можно болѣе напичкать „знаній" въ головы учениковъ, дѣйствительно переутомляя ихъ мозги совершенно безцѣльно, ибо научнаго въ этихъ „знаніяхъ" обыкновенно очень мало, прак-

Намъ не извѣстенъ проектъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; мы можемъ судить о немъ лишь по введенію, напечатанному въ газетахъ. Въ этомъ введеніи крестьянство разсматривается какъ государственное сословіе, слѣдовательно весь проектъ строится на ложномъ основаніи. Съ 19 февраля 1861 г. сословій въ русскомъ Державномъ союзѣ не существуетъ, а имѣются лишь общественные (соціально-экономическіе) классы. Крестьянство, какъ мы уже неоднократно разъясняли, классъ мелкихъ собственниковъ—земледѣльцевъ, домохозяевъ семейнаго очага. Поэтому въ основѣ крестьянства лежатъ земельная собственность и семья. Эти два института требуютъ твердаго правопорядка въ государствѣ и личной и имущественной свободы. Послѣднія два условія важны въ особенности для крестьянства какъ особой экономической категоріи, способной на высшую интенсификацію земледѣлія, или, иначе говоря, на высшую производительность, какую только можетъ достигнуть сельское хозяйство при данной культурѣ страны. Великая важность крестьянства для государства съ этой точки зрѣнія бросается въ глаза; но высокая культура возможна лишь при полной личной и имуществен-

---

тическаго тоже. Въ техническихъ же спеціальныхъ школахъ мы дѣйствуемъ какъ разъ наоборотъ: даемъ „общее" образованіе ученикамъ, почему, выходя изъ школы, они совершенно не пригодны къ жизни, къ практическимъ занятіямъ. Не слѣдовало ли поступать какъ разъ наоборотъ, давая въ спеціальныхъ школахъ лишь практическія знанія нагляднымъ изученіемъ предметовъ, а въ общихъ—сосредоточивая свое вниманіе на постепенномъ развитіи молодыхъ людей, пріучая ихъ къ самостоятельному серьезному научному труду въ университетахъ? Мы здѣсь не касаемся вопроса, слѣдуетъ ли изучать классическіе языки въ гимназіяхъ или нѣтъ, такъ какъ это заведетъ насъ слишкомъ далеко. Мы только удостовѣряемъ, что въ нашихъ мужскихъ гимназіяхъ ученики такъ же мало учатся классическимъ языкамъ, какъ въ женскихъ гимназіяхъ и реальныхъ естественнымъ наукамъ и другимъ предметамъ, и настаиваемъ на томъ, что для среднихъ школъ, общихъ, а не спеціальныхъ, важно не то, чему учить, а *какъ* учить.

ной свободѣ, а такъ какъ крестьянство вездѣ отличается замѣчательнымъ консерватизмомъ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія опасаться, что оно злоупотребитъ предоставленной ему свободой; консерватизмъ же крестьянства коренится именно въ его семейномъ началѣ. Ясно, что вносить „трудовой“ соціалистическій принципъ въ наше крестьянство—чистѣйшее зло, ибо это начало прямо разлагаетъ крестьянство, какъ семейный очагъ, и можно только удивляться, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ могло положить этотъ ложный принципъ въ основаніе своего проекта.

Крестьяне, при крѣпостномъ правѣ, жили внѣ гражданскаго оборота, слѣдовательно никакихъ правомѣрныхъ „обычаевъ“ выработать не могли. По отношенію къ землѣ, они руководились воззрѣніями исключительно крѣпостными, смотря на нее именно съ точки зрѣнія „кормовой площади“; но это былъ взглядъ не крестьянскій, а барскій—вотчинный. Того же взгляда на крестьянскую землю, какъ мы видѣли, придерживаются нынѣ интеллигенція и правительство: интеллигенція—съ точки зрѣнія соціалистическихъ вожделѣній, правительство—съ точки зрѣнія вотчинно-крѣпостной-тягловой. Оба воззрѣнія ложны въ самомъ своемъ основаніи. Мы не можемъ здѣсь подвергать подробной критикѣ идеи соціализма, а потому укажемъ лишь на главную, принципіальную его ошибку. Соціализмъ смотритъ на природу (землю) и капиталъ какъ на вещи, независимо отъ дѣятельности экономическаго субъекта; въ дѣйствительности же природа и капиталъ ничто иное, какъ хозяйственныя дѣятельности владѣльца и капиталиста. Да, конечно, общество и государство тоже могутъ быть владѣльцами и капиталистами, но тогда они вступаютъ, какъ дѣятели, въ гражданскій оборотъ на общемъ основаніи. Соціалисты ничѣмъ не доказали возможности иного порядка вещей, ничѣмъ не доказали того факта, чтобы цѣнности когда-либо могли создаваться помимо хозяй-

ственныхъ субъектовъ—людей. И если въ хозяйственный оборотъ вступаютъ учрежденія, то въ силу тѣхъ же самыхъ гражданскихъ правоотношеній, какъ и частныя лица, и другихъ правоотношеній не можетъ и быть [1]).

Общество и государство создаютъ только конъюнктуры, къ которымъ хозяйственные субъекты приспособляются, цѣнностей общество и государство создать не могутъ. Только въ международномъ союзѣ, на международномъ рынкѣ государство является хозяйственнымъ полноправнымъ субъектомъ; территоріальное право получаетъ вещный характеръ гражданскихъ правоотношеній, но это только подтверждаетъ сказанное нами выше. Конъюнктуры не создаютъ цѣнностей, какъ ложно утверждаетъ профессоръ А. Вагнеръ. Такъ какъ это ложное воззрѣніе распространено въ нашей интеллигенціи какъ безспорная истина, то мы считаемъ не лишнимъ освѣтить здѣсь этотъ вопросъ самымъ обыденнымъ примѣромъ.

Въ захудаломъ городкѣ я владѣю недвижимой собственностью въ 15.000 руб. Вдругъ экономическія условія городка измѣняются: онъ дѣлается центромъ желѣзнодорожной сѣти; стоимость недвижимыхъ имуществъ невѣроятно возрастаетъ и мое владѣніе оцѣнивается не въ 15.000 р., а въ 150.000 р. Соціалисты каѳедры, а за ними наши пропагандаторы соціалистическихъ идей (въ журналахъ и т. п.), утверждаютъ, что я не заслуженно „обогатился“ на 135.000 р., а потому общество и государство, создавшія мнѣ это богатство, имѣютъ право меня ограбить, присвоивъ въ свою пользу 135.000 р. изъ моего владѣнія. На самомъ же дѣлѣ я богаче отъ конъюнктуры не сталъ. Цѣнность моего имѣнія въ 15.000 р. составляла, положимъ, $^1/_{1000}$ всего городского земельнаго фонда; при измѣнившейся конъюнктурѣ, цѣнность этого фонда поднялась въ десять разъ, а потому мои прежнія 15.000 р. стоятъ

---

[1]) Это признаютъ и соціалисты каѳедры, напр., А. Вагнеръ.

150.000 р.; больше для меня ничего не измѣнилось. Вотъ почему домовладѣльцы столицъ нисколько не „обогатились“ за послѣднее столѣтіе, ибо получаютъ приблизительно тѣ же 5% за свой земельный фондъ, какъ и сто лѣтъ тому назадъ. Намъ возразятъ, конечно, что за сто лѣтъ въ дома столицъ вложены громадные капиталы, приносящіе нынѣ обычный рыночный процентъ. Совершенно вѣрно, но домовладѣльцы иначе поступить и не могли. Въ захудаломъ городишкѣ, владѣя недвижимымъ имуществомъ въ 15.000 р., я считался среднимъ по достатку владѣльцемъ. Измѣнившаяся конъюнктура обязывала меня или вложить 135.000 р. въ мой земельный фондъ, или продать его. Если я получу 15.000 р. за имущество, которое нынѣ стоитъ 150.000 р., я—нищій, а прежде я пользовался среднимъ достаткомъ; я вовсе не „обогатился“ отъ измѣнившейся конъюнктуры, уже не говоря о томъ, что, продавая мою собственность, я теряю много безцѣннаго, не подлежащаго рыночной оцѣнкѣ [1]).

Съ измѣнившейся конъюнктурой измѣняются и обязанности, хлопоты и тяготы владѣльцевъ; онѣ растутъ по мѣрѣ увеличенія стоимости имуществъ. На эту сторону вопроса соціалисты каѳедры не потрудились обратить вниманіе. Благопріятная конъюнктура увеличиваетъ стоимость соціальнаго капитала, но экономическіе субъекты теряютъ или выгадываютъ отъ конъюнктуры, смотря по тому, какъ они приспособляются къ ней; все здѣсь зависитъ отъ личной ихъ энергіи.

Поэтому нѣтъ ничего вреднѣе, нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ подавлять энергію хозяйственныхъ субъектовъ, измѣняя конъюнктуру, ибо только полная экономическая свобода можетъ тутъ возстановить нарушенное равновѣсіе. Государство повинно въ гибели у насъ помѣщичьихъ хозяйствъ;

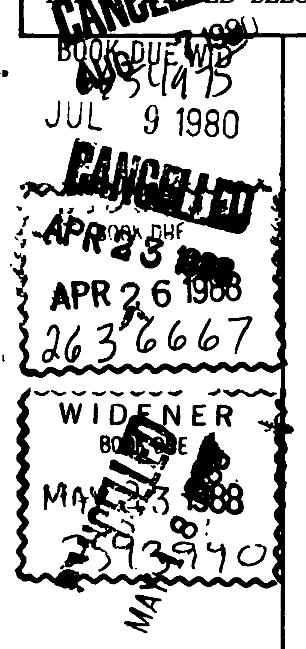
---

[1]) Я, мои родители, дѣды и прадѣды родились и жили въ родовомъ гнѣздѣ; измѣнившіяся условія заставили меня разстаться съ нимъ.

измѣнивъ конъюнктуру крѣпостного права въ пользу свободы, оно связало бывшій крѣпостной трудъ искусственно и неправомѣрно и такимъ образомъ лишило помѣщиковъ-владѣльцевъ необходимаго фактора производства—труда и вмѣстѣ съ тѣмъ положило развитію крестьянства непреодолимыя преграды.

Все это отразилось и на нашей обработывавшей промышленности. Рабочіе нашей индустріи вообще плохи, работаютъ непроизводительно; совершенно естественно, что индустрія нуждается въ поддержкѣ высокими ввозными пошлинами. Еще хуже отразилась система государственнаго „кормленія" на интеллигенцію. Лишенная возможности производительно прилагать свой трудъ, она стремится въ бюрократію и земство—къ либеральнымъ профессіямъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если нынѣ она образуетъ своеобразный классъ, враждебно настроенный противъ производителей, смотря на нихъ какъ на субстратъ для проведенія своихъ соціальныхъ тенденцій. Однимъ словомъ, русская интеллигенція образовала опричину въ русскомъ государственномъ союзѣ, не имѣющую никакой почвы и прямо враждебно настроенную существующему порядку вещей.

Надежды на измѣненіе этого ненормальнаго порядка вещей въ нашемъ государствѣ, какъ мы показали, весьма мало.


CANCELLED
BOOK DUE WID
JUL 9 1980
CANCELLED
BOOK DUE
APR 23 1988
APR 26 1988
2636667
WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
2593940